

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Ф.ЭНГЕЛЬС

БИОГРАФИЯ

Ф. ЭНГЕЛЬС
Биография

F. Engels

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ФРИДРИХ
ЭНГЕЛЬС
Биография

Издание второе

Москва • 1977

ЗК16
Э63

Авторский коллектив:

Л. Ф. Ильичев (руководитель),

Е. П. Кандель,

Н. Ю. Колпинский,

А. И. Малыш,

Г. Д. Обичкин,

В. В. Плагковский,

Е. А. Степанова,

Б. Г. Таргаковский

Э $\frac{10103-072}{079(02)-77}$ БЗ-75-1-76

ВВЕДЕНИЕ

Фридрих Энгельс, друг и ближайший соратник Карла Маркса, один из основателей научного коммунизма, принадлежит к самым выдающимся ученым и революционным деятелям в истории человечества. Трудно назвать такую отрасль науки об обществе, которая не была бы связана с именем Энгельса.

«Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его,— говорил Ленин,— не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса»¹.

Теоретическая и практическая революционная деятельность Энгельса началась в годы, когда в Западной Европе назревали буржуазно-демократические революции. Однако уже к этому времени буржуазия перестала быть революционным классом и становилась политически реакционной силой. Первые самостоя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 93.

тельные выступления пролетариата показали, что на исторической арене вышел новый революционный класс.

Рабочее движение было в значительной мере стихийным, неорганизованным, не имело ясной цели. Пролетариат не осознавал еще своих классовых интересов. Различные учения утопического социализма существовали в отрыве от практической борьбы рабочего класса. Резко критикуя и обличая пороки капитализма, социалисты-утописты не понимали движущих сил общественного развития, пролетариат казался им лишь страдающей массой обездоленных, эксплуатируемых людей, неспособных самостоятельно освободиться от гнета и эксплуатации.

Чтобы понять действительную роль классовой борьбы, найти реальные пути к социалистическому строю, надо было открыть закономерности, которым подчиняется развитие общества, найти ту силу, которая способна уничтожить эксплуатацию и установить действительное, реальное равенство.

Но чтобы выполнить эту сложнейшую задачу, которая к скорым годам XIX века была выдвинута всем ходом исторического развития, чтобы обосновать значение классовой борьбы пролетариата в современном обществе, недостаточно было одного страстного желания помочь рабочему классу. Этого нельзя было добиться в тиши кабинета, на основе одних лишь теоретических выкладок и логических доказательств. Такая задача была под силу только людям, которые сами являлись активными участниками освободительной борьбы и в то же время обладали научным методом, позволявшим выявить и определить объективные законы развития общества, место и роль различных классов в поступательном движении истории. Такими людьми были Маркс и Энгельс. Они использовали достижения человеческой мысли в области общественных наук, которые нашли свое воплощение прежде всего в классической немецкой философии, английской политической экономии, французском социализме. Маркс и Энгельс совершили революционный переворот в науках об обществе, создали новое мировоззрение — диалектический и исторический материализм, теоретическую основу освободительной борьбы пролетариата. Они оба, независимо друг от друга, пришли к выводу о всемирно-исторической роли рабочего класса. В обосновании этого вывода Энгельсу принадлежит выдающееся место.

«Энгельс, — отмечал В. И. Ленин, — *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда си-

лой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего класса»¹.

В течение сорока лет Энгельс в полном духовном единстве с Марксом разрабатывал научную социалистическую теорию, организовывал, просвещал передовые отряды рабочего класса.

Ряд основных произведений научного коммунизма написал Марксом и Энгельсом совместно. Многие исследования Энгельса являются развитием идей, которые родились в процессе его постоянного общения с Марксом. Со своей стороны, Маркс опирался на разнообразную помощь и знания Энгельса, работая над «Капиталом» и другими произведениями. Маркс чрезвычайно высоко ценил энциклопедические знания Энгельса, его поразительную память, широту кругозора, многогранность интеллектуальных интересов. Особенно плодотворно Энгельс занимался проблемами истории, философии, естествознания, военного дела, стратегии и тактики классовой борьбы.

Очень много сделал Энгельс для разработки диалектического и исторического материализма. Его перу принадлежат классические труды, в которых впервые в систематической форме изложены важнейшие положения марксистской философии.

Энгельс впервые применил материалистическую диалектику к познанию закономерностей природы. Обобщая новейшие данные естествознания, он раскрыл их подлинное значение и глубокий философский смысл, доказал, что диалектический материализм является методологической основой и общественных наук и наук о природе. Энгельс предвосхитил важнейшие направления дальнейшего развития естествознания и научно-технического прогресса. Он предсказывал, что новые поколения станут свидетелями особенно значительных научных достижений на стыках различных научных дисциплин — физики и химии, химии и биологии и т. д. Современное естествознание в основном и главным подтвердило выводы и прогнозы Энгельса.

Исключительно велика роль Энгельса в развитии исторической науки. Вместе с Марксом он положил начало марксистской историографии, оставил неизгладимый след как в разработке методологии исторических исследований, так и в изучении конкретной истории разных стран и эпох.

Энгельс — первый военный теоретик рабочего класса и виднейший историк военного искусства. Он дал материалистическое объяснение происхождения и сущности войн на различных этапах истории человечества, показал зависимость военного дела от уровня производительных сил и характера общественных отношений.

Не преклоняясь перед догмой, выступая против абсолютизации положений, однажды достигнутых наукой, Энгельс неустан-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

но развивал революционную теорию. Настойчиво подчеркивая необходимость всестороннего изучения нового исторического опыта, учета всех изменений в общественной жизни, Энгельс сам был всегда живым примером ученого, находящегося в постоянном поиске, постоянно всматривающегося в окружающую жизнь. Он решительно осуждал попытки догматизировать свое и Маркса учение, превратить это учение в совокупность застывших неизменных формул. Он последовательно боролся с теми, кто игнорировал реальный научный прогресс, новые условия и общественные потребности. Энгельс имел мужество пересматривать в необходимых случаях и собственные теоретические положения, если появлялись новые факты, изменялась обстановка и жизнь ставила новые проблемы.

Поистине огромен тот вклад, который Энгельс внес в сокровищницу научного коммунизма уже после Маркса, в 80—90-х годах.

Свою кипучую энергию, светлый ум и горячее сердце Энгельс, подобно Марксу, поставил на службу великой цели революционного преобразования мира, на службу пролетарской партии, созданию и укреплению которой он отдавал все свои силы. Выходец из буржуазной среды, он без колебаний порвал со своим классом и стал пламенным и отважным борцом за дело пролетариата.

Беззаветная храбрость и исключительное тактическое чутье, умение ориентироваться в быстро меняющейся ситуации, знание конкретных особенностей обстановки в различных странах выдвинули Энгельса в число самых выдающихся революционеров, сделали его, наряду с Марксом, признанным и любимым вождем международного рабочего движения.

Ярко развернулся талант Энгельса как революционного стратега и тактика во время революций 1848—1849 гг., в период деятельности I Интернационала и Парижской Коммуны. Вместе с Марксом он вел страстную непримиримую борьбу за единство рядов Интернационала, против реформистских и сектантских направлений (прудонистов, лассальянцев, тред-юнионистов, бакунистов), решительно разоблачал заговорщические тенденции и раскольнические действия, прикрываемые крикливой «левой» фразой, отстаивал великие непреходящие революционные принципы последовательной классовой политики и пролетарского интернационализма.

Как и Маркс, Энгельс стоял у колыбели германской социал-демократии, с самого начала в основном воспринявшей революционные принципы марксизма. Он постоянно был в курсе ее дел, оказывал огромное влияние на ее деятельность, направлял ее печать, поддерживал близкие отношения с ее революционными лидерами, вел бескомпромиссную борьбу против правого и «левого» оппортунизма в ее рядах. Неоценимую помощь получали

от Энгельса социалисты Франции, Австрии, Венгрии, Англии, Польши, Испании, Италии, России, Румынии, Болгарии, Голландии и других стран. «Все они,— отмечал В. И. Ленин,— черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»¹. Для идейной победы марксизма в международном рабочем движении деятельность Энгельса имела огромное значение.

Энгельс был крупным знатоком России, ее истории, экономики, культуры, общественной мысли. Дружеские узы связывали его с несколькими поколениями русских революционеров и видных общественных деятелей. Он оказал значительное влияние на деятельность пионеров марксизма в нашей стране, положил начало марксистскому анализу ее сложных и разнообразных проблем.

Энгельс снискал любовь и уважение многих выдающихся современников. Этот великий ученый и революционер вызывал неподдельное восхищение не только своим острым умом, энциклопедической эрудицией, могучим и ярким талантом, но и тем, что это был во всех отношениях на редкость интересный, веселый, добрый и отзывчивый человек.

Высокие человеческие качества Энгельса особенно проявились в его отношении к Марксу. Крепкая, верная и трогательная дружба двух великих людей беспримерна своими плодотворными теоретическими и практическими результатами. Но удивительное душевное богатство, доброта и отзывчивость Энгельса проявлялись не только в отношении к Марксу и к его семье. Он живо откликался на нужды десятков и сотен борцов за дело пролетариата, всех близких ему по духу людей.

Нет ничего удивительного в том, что грандиозная фигура Энгельса вызывала и вызывает широкий интерес исследователей. Одна из первых его печатных биографий принадлежит перу Маркса, который в кратком очерке, написанном незадолго до смерти, охарактеризовал Энгельса как одного из самых выдающихся представителей современного социализма². Несколько биографий Энгельса появилось еще в конце прошлого века. Это были, как правило, небольшие брошюры, содержавшие общую характеристику деятельности Энгельса и наиболее важных и широко известных его работ.

Выдающееся место среди биографических очерков занимает статья В. И. Ленина «Фридрих Энгельс», написанная осенью 1895 года. Эта статья, а также и другие многочисленные высказывания В. И. Ленина об Энгельсе, о различных сторонах его революционной деятельности, о его произведениях имеют для исследователей жизни Энгельса основополагающее значение. В. И. Ленину принадлежат классические оценки вклада Энгель-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 241—245.

са в создание марксистской теории. Им намечены основные этапы жизни Энгельса, дан глубокий анализ формирования и развития его взглядов.

Видное место в разработке проблем биографии Энгельса принадлежит трудам крупного немецкого историка, одного из основателей Коммунистической партии Германии Франца Меринга — особенно его «Истории германской социал-демократии» и завершенной в 1918 г. биографии К. Маркса.

Значительным событием в исследовании жизни и деятельности Энгельса явилась двухтомная работа прогрессивного немецкого историка Г. Майера «Фридрих Энгельс»¹. Г. Майер привлек огромный биографический материал, в 20-х — начале 30-х гг. в значительной части еще не опубликованный: переписку Маркса и Энгельса между собой и со своими соратниками, письма их современников, мемуары и другие документы. Майеру удалось показать жизнь Энгельса на фоне исторических событий, ввести в научный оборот новые интересные и весьма важные факты.

Перу советских авторов принадлежит ряд биографических работ об Энгельсе. В 20-х годах популярные очерки его жизни и деятельности опубликовали В. А. Быстрицкий, В. Н. Сарабьянов, Ем. Ярославский и некоторые другие авторы. Широкую известность приобрела краткая биография Энгельса, написанная Е. А. Степановой. Много и плодотворно работал над биографией Энгельса, особенно раннего периода, М. В. Серебряков. Отдельным периодам жизни Энгельса посвящены работы ряда других исследователей.

Над биографией Энгельса работали также марксистские историки ГДР, Франции, Болгарии и некоторых других стран. Большой интерес представляет, в частности, многотомная биография Маркса и Энгельса, принадлежащая французскому ученому О. Корню и охватывающая начальный период их деятельности. В 1970 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ была выпущена биография Энгельса — результат труда коллектива историков ГДР под руководством Г. Гемкова.

В работах буржуазных и реформистских авторов, как правило, превратно освещаются взаимоотношения между Марксом и Энгельсом, тенденциозно изображается роль Энгельса в развитии философии марксизма, в международном рабочем движении. С плохо скрытым, а иногда даже откровенным намерением взорвать марксизм изнутри, исказить его сущность, его историю, Энгельса нередко противопоставляют Марксу.

Создание научной биографии Фридриха Энгельса — гениального мыслителя и политического борца, убежденного и бесстрашного революционера — весьма сложная задача. Рассказ о жиз-

¹ G. Mayer. Friedrich Engels. Eine Biographie. Haag, 1934. Bd. I—II.

ненном пути Энгельса — это рассказ о славной истории борьбы рабочего класса против капитала от первых разрозненных, часто еще стихийных выступлений пролетариата до превращения его в мощную политическую силу; это рассказ о том, как зародилась и возникла научная теория освободительного движения пролетариата, как из достояния небольшой группы передовых революционеров она стала общепризнанной теоретической основой массовой борьбы за социальное переустройство общества. Этому и посвящена данная книга. Авторский коллектив стремился обстоятельно осветить те стороны жизни и деятельности Энгельса, которые в меньшей степени исследованы в биографической литературе: особенности формирования его материалистических и коммунистических взглядов, его роль в основании Союза коммунистов, в I Интернационале, его деятельность после смерти Маркса, его вклад в разработку марксистской политической экономии, философии, исторической науки и т. д.

При работе над книгой был привлечен широкий круг разнообразных источников. Среди них главное место занимают произведения и письма самих Маркса и Энгельса, вошедшие во второе издание их Сочинений. Это издание представляет собой наиболее полное собрание работ основоположников марксизма, как публиковавшихся при их жизни, так и дошедших до нас в рукописях, в ряде случаев незавершенных, а также их огромного эпистолярного наследства. Были использованы и произведения Маркса и Энгельса, не вошедшие в это издание и опубликованные в томах «Архива Маркса и Энгельса» и в некоторых других советских и зарубежных изданиях. При работе над книгой авторы опирались на высказывания В. И. Ленина об Энгельсе и его трудах.

Источниками для данной биографии послужили также известные публикации документов по истории Союза коммунистов, I Интернационала, письма Энгельсу видных деятелей международного рабочего движения А. Бебеля, В. Либкнехта, В. Бракке, П. Лафарга, В. Адлера, В. Засулич, Г. Плеханова, А. Лабриолы и др., опубликованные в различных изданиях и в значительной части не переводившиеся на русский язык, мемуарная литература. В биографии нашли отражение и материалы из периодической печати XIX в., содержащие сведения об Энгельсе, отклики на его работы.

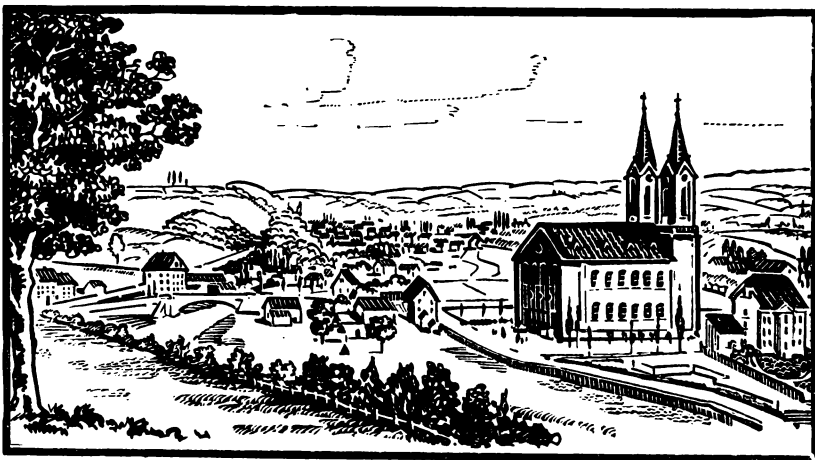
В книге использованы и некоторые неопубликованные материалы, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Здесь, а также в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса были подобраны иллюстрации, отражающие жизнь Энгельса, его творчество.

* * *

Общую редакцию настоящего коллективного труда провели *Л. Ф. Ильичев, Е. П. Кандель, А. И. Малыш, Б. Г. Тартаковский* при участии *В. А. Морозовой*. Помощники авторского коллектива и редакторов *Я. Г. Рокитянский* и *М. Я. Узар*. Отдельные разделы в X и XI главах написаны *А. К. Воробьевой, В. Э. Куниной, Е. М. Лехнером* и *В. А. Морозовой*. В подготовке к набору рукописи второго издания принимали участие *О. И. Белкина, Г. И. Кострюкова* и *З. А. Шарифова*.

В текст второго издания внесены некоторые дополнения, изменения и уточнения. Авторский коллектив стремился учесть замечания и пожелания, высказанные в рецензиях, опубликованных в Советском Союзе и за рубежом, а также возникшие в связи с переводом книги на другие языки. Ряд дополнений сделан на основе новых документов Маркса и Энгельса, а также других материалов, обнаруженных и опубликованных советскими и зарубежными исследователями после выхода первого издания. Были использованы также результаты исследований, проведенных в ходе подготовки дополнительных томов ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке и первых томов Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЕГА).

Авторский коллектив выражает благодарность сотрудникам Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, научным учреждениям и отдельным ученым, принявшим участие в обсуждении рукописи книги и оказавшим помощь своими критическими замечаниями и советами, а также тем, кто откликнулся на первое издание этого труда отзывами и рецензиями.

Глава первая

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ И БОРЦА

Будем же... бороться за свободу, пока мы молоды
и полны пламенной силы...

Ф. Энгельс

Детство и юность

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в городе Бармене¹ (Рейнская провинция Пруссии) в семье текстильного фабриканта. Его отец, Фридрих Энгельс, человек волевой, энергичный и предприимчивый, был, как и другие барменские фабриканты, консервативен в своих политических убеждениях и очень религиозен.

Мать Энгельса, Элизабет Энгельс, урожденная ван Хаар, вышла из среды интеллигенции. Это была женщина с чутким и добрым сердцем, живая, веселая, с сильно развитым чувством

¹ Бармен — центр текстильной промышленности на реке Вуппер. Часть долины этой реки, включавшая Бармен и соседний город Эльберфельд, называлась Вупперталем. В 1930 г. оба города были объединены в один под тем же названием.

юмора и любовью к литературе и искусству. Она оказала значительное влияние на Фридриха своего первенца, которого любила, пожалуй, больше остальных детей и на которого возлагала большие надежды. Энгельс отвечал матери горячей привязанностью.

Большое влияние на Энгельса оказал и его дед по матери Герхард Бернхард ван Хаар, филолог, в свое время ректор гимназии в Хамме. Он много рассказывал любознательному внуку о героях древнегреческих мифов и немецких народных сказаний. От деда мальчик узнал о Тезее и стоглазом Аргусе, Ариадне и страшном Минотавре, о золотом руне и аргонавтах, о непобедимом Геракле. Огромное впечатление на мальчика производили герои немецкого эпоса. Любимым героем Фридриха был Зигфрид из «Песни о Нибелунгах». Он видел в нем символ подвига и мужественной борьбы немецкой молодежи против рутинерства, филистерства и реакции¹.

У Фридриха было восемь братьев и сестер, из которых он более всего был привязан к сестре Марии. Братья пошли по проторенной отцовской дороге, стали фабрикантами. Сестры вышли замуж за людей того же круга. И только Фридрих избрал иной путь. «Пожалуй, никогда еще в подобной семье,— писала в 1890 г. дочь Маркса Элеонора,— не рождался сын, чей жизненный путь шел бы до такой степени вразрез с ее общим духом. Фридрих должен был в этой семье казаться «гадким утенком». Возможно, что родные до сих пор еще не понимают, что «утенок» этот оказался «лебедем»².

Среда, в которой жил Энгельс, давала ему богатый материал для наблюдений и серьезных размышлений.

Родина Энгельса — Рейнская провинция Пруссии — в экономическом и политическом отношении была наиболее развитой частью Германии. За 1795—1815 гг., когда области по левому берегу Рейна входили в состав Франции (по решению Венского конгресса 1815 г. большая часть их вновь отошла к Пруссии), среди населения этих областей распространились либерально-демократические настроения; здесь более, чем в других немецких землях, сказалось влияние французской буржуазной революции конца XVIII в. Если в целом для экономики страны в 20—40-х годах были характерны еще полуфеодалные отношения в деревне, цеховое ремесло и домашняя промышленность, то в Рейнской провинции уже существовало фабричное производство. Наличие крупной водной магистрали — Рейна, большие запасы железной руды и угля, сохранение установленного при французском господстве более прогрессивного, буржуазного законодательства («Кодекс Наполеона») — все это способствова-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 115.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, стр. 182.

ло быстрому развитию Рейнской провинции по капиталистическому пути.

Развитие капитализма, однако, несло трудящимся тяжелые лишения, жестокую эксплуатацию. Вместе с введением машин на фабриках началось широкое применение дешевого женского и детского труда. Изнурительный рабочий день, чрезвычайно низкая заработная плата, ужасающие жилищные условия — так был удел рабочего.

Живя в одном из крупных промышленных центров Рейнской провинции, Энгельс с детских лет видел перед собой картины безысходной нищеты трудового люда. Ремесленники и кустари, чтобы выдержать конкуренцию фабрики, вынуждены были работать с раннего утра до глубокой ночи. Многие находили забавение в водке. «Я еще очень хорошо помню, — писал Энгельс в 1876 г., — как в конце 20-х годов дешевизна цен на водку внезапно распространилась на Нижперейнский промышленный округ. В частности в Бергском округе, и особенно в Эльберфельд-Бармене, масса рабочего населения предалась пьянству. Толпами, рука об руку, запрудив улицу во всю ширину, шума и горланя, «пьяные мужчины» шатались с 9 часов вечера из трактира в трактир...»¹.

Не менее отупляющее действие оказывала на население Вуппертале религия. В этой части Пруссии чрезвычайно сильно было самое фанатическое направление лютеранской церкви — пиетизм. Приверженцы его отличались крайней нетерпимостью и ханжеством, объявляли «греховным» чтение нерелигиозной литературы, театр и всякие развлечения.

В Вуппертале Энгельс всюду — в семье, в школе, в гимназии, в «респектабельном обществе» — наткнулся на мрачную стену пиетизма. Ханжеская религиозная мораль фабрикантов и их лицемерные проповеди вызывали у него глубокий внутренний протест.

С ранних лет Энгельс отличался независимым характером. Строгие внушения отца и угрозы наказания не могли приучить его к слепому повиновению.

До 14 лет Энгельс посещал городскую школу в Бармене. Здесь царили религиозный дух и рутинерство. Так, Энгельс рассказывает, что на вопрос одного ученика — «Кто такой был Гёте?», учитель, не задумываясь, ответил: «Безбожник». Школа находилась в руках ограниченного, скупого попечительского совета, который подбирал учителей главным образом из числа религиозных фанатиков. Но Энгельс все же сумел приобрести в школе хорошие знания основ физики и химии. Там же впервые проявились его замечательные способности к иностранным языкам.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 42.

В октябре 1834 г. Энгельс перешел в гимназию в Эльберфельде, принадлежавшую реформатской общине и считавшуюся одной из лучших в Пруссии. Подбором учителей здесь также ведал попечительский совет. Члены его, писал впоследствии Энгельс, умели очень точно переносить счета в главную бухгалтерскую книгу, но не имели ни малейшего понятия о греческом, латинском языках или о математике. Они мало интересовались действительными нуждами гимназии и ее воспитанников. В гимназии, как и в барменской школе, господствовал дух религиозной нетерпимости.

Директор гимназии, являвшийся одновременно попечителем пансиона евангелической общины в Нижнем Бармене, предложил отцу Энгельса отдать сына в пансион. Отец с радостью принял это предложение. Он рассчитывал, что «уединенная жизнь», которую сын будет вести в пансионе под присмотром религиозно настроенного директора, приучит его к самостоятельности, поможет избавиться от свойственных ему, по мнению отца, «рассеянности и отсутствия характера»¹.

Среди сверстников юноша Энгельс выделялся незаурядными дарованиями. Он с увлечением изучал историю, древние языки, классическую немецкую литературу. Сохранилась его гимназическая тетрадь по древней истории. В ней встречаются раскрашенные картинки окрестностей Карфагена, Иерусалима, Дельф, Фермопил, нарисованные чернилами пирамиды, колоссальный сфинкс близ Каира, Львиные ворота в Микенах. На полях тетради — изображения вавилонских воинов, индийских и греческих колонн. Впоследствии Энгельс с благодарностью вспоминал учителя истории Клаузена.

Больших успехов Энгельс достиг в изучении древних языков. Он свободно читал в подлиннике и хорошо переводил произведения древнегреческих и римских поэтов и прозаиков — Гомера и Еврипида, Вергилия и Горация, Ливия и Цицерона. Древнегреческим языком он овладел настолько, что написал на нем стихотворение «Поединок Этеокла с Полиником», которое прочитал на гимназическом празднике в сентябре 1837 г. В свидетельстве, выданном Энгельсу в связи с его уходом из гимназии, отмечалось, что он проявил большой интерес к истории немецкой литературы, к произведениям ее классиков, приобрел хорошие знания в математике и физике, хорошо зарекомендовал себя своей скромностью, искренностью и сердечностью и обнаружил похвальное стремление получить широкое образование².

Интересы Энгельса в гимназические годы были широки и разнообразны. Он деятельно участвовал в кружке, в котором гимназисты читали свои стихотворения и рассказы, исполняли собственные музыкальные произведения. Для многих членов

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 526.

² См. там же, стр. 528—529.

этого литературного кружка были характерны расплывчатые либерально-оппозиционные настроения, проявившиеся и в их литературном творчестве. Сохранилось несколько написанных Энгельсом стихотворений, а также его «Рассказ о морских разбойниках», проникнутый сочувствием к борьбе греков за независимость. Энгельс сочинял небольшие музыкальные композиции. Хорошо рисуя, он доставлял друзьям немало удовольствия удачными шаржами на сверстников и учителей.

Господствовавший в гимназии дух нетерпимости и религиозного фанатизма, строгая, почти палочная дисциплина вызывали у живого, энергичного юноши недовольство и протест. «Темницами» называл он немецкие школы того времени¹.

Протестуя против деспотического нрава отца и гимназических наставников, против религиозных догматов, требующих абсолютного послушания и внешней религиозной благопристойности, Энгельс некоторое время пытался найти «спасение» в наивной детской вере, в непосредственном «общении с богом». Догматическую религию он стремился заменить религией чувства. Однако такие настроения не долго владели молодым Энгельсом, они оказались преходящими, так как резко противоречили его жизнерадостной и пытливой натуре.

В юные годы Энгельс проникся сочувствием к народам, борющимся за свою национальную независимость, уже тогда у него появилась ненависть к абсолютизму, к прусскому чиновничеству. «Еще гимназистом, — пишет В. И. Ленин, — возненавидел он самодержавие и произвол чиновников»². Раннему пробуждению политического сознания у молодого Энгельса в известной мере способствовали распространенные тогда в Рейнской провинции оппозиционные настроения по отношению к прусскому абсолютизму.

В торговых конторах в Бармене и Бремене

Гимназические годы Энгельса кончились неожиданно. У него был план по окончании гимназии поступить в университет и изучать экономические и юридические науки. Но по настоянию отца, решившего, что старший сын должен стать коммерсантом, он выпущен был в 1837 г., не окончив гимназии, оставить ее и начать изучение коммерческого дела в конторе отца.

Эта работа не привлекала Энгельса, но она оставляла досуг, который он мог использовать для самообразования: занятий историей, философией, литературой, лингвистикой, поэзией, очень увлекавшей его в те годы. Он мечтал быть похожим на Фердинанда Фрейлиграта, конторского служащего в Бармене и уже в то время известного поэта. Любовь к литературе Энгельс сохранил до конца жизни. Правда, к собственному лите-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 115.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 7.

ратурному творчеству, в особенности поэтическому, он вскоре стал относиться критически. И все же литературные увлечения в юношеские годы оставили глубокий след на всей научной и публицистической деятельности Энгельса. Его труды отличаются живостью и яркостью стиля, образностью языка, умением ясно и доступно излагать свои мысли.

В отцовской конторе в Бармене Энгельс не проявил особого усердия. Чтобы заинтересовать его перспективами, которые открывает коммерческая деятельность, и дать ему возможность приобрести необходимые навыки, Фридрих Энгельс-старший договорился со своим знакомым Генрихом Лейпольдом, саксонским консулом в Бремене и владельцем крупной экспортной оптовой фирмы, о поступлении сына на службу в его контору. До отъезда в Бремен Энгельс сопровождал отца в деловой поездке в Англию, куда они прибыли 26 июля 1838 г. после кратковременного пребывания в Голландии и где находились около трех недель. Это первое путешествие Энгельса за пределы Германии произвело на него большое впечатление, он вспоминал о нем два года спустя в статье «Ландшафты», напечатанной в журнале «Telegraph für Deutschland». В середине августа 1838 г. Энгельс приступил к работе в конторе Лейпольда.

Жизнь в Бремене — крупном портовом городе, который вел торговлю почти со всеми частями света, расширила кругозор Энгельса. Здесь молодой человек получил широкие возможности для знакомства с иностранной литературой и прессой. Свой досуг он посвящает чтению художественной и политической литературы. Энгельс с увлечением изучает языки, пишет сестре Марии и товарищам по гимназии «многоязычные» письма, где немецкий язык чередуется с латынью, древнегреческим, итальянским, испанским, португальским, французским, английским, голландским и другими языками.

Энгельс по-прежнему интересуется музыкой, посещает кружок пения, часто ходит на концерты и в театр. Он изучает теорию музыки, пробует силы в композиции, сочиняет хоралы. Молодому Энгельсу более всего были созвучны полные драматизма произведения Бетховена, в творчестве которого он видел вершину немецкой музыки. Его любимыми произведениями были Героическая и Пятая симфонии. Прослушав Пятую симфонию, он писал сестре Марии 11 марта 1841 г.: «Вот это симфония была вчера вечером! Если ты не знаешь этой великолепной вещи, то ты в своей жизни вообще еще ничего не слышала. Эта полная отчаяния скорбь в первой части, эта элегическая грусть, эта нежная жалоба любви в адажио и эта мощная юная радость свободы, выраженная звучанием трембонов, в третьей и четвертой частях!»¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 481.

В Бремене Энгельс много занимается спортом, ездит верхом, с увлечением фехтует, катается на коньках, плавает. Он с презрением относится к тем, кто, «подобно бешеной собаке, боится холодной воды, кутается в три-четыре одеяния при малейшем морозе и считает для себя честью освободиться по слабосилию от военной службы!»¹

Однако главные интересы юноши сосредоточились в области литературы и публицистики. Работы и письма Энгельса 1838—1842 гг. раскрывают процесс формирования его революционно-демократических взглядов, происходивший под решающим воздействием назревавшей тогда в Германии буржуазно-демократической революции.

Германия 40-х годов

В 40-х годах XIX в. Германия была политически раздробленной, на ее территории существовало 38 самостоятельных государств, формально объединенных в Германский союз. Эта раздробленность сильно препятствовала экономическому и политическому развитию страны, обрекала ее на зависимость от крупных европейских держав. Остатки феодально-крепостнических отношений также сковывали общественно-политическую жизнь немецкого народа. В государствах Германского союза, в особенности в Пруссии и Австрии, политическая власть была сосредоточена в руках реакционного дворянства и высшего чиновничества. Всесильная бюрократия подавляла всякое стремление к политической свободе. В Австрии правил канцлер Меттерних, один из организаторов Священного союза, вдохновитель реакции в Европе и в самой Германии. В Пруссии на престоле с 1840 г. находился Фридрих-Вильгельм IV, ярый приверженец принципа неограниченной королевской власти, стремившийся законсервировать остатки феодализма. Одержимый религиозно-мистическими идеями, он при помощи свирепой цензуры препятствовал всякому проявлению свободной мысли.

Немецкая буржуазия вследствие экономической отсталости и политической раздробленности страны была далеко не такой сильной, сплоченной и решительной в борьбе против феодализма, какой была в свое время буржуазия Англии и Франции. Но и в Германии роль буржуазии в экономической жизни страны все возрастала. С развитием капиталистических отношений усиливалось и оппозиционное движение этого класса. Немецкая буржуазия стремилась убрать те преграды, которые абсолютизм ставил развитию капитализма, и проложить себе дорогу к политической власти.

Буржуазно-либеральное и более радикальное движения в Германии проявлялись в первую очередь в философской и литературной жизни. В условиях господства полицейско-абсолюти-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 119.

стских порядков, когда всякое прогрессивное политическое выступление сурово преследовалось, литература и философия являлись теми областями, в которых в какой-то мере можно было проявить дух свободомыслия и вести борьбу против реакции.

Заметный толчок либеральному и демократическому движению в Германии дала июльская революция 1830 г. во Франции. Под ее влиянием развернулись революционные национально-освободительные движения в Польше, Италии, Бельгии, оказавшие воздействие и на Германию.

Особенно широкий размах приняло либеральное и демократическое движение в Рейнской провинции, население которой питало глубокую ненависть к прусскому абсолютистскому режиму. Не остался в стороне от этого движения, вдохновлявшего передовую немецкую молодежь, и Энгельс.

У истоков революционного демократизма

Каковы были настроения юноши Энгельса, сколь силен был его протест против реакции, ханжества и мракобесия в политической и духовной жизни Германии, видно из писем, которые он, живя в Бремене, посылал друзьям по гимназии — братьям Вильгельму и Фридриху Греберам. 1 февраля 1840 г. Энгельс с возмущением пишет о прусском короле Фридрихе-Вильгельме III: «Тот самый король, который анно 1815 [в 1815 г.— *Ред.*], когда его обуял страх, в кабинетском указе обещал дать конституцию своим подданным, если они выведут его из затруднительного положения, этот самый дрянной, мерзкий, проклятый богом король возвещает теперь... что никто не получит от него конституции... Я смертельно ненавижу его; и если бы я не презирал до такой степени этого подлеца, то ненавидел бы его еще больше... Нет времени, более изобилующего преступлениями королей, чем время с 1816 по 1830 год; почти каждый государь, царствовавший тогда, заслужил смертную казнь»¹.

Энгельс с увлечением читает оппозиционную литературу, обличающую реакцию в Германии. В книге Я. Венедя «Пруссия и пруссачество» его привлекла критика прусских порядков. Энгельс отмечает наиболее характерные черты политики Пруссии: защиту интересов денежной аристократии в ущерб беднякам, стремление к сохранению абсолютизма путем «подавления политического образования, удержания в невежестве большинства народа, использования религии»². Он пересылает друзьям запрещенные цензурой книги, выходившие в Швейцарии и во Франции. «Я теперь чрезвычайный поставщик запрещенных книг для Пруссии...»³, — пишет Энгельс о себе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 443—444.

² См. там же, стр. 431.

³ Там же, стр. 434.

Популярными в тогдашнем оппозиционном движении были имена двух выдающихся писателей и публицистов — Генриха Гейне и Людвига Бёрне. Освободительные идеи последнего оказывали на Энгельса в те годы большое влияние. Энгельс с захватывающим интересом читает «Письма из Парижа», «Менцель-французоед» и другие произведения Бёрне. Он видит в нем человека политической практики, «титанического борца за свободу и право». Энгельса воодушевлял призыв Бёрне к борьбе против крепостничества и абсолютизма, мракобесия и самодовольного холопства.

Энгельс с сочувствием стесня к литературному направлению «Молодая Германия», которое объединяло писателей, считавших себя приверженцами Бёрне и Гейне. В марте 1839 г. он вступает в контакт с одним из ведущих представителей «Молодой Германии» Карлом Гуцковом и начинает сотрудничать в редактируемом им в Гамбурге журнале «Telegraph für Deutschland», сначала анонимно, а с ноября под псевдонимом Ф. Освальд.

В писателях «Молодой Германии» Энгельса привлекло стремление донести до сознания немецкого народа современные идеи: о необходимости политической свободы, уничтожения религиозного принуждения и т. д. «По ночам, — писал он Ф. Греберу в апреле 1839 г. — я не могу спать от всех этих идей века; когда я стою на почте и смотрю на прусский государственный герб, меня охватывает дух свободы; каждый раз, когда я заглядываю в какой-нибудь журнал, я слежу за успехами свободы; эти идеи прокрадываются в мои поэмы и издеваются над обскурантами в клубках и горностае»². В то же время Энгельс не принимал характерных для младогерманцев «риторических фраз о мировой скорби, о всемирно-историческом, о скорби иудейства и т. д.»³. Он солидаризируется только с теми писателями, которые отстаивали тесную связь литературы и общественной жизни, выражали своим творчеством неукротимый дух времени.

Оппозиционные настроения Энгельса отражены в его поэтическом творчестве. Первым опубликованным произведением Энгельса было стихотворение «Бедуины», по существу направленное против реакционного драматурга А. Коцебу. Но особой законченностью, свежестью чувства и силой свободолюбия выделяется напечатанное в «Telegraph für Deutschland» стихотворение «Вечер».

«Уже бледней вечерняя заря,
Лишь миг, — уже грядет заря свободы;
Вот вспыхнет солнце, пурпуром горя,
Минует ночь, а с ней — ее невзгоды.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 399.

² Там же, стр. 374.

³ Там же.

Тогда возрастет цветов младое племя
Не только там, где мы бросали семя,—
Цветущим садом станет вся земля,
И все растенья страны переменят,
И пальма мира Север приоденет,
Украстит роза мерзлые поля;
Дуб устремит свой шаг на полдень ясный,
Он троны тяжкой сокрушит стопой...»¹

Энгельс причисляет себя к певцам свободы, которые, подобно птицам в лесу, встречают песней восход солнца:

«И я один из вольных тех певцов,
Дуб — это *Бёрне*, бывший мне поддержкой,
Когда гонители, в тисках оков,
Германию пятой сдавили дерзкой»².

Стихотворение «Вечер» было написано под непосредственным влиянием выдающегося английского революционного поэта-романтика Шелли, стихи которого Энгельс в то время переводил. В июне — июле 1840 г. он совместно с двумя литераторами из «Молодой Германии» Л. Шюкингом и Г. Пютманом предпринял даже попытку осуществить немецкое издание сочинений Шелли. Однако она потерпела неудачу из-за отсутствия издателя.

Героев своих ранних поэтических произведений Энгельс наделяет чертами, близкими ему самому: стремлением к свободе, жадной активному вмешательству в жизнь, воздействия на нее. Так, Зигфрид, герой незаконченной трагикомедии «Неуязвимый Зигфрид» (1839), говорит о себе:

«Когда поток стремится с гор,
Один, шумя, победоносный,
Пред ним со стоном гнутся сосны,
Он сам выходит на простор:
Так, уподобившись потоку,
Я сам пробью себе дорогу!»³

Поэтические интересы молодого Энгельса проявились и в его любви к фольклору, к народным книгам. Он собирает старинные издания легенд, изучает богатую и образную речь простого народа, в художественной литературе выделяет те элементы, которые она черпает из живого источника народного творчества. С юношеской непосредственностью и страстью выступает Энгельс в напечатанной в ноябре 1839 г. статье «Немецкие народные книги» против реакционных романтиков (Й. Гёр-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 87—88.

² Там же, стр. 88.

³ Там же, стр. 381.

реса и др.), против их попыток под флагом литературной обработки фальсифицировать в реакционном духе народные сказания.

«...Если можно справедливо требовать,— пишет Энгельс,— чтобы народная книга вообще отличалась богатым поэтическим содержанием, сочным остроумием, нравственной чистотой... то мы наряду с этим вправе также потребовать, чтобы народная книга отвечала своему времени, иначе она перестает быть народной»¹. Энгельс призывает к тому, чтобы народная книга служила делу борьбы за свободу, которой проникнуты все явления современности, «но ни в коем случае не потворствовала бы лицемерию, низкопоклонству перед знатью и пиетизму»².

Чувства и настроения молодого Энгельса характеризует также его оставшаяся незавершенной и сохранившаяся лишь в виде рукописного наброска стихотворная драма «Кола ди Риенци», написанная, по-видимому, в конце 1840 — начале 1841 г. в качестве либретто для оперы. Сюжетной основой этого произведения послужили события в Риме середины XIV в., в центре которых стоял Кола ди Риенци, возглавивший борьбу городских масс против господства аристократии, а после установления республики провозглашенный «народным трибуном». Драматическая история Кола ди Риенци, который, оказавшись у власти, постепенно становится деспотом и тираном, теряет поддержку народа и гибнет в результате нового восстания, и составляет основное содержание задуманной Энгельсом драмы. Трактовка, данная Энгельсом этим событиям, отличается от трактовки других современных ему авторов, писавших на ту же тему, прежде всего тем, что он показывает, как забвение реальных нужд народа и попытка провозгласить себя ему неизбежно ведет революционного деятеля к гибели. Народ предстает в произведении Энгельса как могучая сила, карающая такого деятеля за отказ от своих принципов.

«Письма из Вупперталя». Критика религии

В марте — апреле 1839 г. в «Telegraph für Deutschland» без подписи были напечатаны две статьи Энгельса под общим заглавием «Письма из Вупперталя», характеризующие условия жизни его города.

Восемнадцатилетний юноша решительно выступил против пиетистско-ханжеского духа, господствовавшего в его родном городе, против мракобесия, изуверства и мистицизма, насаждаемых пиетистами, против их главного проповедника в Вуппертале — Ф. В. Круммахера.

Но самым важным в «Письмах из Вупперталя» является критика социальных отношений в Бармене. Нельзя не поражаться тому, с какой глубиной и знанием жизни совсем еще молодой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

человек писал на социальные темы. Полная страданий и лишений жизнь рабочих, ее контраст с обеспеченной жизнью фабрикантов и купцов вызывали у Энгельса чувство протеста, желание бороться против этой несправедливости. Он клеймит фабрикантов, беззастенчивых эксплуататоров, не щадящих даже детей. «Среди низших классов,— пишет Энгельс,— господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; сифилис и легочные болезни настолько распространены, что трудно этому поверить; в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках...»¹.

Энгельс срывает благочестивую маску с «богобоязненных» вуппертальских фабрикантов, приверженцев пиетизма. «...У богатых фабрикантов,— пишет он,— эластичная совесть, и оттого, что зачухнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви. Ибо установлено, что из фабрикантов хуже всех со своими рабочими обращаются пиетисты...»². Он едко высмеивает обывательские нравы барменских фабрикантов и купцов, их невежество во всем, что выходит за пределы торговых интересов, их духовную ограниченность.

«Письма из Вупперталя» явились сенсацией в Бармене п Эльберфельде. Номера журнала «Telegraph für Deutschland» со статьями Энгельса были, как сообщил один из его эльберфельдских друзей, расхvatаны в одно мгновение. В буржуазных кругах «Письма» вызвали бурю негодования. Обыватели строили различные догадки о том, кто является автором этих «возмутительных» статей. «Elberfelder Zeitung» резко выступила в защиту фабрикантов и пиетистов. А молодой автор от души радовался тому, что его удар попал в цель.

Интерес молодого Энгельса к социальным вопросам виден и из его статей в «Morgenblatt für gebildete Leser», газете неопределенно либерального направления, которая издавалась в Штутгарте и в которой он также сотрудничал в период пребывания в Бремене, анонимно и под псевдонимом Ф. Освальд. Энгельс с возмущением пишет о гнете феодальных пережитков в Германии, заставляющем немецких крестьян эмигрировать в США, о тяжелых условиях, в которых находятся эмигрирующие.

В ранних статьях Энгельс решительно отходит от традиционных религиозных представлений, отрицавших творческие силы человека, рассматривавших его как существо от природы немощное и греховное. Обуревавшие Энгельса чувства протеста нашли яркое выражение как в его ранних статьях, так и особенно в его письмах к Греберам. От письма к письму раскры-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 456.

² Там же.

вается напряженная работа мысли, видна мучительная внутренняя борьба, ценою которой происходило освобождение Энгельса от религиозных взглядов.

Важную роль в пробуждении у Энгельса религиозных сомнений сыграла вышедшая в 1835—1836 гг. книга Д. Штрауса «Жизнь Иисуса», в которой утверждалось, что евангелие не является продуктом божественного вдохновения, а представляет собой собрание мифов, сложившихся в недрах первых христианских общин. Эта книга подорвала веру в истинность евангельских чудес и показала беспочвенность христианской ортодоксии. Одновременно с книгой Штрауса Энгельс знакомится с учением Ф. Шлейермахера, утверждавшего, что лишь чувство, религиозный экстаз раскрывает человеку истину религии. В первое время Энгельс полагал, что можно сочетать эти две разные системы мысли. Однако полнее изучив произведение Штрауса, в частности его очерк о Шлейермахере, он целиком становится на позиции Штрауса и в октябре 1839 г. в письме к В. Греберу заявляет: «...я теперь восторженный штраусианец»¹. Изучая работы Штрауса, Энгельс проникается интересом к философским основам религиозных споров.

Это, в частности, заметно в некоторых его статьях в «Morgenblatt für gebildete Leser». Касаясь спора двух направлений в протестантской церкви — пиетизма и так называемого «рационализма», представители которого доказывали возможность постижения божественных истин средствами разума, — Энгельс подвергает критике оба эти направления. Он, с одной стороны, показывает мракобесие и мистицизм пиетистов, их ненависть к великим представителям мировой философской мысли, а с другой, осуждает непоследовательность и половинчатость рационалистов, не имеющих смелости открыто сказать о философской основе своих взглядов. Отрицательная оценка обоих направлений протестантизма, указание на то, что оба они «давно отвергнуты наукой»², — еще одно свидетельство отхода Энгельса от религии. Подтверждается это и открытым письмом Энгельса в редакцию «Morgenblatt für gebildete Leser» в ответ на нападки и угрозы со стороны бременских «рационалистов», узнавших настоящее имя автора этих статей. В этом письме, которое не было опубликовано редакцией и сохранилось только в ее архиве, он писал, что рационализм «исчезает с арены современности, уступая место более жизненным историческим явлениям»³.

Постепенно преодолевая влияние церкви, среды, семьи, все более расходясь с традиционными воззрениями друзей юности, порой испытывая колебания, Энгельс все ближе подходил к

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 421.

² См. там же, стр. 145.

³ Hans Pelger, Michael Knieriem. Friedrich Engels als Bremer Korrespondent des Stuttgarter «Morgenblatts für gebildete Leser» und der Augsburger «Allgemeinen Zeitung». Trier, 1975, S. 44.

атеизму. В поисках мировоззрения, которое дало бы ему возможность глубоко понять мир, он от Штрауса обращается к гегелевской философии.

**Революционно-
демократические
выводы
из философии Гегеля**

В конце 1839 г. Энгельс занялся изучением трудов Гегеля. Основная особенность всякой идеалистической философии, в том числе и философии Гегеля, заключается в том, что она ищет законы, управляющие развитием мира, не в самой природе и человеческом обществе, а вне их — в верховном творце, абсолютной идее и т. д. Согласно Гегелю, в основе мира лежит некая абсолютная идея, которая, развиваясь, воплощается в природу, в человеческое сознание, в историю. Действительность в его учении представлена в превратном, искаженном виде.

Рациональным в гегелевской философии был диалектический метод. Правда, идеализм мешал Гегелю последовательно применить этот метод к пониманию природы и общества, приводил его к мистификации их законов. Гегель, как заметил В. И. Ленин, лишь угадал диалектику вещей в диалектике понятий.

(В гегелевской «Философии истории» Энгельса особенно привлекает мысль о поступательном движении человечества ко все более высоким и зрелым формам. Уже в работах 1840—1841 гг. чувствуется влияние этих идей. Так, в напечатанной в феврале 1840 г. в «Telegraph für Deutschland» статье «Ретроградные знамения времени» Энгельс дал образную картину исторического процесса, представлявшегося ему в виде спирали, «изгибы которой отнюдь не отличаются слишком большой точностью»¹. Там, где реакционеры, «мандарины регресса»², видят лишь повторение старого, застой, в действительности не прекращается движение истории вперед. Старые идеи, писал Энгельс, «будут стерты твердой, как алмаз, стопой идущего вперед времени»³. Энгельс призывает к объединению радикальных политических воззрений Бёрне с диалектикой Гегеля, к установлению взаимодействия «науки и жизни, философии и современных тенденций»⁴.

Диалектический подход к истории человечества, к явлениям общественной жизни все ярче проявляется в публицистической деятельности Энгельса, в его критике общественно-политических порядков Германии. Еще не подвергая прямой критике философию Гегеля, он, однако, отнюдь не разделяет тех консервативных принципов, которые характерны для социально-политических взглядов этого философа.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 27.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 30.

Приняв идею Гегеля о всемирной истории как развитии понятия свободы, Энгельс в отличие от него приходит к радикальным политическим выводам.

В статье «Реквием для немецкой «Adelszeitung»», опубликованной в апреле 1840 г., он высмеивает политические взгляды редакции этой дворянской газеты: «Вступительное слово поучает нас, что всемирная история существует... лишь для того, чтобы доказать необходимость существования трех сословий, причем дворяне обязаны воевать, бюргеры — мыслить, крестьяне — пахать»¹. При этом в отличие от Гегеля, рассматривавшего деление существующего общества на сословия как нечто неизменное, Энгельс считает, что такое деление утратило всякий смысл. Он решительно отвергает все отжившие учреждения прошлого, выступает против сословного строя, абсолютизма, культа дворянства и апофеоза войн.

Энгельс пытается применить основные идеи гегелевской диалектики к общественной жизни. В опубликованной в январе 1841 г. статье «Эрнст Мориц Арндт» он осуждает культивируемые немецким дворянством ненависть к демократическим принципам Великой французской буржуазной революции, заскорузный шовинизм, презрение к другим народам. Германофильство, развившееся после победы над Наполеоном, было, пишет Энгельс, реакционным явлением, оно хотело отбросить нацию вспять, к германскому средневековью. «Все это мирозерцание было философски несостоятельно, ибо оно утверждало, что весь мир был создан ради немцев, а сами немцы давно достигли наивысшей ступени развития»².

В то же время Энгельс показывает, что космополитический либерализм, антитезис германофильства, бесплоден, поскольку не видит национальных различий и далек от реальных условий. Но мы должны работать на пользу ясного взаимного понимания европейских наций и стремиться к национальному единству.

С позиций революционного демократизма Энгельс четко формулирует задачи национального развития Германии. Велением времени является создание такого государства, в котором не будет более господствующих и подчиненных сословий и которое будет представлять собой «великую, единую, равноправную нацию граждан»³. «Пока наше отечество будет оставаться раздробленным, до тех пор мы — политический нуль, до тех пор общественная жизнь, завершённый конституционализм, свобода печати и все прочие наши требования — одни благие пожелания, которым не суждено осуществиться до конца...»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 46—47.

² Там же, стр. 121.

³ См. там же, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 131.

Находясь в Бремене, Энгельс опубликовал анонимно также несколько корреспонденций в широко распространенной в Германии газете «Allgemeine Zeitung», которая издавалась в Аугсбурге и еще не носила тогда откровенно реакционного характера, приобретенного ею в последующие годы. Корреспонденции эти, как правило, были посвящены вопросам текущей политической жизни в Бремене и содержание их во многом перекликается со статьями Энгельса в «Morgenblatt für gebildete Leser».

Радикальные взгляды Энгельса, естественно, должны были привести к обострению отношений со старыми школьными друзьями. Последние тщетно пытались «образумить» его, вернуть на «истинный путь». «Не тебе бы, ночному колпаку в политике, — писал Энгельс В. Греберу 20 ноября 1840 г., — хулить мои политические убеждения. Если оставить тебя в покое в твоём сельском приходе — высшей цели ты себе, конечно, и не ставишь — и дать возможность мирно прогуливаться каждый вечер с госпожой попадшей и несколькими молодыми поповичами, чтобы никакая напасть тебя не коснулась, то ты будешь утопать в блаженстве и не станешь думать о злодее Ф. Энгельсе, который выступает с рассуждениями против существующего порядка. Эх, вы — герои! Но вы будете все же вовлечены в политику; поток времени затопит ваше идиллическое царство, и тогда вы окажетесь в тупике. Деятельность, жизнь, юношеское мужество — вот в чем истинный смысл!»¹.

В Берлине.

**Первые шаги
к материализму**

В конце марта 1841 г. по окончании срока службы в Бремене Энгельс возвратился в Бармен. Но жизнь в отцовском доме была далека от того, к чему он стремился, о чем мечтал. Встречи со старыми школьными товарищами, прогулки по окрестностям, занятия спортом и т. д. — все это не могло полностью удовлетворить Энгельса. Он целыми днями читает, размышляет и пишет. Перед Энгельсом снова встал вопрос о дальнейшем жизненном пути — подчиниться ли воле отца, стать купцом, или же, оставаясь верным своим все возрастающим духовным запросам, продолжать образование и посвятить себя иной, более высокой деятельности.

Не находя у отца поддержки в своих стремлениях, Энгельс был рад любой возможности отодвинуть тот момент, когда ему придется заняться нелюбимой коммерческой деятельностью. Поэтому его не огорчила необходимость отправиться в Берлин, чтобы там отбыть годичную воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося. Он надеялся, что пребывание в армии не помешает его научным и литературным занятиям, а Берлин с его университетом был для этого наиболее подходящим местом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 465.

Но прежде он предпринял поездку в Швейцарию и Северную Италию. Величие и красота горного ландшафта особенно волновали Энгельса, испытывавшего чувство неразделенной любви. «...Я стоял здесь... с сердцем, которое месяц тому назад было так бесконечно счастливо, а ныне чувствовало себя опустошенным и разбитым. И какая скорбь имеет большее право излиться перед лицом прекрасной природы, как не самое благородное, самое возвышенное из всех личных страданий — страдание любви?»¹

В сентябре 1841 г. Энгельс прибыл в Берлин и начал службу в артиллерийской бригаде, казармы которой были расположены на Купферграбене, неподалеку от Берлинского университета. Как вольноопределяющийся он имел право жить на частной квартире и поселился на Доротеенштрассе, 56. За время службы в бригаде он получил звание бомбардира, приобрел военную выучку, которая в последующие годы ему очень пригодилась. Пребывание в Берлине Энгельс широко использовал для того, чтобы восполнить пробелы в образовании. В качестве студента-вольнослушателя он посещал Берлинский университет, слушал лекции по философии и работал в семинаре профессора Ф. Бенари по истории религии.

На первых порах Энгельс примкнул к литературному кружку, в котором активное участие принимали некоторые его соученики по Эльберфельдской гимназии: Карл де Хаас, Фридрих Плюмахер, Густав Фельдман и др. Однако Энгельс вскоре увлекся актуальными вопросами философской и политической борьбы и чисто литературные интересы отошли у него на второй план.

Раскол среди учеников Гегеля сделал столицу Пруссии ареной борьбы различных философских направлений. Правые гегельянцы Г. Хинрикс, Г. Габлер, К. Гёшель и другие, трактуя взгляды учителя в духе христианской ортодоксии, выступали как воинствующие защитники религии и полностью оправдывали существующие политические порядки. Самым радикальным философским течением было левое крыло гегелевской школы, так называемые младогегельянцы — Д. Штраус, братья Бруно и Эдгар Бауэры, А. Руге, К. Кёппен, Л. Буль, М. Штирнер и др. Одно время видную роль среди них играл Карл Маркс, который незадолго до приезда Энгельса покинул Берлин.

Основываясь на философии Гегеля, младогегельянцы формулировали атеистические и радикальные выводы. «Более радикальное крыло его последователей, — писал позже Энгельс, — с одной стороны, подвергло всякое религиозное верование испытанию огнем строгой критики, которая до самого основания потрясла древнее здание христианства, а с другой стороны, оно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 155.

выдвинуло более смелые политические принципы по сравнению с теми, какие до того времени доводилось слышать немецкому уху...»¹.

Исходным пунктом для младогегельянцев было диалектическое положение Гегеля о том, что все в мире находится в процессе непрерывного изменения; в силу внутреннего развития всякая существующая форма, в том числе и общественная, неизбежно сменяется новой, более разумной. Отсюда они делали вывод о необходимости устранения господствовавших в Германии устаревших порядков, об их неразумности и преходящем характере. В работах, печатавшихся главным образом в «Hallische Jahrbücher» и в журнале «Athenäum», младогегельянцы доказывали право человеческого разума подвергать критике государственный строй и церковь. Они признавали право на существование только за теми порядками и учреждениями, которые могли получить оправдание перед судом разума.

Сделанный младогегельянами шаг к переходу от критики религии к критике политики и идеологии прусского абсолютизма определил их место в истории философии как выразителей взглядов немецкой радикальной буржуазии. Но взгляды младогегельянцев имели и слабые стороны, ограничивавшие возможности их воздействия на поднимавшиеся к самостоятельной деятельности массы: идеалистический взгляд на историю, недооценка значения практической деятельности людей, роли масс в истории.

Смелость, с которой младогегельянцы критиковали религиозные и философские догмы, радикальные политические убеждения многих представителей этой школы привлекли внимание Энгельса и вызвали его симпатии к ним. Он примкнул к берлинской группе младогегельянцев и принял активное участие в развернувшейся в то время идейной борьбе.

С осени 1841 г. Энгельс слушал в Берлинском университете лекции Фридриха Шеллинга. Приглашение на кафедру философии этого видного философа, бывшего единомышленника Гегеля, ставшего, однако, к тому времени непримиримым противником всего того, что было прогрессивным в гегелевской философии, должно было, по мнению реакционных кругов, противодействовать росту популярности младогегельянцев. Энгельс видел, что провозглашенная Шеллингом «философия откровения» — это отказ от принципов разума и науки, стремление философски оправдать существовавшие в Германии реакционные порядки, наложить оковы на свободную мысль и поставить на ее место слепое повиновение, раболепное служение монархическому государству. Философия Шеллинга, говорил Энгельс, изготвлена «для нужд прусского короля»². Считая политически

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 16—17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 180.

необходимым выступление против этого, по его характеристике, «новейшего покушения реакции на свободную философию»¹, Энгельс в конце 1841 — начале 1842 г. написал статью «Шеллинг о Гегеле» и брошюры «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — философ во Христе», в которых бросил открытый вызов видному апостолу философской реакции.

В этих работах, оставаясь в основном еще на гегельянских позициях, Энгельс защищает прогрессивную сторону философии Гегеля от шеллинговской критики справа.

Так, он отстаивает тезис Гегеля, что все разумное действительно и все действительное разумно, против утверждения Шеллинга, что разумное лишь возможно, потенциально. Из гегелевского тезиса, писал Энгельс, следует вывод о разумности мира и разумности философии, то есть о закономерном характере действительности и величайшем значении философии для практической деятельности людей. «Всякая философия ставила себе до сих пор задачей понять мир как нечто разумное. Все, что разумно, то, конечно, и необходимо; все, что необходимо, должно быть или, по крайней мере, стать действительным. Это служит мостом к великим практическим результатам новейшей философии»². Шеллинг же всем содержанием своей «чистой науки разума» доказывает отсутствие закономерных связей в мире и, следовательно, бессилие человеческого разума, всей сознательной деятельности человека вообще.

В противовес Шеллингу Энгельс развивает и отстаивает идею единства мира, идею глубокой внутренней необходимости и закономерности. Господствующая в мире необходимость, доказывает Энгельс, не исключает человеческой свободы. Он подвергает критике Шеллинга за то, что тот отождествляет свободу с неограниченным произволом. Истинная свобода, пишет Энгельс, это вовсе не произвол, а сознательная деятельность, вытекающая из понимания существующей в мире необходимости. Отдавая должное гегелевской диалектике, Энгельс формулирует важное положение: «Только та свобода является истинной, которая содержит в себе необходимость...»³.

Отстаивая идею единства мира, Энгельс приходит к выводу, что между мышлением и бытием, между разумом и вещами имеется глубокая связь. В отличие от Шеллинга, отрывавшего разум от ощущения, от опыта, Энгельс развивал тезис об их тесной связи, подчеркивал, что разум и опыт дополняют друг друга, что разум может постигнуть «необходимость существующего», только опираясь на опыт.

Работы Энгельса против Шеллинга показывают, что он уже основательно овладел гегелевской диалектикой, которую

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 173.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 222.

называл могучей, вечно деятельной движущей силой мысли¹.

Энгельс формулирует свое отношение к Гегелю и младогегельянкам. К гегелевской философии он подходит с позиций революционного демократизма, считает причиной противоречивости взглядов Гегеля — несоответствия между основной философской идеей и умеренными, консервативными выводами — «те пределы, которые сам Гегель поставил как запруды мощному, бурно кипящему потоку выводов из его учения»². Энгельс отмечает, что принципы философии Гегеля были принесены в жертву его социально-политическим взглядам. «Так, например, его философия религии и его философия права безусловно получили бы совсем иное направление, если бы он больше абстрагировался от тех позитивных элементов, которыми он был пропитан под влиянием духовной атмосферы его времени, но зато он делал бы больше выводов из чистой мысли. Отсюда — все непоследовательности, все противоречия у Гегеля. Все, что в его философии религии является чрезмерно ортодоксальным, все, что в его философии права сильно отдает псевдоисторизмом, приходится рассматривать под этим углом зрения. Принципы всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же — этого никто не отрицает — нередко осторожны, даже нелиберальны»³. «Его политические взгляды, — пишет Энгельс, — его учение о государстве, складывавшиеся под влиянием английских учреждений, носят явный отпечаток периода Реставрации, что отразилось также и на непонимании им июльской революции в ее всемирно-исторической необходимости»⁴. В философии Гегеля для Энгельса в первую очередь важно было то, что можно использовать в борьбе с существующей действительностью и религией.

Работы Энгельса против Шеллинга носят явные следы влияния материалистических взглядов Людвига Фейербаха, «освободительное действие» книги которого «Сущность христианства» (вышла в 1841 г.) Энгельс, как он сам писал позднее, в то время переживал⁵.

Хотя Энгельс и рассматривает Фейербаха как представителя младогегельянства, не видит пока принципиального различия между ним и Гегелем и считает идеи Фейербаха дополнением философских принципов Гегеля, тем не менее под влиянием Фейербаха в его работах о Шеллинге сделан первый шаг к материалистической постановке вопроса о природе сознания, об отношении разума, духа к природе. В духе воззрений Фейербаха Энгельс писал: «Вывод новейшей философии... который лишь

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 41, стр. 222.

² Там же, стр. 176.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21, стр. 281.

Фейербах со всей остротой довел до сознания, состоит в том, что разум может существовать только как дух, а дух может существовать только внутри и вместе с природой, а не так, что он в совершенной изолированности от всей природы, бог весть где, живет какой-то обособленной жизнью»¹. Он подчеркивал, что Шеллинг давал разуму абстрактную, неверную трактовку, принимая его за нечто такое, что может существовать и вне «мирового организма».

На Энгельса оказала влияние и та острейшая критика, которой Фейербах с позиций материализма подверг в «Сущности христианства» религию. В памфлетах против Шеллинга Энгельс одним из первых младогегельянцев открыто выступил в защиту атеизма.

Сочетая радикальные философские идеи младогегельянцев с революционно-демократической постановкой общественно-политических вопросов, Энгельс в своих работах о Шеллинге призывал к борьбе за осуществление передовых идей, выражал горячую веру в победу сил прогресса над силами реакции: «Будем бороться и проливать свою кровь, будем бестрепетно смотреть врагу в его жестокие глаза и сражаться до последнего вздоха!.. День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами!»² — так заканчивает он брошюру «Шеллинг и откровение».

Работы Энгельса о Шеллинге вызвали значительный отклик. С большим раздражением встретила их появлению консервативная, реакционная печать. С яркими нападками на анонимного автора брошюры «Шеллинг — философ во Христе» выступили газеты «Elberfelder Zeitung», аугсбургская «Allgemeine Zeitung» и др.

Прогрессивные печатные органы Германии, напротив, приветствовали автора работ, направленных против Шеллинга. В поддержку его выступили, в частности, «Rheinische Zeitung», «Hamburger Neue Zeitung».

Высокую оценку получила работа Энгельса «Шеллинг и откровение» на страницах журнала младогегельянцев «Deutsche Jahrbücher», издававшегося А. Руге. Ей была посвящена специальная статья. Узнав, что работа принадлежит Энгельсу, Руге обратился к нему с письмом, назвав его «доктором философии» и выразив сожаление, что эту ценную работу Энгельс не опубликовал в его журнале. В ответном письме 15 июня 1842 г. Энгельс, между прочим, писал: «Кстати, я вовсе не доктор и никогда не смогу им стать; я всего только купец и королевско-прусский артиллерист. Поэтому избавьте меня, пожалуйста, от такого титула»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 191—192.

² Там же, стр. 226.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 363.

К своим публичным выступлениям по научным вопросам Энгельс относился с высокой требовательностью. В письме к Руге 26 июля 1842 г. он, сообщая, что «принял решение на некоторое время совершенно отказаться от литературной деятельности», мотивирует это так: «Я молод и самоучка в философии. У меня достаточно знаний для того, чтобы составить себе определенное убеждение и, в случае надобности, отстаивать его, но недостаточно, чтобы делать это действительно с успехом. Ко мне будут предъявлять тем большие требования, что я — «философский коммивояжер» и не приобрел благодаря докторскому диплому права на философствование. Когда я опять напишу что-либо, на этот раз под своим именем, я надеюсь удовлетворить этим требованиями»¹.

Смелые выступления Энгельса вызвали также интерес за пределами Германии. В 1843 г. в январском номере издававшихся в Петербурге «Отечественных записок» была напечатана статья В. П. Боткина «Германская литература», где подробно излагалось содержание, а местами давался перевод текста брошюры «Шеллинг и откровение». Польский демократ Эдвард Дембовский напечатал в редактируемом им журнале «Przegląd naukowy» за октябрь 1842 г. статью «Берлинские лекции Шеллинга», в которой с похвалой отозвался о брошюре Энгельса. В №№ 15—17 этого журнала за 1844 г. была напечатана обширная анонимная статья под заглавием «Философия». Под видом рецензии был фактически дан сокращенный перевод работы Энгельса, а ее автор характеризовался как один из выдающихся современных философов².

Разрыв с «Молодой Германией». Энгельс и «Свободные»

Революционный демократизм Энгельса, его стремление найти в философии обоснование революционной социально-политической программы способствовали его окончательному разрыву с группой «Молодая Германия». Уже в Бремене в 1839—1840 гг. он сумел за высокопарными фразами некоторых писателей «Молодой Германии» разглядеть их нерешительность, неспособность к энергичным действиям. Позднее, в Берлине, он пришел к выводу, что влияние радикальных республиканских воззрений Бёрне на эту группу вовсе не было так велико, как он считал ранее, что «Молодая Германия» с ее непоследовательной либеральной политической линией осталась на старых позициях, хотя жизнь ушла вперед, вследствие чего «это направление утратило всякое идейное содержание, какое оно когда-то еще имело»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 365—366.

² См. И. С. Нарский. Мировоззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в. М., 1954, стр. 185.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 480.

Летом 1842 г. Энгельс открыто и решительно отмежевывается от «Молодой Германии». Отношение к ней он выразил в июне 1842 г. в статье «Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев»». Он критикует младогерманцев за то, что они замкнулись в узколитературной среде, отгородились от политической жизни, от передовых философских принципов. «...Борьба принципов в полном разгаре, борьба идет не на жизнь, а на смерть, христианство поставлено на карту, политическое движение заполняет собой все, а добрый Юнг все еще пребывает в наивной вере, что у «нации» нет иного дела, кроме напряженного ожидания новой пьесы Гудкова, обещанного романа Мундта, очередных причуд Лаубе. В то время как по всей Германии раздается боевой клич, в то время как новые принципы обсуждаются под самым его ухом, г-н Юнг сидит в своей каморке, грызет перо и размышляет о понятии «современного»»¹.

Резко критикуя писателей «Молодой Германии» за идейную беспринципность, поддержку Шеллинга, Энгельс решительно и бесповоротно отмежевывается от этих людей. «Надо надеяться, теперь он [Юнг. — *Ред.*] уразумел, что брататься с ним мы не хотим и не можем. Такие жалкие амфибии и двоедушные люди не пригодны для борьбы, которую начали и могут продолжать только люди с решительным характером»².

Впоследствии, в 1851 г., Энгельс характеризовал «Молодую Германию» как клику претенциозных литераторов, у которых «элементы политической оппозиции перемешивались с плохо переваренными университетскими воспоминаниями о немецкой философии и с превратно понятыми обрывками французского социализма, в особенности сеп-симоизма»³.

Позиция Энгельса в отношении «Молодой Германии» означала его решительный поворот к борьбе с направлением «золотой середины», с либерализмом.

Против идеологов «золотой середины» выступали в то время и другие младогегельянцы, в частности братья Бауэры, объединившиеся с некоторыми своими берлинскими единомышленниками в кружок «Свободных». Однако их критика либерализма носила абстрактный характер; они игнорировали конкретные условия и актуальные задачи политической борьбы в Германии, сосредоточивались исключительно на атеистической пропаганде.

В отличие от братьев Бауэров и их ближайшего окружения Энгельс, хотя и был одно время союзником «Свободных», отстаивал необходимость практического участия в политическом движении своего времени, борьбе за политическую свободу и демократию. Эта его позиция нашла отражение, в частности, в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 474—475.

² Там же, стр. 485.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 16.

сатирической поэме «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или торжество веры», написанной им летом 1842 г. при участии Э. Бауэра. Поэма изображает борьбу младогегельянцев против сторонников религии, врагов гегелевской философии. В то же время Энгельс высмеял характерное для младогегельянцев, в том числе и «Свободных», противоречие между революционной фразой и оторванностью от всякой практической деятельности. Так, один из героев поэмы, А. Руге, убеждает соратников в том, что:

«Наши дела лишь в словах; так было, и впредь будет долго,
С древа абстракции сам практики плод упадет»¹.

Другой герой поэмы, Кёппен, бросается в бой,

«нахмутив грозно брови,
Но все старается пролить поменьше крови»².

Миролюбивого Кёппена за его приверженность к порядку и Буля, только внешнею напоминаящего санюлота, Энгельс называет жирондистами. Он уверен, что во время решительной схватки Штирнер, щеголявший радикализмом воззрений, также не будет рисковать. Фейербаха, олицетворяющего, по словам Энгельса, «целый стан безбожных и бесстыдных»³, он тоже упрекает в преувеличении силы отдельной личности, в отрицании значения коллективных действий.

Об Энгельсе говорится, что он «всех левей», он — монтаньяр, он всегда и везде «непримирим и яр»,

«Он виртуоз в *одном*: в игре на гильотине,
И лишь к *единственной* привержен каватине,
К той именно, где есть всего один рефрен:
Formez vos bataillons! aux armes, citoyens!»⁴

В дальнейшем горячее стремление Энгельса активно участвовать в политической борьбе против реакционных порядков в Германии привело к его отходу от «Свободных», которые были далеки от жизни, от реальных задач прогрессивного развития страны, не представляли никакой реальной опасности для правительства и лишь компрометировали демократическое движение.

Развитие философских взглядов Энгельса на пути творческого синтеза материалистических идей Фейербаха с диалектическими принципами философии Гегеля также отделяло его от «Свободных», которые со своей философией самосознания шли от Гегеля назад, к Фихте, к субъективному идеализму.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 306.

² Там же, стр. 313.

³ Там же, стр. 304.

⁴ — «К оружию, граждане! Сплотитесь в батальоны!» — слова из «Марсельезы». — *Ред. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 303.*

**Сотрудничество
в «Rheinische Zeitung»**

Весной 1842 г. началось сотрудничество Энгельса в «Rheinische Zeitung». 12 апреля газета опубликовала его статью «Северогерманский и южногерманский либерализм». «Rheinische Zeitung» была создана оппозиционной буржуазией Рейнской провинции при активном участии младогегельянцев. Под руководством Карла Маркса, который в октябре 1842 г. возглавил редакцию газеты, она принимала все более последовательный революционно-демократический характер.

По «Rheinische Zeitung» и рассказам друзей Энгельс знал о Марксе как о решительном и мужественном политическом борце. В поэме «Библии чудесное избавление» Маркс изображен следующим образом:

«То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет, — бежит, нет, катится лавиной,
Отгагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод»¹.

В статьях, напечатанных в 1842 г. в «Rheinische Zeitung» и в других радикальных органах, Энгельс, как и Маркс, ведет борьбу за передовые политические идеи, выступает в защиту свободы печати от притеснений прусской цензуры, против стремления реакционных кругов Пруссии, руководствовавшихся идеей «христианско-германского государства», к увековечению феодальных порядков в Германии. Реакционную сущность этой идеи, ее несовместимость с историческим прогрессом Энгельс вскрыл в статье «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский», напечатанной в сборнике «Двадцать один лист из Швейцарии» под псевдонимом Ф. О. Доказывая необходимость реформы политического строя Пруссии, он намекал здесь на то, что современное положение в этой стране напоминает ему Францию накануне революции 1789 года².

Свои атеистические и революционно-демократические убеждения Энгельс не считал нужным особенно скрывать. Он открыто высказывал их, когда бывал у своего берлинского родственника К. Снетлаге, в то время придворного проповедника прусского короля. Об этом было сообщено отцу еще до возвращения Энгельса в Бармен, что вызвало известную напряженность в их взаимоотношениях.

Сознание глубокой противоречивости социального и политического строя Германии обусловило интерес Энгельса к тем теориям, которые рисовали перспективы будущего общества. Его, естественно, привлекли довольно широко распространенные в то время коммунистические идеи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 304.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 495.

Находясь в гуще идеологической борьбы, он следил за развитием социалистической и коммунистической мысли в европейских странах, знакомился с теориями утопического социализма и коммунизма и по статьям, публиковавшимся в Германии, и по оригинальным источникам. К концу пребывания в Берлине он все больше склонялся к убеждению, что только коммунизм может дать полное решение социального вопроса.

8 октября 1842 г. истек срок военной службы Энгельса и он, возвращаясь домой, в Бармен, заехал по дороге в Кёльн, чтобы посетить редакцию «Rheinische Zeitung». Состоявшаяся тогда беседа с членом редакции Мозесом Гессом была посвящена обсуждению волновавших Энгельса мировоззренческих вопросов и оставила у Гесса представление о нем как о «ревностном коммунисте»¹. Год спустя Энгельс писал о переходе осенью 1842 г. ряда младогегельянцев на коммунистические позиции; несомненно, он имел в виду и себя².

Разумеется, этот коммунизм был далек от научного, в значительной степени носил утопический характер и привлекал к себе главным образом критикой существующих порядков. Однако уже тогда Энгельса отличал от других приверженцев коммунизма подлинно революционный дух, глубокий интерес к положению и борьбе рабочего класса.

Знакомство с Марксом. После года, проведенного в Берлине, Энгельс снова оказался у себя на родине — в скучном Бармене. Однако в родительском доме пришлось быть недолго. В середине ноября 1842 г. Энгельс отправился в Англию, в Манчестер, для коммерческой практики на бумагопрядильной фабрике фирмы «Эрмен и Энгельс», совладельцем которой был его отец. Не только забота о будущей профессии сына побуждала отца направить его в Англию. Революционные настроения Энгельса уже не были секретом для семьи. В расчеты отца входило держать сына подальше от Германии, от той идейной борьбы, которая становилась здесь все более напряженной.

По дороге в Англию Энгельс 16 ноября вновь остановился в Кёльне, и в редакции «Rheinische Zeitung» произошла его первая встреча с Марксом — главным редактором газеты.

Уже в это время их взгляды во многом были близки. Но отрицательное отношение Маркса к «Свободным», с которыми Энгельс был еще связан, определило характер встречи. В 1895 г. Энгельс вспоминал о ней как о «весьма холодной». «Маркс, — писал он, — ...выступил против Бауэров, то есть высказался против того, чтобы «Rheinische Zeitung» стала преимущественно органом теологической пропаганды, атеизма и т. д., вместо того

¹ М. Гесс — Б. Ауэрбаху, 19 июня 1843 г. *M. Hess. Briefwechsel. 'S-Gravenhage, 1959, S. 103.*

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 539—540.*

чтобы быть органом политической дискуссии и действия; он также высказался против фразерского коммунизма Эдгара Бауэра, основанного на одном лишь желании «действовать самым крайним образом»... Так как я состоял в переписке с Бауэрами, то слыл их союзником и из-за них относился в то время к Марксу подозрительно»¹.

19 ноября 1842 г. Энгельс прибыл в Лондон. Его пребывание в Англии длилось почти два года. Оно послужило для него замечательной школой, сыграло огромную роль в дальнейшем формировании его социальных, политических и философских взглядов, в окончательном переходе его на материалистические позиции и позиции пролетарского коммунизма. В. И. Ленин писал: «Социалистом Энгельс сделался только в Англии»².

Уже первые статьи, написанные Энгельсом сразу же по приезде в Англию и опубликованные в «Rheinische Zeitung» в декабре 1842 г.— «Английская точка зрения на внутренние кризисы», «Внутренние кризисы», «Позиция политических партий», «Положение рабочего класса в Англии», «Хлебные законы», — показывают, что от его внимания не ускользнули противоречия английского общества. Анализ социальных отношений в Англии, который Энгельс дает в этих статьях, свидетельствует о том, что он сразу увидел раскол общества на три основных класса — землевладельческую аристократию, промышленную буржуазию, пролетариат. Он отмечает основное противоречие капиталистического общества — противоречие между буржуазией и пролетариатом. Появление пролетариата, класса «неимущих, абсолютно бедных»³, Энгельс характеризует как результат развития промышленности. Противоречия между пролетариатом и буржуазией неустранимы, как неустраним и сам пролетариат, поскольку «он никогда не сможет приобрести стабильной собственности»⁴.

Энгельс приходит к заключению, что за борьбой партий скрывается борьба классов. Он указывает, что три политические партии, выступающие на политической арене Англии, защищают интересы различных классов: партия тори защищает интересы землевладельцев, виги — партия промышленных буржуа, радикальная демократия, чартисты — выразители интересов пролетариата. Позиции этих трех партий определяются материальными интересами тех классов, которые они представляют.

Правда, как человек, не порвавший еще окончательно со взглядами младогегельянцев, Энгельс считает, «что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 391.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 501.

⁴ Там же.

в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса»¹. Впервые обращаясь к анализу материальных интересов, определявших, как он понимал, развитие Англии, Энгельс сначала считает это исключительно английским, специфическим явлением, национально-английской точкой зрения². Тем не менее признание Энгельсом того, что в Англии не «принципы», не мысли определяют «интересы», а, наоборот, сами принципы могут развиваться только из интересов, является чрезвычайно важным звеном в формировании у него материалистического понимания истории.

В этих статьях Энгельс впервые выдвигает идею социальной революции. Неизбежность ее в Англии он выводит из противоречий промышленного развития страны.носителем этой революции Энгельс считает английский пролетариат.

В Англии Энгельс впервые непосредственно столкнулся с развитым рабочим движением. Чартизм представлял собой, по характеристике В. И. Ленина, «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение»³.

Энгельс приехал в Англию, когда страна находилась еще под впечатлением большого подъема чартистского движения, имевшего место летом 1842 г. Усилению борьбы английских рабочих способствовал экономический кризис 1841—1842 гг., резко ухудшивший положение трудящихся. На севере Англии поднялась волна экономических стачек, принявшая особенно большие размеры в Ланкашире. Ареной острых классовых битв стал промышленный Манчестер. Включившиеся в борьбу чартисты стремились придать стачкам политический характер, перед рабочими вновь, как и в 1838—1839 гг., была выдвинута задача: добиться принятия парламентом Народной хартии. Чартисты развернули агитацию за объявление всеобщей политической забастовки, так называемого «священного месяца». Однако движение было подавлено правительством с помощью вооруженной силы.

Познакомившись в Манчестере, где он поселился в декабре 1842 г., с непосредственными участниками борьбы, Энгельс составил себе вполне определенное представление о характере недавних классовых боев. В статьях в «*Rheinische Zeitung*» он дает подробную характеристику этих событий. Волнения минувшего лета, пишет Энгельс, показывают, что английские пролетарии начинают чувствовать свою силу. Он отмечает, однако, и слабые стороны этих выступлений, причины неудачи

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 499.

² См. там же, стр. 498.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 305.

рабочих — их неподготовленность и неорганизованность, отсутствие единого руководства и определенной цели. По его мнению, чартисты слишком поздно стали во главе движения, а потому их лозунг — завоевание Народной хартии — уже не мог иметь успеха. Охарактеризовав выдвинутую чартистами идею «революции законным путем» как «противоречие, практическую невозможность»¹, Энгельс считает важнейшим уроком движения 1842 г. «сознание, что революция мирным путем невозможна и что только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев»².

Пять статей из Англии были последними корреспонденциями Энгельса в «*Rheinische Zeitung*». В конце 1842 г. газета, ставшая боевым революционно-демократическим органом, была подвергнута двойной цензуре, в январе 1843 г. был назначен третий цензор и прусское правительство заявило о закрытии газеты с 1 апреля.

До середины мая 1843 г. Энгельс не выступал в печати. Все свободное время он посвящал теперь изучению жизни английского пролетариата.

Манчестер был крупнейшим центром южного Ланкашира — колыбели английской текстильной промышленности. Это был город с населением более 400 тысяч человек, с резко выраженными социальными противоречиями. Значительную часть старого города с его извилистыми, узенькими улочками занимали рабочие кварталы; неподалеку от них, на прямых, широких улицах жила средняя буржуазия, а крупная буржуазия — преимущественно в роскошных загородных домах и виллах.

Отсидев положенные часы в конторе на улице Соутгейт, Энгельс вечерами и по воскресеньям отправлялся в рабочие кварталы, посещал убогие жилища пролетариев, беседовал с рабочими, расспрашивал их об условиях жизни и труда. Часто спутницей Энгельса была ирландская девушка Мери Бёрнс, работница фабрики, в конторе которой он служил. Вместе с Мери Энгельс часто бывал в населенных в основном рабочими-ирландцами районах Манчестера, называемых Ирландским городом, Малой Ирландией.

С Мери Бёрнс, живой и остроумной девушкой, отличавшейся большой добротой, Энгельс познакомился в 1843 г. Их дружба со временем переросла в глубокую взаимную привязанность и любовь. Впоследствии Мери Бёрнс стала женой Энгельса.

Несколько позже спутником Энгельса в его посещениях рабочих кварталов Манчестера стал немецкий поэт Георг Веерт,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 502.

² Там же, стр. 502—503.

с которым он познакомился в декабре 1843 г. Веерт работал в то время в Бадфорде агентом одной немецкой торговой фирмы. Время от времени Энгельс приезжал к Веерту в Бадфорд, а Веерт, в свою очередь, часто бывал у него в Манчестере. Революционно настроенный Веерт под влиянием Энгельса также проникся глубоким интересом к жизни и борьбе английского пролетариата. Впоследствии он стал одним из самых близких друзей и боевых соратников Энгельса и Маркса.

В опубликованном в 1845 г. в «Rheinische Jahrbücher» очерке «Пролетарии в Англии» Веерт писал об Энгельсе, работавшем в то время над книгой «Положение рабочего класса в Англии»: «...Я... счастлив тем, что в настоящее время один из самых выдающихся философских умов Германии взялся за перо, чтобы написать обширный труд о жизни английских рабочих; это будет труд неопенимого значения. Во всяком случае этот писатель лучше меня сумеет представить отдельные факты в их истинном свете; благодаря длительному пребыванию в Манчестере — колыбели пролетариата — он имел гораздо больше случаев изучать рабочих, чем я...»¹.

На протяжении почти двух лет Энгельс пристально наблюдал жизнь английского народа, положение и борьбу рабочих. Ему был совершенно чужд сентиментально-филантропический подход к пролетариату, свойственный буржуазным реформаторам или мелкобуржуазным социалистам. Он видел в английских рабочих не только страдающий, но и борющийся класс, революционная деятельность которого может определить судьбы страны.

Энгельс с полным правом мог в 1845 г. в обращении «К рабочему классу Великобритании», которым открывается его книга «Положение рабочего класса в Англии», писать: «Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удавалось раздобыть их, но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим... горжусь потому, что получил благодаря этому возможность воздать должное угнетенному и оклеветанному классу людей...»².

¹ Г. Веерт. Избранные произведения. М., 1953, стр. 302.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 235.

Изучая жизнь и борьбу английского пролетариата, Энгельс стремился установить личные связи с активными участниками этой борьбы, в частности с чартистами.

В Манчестере он познакомился с одним из видных деятелей чартистского движения — Джемсом Личем, который сначала был сельским батраком, а потом стал фабричным рабочим. От Лича Энгельс узнал многое о деятельности чартистской партии и о жизни английских рабочих. Написанная Личем в 1844 г. брошюра «Неопровержимые факты о фабриках, сообщаемые манчестерским рабочим», получила высокую оценку Энгельса и была широко использована им в книге «Положение рабочего класса в Англии».

Энгельс был постоянным участником митингов, созываемых чартистами в Манчестере, регулярным подписчиком на чартистские газеты и журналы. Стремясь установить личный контакт с революционными лидерами чартистского движения, он летом 1843 г. ездил в Лидс, где находилась редакция главного органа чартистов — газеты «Northern Star». Здесь он познакомился с Джорджем Джулианом Гарни, одним из выдающихся представителей революционного крыла чартистского движения.

Вспоминая впоследствии о первой встрече с Энгельсом, Гарни писал: «Это было в 1843 году, когда Энгельс из Бадфорда приехал в Лидс и отыскал меня в редакции «Northern Star». То был высокий, красивый молодой человек, с лицом почти по-мальчишески юным. Несмотря на немецкое происхождение и образование, его английский язык и тогда был безупречным. Он сказал мне, что постоянно читает «Northern Star» и очень интересуется чартистским движением. Так более пятидесяти лет тому назад началась наша дружба»¹.

Начиная с 1843 г. Энгельс активно сотрудничал в чартистской прессе. Он по праву считал себя членом чартистской партии и действительно был ее активным деятелем.

Энгельс установил также связи с социалистами — учениками великого английского социалиста-утописта Роберта Оуэна. Среди них был тогдашний лидер манчестерских социалистов — Джон Уотс, «портной и доктор философии»². Очевидно, благодаря Уотсу Энгельс близко познакомился с деятельностью оуэнистов. Он регулярно посещал их воскресные собрания в большом манчестерском Зале науки, интересовался их атеистической и социалистической пропагандой.

Близкое знакомство с чартистским движением и социалистической агитацией в Англии позволило Энгельсу в написанных им в мае — июне 1843 г. для выходившего в Цюрихе прогрессивного журнала «Schweizerischer Republikaner» «Письмах из Лондона» более глубоко определить роль этих движений в жизни

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 192.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 199.

Англии, чем он мог сделать в своих первых английских статьях. Он отмечает, что чартизм, который «черпает свои силы в рабочем люде, в пролетариях»¹, имеет огромные успехи, влияние «Национальной чартистской ассоциации» в рабочих массах растет, она становится мощным противовесом различным организациям буржуазии.

Очень высоко оценивает Энгельс деятельность социалистов, которые «сделали невероятно много для просвещения трудящихся классов в Англии»². Большой заслугой английских социалистов он считает пропаганду среди рабочих идей французской просветительной философии XVIII в., произведений Руссо, Гольбаха, Вольтера.

«Письма из Лондона» свидетельствуют о том, что полгода, прожитые Энгельсом в Англии, не прошли бесследно. Они знаменовали дальнейшее продвижение его по пути формирования материалистического и революционно-коммунистического мировоззрения. «Письма из Лондона» являются также важной вехой и в политическом развитии Энгельса, в понимании им механизма и движущих сил классовой борьбы.

Общаясь с английскими чартистами и социалистами, Энгельс обнаружил, что они очень мало знают о социальном движении, развертывающемся в странах европейского континента. Поскольку сам он в то время чрезвычайно интересовался этим и внимательно следил за ростом коммунистического движения в других европейских странах, у него возникла мысль познакомиться с чартистами и оуэнистами с социалистическими и коммунистическими направлениями во Франции, Швейцарии и Германии. С этой целью он написал статью «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», которая в ноябре 1843 г. была напечатана в органе английских социалистов «New Moral World».

Энгельс начинает статью важнейшим выводом, сделанным им в результате изучения социалистического и коммунистического движения в европейских странах: «...Три крупные цивилизованные европейские страны — Англия, Франция и Германия — пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоящей и неотвратимой необходимостью. Этот вывод тем более примечателен, что каждая из упомянутых наций пришла к нему независимо от остальных. Факт этот неопровержимо доказывает, что коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 512.

² Там же, стр. 520.

Вот почему представляется желательным, чтобы три нации установили взаимное понимание и постарались выяснить, в чем они между собой согласны и в чем расходятся...»¹.

Характеризуя развитие коммунистических идей во Франции, Швейцарии и Германии, Энгельс отмечает не только положительные стороны различных школ утопического социализма и коммунизма, но и их недостатки, обусловившие недолговечность многих из этих течений.

Энгельс прослеживает историю коммунистических и социалистических идей во Франции, начиная с Гракха Бабёфа, останавливается на учениях Анри Сен-Симона, Шарля Фурье, Этьенна Кабе. Слабостью сен-симонизма он считает мистическую оболочку этого учения, а также уязвимость его экономических принципов. Значительно выше сен-симонизма Энгельс ставил учение Фурье. Огромную заслугу Фурье он видит в создании социальной философии, важнейшей частью которой является теория о свободном труде. В то же время Фурье непоследователен в решении вопроса о частной собственности. Характеризуя учения Сен-Симона и Фурье, Энгельс отмечает их аполитичность, считая это большой слабостью обоих учений. «Сен-Симон и Фурье совсем не касались области политики,— пишет он,— и их планы остались поэтому лишь предметом частного обсуждения и не стали общим достоянием всей нации»².

Высокую оценку Энгельс дает книге французского мелкобуржуазного социалиста П.-Ж. Прудона «Что такое собственность?»; он отмечает ценность анализа права частной собственности и вытекающих из него следствий — конкуренции, безнравственности, нищеты. Правда, начав вскоре более глубоко заниматься политической экономией, Энгельс понял мелкобуржуазный характер прудоновской критики капиталистического общества, утопизм его мнимореволюционных реформ.

Большое внимание уделяет Энгельс положению в Германии и Швейцарии, в частности деятельности социалиста-утописта В. Вейтлинга, которого называет «основателем немецкого коммунизма»³. Он пишет также о философском коммунизме младогегельянцев, являющемся, по его словам, «необходимым следствием неогегельянской философии»⁴, и отмечает, что уже осенью 1842 г. некоторые младогегельянцы «пришли к выводу, что одних политических изменений недостаточно, и заявили, что только при *социальной* революции, основанной на коллективной собственности, установится общественный строй, отвечающий их абстрактным принципам»⁵. К числу сторонников коммунизма в Германии он причисляет Гесса, Руге, Гервега, Маркса и себя.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 525.

² Там же, стр. 529.

³ Там же, стр. 535.

⁴ Там же, стр. 539.

⁵ Там же.

Некоторые мысли в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» говорят о том, что Энгельс тогда еще не полностью освободился от утопических представлений, он явно преувеличивал влияние философии просветителей, прогрессивных идеалов утопического социализма и коммунизма на представителей образованной части имущих классов Германии, полагая, что они во имя «принципов» могут пренебречь материальными интересами.

Статья Энгельса была хорошо принята английскими социалистами и чартистами. Высокую оценку статье дал редактор «New Moral World» Флеминг, заявив на международном демократическом митинге, устроенном по случаю приезда в Лондон в 1844 г. В. Вейтлинга: «Британский читатель впервые получил сведения об этом реформаторе благодаря «New Moral World», где в конце прошлого года появилась серия хорошо написанных статей живущего в нашей стране молодого немца — «Континентальный социализм»... Она вызвала в Англии глубокий интерес к этому движению... и к судьбе его мужественного и самоотверженного зачинателя и вождя Вейтлинга»¹. В несколько сокращенном виде ее перепечатала «Northern Star» в 1843 г.

Сотрудничество в «Northern Star» Энгельс продолжал и в 1844 г. В письме в редакцию этой газеты в апреле 1844 г. он обещал регулярно присылать корреспонденции об успехах социалистического и коммунистического движения на континенте, используя для этой цели выдержки из немецких газет, а также «из собственной переписки с хорошо осведомленными лицами в Париже и в Германии»². Большая часть корреспонденций была посвящена Германии. В них содержится едкая критика реакционных порядков, господствовавших в стране, в особенности в Пруссии, засилья в ней военщины, чиновничества и поповщины, реакционно-ханжеской политики Фридриха-Вильгельма IV. Вместе с тем Энгельс подмечает и симптомы назревания революционного кризиса в германских государствах: распространение республиканских идей среди немецкой интеллигенции, политические выступления студенчества, народные бунты, вызванные усилением налогов. Однако главное внимание он уделяет рабочему движению, в особенности Силезскому восстанию ткачей летом 1844 года. Этому событию Энгельс посвятил две статьи, в которых весьма обстоятельно осветил причины и ход восстания. Одну из этих корреспонденций он завершил следующим выводом: «Таким образом, становится очевидным, что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для не-

¹ «The New Moral World» № 14, 1844, p. 110.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 182.

многих; неуверенность в завтрашнем дне, недовольство и возмущение имеют место и на холмах Силезии точно так же, как в перенаселенных городах Ланкашира и Йоркшира»¹.

К периоду сотрудничества в «Northern Star» относится первое печатное выступление Энгельса, посвященное России. В небольшой статье «Новости из Санкт-Петербурга» он показал реакционный характер политики царского правительства, подчеркнув, что эта политика тормозит экономическое развитие страны, в частности создание отечественной промышленности.

Весной 1843 г., по-видимому в мае, Энгельс познакомился в Лондоне с руководителями тайной организации немецких рабочих-коммунистов — Союза справедливых — наборщиком Карлом Шаппером, сапожником Генрихом Бауэром и часовщиком Иосифом Моллем. Впоследствии Энгельс писал: «Со всеми троими я познакомился в Лондоне в 1843 году; это были первые революционные пролетарии, которых я видел. И как бы ни расходились в частности тогда наши взгляды, — ибо их ограниченному уравнительному коммунизму я в то время еще противопоставлял немалую дозу столь же ограниченного философского высокомерия, — все же я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда сам я еще только хотел стать человеком»².

Уже во время первой встречи руководители Союза справедливых предложили Энгельсу вступить в Союз. Однако ввиду существенных разногласий во взглядах с ними он отклонил это предложение. Энгельс не разделял идей уравнительного коммунизма, которых придерживались члены Союза. Отрицательно относился он и к заговорщическим методам деятельности этой организации.

Окончательный переход к материализму и коммунизму

Пребывание в Англии помогло Энгельсу окончательно избавиться от идеалистических взглядов; научные исследования и приобретенный жизненный опыт сделали его последовательным материалистом.

В духовном развитии Энгельса важнейшее значение имеют статьи, написанные им для журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher», организаторами и редакторами которого были Маркс и Руге.

Стремясь привлечь к изданию журнала своих единомышленников, Маркс и Руге обратились с предложением сотрудничать в журнале и к Энгельсу. Возможно, что оно было передано ему в сентябре 1843 г., когда на курорте в Остенде он встретился с поэтом Г. Гервегом, принимавшим участие в организации журнала.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 201.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 216.

Энгельс написал для «Deutsch-Französische Jahrbücher» четыре статьи — «Наброски к критике политической экономии», «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»», «Положение Англии. Восемнадцатый век», «Положение Англии. Английская конституция». Из этих статей две первые были напечатаны в журнале в феврале 1844 г., а две последние в связи с прекращением издания были опубликованы в августе — октябре 1844 г. уже в другом органе — в выходившей в Париже при участии Маркса газете «Vorwärts!».

Сложившееся в период пребывания в Англии представление о материальном производстве и экономических отношениях как основе общественной жизни, желание дать научный анализ последствий господства частной капиталистической собственности побудили Энгельса приступить к критическому изучению буржуазной политической экономии. Наиболее значительным результатом этих занятий явились «Наброски к критике политической экономии», где Энгельс дал по существу первый опыт диалектико-материалистической критики буржуазной экономической науки, рассмотрел, по словам В. И. Ленина, с точки зрения социализма «основные явления современного экономического порядка»¹. В поле его зрения — буржуазная общественная система и буржуазная экономическая мысль. И ту и другую он подвергает беспощадной критике.

Энгельс первым из социалистов, и притом мастерски, применил диалектический метод к анализу экономических отношений буржуазного общества. Он рассматривает все экономические явления во взаимосвязи и взаимозависимости, в развитии, показывая единство и борьбу противоположностей как основу этого развития. Исходным и центральным пунктом его критики является критика частной капиталистической собственности и всего покоящегося на ней строя буржуазных отношений. Здесь выявляется огромное преимущество Энгельса перед буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками. Если буржуазная политическая экономия даже в лице ее лучших представителей объявляла частную капиталистическую собственность и соответствующий ей способ производства и самыми разумными, и вечными, то Энгельс, напротив, в развитии внутренних противоречий этой собственности, в неизбежном обострении социальных антагонизмов буржуазного мира открыл решающую причину будущей социальной революции, которая призвана смести порочную систему и воздвигнуть новый, справедливый мир. Если мелкобуржуазный социалист Прудон лишь клеймил частную капиталистическую собственность как кражу, как нечто совершенно аморальное и даже невозможное и выдвигал утопические проекты ее преодоления, то Энгельс, объяс-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

нив историческую необходимость и историческую ограниченность частной собственности, указал реальный путь к ее упразднению. Это не путь мелких и частичных реформ, как у Прудона, а коренная и глубокая революция.

Энгельс говорит о противоречиях между крупным и мелким производством. В промышленности крупное производство вытесняет мелкое, многочисленная мелкая буржуазия «доброе старого времени» постепенно исчезает, и на ее место становятся, с одной стороны, богатые капиталисты, а с другой — нищие пролетарии. Точно так же и в земледелии крупная земельная собственность поглощает мелкое крестьянское хозяйство. В этом процессе «централизации владения» Энгельс видит закон, «столь же имманентный частной собственности, как и все другие законы»¹.

Впечатляющий и яркий анализ противоречий буржуазного общества, данный Энгельсом, во многом опирается на острую критику этого общества социалистами-утопистами, но вместе с тем Энгельс идет дальше, дополняет ее рядом новых теоретических положений, самостоятельными выводами. Иногда, правда, он становится на путь чисто морального негодования и, касаясь, например, характера капиталистической торговли, осуждает ее даже в более гневных словах, чем это делал в свое время Фурье, осуждает торговлю безоговорочно, видя в ней только отрицательные черты, грязь, ложь и цинизм, отказывая ей в каком-либо положительном значении для общечеловеческого прогресса.

В экономической и социалистической литературе того времени живо дебатировался вопрос о всевозможных монополиях — владения, власти, в торговом деле. Буржуазные экономисты прославляли монополии как панацею от зла конкуренции.

В связи с этим Энгельс развивает замечательную мысль о диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности между конкуренцией и монополией. Вытекающая из природы частной капиталистической собственности конкуренция представляется ему той категорией, которая характеризует все стороны общественной жизни, буржуазную систему в целом. В жестокой конкурентной борьбе действует волчий закон, побеждает сильнейший, более слабый обречен погибнуть. Пока существует эта форма собственности, никакие монополии не способны покончить с конкуренцией — между мелким и крупным производством, между отдельными товаропроизводителями, между покупателями, между рабочими и капиталистами, внутри самой массы наемных рабочих. Частная собственность и конкуренция ведут к централизации капитала, к массовой нищете, к постоян-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 569.

но повторяющимся кризисам. Кризисы рассматриваются Энгельсом как наиболее яркое проявление неустойчивости буржуазного общества. Спрос не может совпадать с предложением, так как люди разобщены, общество атомизировано, и один не знает, что делает другой. В той же мере, в какой конкуренция порождает монополию, монополия порождает и обостряет конкуренцию. Для действительного упразднения конкуренции необходимо упразднение господства частной собственности.

Таким образом, в обществе Энгельс видит не какой-то беспорядок или нагромождение случайностей. Своим анализом он устанавливает определенные, от воли и разума людей не зависящие, объективные, естественные законы общественного развития, в основе которых лежит частная капиталистическая собственность. Это — закон конкуренции, закон централизации капитала, закон массового разорения и обнищания, закон спроса и предложения, закон кризисов перепроизводства. Эти законы, показывает Энгельс, могут исчезнуть не раньше, чем будет разрушена порождающая их форма собственности.

Материалистической интерпретацией экономических законов, подчеркиванием их исторического характера Энгельс намечал единственно возможный и реальный выход из «заколдованного» круга противоречий капитализма. Это было важное научное открытие.

Критика капитализма как системы сопровождается в работе Энгельса критикой выразителей и апологетов этой системы — буржуазных экономистов, различных, старых и новых, школ буржуазной политической экономии.

В кратком историческом обзоре Энгельс прослеживает эволюцию политической экономии, которая появилась как естественное следствие распространения промышленности и торговли, вместе с возникновением капитализма. Он дает характеристику меркантилистской системы и выражавшей ее теории торгового баланса, называет «смехотворной иллюзией»¹ представления меркантилистов о сущности богатства наций, которое заключается будто бы только в золоте и серебре. Рассматривая взгляды А. Смита и Д. Рикардо как шаг вперед в политической экономии, Энгельс в то же время показывает их буржуазную ограниченность. Он критикует представляемое ими либеральное направление экономической мысли за лицемерную попытку доказать нравственность торговли, ее выгодность для всех, ее гуманный характер. На самом деле, подчеркивает Энгельс, суть не изменилась, изменения претерпела лишь форма, кулачное право средневековья и открытый грабёж уступили место лишь внешне благопристойным сделкам и методам ограбления слабых более сильными, прежние ограничения и монополии всякого

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 545.

рода изжили себя, но вместо них появились другие ограничения и другие монополии. Словом, цинизм откровенный сменился цинизмом замаскированным.

Беспощадно критикуя буржуазных экономистов нового времени, Энгельс не делает здесь различия между Смитом и Рикардо, которые внесли в политическую экономию важный вклад, и вульгарными экономистами, такими как Сэй и Мак-Куллох, которые оставили в этой науке лишь отрицательный след. На данной ступени своего духовного развития он не принимает теорию трудовой стоимости, полагая, что в условиях частной собственности не может быть никакой абстрактной, или реальной, стоимости, что если существует какая-нибудь стоимость, то только меновая, что различие и уровень рыночных цен определяются исключительно соотношением спроса и предложения, а прибыль возникает в результате взаимного надувательства продавцов и покупателей. Более того, Энгельс считает теорию стоимости Смита и Рикардо воплощением нарочитой путаницы, нереальностью, призванной маскировать безнравственность торговли и сохранять «хоть тень видимости того, что цена как-то связана со стоимостью»¹.

Зрелой в научном отношении является данная Энгельсом критика мальтузианства. С точки зрения Мальтуса, «избыточное население», нищета, голод обусловлены «вечными законами» природы, согласно которым население якобы размножается в геометрической прогрессии, а производительная сила земли, средства существования растут в арифметической. Ответственность за массовые бедствия рабочих Мальтус возлагал, таким образом, на самих рабочих. «Избыточное население», по его мнению, может истребляться в войнах.

Человеконенавистническую «теорию» Мальтуса Энгельс клеймит как «гнусную, низкую доктрину», как «отвратительное кощунство против природы и человечества»². Он доказывает, что «избыточное население» обусловлено не природой, а неуемным стремлением буржуазии к избыточному богатству.

Работа Энгельса обратила на себя внимание современников. Берлинский врач Юлиус Вальдек писал видному демократу Иоганну Якоби в Кёнигсберг: «Энгельс сотворил поистине чудо, которое становится очевидным, если сравнить зрелость и мужественность его идей и стиля с его работами прошлого года»³.

«Наброски к критике политической экономии» вызвали большой интерес Маркса. В известном смысле эта работа побудила его усилить занятия политической экономией, которую он начал штудировать осенью 1843 г. Маркс законспектировал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 554.

² Там же, стр. 565.

³ G. Mayer. Friedrich Engels. Eine Biographie. Bd. I, S. 171.

«Наброски», неоднократно ссылаясь на них в своих трудах. Уже будучи зрелым экономистом, в предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии» (1859 г.), он охарактеризовал эту статью Энгельса как «гениальные наброски к критике экономических категорий»¹. После опубликования «Набросков» началась переписка между Марксом и Энгельсом, их «постоянный письменный обмен мнениями»².

Сам Энгельс в последующие годы весьма скромно оценивал «Наброски к критике политической экономии». В письме В. Либкнехту 13 апреля 1871 г. он отмечал, что эта статья устарела, написана в гегелевской манере и представляет разве только исторический интерес³.

В первом политико-экономическом произведении Энгельса несомненно влияние этических концепций социалистов-утопистов и абстрактного гуманизма Фейербаха. Налицо еще недостаточное проникновение в сущность важнейших экономических теорий, а отсюда и некоторые оценки, впоследствии пересмотренные самим Энгельсом. Но непреходящим остается прежде всего поразительное умение видеть связь между реальной экономической жизнью и экономической теорией, их взаимное влияние. Огромной заслугой Энгельса в этой работе явилось то, что в частной капиталистической собственности он вскрыл основу всей материальной и духовной жизни буржуазного общества. Нельзя не восхищаться той последовательностью и глубиной мысли, с которыми молодой Энгельс неизбежность социализма выводит из развития имманентных противоречий капиталистического производства.

В статье «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»», представляющей собой рецензию на книгу английского писателя и историка Карлейля, Энгельс выступает в общем с материалистических позиций. В основе исторического процесса, говорит он, лежит не та или иная абстракция, а конкретная деятельность людей, их суровая, но успешная борьба с природой «вплоть до достижения, в конце концов, свободного, человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях»⁴.

Энгельс отвергает идеалистические воззрения Карлейля, панлогизм Гегеля, противопоставляя им материалистическую философию Фейербаха. Он критикует религиозные взгляды Карлейля, его абстрактно-идеалистический подход к общественному развитию, романтическую идеализацию феодаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 8.

² Там же.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 174.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 593.

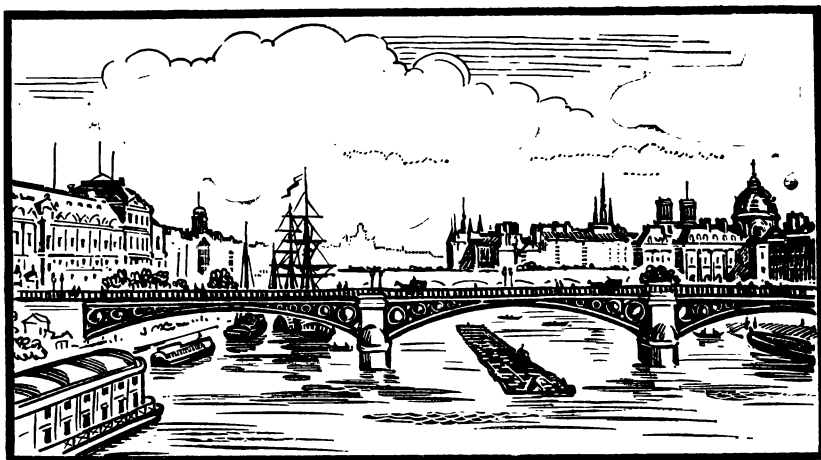
ной Англии, культ выдающихся исторических личностей. Энгельс решительно выступает против субъективного идеализма, скептицизма, против отрицания способности человеческого разума познать и разрешить глубокие противоречия общественной жизни.

Энгельс подвергает глубокой критике и социальные взгляды Карлейля. Его отношению к рабочим только как к страдающей массе, а к представителям господствующих классов — как к естественным повелителям этой массы, Энгельс противопоставляет свою веру в историческую миссию пролетариата. «...Лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения... — пишет он. — От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет обраования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее»¹.

Взгляды Энгельса на государство, развитые им в статьях 1843—1844 гг., показывают, что в это время он уже считает основой государства отношения собственности, признает его связь с экономическим строем, видит классовый характер государства, начинает все яснее понимать, какую огромную идеологическую и политическую роль оно играет.

Статьи, написанные Энгельсом для «Deutsch-Französische Jahrbücher», являются итогом важнейшего периода формирования его мировоззрения, ярким свидетельством его огромного духовного роста и возмужания, они отражают окончательный и полный переход Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 574.

Глава вторая

СОЗДАНИЕ ОСНОВ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе.

В. И. Ленин

Знаменательная встреча В конце августа 1844 г. завершилось «социальное ученичество» Энгельса в Англии, и он покинул Манчестер. По пути на родину он заехал в Париж к Марксу.

К тому времени Маркс и Энгельс, хотя и разными путями, пришли к идентичным научным взглядам и выводам.

Карл Маркс был на два с половиной года старше Энгельса. Он родился 5 мая 1818 г. в Трире, в Рейнской провинции Пруссии, в которой также родился и вырос Энгельс. По окончании гимназии в Трире Маркс поступил в Боннский, а затем в Берлинский университет, на юридический факультет. В университете он занимался не только правом, но увлекался также историей и особенно философией.

По окончании университета в 1841 г. Маркс рассчитывал преподавать философию в Бонне. Но этим планам не суждено было сбыться. Вместо ожидаемого оппозиционными кругами либерального курса при новом короле Пруссии Фридрихе-Вильгельме IV стали, наоборот, широко проводиться правительственные репрессии. Университетские кафедры были закрыты для прогрессивно мыслящих людей. В этих условиях Маркс избрал другой путь. Он стал сотрудником, а затем редактором кёльнской «Rheinische Zeitung». Под его руководством газета все более принимала боевой революционно-демократический характер, что явилось причиной преследования ее прусскими властями. В январе 1843 г. состоялось правительственное постановление о закрытии газеты с 1 апреля того же года и о введении на оставшееся время для нее особо строгой цензуры. В ответ на эти меры акционеры газеты решили придать ей более умеренный тон и таким путем «спасти» ее. Не согласный ни на какие уступки реакционерам, Маркс 17 марта 1843 г. заявил о своем выходе из редакции.

Он решил покинуть Германию, чтобы за ее пределами издавать орган революционной социалистической пропаганды. Летом 1843 г. Маркс женился на Женни фон Вестфален. В конце года молодые супруги переехали в Париж. В феврале 1844 г. Марксу совместно с А. Руге удалось издать здесь первый выпуск журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher», в котором, как уже говорилось, были напечатаны и статьи Энгельса. Сотрудничество при подготовке этого выпуска, оказавшегося единственным, сблизило Маркса и Энгельса. Начавшаяся между ними переписка стала прологом будущей дружбы.

В парижской квартире Маркса, в доме № 38 по улице Ванно, в Сен-Жерменском предместье, Энгельс появился в последние дни августа 1844 г.

Внешне Маркс и Энгельс были несхожи. Энгельс — светловолосый, высокий, стройный, с военной выправкой и по-английски сдержанными манерами. Маркс — коренастый, с пронизательным взглядом и черной, как смоль, львиной гривой волос, энергичный, подвижной. У каждого из них свой особый стиль работы. Но они были близки друг другу по силе ума, по искренности и чистоте сердца, по мужеству и стойкости характера. Их объединяло то, что оба они были уже убежденными коммунистами, энергичными и решительными революционерами.

В течение десяти дней, проведенных в Париже, Энгельс почти не разлучался с Марксом. В откровенных беседах они обсуждали множество волновавших обоих теоретических и практических проблем. «Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, — писал впоследствии Энгельс, — выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того вре-

мени началась наша совместная работа»¹. Радостью непосредственного общения с Марксом окрашены все дни, которые Энгельс провел в Париже. «Ни разу еще я не был в таком хорошем настроении,— писал он Марксу по возвращении в Бармен,— и не чувствовал себя в такой степени человеком, как в течение тех десяти дней, что провел у тебя»².

Во время пребывания Энгельса в Париже Маркс ввел его в небольшой кружок редакторов и сотрудников выходившей здесь немецкой газеты «Vorwärts!». Под влиянием Маркса этот поначалу бесцветный листок, созданный в январе 1844 г. немецким коммерсантом Генрихом Бёрнштейном, стал органом пропаганды революционно-демократических и коммунистических идей. Маркс следил за тем, чтобы газета сохраняла верное направление, и время от времени помещал в ней статьи и заметки против отсталых общественных и политических порядков в Германии, против реакционного пруссачества. Вокруг «Vorwärts!» сплачивались приверженцы коммунистических идей.

В этой газете, которую Энгельс характеризовал как коммунистическую³, были опубликованы в августе — октябре 1844 г. две ранее написанные им статьи: «Положение Англии. Восемнадцатый век» и «Положение Англии. Английская конституция». В них Энгельс вскрыл существо тех глубоких социальных изменений, которые произошли в Англии в XVIII веке, и показал, что в основе их лежит промышленный переворот, вызвавший коренную ломку социальной структуры Англии, ее классового состава. Важнейшим результатом промышленной революции Энгельс считал образование пролетариата. Характерную особенность тогдашней английской государственной жизни он видел в разрыве и прямом противоречии между провозглашенными политическими правами и их осуществлением. «...Кто же, в сущности, правит в Англии?» — спрашивает Энгельс. И отвечает: «Правит собственность»⁴. «Буржуазия и собственность господствуют; бедняк бесправен, его угнетают и унижают, конституция его не признает, закон притесняет его...»⁵.

Будучи в Париже, Энгельс познакомился с деятелями демократического и социалистического движения Франции. Вместе с Марксом он посещал кафе на набережной Вольтера, где почти каждый вечер собирались близкие друзья и сторонники Маркса. Бывали в этом кафе и революционные эмигранты из других стран. Вокруг Маркса группировались К. Л. Бернайс — один из редакторов «Vorwärts!», А. Г. Эвербек — руководитель парижских общин Союза справедливых, французский морской

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 220.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 8.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 208.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 626.

⁵ Там же, стр. 642.

врач, переводчик произведений Фейербаха Герье, который под влиянием Маркса стал разделять коммунистические идеи, русские эмигранты Михаил Бакунин, Николай Сазонов и другие.

Маркс и Энгельс ясно видели свою задачу: продолжая разработку новой, революционной теории, пробить ей дорогу к передовым элементам интеллигенции и к рабочим массам в Германии. Но прежде всего важно было опровергнуть те ложные взгляды, которые препятствовали распространению материалистических и коммунистических воззрений.

**«Святое семейство» —
первый совместный
труд Маркса и Энгельса**

Еще до встречи с Энгельсом у Маркса сложился замысел работы против младогегельянцев, которые все больше отходили от своих прежних демократических убеждений. Они высокомерно противопоставляли «абсолютное самосознание», «критическую критику», выразителями которой считали самих себя, «массе»; отрицали роль народных масс в общественном развитии; третировали пролетариат как «закоснелую», грубую материю, мешающую «деятельному духу». Эволюция взглядов младогегельянцев вправо находила выражение на страницах ежемесячника «Allgemeine Literatur-Zeitung», выпускавшегося Б. Бауэром в 1843—1844 г. в Шарлоттенбурге. В восьмом выпуске этого издания была напечатана статья Б. Бауэра «1842 год», в которой автор критиковал «радикализм 1842 г.» и его выразителя — «Rheinische Zeitung». Запрещение газеты Бауэр представлял как крах идей революционных демократов перед лицом инертности масс.

Свои взгляды Б. Бауэр излагал и в письмах. Так, один из друзей Маркса в Кёльне — Г. Юнг — в июле 1844 г. сообщал ему: «Бауэр так сильно помешался на критике, что недавно написал мне о том, что теперь следует подвергнуть критике не только общество, привилегированных собственников и т. д., но — о чем еще никто не думал — пролетариев...»¹. Юнг считал, что Маркс должен выступить против позиции Бауэра.

Взгляды Энгельса на младогегельянцев полностью совпадали с отношением к ним Маркса. Поэтому он охотно принял предложение написать совместно брошюру против братьев Бауэров и их единомышленников. Значение этого выступления Энгельс несколько позже, в апреле 1845 г., охарактеризовал следующим образом: «...Объявлена война тем из немецких философов, которые отказываются сделать практические выводы из своей чистой теории и которые утверждают, что человеку только и надлежит предаваться спекулятивным размышлениям о метафизических проблемах... Бауэр и Штирнер являются вырази-

¹ Karl Marx, Friedrich Engels. Gesamtausgabe (MEGA), [Изд. 2], Abt. III, Bd. 1, S. 437.

телями наиболее крайних выводов немецкой *абстрактной* философии, а следовательно и единственно серьезными философскими противниками социализма, или, вернее, коммунизма...»¹.

Сначала Маркс и Энгельс намеревались ограничиться небольшим сатирическим памфлетом в три — пять печатных листов. Еще находясь в Париже, Энгельс написал свои разделы общим объемом в полтора печатных листа. Работая после отъезда Энгельса над своей частью, Маркс далеко вышел за пределы ранее намеченного объема. Он использовал многое из своих подготовительных работ и превратил полемическую работу против Бауэров в обширное и обстоятельное исследование.

Первый совместный труд Маркса и Энгельса занимает важное место в процессе становления философских и социально-политических взглядов основоположников научного коммунизма.

Первоначально Маркс и Энгельс назвали свой памфлет «Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Однако после отъезда Энгельса Маркс озаглавил книгу «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Выражением «святое семейство», заимствованным из евангелия, Маркс пользовался в своем кругу, когда говорил о группе братьев Бауэров, ограничивавшейся критикой религии, уходящей от «грешной» действительности в облачную сферу абстрактной критики.

Маркс и Энгельс подвергают глубокой критике не только младогегельянцев, но и ту философскую систему, из которой выросло это направление, — философию Гегеля. В предисловии к работе указывалось, что опаснейшим врагом материализма является в Германии спекулятивный идеализм, изображающий действительность в искаженном, перевернутом виде. У Гегеля, доказывается далее в книге, дух производит природу, результат порождает свое начало, сын производит на свет своего отца. История превращается в понимании Гегеля и младогегельянцев в какую-то особую мистическую силу, существующую независимо от людей, а люди — в пассивное орудие потустороннего духа.

Для Гегеля и его приверженцев, говорится в «Святом семействе», человек с его конкретной материальной деятельностью не более, чем проявление бесплотной идеи. Вся человеческую жизнь, а вместе с этим и исторический процесс, гегельянцы сводят к одной только смене идей, приобретающей к тому же у них какой-то мистический характер. Но если вся история разворачивается лишь в мире идей, то материальная действительность остается совершенно незатронутой, неизменной.

Энгельс резко критикует этот отрыв от реальной действительности, который младогегельянцы с их «критикой» унасле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 529—530.

довали от Гегеля. «Критика только то и делает,— пишет Энгельс о младогегельянцах,— что «образует себе формулы из категорий существующего», а именно — из существующей *гегелевской философии* и существующих социальных устремлений. Формулы — и ничего более, кроме формул... Она является и остается старой бабой; она — увядшая и вдовствующая *гегелевская философия*, которая подрумянивает и наряжает свое высушенное до отвратительнейшей абстракции тело и с вожделением высматривает все уголки Германии в поисках жениха»¹.

Подвергая критике идеалистическую философию Гегеля, Маркс и Энгельс в «Святом семействе» отдают должное тому, что было рационального в его диалектике. Они не отождествляют философские воззрения младогегельянцев с гегелевской философией. Маркс и Энгельс показывают, что эти воззрения уже стали карикатурой на философию Гегеля. Если у Гегеля абсолютный дух, творящий историю, все же вынужден прибегать к массе как нужному ему материалу, без которого не осуществляется историческое действие, то братья Бауэры и К^о «устранили» эту половинчатость Гегеля. На место гегелевского абсолютного духа они поставили фихтевское самосознание и придали таким образом своим философским воззрениям субъективно-идеалистический смысл. Рассматривая массу как пассивный, косный элемент истории, младогегельянцы приписывали активную роль только небольшой кучке избранных, от которых якобы исходит всякое историческое действие. Следовательно, младогегельянцы не только не преодолели идеализм гегелевской философии, но сделали шаг назад.

Свою бесплодную «критику» младогегельянцы объявили великим достижением, обеспечивающим немецкому народу «духовный перевес». Энгельс в одной из глав «Святого семейства» клеймит это шовинистическое высокомерие «критической критики». Она, пишет Энгельс, доказала только то, что «по уши еще торчит в грязи *немецкого национализма*»². Он противопоставляет этой «критике» ту живую, действительную критику существующего общества, которую развернули французы и англичане в своей социальной и политической деятельности. В отличие от немецкой «критики», стоящей, по словам Энгельса, вне человечества, критика, осуществляемая французами и англичанами,— «*действительная человеческая деятельность индивидуумов, являющихся активными членами общества, которые, как люди, страдают, чувствуют, мыслят и действуют*»³.

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс выступают как убежденные материалисты.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 21.

² Там же, стр. 169.

³ Там же.

Здесь уже виден прямой подход к основной идее материалистического понимания истории — идее о решающей роли материального производства в развитии общества.

Маркс и Энгельс выдвинули также одно из коренных положений исторического материализма — о том, что народ является действительным творцом истории. В ходе исторического процесса все более возрастает роль народных масс как решающей силы общественного прогресса и подлинных вершителей судеб человечества. И чем шире и глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее массы, которые совершают этот переворот. «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»¹.

Ничтожеству мысли погрязших в многословной и бессодержательной «критике» младогегельянцев Маркс и Энгельс противопоставляют светлый ум немецкого материалиста Людвиг Фейербаха, отмечают особенно его критику религии и гегелевского идеализма. Вспоминая впоследствии о влиянии философии Фейербаха, которое они с Марксом испытывали в тот период, Энгельс писал: «С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно представить себе, прочитав «Святое семейство»»².

В этой книге нашла дальнейшее развитие идея о всемирно-исторической роли пролетариата, обусловленной его положением в обществе. В жизненных условиях пролетариата современное общество достигло высшей точки бесчеловечности. Пролетариат «не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугазываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»³.

Именно на этот в высшей степени важный вывод обратил специальное внимание В. И. Ленин, говоря о «Святом семействе». «Господа Бауэры, — писал он, — свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 2, стр. 90.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 281.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 40.

ства. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате»¹.

В первом совместном труде Маркса и Энгельса были сформулированы и некоторые важные положения марксистской политической экономии. В частности, здесь Маркс обосновывает объективную неизбежность победы коммунизма тем, что частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к гибели.

«Святое семейство» — выдающееся произведение периода формирования марксизма. Естественно, что в этом труде еще не вполне преодолено влияние слабых сторон предшествующей материалистической философии, особенно Фейербаха. И хотя уже здесь сделаны существенные критические оговорки в отношении философских взглядов Фейербаха, это было лишь началом той решительной критики его метафизического и созерцательного материализма, которую Маркс и Энгельс дали несколько позже.

То же можно сказать и о терминологии. Так, подобно Фейербаху, авторы «Святого семейства» еще не определяют свои философские воззрения как материалистические. Они пользуются подчас термином «реальный гуманизм». Правда, в этом термине заключена глубокая мысль о гуманистическом содержании новой материалистической философии, послужившей логической основой коммунизма.

В «Святом семействе», которое является весьма важной вехой в истории формирования марксизма, сформулирован ряд исходных положений мировоззрения рабочего класса. Маркс и Энгельс, по словам В. И. Ленина, заложили в этом труде основы научного, «революционно-материалистического социализма»².

Коммунистическая пропаганда в Германии

В начале сентября 1844 г. Энгельс выехал из Парижа на родину, в Бармен. Перед отъездом он условился с Марксом, что скоро вернется в Париж. Пребывание в Германии Энгельс намеревался использовать для установления связей с активными участниками социалистического движения и развертывания революционной пропаганды.

После посещения ряда городов Рейнской провинции Энгельс с восторгом сообщает Марксу о популярности коммунистических идей в среде немецкой интеллигенции. «В Кёльне,— пишет он в первом же письме в Париж,— я провел три дня и был поражен невероятными успехами нашей пропаганды»³. В Дюссельдорфе он также нашел «несколько дельных ребят»⁴. В Эльберфельде, Бармене, продолжает Энгельс, немало горячих

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

² Там же, стр. 9—10.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 6.

приверженцев коммунизма. Правда, следует сказать, что под флагом коммунизма в тогдашней Германии выступали нередко люди с самыми путаными и неопределенными взглядами, вплоть до буржуазных радикалов и авторов всевозможных мелкобуржуазных систем и теорий. Сочувствие коммунистическим идеям (речь, разумеется, идет об идеях утопического коммунизма) было одной из форм выражения общих оппозиционных настроений против правительства.

Энгельс с удовлетворением отмечает широкую пропаганду коммунистических идей в Германии. «Что меня особенно радует,— пишет он в январе 1845 г.,— так это внедрение коммунистической литературы в Германии, которое стало теперь *fait accompli* [совершившимся фактом]. Всего только год, в сущности, как она возникла и начала завоевывать себе место вне Германии, в Париже, а теперь она уже села на шею немецкому Михелю. Газеты, еженедельники, ежемесячные и трехмесячные журналы и подтягивающиеся резервы тяжелой артиллерии — все как следует. Чертовски быстро шло это развитие! Подпольная пропаганда тоже принесла свои плоды...»¹. Сам он распространяет среди социалистов газету «Vorwärts!», организует совместно с Гессом издание журнала «Gesellschaftsspiegel» специально для систематической публикации «фактов, характеризующих современное состояние общества, и для защиты прав трудящихся классов»². Энгельс печатает статьи в журналах «Rheinische Jahrbücher», «Deutsches Bürgerbuch», издававшихся приверженцами социалистических идей. В то же время он проектирует издание на немецком языке «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов» и другой социалистической литературы, подробно обсуждает этот план с Марксом.

В это время в Германии возрос интерес к «социальному вопросу». Бедственное положение немецких рабочих, которое так ярко осветило вспыхнувшее в июне 1844 г. пламя восстания силезских ткачей, привлекло к себе внимание всей страны. Буржуазные филантропы, либералы и представители радикальной интеллигенции стали создавать «Союзы для улучшения положения трудящихся классов». Подобные союзы были основаны во многих городах.

Приверженцы коммунистических идей выступали против правительства и церковников, которые пытались подчинить союзы своему влиянию. Энгельс и его друзья, также участвовавшие в деятельности союзов, разоблачали лицемерную филантропию немецких буржуа, практику унижительной для рабочих благотворительности и грошовых подачек, которыми буржуа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 16.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 529.

зия пыталась создать видимость улучшения положения рабочих и отвлечь их от революционного движения.

«Эльберфельдские речи»

Энгельс был одним из организаторов собраний в Эльберфельде 8, 15 и 22 февраля 1845 г., на которых происходили дискуссии о коммунизме. На первом собрании присутствовало 40 человек, на втором — 130, на третье собрание пришло уже около 200 человек. «Весь Эльберфельд и Бармен,— рассказывал Энгельс Марксу,— начиная с денежной аристократии и кончая мелкими лавочниками, был представлен, за исключением только пролетариата»¹. Главными ораторами были Энгельс, Гесс, а также художник и поэт Г. А. Кётген.

Энгельс выступал с речами на двух собраниях — 8 и 15 февраля². Мастерски используя критику капитализма, данную великими социалистами-утопистами, а также собственные наблюдения, сделанные им в Англии, он резкими красками изобразил пороки буржуазного общества, показал те внутренние противоречия, которые разъедают этот социальный строй и готовят его гибель. Во втором выступлении он дополнил общую характеристику капиталистического строя более конкретным освещением современного социального положения Германии.

Созданный свободной конкуренцией общественный порядок означает на деле, говорил Энгельс, беспорядочное ведение хозяйства, неорганизованность, всеобщую эксплуатацию, войну всех против всех и взаимную враждебность, пренебрежение ради личной выгоды подлинным всеобщим благом. Прямым результатом такого общественного порядка являются все большее скопление собственности в руках немногих, резкий антагонизм между кучкой богачей и многочисленными бедняками, вопиющее несоответствие между производством и потреблением, частые торговые кризисы, прямое расточение материальных и человеческих ресурсов.

Миру свободной конкуренции Энгельс противопоставляет разумную организацию общества — коммунистическое общество, «где интересы отдельных людей не противоположны друг другу, а объединены»³. В таком обществе не будет места разорению отдельных классов, в производстве и распределении жизненных благ отпадет частное присвоение, легко можно будет учитывать как производство, так и потребление, производство будет регулироваться «соответственно потребностям»⁴, исчезнут кризисы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 21.

² Речи Энгельса были опубликованы в журнале «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform», 1845, Bd. I.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 535.

⁴ Там же.

Коммунизм, говорил Энгельс, уничтожит антагонизм между отдельным человеком и обществом, противопоставит социальной войне социальный мир. Отпадет необходимость в сложном органе административных и судебных учреждений. В обществе, «в котором общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица»¹, появится возможность разумно использовать человеческие силы, безжалостно растрачиваемые при капитализме.

В коммунистическом обществе не будет необходимости в постоянной армии. Защищать свое «действительное отечество» будет весь народ.

Энгельс показывает преимущества коммунистического устройства: «Самая большая экономия рабочей силы заключается в соединении отдельных сил в коллективную силу общества»²; поддерживает высказанную Р. Оуэном мысль о необходимости уничтожения существующей противоположности между городом и деревней.

Говоря об исторической и экономической необходимости коммунизма, он подчеркивает, что коммунизм «не является теорией, оторванной от действительности и порожденной только фантазией»³. О коммунизме Энгельс говорит с большой убежденностью, ярко, хотя в некоторых местах его речей еще заметно известное влияние утопического социализма и фейербаховского абстрактного гуманизма.

«Эльберфельдские речи» Энгельса являются произведением, в котором ярко выражены пламенный энтузиазм молодого революционера, его неукротимое чувство социальной справедливости, его смелая готовность не только изучать, но и практически решать жгучие социальные вопросы, его исключительное дарование теоретика и пропагандиста.

Энгельс был воодушевлен результатами эльберфельдских собраний. Он спешит поделиться своими впечатлениями с Марксом. «Здесь, в Эльберфельде, происходят чудеса... Успех колоссальный. Коммунизм является главной темой разговоров, и каждый день приносит нам новых приверженцев... Самая тупая, самая ленивая, самая филистерская публика, которая ничем в мире не интересовалась, начинает прямо восторгаться коммунизмом... А знаешь, стоять перед настоящими, живыми людьми и проповедовать им непосредственно, ощутимо, открыто — это совсем другое дело, чем заниматься проклятой абстрактной писаниной, имея перед своим «духовным взором» столь же абстрактную публику»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 538.

² Там же, стр. 541.

³ Там же, стр. 543.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 21, 22.

Трудности коммунистической пропаганды

Собрания в Эльберфельде вызвали у властей серьезную тревогу. Обер-бургомистр города счел необходимым информировать королевского окружного ландрата о характере этих собраний и о принятых им мерах: собрания были в дальнейшем строго запрещены, а выступавшим на них ораторам, в том числе Энгельсу, полиция официально заявила, что если запрещение будет нарушено, то организаторы собраний будут арестованы и преданы суду. Но Энгельс не прекратил деятельности, всячески старался расширить свою пропаганду среди местных рабочих. Однако эти попытки остались тогда безуспешными.

Он продолжает устанавливать связи с приверженцами коммунизма, живущими в разных городах Германии. В частности, обращается к Фейербаху, жившему в Баварии, с просьбой приехать в Рейнскую провинцию и принять активное участие в пропаганде коммунистических идей. Однако попытка вовлечь Фейербаха в практическую деятельность не встретила отклика. Изолировав себя в баварской деревушке, Фейербах не смог найти дорогу из царства мертвых абстракций в мир живых людей с их реальными интересами, не смог перейти от абстрактного человека к живым людям, к конкретному изучению их реальных жизненных условий.

В связи с препятствиями, которые полиция чинила коммунистической пропаганде, Энгельсу и его друзьям приходилось соблюдать конспирацию. Он принимал меры для обеспечения надежности своей переписки с Марксом, зная, что полиция следит как за ним, так и за его другом. «Я написал бы тебе еще о многом, — сообщал он Марксу, — если бы имел надежный адрес в Брюсселе... Многое из того, что здесь произошло, могло бы повредить кое-кому, если бы письмо было прочтено в «черном кабинете»»¹.

Когда Маркс по требованию прусских властей был выслан французским правительством из Франции и 3 февраля 1845 г. выехал в Брюссель, Энгельс тотчас же организовал сбор денег для Маркса и его семьи. «Эти собаки, — писал он о полицейских властях Франции, — не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения»².

Активная политическая деятельность Энгельса все больше обостряла конфликт между ним и его отцом. «История с собраниями и «беспутство» некоторых наших здешних коммунистов, с которыми я, разумеется, встречаюсь, — писал Энгельс Марксу, — снова вызвали у моего старика взрыв религиозного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 23. Под «черным кабинетом» подразумевается полицейская цензура.

² Там же, стр. 20.

фанатизма. Мое заявление, что я окончательно отказываюсь заниматься торгашеством, еще более рассердило его, а мое открытое выступление в качестве коммуниста пробудило у него к тому же и настоящий буржуазный фанатизм. Ты можешь себе представить теперь мое положение... Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон, прежде чем передают мне. А так как они знают, что все эти письма от коммунистов, то строят при этом такую горестно благочестивую мину, что хоть с ума сходи. Выхожу я,— все та же мина. Сажу я у себя в комнате и работаю,— конечно, над коммунизмом, это известно,— все та же мина. Я не могу ни есть, ни пить, ни спать, не могу звука издать без того, чтобы перед моим носом не торчала все та же несносная физиономия святоши. Что бы я ни делал — ухожу ли я или остаюсь дома, молчу или разговариваю, читаю или пишу, смеюсь или нет — мой старик строит все ту же отвратительную гримасу»¹.

Чтобы не огорчать мать, которая тяжело переживала его столкновения с отцом, Энгельс попытался снова взяться за «коммерцию», в течение двух недель посещал опостылевшую торговую контору. «Но мне это опротивело раньше, чем я начал работать,— писал он Марксу 20 января 1845 г.,— торговля — гнусность, гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, то есть буржуа, активно выступающим против пролетариата. Несколько дней, проведенных на фабрике моего старика, снова воочию показали мне... всю эту мерзость...»².

В этих условиях отдушиной для Энгельса была работа над книгой «Положение рабочего класса в Англии», материалы для которой он собирал в течение почти всего своего пребывания в Англии. «Если бы я не должен был ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни английского общества,— писал Энгельс Марксу 20 января 1845 г.,— я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно это давало новую пищу моему бешенству»³.

«Положение рабочего класса в Англии»

Живя в Англии, Энгельс основательно изучил характер и социально-экономические последствия промышленной революции, благодаря которой Англия превратилась в промышленную мастерскую мира и стала страной классического капитализма с развитой промышленной буржуазией и многочисленным пролетариатом.

Сначала Энгельс имел в виду написать книгу о социальной истории Англии, а положению рабочего класса посвятить в этой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 27.

² Там же, стр. 19.

³ Там же.

книге только одну из глав. Но в процессе изучения литературы и источников, присматриваясь непосредственно к условиям труда, к жизни и борьбе английского пролетариата, он изменил свой план. Он пришел к убеждению, что положение рабочего класса должно составить исключительную тему целого исследования. Сложился стройный замысел большой книги под названием «Положение рабочего класса в Англии».

Свою книгу Энгельс писал «по собственным наблюдениям и достоверным источникам»¹. Наряду с личными впечатлениями, он опирается на обширную литературу (труды П. Гаскелла, Д. Уэйда, Д. Портера, Э. Бейнса, Э. Юра, братьев Алисонов, Т. Карлейля и др.). Значительное место среди источников занимают официальные отчеты парламентских комиссий и фабричных инспекторов, а также различные статистические материалы.

Большое внимание Энгельс уделил непосредственным свидетельствам самих английских рабочих. А для этого наилучшим источником была чартистская газета «Northern Star», на страницах которой печатались их многочисленные корреспонденции. Он черпал материал также из многих других газет и журналов.

Некоторые части книги были вчерне написаны Энгельсом еще в Англии. Однако основную работу он проделал в Бармене, приступив к систематической обработке собранных им материалов и написанию книги в сентябре 1844 г. 19 ноября он писал Марксу: «Я зарылся с головой в английские газеты и книги, на основании которых пишу свою книгу о положении английских рабочих»².

В марте 1845 г., после почти полугода напряженного и захватывающего труда, книга была закончена. Первое издание ее появилось в 1845 г. в Лейпциге.

Написанная на основе фактического материала, почерпнутого в Англии, стране, где капитализм в то время достиг наибольшего развития, причем в классической форме, книга Энгельса давала возможность сделать выводы, имеющие более широкое значение, характеризующие главные тенденции капиталистического развития вообще.

Энгельс впервые вскрыл ряд закономерностей капиталистического производства — периодическое повторение экономических кризисов, образование промышленной резервной армии безработных, усиление эксплуатации рабочего класса, трудящихся по мере расширения капиталистического производства, с ростом фабричной системы. «Я предъявляю англичанам славный перечень их грехов,— писал он Марксу.— Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 231.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 10.

убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу на английском языке вступление к книге, которое напечатают отдельно и разошлю английским партийным лидерам, литераторам и членам парламента. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что хотя я и бью по мешку, но имею в виду осла, то есть немецкую буржуазию. Я достаточно ясно говорю ей, что она так же плоха, как английская, но далеко не так смела, последовательна и искусна в своем живодерстве»¹.

Сила книги Энгельса, безусловно, в огромном богатстве фактического материала, обличающего капиталистическое общество. Энгельс сумел глубоко понять и необычайно ярко представить нужды и чаяния пролетариев, показать в их лице людей, не только тяжело страдающих под гнетом капитала, но и смело борющихся за достойное человеческое существование, способных, в конце концов, разбить цепи наемного капиталистического рабства. Со страниц этой книги встает впечатляющая фигура рабочего, который начинает сознавать ужас своего положения, видеть истинных виновников своих бедствий и искать пути для уничтожения господствующей системы.

Книга проникнута нескрываемым чувством ненависти к буржуазии и горячей симпатией к рабочим. Это — работа, написанная с открыто коммунистических позиций.

Но еще в большей степени сила книги Энгельса определяется материалистическим подходом к анализу важных общественных процессов. Как впоследствии писал сам Энгельс, книга показывает, в какой мере ему удалось к середине 40-х годов самостоятельно продвинуться к пониманию роли экономического фактора в развитии общества, то есть к материалистическому пониманию истории. Энгельс проникает в недра капиталистического способа производства, показывает обогащение буржуазии и обнищание рабочих, предугадывает возможные пути развития Англии, ее экономики, соотношения ее классовых сил. Он характеризует нынешнее положение и будущее рабочего класса, рабочего движения исходя из места, занимаемого пролетариатом в системе материального производства. Энгельс мастерски применяет в разработке всех аспектов избранной темы тот материалистический принцип, согласно которому классовые интересы в обществе проявляются прежде всего как экономические интересы, и столкновение экономических интересов в конечном счете составляет скрытую пружину развития общества.

Энгельс доказывает неизбежность социальной революции, призванной «свергнуть существующий социальный порядок»². Таковую революцию осуществит пролетариат, и потому с ней не сможет сравниться ни одна из прежних революций. Грядущая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 10.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 515.

революция пролетариата, образно говоря, объявит «войну дворцам» и принесет «мир хижинам». Это будет социалистическая революция. Тогда еще не было разработанной научной терминологии исторического материализма, но по существу Энгельс рисует острейший конфликт между гигантски выросшими производительными силами буржуазного общества и основанными на частной капиталистической форме присвоения производственными отношениями. Неизбежность смены капитализма коммунизмом вытекает из этого конфликта. Социалистическая революция является единственно возможной формой его разрешения.

Энгельс первым из социалистов оценил всю глубину и значение промышленного переворота в Англии.

Начиная со второй половины XVIII века произошли существенные изменения в технике и технологии промышленного производства, были изобретены и внедрены в промышленность механический ткацкий станок, паровая машина и другие машины, фабричный труд одержал победу над ручным трудом, в громадных размерах выросли производительность труда и объем промышленного производства, индустрия начала оказывать революционизирующее влияние и на земледелие. Но главный результат этой индустриальной революции Энгельс видит в появлении нового класса, промышленного и сельскохозяйственного пролетариата — громадной, заполняющей всю Великобританию массы рабочих, чье положение является исходным пунктом всех социальных движений современности и с каждым днем все более привлекает внимание цивилизованного мира. Разорив массу мелкой буржуазии, промышленная революция свела все классовые различия в основном к противоположности между рабочими и капиталистами. Борьбу крупной буржуазии и пролетариата Энгельс рассматривает как главный фактор социального развития Англии. Нельзя дать прочного обоснования какой-либо социалистической или коммунистической теории, подчеркивает он, не изучив условий жизни пролетариата, и прежде всего пролетариата той страны, где эти условия приняли классические формы.

В книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс не делает общих декларативных утверждений. Его исследование носит конкретный характер, детально освещает жизнь и борьбу таких отрядов английского пролетариата, как прядильщики и ткачи, рабочие трикотажного и кружевного производств, портные и модистки, стекольщики, металлисты, горняки, сельскохозяйственный пролетариат. Специальная глава («Большие города») посвящена быту и нравам крупнейших промышленных центров.

С исключительной выразительностью Энгельс обрисовал бедствия английских рабочих, показал, что их неизменным уделом

являются подневольный труд, голод, нищета, деморализация, постоянное разрушение физических и духовных сил. Всему классу рабочих — мужчинам, женщинам, детям — промышленная буржуазия объявила настоящую войну. Все ее действия, подчиненные стремлению к богатству и власти, означают, по сути, социальное убийство рабочих. Маркс в «Капитале» отмечал, что Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» обнаружил глубокое понимание капиталистического способа производства¹. В. И. Ленин указывал, что «ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса»².

Тяжелые условия жизни и труда рабочих толкают их на борьбу против капиталистов. Значительная часть книги посвящена рабочему движению, классовой организации пролетариата, формам и методам его борьбы. В условиях буржуазного общества перед пролетарием стоит альтернатива: либо покориться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» блюсти интересы буржуа — и тогда неизбежно превратиться в животное, либо противиться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство — а это можно сделать только в борьбе против буржуазии. Активно участвуя в революционном движении, рабочий проявляет свои самые высокие, привлекательные, самые благородные человеческие черты.

Анализируя позиции различных отрядов рабочего класса Великобритании в органической связи с их социальным положением, Энгельс доказывает, что лучше всех сознают свои интересы промышленные рабочие. Они гордятся званием рабочих, поднялись до понимания того, что «составляют самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам, и в то же время класс, на котором зиждется вся сила нации и ее способность к дальнейшему развитию»³. Энгельс особо подчеркивает роль крупных промышленных центров в развитии рабочего движения. Большие города — это очаги рабочего движения; здесь рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, здесь зародились рабочие союзы, чартизм и социализм.

Едва ли не первым среди сторонников коммунизма Энгельс отметил важное значение профессиональных союзов и экономических стачек в защите жизненных интересов рабочих, в деле их сплочения и воспитания их боевых качеств. «Стачки являются военной школой, в которой рабочие подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; они являются манифе-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 251.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 463.

стацией отдельных отрядов рабочего класса, возвещающих о своем присоединении к великому рабочему движению»¹.

В то же время Энгельс показывает, что сами по себе союзы и стачки не в состоянии изменить те экономические законы, которые управляют развитием буржуазного общества. Лишь в ходе борьбы рабочие постепенно осознают, что для преодоления власти буржуазии необходимо нечто большее, чем только рабочие союзы и стачки. Экономическая борьба рано или поздно перерастает в политическое движение, которое учит, что вне социализма у рабочих нет выхода. По мере нарастания классовой борьбы пролетариат постепенно осознает необходимость более высоких форм организации, создания самостоятельной политической партии.

Только в политическом движении против буржуазии поднимается весь рабочий класс, атакуя прежде всего на ее политическую власть, на ту стену учреждений и законов, которой она себя окружила, стремясь поставить на место буржуазного закона закон пролетарский. Концентрированную форму оппозиции рабочего класса против буржуазии Энгельс видит в чартизме².

В книге Энгельса дана высокая оценка и в то же время критика утопического социализма Оуэна. Учение Оуэна отличается, пишет Энгельс, абстрактностью принципов и крайним миролюбием; оно заменяет реальную революционную борьбу пролетариата мирной, просветительской деятельностью. Но главный порок английских социалистов — последователей Оуэна — Энгельс видит в том, что они рассматривают пролетариат только как страдающую массу и не видят в нем той великой революционной, прогрессивной силы, которая призвана осуществить социалистические принципы и идеалы. Поэтому английские социалисты-утописты ждут осуществления своих чаяний и проектов от имущих классов, а средством, ведущим к этой цели, считают проповедь филантропии и всеобщей любви.

Энгельс выдвигает важную идею о необходимости слияния чартизма с социализмом, соединения массового революционного движения пролетариата с социалистической теорией, очищенной от примеси буржуазных идей. В этом заключается одно из решающих условий создания и укрепления пролетарской партии, а следовательно, и победы пролетарской революции.

Свою работу Энгельс предназначал тогда для немецкого читателя. В предисловии, остановившись на состоянии и перспективах рабочего и социалистического движения в Германии, он подчеркнул, что, хотя в этой стране условия существования пролетариата еще не достигли такой степени зрелости, как в Англии, ход исторического развития неизбежно приведет к ско-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 448.

² См. там же, стр. 451.

рому обострению уже возникших социальных противоречий. Поэтому изучение условий жизни и борьбы английских рабочих, продолжал он, должно побудить немецких социалистов обратить внимание на социальные бедствия пролетариата у себя на родине, тем более, что именно эти бедствия и составляют основу всех социалистических и коммунистических движений, особенно так называемого рабочего коммунизма. Представители этого течения, в значительной части сами ремесленники-полупролетарии, по существу еще оставались на утопических позициях, но инстинктивно приходили к выводу о необходимости коренного переустройства общества.

Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» оказала большое воздействие на современников, вызвала оживленные отклики немецкой печати. Особенно горячо отозвались на ее выход газеты и журналы социалистического направления.

Многие передовые рабочие под ее влиянием вступили на путь революционной социалистической борьбы. «Это была первая книга, которую я приобрел и откуда я впервые почерпнул представление о рабочем движении»¹, — вспоминал немецкий рабочий Ф. Лесснер, ставший впоследствии активным членом Союза коммунистов, верным учеником Маркса и Энгельса. Немецкое издание «Положения рабочего класса в Англии» проникло и в Россию. В библиотеке петрашевцев, в частности, хранился экземпляр книги Энгельса. Когда в 1860 г. в России появился перевод книжки немецкого буржуазного экономиста Б. Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего», которая в значительной мере была направлена против произведения Энгельса, то известный публицист Н. В. Шелгунов выступил на страницах журнала «Современник» в защиту Энгельса. «Имя это у нас совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература, — писал он, — обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего. Разница между Гильдебрандом и Энгельсом в том, что Энгельс называет худое худым и не хочет этого худого; а Гильдебранд, напротив, находит, что дурное не только не дурно, но что оно так и должно быть»². Назвав Энгельса «одним из лучших и благороднейших немцев»³, автор статьи затем изложил довольно подробно основное содержание книги Энгельса. В русской периодической печати и в литературе 50—60-х годов неоднократно встречались отклики на «Положение рабочего класса в Англии».

Замечательный труд Энгельса получил известность в прогрессивных и революционных кругах Австрии, Польши и других стран. Он в значительной мере способствовал распростра-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 172.

² «Современник», 1861, т. LXXXIX, отд. I, стр. 137.

³ См. там же.

нению и утверждению в международном рабочем движении идей научного коммунизма.

Почти через 20 лет после выхода книги «Положение рабочего класса в Англии» Маркс писал ее автору: «Скоро ли избавятся английские рабочие от явного их развращения буржуазией, покажет будущее. В остальном же, что касается главного в твоей книге, то все это до мельчайших подробностей подтвердилось дальнейшим развитием после 1844 года. Я как раз снова сравнил твою книгу с моими заметками о позднейшем времени. Только мелкие немецкие мещанишки, меряющие всемирную историю на свой аршин и судящие о ней по последним «интересным газетным сообщениям», могут вообразить, что в подобных огромных процессах 20 лет означают нечто большее, чем один день, хотя впоследствии могут снова наступить дни, в которых сосредоточивается по 20 лет.

Когда я вновь перечитывал твою книгу, то с сожалением заметил, что мы старимся. Как свежо, страстно, с каким смелым предвидением, без ученых и научных сомнений написана эта вещь! И сама иллюзия, что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат, придает всему так много теплоты и жизнерадостности...»¹.

Сам Энгельс в позднейшие годы относился к своему произведению, пожалуй, с излишней взыскательностью. В предисловиях к английскому и немецкому изданиям своей книги, написанных в 1892 году, он говорил, что автор был молод и черты молодости видны на его книге. Некоторые предсказания не были подтверждены дальнейшим развитием. В частности, это относится к предсказанию близости социальной революции в Англии. Но, как резонно заметил сам же Энгельс, «удивительно не то, что довольно многие из этих предсказаний оказались неверными, а то, что столь многие из них сбылись»².

Энгельс предупреждал читателя, что в этой книге отражен еще не вполне сформировавшийся научный коммунизм. «В 1844 г. еще не существовало, — писал он в предисловии ко второму немецкому изданию (1892 г.), — современного международного социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря усилиям Маркса, полностью развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбрионального развития. И подобно тому как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду заметны следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой классической философии»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 280.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 332.

³ Там же, стр. 331.

В качестве примера Энгельс указывает на имеющееся в книге положение, согласно которому коммунизм является не только партийной теорией рабочего класса, а стремится к освобождению всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок буржуазных отношений. Хотя в общем виде это положение верно, на практике же оно бесполезно и даже вредно, так как имущие классы не испытывают никакой потребности в освобождении, противятся всеми силами освобождению рабочего класса, и потому социальная революция должна быть подготовлена и осуществлена одним рабочим классом¹.

Известная неполнота экономического анализа в книге Энгельса связана с отсутствием в середине 40-х годов научной теории стоимости и прибавочной стоимости. Правильно изображая влияние экономической конъюнктуры на уровень заработной платы рабочих, подчеркивая зависимость размеров заработной платы от соотношения спроса и предложения на рынке труда, от силы организованного сопротивления рабочих капиталу, отмечая влияние на положение занятых рабочих факта существования резервной армии — безработных, Энгельс, однако, еще не фиксирует той объективно обусловленной для данного места и времени величины, вокруг которой происходит колебание текущих величин заработной платы.

Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» навсегда вошла в историю мировой социалистической литературы как одно из лучших ее произведений.

Переезд в Брюссель Пребывание в Бармене уже давно тяготило Энгельса. Огорчали натянутые отношения в семье, к тому же приходилось участвовать в делах торговой конторы и фабрики отца, к которым никак не лежала душа.

Однако как ни сильно было желание вырваться из тягостной обстановки и как ни привлекала его перспектива переезда в Брюссель, где жил Маркс, Энгельсу приходилось ради общего дела еще некоторое время оставаться в Бармене. В начале марта 1845 г. он предпринимает поездки в Бонн и Кёльн, где встречается со своими единомышленниками.

Но Энгельсу стала угрожать серьезная опасность со стороны прусской полиции, от внимания которой не ускользнула его важная роль в пропаганде коммунистических идей. Прокурор Бармена несколько раз наводил справки об Энгельсе. За ним уже давно было установлено полицейское наблюдение. Полицей-директор Дункер, посетивший Вестфалию уже после отъезда Энгельса, составил большой доклад о деятельности тамошних социалистов. Он сообщал о существовании большой разветвленной организации, которая поддерживает тесные связи с вид-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22, стр. 331.

ными социалистами Эльберфельда и Кёльна — с Энгельсом, Гессом, Кётгеном и другими. В этом докладе Энгельс был охарактеризован как один из активных деятелей коммунистического движения в Рейнской области. Прусский министр внутренних дел Бодельшвинг в 1845 г. в заметке на полях представленного ему доклада назвал Энгельса «отчаянным коммунистом»¹.

В апреле 1845 г. Энгельс приехал в Брюссель. Сначала он остановился в отеле «Буа Соваж» на площади Сент-Гюдюль, № 26/27, в котором одно время, после приезда из Парижа, останавливался и Маркс. Когда в мае 1845 г. Маркс переехал на улицу Альянс, № 5, Энгельс поселился по соседству в доме № 7. Он сразу же вошел в дом Маркса на правах самого близкого друга.

При новой встрече Маркс изложил Энгельсу сложившуюся у него к этому времени общую концепцию материалистического понимания истории. «Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе,— вспоминал позднее Энгельс,— Маркс... уже завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях»². Уже во время этой встречи они договорились о создании совместного произведения, направленного против идеализма немецкой послегегелевской философии, в особенности против ее новых разновидностей.

Некоторые важные мысли будущего философского произведения Маркса и Энгельса были зафиксированы Марксом в сделанных весной, скорее всего в апреле, 1845 г. набросках «Тезисов о Фейербахе». Трудно сказать, был ли знаком Энгельс в 1845 г. с текстом тезисов, но несомненно, что мысли Маркса, сформулированные в них, он знал и разделял. Спустя более четырех десятилетий, в 1888 г., публикуя обнаруженные им уже после смерти Маркса «Тезисы о Фейербахе», Энгельс охарактеризовал их как «первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения»³.

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс вскрывает коренное отличие нового мировоззрения от всех прошлых форм материалистической философии. Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая и фейербаховский, отмечает Маркс, состоит в том, что он носит пассивно-созерцательный характер, не понимает значения «революционной», «практически-критической» деятельности человека⁴. При этом старый материализм и самую практику понимает ограниченно, сводя ее

¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 191, ед. хр. 60.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 220.

³ Там же, стр. 371.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

лишь к чувственному созерцанию или даже только к теоретической деятельности.

В противоположность этому Маркс подчеркивает решающее значение практики в познании и преобразовании мира и определяет ее как предметную, человечески-чувственную деятельность, которая берется и фиксируется в конкретной форме ее проявления. Такое понимание охватывает и производственную деятельность людей, и личный опыт человека, и научный эксперимент, и все формы общественно-исторической деятельности людей.

Практика — высший критерий истины, основа всего процесса познания объективного мира. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — пишет Маркс, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос»¹. Только практикой человек доказывает истинность и мощь своего мышления.

Правильное, обладающее предметной истинностью, теоретическое познание служит революционно-практической деятельности людей, придает этой деятельности осознанный, целенаправленный характер. Неразрывную связь теории с революционной практикой Маркс в краткой форме выразил в одиннадцатом тезисе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»².

Задумав новый труд, Маркс и Энгельс в то же время стремились завершить ранее начатые работы. Согласно договору с издателем Маркс должен был представить для опубликования рукопись двухтомной работы «Критика политики и политической экономии». В ходе работы над этим произведением возникла необходимость поездки в Англию для ознакомления с новейшей английской экономической литературой. Такая поездка нужна была и Энгельсу в связи с подготовкой книги о социальной истории Англии и брошюры о протекционизме.

Маркс тогда еще недостаточно владел английским языком и не знал Англии. Поездка вместе с Энгельсом была для него не только приятной, но и полезной. Они пробыли в Англии примерно с 12 июля по 21 августа 1845 г., большую часть времени провели в Манчестере. Целыми днями они просиживали в знаменитой Чатамской библиотеке — одном из старейших публичных книгохранилищ Европы.

В составленных Энгельсом во время этой работы записях имеются пометки, сделанные рукой Маркса, а в записях Маркса — ссылки на записи Энгельса. Энгельс прочел и законспектировал книги Дж. Портера «Прогресс нации», Т. Тука «История цен», Ф. Идена «Положение бедных, или история трудящихся классов в Англии», У. Годвина «История английского

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

² Там же, стр. 4.

общества», Дж. Джилберта «История и принципы банковского дела» и другие. Конспекты и выписки, сделанные Энгельсом в Манчестере, заполнили три тетради¹.

Через все заметки Энгельса проходит стремление рассматривать каждое экономическое явление с точки зрения интересов рабочего класса. Так, конспектируя книгу Портера «Прогресс нации», он к разделу о пошлинах на табак делает следующее замечание: «Здесь эксплуатация рабочих наиболее мерзкая»². В другом замечании Энгельс высмеивает рассуждения автора о том, будто при помощи воспитания можно удерживать рабочих от восстаний, от «демагогических заблуждений»³. В заметках по поводу книги Идена «Положение бедных» он делает вывод: «Г-н Иден не видит, что поощрение роста промышленности способствует в то же время росту пауперизма»⁴.

Впоследствии Энгельс с особенной теплотой вспоминал те дни, когда он и Маркс работали в Чатамской библиотеке. В 1870 г. он писал Марксу: «Последние дни я снова много работал в небольшом башенном выступе за квадратным бюро, где мы сидели 24 года назад; я очень люблю это место: из-за цветных стекол там всегда солнечно. Старый Джонс, библиотекарь, все еще тоже там, но очень стар и больше ничего не делает...»⁵.

В Манчестере Энгельс вновь встретился с Мери Бёрнс. С тех пор началась их совместная жизнь. Отсюда Мери уехала с Энгельсом в Брюссель.

На обратном пути, в Лондоне Энгельс познакомил Маркса с Гарни и договорился с последним о своем дальнейшем сотрудничестве в «Northern Star». В Лондоне же произошла новая встреча Энгельса с деятелями Союза справедливых — К. Шаппером, И. Моллем и Г. Бауэром и состоялось знакомство Маркса с ними.

Лондонские руководители Союза справедливых произвели на Маркса и Энгельса двойственное впечатление. То были первые немецкие пролетарские революционеры, которые в значительной степени уже преодолели ограниченный уравнилельный коммунизм Вейтлинга. Но они подпали теперь под влияние немецкого мелкобуржуазного «истинного социализма» с его фразеологией в духе абстрактного гуманизма. Близкие английским социалистам-оуэнистам, деятели Союза отвергали революционные методы борьбы, были слабо связаны с чартистами. Тем не менее Маркс и Энгельс установили с лидерами этой организации определенные контакты.

Тогда же в Лондоне Энгельс помог наладить связи между членами Союза справедливых и левыми чартистами. Он явился

¹ См. *Karl Marx, Friedrich Engels. Gesamtausgabe (MEGA)*. [Изд. 1], Abt. I, Bd. 4, S. 503—515.

² *Ibid.*, S. 503.

³ *Ibid.*, S. 504.

⁴ *Ibid.*, S. 508.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 423.

также одним из инициаторов создания международного объединения проживавших в Лондоне демократов различных национальностей. Маркс и Энгельс присутствовали на совещании демократов разных стран, состоявшемся в середине августа 1845 г. в таверне «У ангела» на Уэббер-стрит. Здесь Энгельс выступил в поддержку предложения о создании в Лондоне международной революционной организации. 22 сентября 1845 г., уже после отъезда Маркса и Энгельса из Англии, такая организация была создана. Она получила название «Братские демократы». Главную роль в этом обществе играли английские чартисты и немецкие рабочие — члены Союза справедливых. Создание этого общества свидетельствовало о пробуждении у передовых представителей пролетариата чувства международной солидарности.

Собранию 22 сентября 1845 г. Энгельс посвятил напечатанную в «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform» статью «Празднество наций в Лондоне», в которой впервые сформулировал в печати принципы пролетарского интернационализма. «...Пролетарии во всех странах, — писал он, — имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба; пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и все их духовное развитие и движение по существу гуманистично и антинационалистично. Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями»¹. В дальнейшем Энгельс поддерживал связи с обществом «Братские демократы», стараясь помочь его руководителям освободиться от мелкобуржуазных иллюзий и превратить общество в пролетарскую революционную организацию.

В Лондоне Маркс и Энгельс впервые встретились с Вильгельмом Вейтлингом. Встреча была дружественной. Высоко ценя выдающиеся способности этого первого представителя немецкого утопического рабочего коммунизма, Маркс и Энгельс надеялись, что он сможет преодолеть утопизм своих воззрений и подняться до научного понимания общественных проблем. С его помощью они рассчитывали организовать в Лондоне издание коммунистического журнала. Однако Вейтлинг отказался от осуществления этого плана, отдав предпочтение своему тогдашнему увлечению техническим изобретательством.

Начало борьбы против «истинного социализма» В 20-х числах августа Маркс и Энгельс возвратились из Англии в Брюссель. Столица Бельгии все более становилась притягательным центром для многих немецких революционеров. Имена Энгельса и Маркса уже были до-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 590.

вольно широко известны. Все, кто искал путей к научному революционному мировоззрению, стремились познакомиться с ними.

В июле 1845 г. в Брюсселе находился Георг Веерт, первый и самый значительный поэт немецкого пролетариата¹. Находясь под глубоким впечатлением от произведений Энгельса, под обаянием его личности, Веерт с истинно юношеским энтузиазмом 19 июля 1845 г. пишет матери: «Пусть господа собственники остерегаются — могучие руки народа на нашей стороне, и лучшие мыслители всех народов постепенно переходят к нам. — Среди них мой горячо любимый друг — Фридрих Энгельс из Бармена, который написал книгу в защиту английских рабочих и справедливо, со всей беспощадностью бичует в ней фабрикантов. Его собственный отец владеет фабриками в Англии и Германии.

Теперь Энгельс вконец рассорился со своей семьей, его считают безбожником и нечестивцем... Однако я знаю его как поистине чудесного человека, обладающего необыкновенным умом и проницательностью, человека, который день и ночь с громадным напряжением борется за благо рабочего класса»².

К тому времени Энгельс уже окончательно освободился от имевшихся у него раньше иллюзий, будто в Германии опорой коммунистического движения может стать передовая молодежь из имущих классов. В сентябре 1845 г. в первой корреспонденции из Брюсселя в «Northern Star» он писал: «...Не в рядах буржуазии следует искать эту молодежь. Революционное действие в Германии начнется в самой сердцевине нашего рабочего народа... К счастью, мы вовсе не рассчитываем на буржуазию»³.

Выполняя обещание, данное Гарни, Энгельс продолжает регулярно посылать статьи в «Northern Star», в которых освещает важные политические события в Германии, оценивая их с революционных, коммунистических позиций. В статье «Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии», отмечая рост активности немецкого пролетариата, Энгельс упоминает происшедшие под влиянием восстания силезских ткачей в июне 1844 г. стачки богемских, саксонских и берлинских ситцепечатников и рабочих на строительстве железных дорог, подчеркивает мысль о самостоятельности рабочего движения, о независимости его от различных буржуазных движений. Именно рабочее движение, пишет Энгельс, приведет к революции, которая в корне изменит положение в Германии.

В серии статей «Положение в Германии» Энгельс с материа-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 5.

² G. Weerth. Sämtliche Werke in fünf Bänden. Berlin, 1957, Bd. 5, S. 172.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 557.

листических позиций освещает социальную и политическую историю страны за последние полстолетия — в основном со времени французской буржуазной революции конца XVIII в. Он выступает в этих статьях как последовательный борец за единую демократическую Германию, бичует реакционные порядки в германских государствах, раскрывает классовый характер буржуазного либерализма, показывает ограниченность буржуазной демократии.

Энгельс сотрудничает и в немецкой печати. Написанные им в конце 1845 г. «Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле»» (напечатано в ежегоднике «Deutsches Bürgerbuch» за 1846 г.; перевод отрывка был сделан для задуманной Марксом и Энгельсом серии публикаций лучших произведений французского и английского утопического социализма) и упоминавшаяся уже статья «Празднество наций в Лондоне» представляют большой интерес как первые публичные выступления против «истинного социализма» — разновидности мелкобуржуазного социализма, широко распространившейся в Германии с 1844 г.

«Истинные социалисты», выразившие взгляды немецкого мещанства, напуганного развитием капитализма, придали социалистическому учению абстрактный, оторванный от реальных условий и практических потребностей характер. Критику буржуазного общества они заменяли причитаниями и проклятиями. Не понимая необходимости борьбы против абсолютизма, за демократические преобразования, они подчас невольно становились орудием реакционных германских правительств в их борьбе с буржуазией. Классовую борьбу и социальную революцию — единственный путь освобождения пролетариата — «истинные социалисты» заменяли сентиментальной проповедью всеобщей любви. Открыто выступая против революционного коммунизма, противодействуя размежеванию между революционными и реформистскими элементами в социалистическом движении, представители этого направления препятствовали развитию как пролетарского, так и демократического движения в Германии.

Энгельс отмечает, что «истинные социалисты» подменяют подлинное изучение действительности и теории философским пустословием, эклектическим сочетанием обрывков идей французского утопического социализма с идеями Гегеля и Фейербаха. Он упрекает их в пренебрежении к социальным воззрениям предшественников (Фурье, Сен-Симона и других), указывает на их полное невежество в вопросах политической экономии. Главным пороком «истинных социалистов» Энгельс считает подмену ими революционной, классовой борьбы сентиментально-этической проповедью, обращенной ко всем классам, опoшление коммунистического движения. Энгельс критикует

также декларативные фразы «истинных социалистов» об отмене наций, противопоставляя им стремление демократов разных национальностей к объединению на почве общих интересов.

«Немецкая идеология» Осенью 1845 г. Энгельс вместе с Марксом приступили к осуществлению их общего плана — выступить в печати с критикой послегегелевской философии. В ноябре этого года они начинают сообща писать крупное философское произведение, названное ими «Немецкая идеология».

Конкретный план сложился у Маркса и Энгельса после появления в 1845 г. статьи Фейербаха, в которой он объявил себя «коммунистом», а также ряда произведений «истинных социалистов» и статей Б. Бауэра и М. Штирнера.

Работа носила в полном смысле коллективный характер. В отличие от «Святого семейства», где каждый писал свою часть, «Немецкая идеология» является плодом неразрывного творческого содружества Маркса и Энгельса.

Первый том «Немецкой идеологии» состоит из трех глав, из которых наиболее важной в теоретическом отношении является первая, вводная глава («Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений»). Вторая и третья главы посвящены критике младогегельянской философии («Святой Бруно», «Святой Макс»). Второй том книги составляет критика взглядов ряда представителей «истинного социализма».

Основным содержанием «Немецкой идеологии», определяющим непреходящее теоретическое значение этого произведения, является впервые данная здесь Марксом и Энгельсом всесторонняя разработка материалистического понимания истории (исторического материализма) как философской основы научного коммунизма. Главная заслуга в создании целостной концепции материалистического понимания истории принадлежит Марксу. Это явилось, по словам Энгельса, одним из двух великих открытий Маркса, обусловивших превращение социализма из утопии в науку (вторым было создание теории прибавочной стоимости).

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс впервые указали на предпосылки, из которых они исходили в построении нового мировоззрения: это люди, их деятельность и материальные условия ее. Отмечая, что деятельность людей имеет две стороны: производство (отношение людей к природе) и общение (отношение людей друг к другу), авторы «Немецкой идеологии» всесторонне развивают важнейшее положение исторического материализма об определяющей роли материального производства в жизни общества. Определенный способ производства обуславливает и определенный образ жизни людей. Материальными условиями производства определяются и те обществен-

ные и политические отношения, в которые люди вступают друг с другом.

Решающее значение для понимания законов развития общества имело выяснение в «Немецкой идеологии» диалектики производительных сил и производственных отношений (в этой работе, как правило, говорилось о производительных силах и форме общения). Основные положения этого открытия, давшего ключ к пониманию всего исторического процесса, таковы: производительные силы определяют форму общения, общественные отношения. По мере развития производительных сил прежняя форма общения перестает соответствовать им и превращается в их оковы. Это противоречие разрешается путем социальной революции, которая создает новые общественные отношения, соответствующие более развитым производительным силам.

Выяснение диалектики производительных сил и производственных отношений позволило увидеть преемственную связь между последовательными ступенями исторического развития.

Маркс и Энгельс показывают, что каждая новая ступень в развитии материального производства вызывает к жизни новые формы разделения труда и новые формы собственности. Каждая форма собственности в свою очередь порождает соответствующие ей общественные и политические отношения.

Эти впервые сформулированные идеи Маркса и Энгельса легли в основу учения об общественно-экономических формациях, более подробно разработанного ими в последующие годы.

Создав учение об общественно-экономических формациях, Маркс и Энгельс сорвали мистический покров с истории человечества, впервые превратили историю в подлинную науку, положили начало ее научной периодизации. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику,— писал В. И. Ленин,— сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...»¹.

В «Немецкой идеологии» прослеживается развитие докапиталистических отношений, дается анализ буржуазного общества и буржуазной частной собственности. Маркс и Энгельс показывают, как свойственные этому обществу общественные отношения, игравшие раньше прогрессивную роль, становятся путями для дальнейшего развития. На определенной ступени «частная собственность стала такими же оковами, какими цеховой строй был для мануфактуры, а мелкая деревенская промышленность — для развивающегося ремесла. При господстве частной собственности эти производительные силы получают лишь одно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

стороннее развитие, становясь для большинства людей разрушительными силами, а множество таких производительных сил и вовсе не может найти себе применения...»¹.

Маркс и Энгельс показывают, что каждой антагонистической форме собственности соответствует особое классовое строение общества. Они развенчивают всякие иллюзии относительно независимости государства и показывают, что буржуазное государство — «не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри страны — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»².

Материальное производство, общественные отношения, классовая борьба порождают определенные формы общественного сознания — религию, философию, мораль и т. д. В противовес идеалистическому взгляду на сознание, как на исходный пункт, определяющий все общественное развитие, Маркс и Энгельс формулируют важнейшее материалистическое положение о том, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»³. Сознание, говорят они, есть общественный продукт, продукт общественных отношений.

Вскрывая классовый характер общественного сознания, Маркс и Энгельс приходят к выводу, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть вместе с тем и его господствующая *духовная* сила»⁴. Господствующие мысли выражают господствующие материальные отношения. Когда же в обществе возникают, наперекор мыслям господствующего класса, революционные мысли, то это уже предполагает существование революционного класса.

Важнейшим выводом из развитой в «Немецкой идеологии» историко-материалистической концепции является вывод об исторической необходимости и неизбежности пролетарской, коммунистической революции. В буржуазном обществе, пишет Маркс и Энгельс, «возникает класс, который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами... и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание»⁵. Все прежние революции не устраняли классы и классовое господство, тогда как «коммунистическая революция... уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами»⁶. Революция нужна

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, стр. 77.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 59.

⁵ Там же, стр. 49, 50.

⁶ Там же, стр. 50.

не только как единственный путь к низвержению господствующего класса, но и как средство изменения самих людей. В ходе самой революции трудящиеся будут освобождаться от влияния идей, традиций, предрассудков старого общества. «...Свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹.

Для построения коммунистического общества пролетариат должен завоевать политическую власть, стать господствующим классом. «...Каждый стремящийся к господству класс,— отмечают Маркс и Энгельс,— даже если его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще,— должен прежде всего завоевать себе политическую власть...»². Здесь содержится зародыш идеи диктатуры пролетариата — «одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве»³.

Маркс и Энгельс подчеркивают, что коммунистическое движение — это практическое движение революционных пролетариев, преследующих весьма конкретные практические цели и стремящихся осуществить их при помощи определенных революционных действий.

Таким образом, коммунизм из утопического идеала предшествовавших социалистов превращается у Маркса и Энгельса в научно обоснованную теорию передового революционного класса. «Коммунизм для нас,— пишут Маркс и Энгельс,— не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁴.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс определили в общих чертах особенности будущего коммунистического общества. Переход к коммунизму означает коренной переворот в производственных отношениях. Стихийный ход общественной жизни, присущий буржуазному обществу, уступит место господству людей над своими общественными отношениями, сознательному, планомерному их регулированию. В условиях коммунистического общества исчезнут классы, будет устранено порабощающее людей классовое разделение труда и, следовательно, противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Новый общественный строй откроет небывалый простор всем силам и творческим способностям людей, предоставит им все условия для всестороннего развития.

Изложив в «Немецкой идеологии» концепцию материалисти-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., стр. 50.

² Там же, стр. 43.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 24.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., стр. 46.

ческого понимания истории, Маркс и Энгельс вместе с тем развенчали взгляды младогегельянцев, окончательно утративших к этому времени все достижения философии Гегеля и усугубивших ее пороки. Словесная, и притом крайне выпендренная, критика существующего, которую вели эти и подобные им «немецкие идеологи», была по сути дела не борьбой с самой действительностью, а фактическим признанием ее, стремлением лишь дать ей иное истолкование. Маркс и Энгельс в противовес всем представителям «немецкой идеологии» доказали, что недостаточно только критиковать, надо правильно объяснить и, главное, изменить мир.

Большой теоретический и практический интерес представляет, в частности, весьма обстоятельная и в высшей степени остроумная критика Марксом и Энгельсом идеалистических воззрений Штирнера, тем более что эти воззрения оказали значительное влияние на формирование идеологии немецкой мелкобуржуазной демократии, а также анархистских теорий Бакунина и других.

Макс Штирнер «миропотрясающими фразами» низвергал право, государство, мораль, объявляя их идеологическими призраками, порабощающими сознание. Он призывал к тому, чтобы разрушить эти призраки и тем самым освободиться от всех сковывающих людей пут. На место «низвергнутых святых» Штирнер ставил индивида с его неограниченным эгоизмом, индивида, для которого не существует никаких преград. Как типичный мелкий буржуа, Штирнер, однако, сохранял за индивидом право владения частной собственностью, и, таким образом, его индивид оставался фактически в рамках буржуазных отношений. Но если остается в силе частная собственность, эта основа буржуазного общества, то сохраняют свою силу и буржуазное право, государство и мораль. Критика сознания, принятая с таким шумом Штирнером, совершенно не затрагивала материальных и политических условий существования буржуазного общества. Его внешне ультрарадикальная теория была лишь мистифицированным, идеалистически-туманным отражением буржуазных отношений.

В «Немецкой идеологии» зло высмеивается вздорность штирнеровских фраз о том, что при коммунизме отдельная личность становится рабом общества, что коммунисты, отменяя частную собственность, тем самым якобы уничтожают личность. Частная собственность, разъясняют Маркс и Энгельс, является основой только буржуазной индивидуальности, большинство же людей, не имеющих собственности, она лишает индивидуальности. Рабочие, наоборот, обретают свою индивидуальность только в борьбе против капиталистического строя.

Буржуазно-идеалистическому пониманию свободы как свободы духа, автономии духа, как полной независимости лично-

сти от общества, т. е. мнимой свободе, Маркс и Энгельс противопоставляют материалистическое понимание свободы, определяя ее как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет и трудится человек. Действительная свобода человека состоит не в воображаемой свободе духа от материальных общественных отношений, как толкуют идеалисты, а в познании этих отношений и господстве над ними. Авторы «Немецкой идеологии» отстаивают историзм в подходе к понятию свободы, подчеркивая, что в каждую историческую эпоху человечество добивается лишь известной ступени в достижении свободы, в господстве над внешними силами природы и над общественными отношениями. Только на высшей стадии развития общественных отношений — при коммунизме — человечество оказывается способным осуществить полную социальную и духовную свободу. Только при коммунизме, «в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всеобщего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»¹.

В «Немецкой идеологии» подверглись резкой критике претенциозные представления Штирнера об особой, исключительной роли интеллигенции, индивидуального творческого труда. Штирнер иронизировал по поводу того, будто коммунисты хотят, чтобы каждый человек выполнял труд Рафаэля. В действительности же коммунисты стремятся к тому, чтобы каждый, в ком скрывается Рафаэль, имел возможность беспрепятственно развивать свой талант. Художник, скульптор, по мнению Штирнера, создает свои произведения независимо от общества, от исторических условий, от существующего общественного разделения труда. Творческий труд, утверждал он, носит на себе печать «единственности». Опровергая этот идеалистический взгляд, Маркс и Энгельс доказывали, что искусство великих художников связано с конкретными общественно-историческими условиями той эпохи, в которой они творят. «Рафаэль, как и любой другой художник, — писали они, — был обусловлен достигнутыми до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда в его местности и, наконец, разделением труда во всех странах, с которыми его местность находилась в сношениях»². Подавление художественного таланта в широких массах есть результат господства частной собственности, уродливого капиталистического разделения труда, при котором научное и художественное творчество доступно сравнительно небольшому кругу лиц, а уделом огромного большинства человечества является тяжелый, беспросветный и отупляющий труд.

Весь второй том «Немецкой идеологии», как отмечалось

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.

² Там же, стр. 392.

выше, посвящен критике «истинного социализма», его абстрактно-идеалистических принципов, подмены им классового подхода и революционной борьбы абстрактным гуманизмом, сентиментальными фразами о всеобщей любви к людям.

Маркс и Энгельс выносят как бы окончательный исторический приговор «истинному социализму»: «Само собой разумеется, что с момента возникновения в Германии настоящей коммунистической партии «истинным социалистам» придется все больше находить свою публику лишь среди мелких буржуа, а представителей этой публики — среди импотентных и опустившихся литераторов»¹.

В «Немецкой идеологии», в первой главе, Маркс и Энгельс, отдавая должное заслугам Фейербаха в защите материализма, в то же время открыто выступили против слабых сторон его философии. Они показали непоследовательность его материализма, который распространяется только на понимание природы. В вопросах развития человеческого общества Фейербах оставался идеалистом. «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист. Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга...»².

Фейербах рассматривает природу, окружающий чувственный мир, как нечто раз навсегда данное, а людей — вне их конкретной общественной связи и активной деятельности, вне истории, абстрактно. Между тем, подчеркивают Маркс и Энгельс, окружающий чувственный мир есть «исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй»³.

Фейербаху, хотя он и объявил себя коммунистом, была чужда революционная сущность этого пролетарского мировоззрения. Он остался в стороне от революционной борьбы пролетариата. Коммунизм — отмечают Маркс и Энгельс — у него сводился к признанию того, что «люди нуждаются и *всегда нуждались* друг в друге»⁴. Маркс и Энгельс, критикуя пассивно-созерцательный характер философии Фейербаха, подчеркивают, что «для *практических* материалистов, т. е. для *коммунистов*, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его»⁵. Таким образом, критика Фейербаха, которая содержится в «Святом семействе»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 459.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 42.

лишь в зародыше, приобретает в «Немецкой идеологии» систематический и развернутый характер.

«Немецкая идеология» не была опубликована при жизни ее авторов. Оказалось невозможным найти издателя для этой книги.

Лишь одна глава из второго тома — о книге «истинного социалиста» Карла Грюна — была напечатана в 1847 г. в журнале «Das Westphälische Dampfboot». В полном виде «Немецкая идеология» впервые была опубликована в СССР в 1932 г. на языке оригинала и в 1933 г. в переводе на русский язык.

Хотя «Немецкая идеология» осталась неизданной, Маркс и Энгельс не считали, что их труд затрачен даром. «Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, — писал Маркс в 1859 г., — что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута»¹. Это произведение сыграло весьма важную роль в процессе формирования марксистской теории. Изложенные в нем теоретические выводы и обобщения стали основой революционно-практической деятельности Маркса и Энгельса.

«Мы, — писал позднее Энгельс, — отнюдь не намеревались поведать о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение, имели некоторое число последователей среди интеллигенции, особенно в Западной Германии, и достаточно широкие связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат. Как только мы все уяснили сами себе, мы приступили к работе»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 8.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 221.

Глава третья

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо... чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия.

Ф. Энгельс

Коммунистические корреспондентские комитеты

Во второй половине 40-х годов XIX в. в Европе назревали буржуазно-демократические революции, в которых пролетариату предстояло сыграть значительную роль. Однако рабочее движение было еще крайне незрелым, слабо организованным и развивалось вне связи с социалистической мыслью. Рабочие еще не сознавали конечных целей борьбы. В Англии большинство руководителей чартистских организаций разделяло идеи мелкобуржуазной демократии и мелкобуржуазного социализма. Рабочие Франции, хотя уже занимали определенное место в демократическом движении, находились под преобладающим влиянием Луи Блана и других мелкобуржуазных социалистов. Немногие сторонники утопи-

ческого коммунизма были объединены в глубоко законспирированные кружки сектантского характера, слабо связанные с массовым рабочим движением. Существовавшие уже среди немецких рабочих организации не имели четкой программы. Союз справедливых, хотя в известной мере и освободился от воздействия идей уравнилельного коммунизма Вейтлинга, находился под влиянием мелкобуржуазного «истинного социализма». Другие социалистические группы состояли преимущественно из представителей интеллигенции и ремесленников, были оторваны друг от друга, проповедовали самые неопределенные взгляды. Лишь отдельные социалисты искали какого-то нового пути, поднимались над общим уровнем рабочего движения. «Тогда, — писал в 1871 г. Энгельс итальянскому социалисту К. Кафьеро, — за нами шли только немногие пролетарии в Швейцарии, Франции и Англии, которые восприняли социалистические и коммунистические идеи; у нас были самые ничтожные средства для работы в массах, и, так же как и Вы, мы вынуждены были вербовать сторонников среди школьных учителей, журналистов и студентов»¹.

Помочь передовым элементам рабочего класса уяснить новое мировоззрение, соединить революционную теорию с рабочим движением, найти путь к международному сплочению пролетариата — такую цель поставили перед собой Маркс и Энгельс. Надо было определить отвечающие моменту, действенные формы и методы пропаганды их теоретических взглядов, критики отсталых теорий, господствовавших среди социалистов. Новое мировоззрение должно было способствовать организационному и идейно-политическому сплочению разрозненных социалистических групп в единое коммунистическое движение, созданию пролетарской партии.

В этих условиях, в обстановке суровых полицейских преследований и при ограниченных возможностях печатной пропаганды, Маркс и Энгельс считали наиболее целесообразной формой организации участников движения коммунистические корреспондентские комитеты. Они полагали, что таким путем удастся наладить связь между приверженцами коммунистических идей не только в Германии, но и в других странах, организовать обмен печатными и рукописными пропагандистскими материалами².

Началом явилось образование Коммунистического корреспондентского комитета в Брюсселе в январе 1846 г.

Здесь оказалось немало немецких, французских, польских, русских революционных деятелей, которые, спасаясь от полицейских преследований, искали убежища в Бельгии. Вокруг

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 212.

² Форму этой организации они, вероятно, позаимствовали из практики демократического движения Англии и Франции конца XVIII века.

Маркса и Энгельса постепенно сгруппировался небольшой кружок их сторонников: революционный публицист Вильгельм Вольф — сын крепостного крестьянина, ставший учителем классической филологии, мужественный защитник силезских ткачей, тесно связанный с социалистами и рабочими Силезии; Иосиф Вейдемейер из Вестфалии, прусский лейтенант, оставивший военную службу из-за своих демократических убеждений, сотрудник немецких социалистических органов печати; Эдгар фон Вестфален — брат жены Маркса и его товарищ по трирской гимназии; поэт Георг Веерт — в то время агент крупной торговой фирмы в Брюсселе; Фердинанд Вольф — талантливый немецкий журналист, демократ и социалист; Филипп Жиго — бельгийский социалист, архивариус городской библиотеки в Брюсселе; Себастьян Зейлер — журналист, в прошлом сторонник В. Вейтлинга.

Из всей этой группы наиболее близким к Марксу и Энгельсу стал Вильгельм Вольф. До конца своих дней он оставался их преданнейшим другом и соратником. Ему Маркс посвятил первый том «Капитала».

Все эти люди принимали участие в деятельности Брюссельского корреспондентского комитета, руководящее ядро которого составляли Маркс, Энгельс и Жиго. В задачи Комитета входили переписка с коммунистами и социалистами Германии и других стран, налаживание взаимной информации и печатание коммунистической литературы. Брюссельский комитет обратился с письмами ко многим социалистам и коммунистам, проживавшим в различных частях Германии, предлагая образовать на местах подобные организации.

Социалисты Кёльна, Эльберфельда, Вестфалии, Силезии установили регулярную связь с Брюссельским комитетом, информировали его о положении дел на местах и получали, в свою очередь, от него циркуляры и другие материалы.

Маркс и Энгельс стремились также организовать корреспондентские комитеты среди немецких революционных рабочих, проживавших за рубежом. В феврале 1846 г. они обратились к руководителю парижских общин Союза справедливых Эвербеку с предложением создать такой комитет, что и было предпринято через несколько месяцев, когда в Париж приехал Энгельс. В конце мая — начале июня 1846 г. лондонские деятели Союза справедливых также образовали корреспондентский комитет. Благодаря этому Маркс и Энгельс получили возможность оказывать на Союз большее влияние.

Важную роль в создании корреспондентских комитетов и налаживании их работы сыграл Энгельс, который, еще будучи в Германии, установил личные дружеские контакты с социалистами в различных городах страны. Так, в Эльберфельде он был связан с Кётгеном, Цулауфом и другими социалистами, прини-

мавшими активное участие в коммунистических дискуссиях, организованных Энгельсом в 1845 г.

Корреспондентские комитеты помогли не только организационному и идейному сплочению коммунистов, но и определению их тактики в демократическом движении Германии. В письмах, которые Маркс и Энгельс направляли от имени Брюссельского корреспондентского комитета немецким коммунистам, подчеркивалось значение общедемократического движения, необходимость защищать такие буржуазно-демократические требования, как свобода печати, введение конституции, прогрессивного подоходного налога и т. п. «Если удастся этого добиться,— писали Маркс и Энгельс своим сторонникам,— наступит новая эра для коммунистической пропаганды. Наши средства умножатся, антагонизм между буржуазией и пролетариатом обострится»¹.

Под влиянием Маркса и Энгельса кёльнские коммунисты сумели завоевать видное положение в местном демократическом движении. Активно действовали также коммунисты Силезии и других районов Германии.

Маркс и Энгельс ставили задачу создать международную коммунистическую организацию и поэтому стремились придать интернациональный характер корреспондентским комитетам. Они начали переговоры с Прудоном, Кабе и другими видными французскими социалистами, намереваясь вовлечь их в свою организацию. Но эти переговоры не дали положительных результатов. Отрицательный ответ Прудона показал, насколько его мелкобуржуазный реформистский социализм противоречил революционно-коммунистическому мировоззрению Маркса и Энгельса. Кабе, хотя и соглашался поддерживать дружеские отношения с немецкими коммунистами, но установить тесную организационную связь с ними отказался.

Иной результат дало обращение Энгельса к Гарни. В начале 1846 г. он в нескольких письмах разъяснил лидеру левого крыла чартистов значение нового организационного плана. В ответном письме Гарни заявил о готовности поддержать намеченную систему пропаганды, поставив, однако, условием своего участия в ней одобрение этой системы лондонскими руководителями Союза справедливых, с которыми он и его друзья были связаны совместной деятельностью в Просветительном обществе немецких рабочих. После установления Брюссельским комитетом контакта с деятелями Союза в Лондоне, Гарни стал активно участвовать в работе корреспондентских комитетов. Комитет установил также связи с деятелями рабочего и социалистического движения Бельгии.

Интернациональный характер корреспондентских комитетов определялся не только составом, но и содержанием их работы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 21.

Брюссельский корреспондентский комитет, например, обсуждал коренные вопросы социалистического движения Германии, Англии, Франции, Бельгии. На заседании Комитета 17 июля 1846 г. было одобрено обращение к одному из лидеров чартистов Фергюсу О'Коннору, которое затем было опубликовано в «Northern Star» и подписано от имени немецких демократов-коммунистов в Брюсселе Энгельсом, Марксом и другими. Поздравив О'Коннора с победой на избирательном собрании, Комитет высказал свое отношение к происходившей тогда в чартистской партии борьбе между представителями пролетариата и мелкобуржуазно-радикальным крылом; он осудил радикала Томаса Купера, выступавшего с клеветническими нападками на лидеров революционного крыла. «Чартистская партия,— говорилось в этом документе,— может только выиграть от исключения из ее рядов таких замаскировавшихся буржуа, которые, выдавая себя за чартистов ради приобретения популярности, одновременно стараются втереться в милость к буржуазии...»¹.

Брюссельский корреспондентский комитет принял несколько резолюций, направленных против Купера, и через Энгельса переслал их Гарни для опубликования. Гарни признал правильность этой позиции. «Предсказания Энгельса относительно Купера,— писал Гарни в Брюссель 20 июля 1846 г.,— вполне оправдались, и я должен признаться, что Энгельс был умнее меня в оценке этого самолюбивого глупца. Купер совершенно уничтожен»².

В самом Брюсселе Маркс и Энгельс сделали также попытку организовать пропаганду революционно-коммунистических взглядов среди проживавших здесь немецких рабочих. Некоторые из вовлеченных ими в кружок революционных рабочих приняли впоследствии активное участие в коммунистическом движении.

Критика «ремесленного коммунизма» Вейтлинга Руководимый Марксом и Энгельсом Брюссельский комитет почти с момента своего возникновения повел энергичную борьбу против утопических воззрений Вейтлинга, которые стали теперь задерживать развитие рабочего движения в Германии.

Вильгельм Вейтлинг, портняжный подмастерье, талантливый самоучка, выступил в произведении «Гарантии гармонии и свободы» (1842 г.) с яркой критикой капиталистического строя и сразу же обратил на себя внимание Маркса и Энгельса. Хотя он был приверженцем грубого, уравнилельного коммунизма и заговорщической тактики, но все же, в отличие от предшествующих утопистов, возлагал надежды не на имущие классы, а на рабочих, точнее на ремесленников, идеологом которых он и являлся. Вейтлинг призывал к насильственной революции, под-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 25.

² The Harney Papers, Assen, 1969, p. 245.

черкивая, что без такой революции невозможно ввести новый общественный порядок.

С октября 1844 г. Маркс и Энгельс установили с Вейтлингом переписку, а в начале 1846 г. по их приглашению он переехал в Брюссель. Здесь он был тепло встречен и включен в Брюссельский корреспондентский комитет. Маркс и Энгельс старались повлиять на Вейтлинга, надеясь, что он сможет постепенно отказаться от утопизма и сектантства. Но Вейтлинг не смог преодолеть свои отсталые воззрения. К тому же он все больше склонялся к религиозно-этическим взглядам. Он рассматривал коммунизм не как революционную науку, а, выражаясь словами Энгельса, как «готовый рецепт осуществления царства небесного на земле»¹. Острая критика капитализма все более отходила у него на задний план, а его утопический коммунизм приобретал религиозную окраску. Он подменял научный анализ общественной жизни нравственным негодованием и призывал к бунту, что находило отклик главным образом среди отсталых немецких ремесленников. Как и для других утопистов, для него было характерно отрицание необходимости участия пролетариата в борьбе за демократию, как и во всякой политической борьбе. При этом он нигилистически относился к результатам предшествующего развития философской и научной мысли, выступал против представителей революционной интеллигенции. Возмнивший себя пророком, нетерпимый к малейшим критическим замечаниям товарищей в свой адрес, Вейтлинг в конце концов стал на путь интриг и клеветы против Маркса и Энгельса.

Открытое столкновение с Вейтлингом произошло на заседании Корреспондентского комитета в Брюсселе 30 марта 1846 г., когда обсуждался вопрос об организации коммунистической печатной пропаганды в Германии. Вейдемейер предложил наладить печатание работ Маркса, Энгельса и других коммунистов на средства, которые готовы были предоставить два приверженца идей коммунизма — Ю. Мейер и Р. Ремпель из Вестфалии. Вейтлинг же, напротив, потребовал, чтобы комитет организовал печатание в первую очередь его новых работ. Между тем в этих-то работах отсталые взгляды Вейтлинга приняли особенно грубую форму. Речь, таким образом, шла о том, что нужно положить в основу пропаганды — ненаучные, утопические воззрения, сектантско-заговорщические методы Вейтлинга или революционную теорию и тактику, разрабатываемую Марксом и Энгельсом.

Присутствовавший на заседании русский литератор П. Анненков, придерживавшийся тогда радикальных взглядов, дал зарисовку этой встречи. «...Мы сели за небольшой зеленый сто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 222.

лик, на одном узком конце которого поместился Маркс, взяв карандаш в руки и склонив свою львиную голову на лист бумаги, между тем как неразлучный его спутник и сотоварищ по пропаганде высокий, прямой, по-английски важный и серьезный Энгельс открывал заседание речью. Он говорил в ней о необходимости между людьми, посвятившими себя делу преобразования труда, объяснить взаимные свои воззрения и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменем для всех последователей...»¹.

На заседании разгорелся горячий спор с Вейтлингом. Маркс и Энгельс доказывали необходимость решительной борьбы против отсталых, утопических взглядов. Суровой критике был подвергнут уравнилельный коммунизм Вейтлинга, его заговорщическая тактика.

В противовес Вейтлингу Маркс и Энгельс доказывали, что о немедленном осуществлении коммунизма не может быть и речи; сначала к власти придет буржуазия, при господстве которой созреют условия для последующей коммунистической революции.

Заседание 30 марта 1846 г. фактически привело к разрыву с Вейтлингом, хотя формально он продолжал участвовать в деятельности Корреспондентского комитета до середины мая 1846 г.

О происшедшем было сообщено всем группам коммунистов и социалистов, связанным с Брюссельским комитетом. Многие немецкие коммунистические группы высказались в поддержку Маркса и Энгельса. Так, Шаппер из Лондона писал о Вейтлинге: «...Он убежден, что только он один обладает истиной и может спасти мир... Поэтому он сам не учится и не хочет, чтобы учились *его последователи*: они должны довольствоваться его евангелием... Мы прекратили с ним теперь всякую переписку и не желаем больше иметь с ним никаких дел»².

Согласие с позицией Брюссельского корреспондентского комитета выразили также коммунисты Вестфалии и многие немецкие коммунисты в Париже. Однако борьба с вейтлингианством продолжалась в отдельных коммунистических организациях вплоть до революции 1848 г., когда это течение окончательно сошло со сцены.

«Циркуляр против Криге»

Важным этапом в деятельности Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета явилось его выступление против «истинного социализма». Без развенчания «истинного социализма», который в этот период имел значительное влияние на немецкую прогрессивную интеллигенцию,

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 280.

² Союз коммунистов — предшественник I Интернационала (Сборник документов). М., 1964, стр. 89.

«распространялся как зараза»¹, невозможно было сплочение революционных сил.

Реакционные политические тенденции «истинных социалистов»: игнорирование ими прогрессивного значения развития капитализма в полуфеодалной Германии, непонимание необходимости буржуазно-демократических преобразований, их нападки на либеральную и демократическую оппозицию объективно придавали их деятельности характер защиты феодально-абсолютистского режима. Выступления же многих представителей «истинного социализма» под флагом коммунизма дезориентировали немецких рабочих, мешали им понять истинный смысл этого течения, по существу чуждого и враждебного пролетарскому движению.

Повод для открытого выступления объединившихся вокруг Маркса и Энгельса брюссельских коммунистов против «истинного социализма» дала деятельность в США немецкого журналиста Германа Криге.

По приезду в сентябре 1845 г. в Нью-Йорк Криге, являвшийся членом Союза справедливых, создал здесь общину этого Союза, которую вскоре реорганизовал в немецкое ответвление тайной организации «Молодая Америка». Он и другие ее руководители основали и более широкую легальную «Ассоциацию социальной реформы», которая боролась за безвозмездное наделение каждого нуждающегося в США участком земли в 160 акров и другие демократические реформы. Для пропаганды целей «Ассоциации» Криге создал печатный орган «Volks-Tribun», на страницах которого буржуазно-демократические мероприятия вульгарно отождествлялись с коммунистическими преобразованиями. Криге стремился выдать за коммунистическую деятельность и печатаемые в газете филантропические обращения к богачам Нью-Йорка с призывом жертвовать денежные суммы в пользу нуждающихся рабочих и вообще бедняков. Эти письма и обращения составлялись в форме то слезливо-сентиментальных прошений, то пророчески-обвиняющих вердиктов. Все это находилось в прямом противоречии с принципами революционного коммунизма.

Следовательно, пропаганда Криге носила такой характер, что могла только дискредитировать коммунистов в США и за их пределами. Вот почему эта пропаганда вызвала острую критику со стороны Маркса и Энгельса. Под их руководством 11 мая 1846 г. на заседании Брюссельского корреспондентского комитета была принята резолюция, осуждающая Криге; против нее голосовал один только Вейтлинг. Резолюция, а вместе с ней и объяснительная записка Брюссельского комитета, составленные Марксом и Энгельсом, были размножены литограф-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 453.

ским способом и разосланы другим корреспондентским комитетам и коммунистическим группам. Этот документ приобрел впоследствии известность под названием «Циркуляр против Криге».

В резолюции подчеркивалось, что проводимая Криге пропаганда «в высшей степени компрометирует коммунистическую партию как в Европе, так и в Америке», что отстаиваемые им в «Volks-Tribun» взгляды не являются коммунистическими. «Фантастические сентиментальные бредни, которые Криге проповедует в Нью-Йорке под именем «коммунизма», оказали бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы они были ими приняты»¹. Развернутое обоснование этих положений дано в объяснительной записке к резолюции.

В «Циркуляре» Маркс и Энгельс резко критикуют Криге за то, что он превратил коммунизм в «бред о любви», которая должна якобы преобразовать мир, вскрывают несостоятельность философских сентенций, напыщенных фраз Криге, показывают его заигрывание с религией. Приведя многочисленные выдержки из статей «Volks-Tribun», Маркс и Энгельс писали: «...Криге под именем коммунизма проповедует старую религиозную немецкую философскую фантазию, которая *прямо противоречит коммунизму*»². И далее: «Такое учение, которое проповедует блаженство низкопоклонства и презрения к самому себе, вполне подходит для доблестных... монахов, но никогда не подойдет решительным людям, особенно во время борьбы»³.

В прямом противоречии с основами коммунистического мировоззрения находились и экономические взгляды Криге, выдававшие его «политико-экономическую наивность»⁴, идеализацию им мелкой, патриархальной земельной собственности.

Маркс и Энгельс показали утопизм рассуждений Криге о том, что достаточно превратить всех людей в мелких собственников, наделить каждого нуждающегося земельным участком на правах личной собственности, и все социальные противоречия сразу получат свое разрешение. Раз в сельском хозяйстве останутся частная собственность на средства производства и частнотоварные отношения, доказывалось в «Циркуляре», то неизбежна концентрация производства и капитала, неизбежно будет возрастать имущественное неравенство между крестьянскими хозяйствами, одни крестьяне будут обогащаться, другие — разоряться, и разорившиеся станут в конце концов батраками разбогатевших. Мечта «превратить *всех людей в частных собственников*»⁵ в своей основе абсолютно нереальна и реакционна. «Такая мечта,— писали Маркс и Энгельс,— столь же

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 1.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 9.

не осуществима и столь же коммунистична, как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап»¹.

Криге оказался совершенно неспособным понять действительно прогрессивное историческое содержание борьбы американских мелкобуржуазных реформаторов. Маркс и Энгельс показали, что победа этого движения объективно содействовала бы развитию капитализма, ускорила бы общественный прогресс и, следовательно, подготовила бы почву для новых и более высоких форм борьбы, направленных против самих основ буржуазного общества.

«Циркуляр против Криге» сыграл значительную роль в идейной борьбе Маркса и Энгельса с «истинным социализмом». Он был одобрен коммунистами Кёльна, отдельными членами Союза справедливых в Париже и социалистами ряда других мест. Он оказал воздействие и на некоторых вестфальских социалистов — Вейдемейера и других, стоявших близко к Марксу и Энгельсу, но еще не вполне освободившихся от влияния «истинного социализма».

Вынужденный опубликовать «Циркуляр» в газете «Volks-Tribun», Криге напечатал затем ряд статей, полных клеветнических выпадов против Маркса, Энгельса и их единомышленников. Одновременно он постарался заручиться поддержкой руководства Союза справедливых в Лондоне: Шаппер, Молль и Бауэр выразили Брюссельскому корреспондентскому комитету свое несогласие с такой резкой критикой взглядов Криге.

В самом Брюсселе также сильно обострилась борьба Маркса и Энгельса с приверженцами «истинного социализма», в частности с Гессом — одним из идеологов этого направления.

Все говорило о том, что борьба против «истинного социализма» далеко еще не закончена.

Энгельс в Париже

Письма из Лондона, а также из Парижа, которые получали Маркс и Энгельс, показывали, что «истинные социалисты» сохраняли довольно прочные позиции в Союзе справедливых. По сообщениям Эвербека и побывавших в Париже немецких социалистов Маркс и Энгельс могли составить себе ясное представление о том разлагающем влиянии, которое оказывал на местных членов Союза Карл Грюн — наиболее типичный представитель «истинного социализма».

Для того чтобы до конца преодолеть влияние этого направления, Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет решил направить в Париж Энгельса. О том же просили и руководители парижских общин Союза справедливых. Энгельсу предстояло также наладить более тесный контакт с видными представителями французской социалистической и ком-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 9.

мунистической мысли и привлечь их к участию в корреспондентских комитетах.

15 августа 1846 г. Энгельс прибыл в Париж. С этого времени и до конца января 1848 г., когда он был выслан французскими властями из Франции, революционная деятельность Энгельса тесным образом связана с Парижем. Он ведет пропагандистскую и организационную работу в парижских общинах Союза справедливых, а затем — Союза коммунистов, является связующим звеном между Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом и деятелями французского социалистического и демократического движения. Здесь он встретился с руководителем парижских общин Союза Эвербеком. В беседах с ним Энгельс терпеливо разъяснял вредность деятельности К. Грюна среди немецких рабочих в Париже. Результаты встречи не замедлили сказаться. Уже 20 августа Эвербек писал Марксу: «Я имею удовольствие видеть здесь Фрица Энгельса. Он... немедленно ввел меня в курс дела... Далее, ad vosem [по поводу] Грюна я тоже теперь многое понял... Теперь я согласен с вами в оценке этого человека»¹.

Энгельс живо интересуется политической жизнью Франции и освещает ее в статьях, которые печатаются в «Northern Star». С присущим ему сарказмом пишет он о палате депутатов, о деятельности палаты пэров, которая состояла из наиболее покорных сановных слуг Луи-Филиппа — коронованного представителя французской крупной буржуазии. В статье «Закат и близость падения Гизо. — Позиция французской буржуазии», написанной в июне 1847 г., Энгельс характеризует палату депутатов как новое издание «Школы злословия», где накоплено и предано гласности такое количество скандальных историй, какого еще не встречалось в анналах парламентских прений². В корреспонденции «Правительство и оппозиция во Франции», написанной вскоре после приезда в Париж, Энгельс отмечал, что «еще никогда в период после революции 1830 г. не выставилось напоказ такое откровенное бесстыдство, такое пренебрежение к общественному мнению»³. По меньшей мере три пятых депутатов — верные друзья правительства, а по своему социальному составу — это либо крупные промышленники, биржевики, спекулянты железнодорожными акциями, либо их покорные слуги. Недаром при воцарении Луи-Филиппа его друг банкир Лаффит заявил: «Отныне править Францией будем мы, банкиры»⁴. Не более лестного мнения был Энгельс и о французском кабинете министров, заседавшем в Тюильрийском дворце. «Судьбы Франции, — писал он, — решаются не в каби-

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 106.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 186.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 27.

нетах Тюильри, не под сводами палаты пэров, даже не под сводами палаты депутатов, а на парижской бирже. Подлинные министры — это... крупные парижские банкиры...»¹.

С сочувствием Энгельс следит за ростом оппозиции во Франции. Он подмечает, что пробуждающиеся народные массы стремятся покончить с безраздельным господством банкиров в палате депутатов и в самом правительстве, что большинство парижской мелкой буржуазии настроено радикально, а многие ее представители примыкают к демократической партии, которая охватывает значительную часть рабочего класса. Отмечая, что эта партия делится на различные фракции, Энгельс писал: «...Самую многочисленную из них, по крайней мере в Париже, составляют коммунисты»². Энгельс имеет в виду приверженцев различных сект утопического социализма и коммунизма.

В то же время Энгельс констатировал упадок и идейный разброд среди различных социалистических школ. Зло и остроумно высмеивал он эпигонов фурьеризма, которые проходили мимо истинно великого в системе своего учителя и, наоборот, возвеличивали самые фантастические его идеи, например, в области космогонии. «...Господа фурьеристы, — писал Энгельс Марксу, — с каждым днем становятся все скучнее. «Phalange» не содержит ничего, кроме бессмыслицы»³. Он критикует и эпигонов сенсимонизма, в частности П. Леру, за бездоказательные выступления против Фурье, продиктованные узкосектантскими соображениями.

В первые же дни пребывания в Париже Энгельс встретился с виднейшим представителем французского утопического коммунизма Кабе. «Старик был очень приветлив, — сообщал он Марксу. — Я выслушал все его разглагольствования, рассказывал ему о всякой всячине и т. д. Я собираюсь часто бывать у него. Но от участия в корреспонденции [в Корреспондентском комитете. — *Ред.*] мы должны его избавить. Во-первых, у него много дел, а во-вторых, он слишком недоверчив»⁴. Утопическо-уравнительные воззрения Кабе, его принципиальный отказ от использования революционного насилия при любых условиях, приверженность к религии — все это препятствовало установлению тесного контакта между ним и Марксом и Энгельсом. Однако, положительно оценивая пропагандистскую деятельность Кабе среди французских рабочих и его выступления в защиту коммунизма, Энгельс, как и Маркс, стремился поддерживать с ним дружеские отношения.

Довольно безотрадную картину увидел Энгельс в среде немецких рабочих — членов Союза справедливых. В Париже они

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 27.

² Там же, стр. 29.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 32.

были организованы в четыре общины, объединенные по профессиональному принципу: портные, кожевники, столяры-мебельщики и кузнецы.

До середины 40-х годов ведущая роль среди них принадлежала портным, целиком находившимся под влиянием Вейтлинга. «Эти портные, — писал Энгельс, побывав на одной из их дискуссий о будущем коммунистическом обществе, — право, удивительные парни. Недавно они совершенно серьезно обсуждали вопрос о том, не лучше ли прикреплять ножи и вилки посредством цепочек»¹. Но ко времени приезда Энгельса на передний план выдвинулись столяры и кожевники, свободные от влияния Вейтлинга, но оказавшиеся под воздействием взглядов Грюна. Раз в неделю представители общин собирались нелегально для дискуссий, а затем идеи, усвоенные на этих узких заседаниях, пропагандировали на более широких собраниях рабочих.

На заседаниях представителей общин и начал пропагандистскую деятельность Энгельс. На первых порах он читал лекции по истории Германии, освещая ее с позиций исторического материализма. Вскоре он установил, что действительным лидером немецких рабочих-коммунистов в Париже является не Эвербек, а рабочий Юнге, который раньше жил в Брюсселе, встречался с Марксом и хорошо понимал, какие изменения следует внести в коммунистическую пропаганду. С его помощью Энгельс сплотил вокруг себя группу передовых рабочих. Перед ними он выступил с предложением о создании Коммунистического корреспондентского комитета. «План встретил большое сочувствие, особенно у Ю[нге], и будет здесь приведен в исполнение»², — сообщал Энгельс Брюссельскому корреспондентскому комитету. Однако само создание Комитета было решено отложить до того момента, пока, с одной стороны, не будет исключена из парижской организации Союза справедливых небольшая община вейтлингианцев, а с другой — не будет уничтожено влияние Грюна на немецких рабочих в Париже.

Борьба Энгельса против Грюна и других «истинных социалистов» в Париже была нелегкой. Наибольшую трудность представляла неподготовленность немецких рабочих к восприятию научной теории. Члены Союза справедливых как в Париже, так и в Лондоне, были ремесленниками, а не промышленными пролетариями. По условиям жизни они были тесно связаны с мелкой буржуазией, и среди них были сильны цеховые традиции. Неудивительно, что старые предрассудки ремесленников давали о себе знать, особенно когда дело шло о конкретной критике буржуазного общества или о революционных методах борьбы. Энгельс относился резко критически к наиболее консервативным

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 35.

² Там же, стр. 40.

ремесленникам, выразителям цеховых настроений, к «штраубингерам» — как он их называл.

Трудности коммунистической пропаганды усугублялись и той путаницей, которую вносили «теоретики» типа Грюна. «Грюн страшно навредил, — писал Энгельс Марксу. — Все, что было определенного в головах этих людей, он превратил в расплывчатые фразы, в «общечеловеческие» стремления и т. д. Под тем предлогом, что он борется с вейтлинговским и прочим доктринерским коммунизмом, он набил им головы самыми неопределенными, пустозвонными мелкобуржуазными фразами, а все остальное объявил доктринерством»¹.

Тесно связанный с Прудонем Грюн ревностно пропагандировал среди немецких рабочих в Париже мелкобуржуазные прудонистские иллюзии о возможности очистить капитализм от злоупотреблений, не уничтожая его основы, без установления общественной собственности на орудия производства. Прудон и прудонисты отвергали такие действенные средства и методы борьбы рабочего класса, как профсоюзы и стачки; особенно враждебно выступали они против политической деятельности пролетариата, против социальной революции.

Грюн, ставший завсегдаем в доме Прудона, печатал в немецких газетах многочисленные статьи, в которых прославлял его как «величайшего французского мыслителя современности»² и назойливо проповедовал его воззрения среди парижских членов Союза справедливых. Победа прудонистских взглядов среди немецких рабочих в Париже означала бы их поворот к мещанскому мнимому социализму мелких собственников.

Сплотив вокруг себя небольшую группу наиболее передовых членов Союза в Париже, Энгельс развернул решительную борьбу против мелкобуржуазных идей Прудона. В письмах Марксу и Брюссельскому корреспондентскому комитету Энгельс, как отмечал В. И. Ленин, «с беспощадной язвительностью и замечательной глубиной критикует основные идеи Прудона»³.

На собраниях представителей общин Союза справедливых Энгельс вел страстные споры со сторонниками Прудона.

Три вечера продолжалась однажды горячая дискуссия между Энгельсом и «истинными социалистами», защищавшими прудоновские «мирные планы осчастливить человечество»⁴. «Я не щадил их, черт возьми, — писал он Марксу, — я напал на их самые худшие предрассудки, я заявил им, что они вовсе не пролетарии»⁵. Для того, чтобы показать, какая пропасть отделяет пролетарский коммунизм от мелкобуржуазного прудонизма и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 65.

² «Trier'sche Zeitung», 31. VII 1846.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 267.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 65.

⁵ Там же, стр. 64.

«истинного социализма», Энгельс прямо поставил вопрос, является ли данное собрание коммунистическим или сборищем разнородных элементов? В связи с этим он дал краткую формулировку основных целей коммунистов: «1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции»¹. «Главное, что приходилось мне доказывать,— писал он Брюссельскому комитету,— это — необходимость насильственной революции и вообще антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского «истинного социализма», почерпнувшего новые жизненные силы в прудоновской панацее»².

Дискуссия увенчалась полной победой Энгельса, хотя вначале против него выступали почти все участники собрания. Из пятнадцати участников дискуссии тринадцать выразили солидарность с точкой зрения Энгельса. Группа рабочих — активных деятелей Союза справедливых, которая ранее разделяла мелкобуржуазные взгляды Прудона и Грюна, перешла теперь на позиции пролетарского коммунизма Маркса и Энгельса.

Критика Прудона, начатая Энгельсом, получила дальнейшее развитие и глубокое обоснование в труде Маркса «Нищета философии», написанном в первой половине 1847 г.

Глубина и актуальность содержания «Нищеты философии» сделали эту книгу программным произведением формирующегося ядра коммунистической партии. Недаром Энгельс, ведя переговоры с Луи Бланом в октябре 1847 г., заявил ему, что книга Маркса о Прудоне является «нашей программой»³.

Активная агитационная деятельность Энгельса не осталась незамеченной французской полицией. Этому способствовало и то, что его противники прибегали к неблагоприятным приемам. На широких собраниях немецких рабочих, где зачастую присутствовали и полицейские осведомители, они прямо указывали на Энгельса и его приверженцев, как на пропагандистов революционного коммунизма. Вскоре парижская полиция установила слежку за Энгельсом, и это заставило его на время прекратить пропаганду среди немецких рабочих.

Несколько недель подряд Энгельс должен был остерегаться французской полиции, подсылавшей к нему и Эвербеку шпиона за шпионом, которым «удалось,— как писал Энгельс Марксу в декабре 1846 г.,— выследить нас вплоть до кабачка, где мы иногда встречались с неотесанными парнями из предметов. Тем самым было доказано, что мы — главари опасной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 60.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 92.

шайки...»¹. В конце 1846 г. на квартире у Энгельса полиция произвела обыск.

Вынужденный перерыв в устной пропаганде Энгельс использовал для развертывания более широкой литературной деятельности. Находясь в Париже, он продолжает поиски издателя для «Немецкой идеологии». Еще раньше он стал подбирать материал для дополнительной работы над этим трудом. В августе 1846 г. он познакомился в Париже с только что появившейся работой Фейербаха «Сущность религии». В письме Марксу от 18 октября 1846 г. он дает ей развернутую характеристику. Общий вывод Энгельса таков: эта работа Фейербаха не содержит ничего нового по сравнению с его предшествующими произведениями и, следовательно, не дает дополнительного материала для соответствующего отдела «Немецкой идеологии». Так как рукопись «Немецкой идеологии» все еще продолжала кочевать по Германии в поисках издателя и надежды на ее опубликование с каждым днем уменьшались, то Маркс и Энгельс, чтобы завершить теоретическую борьбу с «истинным социализмом», решили выступить против него с рядом статей.

Продолжение борьбы с «истинным социализмом» было тем более необходимо, что образовались различные его школы — вестфальская, саксонская, берлинская и т. д.

Критический разбор новейших литературных произведений представителей этих школ Энгельс дал в статье «Истинные социалисты», над которой он работал до апреля 1847 г. и которая рассматривалась им как заключительная глава II тома «Немецкой идеологии». При жизни автора статья не была опубликована.

В конце 1846 — начале 1847 г. Энгельс работал над критической статьей о вышедшей в 1846 г. книге Грюна «О Гёте с человеческой точки зрения». Первоначально он намеревался переработать ее для второго тома «Немецкой идеологии» в дополнение к разделам, посвященным критике «истинного социализма». Вместе с другой работой Энгельса — «Карл Бек. «Песни о бедняке», или поэзия «истинного социализма»» (возможно, что и эта работа составляла часть второго тома «Немецкой идеологии») — статья о книге Грюна была опубликована в сентябре — декабре 1847 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» под общим заглавием «Немецкий социализм в стихах и прозе».

В этих очерках Энгельс подверг глубокой критике литературные взгляды «истинных социалистов», а также изложил эстетические принципы революционной пролетарской партии. Основное острие их направлено против характерных для «истинных социалистов» сентиментально-филантропических призывов, против их мелкобуржуазных иллюзий, филистерства, драб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 67.

лости, трусливого угодничества перед властью имущими. Энгельс считал, что передовой поэт должен понимать реальную «связь между отдельными фактами... и общими условиями»¹, воспевать не «трусливое мещанское убожество», а «гордого, грозного и революционного пролетария»².

Энгельс показывает мелкобуржуазное, мещанское существо оценки Грюном творчества Гёте. Он вскрывает противоречия, свойственные творчеству великого немецкого поэта: «...В нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотнительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с этим убожеством перемирие и приспособляться к нему. Так, Гёте то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гёте был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить»³.

В марте — апреле 1847 г. Энгельс пишет брошюру «Конституционный вопрос в Германии», направленную против политических взглядов «истинных социалистов». От этой брошюры, оставшейся при жизни Энгельса неопубликованной в связи с арестом издателя, сохранились только отдельные части. Энгельс показывает в ней, что «истинные социалисты», игнорируя сохраняющееся в Германии господство абсолютистских порядков и направляя огонь своей критики против буржуазной оппозиции, по существу мешают борьбе с реакционными силами⁴. Он вновь обличает «истинных социалистов» как выразителей интересов и чаяний мещанства, видящего свой идеал в уже превзойденной ступени производства и готового пойти на союз с реакционными классами. В этой связи Энгельс дает замечательный анализ социальной и политической обстановки, расстановки классовых сил в предреволюционной Германии и призывает немецких коммунистов отмежеваться от этого течения.

Своими публицистическими работами, а также пропагандистской деятельностью среди немецких рабочих в Париже Энгельс подрывал влияние непролетарских направлений внутри рабочего движения, расчищал почву для идей научного коммунизма, спланировал на научной платформе наиболее передовых рабочих и социалистов, создавал условия для образования революционной партии пролетариата. Об этой борьбе Энгельса

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 218.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, стр. 233.

⁴ См. там же, стр. 44.

за принципы коммунизма В. И. Ленин писал в 1913 г.: «Так в Париже 67 лет тому назад закладывались основы социал-демократической рабочей партии Германии»¹.

**Маркс и Энгельс
вступают**

в Союз справедливых

Борьба Маркса и Энгельса против вейтлингианства, прудонизма и «истинного социализма» не могла не оказать воздействия как на отдельные общины Союза справедливых, так и на его руководство.

Шаплер, Молль, Бауэр, возглавлявшие Союз с ноября 1846 г., открыто порвали с Вейтлингом и его сторонниками, которых в этой организации, особенно в швейцарских общинах, было довольно много. Под влиянием теоретически более подготовленных членов Союза они вынуждены были осудить и наиболее одиозных представителей «истинного социализма», хотя эта критика носила еще непоследовательный характер. «Перед лицом несостоятельности господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавших из них практических ошибок,— писал впоследствии Энгельс,— в Лондоне все более и более убеждались, что наша, Маркса и моя, новая теория правильна»².

К началу 1847 г. руководители Союза справедливых пришли к выводу о необходимости произвести его коренную реорганизацию. Они решили обратиться за помощью к Марксу и Энгельсу. В конце января 1847 г. лондонцы направили своего представителя Иосифа Молля в Брюссель к Марксу и в Париж к Энгельсу. Молль предложил им вступить в Союз и принять активное участие в его организационной перестройке и разработке новой программы.

Предложения вступить в Союз делались Энгельсу, как и Марксу, и раньше. Но они каждый раз отклоняли их, так как не разделяли господствовавших в нем утопических взглядов и отрицательно относились к его сектантско-заговорщической форме организации.

Но положение в Союзе стало изменяться. Теперь к Союзу справедливых примыкали революционные лидеры чартистской партии, представлявшей промышленный пролетариат Англии. На этот раз Иосиф Молль от имени Народной палаты Союза заверил Маркса и Энгельса в готовности отказаться от устаревших утопических взглядов и сектантства. «То, что мы считали до сих пор недостатками Союза,— писал впоследствии Энгельс,— теперь сами его представители готовы были устранить; нас даже приглашали участвовать в его реорганизации. Могли ли мы ответить отказом? Разумеется, нет. Итак, мы вступили в Союз»³. В Брюсселе Маркс и его сторонники организовали общину Союза справедливых.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 268.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 223.

³ Там же.

Перед Марксом и Энгельсом открылась возможность направить всю деятельность Союза к той цели, которая их всодушевляла,— к созданию пролетарской партии на основе принципов научного коммунизма.

По возвращении Молля в Лондон в феврале 1847 г. руководство Союза справедливых направило всем своим местным организациям обращение, в котором говорилось: «Во Франции и Бельгии мы временно организовались по-новому»¹. Под влиянием Маркса и Энгельса руководители Союза теперь более решительно выступили против «истинного социализма». В обращении была уже указана принятая, вероятно, по согласованию с Марксом и Энгельсом, дата созыва конгресса и его повестка дня. Предстояло обсудить следующие вопросы: 1) отчетный доклад Народной палаты и выборы нового руководства Союза; 2) о коренной реорганизации Союза, пересмотре устава; 3) выработка программы Союза — «краткого коммунистического символа веры»; 4) создание печатного органа Союза; 5) организационные вопросы².

Первый конгресс Союза коммунистов

2 июня 1847 г. в Лондоне открылся первый конгресс Союза справедливых, явившийся фактически учредительным конгрессом Союза коммунистов. Маркс из-за материальных затруднений не смог поехать в Лондон; брюссельские коммунисты были представлены Вильгельмом Вольфом. В качестве делегата парижских общин Союза в работе конгресса участвовал Энгельс.

Избрание Энгельса на конгресс было сопряжено с острой борьбой против сторонников Вейтлинга и «истинных социалистов» в Париже. К этому времени в парижской организации произошел раскол. Три общины, в которых всего сильнее были прогрессивные элементы, решили отделиться от двух вейтлингианских общин и самостоятельно избрать делегата на конгресс. Тем самым вейтлингианцы были фактически исключены из парижской организации Союза. Конгресс после ознакомления с документами обеих сторон одобрил действия трех общин, «так как вейтлингианская партия, — указывалось в циркулярном письме конгресса, — повсеместно задерживала развитие Союза, в чем можно было убедиться на опыте в Лондоне и в Швейцарии»³. Конгресс единогласно постановил исключить парижских вейтлингианцев из Союза и допустить делегата парижского большинства на конгресс.

Это был решающий удар по вейтлингианству, фактическое исключение Вейтлинга и его сторонников из Союза. Таким образом конгресс как бы подвел итог той борьбы против сектантства

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 133.

² См. там же, стр. 131.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 405.

и заговорщичества, которую в течение нескольких лет вели Маркс и Энгельс.

Роль Энгельса на конгрессе была очень велика. Энергия, решительность, эрудиция и ясность мысли обеспечили Энгельсу руководящее положение. Благодаря его активному участию конгресс принял важные решения, определившие дальнейшее развитие коммунистического движения. Наряду с осуждением заговорщичества и сектантства, было заявлено о непримиримом отношении к культуре личности руководителей. «Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов,— писал впоследствии Маркс,— произошло под тем неизменным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами...»¹.

На конгрессе была произведена реорганизация Союза. В основу нового Устава были положены принципы демократизма и централизма.

Маркс и Энгельс добились внесения в Устав специального раздела, определяющего роль конгресса как высшего законодательного органа всей организации. Было установлено, что конгресс собирается регулярно и решает вопросы, касающиеся всего Союза, определяет местопребывание Центрального комитета, который также подотчетен конгрессу. Центральный комитет является исполнительной властью всего Союза в период между конгрессами. До сих пор ни одна тайная коммунистическая организация не строилась на таких демократических принципах.

Проект Устава Союза коммунистов исходил из старого устава Союза справедливых (1838 г.). В составлении новой редакции главных положений Устава решающая роль принадлежала Энгельсу. В новом Уставе было устранено многое, что было заимствовано Союзом справедливых у тайных заговорщических обществ Италии и Франции. Была упрощена организационная структура Союза, четко определены условия членства, установлен принцип выборности и сменяемости руководящих лиц.

Далеко не все, к чему стремились Маркс и Энгельс, удалось осуществить на конгрессе. В Уставе отсутствовало четкое определение конечных целей Союза, сохранились некоторые пункты, напоминающие о заговорщическом прошлом Союза, как, например, требование от вступающих в Союз принесения клятвы². Однако внесенные в Устав изменения носили такой принципиально важный характер, что его можно рассматривать по существу как новый документ.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 241.

² См. Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. Bd. 1. 1836 — 1849. Berlin, 1970, S. 469.

Проект нового Устава был передан на обсуждение местных организаций. Окончательная его редакция должна была быть принята на следующем конгрессе.

Ярким выражением торжества идей Маркса и Энгельса явилось то, что по их предложению Союз справедливых был переименован в Союз коммунистов.

Мотивируя необходимость изменения названия Союза, конгресс отметил, что оно должно быть осуществлено не только вследствие предательства члена Союза справедливых в Берлине Х. Ментеля, выдавшего прусскому правительству тайну существования Союза. Дело в том, что старое название, соответствовавшее прежним специфическим условиям возникновения Союза, теперь уже ни в малейшей степени не выражало его цели. Необходимо такое название, которое полнее всего отразило бы стремление Союза устранить существующий общественный порядок, частную собственность и установить общественную собственность. Таким названием является Союз коммунистов. Следует также отказаться от таких обозначений отдельных звеньев Союза («Gau» — «область», «Halle» — «палата»), на которых лежит печать узкогерманского национального духа, что могло бы извратить интернациональный характер Союза. Изменение названий послужит тому, чтобы «лишить наш пропагандистский Союз заговорщического характера, который так охотно приписывают нам враги»¹.

Прежний девиз Союза, отражавший его утопические воззрения: «Все люди — братья», был заменен лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этот революционный призыв, провозглашенный Марксом и Энгельсом, стал боевым лозунгом международного пролетариата в его борьбе против всякого политического и социального гнета, за новое, бесклассовое общество.

Особенно велика была роль Энгельса в решении вопроса о проекте программы, занявшего значительное место в работе конгресса. Признав крайне своевременной выработку краткого «Символа веры», который был бы принят в качестве программы, конгресс счел целесообразным решать эту задачу постепенно, привлекая к выработке и обсуждению этого документа весь Союз.

На первом конгрессе было решено предложить Союзу в качестве проекта программы «Коммунистический символ веры», составителем которого в основном был Энгельс. Пока не известно, когда и при каких условиях он написал этот первый проект программы Союза коммунистов. Однако его авторство подтверждается тем, что оригинал документа написан рукою Энгельса, а также тем, что значительная часть текста указан-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 408.

ного проекта вошла в «Принципы коммунизма», составленные Энгельсом накануне второго конгресса Союза коммунистов. Не исключено, что некоторые пункты проекта были внесены другими делегатами первого конгресса.

В этом документе Энгельс сделал первую попытку дать основу марксистской программы, в которой вопросы общественного развития рассматривались бы с позиций материалистического понимания истории.

Проект «Коммунистического символа веры»¹, написанный в форме катехизиса — вопросов и ответов, начинается с выяснения целей коммунистов, затем в нем даны характеристика пролетариата, как класса, история его возникновения, его противоположность буржуазии, его отличие от рабов, крепостных, ремесленников. В проекте освещены вопросы о закономерном характере коммунистического преобразования общества, о путях преобразования частной собственности в общественную, о роли революции, о переходном периоде, о первых мероприятиях пролетариата после завоевания им власти. В «Символе веры» охарактеризовано также отношение коммунистов к семье, к национальным различиям и к существующим религиям. При дальнейшей работе над программой накануне второго конгресса, открытие которого было назначено на 29 ноября 1847 г., Энгельс устранил некоторые теоретически незрелые пункты, принятые на первом конгрессе.

Первый конгресс Союза коммунистов постановил также издавать в Лондоне печатный орган Союза — «*Kommunistische Zeitschrift*». Его редактором по согласованию с Марксом и Энгельсом был назначен В. Вольф; он должен был переселиться из Брюсселя в Лондон. По окончании конгресса было составлено циркулярное письмо к Союзу, освещающее проделанную конгрессом работу. Хотя местопребыванием руководства Союза оставался Лондон и в состав Центрального комитета были вновь избраны Шаппер, Молль, Бауэр и их друзья, фактическими руководителями Союза все больше становились Маркс и Энгельс: отныне ни одно сколько-нибудь важное решение не принималось без их участия.

С основанием Союза коммунистов закончился первый этап борьбы Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии.

В авангарде рабочего и демократического движения

После конгресса Энгельс возвратился в Париж и сообщил членам Союза об итогах его работы. В конце июля 1847 г. он приехал к Марксу в Брюссель, где пробыл до середины октября 1847 г. 5 августа он вме-

сте с Марксом основал здесь новую общину и окружной комитет Союза коммунистов. Опираясь на обе общины, Маркс и Эн-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 354—360.

гельс в конце августа создали по типу лондонского Просветительного общества Немецкое рабочее общество в Брюсселе.

Такого рода объединения должны были, по мысли Маркса и Энгельса, служить ареной для открытой коммунистической пропаганды, а самых зрелых и активных их участников можно было вовлекать в Союз коммунистов. В брюссельском Немецком рабочем обществе проводились лекции, устраивались товарищеские дискуссии по важным вопросам коммунистической теории и текущей политической жизни. Широкая пропагандистская деятельность Маркса, Энгельса и их единомышленников вскоре принесла свои плоды: к концу октября 1847 г. Общество насчитывало уже около ста человек. Энгельс прилагал немало усилий и для организации культурного досуга членов Немецкого рабочего общества. Во время пребывания в Брюсселе он неизменно был душой всех устраиваемых в Обществе музыкально-драматических представлений. На новогоднем вечере молодыми рабочими, недавно вступившими в Общество, была разыграна написанная Энгельсом пьеса, в которой он предсказывал неизбежность победы демократической революции в самое ближайшее время.

Немецкое рабочее общество установило связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами, в частности с Обществом бельгийских рабочих («Общество Агнессы») и его видными деятелями — Пеллерингом, Дасси, Батайем. Деятельность Немецкого рабочего общества приняла настолько широкий характер, что его стали посещать многие известные демократы и социалисты Бельгии, а также видные представители польской и французской демократической эмиграции Лелевель и Энбер.

Деятельность Маркса и Энгельса не ограничивалась рамками Союза коммунистов и Немецкого рабочего общества. Они стремились использовать любую возможность, чтобы ответить на вопросы, волновавшие рабочих разных стран. Так, они приняли участие в международном конгрессе экономистов — сторонников свободы торговли, который проходил в Брюсселе с 16 по 18 сентября 1847 г. На нем были представлены «знаменитости» буржуазной экономической мысли и видные государственные деятели. Главную роль на конгрессе играли английские фритредеры, представители крупной буржуазии, кровно заинтересованной в том, чтобы принципы свободы торговли восторжествовали и на европейском континенте, что позволило бы Англии еще больше эксплуатировать национальные рынки европейских стран. Эту своекорыстную политику фритредеры прикрывали лицемерно-филантропическими и пацифистскими фразами о братстве народов всех стран, об улучшении положения народных масс благодаря свободе торговли и т. п.

Основоположники марксизма решили использовать конгресс, на котором в качестве зрителей присутствовали на галерке и

рабочие, чтобы разоблачить демагогический характер фразеологии фритредеров. Маркс и Веерт записались в число ораторов.

В яркой речи на одном из заседаний конгресса Веерт, исходя из позиций научного социализма, показал систему жестокой эксплуатации рабочих, обрисовал ужасающие условия жизни пролетариев Англии, Франции и Германии и подчеркнул, что ни протекционизм, ни свобода торговли не способны изменить этого положения вещей.

Речь Веерта настолько напугала руководителей конгресса, что, когда наступила очередь Маркса, ему отказали в слове под предлогом прекращения прений. Тогда Маркс и Энгельс решили использовать печать для широкого освещения своих взглядов по обсуждавшимся на конгрессе вопросам. Текст речи об отношении пролетариата к протекционизму и свободе торговли Маркс опубликовал в газете бельгийских рабочих «Atelier Démocratique», а Энгельс напечатал в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» и «Northern Star» две статьи — «Конгресс экономистов» и «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли»; во второй из них он привел многочисленные выдержки из текста не произнесенной речи Маркса. В обеих статьях Энгельс вскрывал лицемерие и научную несостоятельность аргументов фритредеров, доказывал, что ни протекционизм, ни свобода торговли не способны существенно улучшить положение рабочего класса:

Вопрос о свободе торговли и протекционизме был предметом обсуждения и в Немецком рабочем обществе. Чтобы придать дискуссии оживленный характер, Маркс и Энгельс прибегли к небольшой хитрости: Маркс защищал необходимость свободы торговли, а Энгельс выступал в поддержку протекционизма. Никто не знал, что диспут носит показательный характер и задуман с целью втянуть в обсуждение как можно больше участников собрания. К концу спора Маркс и Энгельс заявили о единстве своих взглядов и о том, что и протекционизм и свобода торговли являются экономическими системами, которые соответствуют различным ступеням зрелости капитализма: протекционизм предпочтителен на его ранней стадии, а свобода торговли является экономической политикой капиталистически развитых стран.

Выступления Маркса и Энгельса против буржуазных фритредеров как в печати, так и на собраниях Немецкого рабочего общества способствовали более глубокому уяснению передовыми рабочими классовой противоположности между буржуазией и пролетариатом.

Со второй половины сентября 1847 г. Энгельс фактически один руководил брюссельской организацией Союза коммунистов и Немецким рабочим обществом (в связи с временным отъездом Маркса по семейным делам к родственникам в Голландию).

В это время издатель «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» А. Борнштедт, который, как потом выяснилось, был тайным осведомителем австрийской и прусской полиций и только прикрывался маской ультрадемократа и коммуниста, усиленно стремился проникнуть в Союз коммунистов и Немецкое рабочее общество, занять в них ведущее положение. Встретив сопротивление своим планам, он за спиной Маркса и Энгельса вступил в переговоры с видными бельгийскими демократами и революционными эмигрантами из Франции и Польши об организации международного объединения демократов.

Однако Энгельс сорвал планы Борнштедта. Он добился того, что основную роль в создании этого нового международного объединения сыграли немецкие коммунисты и Немецкое рабочее общество.

27 сентября в помещении кафе на площади Дворца правосудия состоялся большой интернациональный банкет — собрание демократов разных стран, на котором присутствовало около 120 человек — бельгийцы, немцы, французы, поляки, швейцарцы, русские. Задавали тон на празднестве члены Немецкого рабочего общества.

На банкете было принято решение создать Демократическую ассоциацию. В организационный комитет, наряду с французским революционером Жаком Энбером, ветераном польского национально-освободительного движения Иоахимом Лелевелем и некоторыми другими демократами, был избран и Энгельс как представитель немецких демократов. Но так как он собирался возвратиться в Париж, то перед отъездом предложил ввести в комитет вместо себя Маркса. Предложение Энгельса было принято, а позднее, когда в ноябре 1847 г. Демократическая ассоциация была уже организована, Маркса избрали вице-председателем Комитета Ассоциации. Председателем Комитета стал бельгийский мелкобуржуазный демократ Л. Жотран.

Маркс и Энгельс оказывали постоянное воздействие на деятельность Демократической ассоциации. Стремясь превратить ее в центр сплочения всех революционно-демократических сил Европы, они расширяли ее связи с английскими чартистами и обществом «Братские демократы», с французскими, швейцарскими и голландскими демократами. Особенно большую активность в этом направлении Энгельс проявил будучи во Франции и в Англии. Как и Маркс, он участвовал в важнейших митингах Ассоциации, выступал от имени пролетарской партии, открыто критикуя непоследовательность мелкобуржуазных демократов и непонимание ими коммунизма. Основоположники марксизма принимали непосредственное участие в руководстве Демократической ассоциацией, в создании ее местных организаций в Бельгии. Используя все доступные им средства, они оказывали все большее влияние на демократическое и коммунистическое движения Германии, Бельгии и других стран.

«Deutsche-Brüsseler-Zeitung»

Маркс и Энгельс все более остро нуждались в печатном органе, где с позиций новой революционной теории можно было бы освещать важнейшие вопросы международного коммунистического и демократического движений. После многочисленных неудавшихся попыток создать собственную газету они обратили внимание на издававшуюся с января 1847 г. «Deutsche-Brüsseler-Zeitung».

Еще с конца января 1847 г. на страницах этой газеты начали публиковаться стихи Веерта, а с марта 1847 г. — статьи В. Вольфа, Ф. Вольфа и других приверженцев Маркса и Энгельса. Одновременно с коммунистами в газете сотрудничали и сторонники немецкого мелкобуржуазного демократа К. Гейнца.

Сотрудничество Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» началось с весны 1847 г. 8 апреля в газете появилась заметка Маркса против «истинного социалиста» Грюна. 6 мая была напечатана карикатура Энгельса на Фридриха-Вильгельма IV, пересланная им в редакцию из Парижа через Маркса; она неоднократно перепечатывалась в качестве литографированного листка. Темой рисунка Энгельса была тронная речь Фридриха-Вильгельма IV при открытии Соединенного ландтага 11 апреля 1847 г., когда прусский король торжественно заявил о своей враждебности конституционализму и верности идеалу «христианско-германского государства». Карикатура Энгельса пользовалась большим успехом и была отмечена не только в немецкой, но и в английской и бельгийской печати. 10 июня в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» была опубликована статья Энгельса «Протекционизм или система свободы торговли».

Тяжелое финансовое положение газеты заставляло ее издателя Борнштедта искать наиболее популярных у немецкой прогрессивной интеллигенции литераторов. Естественно, что важное условие своего успеха он видел в привлечении к газете таких известных теоретиков и публицистов, как Маркс и Энгельс. Примерно в августе — сентябре 1847 г. Маркс и Энгельс заключили с Борнштедтом соглашение, согласно которому издатель предоставил газету в их распоряжение. Они становились фактически соредакторами «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». С этого времени все материалы, исходившие от них, могли печататься без какого-либо редакционного вмешательства.

Систематическое сотрудничество Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» вдохнуло в нее новую жизнь, превратило ее в последовательно демократическую и коммунистическую газету, в неофициальный орган Союза коммунистов. Она стала глашатаем теоретических и тактических принципов научного коммунизма, революционной пролетарской партии.

Энгельс напечатал в газете статьи: «Немецкий социализм в стихах и прозе», «Коммунисты и Карл Гейнцен», «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне», «Движения 1847 года», «Начало конца Австрии», «Три новых конституции» и т. д. Особо внимания заслуживает статья Энгельса против Гейнцена.

Карл Гейнцен начал свою карьеру мелким чиновником, сотрудничавшим в «*Rheinische Zeitung*». Но вскоре он подвергся преследованиям властей за книгу о прусской бюрократии, напечатанную в 1844 г. Вынужденный бежать из Германии, он в 1845 г. поселился в Брюсселе. Здесь он вел долгие политические дискуссии с Марксом, старавшимся освободить его от либерально-конституционных иллюзий. Потом переехал в Швейцарию, и здесь под влиянием Руге неожиданно превратился в «свирепого» радикала, стал выпускать листовки для нелегального распространения в Германии, призывавшие к немедленному восстанию, к расправе с монархами и т. п. Однако действительную революционную пропаганду он подменял крикливой фразой, что могло только дискредитировать демократическое движение и усложнить работу деятелей революционного движения в самой Германии. Гейнцен нападал на немецких коммунистов, причем смешивал их, в том числе Маркса и Энгельса, с «истинными социалистами».

Свои мещански-ограниченные мысли Гейнцен облакал в нарочито упрощенную форму. На противников он обрушивался с целым набором ругательств. Очень метко охарактеризовал Гейнцена А. И. Герцен, назвав его «Собакевичем немецкой революции»¹.

Борьба против Гейнцена имела большое теоретическое и политическое значение. То была борьба за самостоятельное существование пролетарской, коммунистической партии, независимой от мелкобуржуазных демократов, за самостоятельную революционную тактику. Необходимость разработки тактики пролетарской партии, в частности в отношении демократического движения, становилась все более неотложной в связи с назреванием буржуазно-демократической революции в Германии.

В статье «Коммунисты и Карл Гейнцен», опубликованной в «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» 3 и 7 октября 1847 г., Энгельс показывал всю нелепость обвинения, выдвигавшегося Гейнценом против коммунистов, будто они вносят раскол в демократический лагерь. «Коммунисты при современных условиях, — отмечал Энгельс, — не только совершенно далеки от того, чтобы начинать бесполезные споры с демократами, но скорее сами в данный момент выступают как демократы во всех практических партийных вопросах»². Коммунисты критикуют Гейнцена

¹ См. А. И. Герцен. Собрание сочинений. М., 1956, т. X, стр. 60.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 276.

не за то, что он не коммунист, а за то, что он плохой демократ, что он пытается расколоть демократический лагерь. Коммунисты же, в отличие от Гейнцена, стремятся сохранить единство революционной демократии. До тех пор пока общая задача не разрешена и общий враг еще не уничтожен, известные разногласия между коммунистами и демократами не препятствуют их совместной деятельности.

Энгельс решительно осуждал Гейнцена, который без учета реальной обстановки, без понимания взаимосвязи между революционным движением в Германии и борьбой в других европейских цивилизованных странах, как Франция и Англия, постоянно призывал к немедленному восстанию. Такие призывы были в высшей степени вредны, так как толкали немецкую демократию на путь авантюризма. Подобная порочная тактика, указывал Энгельс, могла привести лишь к изоляции демократов и коммунистов от широких народных масс, могла вызвать ненужные жертвы в рядах революционной демократии. Гейнцен объявлял монархов главными виновниками всех бедствий, не видел глубоких социальных причин, порождавших экономическое и политическое угнетение народа. Тем самым он отводил удар от помещиков и капиталистов. Задача же действительных демократов состоит в том, чтобы раскрыть перед народом коренные причины его нищеты и несправедливости и указать ему те средства, какими он сможет избавиться от тяготеющего над ним гнета. Они должны неустанно разъяснять народу, что «завоевание политической власти пролетариями, мелкими крестьянами и городскими мелкими буржуа является первым условием для применения этих средств»¹.

В то время как Гейнцен обращал свой взор в основном к крестьянству, Энгельс в противовес ему доказывал, что «промышленный пролетариат городов стал ядром всякой современной демократии; мелкие буржуа и еще больше крестьяне всецело зависят от его инициативы»².

Таким образом, уже в 1847 г. Энгельс отстаивал решающую роль пролетариата в демократическом движении, необходимость его руководства по отношению к крестьянству и городской мелкой буржуазии.

В статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» Энгельс критикует выдвинутый Гейнценом план преобразований, которые должно осуществить будущее демократическое правительство. Предложенные им реформы Гейнцен заимствовал у коммунистов, но придал окончательный характер временным переходным мерам. Энгельс указывал, что народ, взявший в свои руки государственную власть, должен будет использовать ее для того, чтобы провести сначала подготовительные социальные меро-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 272.

² Там же.

приятия, облегчающие, в конечном счете, переход к упразднению частной собственности. Главные из них: ограничение свободы конкуренции и накопления крупных капиталов, ограничение или упразднение права наследования, государственная организация труда и т. д. Все эти меры должны непосредственно улучшить условия жизни и труда широких народных масс. Но на них революция не может и не должна останавливаться. Если пролетариат оставит в силе частную собственность, стихию буржуазной конкуренции, то рано или поздно это приведет к восстановлению прежнего положения.

Здесь Энгельс впервые высказал мысли, которые легли в основу марксистской теории непрерывной революции.

Опровергая невежественные суждения Гейнцена, Энгельс доказывал, что коммунизм — это не отвлеченная доктрина, он исходит не из абстрактных принципов, а из фактов. «Коммунисты имеют своей предпосылкой... весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах»¹. Глубокую жизненную силу коммунистического мировоззрения, его неразрывную связь с борьбой рабочего класса Энгельс выразил в следующих словах: «Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата»².

Эти и некоторые другие идеи, высказанные в статье Энгельса, впоследствии вошли в «Манифест Коммунистической партии».

Выступление Энгельса против Гейнцена встретило живой, сочувственный отклик у членов Союза коммунистов. Так, на страницах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» появилось от имени многих рабочих-коммунистов в Париже заявление, которое беспощадно клеймило Гейнцена за его выступления против Энгельса и других коммунистов. Против Гейнцена выступили и лондонские коммунисты, в том числе находившееся там руководство Союза коммунистов.

В статье «Морализирующая критика и критицизирующая мораль», также направленной против Гейнцена, Маркс выразил полное согласие с критической статьей Энгельса.

Борьба Маркса и Энгельса против Гейнцена имела большое значение для укрепления и дальнейшего развития Союза коммунистов.

Решительная критика позиций Гейнцена отнюдь не означала разрыва с мелкобуржуазными демократами, которых Маркс, Энгельс и их сторонники рассматривали как своих союзников в борьбе против феодально-абсолютистского строя в Германии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 281.

² Там же, стр. 282.

В статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» Энгельс одобрительно отзываясь о видном деятеле немецкой мелкобуржуазной демократии — Иоганне Якоби, а также о других ее лидерах. Между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Якоби, с другой, по-видимому, имело место соглашение о единстве действий. Известный контакт существовал у Маркса и Энгельса и с частью южногерманских демократов. Энгельс говорил о Якоби и баденцах как о союзниках немецких коммунистов и наиболее передовой фракции демократического движения в Германии¹.

В статьях Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» формулировались идеи, определившие программу всей немецкой демократии: национальное объединение Германии в демократическую республику, безвозмездная отмена феодальных повинностей, предоставление свободы и равноправия всем национальностям, угнетаемым германскими государствами, установление в стране демократических свобод, подлинного народного представительства.

Сотрудничество в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» — важный этап в публицистической деятельности Энгельса.

Снова в Париже

В середине октября 1847 г. Энгельс вновь приезжает в столицу Франции. В предреволюционной обстановке Маркс и Энгельс придавали особенно большое значение тесному контакту с представителями революционной демократии и рабочего движения Франции. От их поддержки в известной мере зависела судьба будущей германской революции. Необходимо было также заручиться помощью французских демократов в борьбе против Прудона. Сразу же по приезде в Париж Энгельс встречается с Луи Бланом. Социалистические идеалы Л. Блана были мелкобуржуазны. Он мечтал о том, чтобы основанное на всеобщем избирательном праве демократическое государство, которое он рассматривал как внеклассовое учреждение, вмешалось во взаимоотношения между буржуазией и рабочим классом, установило какое-то соглашение между ними и осуществило такие социальные реформы, как организация общественных мастерских, снабжение их орудиями производства и т. п. Несмотря на утопичность взглядов Блана, вредность его иллюзий о возможности достижения социализма посредством сотрудничества классов и с помощью буржуазного государства, он в условиях предреволюционной Франции, несомненно, играл прогрессивную роль. Вместе с Ледрю-Ролленом, одним из лидеров французской мелкобуржуазной демократии, Блан вел активную борьбу против конституционной монархии Луи-Филиппа и буржуазных республиканцев. Руководимая Л. Бланом, А. Ледрю-Ролленом

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 92.

и Ф. Флоконом так называемая социалистическо-демократическая партия — часто ее именовали партией «Réforme» по названию ее печатного органа — была весьма популярна и среди французских рабочих, главным образом благодаря борьбе за всеобщее избирательное право, за установление демократической и социальной республики. В союзе с партией «Réforme» состояли и французские тайные общества революционных пролетариев-коммунистов, принимавшие участие в ее легальной деятельности. Эта партия представляла собой, таким образом, блок демократических мелких буржуа и тяготевавших к социализму и коммунизму рабочих.

Энгельс во время переговоров с Луи Бланом действовал с большим политическим тактом. И если последний проявил во время встречи больше дипломатической вежливости, чем доброй воли, то с редактором «Réforme» Флоконом Энгельс установил хорошие взаимоотношения, договорился об опубликовании в газете статьи Маркса о конгрессе сторонников свободы торговли. Л. Блан обещал ему выступить с рецензией на книгу Маркса «Нищета философии». Хотя статья Маркса, как и рецензия на его книгу, так и не появились в газете, Энгельс стал ее постоянным сотрудником и опубликовал в ней ряд статей о чартистском движении в Англии, в которых с большим сочувствием говорил о мужественной борьбе английского рабочего класса. Энгельс вступил также в контакт с редакцией газеты «Atelier», вокруг которой группировались рабочие, находившиеся под влиянием буржуазного республиканца и христианского социалиста Ф. Бюше. Время от времени Энгельс печатал в ней небольшие корреспонденции о революционной борьбе английского пролетариата.

Устанавливая связи с представителями различных групп демократического и социалистического движения во Франции, Энгельс не поступался своими теоретическими принципами, не шел ни на какие идейные уступки. Выделяя те общие задачи, которые позволяют пролетарской партии определенное время идти вместе с деятелями других направлений, Энгельс в то же время подвергал критике ошибочные теоретические и тактические положения Блана, Бюше и др. Примером такого отношения является статья Энгельса «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне», первоначально появившаяся в «Northern Star», а затем в несколько переработанном виде перепечатанная в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». Энгельс писал: «Объединение демократов различных наций не исключает взаимной критики. Оно невозможно без такой критики. Без критики нет взаимного понимания, а следовательно и нет объединения»¹. Далее Энгельс критиковал Блана и других французских демократов за нацио-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 384.

нальные предрассудки и иллюзии об исключительной роли Франции в историческом развитии, которые прикрывались демократической фразеологией.

Находясь в столице Франции, Энгельс продолжал следить за нарастанием политического кризиса внутри страны, освещать важнейшие события в статьях («Правительство и оппозиция во Франции», «Манифест г-на Ламартина», «Движение за реформу во Франции», ««Удовлетворенное» большинство...» и других), которые печатались главным образом в «Northern Star», а также в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». Как и все работы Энгельса, эти корреспонденции показывают его острую наблюдательность, умение по отдельным штрихам составить полную картину исторической обстановки, журналистское мастерство, позволявшее быстро откликаться в печати на все важнейшие текущие события. Лейтмотивом статей является мысль о приближении во Франции революции, которая неизбежно окажет могучее воздействие на всю Европу.

В статьях о Франции, напечатанных в «Northern Star», Энгельс показал ту революционную силу, которую не принимает в расчет буржуазия. Такой силой является благородный, великодушный и смелый народ Франции. В передовых рядах борющегося народа идут французские пролетарии, готовые к предстоящим схваткам.

Своими многочисленными корреспонденциями в газете «Réforme», в которых описывалась самоотверженная борьба английских чартистов за всеобщее избирательное право, их инициатива в установлении единства с рабочими и демократами других стран, Энгельс стремился укрепить революционный дух французских рабочих, прививал им идеи пролетарского интернационализма. Он доказывал необходимость самостоятельной классовой организации рабочих.

«Принципы коммунизма»

В центре внимания Маркса и Энгельса в то время был вопрос об укреплении Союза коммунистов. Энгельс отдавал много времени и сил реорганизации парижских общин. Среди членов Союза коммунистов в Париже царил разброд. За несколько дней до приезда Энгельса из Союза была исключена целая община, которая под влиянием Грюна объявила себя противницей коммунизма. Две другие общины, вопреки постановлению первого конгресса Союза коммунистов, возобновили связи с вейтлингианцами.

В этой сложной обстановке вновь ярко проявились энергия и организаторский талант Энгельса. Сразу же по приезде в Париж он был избран в Окружной комитет, где взял на себя ведение корреспонденции и организацию пропаганды. Вопреки всем трудностям, он уже скоро добился первых успехов. Половина членов исключенной общины, окончательно разуверив-

шаяся в Грюне, вернулась в Союз. «Нас теперь всего-навсего 30 человек,— писал Энгельс Марксу 25—26 октября 1847 г. из Парижа.— Я сразу же организовал пропагандистскую общину, бегаю целый день и поучаю... Предлагается принять 20—30 кандидатов. Мы скоро будем опять сильнее»¹.

День за днем укреплялось влияние Энгельса, рос его авторитет среди передовых членов парижских общин Союза коммунистов, особенно среди членов Окружного комитета. Он, как и Маркс, поддерживал тесный контакт с Центральным комитетом Союза в Лондоне. В «Обращении Центрального комитета к Союзу» (квартальном отчете) от 14 сентября 1847 г. особо отмечались успехи Союза в Бельгии, а также большое значение той борьбы, которую вели члены Союза в Париже против вейтлингианцев и сторонников Грюна².

Основным вопросом предстоящего конгресса Союза коммунистов должно было быть обсуждение программы. Летом 1847 г. лондонский Центральный комитет направил всем округам одобренный первым конгрессом проект «Коммунистического символа веры», а в августе—сентябре во многих организациях Союза коммунистов уже развернулась оживленная дискуссия. Горячо обсуждался этот документ и в парижских общинах Союза. «Истинный социалист» М. Гесс представил парижскому Окружному комитету свой вариант этого проекта, который Энгельс на заседании комитета резко раскритиковал. И тогда комитет счел необходимым поручить Энгельсу составление нового проекта программы. При сложившейся ситуации Энгельс должен был составить такой программный документ, который по форме и содержанию был бы близок к «Коммунистическому символу веры». Энгельс писал Марксу о своем проекте, что надеется «добиться того, чтобы в него не попало— за исключением некоторых, не имеющих значения мелочей— ничего такого, что противоречило бы нашим взглядам»³.

Созданный Энгельсом новый проект программы— «Принципы коммунизма»— был дальнейшим развитием и дополнением проекта «Символа веры». Хотя количество вопросов и ответов в обоих документах примерно равное (в «Символе веры»— 22, в «Принципах коммунизма»— 25) и многие ответы первого документа с большими или меньшими редакционными изменениями вошли во второй, а некоторые другие были использованы частично, «Принципы коммунизма» являются по существу новой работой. Уже по своему объему они раза в четыре больше проекта «Символа веры». Этот документ фактически представляет собой предварительный набросок «Манифеста Коммунистической партии».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 96.

² См. Der Bund der Kommunisten. Bd. I, S. 535—536, 538—539.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 102.

Сообщая Марксу о своей работе над программой, Энгельс 23—24 ноября 1847 г. писал: «Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом». Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу с собой здешний проект, составленный мною. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо, наспех отредактирован. Я начинаю с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы. Попутно — различные второстепенные вещи, и в конце партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить открыто»¹.

Это письмо, подчеркивал В. И. Ленин, «показывает наглядно, что имена Маркса и Энгельса справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма»².

«Принципы коммунизма», как уже отмечалось, состоят из 25 вопросов и ответов. В первом ответе дано определение коммунизма, как учения об освобождении пролетариата. В дальнейшем дается определение пролетариата, его происхождения, его положения в классовом буржуазном обществе, выясняются условия продажи труда — товара, которым располагает пролетариат и который он продает буржуа; затем выясняются специфические отличия пролетария от раба, от крепостного, от ремесленника, от мануфактурного рабочего.

Большое место занимает анализ ближайших и дальнейших последствий промышленной революции, в первую очередь в Англии.

Отмечается, в частности, что промышленная революция целиком разрушила прежнюю систему промышленности, основанную на ручном труде. Крупная машинная индустрия вытеснила ручную мануфактуру. Вместе с тем умножилось богатство и могущество буржуазии, она стала «первым классом в стране»³, уничтожившим не только общественное могущество аристократии, дворянства и цехового бюргерства, но и их политическую власть.

В то же время промышленная революция способствовала развитию пролетариата. «Чем богаче становилась буржуазия, тем многочисленнее становились пролетарии»⁴. По мере развития крупной промышленности все более невыносимым становится положение пролетариата, заработная плата наемных ра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 102.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 269.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 327.

⁴ Там же, стр. 328.

бочих снижается до минимума, и это неизбежно ведет к росту недовольства и сплочению пролетариата. Промышленная революция, таким образом, подготавливает социальную революцию, которую осуществит пролетариат.

Современная промышленность произвела средства, позволяющие в громадных размерах и быстро увеличивать промышленное производство. Но возможности производства пришли в противоречие с возможностями рынка, чрезвычайно острый характер приобрела свободная конкуренция, наконец, стали возникать регулярно повторяющиеся торговые кризисы, когда фабрики останавливаются, фабриканты терпят банкротство, а рабочие лишаются куска хлеба.

Из этих кризисов следует, что крупная промышленность уже переросла свободную конкуренцию, что конкуренция и частная собственность на средства производства превратились в оковы для крупной промышленности, которые должны быть и будут разбиты. Современное развитие крупной промышленности, его вопиющие противоречия делают «безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества»¹.

В ряде ответов рассматриваются особенности коммунистического общества, пути и средства его создания, этапы революции и главнейшие мероприятия пролетарского государства по преобразованию старого общества.

Энгельс с исключительной научной проницательностью говорит об отличительных чертах будущего, бесклассового общества. Новый общественный строй поставит на место конкуренции ассоциацию, экономической основой которой будет общественная собственность на средства производства и его продукты. «...Коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности»². Все отрасли производства будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Производство будет настолько широко развито, что способно будет удовлетворить потребности всех тружеников. Это сделает излишним классовое деление общества. «Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет...»³. Промышленность, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, доказывает Энгельс, «предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 329.

² Там же, стр. 330.

³ Там же, стр. 335.

производства»¹. Вместе со старым разделением труда исчезнет противоположность между городом и деревней, а также между умственным и физическим трудом. Энгельс рассматривает, каково будет влияние коммунистического общественного строя на развитие форм семьи, на взаимоотношения наций между собой.

Большой теоретический интерес в «Принципах коммунизма» представляет ответ на 16-й вопрос: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?». Энгельс подчеркивает, что коммунисты были бы последними, кто стал бы возражать против мирного осуществления задач социальной революции. «Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом»².

В «Принципах коммунизма» Энгельс проводит выраженную уже в «Немецкой идеологии» идею о том, что пролетарская революция не может победить в какой-либо одной, отдельно взятой стране, а должна произойти более или менее одновременно в ряде капиталистически развитых стран. При этом Энгельс исходит из положения, что «крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии»³. Это положение Энгельс несколько уточнил в последующих произведениях и письмах, особенно в 70—90-х годах, в том направлении, что революция охватит целый исторический период.

Начавшись в одной стране, она даст толчок революции в других странах, окончательно же она восторжествует только с победой в основных крупных капиталистических государствах. С переходом к империализму, к началу XX века, картина экономической и политической жизни резко изменилась. Капи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 335.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, стр. 334.

тализм восходящий превратился в капитализм умирающий, загнивающий. Неравномерность развития, присущая капитализму вообще, приняла при империализме особо острый характер. В этих условиях В. И. Ленин, исходя из закона неравномерности, скачкообразности развития капитализма в эпоху империализма, доказал, что победа социализма возможна первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране, что одновременная победа социализма во всех развитых странах невозможна. Это теоретическое положение, являющееся одним из многочисленных примеров ленинского творческого подхода к марксистской теории, блестяще подтвердилось победой пролетарской революции в России.

«Принципы коммунизма» Энгельса — важнейший теоретический документ пролетарской партии. Они были одобрены парижским Окружным комитетом и представлены от имени округа второму конгрессу Союза коммунистов в Лондоне.

Немецкие коммунисты в Париже снова избрали Энгельса своим делегатом на конгресс, причем на этот раз за него голосовало подавляющее большинство членов парижских общин Союза коммунистов. Маркс был избран делегатом на этот конгресс от Брюссельского округа.

Так как Марксу и Энгельсу предстояло договориться об общем плане действий на конгрессе, то они условились по пути в Лондон встретиться в приморском бельгийском городе Остенде. Во время встречи 27 ноября 1847 г. друзья обсудили свою позицию по вопросу о программе и другим вопросам, которые предстояло решать на конгрессе. Накануне конгресса Маркс и Энгельс прибыли в Лондон.

Второй конгресс Союза коммунистов

Второй конгресс Союза коммунистов, открывшийся 29 ноября 1847 г., сыграл огромную роль в истории международного коммунистического и рабочего движения. Маркс и Энгельс охарактеризовали его как «первый международный конгресс пролетариата»¹. На нем были представлены члены Союза коммунистов Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Англии, Польши и ряда других стран. Точные данные о составе конгресса не сохранились, однако есть основание предполагать, что здесь были также и члены Союза коммунистов из Швеции и Голландии; англичан, вероятнее всего, представляли лидеры левого крыла чартистской партии Гарни и Э. Ч. Джонс. Председателем конгресса был избран Шаппер, секретарем — Энгельс.

Конгресс работал около десяти дней. 8 декабря 1847 г. был окончательно принят Устав. Это означало победу того плана реорганизации Союза, который защищали Маркс, Энгельс и их приверженцы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 248.

После первого конгресса Союза в ряде его организаций (Гамбург, Лейпциг, Майнц, Берн, Париж) раздавались голоса протеста против переименования Союза справедливых в Союз коммунистов, против исключения вейтлингианцев и грюнианцев. Поэтому к этим вопросам вновь пришлось вернуться на втором конгрессе. Здесь окончательно было утверждено новое название организации — Союз коммунистов. Чтобы резче определить новое направление Союза, освобожденное от влияния утопического и мелкобуржуазного социализма, Маркс и Энгельс добились изменения первой статьи Устава, принятого на первом конгрессе. Раньше она звучала так: «Союз ставит своей целью раскрепощение человека путем распространения теории общности имущества и возможно более быстрого практического превращения ее»¹. Принятая новая редакция этой статьи гласила: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»².

Значительным изменениям подверглась и вторая статья Устава, определяющая условия членства. Расплывчатые морализирующие фразы были заменены четкими положениями: признание коммунизма, образ жизни и деятельность, соответствующие этим убеждениям, революционная энергия и активное участие в пропаганде, непричастность к какому бы то ни было антикоммунистическому обществу и др.³

Были внесены и другие существенные изменения в проект Устава: снят пункт, согласно которому решения конгресса должны были утверждаться местными организациями, вместо семи разделов проекта Устава в принятом на втором конгрессе Уставе было теперь десять разделов. Значительной редакции подвергся раздел, посвященный порядку приема в Союз: был опущен целый ряд детальных вопросов, которые ставились перед принимаемым в Союз, и требование приносить клятву верности Союзу⁴.

Маркс и Энгельс добились на конгрессе решения, чтобы Союз коммунистов отныне выступил открыто перед всем миром как коммунистическая партия и публично провозгласил свои теоретические принципы. Это исключительно важное решение означало окончательный разрыв с заговорщическим прошлым Союза, когда скрывались само его существование и цели. Оно было реализовано Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии».

Вопрос о программе Союза был основным пунктом повестки

¹ Der Bund der Kommunisten. Bd. 1, S. 466.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 524.

³ См. там же.

⁴ См. Der Bund der Kommunisten. Bd. 1, S. 626—630; Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 155—160.

дня конгресса. Кроме проекта «Символа веры» и «Принципов коммунизма», конгрессу был, видимо, представлен и ряд других проектов программы. После длительного обсуждения идеи научного коммунизма восторжествовали. «Все разногласия и сомнения,— пишет Энгельс,— были, наконец, разрешены, и новые принципы приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест»¹. Им были предоставлены все проекты программы с тем, чтобы они использовали их при написании «Манифеста Коммунистической партии».

Так было положено начало формированию революционной партии пролетариата, основанной на разработанных Марксом и Энгельсом принципах научного коммунизма.

Местопребыванием Центрального комитета по-прежнему оставался Лондон. По окончании конгресса новый руководящий орган составил и разослал по округам циркулярное письмо, в котором освещалась проделанная конгрессом работа.

Яркие выступления Маркса и Энгельса на конгрессе были в центре внимания делегатов и членов местных общин Союза коммунистов. Один из немецких коммунистов в Лондоне, Фридрих Лесснер, впервые встретившийся тогда с Марксом и Энгельсом, вспоминал впоследствии: «Приезд Маркса, Энгельса, В. Вольфа и других в Лондон произвел огромное впечатление как на членов Коммунистического просветительского рабочего общества, так и на членов Союза коммунистов. С этим конгрессом связывались большие надежды, и эти надежды не только не были обмануты, но в действительности были далеко превзойдены. Наглядным подтверждением тому служит появление «Коммунистического Манифеста», который был великим результатом этого исторического конгресса»².

Во время двухнедельного пребывания в Лондоне Энгельс дважды, 30 ноября и 7 декабря, выступал с докладами на собраниях лондонского Просветительного общества немецких рабочих. В первом докладе он разъяснил социально-экономические последствия открытия Америки, роль таких факторов, как образование мирового рынка, появление машин, капиталистической промышленности и связанное с этим возникновение крупной буржуазии и пролетариата. С расширением мирового рынка и ростом современной индустрии, доказывал Энгельс, устанавливается общность интересов пролетариев различных стран, крепнет их международная солидарность. Сохранившаяся краткая протокольная запись гласит, что второй доклад Энгельса был посвящен анализу причин экономических кризисов³.

В день открытия конгресса Союза коммунистов, 29 ноября, Энгельс выступил на международном митинге демократов,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 224.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 172.

³ См. MEGA, [Изд. 1], Abt. I, Bd. 6, S. 637—640.

посвященном годовщине польского восстания 1830 г. На этом митинге при активной поддержке Маркса и Энгельса было принято решение о созыве в 1848 г. международного конгресса демократов. В речи Энгельс приветствовал национально-освободительное движение польского народа. Здесь он впервые высказал замечательную мысль, которая вошла в золотой фонд марксистской теории национального вопроса: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации»¹. Энгельс страстно призывал немецких демократов стать на защиту Польши. «...Мы, немецкие демократы,— говорил он,— особенно заинтересованы в освобождении Польши. Именно немецкие государи извлекли выгоду от раздела Польши, именно немецкие солдаты еще и теперь угнетают Галицию и Познань. Нам, немцам, нам, немецким демократам, прежде всего надлежит смыть с нашей нации это пятно»². Пролетариат не может оставаться безучастным к национально-освободительной борьбе; он должен занять в ней самую передовую и революционную позицию.

В выступлении Энгельс дал теоретическое обоснование пролетарского интернационализма и нового девиза Союза: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Развитие машинного производства, доказывал он, уравнивает положение рабочего в Англии, Франции, Америке, Германии и других странах. «Так как положение рабочих всех стран одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща и братскому союзу буржуазии всех наций они должны противопоставить братский союз рабочих всех наций»³.

После конгресса

17 декабря 1847 г. Энгельс приехал в Брюссель, куда Маркс выехал несколькими днями раньше. Здесь они работали совместно над «Манифестом Коммунистической партии». Однако в конце декабря 1847 г. Энгельс должен был вернуться в Париж. Брюссельская Демократическая ассоциация на собрании 20 декабря 1847 г. возложила на Энгельса почетную обязанность представлять Ассоциацию перед французскими демократами. Такое же поручение он получил еще раньше и от лондонского общества «Братские демократы».

По приезде в Париж Энгельс вновь встретился с Бланом и Флоконом. Теперь, после конгресса Союза коммунистов, он говорил с ними уже как официальный представитель коммунистической партии. Так, в беседе с Флоконом он прямо заявил: «...Мы в Лондоне решили теперь выступать публично в качестве коммунистов»⁴. Хотя Флокон и опасался, что это решение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 372.

² Там же.

³ Там же, стр. 373.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 106.

напугает французских крестьян, являющихся «рьяными собственниками», и оттолкнет их от революции, он согласился и впредь печатать на страницах «Réforme» статьи Маркса и Энгельса. «...В конце концов,— заявил Флокон,— наши принципы настолько близки друг другу, что мы должны идти вместе...»¹.

Встреча с Бланом носила менее дружественный характер, что отчасти объяснялось его мелким тщеславием и претенциозностью. В отношениях с ним Энгельс вынужден был держаться очень осторожной линии, стремясь сохранить тот, правда, непрочный союз, который установил с ним Маркс в 1843 г. Однако в письме 21 января 1848 г. Энгельс советовал Марксу выступить с критикой теоретических взглядов Блана.

За время пребывания Энгельса в Лондоне и Брюсселе в парижских общинах Союза коммунистов вновь возникли разногласия, приведшие к расколу. Воспользовавшись отсутствием Энгельса, сторонники Грюна и вейтлингианцы снова попытались взять верх в местных общинах. Целая община под влиянием грюнианско-прудонистской пропаганды «истинных социалистов» высказалась против коммунизма. Только два ее члена остались верны коммунистическим воззрениям. Остальные общины вступили в переговоры с исключенными первым конгрессом вейтлингианцами с целью объединения с ними. Центральный комитет, располагая информацией о парижских делах, вероятно от Энгельса, принял энергичные меры. Грюнианская община была временно исключена из Союза, а другие парижские общины были строго предупреждены, чтобы они не вели дальнейших переговоров с вейтлингианцами, поскольку вопрос об обратном приеме последних в Союз вправе решать только конгресс. «С Союзом,— писал Энгельс Марксу,— дело обстоит здесь плачевно. Никогда не встречал я подобной расхлябанности и такой мелочной взаимной зависти: Вейтлингианство и прудонизм действительно являются наиболее совершенным выражением жизненных условий этих ослов, и против этого ничего не поделаешь. Одни из них — настоящие штраубингеры, стареющие обыватели, а другие — будущие мелкие буржуа»².

Энгельс надеялся, что как только придут документы второго конгресса, работа здесь снова оживится. Он продолжал вести революционную пропаганду среди немецких рабочих в Париже, поддерживал тесный контакт с членами Союза — рабочим П. Штумпфом и учителем Ф. Нейбеком из Майнца, которые связали его с рабочими, недавно приехавшими в Париж.

Однако пребывание Энгельса в Париже на этот раз было недолгим. В конце января 1848 г. он получил предписание фран-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 106.

² Там же, стр. 108.

цузских властей в 24 часа покинуть столицу Франции и в течение 3-х дней — пределы страны. Одним из поводов высылки Энгельса явилось его выступление 31 декабря на новогоднем банкете немецких революционных эмигрантов с тостами революционного содержания.

Эта полицейская акция вызвала возмущение французских демократов и социалистов. На страницах многих газет были опубликованы заметки с протестом против действий правительства.

31 января 1848 г. Энгельс приехал в Брюссель. Поскольку некоторые французские газеты дали неправильную информацию о причинах его высылки из Франции, он выступил на собрании Демократической ассоциации 20 февраля 1848 г. с сообщением о преследовании немецких демократов французским правительством и привел некоторые подробности, касающиеся его лично. Вслед за Энгельсом и другие ораторы привели много новых фактов полицейского произвола во Франции. Демократическая ассоциация заявила о солидарности с Энгельсом.

«Манифест Коммунистической партии»

После отъезда Энгельса из Брюсселя в конце декабря 1847 г. вся работа над «Манифестом» легла на плечи Маркса. В конце января 1848 г. он завершил окончательную редакцию этого произведения и отослал рукопись в Лондон, в распоряжение Центрального комитета Союза коммунистов. «Манифест Коммунистической партии» встретил полное одобрение Центрального комитета и был отпечатан в феврале в небольшой лондонской типографии, принадлежавшей члену Союза коммунистов Бургхардту.

Лучшие представители революционного пролетариата, его немногочисленный передовой отряд в лице Союза коммунистов, горячо откликнулись на выход «Манифеста Коммунистической партии».

В апреле — мае 1848 г. в Лондоне на немецком языке появилось еще одно издание, а с 3 марта «Манифест» начал печататься на страницах демократического органа немецких эмигрантов в Лондоне — «Deutsche Londoner Zeitung». В том же году «Манифест Коммунистической партии» был переведен, правда, с некоторыми произвольными отступлениями от оригинала, социалистом-утопистом П. Иетреком на шведский язык и опубликован им под названием «Голос коммунизма. Декларация Коммунистической партии».

В «Манифесте» указывалось, что он «публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках»¹. Французское, итальянское и фламандское издания 1848 г. до сих пор не обнаружены. В течение 1848—

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 423.

1851 г. «Манифест» неоднократно переводился на французский язык, но, вероятно, трудно было подыскать издателя. На датском языке его удалось опубликовать в 1848 г. благодаря усилиям датских членов общества «Братские демократы». В конце того же года вышло польское издание «Манифеста Коммунистической партии».

В апреле 1848 г. Энгельс, находясь в Бармене, переводил это произведение на английский язык, но перевод, вероятно, не был закончен. Опубликован был английский перевод Элен Макфарлин в 1850 г. в чартистском журнале «Red Republican».

«Манифест Коммунистической партии» возник в неразрывной связи с живой историей рабочего и социалистического движения. Маркс и Энгельс в «Манифесте» гениально обобщили опыт борьбы рабочего класса, начиная с самых элементарных форм и кончая современными им классовыми боями пролетариата. Вместе с тем «Манифест Коммунистической партии» является итогом разработки Марксом и Энгельсом научного коммунизма к 1847 г., завершением периода формирования философии марксизма. Идеи, намеченные и разработанные Марксом и Энгельсом в предшествующих произведениях, получили в «Манифесте» ту законченную литературную форму, с которой они вошли в сознание миллионов людей. Строгая научная мысль творцов марксистского мировоззрения отлилась здесь в такие же строгие, чеканные формы.

Марксизм отныне выступил как стройная научная теория революционного преобразования мира. «Манифест» явился вдохновенной декларацией основных принципов революционного мировоззрения пролетариата, первым суммированным изложением того, что к этому времени было достигнуто в разработке всех трех составных частей марксизма: диалектического и исторического материализма, политической экономии, научного социализма. «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»¹.

В основе «Манифеста» лежит разработанный Марксом и Энгельсом диалектический и исторический материализм — мировоззрение партии рабочего класса. Основоположники марксизма дали здесь научное, материалистическое объяснение основных законов развития общества, показали место и значение материального производства и экономических интересов, классов и классовой борьбы в историческом процессе, выяснили роль общественных надстроек — политических, правовых, философских, религиозных идей и соответствующих им организаций и учреждений.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

«Манифест Коммунистической партии» — это одновременно изложение научного мировоззрения и первый программный документ марксизма. «В этом произведении,— писал В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹.

Основная идея «Манифеста Коммунистической партии», указывал Энгельс, заключается в том, что «в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обуславливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития... что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов», что классовая борьба «в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии,— не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы»².

Вместе с тем были обнажены и глубокие противоречия буржуазного общества, разъедающие его изнутри. Маркс и Энгельс показали, что капиталистическая система является системой наемного рабства. Неизбежными спутниками капиталистического общества являются рост эксплуатации и нищеты рабочего класса, ожесточенная конкуренция и концентрация капиталов в руках немногих буржуа, экономические кризисы, разорение мелкой буржуазии и обострение классовой борьбы.

В «Манифесте Коммунистической партии» дана беспощадная критика всех экономических и политических порядков и учреждений буржуазного общества: буржуазной собственности, буржуазного государства, буржуазной семьи и брака.

Особое внимание уделено раскрытию сущности буржуазного государства. Маркс и Энгельс сформулировали принципиальное положение учения о государстве, гласящее, что «политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»³. Буржуазное государство по существу своему представляет собой «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 367.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447.

⁴ Там же, стр. 426.

Твердо придерживаясь классового подхода, Маркс и Энгельс выясняют судьбу государства при коммунизме. Они подчеркивают, что после того, как будут уничтожены классовые различия, а все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, публичная власть потеряет свой политический характер.

Маркс и Энгельс с исключительной силой показали, что буржуазное общество не оставляет между людьми никаких других связей, кроме голого эгоистического интереса, бессердечного чистогана, что оно принижает личное достоинство людей в угоду капиталу. Эксплуатацию в прежние эпохи, которая прикрывалась религиозными и политическими иллюзиями, патриархальными отношениями, буржуазия «заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой»¹.

С появлением буржуазии связано возникновение и развитие современной крупной промышленности, образование мирового рынка, небывалое, поистине колоссальное развитие торговли, морского и сухопутного сообщений. Благодаря научно-техническому прогрессу, превращению плодов духовной деятельности отдельных наций во всеобщее достояние буржуазия вовлекла в цивилизацию даже самые отсталые страны. Менее чем за сто лет своего классового господства она создала такие грандиозные производительные силы, каких не могли создать все предшествующие поколения, вместе взятые.

Однако подобно волшебнику, который уже не справляется с плодами своих собственных заклинаний, буржуазия все более утрачивает власть над созданными ею производительными силами, все более обнаруживает свою неспособность управлять ими. Этим производительным силам перестают соответствовать буржуазные производственные отношения, отношения капиталистической собственности. И это несоответствие проявляется, в частности, в периодических торговых кризисах.

Путь к разрешению противоречий капитализма Маркс и Энгельс видят в социальной революции пролетариата. Осуществить революционные преобразования, построить новое, бесклассовое общество призван тот класс, на который ложится всей своей тяжестью буржуазная система отношений с ее наглой и бездушной эксплуатацией. «Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество»².

Буржуазное производство, порабощающее рабочего, создает почву для организации пролетариата в класс, для развертывания его классовой борьбы. «Пролетариат проходит различные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

² Там же, стр. 435.

ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием»¹. «Манифест» прослеживает путь от первых стихийных выступлений, когда рабочие разбивали машины и поджигали фабрики, до более высоких форм борьбы, когда пролетариат уже сознает собственные интересы и понимает, кто его подлинный враг. Это уже не борьба отдельных разрозненных лиц против отдельных капиталистов, а борьба объединенного рабочего класса против самой системы буржуазных отношений. На этой ступени пролетариат выступает уже как класс, его борьба есть борьба классовая, а «всякая классовая борьба есть борьба политическая»².

Нельзя не заметить, что в основе этого лаконичного анализа ступеней формирования и развития пролетариата лежат во многом те выводы, которые сделал Энгельс в книге «Положение рабочего класса в Англии».

Великая идея марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и создателя нового общества раскрывается в «Манифесте» как вывод, вытекающий из всего учения Маркса и Энгельса о классовой борьбе. В «Манифесте Коммунистической партии» подчеркивается, что из всех классов буржуазного общества, противостоящих буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. «У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность»³.

В «Манифесте Коммунистической партии» сделан дальнейший важный шаг в разработке учения о пролетарской партии. У коммунистов, говорится там, нет интересов, отдельных от интересов рабочего класса в целом. Но коммунисты не просто часть класса: они являются наиболее революционной, сознательной частью пролетариата, его авангардом. «Коммунисты... на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»⁴. Эти классические положения марксизма о партии объективно направлены против сектантской тенденции отрыва партии от класса, равно как против оппортунистического растворения партии в классе. Ближайшей целью коммунистов является «формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 431.

² Там же, стр. 433.

³ Там же, стр. 434.

⁴ Там же, стр. 437.

⁵ Там же, стр. 437—438.

В «Манифесте Коммунистической партии» содержится важнейшая идея — идея диктатуры пролетариата, хотя сам этот термин здесь еще не употребляется. По сравнению с предшествующими работами, в частности «Немецкой идеологией», Маркс и Энгельс делают новый шаг в разработке этой великой идеи. Они рассматривают господство пролетариата как целый исторический период социалистических преобразований общества и намечают пути осуществления задач пролетарского государства. «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹. Победивший пролетариат может по-разному действовать в различных странах. Однако в наиболее развитых странах почти повсюду могут и должны быть проведены следующие меры: централизация в руках государства транспорта и кредита, конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников, увеличение числа государственных фабрик, экспроприация государством земельной собственности, соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней, обязательность труда для всех и т. д.

Формулируя программные положения Коммунистической партии, Маркс и Энгельс указывают, что отмена буржуазной собственности является важнейшей отличительной чертой коммунизма. «...Коммунисты,— писали они,— могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»². Они решительно отмели буржуазную клевету на коммунистов, будто коммунисты хотят уничтожить лично приобретенную, добытую своим трудом собственность. Коммунисты никого не лишают возможности присвоения продуктов, производимых обществом, они лишь отнимают возможность посредством этого присвоения эксплуатировать чужой труд.

В скупых, лаконичных, полных глубокого содержания формулировках очерчены в «Манифесте» величественные контуры коммунистического строя: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³.

В бесклассовом коммунистическом обществе не будет места для эксплуатации человека человеком, как и для угнетения одного народа другим. «В той же мере, в какой будет уничто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 446.

² Там же, стр. 438.

³ Там же, стр. 447.

жена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой»¹.

В третьей главе «Манифеста» дан глубокий обзор различных направлений социалистической и коммунистической литературы. Резкой критике подвергаются феодальный социализм, мелкобуржуазный социализм, немецкий, или «истинный», социализм, которые объединяются одной общей характеристикой — «реакционный социализм».

Тут же вскрывается природа консервативного, или буржуазного, социализма, поборники которого в конечном счете желают упрочить существование буржуазного общества. В заключение главы Маркс и Энгельс кратко освещают основные черты и особенности, слабые стороны и достоинства различных течений критически-утопического социализма и коммунизма, оценивая их роль исторически, в зависимости от достигнутого уровня развития пролетариата и форм его классовой борьбы.

В «Манифесте» содержатся важнейшие положения марксизма о тактике политической борьбы пролетариата. «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»². Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против устарелых общественных и политических устоев. Они повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями.

В «Манифесте Коммунистической партии» дано теоретическое обоснование важнейшего принципа рабочего движения и деятельности коммунистических партий — принципа пролетарского интернационализма. Коммунистическая партия отстаивает коренные, общие интересы всех пролетариев, не зависящие от их национальности. Выступая против лживой националистической фразеологии буржуазных идеологов, Маркс и Энгельс заявили в «Манифесте»: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет»³.

В. И. Ленин дал глубокое разъяснение этого вопроса. Он писал: «В *Коммунистическом Манифесте* сказано, что рабочие не имеют отечества.

Справедливо. Но там сказано *не только* это. Там сказано еще, что при образовании национальных государств роль пролетариата несколько особая. Если брать первое положение (рабочие не имеют отечества) и *забывать* его *связь* со вторым (рабочие конституируются как класс национально, но не в том смысле, как буржуазия), то это будет архинеправильно»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445.

² Там же, стр. 458.

³ Там же, стр. 444.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

Пролетарский интернационализм означает первенствующую роль международного единства рабочих.

«Манифест Коммунистической партии» кончается словами, звучащими как могучий и страстный призыв к боевому единству международного пролетариата: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 г. Энгельс заметил, что история этой книги в известной мере отражает историю современного рабочего движения с 1848 г. «В настоящее время,— писал Энгельс,— он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии»¹.

«Манифест Коммунистической партии» — первая подлинно научная программа международного пролетариата. Устами своего авангарда, тогда еще весьма немногочисленного, пролетариат возвестил миру свои цели и намерения, открыто заявил, что будет стремиться к ниспровержению всего существующего общественного строя, к Коммунистической Революции.

«Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 62.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 459.

Глава четвертая

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 ГОДОВ

В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт.

В. И. Ленин

Начало революционной бури

Выход «Манифеста Коммунистической партии» совпал с победой революции во Франции. 22—24 февраля 1848 г. восставшие парижские рабочие, к которым присоединились и другие слои народа, низвергли монархию Луи-Филиппа и провозгласили республику.

Революционная буря захватила также другие страны. В январе 1848 г. вспыхнуло восстание на юге Италии. Волна революции распространилась на германские государства. 13 марта 1848 г. победило восстание в столице Австрии — Вене, 18 марта — в прусской столице — Берлине, а 18—22 марта народ Милана изгнал австрийскую армию Радецкого. К власти пришла либеральная буржуазия. Однако, хотя перед революциями стоя-

ли буржуазно-демократические задачи, в отличие от Великой французской буржуазной революции в революционных битвах 1848 г. важную роль уже играл пролетариат.

Под влиянием событий во Франции развернулось движение за провозглашение республики и в Бельгии, где в это время находился Энгельс. В корреспонденции, опубликованной в газете «Northern Star», Энгельс живо рисует обстановку в бельгийской столице 25 февраля: «В тот вечер Брюссель был охвачен всеобщим беспокойством и возбуждением. Ходили всякого рода слухи, но ничему по-настоящему не верили. Вокзал был полон народа: в толпе были представители всех классов, с нетерпением ожидавшие новостей. Присутствовал сам французский посол, бывший маркиз де Рюминьи. В половине первого ночи прибыл поезд, привезший славные известия о происшедшей в четверг революции, и вся масса людей прокричала в едином внезапном порыве энтузиазма: «Vive la République!»¹. Новость быстро облетела весь город»².

Горячо приветствуя революцию во Франции, Энгельс писал в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» 27 февраля 1848 г.: «Буржуазия совершила свою революцию: она свергла Гизо и вместе с ним покончила с безраздельным господством крупных биржевиков. Но теперь, в этом втором акте борьбы, уже не одна часть буржуазии противостоит другой: теперь буржуазии противостоит пролетариат... Благодаря этой победоносной революции французский пролетариат вновь оказался в главе европейского движения. Честь и слава парижским рабочим! Они дали толчок всему миру, и этот толчок почувствуют все страны, одна за другой; ибо победа республики во Франции означает победу демократии во всей Европе»³.

Совместно с Марксом Энгельс энергично способствовал развитию революционного движения в Бельгии, используя, в частности, Демократическую ассоциацию.

Уже в первые дни Демократическая ассоциация возглавила революционные выступления за установление в стране республиканского строя. 27 февраля Комитет Демократической ассоциации решил собирать ежедневно, а также потребовал от муниципального совета вооружения рабочих и ремесленников, а не только буржуазной гвардии. Вместе с тем Демократическая ассоциация стала и сама закупать оружие для рабочих за счет добровольных взносов. Одним из первых эту инициативу поддержал Маркс — он передал Ассоциации часть только что полученного отцовского наследства.

Почти все немецкие рабочие в Брюсселе — члены Союза коммунистов — входили в Демократическую ассоциацию и присут-

¹ — «Да здравствует республика!» — *Ред.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 502.*

³ Там же, стр. 500.

ствовали на всех ее собраниях. Они, писал Энгельс, дали понять, «что в час опасности не оставят своих бельгийских братьев»¹.

Одновременно Маркс, Энгельс и их сторонники уделяли большое внимание развитию революционных событий в Германии. Типография «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» печатала листовки и другую пелегальную литературу, которая в большом количестве направлялась в различные части Германии. Маркс и Энгельс старались помочь членам Союза коммунистов в Кёльне, Бадене и других местах возглавить революционное движение. Арестованный в конце февраля 1848 г. бельгийской полицией В. Вольф не считал нужным скрывать, что он и его друзья главное внимание обращали на Германию, в особенности на Рейнскую провинцию, где они проводили весьма активную пропаганду.

В связи с началом революции на континенте лондонский ЦК Союза коммунистов принял решение о передаче своих полномочий Брюссельскому окружному комитету Союза. Члены ЦК считали, что в этот ответственный период во главе Союза должны стоять Маркс и Энгельс. Немедленно по получении из Лондона этого решения в Брюсселе был конституирован новый ЦК Союза коммунистов во главе с Марксом. В состав ЦК вошел и Энгельс. Однако брюссельскому ЦК не удалось развернуть свою деятельность.

Бельгийское королевское правительство, растерявшееся в первые дни народного возбуждения в стране, воспользовалось нерешительностью бельгийских буржуазных демократов и перешло в наступление. Оно привело войска в состояние боевой готовности и стало распространять провокационные слухи, будто стремление установить республику в Бельгии исходит от иностранцев, главным образом от немецких рабочих и демократов. Под ударом оказались в первую очередь активные деятели Союза коммунистов. Многие из них были арестованы или высланы. Энгельса полиция не решалась выслать, так как лишь недавно выдала ему паспорт, но зато подвергла преследованиям Маркса. 3 марта Маркс получил приказ покинуть страну в двадцать четыре часа.

При сложившейся обстановке нужно было решить дальнейшую судьбу Центрального комитета. 3 марта 1848 г. на квартире у Маркса состоялось заседание этого комитета. На Маркса была возложена задача образовать в Париже новый Центральный комитет. Не успели разойтись участники заседания, как нагрянула полиция, которая произвела обыск и арестовала Маркса, а затем и его жену. После 18-часового пребывания в тюрьме Маркс был вынужден немедленно покинуть Бельгию: 5 марта 1848 г. он приехал в Париж, куда вскоре последовала и его семья.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 504.

После отъезда Маркса руководителем брюссельского округа Союза коммунистов фактически стал Энгельс. Он организовал кампанию протеста против высылки Маркса, в частности, напечатал в газете «Northern Star» открытое письмо, разоблачавшее гнусные приемы бельгийской полиции. Энгельс воспользовался знакомством с видными демократами, чтобы побудить их также выступить в прессе и сделать запросы в палате депутатов. Правительство в конце концов было вынуждено уволить полицейского чиновника, виновного в проведении обыска и аресте Маркса. Из Брюсселя Энгельс поддерживал подпольные связи с революционными силами Германии. Одновременно он вел работу среди недавно принятых членов Союза.

Энгельс стремился в революционный Париж. Он был введен заочно в образованный там Марксом новый Центральный комитет Союза коммунистов. Помимо них туда вошли К. Шаппер (секретарь), В. Вольф, И. Молль, Г. Бауэр и К. Валлау. Однако из-за денежных затруднений Энгельс некоторое время еще оставался в Брюсселе. И только в двадцатых числах марта он, наконец, переехал в Париж.

В революционном Париже

Париж переживал, по выражению Энгельса, короткую пору «упоения медовым месяцем республики»¹. Все напоминало о недавней победе народа.

Из бесед с Флоконом — бывшим редактором «Réforme», а теперь членом временного правительства, а также из газет и личных наблюдений Энгельс смог составить представление о политическом положении во Франции. Крупные буржуа и рабочие, сообщает он своему родственнику Эмилю Бланку, прямо противостоят друг другу, мелкие буржуа играют жалкую, посредническую роль, а само временное правительство проявляет сильные колебания, поддается влиянию крупной буржуазии. С одной стороны, правительство вынуждено давать рабочим обещания, а с другой — не может выполнить эти обещания, так как не имеет мужества осуществить революционные мероприятия, направленные против крупной буржуазии.

По приезде в Париж Энгельс много внимания уделяет деятельности в Центральном комитете Союза коммунистов. Он становится членом правления, одним из фактических руководителей Клуба немецких рабочих. Это объединение было создано Центральным комитетом Союза коммунистов в первой половине марта 1848 г. в противовес Немецкому демократическому обществу, во главе которого стояли мелкобуржуазные деятели — популярный немецкий поэт Г. Гервег, А. Борнштедт и другие. Клуб немецких рабочих представлял собой открытую арену парижских тайных общин Союза коммунистов. В начале апреля

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 501.

1848 г. он уже насчитывал четыреста членов. Членами Клуба являлись рабочие, преимущественно портные и сапожники. Главными материалами для пропаганды среди них служили программные и тактические документы Союза коммунистов, составленные Марксом и Энгельсом. Клуб помещался в центре Парижа, на улице Сен-Дени, в кафе Пикар.

Клуб немецких рабочих вел решительную борьбу против выдвинутого Гервегом, Борнштедтом и другими руководителями Немецкого демократического общества авантюристского плана экспорта революции в Германию силами специально созданного вооруженного легиона из находившихся во Франции немецких эмигрантов и рабочих. Маркс и Энгельс решительно выступили против этого плана, против бессмысленной и вредной игры в революцию.

Временное правительство, заинтересованное в отъезде иностранных революционных рабочих из Франции, заявило о своей готовности материально поддержать немецкий легион. Министр иностранных дел Ламартин, лицемерно высказывавшийся за идею создания иностранных легионов, в действительности тайно сообщил об этом плане дипломатическим представителям германских государств и думал лишь о том, чтобы любым путем избавиться от революционных рабочих-эмигрантов, которых уже поджидали на границе Франции вооруженные силы монархических правительств.

Мелкобуржуазные вожаки Демократического общества встречали в штыки разумные предостережения, демагогически обвиняли Маркса и Энгельса в трусости и стремлении навязать всем свое мнение.

Борьба Маркса и Энгельса против игры в революцию имела большое значение и для деятельности Союза коммунистов в других странах. Под влиянием сторонников авантюристской тактики находились некоторые члены Союза не только во Франции, но и в Англии, Бельгии и Швейцарии. Даже такой близкий Марксу и Энгельсу деятель, как Веерт, на первых порах оказался увлеченным идеями Гервега. Их поддерживали одно время и другие члены Союза в Париже и Лондоне. Только благодаря терпеливой и настойчивой разъяснительной работе Маркса и Энгельса большинство членов Союза оказалось в стороне от этих затей. Эта критика авантюристских планов, которая велась и на собраниях, и в демократической печати внутри Германии, имела принципиальное значение для всего последующего международного рабочего и коммунистического движения.

С первого дня пребывания в революционной Франции Маркс и Энгельс стремились укрепить связи с деятелями французского демократического и коммунистического движений. Они продолжали поддерживать отношения с лидерами партии «Réforme» (Флоконом, Бланом), а также с Этьенном Кабе и другими ак-

тивными участниками французского коммунистического движения.

Для развенчания в глазах французских социалистов и рабочих Немецкого демократического общества Маркс и Энгельс решили использовать газету Кабе. «Гражданин Кабе! — писали они. — Обращаемся к Вам с просьбой поместить прилагаемое заявление в ближайшем номере «Populaire». Дело идет о том, чтобы не возлагать на коммунистическую партию ответственности за предприятие и образ действий, которые уже успели пробудить среди части немецкой нации старые национальные и реакционные предрассудки против французского народа. Союз немецких рабочих [имеется в виду Союз коммунистов. — *Ред.*], объединение различных рабочих обществ во всех странах Европы, в которое входят также гг. Гарни и Джонс, вожди английских чартистов, целиком состоит из коммунистов и открыто объявляет себя коммунистическим; так называемое Немецкое демократическое общество в Париже по самой своей сути является антикоммунистическим, поскольку оно заявляет, что не признает антагонизма и борьбы между классом пролетариев и классом буржуазии. Таким образом, речь идет о выступлении, о заявлении в интересах коммунистической партии, и это позволяет нам рассчитывать на Вашу любезность»¹.

Это обращение свидетельствовало о том, что тогда Маркс и Энгельс еще рассматривали Кабе как своего союзника. Однако этот союз не был прочным. В вопросах политической тактики Кабе как до, так и в период революции 1848 г. в основном следовал за мелкобуржуазной партией «Réforme» и разделял все ее колебания, которые послужили одной из причин поражения французского пролетариата в июне 1848 г. Поэтому в последующий период, особенно после июньского восстания, связи основоположников марксизма с Кабе, Флоконом и другими фактически оборвались.

Из всех направлений французского социализма и коммунизма наибольшей поддержкой Маркса и Энгельса пользовалось крайнее левое направление во главе с Огюстом Бланки. Последний был известен как коммунист-утопист, организатор заговорщического Общества времен года и восстания 12 мая 1839 г. Во время революции 1848 г. он примыкал к пролетарскому движению.

Не разделяя утопических взглядов и заговорщической тактики Бланки и бланкистских обществ, Маркс и Энгельс поддерживали это направление, поскольку оно в известной мере выражало интересы тогдашнего французского пролетариата, пробуждало недоверие к действиям временного правительства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 613.

Главную свою задачу основоположники марксизма теперь видели в том, чтобы вооружить немецких коммунистов программой действий, четко определяющей линию пролетариата в демократической революции.

**«Требования
Коммунистической
партии в Германии»**

В двадцатых числах марта Маркс и Энгельс разработали «Требования Коммунистической партии в Германии», принятые Центральным комитетом Союза коммунистов как руководящий программный документ.

В этом документе был сформулирован ряд первоочередных революционно-демократических требований, претворение которых в жизнь обеспечило бы доведение до конца буржуазно-демократической революции в Германии.

С последовательно революционных позиций Маркс и Энгельс доказывали необходимость ликвидации политической и экономической раздробленности Германии, создания единой, неделимой республики, всеобщего вооружения народа, полного отделения церкви от государства, всеобщего бесплатного народного образования, безвозмездного освобождения крестьян от феодальных повинностей и помещичьей кабалы.

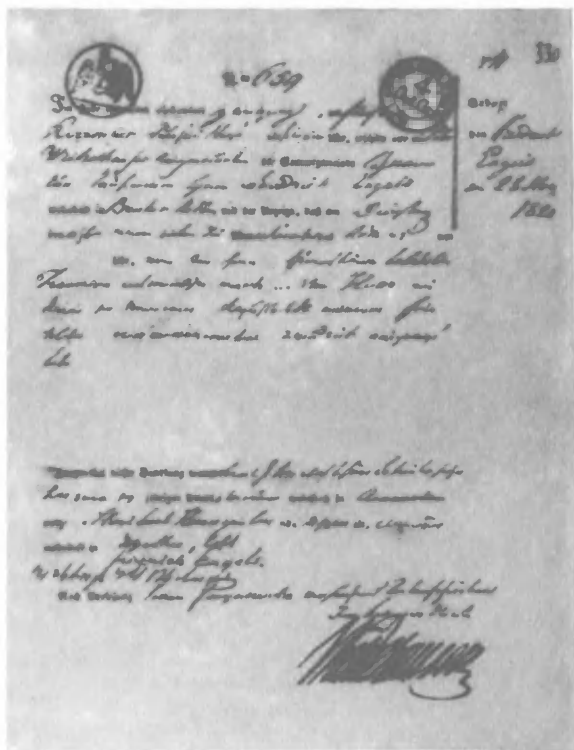
Важное условие прогрессивного развития Германии Маркс и Энгельс видели в коренных преобразованиях экономики, подготавливающих будущий переход к социалистической революции. Предусматривались: передача в руки государства всех средств транспорта и предоставление их в безвозмездное распоряжение неимущего класса; учреждение вместо частных банков государственного банка и на этой основе подрыв господства крупных финансистов, регулирование кредитного дела в интересах всего народа; обращение в собственность государства земельных владений государей и прочих феодальных имений, всех рудников, шахт и т. д. и ведение на национализированных землях крупного земледелия в интересах всего общества на основе современной науки; установление справедливой системы налогообложения, учреждение национальных мастерских.

Основной силой, способной осуществить «Требования Коммунистической партии в Германии», Маркс и Энгельс считали трудящиеся классы. «В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства,— говорится в заключительном абзаце,— со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только с их осуществлением миллионы, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых будут пытаться и впредь держать в угнетении, смогут добиться своих прав и той власти, какая подобает им как производителям всех богатств»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 3.

Мать и отец Ф. Энгельса

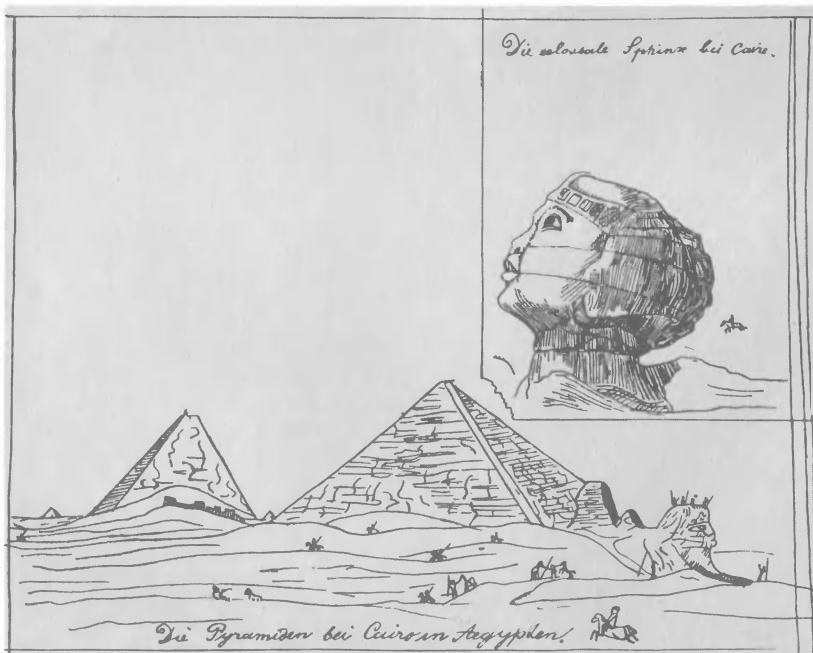
Свидетельство
о рождении Энгельса

Дом в Бармене,
где родился Энгельс

Alte
Geschichte
nach dem Vortrage d
des
Herrn Dr. Clausen
ausgearbeitet
von
FR. ENGELS.

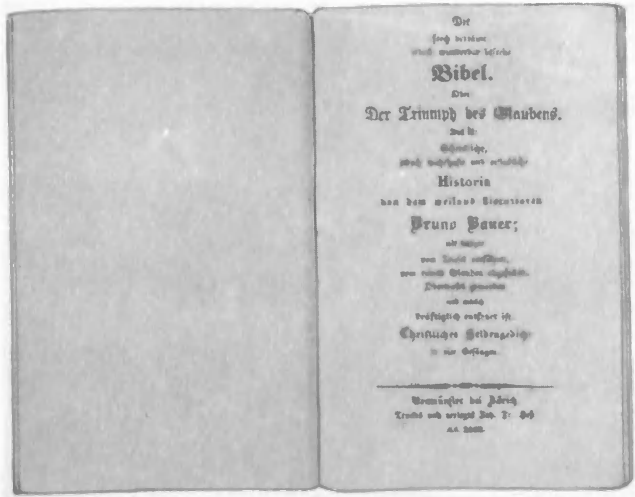
Тетрадь Энгельса
по истории
(обложка
и рисунок)

Энгельс в 1839 г.

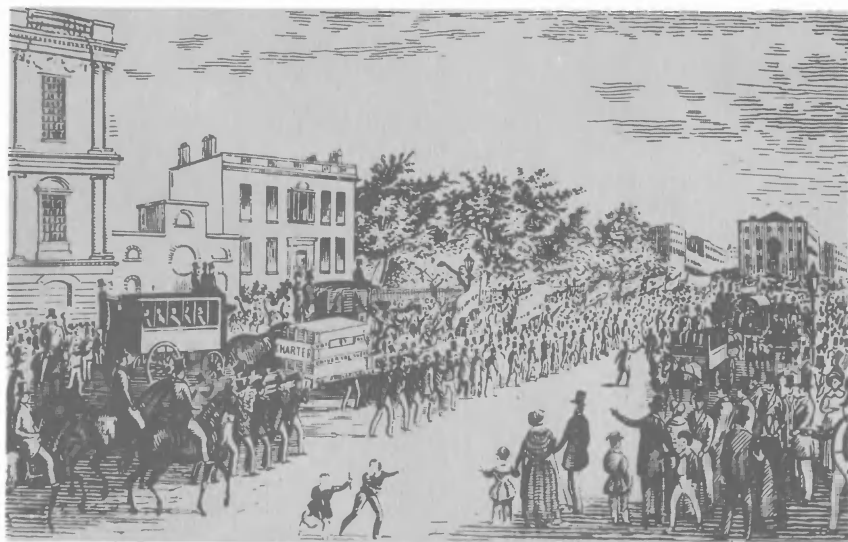
Титульный лист
сатирической поэмы
«Библии
чудесное избавление»,
написанной Энгельсом
при участии Э. Бауэра

Страница
«Rheinische Zeitung»
с корреспонденцией
Энгельса
из Лондона

Столкновение стачечников-чартистов с войсками в Престоне. 1842 г.

Чартисты везут петицию в парламент. 1842 г.

Титульный лист книги
«Святое семейство»

Титульный лист книги
«Положение рабочего
класса в Англии»

Страница рукописи
«Немецкой идеологии»,
написанная рукой
Энгельса (слева)
и рукой Маркса (справа)

Энгельс в 40-е годы

Дом в Париже,
в котором жил Энгельс
(ноябрь 1846 — март 1847 г.)

Карикатура Энгельса на тронную речь Фридриха-Вильгельма IV
при открытии Соединенного ландтага в Берлине 11 апреля 1847 г.

Entwurf der Communiqué...
 Frage 1. Ist die...?
 Antwort - Ja.
 2. Was ist der Zweck der...?
 3. Wie stellt...?
 4. Warum...

Документы Союза коммунистов,
 выработанные
 при участии Энгельса

— fordert...
 — 5. ...
 — 6. ...
 — 7. ...

Statuten des Bundes der Kommunisten.

Proletarier aller Länder vereinigt Euch!

Abchnitt I. Der Bund.

- Art. 1. Der Zweck des Bundes ist der Sturz der Bourgeoisie, die Herrschaft des Proletariats, die Aufhebung der alten, auf Klassen-gegensätzen beruhenden bürgerlichen Gesellschaft und die Gründung einer neuen Gesellschaft ohne Klassen und ohne Privateigentum.
- Art. 2. Die Bedingungen der Mitgliedschaft sind
- A) diesem Zweck entsprechende Lebensweise und Wirksamkeit.
 - B) revolutionaire Energie und Eifer der Propaganda.
 - C) Befennung des Kommunismus;
 - D) Enthaltung der Teilnahme an jeder antimunistischen, politischen oder nationalen Gesellschaft und Anzeige der Theilnahme an irgend welcher Gesellschaft bei der vorgelegten Behörde;
 - E) Unterwerfung unter die Beschlüsse des Bundes;
 - F) Verschwiegenheit über das Befinden aller Angelegenheiten des Bundes;
 - G) einstimmige Aufnahme in eine Gemeinde.
- Wer diesen Bedingungen nicht mehr entspricht, wird ausgeschlossen. (Siehe Abschnitt VIII).
- Art. 3. Alle Mitglieder sind gleich und Brüder und als solche sich Hülfe in jeder Lage schuldig.
- Art. 4. Die Mitglieder führen Bundesnamen.
- Art. 5. Der Bund ist organisiert in Gemeinden, Kreisen, leitenden Kreisen, Centralbehörde und Kongresse.

Обложка «Манифеста
 Коммунистической партии».
 Издание 1848 г.

Баррикадные бои в Берлине в ночь с 18 на 19 марта 1848 г.

Страница
«Neue Rheinische Zeitung»
со статьей Энгельса
«Франкфуртское собрание»

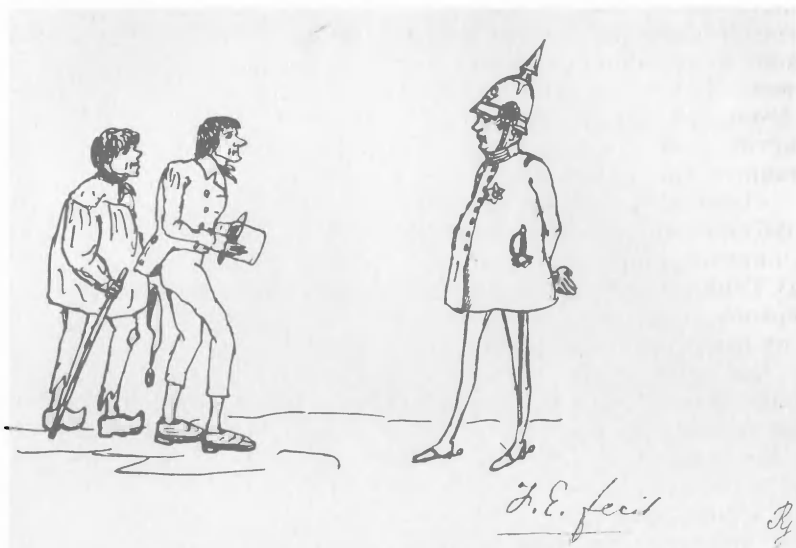
**Баррикадные бои у ворот Сен-Дени в Париже.
Июнь 1848 г.**

**Восстание во Франкфурте-на-Майне.
18 сентября 1848 г.**

Сделанный Энгельсом набросок части маршрута, пройденного им из Парижа в Берн

Карикатура Энгельса на Фридриха-Вильгельма IV
и прусскую буржуазию

Отступление баденской армии в Швейцарию.
Июль 1849 г.

Этот исторический документ является результатом изучения опыта буржуазных революций, в особенности Великой французской революции, а главное — практики рабочего, демократического и социалистического движений Англии, Франции и Германии 40-х годов. В «Требованиях Коммунистической партии в Германии» общие положения и принципы «Манифеста Коммунистической партии» нашли конкретное воплощение в соответствии со специфическими условиями Германии того времени.

«Требования Коммунистической партии в Германии» были опубликованы в конце марта в Париже отдельной листовкой, а в начале апреля напечатаны во многих демократических газетах Германии. В период революции этот документ неоднократно перепечатывался и обсуждался на собраниях рабочих союзов и их руководящих органов.

Высокую оценку получили «Требования» у членов Союза коммунистов. Так, один из них писал: «Они представляют собой цельную программу самостоятельной политики, и притом такой энергичной, дальновидной и всеобъемлющей политики, которая одна только способна сделать Германию могущественной и процветающей и проложить путь грядущему поколению для перехода к коммунистическому общественному устройству»¹. «Требования Коммунистической партии в Германии» имели важное значение не только в ходе германской революции 1848—1849 гг., но и в последующий период. В 1885 г. Энгельс отмечал, что по этому документу «многие и в настоящее время могут еще кое-чему научиться»².

Возвращение в Германию.

Рождение новой газеты

В начале апреля 1848 г. Энгельс вместе с Марксом и группой ближайших соратников направился в Германию, чтобы принять непосредственное участие в германской революции.

По дороге в Кёльн Маркс и Энгельс остановились в Майнце, где обсудили с местными членами Союза коммунистов дальнейшие мероприятия по укреплению Союза, по организации и объединению рабочих союзов.

В результате мартовской революции абсолютизм в большинстве немецких государств был подорван. К власти пришла либеральная буржуазия, которая, однако, напуганная революционными действиями французского пролетариата и страхась массовых революционных выступлений рабочего класса самой Германии, стала ценой всяческих уступок искать соглашения с феодально-реакционной кликой. Буржуазия стремилась с самого начала не допустить широкого размаха революции.

Что касается лидеров мелкобуржуазных демократов, то они, продолжая оставаться в плену абстрактно-идеалистической

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 189—190.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 225.

фразеологии, не могли, естественно, указать народу реальный путь осуществления его коренных требований. Они не понимали необходимости революционной диктатуры народа, настоятельной потребности в установлении единой и неделимой Германской республики, проявляли нерешительность и трусость там, где требовались революционная отвага и готовность к действию.

Однако демократический лагерь, к которому примыкали многие рабочие и революционные элементы крестьянства, в целом представлял еще революционную силу. Ее необходимо было укреплять, консолидируя пролетарское крыло демократии, освобождая его из-под влияния мелкобуржуазных лидеров.

Маркс и Энгельс исходили из того, что в экономически и политически отсталой Германии, где пролетариат еще крайне слаб, где революция сделала лишь первые успехи, коммунисты на первых порах должны добиваться последовательного осуществления демократических требований. Эту линию Энгельс сформулировал еще в 1847 г. в полемике против Гейнца. Немногочисленный Союз коммунистов, недостаточно тесно связанный с широкими слоями немецких рабочих, был не в состоянии выполнять роль массовой пролетарской партии. Германский пролетариат, только формировавшийся, неорганизованный, еще не был способен создать такую партию.

Поэтому Маркс и Энгельс сочли необходимым примкнуть к существующему демократическому движению, возглавить его передовой, фактически пролетарский фланг и толкать это движение вперед. Иначе, писал впоследствии Энгельс, «нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов и не для этого составили мы свою программу»¹.

В конце мая 1848 г. Маркс и Энгельс вступили в кельнское Демократическое общество и рекомендовали своим сторонникам — членам Союза коммунистов — наряду с деятельностью в рабочих союзах принимать активное участие в демократических обществах. Этот совет встретил живой отклик. Так, В. Вольф сначала сотрудничал в бреславльском, а затем кельнском демократических обществах; так же поступили Шаппер в Висбадене, потом в Кёльне, Вейдемейер в Хамме, Штумпф и Клусс в Майнце, Веерт в Кёльне и многие другие члены Союза коммунистов в различных частях Германии.

Для проведения тактической линии Маркса и Энгельса предназначалась и создаваемая ими новая ежедневная политическая газета.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 16.

Еще в Париже они пришли к выводу о необходимости создания такой газеты. 26 марта 1848 г. Энгельс писал Э. Бланку: «...Мы собираемся снова издавать «Rheinische Zeitung», — а через пару дней сообщил ему, что его (Бланка) подписка на газету «зарегистрирована»¹.

Уже в использовании старого названия газеты угадывалось намерение не превращать ее в чисто коммунистический орган. Это полностью отвечало намеченной Марксом и Энгельсом тактике.

По приезде в Кёльн они немедленно приступили к подготовке издания газеты. Главная трудность заключалась в обеспечении необходимой материальной базы. Нужно было обращаться к радикальным буржуа, а они, напуганные революционными событиями во Франции, занимали в лучшем случае весьма умеренные позиции. Распространение акций газеты явилось нелегкой задачей. К ней были привлечены эмиссары Центрального комитета Союза в различных частях Германии. С этой же целью и Энгельс в середине апреля направился в Бармен, Эльберфельд и другие города Рейнской провинции.

Барменские буржуа с тревогой следили за деятельностью Энгельса. Местные филистеры распускали слухи, будто Энгельс собирается немедленно объявить Бармен республикой. «Весь Бармен ждет, что я буду делать, — писал Энгельс Э. Бланку. — ...К. и А. Э[рмене] явно в дрожь бросило, когда я сегодня появился в их конторе. Конечно, я ни во что не вмешиваюсь, а спокойно выжидаю событий»².

Стремясь распространить побольше акций новой газеты, Энгельс посещает в Бармене и Эльберфельде своих сверстников. Многие из тех, кто раньше слыл демократом и даже социалистом, теперь, став фабрикантами, полностью отреклись от прежних взглядов. Для того чтобы убедить таких людей подписаться на акции, Энгельсу пришлось, как он говорил, затратить немало прекрасных слов, пустить «в ход всевозможную дипломатию»³. «Суть дела в том, — писал он, — что даже эти радикальные буржуа в Бармене видят в нас своих главных врагов в будущем и не хотят давать нам в руки оружие, которое мы могли бы очень скоро повернуть против них самих»⁴.

Тщетной оказалась попытка Энгельса привлечь к финансированию газеты своего отца, заинтересовав его коммерческой стороной дела. «От моего старика, — писал он Марксу, — совершенно ничего нельзя добиться. Для него даже «Kölnische Zeitung» является средоточием всякой крамолы, и вместо тысячи талеров он охотнее послал бы в нас тысячу картечных пуль»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 421, 423.

² Там же, стр. 426.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Однако Энгельсу все же удалось распространить некоторое количество акций в Бармене. 6 мая к Энгельсу приехал на несколько дней Маркс вместе с Веертом. Они обсуждали вопросы, связанные с изданием газеты и с деятельностью Союза коммунистов.

Ознакомившись с состоянием рабочего движения в Бармене, Энгельс увидел, что оно носило еще незрелый характер. Рабочие выражали протест в самой элементарной форме; лишь в последнее время они стали создавать первые экономические объединения — кассы взаимопомощи и построенные по цеховому принципу профсоюзы.

20 мая Энгельс вернулся в Кёльн, чтобы начать свою деятельность в качестве одного из редакторов новой газеты.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» — так пазвали Маркс и Энгельс созданную ими газету. 1 июня 1848 г., на месяц раньше намеченного срока, вышел ее первый номер. Как и Маркс, Энгельс был душой «Neue Rheinische Zeitung». Враг прекраснoдушных фраз и инертности, исключительно энергичный и решительный, он как бы воплощал в себе боевой ритм газеты.

В первый период существования нового печатного органа Маркс, помимо общего политического руководства газетой, был занят организационной работой, поэтому писал сравнительно мало. Значительная часть передовых статей, политических обзоров и других важных материалов принадлежала Энгельсу. Ему приходилось исполнять обязанности главного редактора во время отсутствия Маркса. Блестящее знание языков позволяло Энгельсу следить за французской, английской, итальянской, испанской, бельгийской и датской прессой. Он всегда был в курсе политической жизни многих стран Европы.

Маркс поражался необыкновенной работоспособности друга, с восторгом отзывался о его блестящем журналистском таланте, умении быстро откликаться на самые разнообразные события. «...Он — настоящая энциклопедия, — писал Маркс об Энгельсе, — работоспособен в любое время дня и ночи, трезвый и навеселе, пишет и соображает быстро, как черт...»¹.

Газета просуществовала всего один год, но Энгельс за это время написал свыше сотни статей и корреспонденций на самые различные темы. Ему принадлежат большие серии статей о Франкфуртском парламенте, о национальном движении в Польше, о согласительных дебатах в прусском Национальном собрании в Берлине, об июньском восстании парижских рабочих, о шлезвиг-гольштейнском вопросе, о революционной борьбе в Италии и положении в Швейцарии, о внешней политике Германии, о восстаниях в Южной Германии и революционной войне в Венгрии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 505.

Маркс и Энгельс привлекли в состав редакции лучшие интеллектуальные силы Союза коммунистов: Вильгельма Вольфа, Георга Веерта, Эрнста Дронке и Фердинанда Вольфа. Несколько позднее в редакцию вошел известный немецкий революционный поэт — Фердинанд Фрейлиграт.

«Neue Rheinische Zeitung», хотя и называлась органом демократии, в действительности была руководящим органом зарождающейся пролетарской партии в Германии. Об этой газете В. И. Ленин писал в 1914 г., что она остается «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата»¹.

Тактические расхождения в Союзе коммунистов

Выработанная Марксом и Энгельсом тактическая линия пролетариата в буржуазно-демократической революции не сразу была понята и принята всеми членами Союза коммунистов. Руководителям Союза пришлось отстаивать эту линию в упорной борьбе, с одной стороны, с сектантской позицией А. Готшалька, с другой — с реформистскими и соглашательскими действиями С. Борна.

Готшальк, по профессии врач, был принят в Союз коммунистов еще до революции 1848 г. Благодаря врачебной практике он пользовался широкой известностью среди бедноты Кёльна. Его популярность еще больше возросла после того, как он и другие члены общины Союза организовали 3 марта 1848 г. демонстрацию рабочих к кёльнскому магистрату. Вскоре он возглавил Кёльнский рабочий союз. Крайне честолюбивый, упоенный выпавшей на его долю неожиданной славой, Готшальк стал вести себя, как пророк и «рабочий вождь». С самого начала существования Рабочего союза он стремился противопоставить политику этой организации той линии, которую проводили Маркс и Энгельс в Центральном комитете Союза коммунистов. Разделяя идеи «истинного социализма» М. Гесса, а также сектантскую тактику Вейтлинга, Готшальк игнорировал объективные исторические задачи буржуазно-демократической революции, не понимал значения борьбы рабочего класса за демократию. Не имея весомых аргументов, Готшальк позволял себе прямые клеветнические выпады против «Neue Rheinische Zeitung».

Маркс и Энгельс систематически критиковали неверные взгляды и сектантские установки Готшалька, разъясняли революционную тактику рабочего класса. На заседании кёльнской общины Союза коммунистов 11 мая 1848 г. они потребовали от Готшалька отказа от его неправильной позиции. В ответ на это Готшальк, уже давно тяготившийся контролем общины, заявил о выходе из Союза коммунистов.

Другим противником тактики Маркса и Энгельса был член Союза коммунистов С. Борн. Вскоре после начала революции он

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 83.

создал Центральный комитет берлинских рабочих, преобразованный затем в «Рабочее братство», объединившее рабочие союзы ряда городов Германии. В письме к Марксу от 11 мая 1848 г. Борн хвастался, что стоит во главе рабочего движения, что буржуа доверяют его организаторским способностям и используют его для посреднических услуг, что даже прусский министр торговли вступил с ним в контакт¹. Борн не уделял внимания восстановлению и укреплению берлинских общин Союза коммунистов. Характеризуя впоследствии позицию Борна, Энгельс писал: «В официальных публикациях его «Братства» попадается ...пестрое смешение взглядов «Коммунистического манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д., — одним словом... желание всем угодить. В особенности занималось «Братство» организацией стачек, профессиональных союзов, кооперативных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы путем политической победы завоевать себе сначала такую почву, на которой только и возможно прочное осуществление таких вещей»².

Подобно Готшалку Борн стремился сохранить полную независимость своей организации от Союза коммунистов.

Деятельность Борна выражала, как отмечал В. И. Ленин, намечавшуюся тогда в рабочем движении Германии оппортунистическую тенденцию соглашательства с буржуазией. Ленин писал «о двух тенденциях в рабочем движении 1848 года в Германии, тенденции Борна (сродни нашим «экономистам») и тенденции марксистской»³.

Естественно, что позиция Борна осуждалась Марксом и Энгельсом, их соратниками. Критические замечания в адрес Борна встречаются в письмах В. Вольфа, Э. Дронке. Однако тот факт, что «Рабочее братство» объединяло в своих рядах многочисленные рабочие союзы и организовывало их для отстаивания классовых интересов пролетариата, имел положительное значение. Поэтому, например, «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала без комментариев подготовленную Борном программу к берлинскому рабочему конгрессу. Правда, когда туринская либеральная газета «La Concordia» попыталась отождествить эту программу с линией «Neue Rheinische Zeitung», редакция последней разъяснила, что «Concordia» «приняла программу, составленную комиссией по созыву рабочего конгресса, а нами лишь воспроизведенную, за нашу собственную программу»⁴.

Считаясь с тогдашним уровнем немецкого рабочего движения, Маркс и Энгельс избегали открытого разрыва с Готшалк-

¹ См. Der Bund der Kommunisten. Bd. 1, S. 783—784.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 227—228.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 131.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 271.

ком и Борном. Открытый и полный разрыв в тех условиях мог нанести ущерб рабочему движению. Их газета выступила в защиту Готшалка, когда тот в июле был арестован кёльнскими властями. Борн продолжал оставаться берлинским корреспондентом «*Neue Rheinische Zeitung*».

В противоположность сектантам и оппортунистам Маркс и Энгельс считали, что немецкие рабочие должны прежде всего завоевать себе условия, необходимые для самостоятельной организации в массовую партию, в частности, свободу печати, союзов и собраний. Необходимо было развернуть всенародную борьбу за демократию, а для этого малочисленное тайное объединение явно не подходило. «...С того момента, как исчезли причины, которые делали необходимым тайный Союз,— писал впоследствии Энгельс,— и самый тайный Союз, как таковой, потерял всякое значение. И это меньше всего могло удивить тех, кто только что освободил этот самый тайный Союз от последних остатков заговорщического характера»¹.

Вопрос о характере дальнейшей деятельности Союза коммунистов в Германии стал предметом горячих споров в Центральном комитете. К. Шаппер и И. Молль, которые окончательно еще не освободились от влияния традиций Союза отверженных и Союза справедливых, считали целесообразным сохранить прежнюю тайную организацию. В конце концов одержала верх точка зрения Маркса и Энгельса: чтобы подготовить почву для создания массовой пролетарской партии, члены Союза коммунистов должны сделать основной упор на активное участие в деятельности открытых рабочих союзов и демократических обществ. Ввиду различия условий в разных частях Германии Центральный комитет Союза коммунистов, как отмечал позднее Энгельс, был способен давать лишь общие указания, а это удобнее было осуществлять через «*Neue Rheinische Zeitung*». Таким образом, редакция газеты, куда входило большинство членов Центрального комитета, стала фактически идейным руководящим центром Союза коммунистов.

Программа «*Neue Rheinische Zeitung*»

На страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» Маркс и Энгельс формулировали политическую программу, разрабатывали стратегию и тактику пролетариата в буржуазно-демократической революции. Одной из главных задач газеты было разоблачение контрреволюционной роли немецкой крупной буржуазии, критика непоследовательности и трусости мелкой буржуазии.

«Крупная буржуазия,— писал Энгельс в «*Neue Rheinische Zeitung*»,— антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 227.

перед народом, то есть перед рабочими и демократической буржуазией»¹. Под демократической буржуазией он подразумевал крестьянство и мелкобуржуазные слои в городе.

Маркс и Энгельс в то же время критиковали лидеров немецкой мелкой буржуазии за их колебания и нерешительность, за их уступки либеральной буржуазии. Представители мелкобуржуазной демократии широковещательными декларациями и пышными речами в открывшихся в мае 1848 г. общегерманском Франкфуртском парламенте и прусском Национальном собрании только усыпляли народ. Возникла серьезная угроза для дальнейшего развития германской революции.

«*Neue Rheinische Zeitung*» с первых же дней своего существования предупреждала немецкий народ об этой опасности, стремилась побудить мелкобуржуазных демократов, представлявших народные массы в национальных собраниях на местах, к более решительным действиям. В осуществлении этой линии газеты исключительно большую роль сыграл Энгельс.

В своих статьях Энгельс резко критиковал деятельность общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне и прусского Национального собрания в Берлине, едко высмеивая эти говорильни, где адвокаты, профессора и другие краснобаи либеральной буржуазии упражнялись в бесплодном словопрении. Он наглядно показал, что заседавшие в Собраниях представители буржуазии оставили в неприкосновенности старый дворянско-бюрократический государственный аппарат и старую армию; они ничего не сделали для того, чтобы придать своим постановлениям силу закона. За это же Энгельс беспощадно бичевал и прусское правительство Кампгаузена, состоявшее из представителей либеральных дворян и либеральных буржуа.

«*Neue Rheinische Zeitung*» вскрыла лицемерный и куцый характер аграрных реформ, намеченных в законопроектах прусского либерально-буржуазного правительства, и потребовала немедленной полной и безвозмездной отмены феодальных повинностей. Весной 1849 г. газета прямо поставила вопрос о конфискации и раздроблении части крупных феодальных поместий в пользу малоземельных и безземельных крестьян, а также о возвращении крестьянам тех сумм, которые им приходилось уплачивать помещикам в виде выкупа в течение десятилетий. Крестьянской проблеме была посвящена серия замечательных статей В. Вольфа «Силезский миллиард», которая привлекла к себе громадный интерес читателей, в особенности крестьян.

Уже после первого номера «*Neue Rheinische Zeitung*», где в статье Энгельса «Франкфуртское собрание», а также в других материалах была дана резкая критика либеральной буржу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 64.

азии, значительная часть буржуазных акционеров газеты отказала ей в дальнейшей финансовой поддержке. Критикуя Франкфуртское собрание, Энгельс отмечал, что оно продолжает заниматься «школьными упражнениями в парламентаризме»¹, в то время как слегка замаскированным контрреволюционным силам фактически предоставлена полная возможность действовать. «Национальное собрание,— писал Энгельс,— должно было бы повсеместно диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств, и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки и приклады»².

Маркс и Энгельс видели в революционной диктатуре народа необходимое условие победоносного завершения демократической революции. «Всякое временное государственное устройство после революции,— заявляла «Neue Rheinische Zeitung»,— требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений»³.

Другим главным пунктом политической программы «Neue Rheinische Zeitung» была борьба за демократический путь объединения Германии, за установление единой, неделимой, демократической немецкой республики. Позиция газеты и в этом отношении резко отличалась от установок мелкобуржуазных демократов. Газета исходила из того, писал Энгельс впоследствии, что «интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности на множество мелких государств... Уничтожение прусского государства, распад австрийского, действительное объединение Германии как республики,— только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время»⁴.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что не всякое национальное единство Германии отвечает интересам народа; они боролись за демократический, революционный путь воссоединения Германии, осуществляемый самими народными массами. Отстаивая эту последовательно революционную национальную программу, Маркс и Энгельс призывали немецкий народ к решительной борьбе против прусского абсолютизма, австрийской монархии, а также русского царизма, препятствовавших делу объединения Германии на демократической основе. В победе над этими реакционными силами был кровно заинтересован германский пролетариат.

Только пролетариат, указывали Маркс и Энгельс, является последовательно революционным классом и способен в союзе с

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 39.

² Там же, стр. 40.

³ Там же, стр. 431.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 18.

другими трудящимися классами добиться полного осуществления революционной программы. Борьбу за демократию основоположники марксизма неразрывно связывали с защитой коренных интересов этих классов, в особенности пролетариата, призванного сыграть главную роль в германской революции.

В то же время «*Neue Rheinische Zeitung*» открыто заявила о солидарности с революционным пролетариатом Франции, Англии и других стран. Уже с первых номеров газета день за днем освещала английское и французское рабочее и социалистическое движение.

«*Neue Rheinische Zeitung*» с самого начала была трибуной для пропаганды идей международной пролетарской революционной солидарности. На ее страницах печатал статьи революционный лидер чартистов — Дж. Гарни. Материалы газеты перепечатывались французской и английской демократической прессой.

Особенно ярко проявился подлинный революционно-пролетарский характер газеты во время восстания парижских рабочих в июне 1848 г. Она без колебаний и промедления встала на защиту повстанцев. «Восстание парижских рабочих в июне 1848 г., — писал впоследствии Энгельс, — застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно выступили на стороне повстанцев... В Германии и почти во всей Европе наша газета была единственной, которая высоко держала знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран изливали на побежденных свою грязную клевету»¹.

Все статьи об июньском восстании, за исключением одной, принадлежащей Марксу, были написаны Энгельсом. Проследив шаг за шагом перипетии этой первой гражданской войны между пролетариатом и буржуазией и отмечая значительные по тому времени масштабы восстания, он с величайшим искусством анализировал военную организацию повстанцев. «Если 40 000 парижских рабочих могли достигнуть таких огромных результатов в борьбе с противником, вчетверо превосходившим их численно, то что сможет совершить вся масса парижских рабочих, если она будет действовать единодушно и согласованно!»².

После четырехдневных героических баррикадных сражений восстание было потоплено в крови. В этой неравной борьбе парижские рабочие проявили исключительную отвагу и самоотверженность. «Храбрость, с которой сражались рабочие, — писал Энгельс, — поистине изумительна. От тридцати до сорока тысяч рабочих целых три дня держались против более восьми-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 20.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 158.

десяти тысяч солдат и ста тысяч национальных гвардейцев, против картечи, гранат и зажигательных ракет, против «благородного» военного опыта генералов, не брезгавших применением алжирских методов! Рабочие разбиты, и значительная их часть зверски уничтожена. Их павшим борцам не будут оказаны такие почести, как жертвам июля и февраля; но история отведет им совершенно особое место, как жертвам первой решительной битвы пролетариата»¹.

В статьях об июньском восстании Энгельс впервые выступил как военный теоретик пролетариата. В них сделан ряд важных выводов о характере, значении и методах уличной, баррикадной борьбы, соответствовавшей конкретным историческим условиям того времени, и заложены исходные идеи марксистского учения о вооруженном восстании.

Когда буржуазная печать всего мира, и в особенности Германии, стала обливать героических инсургентов потоками грязной лжи, Маркс и Энгельс прямо и решительно заняли сторону побежденного парижского пролетариата.

До конца последовательной была линия Маркса и Энгельса в поддержке национально-освободительных движений. На страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» Энгельс клеймил позором немецкую либеральную буржуазию, продолжавшую реакционную внешнюю политику Габсбургов и Гогенцоллернов, которая сводилась к тому, чтобы «натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого»².

В статье «Внешняя политика Германии» Энгельс привел длинный перечень кровавых преступлений германских правительств, гневно заклеил угнетение и порабощение других народов. Он отмечал, что такая политика была возможна только потому, что немцы в своем большинстве не оказывали ей решительного сопротивления. «Вина за эти гнусности, совершенные с помощью Германии в других странах,— писал Энгельс,— падает не только на немецкие правительства, но в значительной степени и на немецкий народ. Не будь его ослепления, его рабского духа, его готовности играть роль ландскнехтов и «благодушных» палачей, служить орудием господ «божьей милостью»,— не будь этого, слово «немец» не произносилось бы за границей с такой ненавистью, с таким проклятием и презрением, а порабощенные Германией народы давно достигли бы нормальных условий свободного развития»³.

Энгельс писал о необходимости коренного изменения внешней политики Германии. Иначе, предупреждал он, немецкая свобода окажется закованной в те же цепи, которыми немцы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 137.

² Там же, стр. 160.

³ Там же, стр. 161.

опутывают другие народы. «Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам»¹.

Пламенно и непримиримо боролись основоположники марксизма за национальную независимость польского народа, видя тогда в успехе национально-освободительного движения поляков одно из решающих условий победы буржуазно-демократической революции в Германии. Энгельс напечатал в «*Neue Rheinische Zeitung*» (с 9 августа по 7 сентября 1848 г.) серию статей под названием «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте». Эти статьи являются исключительно ярким образцом политической публицистики, в которой мастерство полемики сочетается с глубокой научной разработкой истории польского народа и его борьбы за национальную независимость. Энгельс показал, что союз реакционных монархий Европы возник на основе совместного грабежа и порабощения Польши. Борьба за независимость Польши представляет собой в то же время составную часть борьбы европейской демократии против абсолютизма. Только демократическая Польша, писал Энгельс, сможет добиться независимости, а вместе с тем подорвать силы русского царизма, австрийской и прусской корон — этих столпов европейской реакции — и оказать содействие европейской революции. Вот почему прямой долг немецкой революционной демократии — стать на защиту национально-освободительного движения поляков.

С последовательно демократических позиций выступил Энгельс и в защиту чехов в период Пражского восстания в июне 1848 г. С гневом писал он о том, что военщина потопила «в чешской крови возможность мирного сожительства Богемии и Германии»², чехов и немцев. Он бичевал немецкую буржуазию, которая, придя к власти, лишь санкционировала прежнее угнетение Италии, Польши и Чехии. Новая, революционная Германия должна полностью отречься от своего угнетательского прошлого.

После подавления Пражского восстания в чешском национальном движении усилилось влияние правых элементов буржуазии. Движением южных славян также руководили буржуазно-дворянские круги. Это позволило господствующим классам Австрии использовать национальные движения южных славян и чехов в контрреволюционных целях. В ходе событий эти движения объективно сомкнулись с силами австрийской и прусской реакции, с русским царизмом, готовившимся к военному вмешательству с целью подавления революции и восстановления в центральной Европе антинародных режимов. В последующие месяцы германской революции южные славяне составили главный контингент армий, с помощью которых абсолютистские

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 161.

² Там же, стр. 83.

правительства Германии подавили революции в Италии, в Вене. С начала 1849 г. эти армии были двинуты против венгерского народа.

Именно эти обстоятельства лежали в основе выдвинутого Энгельсом тогда положения о «реакционных» и революционно-демократических нациях. Такая оценка в условиях 1848—1849 гг. была правильной, ибо исходила из интересов революции.

Эти мысли Энгельс развил в ряде статей, помещенных в «*Neue Rheinische Zeitung*». Однако здесь, наряду со справедливой характеристикой объективно контрреволюционной роли, которую славянские народы, жившие на территории Австрийской империи, играли в период революции 1848—1849 гг., содержатся и некоторые односторонние оценки в отношении исторического развития и будущего этих народов. В частности, Энгельс выражал сомнения в их способности создать самостоятельные национальные государства, считал, что они неизбежно подвергнутся ассимиляции со стороны более крупных и экономически развитых наций. Исключение он делал только для Польши. При этом, правильно указав на свойственную капитализму тенденцию к централизации, к созданию больших национальных государств, Энгельс недостаточно учел наличие другой тенденции — борьбы малых народов за национальную независимость, их стремления к образованию самостоятельных государств. Правда, высказывая свой прогноз, Энгельс не исключал и иного поворота событий. «Если бы славяне, — писал он, — в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю*, они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность»¹.

История пошла именно по этому пути. Экономическое развитие славянских народов Центральной и Южной Европы, появление в них пролетариата способствовали втягиванию в их национальные движения широких народных масс. Это создало реальные предпосылки для развертывания национально-освободительной борьбы, которая в конечном счете увенчалась успехом и созданием малыми славянскими народами жизнеспособных государств. А в дальнейшем, включившись в борьбу за социализм, эти народы оказались в рядах творцов самого передового общественного строя.

Во время венгерской революционной войны, в первой половине 1849 г. Энгельс, как видно из многих его статей в «*Neue Rheinische Zeitung*», с пристальным вниманием следил за положением в славянских землях Габсбургской монархии. Он разоблачал демагогическую сущность обещаний, которые австрийские правящие круги давали южным славянам, стремясь использовать их как орудие борьбы против венгерской революции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 299.

Энгельс подчеркивал, что только экономическая и политическая отсталость южнославянских народов позволила монархии Габсбургов проводить эту коварную и лицемерную политику с известным успехом. Такое положение, указывая он, не будет продолжаться долго и неизбежно изменится с ростом национального самосознания и экономическим развитием этих народов.

Особый интерес вызывали у Энгельса те факты, которые свидетельствовали о тенденциях отдельных участников национального движения сербов и хорватов к сближению с революционным правительством Венгрии. Он с большим удовлетворением отмечал, что в результате ряда антифеодальных реформ, осуществленных венгерским революционным правительством, большинство словаков выступило в поддержку венгерской революции. Словаки, писал он, решительно встали на сторону венгров «после того, как последние освободили словацких крестьян от феодальных повинностей и сделали некоторые уступки в отношении языка и национального чувства»¹.

При рассмотрении национального вопроса Энгельс исходил также из оценки сложившихся в первой половине XIX в. международных отношений. Царская Россия была в то время главным оплотом реакции в Европе. Германию же он считал страной, где уже в ближайшее время может победить демократия, а затем — социалистический пролетариат. На этом основании Энгельс поддерживал поляков, так как их борьба подтачивала русский царизм и подрывала господство реакционных сил в Австрии и Пруссии. По той же причине он резко выступал против национального движения чехов и словаков, которое тогда под флагом панславизма могло быть использовано реакционными силами русского царизма.

Важнейшей составной частью программы «*Neue Rheinische Zeitung*» по проблемам внешней политики являлась борьба против царского самодержавия. Маркс и Энгельс предупреждали народы об опасности контрреволюционной интервенции царизма и призывали европейскую демократию к революционной войне против этой опоры европейской реакции.

Другим врагом европейской революции «*Neue Rheinische Zeitung*» считала буржуазную Англию, где классовые противоречия получили наибольшее развитие. Англия эксплуатирует целый мир, целые нации она превратила в своих наемных рабов. Это она взяла на себя расходы европейской Реставрации. Эта страна теперь «кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны»². Газета показывала стремление буржуазной Англии сохранить экономическую отсталость и политическую раздробленность Германии, готовность английской буржуазии помешать победе пролетариата во Франции. Маркс и Энгельс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 43, стр. 404.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 159.

выражали надежду, что в ходе борьбы, которая развернется между силами революции и реакции, старая Англия будет сокрушена и к власти придут чартисты — революционные представители английского пролетариата.

В гуще революционной борьбы.

Сентябрьские события в Кёльне

Поражение июньского восстания парижских рабочих послужило сигналом для контрреволюции во всей Европе, в частности в Германии. Немецкие реакционеры, вынужденные отступить в марте 1848 г., вновь почувствовали уверенность в своих силах и перешли в наступление.

Печать повсюду подвергалась суровым преследованиям; право собраний и союзов было ограничено; реакция пользовалась теперь каждым столкновением между армией и народом в каком-либо маленьком городке, чтобы отобрать у населения оружие и ввести осадное положение. Что касается немецкой буржуазии, то она, по словам Энгельса, «видела только одно спасение — в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством»¹.

Перед лицом нависшей опасности Маркс и Энгельс не дрогнули. «*Neue Rheinische Zeitung*» решительно осудила роспуск демократических обществ в Бадене, Вюртемберге, Баварии и других частях Германии. На страницах газеты, на собраниях в Демократическом обществе Маркс и Энгельс протестовали против «тирании сабли», разгула полицейского произвола в Майнце, Трире, Ахене, Мангейме, Ульме, Берлине, Кёльне, Дюссельдорфе, Бреславле и других городах.

Энгельс использовал почти каждое массовое собрание Демократического общества в Кёльне для того, чтобы заклеить реакционные действия властей и призвать массы к сопротивлению. Так, 14 июля 1848 г. на общем собрании этого общества он подверг критике берлинское Национальное собрание за то, что оно не прислушивалось к требованиям народа: 1677 адресов, направленных различными демократическими организациями депутатам Национального собрания, лежали там без движения. Энгельс предложил, чтобы Д'Эстер и другие представители демократического крыла в прусском Национальном собрании предприняли шаги против преследований прогрессивно настроенной части офицерства.

11 августа 1848 г. Энгельс в речи в Демократическом обществе осудил произвол прусских полицейских властей, предпринявших репрессии против одного из руководителей Кёльского рабочего союза — Шаппера, которому угрожала высылка из города. Собрание выразило также протест в связи с отказом властей возвратить Марксу права прусского гражданства. Затем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 16.

Энгельс выступил на первом окружном конгрессе демократов Рейнской провинции и Вестфалии, проходившем в Кёльне 13—14 августа 1848 г. Он гневно клеймил прусский бюрократический и палочный режим. Маркс и Энгельс оказали в целом большое влияние на работу этого конгресса и на Окружной комитет демократов Рейнской провинции. Маркс был избран членом этого комитета. Под их влиянием конгресс постановил усилить устную пропаганду среди крестьян.

Одновременно Энгельс принимал активное участие в деятельности Кёльнского рабочего союза, которым руководили теперь Шаппер и Молль. На заседании комитета этого союза 11 сентября 1848 г. он сделал обстоятельный доклад о возможности организации труда в современном обществе и причинах неудачи национальных мастерских во Франции. Доклад Энгельса был встречен с большим одобрением. И впоследствии он неоднократно выступал в Рабочем союзе, игравшем теперь большую роль в политическом воспитании рабочих масс, в их мобилизации для отпора наступающей контрреволюции.

Особенно большая работа легла на плечи Энгельса с конца августа 1848 г., когда Маркс уехал в Берлин и Вену для укрепления связей с демократическими и рабочими организациями этих городов и для сбора средств на дальнейшее издание «*Neue Rheinische Zeitung*», от которой после статей об июньском восстании в Париже отреклись многие акционеры. Энгельс замещал теперь главного редактора газеты, писал почти все передовые статьи, отстаивал газету от непрекращавшихся преследований со стороны прусских властей.

Энгельс откликался на все животрепещущие события политической жизни не только Германии, но и других европейских стран. Так, в статье «Смертные приговоры в Антверпене» он разоблачил сфабрикованное полицией дело «Рискон-Ту», в котором по ложным доносам бельгийские «жрецы правосудия» обвинили руководителей демократического движения в организации вторжения революционных легионов в Бельгию. Энгельс взял под защиту 17 осужденных на смерть бельгийских демократов, среди которых были члены Союза коммунистов, боевые соратники Маркса и Энгельса. «Мы,— заявил Энгельс,— гордимся правом называть себя друзьями многих из этих «заговорщиков», которые были приговорены к смерти только потому, что они являются демократами»¹. Он писал также статьи о революционной борьбе в Италии и о шлезвиг-гольштейнской проблеме.

Национально-освободительное движение немецкого населения Шлезвиг-Гольштейна уже с начала издания «*Neue Rheinische Zeitung*» было в центре внимания Энгельса. Хорошее знание языков позволяло ему следить за скандинавской печатью

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 405.

и освещать начавшуюся войну между Пруссией и Данией из-за Шлезвиг-Гольштейна на основе не только немецких, но и датских и других источников.

С наиболее обстоятельным освещением своей позиции по этому вопросу Энгельс выступил в сентябре 1848 г. в связи с подписанием Пруссией под давлением великих держав позорного перемирия с Данией. «*Neue Rheinische Zeitung*» опубликовала такие его статьи, как «Перемирие с Данией», «Датско-прусское перемирие», «Ратификация перемирия» и др.

«*Neue Rheinische Zeitung*» разоблачала контрреволюционные планы прусских юнкеров, стремившихся спровоцировать массы на разрозненные выступления, чтобы легче было расправиться с ними.

Такая попытка была предпринята в Кёльне. Непосредственным поводом для стихийного выступления рабочих и демократически настроенной части населения было провокационное поведение кёльнского гарнизона, в особенности 27 полка, офицеры и солдаты которого избили нескольких граждан и участвовали в разграблении лавок. Это необычайно накалило обстановку в городе, тем более, что события происходили в условиях резкого конфликта между Национальным собранием в Берлине и прусским королем.

В эти дни Энгельс проявил исключительную энергию и организаторский талант, достойные революционного вождя. Под его руководством редакция «*Neue Rheinische Zeitung*» совместно с Демократическим обществом и Кёльнским рабочим союзом организовала большие народные собрания. Энгельс принял самое деятельное участие в созыве и проведении 13 сентября 1848 г. на Франкенплац массового народного митинга, на котором присутствовало около шести тысяч человек. В выступлении на митинге Энгельс горячо поддержал предложение В. Вольфа о создании Комитета безопасности для защиты интересов тех групп народа, которые прусскими законами были лишены представительства в Национальном собрании. Предложение было принято под бурные аплодисменты присутствовавших. В Комитет безопасности, состоявший из 30 человек, были избраны К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Вольф, Э. Дронке, Г. Бюргер, И. Молль и К. Шаппер, а также некоторые видные деятели Демократического общества. Участники митинга единогласно приняли предложенный Энгельсом проект обращения к Берлинскому собранию с призывом к депутатам не подчиняться правительству в случае насильственного роспуска Собрания и оставаться на своих постах даже под угрозой штрафов.

Уже здесь, на митинге, как и вообще в ходе всех сентябрьских событий в Кёльне, обнаружились непоследовательность и колебания мелкобуржуазных деятелей Демократического общества (Шнейдера II, Крамера). Они были недовольны создани-

ем Комитета безопасности и не хотели принять участия в его деятельности, возражали против решительных мер. Однако их шатания не смутили Маркса и Энгельса. Массовые народные собрания проводились преимущественно редакцией «*Neue Rheinische Zeitung*» и руководителями Кёльнского рабочего союза, т. е. представителями пролетарского крыла демократического движения.

Активное участие принял Энгельс в народном собрании, которое состоялось 17 сентября в Воррингене, близ Кёльна. Это была внушительная манифестация, в организации которой главная роль принадлежала редакции газеты и Кёльнскому рабочему союзу. Присутствовало около 8 тыс. человек. Прямо на лугу была сооружена трибуна, украшенная черно-красно-золотыми знаменами, символизирующими единое германское государство, и красными флагами борющегося пролетариата. Кроме членов рабочих и демократических организаций Кёльна, присутствовали многочисленные делегации из Дюссельдорфа, Крефельда и других близлежащих городов. По предложению Молля председателем собрания был избран Шаппер, а секретарем — Энгельс. Революционно-пролетарский характер собрания обнаружился уже в том, что в самом начале большинство высказалось «за демократически-социальную, красную республику»¹.

Участники собрания одобрили принятое митингом на Франкенплац обращение к Берлинскому собранию, а также решение о создании Комитета безопасности. Энгельс предложил также текст адреса к франкфуртскому Национальному собранию; в этом документе от имени собравшихся говорилось, что в случае конфликта между общегерманским парламентом и Пруссией они решительно выступят против Пруссии. Адрес был принят единогласно. Таким путем Энгельс рассчитывал поддержать левое крыло Франкфуртского парламента.

20 сентября в Кёльне, в зале Эйзера, по инициативе Комитета безопасности, Демократического общества и Рабочего союза был созван новый митинг. На этот раз — в знак протеста против трусливого поведения Франкфуртского парламента, санкционировавшего 16 сентября непопулярное в народе перемирие с Данией, а также в знак солидарности с демократами Франкфурта, которые подвняли восстание против правительства и парламента, совершивших это предательство в отношении национально-революционных сил Шлезвиг-Гольштейна. Большую речь произнес Энгельс; он осудил недостойное поведение парламентского большинства и сообщил о ходе восстания во Франкфурте. Митинг заклеил позором поведение Национального собрания и высоко оценил мужество участников франкфуртских

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 541.

баррикадных боев. «*Neue Rheinische Zeitung*» открыла подписку в пользу повстанцев и их семей.

В эти напряженные дни особенно выразительно звучал голос газеты. «Это было революционное время,— вспоминал впоследствии Энгельс,— а в такое время работать в ежедневной печати — одно наслаждение. Боочию видишь действие каждого слова, видишь, как статьи буквально бьют подобно гранатам и как разрывается выпущенный снаряд»¹.

Обстановка в Кёльне все более накалялась. Прокуратура возбудила судебное дело против редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*» — Энгельса, В. Вольфа, Г. Бюргерса — по обвинению в заговоре против существующего строя в связи с их выступлениями на народных собраниях в Кёльне. Кроме того, утром 25 сентября полиция арестовала К. Шаппера и члена Рейнского окружного комитета демократов Г. Беккера. Была предпринята попытка арестовать И. Молля, но рабочие не допустили этого. Действия полиции вызвали у кёльнских рабочих глубокое возмущение.

Правительство объявило Кёльн на осадном положении, разоружило гражданское ополчение и приостановило выход «*Neue Rheinische Zeitung*». Эти события ярко передает один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*» поэт Г. Веерт:

«Весь город покрылся щетиной штыков
И сходен стал с дикобразом,
Архангелов прусских рать заняла
Все рынки и площади разом...
К нам в дверь с патрулем заглянул лейтенант
И грозно изрек при этом
Под бой барабана смертный вердикт:
Запрет «*Новой Рейнской газеты*»...»²

После введения в Кёльне осадного положения и в связи с угрозой ареста Энгельсу пришлось скрываться. Несколько дней он провел в Бармене, в доме своего покойного деда ван Хаара. Здесь он встретился с родителями. Отец был взбешен тем, что его родного сына разыскивает полиция. Для этого respectable буржуа, до мозга костей пропитанного предрассудками своего класса, бог на небе и начальство в Берлине были высшими судьями. Мать, как обычно, пыталась «образумить» сына, смягчить конфликт между ним и отцом.

В Бармене Энгельсу, однако, нельзя было долго оставаться, так как прокуратура готовила приказ о его розыске и аресте (такой приказ, действительно, последовал 3 октября 1848 г.). Поэтому он поспешил выехать в Бельгию.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 82.

² Г. Веерт. Избранные произведения. М., 1957, т. I, стр. 99.

За рубежами Германии В начале октября Энгельс и присоединившийся к нему в дороге Дронке прибыли в Брюссель. Здесь Энгельс должен был официально зарегистрироваться. 4 октября 1848 г. бельгийская полиция, хорошо осведомленная о прежней революционной деятельности Энгельса и Дронке в Бельгии, а главное — предупредительная своими прусскими коллегами, нагрянула в гостиницу, где они остановились, арестовала их и отправила в тюрьму Пти Карм. Вопреки существовавшим в Бельгии законам им было отказано в политическом убежище. Полиция заявила, что предъявленные ими документы не внушают доверия. И хотя у Энгельса и Дронке было в Брюсселе много друзей, которые могли бы удостоверить их личности, бельгийские власти не посчитались с этим и в тот же день выслали их как «бродяг». В арестантской карете их доставили на вокзал, а оттуда поездом — к французской границе.

Поведение бельгийских властей вызвало возмущение ряда демократических и либеральных газет Бельгии. Так, «Débat Social» опубликовала заметку под заголовком «Это не правительство, это комиссариат полиции», в которой излагались факты постыдного обращения властей с Энгельсом и Дронке и выражался резкий протест против грубого нарушения правительством конституционных законов страны о предоставлении убежища политическим эмигрантам¹. Против действий полиции подняла также голос газета «La Nation», которая заметку о высылке Энгельса и других политических эмигрантов сопроводила следующими словами: «Если друзья свободы во всех странах хотят свободно путешествовать по свету, они не должны проезжать через нашу страну»².

«Neue Rheinische Zeitung» перепечатала статью «La Nation», заметив при этом, что действия бельгийского правительства по отношению к ее редакторам вызваны, вероятнее всего, тем, что газета «уже в своем первом номере... по достоинству высмеяла иллюзии относительно «образцового государства» Бельгии»³.

5 октября 1848 г. Энгельс почти без денег приехал в Париж. Столица Франции после подавления июньского восстания произвела на него тягостное впечатление. Сравнивая тот Париж, который он видел вскоре после февральских дней, с Парижем октября 1848 г., Энгельс писал: «Между тогдашним и нынешним Парижем было 15 мая и 25 июня, была жесточайшая борьба, когда-либо виданная миром, было море крови, было пятнадцать тысяч трупов... Но Париж был мертв — это не был уже Париж. На бульварах — только буржуа и полицейские шпионы; балы, театры опустели; уличные мальчишки, напаялив на себя

¹ См. «Le Débat Social», 8. X 1848.

² «La Nation» № 159, 7. X 1848.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 43, стр. 34.

мундиры мобильной гвардии, продались добропорядочной республике за 30 су в день... словом, это был снова Париж 1847 года, но без души, без жизни, без огня и без элементов брожения, которые рабочие тогда вносили во все»¹.

В Париже Энгельс пробыл всего несколько дней. «Я не мог выдержать дольше в этом мертвом Париже,— писал он.— Я должен был уйти прочь — все равно куда. И вот прежде всего я направился в Швейцарию»². Денег на дорогу не было, и он решил отправиться в Швейцарию пешком.

Дорога из Парижа в Берн была для Энгельса дорогой больших раздумий. Он как бы увидел всю Францию, наблюдал жизнь крестьянства и стремился осмыслить причины поражения французской революции, как и революций в других странах Европы. Свидетельством этих глубоких раздумий является его незаконченный путевой очерк «Из Парижа в Берн». Энгельс начал работать над ним в Женеве и продолжил в Берне.

Миновав пригороды Парижа, Энгельс вышел на дорогу, ведущую в Лион. На пути ему встретились полунищие эльзасцы из окрестностей Страсбурга, которые брели в глубь Франции, чтобы заработать себе на хлеб плетением корзин. Они откровенно признавались, что большей частью живут милостыней. Энгельс увидел, как около четырехсот парижских рабочих-ювелиров, мясников, сапожников, столяров, работавших ранее в национальных мастерских, по приказу правительства возводили какую-то плотину. Один здоровенный мясник, дослужившийся до роли надсмотрщика, попытался даже завербовать Энгельса в свою бригаду.

Внимательно присматривался Энгельс к жизни крестьян. Личные наблюдения помогли ему лучше понять настроения этого самого многочисленного класса тогдашней Франции, причины его отрицательного отношения к требованиям рабочего класса во время революции, его приверженности к Луи Бонапарту.

После двух недель странствий Энгельс в двадцатых числах октября 1848 г. прибыл в Женеву. В начале ноября он переехал в Лозанну, где пробыл несколько дней. Он установил контакт с местным Рабочим союзом, в котором видную роль играли члены Союза коммунистов, к тому времени уже хорошо знавшие Энгельса. Тем легче было им найти общий язык.

В Швейцарии Энгельс испытывал серьезные материальные затруднения. Маркс стремился помочь другу, хотя и у самого денег было в обрез, посылал ему денежные переводы, которые, однако, не дошли до адресата.

С отменой осадного положения в Кёльне Маркс возобновил издание «*Neue Rheinische Zeitung*». В первом же ее номере,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 501—502.

² Там же, стр. 502.

вышедшем 12 октября 1848 г., было объявлено, что состав редакции остается прежним.

Большинство редакторов находилось в эмиграции или в других городах Германии, но особенно остро ощущалось отсутствие Энгельса. В письме к нему от 26 октября Маркс просил писать «корреспонденции и статьи подлиннее»¹. Он решительно пресек попытки новых акционеров газеты сократить выплату денег Энгельсу и Дронке на том основании, что они не принадлежат более к составу непосредственно редакционного персонала. Опровергая распространявшиеся кёльнскими обывателями и дошедшие, видимо, до Энгельса слухи, будто редакторы «*Neue Rheinische Zeitung*» равнодушно отнеслись к его вынужденному отъезду, к тому, что он отошел от работы в газете, будто они не хотят оказывать ему материальной поддержки и т. п., Маркс писал Энгельсу в середине ноября 1848 г.: «Как мог ты предположить, что я брошу тебя хотя бы на одну минуту на произвол судьбы! Ты неизменно мой ближайший друг, как и я, надеюсь, твой»².

Стремясь сохранить сотрудничество Энгельса в газете, Маркс предложил ему написать ряд статей: о Прудоне, о революционной войне в Венгрии, о мелкобуржуазном идеале федеративной республики, воплотившемся в государственном устройстве Швейцарии. При этом он не ограничивал Энгельса строгим выбором тем: «...Можешь писать, о чем тебе угодно»³.

По совету Маркса Энгельс переехал из Лозанны в Берн, где и поселился, примерно, 9 ноября 1848 г. Это, однако, не ослабило его связей с рабочим движением Лозанны. На декабрь 1848 г. был намечен созыв в Берне первого конгресса немецких рабочих союзов Швейцарии. Лозаннский Рабочий союз обратился к Энгельсу с просьбой представлять его на предстоящем конгрессе. В специальном мандате, выданном Энгельсу, руководители лозаннского Рабочего союза писали: «Брат! Ввиду невозможности послать делегата, поручаем тебе быть нашим представителем на рабочем конгрессе в Берне. Как старый боец за интересы пролетариата, ты, конечно, и здесь выполнишь свою задачу, хотя на этот раз тебе не придется иметь дело с буржуа и прочими торгашами; ведь это настоящие пролетарии, вместе с которыми и для которых ты должен действовать»⁴.

Конгресс немецких рабочих союзов Швейцарии заседал с 9 по 11 декабря 1848 г. На нем присутствовали делегаты от десяти рабочих союзов. Перед Энгельсом стояла трудная задача: при недостаточно высоком уровне политического развития швейцарских рабочих союзов, которые занимались преи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 122.

² Там же, стр. 123.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 623.

мужественно экономической борьбой, добиться победы тактической линии «*Neue Rheinische Zeitung*». Хотя сохранившийся протокол заседаний конгресса не воспроизводит выступлений делегатов, а содержит лишь его решения, он все же свидетельствует, что Энгельсу удалось в общем провести свою линию. Энгельс был избран в руководящий орган нового объединения — Центральную комиссию.

Характеризуя рабочее движение в Швейцарии, Энгельс с сожалением отмечал, что в массе своей швейцарский пролетариат «еще очень слабо представляет себе свое собственное положение и средства освобождения»¹.

В написанных в Берне для «*Neue Rheinische Zeitung*» статьях о Швейцарии Энгельс в яркой сатирической форме изобразил некоторые особенности этой «образцовой» буржуазной республики. Он показал свойственную тогдашней мещанской Швейцарии ограниченность политической жизни, узость кругозора ее государственных деятелей, мелкие распри между кантонами и отдельными городами, провинциализм и крохоборство. Критикуя политические порядки Швейцарии, Энгельс по существу выступал против иллюзий немецких мелкобуржуазных демократов, которые, отвергая требование единой демократической Германской республики, рассматривали федералистский принцип государственного строя Швейцарии как образец для будущей объединенной Германии.

Возвращение на родину. Несмотря на всю эту деятельность, для энергичной природы Энгельса перед судом присяжных было трудно оставаться в стороне от революционных бурь. Он рвался обратно в Германию. Маркс, опасаясь возможного ареста Энгельса, удерживал его от преждевременного возвращения. Но Энгельс был полон нетерпения. «Дорогой Маркс! В чем дело? Неужели я все еще не могу вернуться в ближайшее время..?»² — писал он 28 декабря 1848 г. «Это бездельное сидение за границей, где ничем путным нельзя заняться и где чувствуешь себя совершенно оторванным от движения, невыносимо до отвращения. Я скоро приду к выводу, что даже предварительное заключение в Кёльне лучше жизни в свободной Швейцарии»³, — сетовал он в другом письме. В середине января 1849 г., когда прямая угроза ареста отпала, Энгельс возвратился в Кёльн.

В большей части Германии тогда уже восторжествовала реакция. Было подавлено восстание в Вене, и 5 декабря роспуском Национального собрания и изданием навязанной сверху конституции был завершён государственный переворот в Пруссии. Но в отдельных районах еще шла борьба между силами

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 43, стр. 219.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 125.

³ Там же, стр. 126.

революции и контрреволюции. В это время развернулась революционная война венгерского народа против австрийской монархии. Венгерские крестьяне, ремесленники, рабочие, студенты образовали массовую народно-революционную армию и с успехом отражали натиск австрийских войск.

Энгельс надеялся, что победа венгерского народа развяжет революционные силы Германии. С начала февраля до второй половины мая 1849 г., то есть до закрытия газеты, Энгельс опубликовал в «*Neue Rheinische Zeitung*» большое количество статей, корреспонденций и заметок в поддержку революционной борьбы мужественного венгерского народа.

Определяя отличительные черты революционной войны в Венгрии, Энгельс в первую очередь отмечал ее народный характер, сочетание действий регулярных войск с методами партизанской борьбы, широкую поддержку армии массой населения. Он высоко оценивал военную тактику революционных войск — их маневренность, умелые действия, направленные на расчленение сил противника, создание угроз вражеским коммуникациям и т. д. Хотя основными источниками для Энгельса служили лишь официальные сводки и противоречивые сообщения газет, ему, как правило, удавалось путем сопоставления и критического осмысления имевшихся в его распоряжении материалов, отбросив все домыслы и измышления, писать глубокие, содержательные обзоры военных действий и давать прогнозы, основная часть которых находила подтверждение в дальнейшем ходе событий.

Корреспонденции Энгельса были настолько квалифицированными и безупречными с чисто военной точки зрения, что современники считали их автором кого-либо из высших офицеров венгерской революционной армии. Вынужденный пользоваться, как правило, только лживой и нарочито запутанной информацией, распространявшейся австрийским командованием и враждебной венгерской революции прессой, Энгельс, вспоминая впоследствии В. Либкнехт, «не позволял ввести себя в заблуждение никакими дымовыми завесами, не верил никаким фантастическим картинам и останавливался взглядом лишь на прочной основе — на фактах»¹, на основании которых с большой точностью восстанавливал действительную картину событий.

Обзоры Энгельса, в которых, как и несколько ранее в статьях об июньском восстании в Париже, с особой силой проявился его талант военного теоретика и стратега, отражали в это же время четкую политическую, партийную позицию, были пронизаны духом глубочайшей симпатии к национально-освободительным стремлениям венгерского народа, к его неравной героической борьбе за независимость и демократию.

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 137.

Характеризуя позже отношение «*Neue Rheinische Zeitung*» к событиям в Венгрии, Энгельс писал: «Мы выступали в ее защиту во время борьбы; мы с полным правом можем сказать, что наша газета, «*Neue Rheinische Zeitung*», более, чем всякая другая, содействовала тому, чтобы дело венгров стало популярным в Германии...»¹.

Требование свободного национального развития для угнетенных народов последовательно отстаивалось Энгельсом и в статьях о борьбе поляков и итальянцев за их национальную независимость.

Революционный дух «*Neue Rheinische Zeitung*», ее острую и меткую критику не могли притупить ни травля со стороны буржуазной и реакционной прессы, ни доносы, ни наглые вылазки реакционной военщины, ни судебные процессы. По всей Германии удивлялись смелости ее редакторов.

Газета издавалась в Кёльне, первоклассной прусской крепости с восьмьютысячным гарнизоном, и это, казалось бы, должно было внушить страх редакторам. «...Но 8 пехотных ружей и 250 боевых патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков,— вспоминал Энгельс,— придавали нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом»². В ответ на донос одного правительственного листка по поводу тайных связей газеты с революционным движением за границей Маркс и Энгельс гордо заявили: «...Мы никогда не скрывали наших связей с французскими, английскими, итальянскими, швейцарскими, бельгийскими, польскими, американскими и другими демократами...»³. Даже судебные процессы, возбужденные против редакторов газеты, были использованы Марксом и Энгельсом для того, чтобы публично заклеить те насильственные действия, при помощи которых королевское правительство подавляло революционное движение в Пруссии.

7 февраля 1849 г. Маркс и Энгельс выступили на суде присяжных в качестве обвиняемых по делу о мнимом оскорблении обер-прокурора Цвейфеля и жандармов в статье «Аресты», напечатанной в «*Neue Rheinische Zeitung*» 5 июля 1848 г. К суду был привлечен также и Корф — ответственный издатель газеты. Энгельс посвятил свою речь главным образом защите свободы печати от произвола чиновников. Он доказал несостоятельность обвинения в клевете, выдвинутого прокуратурой против газеты, убедительно продемонстрировал, насколько верна была статья «Аресты» не только своим конкретным содержанием, но и общими политическими оценками. В этой речи он показал поразительную точность многочисленных прогнозов,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 74.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 21.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 335.

высказанных ранее «*Neue Rheinische Zeitung*», и в особенности ее предвидения, что парламентская победа левых в берлинском Национальном собрании совпадет с их действительным поражением. «Это столь буквально оправдавшееся политическое предсказание является, господа, результатом, итогом, выводом, извлеченным нами из насилий, творившихся по всей Германии, а в частности и в Кёльне»¹.

На суде с большой речью выступил и Маркс. Суть его речи состояла в доказательстве того, что одной из главных причин слабости мартовской революции в Германии было сохранение в неприкосновенности старого, бюрократического государственного аппарата, а главное — старой армии и других орудий власти.

Речи Маркса и Энгельса сопровождались возгласами одобрения присутствующих. Они были настолько убедительны, что суд присяжных вынужден был оправдать обвиняемых.

На пути к массовой рабочей партии Чем наглее становилась контрреволюция, тем большую уступчивость, большее малодушие проявляли левые депутаты во Франкфурте и Берлине, мелкобуржуазные демократы. Основная их ошибка состояла в желании «добиться парламентскими методами того, чего можно добиться только революционными методами, силой оружия»².

Неспособными на революционные действия оказались и те мелкобуржуазные демократы, которые возглавляли демократическое общество. Даже наиболее радикальные их представители заявили, что революция должна закончиться.

Развитие германской революции подтверждало вывод Маркса и Энгельса, что немецкая мелкобуржуазная демократия не способна возглавить революционную борьбу масс. Эту истину стали уяснять себе и рабочие массы, на опыте разочаровавшиеся в мелкобуржуазных лидерах. Последующий ход революции все больше зависел от активности рабочего класса Германии, от его организованности и понимания им своих особых классовых задач.

Маркс и Энгельс еще шире развернули теперь борьбу за сплочение рабочих организаций. В октябре 1848 г., в связи с арестом Шаппера и вынужденным отъездом Молля в Лондон, Маркс взял на себя руководство Кёльнским рабочим союзом — одной из наиболее массовых и влиятельных рабочих организаций.

Маркс и Энгельс были против возобновления тайной деятельности Союза коммунистов, считая это преждевременным, пока в Германии еще существовали условия для легальной работы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 253.

² Там же, стр. 401.

Однако не все руководители Союза коммунистов разделяли эту точку зрения. В конце 1848 г. в Лондоне, после приезда туда Молля, был образован новый ЦК Союза коммунистов в составе И. Молля, Г. Бауэра, И. Г. Эккариуса. По поручению Лондонского ЦК Молль предпринял поездку в Германию с целью возобновления деятельности тайных общин Союза.

Весной 1849 г. в помещении «*Neue Rheinische Zeitung*» состоялась встреча членов Кёльнского ЦК — Маркса, Энгельса, Вольфа и Шаппера с Моллем. На встрече присутствовали и другие члены Союза коммунистов. Молль ознакомил присутствующих с новым уставом, выработанным Лондонским Центральным комитетом. Хотя в основе этого документа лежал прежний устав, статья, определяющая конечные цели Союза, была сформулирована крайне неопределенно. Вместо требования свержения буржуазии, установления господства пролетариата и основания нового общества без классов и частной собственности¹ новый устав выдвигал в качестве цели Союза «учреждение единой, неделимой социально-демократической республики»². Были и такие пункты, которые вновь направляли Союз на путь заговорщичества.

Маркс и Энгельс выступили против этого нового устава, а также против намеченной Лондонским ЦК реорганизации Союза коммунистов. Достигнуть единства взглядов на этом совещании не удалось.

На страницах «*Neue Rheinische Zeitung*», в выступлениях на рабочих и демократических собраниях Энгельс и Маркс подчеркивали необходимость самостоятельной и ведущей роли германского пролетариата в демократическом и освободительном движении, стремились укрепить у немецких рабочих дух пролетарской солидарности с братьями по классу в других странах.

Особо большое значение для теоретической подготовки пролетарских революционеров имела предпринятая «*Neue Rheinische Zeitung*» в апреле 1849 г. публикация лекций Маркса о наемном труде и капитале, прочитанных в Брюсселе еще в 1847 г. В лекциях Маркс в доступной форме осветил основное противоречие буржуазного общества — отношение между трудом и капиталом, дал научный анализ капиталистической эксплуатации. Эти лекции, изданные впоследствии отдельной брошюрой «Наемный труд и капитал», являются первым развернутым и систематическим изложением основ экономического учения марксизма.

Активная революционная деятельность Маркса и Энгельса, их ближайших соратников, живой и поучительный опыт исто-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 4, стр. 524.

² *Der Bund der Kommunisten. Bd. 1, S. 876.*

рии способствовали росту политической сознательности и активности передовых немецких рабочих, которые все больше отходили от мелкобуржуазных политиков и проникались пониманием своих классовых целей и задач. В недрах рабочего класса, в его организациях созревали условия для создания массовой пролетарской партии.

В создавшейся обстановке основоположники марксизма и их сторонники сочли необходимым предпринять практические шаги к организационному отделению пролетариата от мелкобуржуазной демократии и оформлению его массовой политической организации.

Маркс вместе с другими деятелями Союза коммунистов в середине апреля 1849 г. вышел из Окружного комитета демократических союзов Рейнской провинции, считая, что состав существующей организации демократических союзов слишком разнороден и что пора установить более тесное объединение чисто рабочих организаций. Из объединения демократических союзов вышел и Кёльнский рабочий союз.

Вслед за тем Маркс и Энгельс совместно с руководителями Кёльнского рабочего союза разработали программу действий для создания общегерманской рабочей партии. Они наметили на 6 мая 1849 г. созыв конгресса рейнско-вестфальских рабочих союзов для образования единой организации, а на июнь — участие в общегерманском конгрессе рабочих союзов в Лейпциге. Целью всех этих мероприятий было создание массовой революционной рабочей партии, ядром которой стали бы пролетарские революционеры, воспитанные Союзом коммунистов.

Начавшееся в мае 1849 г. восстание в Рейнской провинции, Пфальце, Бадене и последовавшая затем военно-полицейская расправа, учиненная реакционной Пруссией, помешали Марксу и Энгельсу провести в жизнь этот план.

Солдат революции К весне 1849 г. контрреволюции удалось восстановить свое господство во многих районах Германии. Но силы революции не были еще сломлены ни в Венгрии, продолжавшей борьбу, ни в Западной и Южной Германии, где назревали новые народные волнения. Толчком для революционного подъема в Юго-Западной Германии послужил конфликт между немецкими правительствами и франкфуртским Национальным собранием. Разработанный Собранием проект конституции Германской империи, несмотря на его умеренный характер, был отклонен прусским и другими правительствами. Угроза разгона нависла над Франкфуртским собранием.

При сложившихся условиях защита имперской конституции стала лозунгом борьбы всех демократических сил.

Вооруженные выступления в защиту имперской конституции начались 3 мая в столице Саксонии — Дрездене. Народ, сражавшийся на баррикадах против правительственных войск, изгнал короля и овладел городом. За восстанием в Дрездене, которое, однако, скоро было подавлено, последовали восстания в промышленных центрах Западной Германии — Золингене, Дюссельдорфе, Хагене, Изерлоне и других городах Рейнской провинции. Развернулось также движение в Бадене и Пфальце, где к власти пришли мелкобуржуазные демократы.

Борьба, разгоревшаяся в Западной и Южной Германии, глубоко завладела всеми помыслами Энгельса. В начале мая он разработал план военных действий, суть которого состояла в следующем: 1) избегать бесполезных выступлений в крепостях и гарнизонных городах; 2) предпринять диверсии в маленьких городах, фабричных поселках и сельских местностях, чтобы держать в напряжении силы рейнских гарнизонов; 3) все свободные силы бросить в восставший округ, расширить восстание и из частей ландвера организовать ядро революционной армии.

По мысли Энгельса, организация восстаний и баррикадных боев в маленьких городах, расположенных на левом берегу Рейна, должна была сыграть роль военного маневра: отвлечение подавляющей массы прусских войск позволило бы выиграть время для образования революционной армии на правом берегу Рейна. Отсюда легче было бы распространить восстание по всей стране; к тому же можно было рассчитывать на то, что в Юго-Западной Германии повстанцев поддержит значительная часть армии.

10 мая 1849 г. Энгельс отправился в Эльберфельд, где накануне вспыхнуло восстание. По пути он остановился в Золингене. Здесь он сформировал отряд из революционных рабочих и во главе четырехсот вооруженных пролетариев 11 мая прибыл в Эльберфельд.

Во время восстания в Эльберфельде рабочие взяли приступом городскую тюрьму и разогнали магистрат. Но руководство движением оказалось в руках Комитета безопасности, который состоял из мелкобуржуазных демократов, действовавших весьма нерешительно. Вместо дальнейшего расширения революционной борьбы Комитет призвал население города к спокойствию и вступил в переговоры с представителями старой власти. В результате через несколько дней движение было дезорганизовано. «При этих обстоятельствах,— писал впоследствии Энгельс,— осталась только одна возможность: надо было принять некоторые быстрые решительные меры, которые снова вдохнули бы жизнь в движение, привлекли бы к нему новые боевые силы, парализовали бы его внутренних врагов и орга-

низовали бы возможно более сильное движение во всем бергско-маркском промышленном районе»¹.

По приезде в Эльберфельд Энгельс информировал Комитет безопасности о положении в Кёльне и представил себя в его распоряжение. В беседе с одним из членов Комитета он заявил, что желает заняться исключительно военными делами и не хочет касаться политической стороны движения, так как «совершенно ясно, что в настоящее время здесь возможно лишь движение под черно-красно-золотым знаменем и поэтому нужно избегать всякого выступления против имперской конституции»². Энгельс был включен в состав военной комиссии, которая возложила на него обязанность руководить фортификационными работами, а также надзор за всеми баррикадами в городе. Ему, как бывшему бомбардиру, была затем поручена и артиллерия. В первый же день своего пребывания в Эльберфельде Энгельс сформировал саперную роту, организовал перестройку беспорядочно возведенных баррикад и сооружение новых на окраинах города.

Энгельс неутомимо работал в военной комиссии и военном совете, устанавливал новую диспозицию вооруженных отрядов, усиливал саперные роты. Он потребовал от Комитета безопасности разоружения враждебной народу части эльберфельдского ополчения и распределения ее оружия среди рабочих, предлагал обложить буржуазию принудительным налогом и использовать эти средства на содержание вооруженных отрядов.

Но Комитет безопасности, боявшийся каких-либо решительных мер, отклонил предложения Энгельса. Тогда Энгельс вместе с другими начальниками отрядов, не считаясь с решением Комитета, захватил хранившееся в ратуше оружие, принадлежавшее контрреволюционному гражданскому ополчению. Во всех своих действиях он опирался на вооруженных рабочих.

В воскресенье, 13 мая, Энгельс с перекинутым через плечо красным шарфом, что свидетельствовало о его принадлежности к командному составу восставших, появился на Хаспелерском мосту, соединяющем Эльберфельд и Нижний Бармен. Возможно, он хотел осмотреть оборонительные сооружения в этой части города или же обратиться к рабочим Бармена с призывом присоединиться к поднявшемуся на борьбу Эльберфельду. Буржуазная гражданская гвардия Бармена, состоявшая из фабрикантов и их прихвостней, препятствовала объединению рабочих этой части города с восставшими. И вот в тот самый момент, когда Энгельс поднялся на сооруженную на мосту баррикаду,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 132.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 544.

он встретился со своим отцом, направлявшимся в церковь. Между отцом и сыном произошла тяжелая сцена¹.

Деятельность Энгельса внушала страх эльберфельдской буржуазии. Она опасалась, что руководство начавшимся движением захватят коммунисты. Эльберфельдские филистеры распространяли слухи о том, что Энгельс ночью заменяет на баррикадах черно-красно-золотые флаги красными знаменами, что он хочет объявить «красную республику» и т. д.

Под давлением буржуазии перепуганные мелкие буржуа из Комитета безопасности поспешили воспользоваться первым же предложением, чтобы удалить Энгельса из города. 14 мая от имени Комитета Энгельсу было заявлено, что его присутствие вызывает у эльберфельдских граждан беспокойство и что во избежание «недоразумений» он должен покинуть город. Энгельс потребовал письменного подтверждения. В тот же день Комитет безопасности принял следующее решение: *«Полностью отдавая должное деятельности, проявленной до сих пор в здешнем городе гражданином Фридрихом Энгельсом из Бармена, проживавшим в последнее время в Кёльне, просим его, однако, сегодня же оставить пределы здешней городской общины, так как его пребывание может дать повод к недоразумениям относительно характера движения»*².

Поведение Комитета вызвало возмущение вооруженных рабочих и добровольческого отряда, которые полностью поддерживали действия Энгельса. Они просили Энгельса остаться в городе, обещая «защищать его ценою своей жизни»³. Но при создавшемся положении раздоры в лагере повстанцев лишь облегчили бы задачу приближавшимся к городу прусским войскам. Поэтому Энгельс 15 мая покинул Эльберфельд и направился в Кёльн.

«Neue Rheinische Zeitung», публикуя 17 мая подробное сообщение об эльберфельдских событиях, обратилась к рабочим со следующими словами: «Пусть бергские и маркские рабочие, проявившие по отношению к члену нашей редакции такое поразительное расположение и такую привязанность, поймут, что теперешнее движение — только пролог другого, в тысячу раз более серьезного движения, в котором дело будет идти об их, рабочих, кровных интересах. Это новое революционное движение явится результатом нынешнего движения, и как только оно начнется, Энгельс — в этом рабочие могут быть уверены! — подобно всем другим редакторам «Neue Rheinische Zeitung», окажется на своем посту, и никакие силы в мире не вынудят его тогда оставить этот пост»⁴.

¹ См. G. Mayer. Friedrich Engels. Bd. I, S. 338—339.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 545.

³ Там же.

⁴ Там же.

После отъезда Энгельса из Эльберфельда иногородние вооруженные рабочие, возмущенные нерешительностью и бездеятельностью мелкобуржуазных вожakov, покинули Эльберфельд с намерением пробиться в ту часть Германии, где еще предстояла решительная борьба против сил контрреволюции.

Потерпели поражение изолированные восстания и в других рейнских городах, что серьезно осложнило обстановку.

Заккрытие «Neue Rheinische Zeitung»

После неудачи восстаний в Рейнской провинции прусское правительство решило нанести удар по своему опасному врагу — «Neue Rheinische Zeitung».

На газету обрушился град полицейских репрессий. К этому времени число возбужденных против ее редакторов судебных процессов достигло двадцати трех. 16 мая последовал правительственный приказ о высылке Маркса из Пруссии в течение 24 часов, как «инострнца». Большинство редакторов также подлежало высылке или аресту. 17 мая был издан приказ об аресте Энгельса за участие в эльберфельдском восстании, а 6 июня — приказ о его розыске. Дальнейшее издание газеты стало невозможным.

19 мая вышел последний номер газеты. Он был отпечатан красной краской, цветом боевого пролетарского знамени. Номер открывался обращением к кельнским рабочим, в котором говорилось: «Редакторы «Neue Rheinische Zeitung», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!**»¹.

Гордо прозвучали стихи Фрейлиграта:

«Так прощай же, прощай, грохочущий бой!
Так прощайте, ряды боевые,
И поле в копоти пороховой,
И мечи, и копыа стальные!
Так прощайте! Но только не навсегда!
Не убьют они дух наш, о братья!
И час пробьет, и, воскреснув, тогда
Вернусь к вам живая опять я!»²

С гордым сознанием исполненного революционного долга, с глубокой верой в правоту своего дела и конечную его победу редакторы газеты заявили: «Мы спасли революционную честь нашей родины»³. Они выразили уверенность, что «Neue Rheinische Zeitung» еще получит в Германии полное право гражданства. «Мы вынуждены были,— писал впоследствии Энгельс,— сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера...»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 564.

² Ф. Фрейлиграт. Избранные произведения. М., 1956, стр. 196.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 549.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 22.

На полях сражений Пфальца и Бадена

За два дня до выхода прощального номера Энгельс во избежание ареста был вынужден скрыться, а после закрытия газеты вместе с Марксом направился во Франкфурт, чтобы побудить левую часть Национального собрания возглавить восстания, начавшиеся в Юго-Западной Германии еще в первых числах мая 1849 г.

Энгельс предложил продуманный план развертывания революционной борьбы. Окруженный восставшими областями, Баден с его значительной территорией, удобной для обороны и наступления, и революционной армией мог бы сыграть решающую роль в общегерманской революционной борьбе. Опираясь на баденскую армию, следовало, по плану Энгельса, распространить восстание дальше, на Гессен-Дармштадт, Франкфурт, Нассау, Вюртемберг и нанести решающий удар войскам контрреволюции. Для того чтобы превратить движение из южногерманского в общенациональное, Энгельс предлагал депутатам Собрания призвать во Франкфурт баденскую и пфальцскую революционные армии. Это покончило бы с колебаниями находившихся во Франкфурте воинских соединений других германских государств, перекинуло бы пламя восстания в княжества Гессен и Нассау и принудило бы пруссаков и австрийцев отступить к Майнцу. Энгельс доказывал, что если революционная армия овладеет Франкфуртом, то это будет иметь крупное политическое и стратегическое значение. Победа во Франкфурте сделала бы возможным распространение революции на всю долину Майна.

Однако франкфуртские депутаты, писал Энгельс, «не имели ни мужества, ни энергии, ни ума, ни инициативы»¹, чтобы действовать. Они остались глухи к этим советам.

Тогда Энгельс вместе с Марксом сделал еще одну попытку добиться осуществления намеченного им плана. Из Франкфурта они поехали в Мангейм, Людвигсхафен и Карлсруэ и предложили руководителям баденского движения послать войска во Франкфурт, чтобы поставить Национальное собрание под свой контроль и оказать на него давление. Но такие решительные революционные мероприятия не входили в планы мелкобуржуазных вожakov движения. Предложения Маркса и Энгельса и на этот раз были отвергнуты.

После Бадена они направились в Пфальц, где в Кайзерслаутерне встретились с членами временного правительства, состоявшего также из мелкобуржуазных демократов. Входивший в состав правительства член Союза коммунистов Д'Эстер безуспешно пытался подтолкнуть правительство на энергичные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 91.

шаги. Как и в Бадене, движение здесь носило местный, изолированный характер.

По дороге из Пфальца в Бинген (Гессен-Дармштадт) Маркс и Энгельс в конце мая были арестованы гессенскими властями, подозревавшими их в участии в восстании, и отправлены в Дармштадт, а затем во Франкфурт. Здесь они были освобождены и вскоре добрались до Бингена, где расстались: Энгельс возвратился в Кайзерслаутерн, а Маркс поехал в Париж.

В Кайзерслаутерне Энгельс намерен был жить первое время в качестве простого политического эмигранта, будучи готовым, если снова разгорится борьба, «занять в этом движении то место, которое только и могла занять «*Neue Rheinische Zeitung*», — место солдата»¹. Временное правительство Пфальца предлагало Энгельсу различные гражданские и военные должности. Но он отклонил все эти предложения, согласившись лишь написать несколько статей для газеты «*Bote für Stadt und Land*», издаваемой временным правительством. Одна статья — «Революционное восстание в Пфальце и Бадене» — была напечатана, другая же отклонена, как слишком «возбуждающая»². Тогда Энгельс отказался от дальнейшего сотрудничества в этой газете.

Вскоре начались военные действия между пфальцской армией и прусскими войсками. Энгельс принял в них непосредственное и самое деятельное участие, став адъютантом члена Союза коммунистов А. Виллиха, который командовал одним из отрядов, состоявшим из сознательных и смелых бойцов, главным образом из рабочих.

Первые столкновения с прусскими войсками закончились неблагоприятно для повстанцев. Пфальцская революционная армия отступила на территорию Бадена, где влилась в баденскую революционную армию. Короткую передышку, которую получил отряд Виллиха перед началом новых боев, Энгельс использовал для пополнения запасов оружия и военного обучения повстанцев.

К отряду присоединились новые силы. Среди них были рабочие, которые знали Энгельса по эльберфельдскому восстанию и теперь снова пошли за ним. 20 июня 1849 г. отряд вышел навстречу прусским войскам. Всюду Энгельс проявлял смелую инициативу, находчивость, мужество, беззаветную храбрость. Вместе с Виллихом он составлял планы военных операций и руководил выполнением особенно сложных и опасных боевых задач. Принимал самое деятельное участие в организации подвоза оружия и боеприпасов, поддерживал связь с другими частями и сам ходил в разведку. При отступлении он оставался вместе со стрелками, прикрывавшими главные силы повстанцев.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 152.

² Там же, стр. 157.

Энгельс принял непосредственное участие, не считая мелких стычек, в четырех крупных сражениях, среди которых особенно большое значение имела битва под Раштаттом. «...Все, кто видел его под огнем, еще долгое время спустя рассказывали об его исключительном хладнокровии и абсолютном презрении ко всякой опасности»¹, — писала впоследствии дочь Маркса Элеонора.

Из сражения под Раштаттом победителями вышли пруссаки. Отряд Виллиха медленно отступал, образуя арьергард армии повстанцев. 12 июля 1849 г. отряд последним из баденско-пфальцской армии перешел швейцарскую границу.

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 184.

Глава пятая

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Такое время кажущегося затишья, как теперешнее, должно быть использовано именно для того, чтобы уяснить пережитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые обуславливают существование и борьбу этих партий.

К. Маркс и Ф. Энгельс

Энгельс в Швейцарии 24 июля 1849 г. отряд Виллиха, в котором находился Энгельс, после почти двухнедельного пребывания в районе швейцарско-германской границы, расположился лагерем в местечке Веве (кантон Во).

Энгельс тотчас же поспешил связаться с Марксом, о судьбе которого ничего не знал. К тому же ходили слухи о его аресте в Париже. «Вы представляете себе... как я встревожен,— писал Энгельс жене Маркса 25 июля 1849 г.,— я очень прошу Вас как можно скорее успокоить меня, сообщив о судьбе Маркса... Если бы только у меня была уверенность, что Маркс на свободе! Я часто думал о том, что под прусскими пулями я подвергался гораздо меньшей опасности, чем наши в Германии и, в особен-

ности, Маркс в Париже»¹. Маркс, со своей стороны, очень беспокоился о нем. «Дорогой Энгельс! Я не знаю, получил ли ты мое первое письмо,— писал он 17 августа из Парижа.—...Мне еще раз хочется сказать тебе, что я и моя жена страшно волновались за тебя и очень обрадовались, неожиданно получив о тебе точные сведения»².

В Швейцарии Энгельс мог наблюдать немецкую эмиграцию всех оттенков. Большинство ее воплощало пороки немецкой мелкобуржуазной демократии 1848 г.— подмену живого дела крикливой фразой, недооценку сил противника и переоценку своих собственных сил, постоянные колебания от крайней революционности к полному унынию. Эти же черты были характерны и для бывшего командного состава пфальцско-баденской армии. Военные руководители порицали друг друга за неправильные боевые операции, в которых они усматривали главную причину поражения восстания в Юго-Западной Германии.

Прекрасно зная истинную цену словесного радикализма мелкобуржуазных вождей баденской армии, Энгельс предпочитал стоять в стороне от распрей, не прекращавшихся в их среде. Однако, когда против отряда, в котором он сражался, стали выдвигать обвинения в нарушении дисциплины и воинского долга, он счел необходимым выступить в его защиту. В конце июля 1849 г. он написал «Опровержение», в котором убедительно доказал, что отряд до конца выполнил свой революционный долг³. Этот документ предназначался для печати, но, по-видимому, не увидел света. В «Опровержении» Энгельс впервые сформулировал свою позицию по военным вопросам повстанческого движения в Юго-Западной Германии, которую в полной мере раскрыл несколько позднее в работе «Германская кампания за имперскую конституцию».

Личный опыт участия в южногерманской революционной кампании, близкое знакомство с настроениями эмигрантов дали Энгельсу богатый материал для обобщения итогов последнего этапа революции, для анализа поведения мелкобуржуазных лидеров. К этому побуждал его и Маркс.

В одном из первых писем из Парижа в августе 1849 г. он писал: «У тебя теперь имеется прекрасная возможность написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет об этом. Без твоего участия в военных действиях мы не могли бы выступить со своими взглядами по поводу этой дурацкой затеи. Ты можешь при этом великолепно выразить общую позицию «*Neue Rheinische Zeitung*» по отношению к демократической партии»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 444.

² Там же, стр. 132.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 43, стр. 444—446.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 131—132.

Однако обстановка в лагере не благоприятствовала осуществлению этого литературного замысла. Энгельса начинала тяготить лагерная жизнь. «Наш отряд, который храбро сражался, надоел мне, и делать мне здесь нечего. Виллих в бою храбр, хладнокровен, он действует умело, быстро и правильно ориентируется в обстановке, но вне сражения это — более или менее скучный идеолог и «истинный социалист»¹, — писал Энгельс Женни Маркс. Значительная часть друзей Энгельса по отряду, с которыми он мог бы общаться, к этому времени разбрелась. Единственное, что его здесь еще удерживало, это стесненное материальное положение.

Получив из дому немного денег, Энгельс в середине августа поселился в Лозанне, в доме № 8 на площади де ля Палюд. Здесь он приступил к работе над очерками «Германская кампания за имперскую конституцию». 24 августа 1849 г. он сообщил одному из друзей: «Я сижу теперь в Лозанне и пишу мемуары о пфальцско-баденском революционном фарсе... Я имел возможность многое видеть и многое узнать. Ты знаешь, что у меня достаточно критического чутья, чтобы не разделять иллюзий заурядных ура-республиканцев и чтобы разглядеть прикрытое громкими фразами малодушие вождей.

Моя работа, как и подобает «*Neue Rheinische Zeitung*», даст иное понимание этой истории, нежели другие повествования на эту тему, выход которых ожидается»².

Найти в Германии издателя для такой работы было нелегко. Энгельс всего меньше полагался на содействие буржуазных издательств. Он искал помощи в первую очередь у партийных друзей, членов Союза коммунистов: Якоба Шабелица, который совместно с отцом издавал прогрессивную литературу в Базеле, Иосифа Вейдемейера во Франкфурте-на-Майне.

В конце августа 1849 г. Энгельс попросил Вильгельма Вольфа, жившего в то время в Цюрихе, помочь в подыскании издателя для «Германской кампании за имперскую конституцию». Вольф был очень обрадован письмом Энгельса, но выполнить его просьбу не смог.

В Швейцарии Энгельс старался поддерживать связи со своими единомышленниками. 15 сентября Энгельс заехал в Берн, где повидался с Вольфом, а также встретился и с другими членами Союза коммунистов. В Женеве Энгельс познакомился с немецким революционным эмигрантом Вильгельмом Либкнехтом, который вскоре стал членом Союза коммунистов. Либкнехт оставил живые воспоминания об этой встрече.

«У Фридриха Энгельса, — писал он, — был светлый и ясный ум, свободный от всякой романтической и сентиментальной окраски... Взор его никогда не останавливался на поверх-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 444.

² Там же, стр. 449.

ности, а всегда проникал до самой глубины... Это мне бросилось в глаза уже при нашей первой встрече.

Встреча эта произошла поздним летом 1849 года на берегу голубого Женевского озера, где мы после краха кампании за имперскую конституцию основали несколько эмигрантских колоний... До этого мне пришлось лично познакомиться со множеством всяких «великих мужей» — вроде Руге, Гейнца, Юлиуса Фрёбеля, Струве и разных других «вождей» баденской и саксонской «революций». Но чем ближе я с ними знакомился, тем больше меркнул в моих глазах их ореол... Чем туманнее атмосфера, тем большими представляются в ней вещи и люди. Но Фридрих Энгельс обладал таким свойством, что перед его ясным взором туман рассеивался, и люди и вещи выглядели именно такими, каковы они были в действительности. Эта острота взгляда и ей соответствующая и из нее проистекающая резкость суждения вначале были мне не совсем по душе и даже несколько коробили меня... Впрочем, остаток «южнонемецкого прекраснодушия», которое... было мне тогда еще присуще и от которого я избавился лишь позже, в Англии, не помешал нам сходиться, хоть и не всегда сразу, на общем мнении о людях и вещах»¹.

С этой встречи между Энгельсом и Либкнехтом установились дружеские отношения, которые стали особенно тесными, когда оба они переехали в Англию.

Переезд в Англию

Маркс получил уведомление о его высылке из Парижа в Морбиан, болотистую и нездоровую местность Бретани. По совету друзей он предпочел эмигрировать в Англию. В конце августа Маркс покинул Францию и обосновался в Лондоне, где предполагал издавать немецкий журнал. Сообщая об этом плане Энгельсу, он настоятельно советовал ему возможно быстрее переехать в Лондон, чтобы избежать преследований со стороны прусской полиции и принять участие в новом журнале. «Я *положительно* рассчитываю на это, — писал Маркс Энгельсу. — Ты *не можешь* оставаться в Швейцарии. В Лондоне нам предстоят дела... Еще раз повторяю: я твердо рассчитываю на то, что ты меня не подведешь»².

Энгельс решил последовать совету Маркса. Однако ему нельзя было переступить ни германскую границу, ни французскую, так как в обеих странах он был бы немедленно арестован. Оставался единственный путь — через Италию, точнее, через территорию Пьемонтского королевства. В начале октября он прибыл в Геную, где ему пришлось приложить немало усилий, чтобы уйти от ищеек пьемонтской полиции, преследовавшей революционных эмигрантов. 6 октября Энгельс на английской

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 135—136.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 135.

парусной шхуне «Корниш Даймонд» отправился в Лондон. Путешествие продолжалось около пяти недель. Любознательный и неутомимый, Энгельс использовал его для приобретения знаний в области мореплавания. В его рукописном наследии сохранился путевой дневник с записями изменений положения солнца, направления ветра, состояния моря, с зарисовками контура берегов, мимо которых проплывала шхуна.

Прибыв в ноябре в Лондон, Энгельс поселился на улице Маклсфилд-Динстрит, Сохо, в доме № 6; здесь он прожил год. Энгельс сразу же был введен в состав реорганизованного после приезда Маркса Центрального комитета Союза коммунистов и вступил в Просветительное общество немецких рабочих. Еще до переезда Энгельса в Лондон при Обществе был создан Комитет помощи немецким эмигрантам под руководством Маркса. Вожаки мелкобуржуазной эмиграции — Струве и Гейнцен — через своих сторонников, входивших в состав Общества, пытались расколоть Комитет и помешать сплочению эмигрантов вокруг него.

В противовес этим попыткам Маркс и Энгельс 18 ноября 1849 г. на общем собрании Просветительного общества добились реорганизации старого Комитета в Социал-демократический комитет помощи немецким эмигрантам. В его состав были избраны теперь только деятели Союза коммунистов: Маркс, Энгельс, Бауэр, Пфендер, Виллих. Этот шаг был направлен на консолидацию пролетарского крыла немецкой эмиграции под руководством Союза коммунистов. В дальнейшем Социал-демократический комитет вел борьбу против раскольнической деятельности мелкобуржуазного Демократического общества, организованного в начале 1850 г. группой сторонников Струве и Гейнца, исключенных при участии Маркса и Энгельса из Просветительного общества.

На долю Энгельса выпала значительная часть организационной работы Социал-демократического комитета по налаживанию связей в Германии, сбору средств и распределению помощи среди эмигрантов. Он обращался к И. Вейдемейеру во Франкфурт-на-Майне с просьбой увеличить сбор денег для эмигрантов. «Если мы не получим денег теперь же, — писал он ему 22 апреля 1850 г., — то через неделю наши 50—60 эмигрантов окажутся на улице без единого пенса»¹. В другом письме он просил его попытаться собрать деньги во Франконии, в Нюрнберге, Байрейте и т. д. — всюду, где «*Neue Rheinische Zeitung*» хорошо расходилась². Энгельс связывался с эмигрантскими комитетами других национальных групп, разоблачал в печати клевету мелкобуржуазных вожаков, будто Социал-демократический комитет поддерживает только коммунистов и непра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 466.

² См. там же.

вильно расходует собранные деньги. Комитет периодически публиковал отчеты о расходовании собранных средств и принял решение, чтобы члены Комитета ничего не получали из этих денег.

Так как в течение летних месяцев 1850 г. взносы поступали очень скудно, а нужда эмигрантов становилась невыносимой, то Комитет организовал для них небольшое общежитие и столовую, а затем создал производственные мастерские для тех, кто не мог найти работу. Все эти мероприятия имели целью сохранить кадры пролетарских революционеров, спасти их от нищеты и лишений в эмиграции.

**«Neue Rheinische
Zeitung.
Politisch-ökonomische
Revue»**

Свою главную задачу Маркс и Энгельс видели в том, чтобы вооружить коммунистов ясным пониманием перспектив движения, разработать новые теоретические и тактические принципы на основе обобщения опыта революционных боев 1848—1849 гг. Для этого был нужен свой печатный орган. Выполняя давно задуманный план, они приступили к созданию журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Уже по названию видно, что Маркс и Энгельс рассматривали этот журнал как прямое продолжение «Neue Rheinische Zeitung». Они надеялись, что в дальнейшем, при благоприятных условиях, удастся вновь приступить к выпуску ежедневной газеты.

В подготовке этого издания Энгельс принял непосредственное участие. Вместе с Марксом он написал «Извещение», в котором была сформулирована программа журнала. Указывалось, что журнал «дает возможность подробно и научно исследовать *экономические* отношения, которые составляют основу всего политического движения»¹, что он использует время кажущегося затишья для того, чтобы «уяснить пережитый период революции, характер борющихся партий, общественные отношения, которые обуславливают существование и борьбу этих партий»².

Так как Маркс и Энгельс не располагали необходимыми средствами для издания печатного органа, было решено выпускать его на акционерных началах. Они обратились с многочисленными письмами к своим партийным единомышленникам и друзьям — Шабелицу, В. Вольфу, Вейдемейеру, Дронке, а также к немецкому демократу Г. Бергенроту, участнику баденско-пфальцской кампании 1849 г. М. Беккеру и многим другим с просьбой распространить акции на издание «Politisch-ökonomische Revue», собрать деньги, помочь в подборе агентов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 1.

² Там же.

по распространению журнала и присылать свои статьи для публикации. При участии Энгельса был составлен специальный документ: «Призыв к подписке на акции».

Много энергии отдавал Энгельс организационно-административным вопросам, связанным с изданием журнала. Одной главной сферой его деятельности была непосредственно литературная.

Вышедшие в течение 1850 г. шесть номеров журнала «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» (№ 5 и 6 в одной книжке) состояли почти исключительно из работ Маркса и Энгельса. В журнале сотрудничали также В. Вольф и И. Г. Эккартс. Предполагалось участие и других деятелей Союза коммунистов — Вейдемейера, Фрейлиграта. В журнале были напечатаны «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса и другие их работы. В этих произведениях подведены итоги революционной борьбы, обобщен опыт революции.

Свои очерки «Германская кампания за имперскую конституцию» Энгельс завершил уже в Лондоне. Они были напечатаны в первых трех выпусках журнала. Это произведение — живое свидетельство активного участника описываемых событий и в то же время серьезное историческое исследование. Яркое описание различных эпизодов баденско-пфальцского восстания, меткие характеристики отдельных его руководителей сочетаются здесь с глубоким анализом причин движения, позиций классов и партий. Продолжая принципиальную линию «*Neue Rheinische Zeitung*» в годы революции, Энгельс подверг критике лидеров немецкой мелкобуржуазной демократии. Он бичует их за подмену революционных действий высокопарной фразой, за их постоянную нерешительность. В очерках Энгельса освещается опыт борьбы народных масс Германии на последнем этапе революции 1848—1849 гг. и сформулирован ряд важных положений о тактике революционной партии в вооруженном восстании и гражданской войне.

Произведение Энгельса вызвало широкие отклики. Так, Веерт шуточно писал Марксу 2 мая 1850 г.: «...Статьи о Бадене не могли бы быть лучше, даже если бы я их сам написал. Это, конечно, высшая похвала, которой я могу наградить Энгельса»¹. Фрейлиграт отмечал живой, непринужденный характер очерков. Что же касается мелкобуржуазных лидеров, участников германской кампании за имперскую конституцию, то, увидев себя в этом произведении в крайне неприглядном виде, они подняли шум об «ужасной фривольности» Энгельса. Аналогичную позицию заняли и те деятели Союза коммунистов (К. Брун

¹ G. Weerth. *Sämtliche Werke*. Bd. 5, S. 356.

и др.), которые примиренчески относились к мелкобуржуазным демократам. Их раздражение говорило лишь о том, что критика Энгельса попала в цель.

«Крестьянская война в Германии»

С задачей обобщения опыта германской революции была связана и другая работа Энгельса — «Крестьянская война в Германии». Впоследствии, в предисловии ко второму изданию ее, Энгельс писал: «Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—1849 гг. слишком бросалась в глаза, чтобы можно было тогда совершенно отказаться от нее»¹. Эта параллель помогла Энгельсу разъяснить причины поражения революции 1848—1849 гг. — экономическую и политическую отсталость Германии, прямую измену буржуазии делу демократии, слабость прогрессивных элементов, раздробленность движения, локальный характер восстаний, позволивший контрреволюции подавлять их одно за другим.

«Крестьянская война в Германии» является замечательным образцом применения исторического материализма к анализу важного периода в развитии Германии. Для этой работы характерно сочетание глубоких теоретических обобщений с политически острыми выводами. На основе строгого диалектико-материалистического исследования фактического материала, почерпнутого в основном из книги немецкого прогрессивного историка В. Циммермана, Энгельс сделал принципиально новые выводы. В противовозложность немецким буржуазным историкам-идеалистам, видевшим в событиях 1525 г. «одни только яростные богословские перебранки»², он первый в исторической литературе вскрыл социально-экономические, классовые корни Реформации и Крестьянской войны в Германии. Теологическая форма идеологической и политической борьбы, доказал Энгельс, соответствовала тогдашнему уровню развития общественных отношений.

Энгельс проанализировал причины неудачи Крестьянской войны XVI в. Главной из них он считал предательскую позицию немецкого бюргерства. Он рассматривал бюргерство как буржуазию на ранней стадии ее формирования, а Реформацию и Крестьянскую войну как раннюю буржуазную революцию, «буржуазную революцию № 1»³. Именно это давало ему основание проводить параллель между событиями первой половины XVI в. и германской революцией 1848—1849 гг.

Основной движущей силой ранней буржуазной революции было не бюргерство, а крестьянство и примыкавшие к нему революционные плебейские элементы городов, предшественники современного пролетариата. Объективно буржуазный характер

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 413.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 359.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 417.

Крестьянской войны определялся не столько позицией в ней бюргерства, сколько содержанием тех антифеодальных требований, которые выдвинуло восставшее крестьянство. Однако «ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными на объединенное общенациональное выступление»¹, — отмечал Энгельс.

Одной из причин поражения Крестьянской войны, подчеркивал В. И. Ленин, Энгельс считал «разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением»². Тем не менее все содержание работы доказывает, что крестьянство обладает значительными революционными возможностями, что его союз с пролетариатом имеет решающее значение для успеха революции.

Энгельс не только осветил общий ход Крестьянской войны. Он подверг анализу узловые проблемы истории Германии и Европы позднего средневековья, дал развернутую характеристику эпохи разложения феодализма и становления буржуазных отношений, вскрыл социальные, политические и идеологические корни религиозной борьбы и показал историческую роль антифеодальных движений.

Энгельс раскрыл также особенности исторического развития Германии после Крестьянской войны, наложившие свою печать и на последующую ее историю.

«Крестьянская война в Германии» является глубоко партийным произведением, в котором историческое исследование неразрывно связано с постановкой актуальных вопросов демократического движения, классовой борьбы пролетариата. Сам выбор темы исследования диктовался новыми условиями революционной деятельности. В обстановке известного затишья, наступившего в Германии после двух лет революционных схваток, в атмосфере усталости и разочарования Энгельс считал необходимым показать во всем объеме непреходящее значение борьбы крестьянства и плебейской оппозиции против феодализма, подчеркнуть ее революционные тенденции, ее противоположность бюргерско-княжеской оппозиции, предавшей революцию. Он стремился оживить в памяти народа такие мощные фигуры революционной Крестьянской войны, как Михаэль Гейсмайер, таких вождей плебейского крыла, как Томас Мюнцер. Мужественные борцы за свободу, поднявшие знамя восстания против феодального гнета, служили для Энгельса воплощением лучших революционных традиций германского народа.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 435.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 41.

Обзоры. Статьи. Рецензии

Совместно с Марксом Энгельс написал также ряд рецензий, критических статей и международных обзоров. В рецензии на сборник статей Т. Карлейля «Современные памфлеты» было подчеркнуто, что этот видный представитель феодального социализма совершенно утратил свойственное ему раньше критическое отношение к капитализму, к буржуазии. Резкой критике подвергся его субъективный идеализм и связанный с этим «культ героев». Культ «выдающейся» личности, гения, почитание героев служат лишь для защиты господства имущих классов, для оправдания порабощения народных масс, которым Карлейль отказывал в какой бы то ни было исторической роли. Этот писатель третировал демократические формы правления, стремление к ним народов считал «эпидемией», доказывал невозможность государственной жизни на основе принципов демократии. В рецензии в противоположность субъективно-идеалистическим, реакционным теориям подчеркивалась великая творческая роль трудящихся масс в историческом развитии.

Критика субъективно-идеалистических воззрений и культа личности содержится также в рецензии на брошюры двух полицейских агентов — Шеню и Делаода — о революционном движении во Франции и его лидерах. Маркс и Энгельс использовали содержащийся в этих брошюрах фактический материал, чтобы высказать свое отношение к свойственному мелкобуржуазной демократии преувеличению роли отдельных личностей. Они выступили за то, чтобы деятели революционного движения изображались «суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде», а не в официальном виде, «с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы». «В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах, — писали они, — пропадает вся правдивость изображения»¹.

Основоположники марксизма зло высмеяли здесь «алхимиков революции», заговорщиков и сектантов, которые, игнорируя реальные условия, делали ставку на организацию заговоров. Такого рода деятели, естественно, пренебрегали политическим просвещением рабочих, разъяснением их классовых интересов и с неприязнью относились к образованным людям, ставшим на позиции рабочего класса, к идеологическим представителям революционной партии.

Критика Марксом и Энгельсом заговорщичества и сектантства в демократическом и рабочем движении имела тогда весьма актуальное значение. Она была направлена против авантюристических планов части немецкой демократической эмиграции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 280.

Против мелкобуржуазных демократов были направлены также статья Маркса и Энгельса «Готфрид Кинкель» и рецензия на брошюру депутата Франкфуртского парламента Л. Симона «Голос права в защиту всех борцов за имперскую конституцию...». Книжка Симона была яркой иллюстрацией того факта, что так называемые левые Франкфуртского парламента ничего не усвоили из опыта революции и готовы были в случае нового революционного кризиса снова занять позорную половинчатую позицию.

На примере малодушного, трусливого поведения Кинкеля перед прусским судом Маркс и Энгельс показали беспринципность некоторых демократических деятелей и подчеркнули необходимость решительной критики этих мнимых революционеров.

Реорганизация Союза коммунистов

Критика лидеров немецкой мелкобуржуазной демократии, начатая основоположниками марксизма в «*Neue Rheinische Zeitung*», приобрела после революции еще более острый характер. Это диктовалось, во-первых, необходимостью подготовить к будущей революции более закаленные, боевые кадры руководителей и, во-вторых, задачей создания пролетарской партии, независимой от мелкой буржуазии. Для осуществления этой задачи надо было в первую очередь реорганизовать Союз коммунистов в соответствии с новыми условиями.

С января 1850 г. активизировал свою деятельность Центральный комитет Союза коммунистов. Вместе с Марксом Энгельс принялся за реорганизацию и укрепление Союза, за возобновление связей Центрального комитета с местными общинами и отдельными членами Союза в Германии. Организацию приходилось строить почти заново. Немало членов Союза находилось в заключении, а оставшиеся на свободе либо эмигрировали, либо скрывались от преследований. Нелегко было наладить конспиративную переписку.

Маркс и Энгельс обратились к активным деятелям Союза, находившимся в различных частях Германии, с предложением восстановить или заново создать на местах общины Союза, руководя ими на основе «Манифеста Коммунистической партии», и установить связь с Центральным комитетом в Лондоне. Об этом они написали П. Рёзеру в Кёльн, Вейдемейеру во Франкфурт и другим. Один из ближайших соратников Маркса и Энгельса, член Центрального комитета Союза К. Шрамм 28 января 1850 г. писал из Лондона деятелям Союза в Швейцарии: «В Германии мы пытаемся сделать все, что в наших силах, чтобы объединить членов Союза, рассеянных по всей стране в результате недавней революции»¹.

Укрепления Союза коммунистов в самой Германии, восста-

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 252.

новления старых и создания новых общин Союза нельзя было добиться при помощи одной только переписки. Нужно было послать в Германию специального эмиссара, который на месте познакомился бы с положением дел в Союзе, смог бы подобрать людей, чтобы создать общины вместо распавшихся и ознакомить местных деятелей Союза с новыми тактическими установками Центрального комитета. С этой целью в марте 1850 г. в Бельгию и Германию был направлен член Центрального комитета Генрих Бауэр, который повез с собой написанное Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов». В этом замечательном теоретическом документе была намечена тактическая линия Союза в новых условиях. «Обращение» стало идейной основой для его реорганизации.

В «Обращении» Маркс и Энгельс подвели итоги деятельности Союза коммунистов в период революции 1848—1849 гг. Его члены повсюду энергично участвовали в движении: в печати, на баррикадах, на полях сражений. Теоретические воззрения Союза, сформулированные до революции, оказались единственно правильными. Между тем в организационном отношении Союз крайне ослабел, округа и общины стали терять связи с Центральным комитетом и постепенно совсем их прекратили, а рабочие подпали под влияние мелкобуржуазных демократов. Такому состоянию, указывается в «Обращении», необходимо положить конец. Исходя из перспектив новой буржуазно-демократической революции в Германии, Маркс и Энгельс подчеркивали, что в этой революции «рабочая партия должна выступить возможно более организованной, возможно более единоподушной и возможно более самостоятельной»¹. Первоочередная задача Союза коммунистов состоит в том, чтобы создать в Германии «самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний»².

Доказывая необходимость самостоятельной политической организации рабочего класса, Маркс и Энгельс дали здесь более широкое, развернутое теоретическое обоснование позиции рабочей партии по отношению к мелкобуржуазным демократам. Пролетариат должен идти вместе с демократами во имя победы над общим врагом, но в то же время решительно отстаивать свои собственные интересы. «Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 258.

² Там же, стр. 262.

³ Там же, стр. 263.

Основная и руководящая идея мартовского «Обращения» — это идея непрерывной революции, исходные моменты которой Маркс и Энгельс наметили еще до 1848 г. «В то время как демократические мелкие буржуа,— говорится в «Обращении»,— хотя возможно быстрее закончить революцию... наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества»¹.

В «Обращении» намечены и те мероприятия, которые должны обеспечить непрерывный характер революции. Как только у власти окажется мелкая буржуазия, рабочие немедленно должны образовать наряду с официальным правительством свои собственные революционные рабочие правительства в форме органов местного самоуправления, рабочих клубов или рабочих комитетов, которые обеспечат постоянное наблюдение за действиями официального правительства. Эти органы, зародыши революционной пролетарской власти, представят серьезную силу, так как опорой им будут широкие рабочие массы. Вооруженные рабочие образуют отряды пролетарской гвардии, которые будут находиться в распоряжении не официальных властей, а созданных рабочими революционных органов власти. При выборах в Национальное собрание пролетариат должен в противовес буржуазным кандидатам выставлять повсюду своих собственных кандидатов, по возможности из числа членов Союза коммунистов.

Конкретизируя тактику коммунистов в предстоящей революции, Маркс и Энгельс писали в «Обращении»: «Конечно, рабочие не могут в начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов вторгаться по возможности в наибольшее количество областей существующего общественного строя... сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, средств транспорта, фабрик, железных дорог и т. д.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 261.

2. ...доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не революционно, а лишь реформистски; ...превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность»¹. Если мелкобуржуазные демократы, например, предложат выкупить железные дороги и фабрики, то рабочие должны потребовать, чтобы эти средства производства были просто конфискованы государством без всякого вознаграждения бывших владельцев.

Считая возможной близкую победу социалистической революции в Германии, Маркс и Энгельс предлагали конфискованную у помещиков землю превратить в государственное достояние и образовать ассоциации для обработки земли сельским пролетариатом с использованием преимуществ крупного земледелия. Выдвигая это требование в интересах союза промышленных рабочих с сельским пролетариатом, Маркс и Энгельс в дальнейшем сочетали его с более широкой программой в интересах всего трудящегося крестьянства.

«Обращение» является одним из важнейших документов научного коммунизма, замечательным творением Маркса и Энгельса. В. И. Ленин считал это произведение «чрезвычайно интересным и поучительным»².

«Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» было встречено членами Союза в Германии с большим одобрением.

Особое внимание Центральный комитет обратил на необходимость установления тесных связей общин Союза коммунистов на местах с рабочими и крестьянскими союзами, спортивными обществами и другими массовыми организациями. Эти указания были даны в составленном Марксом и Энгельсом в июне 1850 г. новом «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов», где содержался обстоятельный отчет о положении дел в Союзе, его связях с революционными объединениями других стран и освещалась враждебная ему деятельность ряда мелкобуржуазных эмигрантских организаций. В основе этого «Обращения» лежала мысль о необходимости скорейшего создания «сильной тайной организации революционной партии по всей Германии»³.

Большую работу по укреплению Союза коммунистов вели Маркс и Энгельс и в самом Лондоне, используя для этого Просветительное общество немецких рабочих, Социал-демократический эмигрантский комитет и наиболее революционную часть мелкобуржуазной эмиграции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 266—267.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 233.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 322.

Связи с революционными социалистами других стран

Большое внимание уделяли в это время Маркс и Энгельс установлению связи с революционной эмиграцией других стран и с левыми лидерами чартистской партии. Для поддержания постоянных контактов с французскими эмигрантами-бланкистами, левым крылом чартистов и венгерскими эмигрантами Центральный комитет Союза коммунистов выделил Маркса, Энгельса и Виллиха. Поскольку Маркс тогда еще не владел свободно английским языком, то на митингах и банкетах, которые организовывали чартисты и представители европейской революционной эмиграции, выступал главным образом Энгельс. Так, он произнес речь на банкете, организованном 25 февраля 1850 г. французскими эмигрантами-бланкистами в Лондоне в ознаменовании годовщины французской республики 1848 г. Он закончил речь тостом в честь борцов июньского восстания 1848 г. в Париже¹. 5 апреля 1850 г. Энгельс принял участие в международном митинге, проведенном обществом «Братские демократы» по поводу годовщины со дня рождения Робеспьера.

Энгельс немало способствовал разрыву революционных чартистов с руководимой О'Коннором фракцией, склонной к примирению с буржуазией. Вступая в контакт с наиболее революционным крылом венгерской эмиграции, Центральный комитет среди прочих моментов учитывал, что в этом крыле имелись выдающиеся военные, которые во время революции могут оказаться чрезвычайно полезными Союзу коммунистов.

В середине апреля 1850 г. Маркс и Энгельс, исходя из перспектив близкого революционного подъема, вместе с представителями французских эмигрантов-бланкистов и революционных чартистов создали Всемирное общество коммунистов-революционеров. Был подписан договор, состоявший из шести статей, из которых особенно важны первая и вторая. «Целью общества,— говорилось в первой статье,— является изложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода»². Во второй статье указывалось, что для осуществления этих целей Общество завязывает узы солидарности между всеми фракциями коммунистической революционной партии.

Отсюда следует, что французские революционеры-бланкисты и английские левые чартисты, подписав договор совместно с представителями Союза коммунистов, рассматривали себя как фракции международной коммунистической партии. Правда,

¹ См. «Westdeutsche Zeitung», 1. III 1850; «Neue Deutsche Zeitung», 5. III 1850.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 551.

партия здесь еще выступает в основном как идейно-политическое объединение.

Союз немецких коммунистов с французскими бланкистами не отличался большой прочностью. Марксу и Энгельсу приходилось пресекать попытки бланкистов вступить в соглашение с немецкими мелкобуржуазными демократами. Склонность бланкистов к заговорщичеству, слабость в вопросах теории приводили их не раз к подобным беспринципным объединениям. Революционная фразеология немецких мелкобуржуазных демократов, их готовность принять участие в различного рода заговорах находили отклик у эмигрантов-бланкистов.

Серьезные разногласия по теоретическим и тактическим вопросам между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и руководителями французских эмигрантов-бланкистов — с другой, неизбежно порождали столкновения, которые вскоре привели к разрыву между ними.

Единственной страной, где после поражения революций 1848—1849 гг. на континенте продолжало существовать организованное рабочее движение, была Англия. Однако, как отмечали Маркс и Энгельс, единая чартистская партия к тому времени распалась на революционное крыло, возглавлявшееся членами Союза коммунистов Гарни и Э. Ч. Джонсом, и руководимую О'Коннором мелкобуржуазную, «чисто демократическую фракцию, программа которой ограничивается Народной хартией и еще кое-какими мелкобуржуазными реформами»¹.

Маркс и Энгельс с первого же дня после переезда в Англию поддержали борьбу революционных чартистов за создание массовой пролетарской партии на основе социалистической программы. У них сложились близкие отношения с Гарни и Джонсом, благодаря чему они получили широкую возможность пропагандировать свои взгляды на страницах чартистской печати.

Большое значение для пропаганды идей марксизма в английском рабочем движении имело опубликование первого английского перевода «Манифеста Коммунистической партии». Он был напечатан в ноябре 1850 г. в чартистском журнале «Red Republican». В небольшом редакционном введении к публикации, написанном Гарни, впервые было сказано, что авторами «Манифеста Коммунистической партии» являются Маркс и Энгельс. Сам «Манифест» характеризовался как важный документ, «по которому можно судить о планах и принципах самой передовой партии немецких революционеров»².

Энгельс систематически сотрудничал в печатных органах революционных чартистов, в частности в издававшемся Гарни ежемесячном журнале «Democratic Review». С января по август

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 471—472.

² «The Red Republican» № 21, 9. XI 1850, p. 161.

1850 г. в этом журнале были опубликованы два цикла его статей — «Письма из Франции» и «Письма из Германии», печатавшиеся без подписи, в форме регулярных корреспонденций из Парижа и Кёльна. По существу оба эти цикла явились первой попыткой теоретического обобщения опыта революции 1848—1849 гг. В развернутом виде такое обобщение содержалось в знаменитых работах Маркса — «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», часть которой писалась почти одновременно с «Письмами из Франции», и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — и Энгельса — «Революция и контрреволюция в Германии».

В «Письмах из Франции» более четко, чем в какой-либо из предшествовавших работ основоположников научного коммунизма, была сформулирована мысль о совпадении коренных интересов крестьянства с интересами рабочего класса, о заинтересованности крестьян в победе пролетарской революции. Крестьянство, писал Энгельс, наконец, начинает понимать, что только правительство, действующее в интересах городских рабочих, освободит его от нищеты и голода, в бездну которых оно с каждым днем погружается все глубже и глубже, несмотря на свой небольшой земельный надел¹.

Многие мысли, заключающиеся в этом произведении, прямо перекликаются с идеями «Классовой борьбы во Франции». Это еще одно свидетельство того полного духовного единства, которое характеризует отношения Энгельса с Марксом на всем протяжении их дружбы и совместной деятельности. В одной из статей цикла «Письма из Германии», написанной в январе 1850 г., выражена идея непрерывной революции, более полно развитая Марксом и Энгельсом двумя месяцами позднее в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов».

Придавая особое значение популяризации трудов Маркса среди английских рабочих, Энгельс поместил в «Democratic Review» составленный им реферат первой главы «Классовой борьбы во Франции».

В «Democratic Review» в марте 1850 г. была опубликована также его статья «Вопрос о десятичасовом рабочем дне». Статья была написана в связи с решением Суда казначейства, фактически оправдывавшем фабрикантов, которые нарушали закон о десятичасовом рабочем дне.

Коротко изложив историю введения в Англии закона о 10-часовом рабочем дне, Энгельс подчеркнул, что хотя этот закон был введен «лицемерными аристократами-филантропами», агитация за него имела большое значение для сплочения английского пролетариата, для развития его классового сознания. «Рабочий, прошедший через эту агитацию,— писал он,— уже

¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1976, № 8, стр. 117.

не тот, каким он был до того; и весь рабочий класс в целом, пройдя через нее, сделался в сто раз более сильным... и лучше организованным...»¹. В то же время Энгельс выступил против укреплявшегося среди рабочих убеждения, что именно экономическая борьба обеспечит коренное улучшение их социального положения. Рабочий, говорил в этой статье Энгельс, может добыть прочное улучшение своего положения *«прежде всего посредством завоевания политической власти»*².

Энгельс помогал Э. Ч. Джонсу в создании нового журнала «Notes to the People». С помощью Энгельса в журнале был создан отдел, в котором печатались сообщения о важнейших событиях за границей. По этому поводу Джонс писал ему 16 января 1852 г.: «Никто, кроме тебя, не может мне помочь. Согласен ли ты *еженедельно* присылать мне корреспонденции... под каким-либо псевдонимом?»³.

Джонс очень дорожил этим сотрудничеством и часто обращался к Энгельсу за помощью. Получив для журнала большую статью Энгельса «*Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого года*», Э. Ч. Джонс немедленно ответил ему: «Браво! Превосходно! Большое спасибо. Твоя статья появится только на следующей неделе, но я помешу широковещательное объявление уже на этой неделе»⁴.

Энгельс высоко ценил деятельность Джонса, считая его большой заслугой пропаганду идей «Манифеста Коммунистической партии»⁵.

Во время коротких поездок в Манчестер Джонс обычно встречался с Энгельсом, советовался с ним по всем вопросам чартистского движения.

Выступления в чартистских журналах и газетах Маркса, Энгельса и их ближайших соратников — К. Шрамма, И. Г. Эккартуса, Ф. Фрейлиграта, В. Пипера — способствовали проникновению идей марксизма в передовые круги чартистов. О растущем влиянии этих идей на отдельных представителей чартистского движения свидетельствовали прежде всего некоторые их статьи и выступления.

Против сектанства и заговоров

Вопрос об отношении к лидерам мелкобуржуазной демократии являлся в те годы таким вопросом, на котором проверялась революционная стойкость членов Союза коммунистов. Энгельс, в согласии с Марксом, стоял тогда на позиции самого решительного идейного и политического размежевания с ними.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 242.

² Там же, стр. 243.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 451.

⁴ Там же, ед. хр. 460.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 490.

Из сообщений Г. Бауэра, из писем В. Вольфа, Вейдемейера и других Маркс и Энгельс узнали, что некоторые члены Союза коммунистов в Швейцарии пошли на поводу у вожаков мелкобуржуазных эмигрантов. Последние создали там тайное объединение «Революционная централизация», которое разделяло ультрареволюционные иллюзии о возможности немедленной организации революционного выступления в Германии и пыталось выдать себя за преобразованный Союз коммунистов. В объединение оказались втянутыми Борн, Д'Эстер, К. Брун из Гамбурга и другие члены Союза.

Весной 1850 г. Центральный комитет Союза коммунистов принял решение направить в Швейцарию специального эмиссара, чтобы он на месте ознакомился с деятельностью «Централизации», положил конец ее интригам и помог укреплению общин Союза коммунистов. Эта миссия была поручена Дронке, находившемуся в Париже.

Дронке по приезду в Швейцарию связался с В. Вольфом, который, не зная о восстановлении ЦК Союза коммунистов в Лондоне, вошел в руководство «Централизации». Через Вольфа Маркс и Энгельс получили сведения об ее деятельности. По их поручению В. Вольф совместно с Дронке приступил к восстановлению и укреплению общин Союза в Швейцарии, и это побудило вожаков «Революционной централизации» начать переговоры с представителями Союза коммунистов об установлении соглашения между обеими организациями. В августе 1850 г. они послали в Лондон своего представителя Техова для встречи с Марксом и Энгельсом, выразили готовность признать свою организацию филиалом Союза коммунистов, но при условии сохранения ею особой сферы деятельности (мелкая буржуазия, армия).

Центральный комитет Союза, отстаивая идейную и организационную самостоятельность пролетарской партии, ее теоретическую и тактическую программу, отклонил предложение «Революционной централизации».

Аналогичные предложения о слиянии Союза коммунистов с немецкими демократами в одну общую организацию делались и лидерами мелкобуржуазной демократии в Лондоне. Цель этих объединительных попыток, по словам Маркса, состояла в том, чтобы «впутать Союз в революционные затеи немецкой демократической эмиграции»¹. Однако если Маркс и Энгельс решительно отклоняли такие предложения, то у Виллиха и его друзей они с лета 1850 г. стали встречать скрытое, а затем и явное сочувствие. Виллих и его сторонники жаждали «если не действительных заговоров, то хотя бы *видимости* заговора»,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 452.

и настаивали поэтому на «прямом союзе с демократическими героями дня»¹.

Конфликт между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Виллихом — с другой, начался в конце июля 1850 г. на заседании Центрального комитета. Поводом к этому конфликту явилась готовность Виллиха принять участие в совещании немецких эмигрантов в Лондоне, созванном мелкобуржуазными демократами. На заседании Маркс, Энгельс и другие подвергли критике позицию Виллиха.

Оставшись в меньшинстве, Виллих попытался опереться на немецких ремесленников, членов Просветительного общества, изображая из себя благородного борца против «изоляции» пролетарской партии от остальных революционных сил, сторонника революционных действий и т. п. Он нашел поддержку у Шаппера, который недавно эмигрировал из Германии и был введен в состав Центрального комитета.

К осени 1850 г. Маркс и Энгельс окончательно убедились, что экономический подъем в главных странах капитализма (Англия, Франция, США), ускорение промышленного развития Германии существенно меняют обстановку и революционный подъем вряд ли возможен до наступления нового экономического кризиса. Исходя из этого, основоположники марксизма считали, что теперь главное внимание членов Союза следует направить на использование временной передышки для более глубокого усвоения революционной теории, для уяснения опыта революции 1848—1849 гг., для серьезного укрепления Союза коммунистов и подготовки пролетариата к грядущим боям. Всего этого не могли и не хотели понять Виллих и Шаппер, догматически продолжавшие цепляться за старые лозунги и методы действия.

Разногласия Маркса и Энгельса с Виллихом и Шаппером стали особенно острыми в конце августа — начале сентября 1850 г. В конце августа состоялось заседание Социал-демократического эмигрантского комитета, на котором большинство его членов подвергло критике соглашательские тенденции Виллиха по отношению к мелкобуржуазным демократам. Тогда он решил апеллировать к своим сторонникам в Просветительном обществе, демонстративно заявив о желании выйти из состава Социал-демократического комитета. На собрании Просветительного общества он сумел сколотить угодное себе большинство.

Виллих дошел до того, что стал клеветать на Маркса, Энгельса и их сторонников в руководстве Союза коммунистов. Поведение Виллиха стало предметом обсуждения на состоявшемся 2 сентября 1850 г. заседании Центрального комитета, приняв-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 481.

шем очень бурный характер. На обоснованную многочисленными фактами критику, с которой выступил Маркс против Виллиха, последний ответил личными оскорблениями.

Раскол Союза коммунистов

Несмотря на глубокие расхождения с Виллихом и Шаппером, Маркс и Энгельс на первых порах стремились предотвратить раскол Союза коммунистов. Они полагали, что под влиянием товарищеской критики и самой жизни Шаппер и Виллих со временем откажутся от авантюристских планов, осознают свои ошибки. Забота о сохранении единства пролетарской партии определяла позицию Маркса и Энгельса на заседании Центрального комитета Союза 15 сентября 1850 г.

Сразу же после открытия заседания Маркс выступил с предложением выработать новый устав Союза, перенести местопребывание Центрального комитета из Лондона в Кёльн, возложив его полномочия на кёльнский Окружной комитет Союза, а Лондонский округ разделить на два округа, которые находились бы в непосредственном подчинении Центральному комитету, причем один из них объединял бы сторонников Маркса и Энгельса, а другой — сторонников Шаппера и Виллиха. Это позволило бы избежать раскола Союза коммунистов.

Подчеркивая принципиальный характер разногласий, Маркс так определил взгляды фракции Виллиха — Шаппера: «На место универсальных воззрений Манифеста ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников. Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается *воля*. В то время как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству,— им, вместо этого, говорят: Мы должны *тогчас* достигнуть власти, или же мы можем лечь спать... На место действительного революционного развития пришлось бы поставить революционную фразу»¹. Энгельс не выступил на этом заседании. Их общую позицию выразил Маркс. Предложения Маркса были приняты большинством членов ЦК. Однако сторонники Виллиха голосовали против.

Критику взглядов Виллиха и Шаппера Маркс и Энгельс по существу дали и в «Третьем международном обзоре». Он был напечатан в № 5-6 журнала «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» в ноябре 1850 г. Обстоятельно анализируя состояние мирового рынка, Маркс и Энгельс писали: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пыш-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 582—583.

но, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи... *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом*¹.

Виллих и Шаппер не вняли трезвой оценке внутреннего и международного положения Германии, которую давали Маркс и Энгельс в своих устных и печатных выступлениях, продолжали фракционную борьбу и пошли, наконец, на прямой раскол Союза коммунистов. На собрании членов Союза в Лондоне, состоявшемся на следующий день после упомянутого заседания ЦК, они провели решение об исключении Маркса, Энгельса и их лондонских сторонников из Союза и о создании нового Центрального комитета из представителей меньшинства. Своим решением фракция Виллиха — Шаппера фактически создала новую организацию, которую Маркс и Энгельс назвали Зондербундом (Особым союзом). 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и их единомышленники заявили о выходе из лондонского Просветительного общества немецких рабочих, примкнувшего в своем большинстве к Виллиху и Шапперу. Они вышли также из состава Социал-демократического эмигрантского комитета.

Вслед за расколом Союза коммунистов в результате фракционной деятельности сектантов произошел разрыв Маркса и Энгельса с французскими бланкистами — эмигрантами в Лондоне. Их вожаки Адан, Бартеlemi, Видиль во время раскола целиком стали на сторону Виллиха и Шаппера, взгляды которых были близки бланкизму. 9 октября 1850 г. было аннулировано соглашение с французскими бланкистами и другими эмигрантами о создании Всемирного общества коммунистов-революционеров.

О разногласиях с Виллихом и Шаппером Маркс и Энгельс сочли необходимым сообщить своим партийным друзьям в Германии. Позиция Маркса и Энгельса нашла у них одобрение и поддержку. Так, В. Вольф писал Энгельсу: «...Великолепные истории, которых ты касаешься в своем последнем письме, меня не очень удивили. Характер Виллиха ты обрисовал мне еще в Берне, а другие лица мне знакомы даже по личным наблюдениям»². Зондербунд Виллиха и Шаппера отказался подчиниться новому Центральному комитету, который конституировался в Кёльне на основе лондонского решения 15 сентября. Тогда, следуя предложению Маркса и большинства прежнего Центрального комитета, Кёльнский Центральный комитет вынес решение об исключении членов Зондербунда из Союза коммунистов.

Шумное провокационное поведение вожakov Зондербунда, неосторожность некоторых членов Союза в самой Германии, по вине которых июньское «Обращение» Центрального комитета

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 467.

² Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 335.

попало в руки немецких полицейских властей, усилили внимание полиции к деятельности Маркса и Энгельса в Англии. Еще до раскола Союза коммунистов они находились под неусыпной слежкой. В середине июня 1850 г. в заявлении, напечатанном в английской газете «Spectator», Маркс и Энгельс разоблачили систему полицейской слежки за ними со стороны агентов английских и прусских властей. Слежка особенно усилилась после раскола Союза коммунистов. В секретном докладе берлинского полицей-президента Хинкельдея в апреле 1852 г. отмечалось, что партия Маркса и Энгельса «бесспорно располагает гораздо большей силой знаний и таланта», чем другие эмигрантские группы. «Сам Маркс — известная личность, и следует признать, что у него в одном кончике пальца больше ума, чем в головах всей прочей компании»¹.

«Египетский плен»

После подавления революции в Германии и других европейских странах, когда период непосредственных революционных боев уже миновал и началась полоса медленной подготовки сил к будущим революционным штурмам, Маркс и Энгельс призвали своих сторонников к систематическим и всесторонним теоретическим занятиям.

Но и эта задача была отнюдь не из легких. Маркс и Энгельс лишились возможности публиковать статьи, издавать книги. Единственными изданиями, где они могли время от времени выступать, были печатные органы английских чартистов, не выплачивавшие им никакого гонорара. Между тем материальные лишения преследовали Маркса и его семью. Вопрос об источниках существования остро вставал и перед Энгельсом. Пользуясь этим, его родители стремились повлиять на дальнейшую судьбу своего старшего сына. По их поручению сестра Мария написала ему, что родители хотели бы, чтобы он оставил Лондон и снова занялся торговым делом. Отец Энгельса очень нуждался в постоянном представителе, который, находясь в торговой конторе фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере, контролировал бы коммерческие операции компаньонов.

Энгельс согласился вернуться в знакомую ему контору в Манчестере, не скрывая в то же время, что рассматривает этот шаг как временный. Это видно из содержания другого письма Марии к нему. «У нас сложилось впечатление, — писала она, — что ты в настоящий момент серьезно задумал стать кушцом, чтобы таким образом обеспечить себе средства к жизни, но как только ты сочтешь, что вновь появились благоприятные шансы для вашей партии, ты сейчас же бросишь купеческую деятельность и снова станешь работать для партии; одним словом, нам кажется, что ты без особого желанья становишься кушцом и не

¹ Цит. по: *K. Obermann. Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852. Berlin, 1955, S. 92.*

собираешься оставаться им всю жизнь»¹. Энгельс не стал разубеждать свою семью.

В середине ноября 1850 г. Энгельс переехал в Манчестер и поселился в доме № 44/70 по улице Грейт Дачи-стрит. В этом доме он прожил до конца сентября 1852 г. Ежедневно отправлялся он в дом № 7 по улице Саузгейт Дин-стрит, в торговую контору «Эрмен и Энгельс», где и проводил большую часть дня.

Жизнь в Манчестере была однообразной и скучной. Энгельс часто жаловался на то, что «проклятая торговля» сильно изматывает его физически и духовно. Не случайно Маркс охарактеризовал пребывание Энгельса в Манчестере как «египетский плен»². Однако Энгельс понимал, что тогда это была единственная возможность обеспечить регулярную материальную помощь Марксу и его семье.

Энгельса утешала только надежда на то, что пребывание в Манчестере продлится недолго. Он, как и Маркс, верил, что через несколько лет последует новый экономический кризис, который создаст предпосылки нового революционного подъема.

Живя теперь вдали друг от друга, перед лицом новых общественно-политических и житейских проблем, Маркс и Энгельс особенно остро ощущали потребность во взаимном дружеском общении. «Я здесь... живу совершенно замкнуто,— писал Маркс Энгельсу.— Ты поймешь поэтому, что мне тебя здесь особенно не хватает и что у меня есть потребность поговорить с тобой»³. Отсутствие Энгельса особенно ощущалось Марксом и его семьей в такие моменты, когда они оказывались под тяжелыми ударами судьбы. Через несколько дней после отъезда из Лондона Энгельс получил сообщение о смерти младшего сына Маркса — Гвидо. Он с большим сочувствием откликнулся на постигшее его друга горе. В ответ Женни Маркс писала: «Моему мужу и всем нам сильно недоставало Вас, и мы часто тосковали без Вас»⁴.

Не только Маркс и его жена, но и их дети были очень привязаны к Энгельсу. Бывая в доме Маркса, он играл с ними в их игры, рассказывал сказки и разучивал с ними забавные песенки. «Дети много говорят о дяде Ангельсе,— писала Женни Маркс в том же письме,— а маленький Тилль [сын Маркса Эдгар.— *Ред.*], следуя Вашим уважаемым инструкциям, дорогой г-н Энгельс, великолепно поет песню о «старой шубе и лихом веннике»⁵. Приезды Энгельса были праздником для всей семьи Маркса. «В ожидании его,— писал Лафарг,— шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья проси-

¹ G. Mayer. Friedrich Engels. Eine Biographie. Bd. II, S. 10—11.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 264.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 173.

⁴ Там же, стр. 143.

⁵ Там же.

живали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания»¹.

Уже через месяц после отъезда из Лондона, в конце декабря, Энгельс приехал к Марксу, чтобы вместе с его семьей провести рождество. За праздничным столом у Маркса он встретился со своими близкими партийными друзьями. Среди них был Эрнест Джонс. В Лондоне Энгельс виделся также с Гарни. Накануне своего приезда Энгельс получил от него теплое приглашение: «Если ты приедешь в Лондон на рождество, то обязательно зайди и к нам. Трубка мира обеспечена и в «огненной воде» тоже недостатка не будет»².

30 декабря Энгельс вместе с Марксом принял участие в новогоднем вечере, устроенном обществом «Братские демократы». В своей речи он говорил о причинах поражения революций 1848—1849 гг. на континенте.

Энгельс оказывал большую поддержку Гарни и Э. Ч. Джонсу в их борьбе против мелкобуржуазной фракции О'Коннора. Он обсуждал с ними тактику этой борьбы, практические мероприятия.

В Манчестере Энгельс познакомился с чартистами — сторонниками Гарни (Д. Камероном, Б. Робинсоном, Дж. Мантлом и др.) и объединил их в кружок, в котором под его руководством изучался «Манифест Коммунистической партии».

Когда в январе 1851 г. в Манчестер приехал Джонс, то по совету Энгельса он выступил перед чартистами с пропагандой идей «красной республики» и национализации земли³.

Уже к концу 1850 г. Маркс и Энгельс стали замечать, что Гарни поддается влиянию лидеров французской мелкобуржуазной эмиграции: Ледрю-Роллена, Луи Блана, Коссидьера и др. Их статьи с проповедью «всеобщего равенства», «гармонии» и т. п. стали все чаще появляться на страницах чартистских журналов, издававшихся Гарни, особенно журнала «Friend of the People» (так стал называться с конца 1850 г. журнал «Red Republican»).

Хотя ранее, осенью 1850 г., во время раскола Союза коммунистов Гарни поддержал Маркса и Энгельса, он не смог долго удержаться на этой позиции. Маркс и Энгельс уже тогда обращали его внимание на то, что он принимает всерьез революционную фразеологию руководителей эмиграции, а их стремление к созданию различного рода эмигрантских «революционных правительств» рассматривает как подлинное дело. Вместе с Луи Бланом и другими Гарни участвовал в организации митингов, на которых обсуждались эти «революционные мероприятия».

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 75.

² The Harney Papers, p. 259.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 153.

Маркс и Энгельс много раз устно и письменно пытались по-дружески предостеречь Гарни от слепого преклонения перед этими «официальными великими мужами»¹. Но, по словам Маркса, Гарни все глубже увязал в демократическом болоте. Вскоре последовал и фактический разрыв Маркса и Энгельса с ним. Окончательным поводом явилась открытая поддержка, которую Гарни оказал Луи Блану и Виллиху против сторонников Маркса и Энгельса на митинге в феврале 1851 г. Вслед за этим Энгельс отказался принимать участие в журнале «Friend of the People».

В начале марта Энгельс на несколько дней приехал к Марксу. Они решили изобличить в печати организаторов этого международного митинга — так называемого «Банкета равных», состоявшегося 24 февраля 1851 г. по случаю годовщины февральской революции 1848 г., — Блана, Виллиха, Шаппера и других в том, что те намеренно утаили текст тоста, присланного Огюстом Бланки из тюрьмы. В тосте, названном «Предостережение народу», Бланки клеймил Блана, Ледрю-Роллена и других бывших членов временного правительства, как изменников народа. Этот тост был потом напечатан в ряде французских газет, а Маркс и Энгельс перевели его на немецкий и английский языки, снабдили кратким предисловием и опубликовали в количестве 30 тысяч экземпляров. Весной 1851 г. он был напечатан отдельной брошюрой в Берне.

Лидеры немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне продолжали по-прежнему носиться с авантюристическими планами немедленной революции в Германии. Для осуществления своих затей они организовали сбор средств в Европе и Америке, «революционный заем», а затем начали нескончаемые распри между собой по вопросу об использовании собранных денежных сумм, а также из-за распределения портфельей в будущих временных правительствах. Во главе одной из фракций («Эмигрантский клуб») стоял Кинкель, во главе другой («Агитационный союз») — Руге. Зато в травле Маркса и Энгельса они были едины. Мелкобуржуазные эмигранты нашли ревностных союзников в лице Виллиха, Шаппера и их сторонников.

Немецкие мелкобуржуазные демократы, а также Виллих и Шаппер, строили свои авантюристические планы, ориентируясь на войну держав Священного союза против Франции, войну, начала которой они ожидали в самое ближайшее время. При этом они полагали, что французская армия, как это было во время французской революции конца XVIII в., неизбежно разобьет всех противников и понесет победное знамя в другие страны. Эти наивные планы развивались, в частности, в воззвании «К демократии всех наций», подписанном французскими

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 182.

эмигрантами-бланкистами, некоторыми представителями польской и венгерской мелкобуржуазных эмиграций, а также Виллихом, Шаппером и их друзьями.

Необходимо было показать несостоятельность всех этих планов, опираясь на точный военно-стратегический анализ. Выполнить эту задачу мог лучше всего Энгельс, который со времени переезда в Манчестер занялся систематическим изучением военного дела.

По просьбе Маркса Энгельс написал для него в апреле 1851 г. сравнительно большую рукопись, «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.», в которой дал материалистический анализ развития военного дела главных европейских государств с конца XVIII до середины XIX в., охарактеризовал их военно-экономический потенциал, показал влияние Великой французской буржуазной революции и наполеоновских войн на усовершенствование организации армий европейских государств, на развитие военной мысли, стратегии и тактики этих армий буржуазной эпохи, их отличие от армий феодально-абсолютистских государств. Беспочвенным рассуждениям мелкобуржуазных демократов Энгельс противопоставил трезвый анализ соотношения сил, который позволил ему высказать ряд строго научных положений о перспективах развития военного дела. Он показал, что усовершенствования военной тактики, которые отличали армии революционной Франции и Наполеона I, стали теперь достоянием всех больших континентальных армий, и, следовательно, французская армия не располагает какими-либо существенными преимуществами.

Глубокие мысли высказал Энгельс и о путях развития военного искусства в армиях победившей пролетарской революции.

Совместные планы Хотя Маркс и Энгельс теперь не могли встречаться повседневно, их творческое сотрудничество не прекращалось. Между ними поддерживался регулярный обмен мнениями.

Вскоре после государственного переворота во Франции 2 декабря 1851 г. Маркс написал знаменитую работу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Если сравнить начало этого классического произведения с письмом Энгельса Марксу от 3 декабря 1851 г., то нельзя не заметить, что содержащиеся в этом письме яркие образы и остроумные сопоставления событий были использованы Марксом. «...После того, что мы вчера наблюдали, нечего рассчитывать на народ,— писал Энгельс Марксу на второй день после государственного переворота.— Кажется, право, будто историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз — в виде жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Л. Блан вместо Робеспьера, Бартеlemi вместо Сен-Жюста,

Флокон вместо Карно и этот ублюдок¹ с дюжиной первых встречных погрязших в долгах офицеров вместо маленького капрала² с его плеядой маршалов»³. Этими словами Энгельса, почти не изменив их, Маркс начал свой блестящий памфлет⁴.

В отношениях между собой Маркс и Энгельс совершенно отбрасывали соображения «литературной собственности», в печати и вообще при каждом удобном случае каждый из них считал долгом подчеркнуть заслуги другого в разработке тех или иных проблем.

Летом 1851 г. Маркс и Энгельс решили выступить с критикой повой книги Прудона «Общая идея революции XIX века». Это было вызвано тем, что прудонизм стал уже оформляться в мелкобуржуазное анархистское течение и своей пропагандой политического индифферентизма стал особенно опасен после поражения революции, когда часть рабочих находилась в состоянии апатии и уныния. Выступление против Прудона было особенно важно теперь, когда не только во Франции, но и в Германии и некоторых других европейских странах мелкобуржуазные демократы и социалисты, а также либералы усилили свои нападки на коммунизм.

По совету Маркса, который характеризовал книгу Прудона как «полемику против коммунизма»⁵, Энгельс ознакомился с ней, а в октябре 1851 г. послал ему обстоятельный ее разбор. Отметив справедливость отдельных замечаний автора об апологии буржуазной демократии в трудах и выступлениях Ж.-Ж. Руссо, Робеспьера, Энгельс в то же время вскрыл утопический и мелкобуржуазный характер взглядов Прудона, несостоятельность его анархистской системы, убожество его философских и экономических воззрений. Энгельс наглядно показал, что вся прудоновская критика существующих отношений неубедительна, ибо абстрактна и ограничена узким горизонтом парижского мелкого ремесленника, которому недоступно понимание законов развития современной крупной индустрии и связанных с нею производственных отношений. В целом книга Прудона являлась возвратом к тезису Сен-Симона о единстве между буржуазией и пролетариатом в рамках единого промышленного класса.

Марксу понравилась рукопись Энгельса и он собирался положить ее в основу совместной работы против Прудона. «Я прочел здесь еще раз твою критику, — писал он Энгельсу 24 ноября 1851 г. — Жаль, что нет возможности ее напечатать. Если бы я еще добавил туда свою горчицу, она могла бы появиться под нашим общим именем...»⁶.

¹ — Луи Бонапарт. — *Ред.*

² — Наполеона I. — *Ред.*

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 27, стр. 341.

⁴ *См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 8, стр. 119.

⁵ *См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 27, стр. 279.

⁶ Там же, стр. 333.

Но этот план ввиду отсутствия издателя так и остался неосуществленным. Была еще надежда опубликовать рукопись в журнале «Die Revolution», издаваемом И. Вейдемейером в США. Однако и здесь Маркса и Энгельса ожидала неудача: не имея средств, Вейдемейер вынужден был прекратить издание.

Еще в начале 1852 г. у Маркса возник замысел памфлета «Великие мужи эмиграции», который был бы совместным ответом его и Энгельса на клеветнические выпады немецких мелкобуржуазных лидеров и главарей раскольнической фракции — Зондербунда против пролетарских революционеров. Маркс и Энгельс собрали большой фактический материал для этого труда, а в апреле 1852 г. окончательно определили его план. Памфлет был написан в мае — июне 1852 г. В июле рукопись была уже передана авторами венгерскому эмигранту Бандье для печатания в Германии, но вместо издательства она попала в полицию. Бандья, как выяснилось потом, был полицейским агентом.

Лишенные возможности издать памфлет, Маркс и Энгельс с помощью Вейдемейера и другого члена Союза коммунистов Клусса опубликовали в США материалы, разоблачающие ничемную деятельность немецких мелкобуржуазных демократов. С подобными же статьями и заявлениями выступили в этих газетах также Вейдемейер и Клусс.

«Революция и контрреволюция в Германии»

Ярчайшим примером единства идейных взглядов и дружбы Маркса и Энгельса является их многолетнее сотрудничество в американской прогрессивной газете «New-York Daily Tribune». Один из редакторов этой газеты — Чарлз Дана, находившийся некоторое время под влиянием идей утопического социализма, во время революции 1848 г. побывал в Кёльне и познакомился с Марксом. Летом 1851 г. Дана пригласил Маркса сотрудничать в его газете в качестве постоянного лондонского корреспондента. В условиях крайней материальной нужды это приглашение было для Маркса особенно кстати. К тому же в Соединенных Штатах проживало много немецких революционных эмигрантов, среди которых газета пользовалась большой популярностью. Широко известна она была и в странах Западной Европы, в ее прогрессивных кругах. Маркс привлек к сотрудничеству в газете и Энгельса, который в последующие годы написал для нее значительное число статей по военным и другим вопросам.

По просьбе Маркса с августа 1851 г. по сентябрь 1852 г. Энгельс написал для «New-York Daily Tribune» серию статей «Революция и контрреволюция в Германии», которая печаталась в газете за подписью ее официального корреспондента — Карла Маркса. Каждую статью (а их было девятнадцать) перед отсылкой в Нью-Йорк Маркс просматривал.

Работа Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» является первым систематическим марксистским исследованием истории германской революции 1848—1849 гг. Она представляет собой научное обобщение опыта борьбы классов и партий в один из решающих периодов истории Германии, замечательный образец конкретизации и дальнейшего развития основных положений материалистического понимания истории. В ней разрабатываются такие кардинальные проблемы, как взаимоотношение экономического базиса общества и политических форм классовой борьбы, влияние материальных интересов различных классов на их позицию в революции, классовая борьба и ее воздействие на духовное развитие общества, закономерности вызревания и развития революции.

Подобно тому как это сделал Маркс в работе «Классовая борьба во Франции», Энгельс в «Революции и контрреволюции в Германии» обосновал мысль, что революции являются «локомотивами истории». «Именно это быстрое и бурное развитие классового антагонизма в старых и сложных социальных организациях, — писал Энгельс, — делает революцию таким могучим двигателем общественного и политического прогресса; именно это непрерывное возникновение и быстрый рост новых партий... заставляют нацию в период подобных насильственных потрясений за какой-нибудь пятилетний срок проделать путь, который в обычных условиях она не совершила бы и в течение столетия»¹.

В этой работе обобщен богатый и яркий материал, которым была насыщена боевая «*Neue Rheinische Zeitung*», изо дня в день освещавшая на своих страницах ход революционной борьбы. Комплект этой газеты явился для Энгельса основным источником. Проанализировав опыт двух лет революции, Энгельс убедительно доказал правильность той политической позиции, которую пролетарские революционеры занимали в 1848—1849 гг.

Выводы Энгельса имеют огромное значение для обоснования марксистской стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. Энгельс развил здесь важнейшее положение, которое он и Маркс отстаивали на протяжении всей революции, а именно, что немецкая либеральная буржуазия уже не способна выступать в качестве руководителя буржуазной революции, что в ходе борьбы она все больше сползает на контрреволюционные позиции. Он проанализировал социальные и политические причины, обусловившие ее контрреволюционность. Этот анализ имел неопределимое значение для всей последующей революционной борьбы не только в Германии, но и в других странах. Он явился одним из теоретических источников ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 38.

Энгельс выдвинул ряд замечательных мыслей о тактике революционной борьбы. Здесь с особой силой проявился его огромный талант стратега, мастера революционного действия и знатока военного искусства.

Говоря об условиях победы революции, Энгельс писал: «...В революции, как и на войне, всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждала бы правильности этих аксиом»¹.

Благородный риск и беззаветная храбрость — таковы необходимые черты всякого истинного революционера. «Бесспорно, во всякой борьбе, — писал Энгельс, — тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?»

В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, всегда заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику»². В такие решающие моменты сдача позиций врагу без борьбы больше деморализует массы, чем само поражение в борьбе. «Поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа»³.

Опыт революции позволил Энгельсу сформулировать важнейшие выводы об основных условиях победоносного вооруженного восстания. «Восстание, — говорил он, — есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении»⁴. Энгельс четко формулирует эти правила: «Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца... Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания... Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 80.

² Там же, стр. 80—81.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 100.

войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: *de l'audace, de l'audace, encore de l'audace!* [Смелость, смелость и еще раз смелость! — *Ред.*]»¹.

Учение Энгельса о вооруженном восстании вошло в сокровищницу марксистско-ленинской науки как существенная часть теории пролетарской революции. Мысли и соображения Энгельса были широко использованы В. И. Лениным в период практической подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания.

В работе «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс осветил также вопросы развития национально-освободительного движения и его место в ходе германской революции. С позиций пролетарского интернационализма он заклеил политику национального угнетения и натравливания одного народа на другой, которую проводили господствующие классы Пруссии и Австрии по отношению к полякам, венграм, итальянцам, чехам и другим угнетенным нациям. При этом Энгельс, рассматривая национальный вопрос с точки зрения интересов пролетариата, выступил за поддержку только тех национальных движений, которые направлены против реакции, и решительно осудил движения, объективно играющие роль орудий реакционных государств.

Работа Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» непосредственно примыкает к классическим произведениям Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В этих работах подведены итоги европейских революций 1848—1849 гг. Опыт классовой борьбы, приобретенный в годы революции, позволил Марксу и Энгельсу развить основные идеи их учения — о революции, государстве и диктатуре пролетариата.

**Роспуск
Союза коммунистов**

После перевода Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльн Маркс и Энгельс продолжали руководить его работой, направляя ему различные письменные советы и систематически информируя его о положении дел в Лондоне.

Когда в мае — июне 1851 г. были арестованы члены Кёльнского Центрального комитета и ряд активных членов Союза коммунистов в Германии (Даниельс, Бюргерс, Рёзер, Лесснер, Нотьюнг и др.), тайные агенты прусской полиции усилили слежку за Марксом и Энгельсом. В связи с этим Энгельс писал Марксу: «Храни свои бумаги в надежном месте вне дома; с некоторого времени за мной здесь усиленно следят, и я не могу и шагу ступить без того, чтобы два или три шпика не следовали за мной по пятам. Г-н Бунзен [пруссский посол в Англии. — *Ред.*] не упу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 100—101.

стит случая представить английскому правительству новые и важные объяснения об опасности нашего пребывания здесь»¹.

Энгельс не ошибся относительно замыслов прусского правительства. Прусская реакция, затеявая судебный процесс против коммунистов, стремилась добиться от английского правительства высылки немецких революционных эмигрантов, и в первую очередь Маркса и Энгельса, в английские колонии или выдачи их в руки полицейских властей в Германии.

Однако основной целью этого процесса было использовать его как повод для полного подавления в Пруссии всех рабочих организаций, демократического движения и даже либеральной оппозиции. Чтобы создать видимость большого заговора, прусское правительство прибегло к различного рода провокациям. Главным их организатором был полицейский чиновник Штибер, действовавший с ведома короля и других высокопоставленных лиц. Он установил контакты с полицией Франции, Бельгии и других государств. Полиция стала засылать своих тайных агентов в Союз коммунистов, а также в Зондербунд Виллиха и Шаппера, пытаясь сделать Маркса, Энгельса и их сторонников ответственными за деятельность этого заговорщического объединения. Она организовала взлом и похищение документов из архива фракции Виллиха — Шаппера, но, не найдя нужного для себя материала, прибегла к фабрикации фальшивых документов, например, протокольной книги заседаний Центрального комитета в Лондоне. Нарушая все законы, прусское правительство держало арестованных членов Союза коммунистов более полутора лет под следствием в строгом одиночном тюремном заключении.

Маркс и Энгельс пристально следили за судьбой арестованных товарищей по Союзу, различными способами поддерживали с ними связь и прилагали громадные усилия, чтобы разоблачить перед лицом мирового общественного мнения подлости прусского правительства. Они неоднократно посылали публичные заявления в различные органы английской и французской буржуазной прессы, чтобы таким образом организовать кампанию протеста против фабрикуемого прусской полицией судебного процесса над видными деятелями Союза коммунистов в Кёльне. Однако большая часть газет отказывалась печатать заявления Маркса, Энгельса и их сторонников.

Особенно широкую деятельность развернули Маркс, Энгельс и их единомышленники непосредственно в период процесса коммунистов в октябре 1852 г. Они снабжали адвокатов необходимыми материалами, разоблачали подлоги и другие гнусные приемы прусской полиции и мошенничество, применявшиеся в ходе судебного разбирательства. Эту кипучую деятельность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 266.

образно охарактеризовала Женни Маркс в письме к А. Клуссу. «Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает днем и ночью, работает головой, руками и ногами... Все утверждения полиции — чистейшая ложь... Буквально волосы дыбом становятся от всего этого... Все доказательство того, что это фальсификация, надо было доставлять отсюда... А затем все документы, переписанные в шести-восьми экземплярах, надо было отправлять в Кёльн самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и т. д. ...Только что прибыли от Веерта и Энгельса целые кипы коммерческих адресов и мнимо-коммерческих писем, чтобы пересылать документы, письма и пр. ...У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы те, которые пишут, могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательство неслыханнейшего скандала»¹.

Энгельс изыскивал для сношения с обвиняемыми коммунистами и их адвокатами в Кёльне, помогал Марксу в сборе материалов, разоблачающих позорные действия прусского правительства и прусской полиции, которая «крадет, совершает подлоги, взламывает письменные столы, приносит лжеприсяги, лжесвидетельствует»². В письмах Марксу он подсказывал новые аргументы для обличительных выступлений адвокатов.

В дни кёльнского процесса Энгельс внимательно следил за ходом судебных заседаний, за мужественным поведением коммунистов перед судом. В то же время он отмечал недостойное поведение некоторых обвиняемых на процессе, возмущался бесстыдными попытками подсудимого Г. Беккера, недавно вступившего в Союз коммунистов, добиться своего оправдания принижением деятельности Союза. С негодованием писал Энгельс Марксу о показаниях члена Союза коммунистов Хаупта, который ценой предательства добился освобождения из-под ареста. «...Хаупта мы накажем. Веерт узнает, где он находится в Южной Америке, и когда придет туда, разоблачит его»³.

Вместе с Марксом Энгельс выступил на страницах английской буржуазной печати с рядом заявлений, в которых разоблачалось постыдное поведение немецкой прессы, умалчивавшей о беззакониях, совершавшихся в Кёльне, и пытавшейся изобразить обвиняемых коммунистов как «опасных заговорщиков, целиком ответственных за всю историю Европы последних четырех лет и за все революционные потрясения 1848 и 1849 гг.»⁴. Он клеймил и те органы английской буржуазной печати («Times», «Daily News»), которые грубо клеветали на деятелей Союза коммунистов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 542—544.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 134.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 397.

В результате энергичного вмешательства Маркса, Энгельса и их друзей прокуратура была вынуждена отклонить некоторые наиболее одиозные фальшивки. Тем не менее из одиннадцати подсудимых семеро были приговорены к заключению в крепости. Решение суда вызвало возмущение даже в буржуазных кругах.

По окончании процесса Энгельс по просьбе Маркса написал для «New-York Daily Tribune» статью «Недавний процесс в Кёльне», в которой пригвоздил к позорному столбу прусское правительство с его верноподданными судьями, рабски покорными присяжными и готовый на любые провокации полицией. Вместе с тем, разоблачив клевету на коммунистов, Энгельс открыто заявил, что задачей Союза коммунистов было «сплотить вокруг себя партию, ядро которой они составляли, и подготовить ее к последнему решительному бою, который рано или поздно должен будет навсегда уничтожить в Европе не только господство «тиранов», «деспотов» и «узурпаторов», но несравненно более могущественную и страшную власть: власть капитала над трудом»¹.

Аресты коммунистов и последовавший затем судебный процесс подорвали силы Союза в Германии. С арестом Кёльнского Центрального комитета Союз коммунистов как единая централизованная организация фактически перестал существовать. Учитывая это, лондонский округ Союза 17 ноября 1852 г., по предложению Маркса, объявил себя распущенным и признал нецелесообразным дальнейшее существование Союза коммунистов на континенте. «Непосредственно после приговора,— писал Энгельс в 1888 г.,— Союз был формально распущен оставшими членами»².

Распуск Союза означал завершение целого этапа в развитии германского и международного рабочего движения. «С осуждением кёльнских коммунистов в 1852 г.,— писал впоследствии Энгельс,— закончился первый период самостоятельного немецкого рабочего движения»³. Деятельность Маркса и Энгельса по организации и укреплению Союза коммунистов, по разработке его теоретических и тактических принципов представляет одну из самых ярких страниц в истории борьбы основоположников научного коммунизма за создание пролетарской партии.

Семена, посеянные Марксом и Энгельсом, дали впоследствии богатые всходы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 417.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 365.

³ Там же, стр. 214.

Глава шестая

ГОДЫ РЕАКЦИИ

...Наша партия была рада тому, что снова обрела некоторое спокойствие для научных занятий. Ее огромное преимущество состояло в том, что она имела в качестве теоретической основы новое научное мировоззрение...

Ф. Энгельс

Жизнь в Манчестере

После поражения революций 1848—1849 гг. на европейском континенте начался длительный период реакции.

Правительства жестоко расправлялись с участниками пролетарского и демократического движений, подавляли прогрессивную печать. Рабочие организации были разгромлены. Революционные деятели подвергались преследованиям, многие из них были брошены в тюрьмы, другим пришлось покинуть родину. С особой жестокостью свирепствовал юнкерско-бюрократический режим в Германии.

В годы реакции Энгельс продолжал жить в Манчестере. «Паршивейшая конторская работа»¹ занимала значительную

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 52.

часть его времени. Служба продолжалась с 9—10 часов утра до четырех, а иногда и до позднего вечера. Для научной и публицистической работы оставались лишь немногие часы. Впоследствии Элеонора Маркс-Эвелинг писала: «...Страшно подумать о таких двадцати годах жизни такого человека, как он. И это не потому, что Энгельс когда-либо жаловался или роптал. Напротив, он выполнял свою работу так весело и невозмутимо, как будто ничего лучшего на свете и быть не могло, как «ходить на службу» и сидеть в конторе»¹.

Круг друзей Энгельса в Манчестере вначале был невелик. К числу самых близких людей принадлежали В. Вольф, который поселился там в сентябре 1853 г. и зарабатывал на жизнь частными уроками, и Г. Веерт, живший некоторое время в Бладфордe, в двух с половиной часах езды от Манчестера. С Вольфом Энгельс обсуждал самые разнообразные научные и политические вопросы, он часто сообщал их общее мнение Марксу. «В течение многих лет, — вспоминал потом Энгельс, — Вольф был единственным моим единомышленником в Манчестере; не удивительно, что мы видались почти каждый день...»². К Энгельсу часто наезжали Э. Дронке, П. Имант, В. Штрон, Г. Хейзе, В. Штеффен и другие соратники по Союзу коммунистов и революции 1848—1849 гг.

В Манчестере Энгельс несколько раз менял свое местожительство. Одну квартиру, как правило в центре города, он использовал для приема своих деловых знакомых, а также отца и братьев во время их приездов в Манчестер. Но большую часть свободного времени он проводил в скромном жилище на окраине, где поселился с Мери Бёрнс. Здесь он, говоря словами Маркса, «чувствовал себя свободным и... всегда... мог укрыться от всей человеческой мерзости»³. Именно здесь он встречался с ближайшими друзьями и единомышленниками.

Вместе с Энгельсом и Мери жила ее сестра Лидия (Лиззи), работница одной из манчестерских фабрик. Обе женщины принимали активное участие в ирландском национально-освободительном движении и глубоко сочувствовали борьбе за освобождение рабочего класса. Не удивительно, что партийные друзья Энгельса относились к Мери и Лиззи с полным доверием, как к единомышленникам.

Первые несколько лет пребывания в Манчестере Энгельс не выезжал дальше Лондона. Только в мае 1856 г. ему вместе с Мери удалось совершить путешествие по Ирландии. Они объехали около двух третей страны, посетили и наиболее значительные ее города, и отдаленные районы. Острый взгляд Энгельса подметил глубокие социальные контрасты, характерные

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 185.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 96.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 255.

для этой первой колонии Англии. «Целые деревни опустели,— писал он Марксу,— между ними расположены великолепные парки менее крупных лендлордов, которые почти одни только там и живут... Земля представляет собой настоящую пустыню, которая никому не нужна»¹. Такое разорение, такое массовое бегство местного населения было прямым результатом политики английских правящих классов. Энгельс глубоко возмущался хозяйничаньем британской буржуазии в Ирландии, методами беззастенчивого грабежа, коррупции и репрессий. Ирландцы «больше не чувствуют себя дома в своей собственной стране... Они искусственно превращены в совершенно обнищавшую нацию...»². Здесь образовался целый класс людей, ведущих паразитический образ жизни,— тьма жандармов, попов, адвокатов, дворян-помещиков — при полном отсутствии какой бы то ни было промышленности. Англичане имеют обыкновение хвалиться английской демократией и «свободами», но вся их «свобода», отмечал Энгельс, основана на жестоком угнетении колоний.

Нерушимая дружба

Хотя в первые годы пребывания в Манчестере Энгельс располагал лишь весьма ограниченными средствами, он делал все, чтобы облегчить материальные лишения, которые испытывали тогда Маркс и его близкие. В столице процветающей капиталистической державы, в центре «промышленной мастерской мира», уделом Маркса, этого величайшего человека, была гнетущая бедность. Основным источником существования для большей семьи служили его нерегулярные и весьма скромные литературные заработки. Постоянная финансовая поддержка Энгельса была для нее жизненной необходимостью. Только эта поддержка позволила Марксу вынести бремя изнуряющей борьбы с нуждой. Каково бы ни было материальное положение самого Энгельса, он всегда с величайшей готовностью помогал другу.

Особенно дорога была Марксу та неизменная моральная поддержка, которую он встречал со стороны Энгельса. Он видел в нем верную опору в самые тяжелые минуты жизни. 6 апреля 1855 г., в день смерти любимого сына Эдгара, Маркс писал Энгельсу: «Я никогда не забуду, как твоя дружба облегчила нам это ужасное время. Как велика моя скорбь о ребенке, ты понимаешь»³. «При всех ужасных муках, пережитых за эти дни,— писал он в следующем письме,— меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное»⁴. После смерти ребенка Маркс вместе с женой около трех недель жил у Энгельса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 44.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 371.

⁴ Там же.

Встречи с Марксом скрашивали Энгельсу монотонность жизни в Манчестере. Несколько раз в год друзья встречались либо в Лондоне, куда Энгельс приезжал повидаться с Марксом или по семейным делам, либо в Манчестере, где Маркс гостил у него иногда по нескольку недель или даже месяцев. Рождественские и новогодние дни Энгельс, как правило, проводил в семье Маркса.

В мае 1857 г. Энгельс тяжело заболел и на несколько месяцев потерял работоспособность. Длительное время ему пришлось лечиться на море — сначала в местечке Ватерлоо, около Ливерпуля, затем на островах Уайт и Джерси, которые впоследствии стали излюбленным местом его летнего отдыха. Маркс очень беспокоился о состоянии его здоровья и даже специально изучал медицинскую литературу, чтобы помочь ему найти правильные методы лечения. В октябре 1857 г. он специально ездил на остров Джерси, чтобы навестить больного друга.

Тесное духовное общение между Марксом и Энгельсом не прерывалось все те долгие годы, когда они жили в разных городах. Яркое свидетельство этого — их переписка.

На протяжении двадцати лет, отмечал впоследствии Лафарг, они не переставали мысленно находиться рядом, делились в письмах идеями и планами, касалось ли это текущих политических событий, тактики классовой борьбы пролетариата или научных занятий. Стоило Марксу несколько дней не получить писем от Энгельса, как он начинал волноваться. «Уже один вид твоего почерка,— писал он,— прибавляет мне бодрости»¹. «...Меня злит то, что мы теперь не можем вместе жить, вместе работать, вместе смеяться...»²,— говорил он в другом письме.

«Одно из моих первых детских воспоминаний,— рассказывает Элеонора Маркс-Эвелинг,— прибытие писем из Манчестера. Маркс и Энгельс писали друг другу почти ежедневно, и я вспоминаю, как часто Мавр (так звали дома моего отца) разговаривал с письмами, как будто писавший их присутствовал тут же...

Но особенно запечатлелось в моей памяти, как Мавр, читая иной раз письмо Энгельса, смеялся до того, что слезы текли у него по щекам»³.

Ни тяжелые условия, в которых жил Маркс, ни потоки лжи и клеветы, которыми обливала Маркса и Энгельса буржуазная пресса, не могли сломить их воли, подорвать их жизнерадостности. Неисчерпаемый юмор пронизывает всю переписку Маркса и Энгельса. «Юмора,— вспоминал Энгельс,— наши враги никогда не могли у нас отнять»⁴. Когда после смерти Маркса

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 318.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 265.

³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 184—185.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 24.

один немецкий буржуазный журналист распространялся на тему о «горемыке Марксе», Энгельс высмеял его: «Быть может, как-нибудь, когда я буду в особенно веселом настроении, я его взгрею. Если бы этим болванам довелось прочесть переписку между Мавром и мной, они бы просто остолбенели. Поэзия Гейне — детская игрушка по сравнению с нашей дерзкой, веселой прозой. Мавр мог приходить в ярость, но унывать — никогда! Я хохотал до упаду, когда перечитывал старые рукописи»¹.

Дружба Маркса и Энгельса была прочно скреплена единством взглядов, многолетним творческим сотрудничеством, совместной революционной борьбой, глубокой личной привязанностью.

Сохранение и упрочение связей с пролетарскими революционерами

С роспуском Союза коммунистов коренным образом изменились формы и методы революционной деятельности Маркса и Энгельса.

Хотя в то время пролетарская партия не существовала в виде централизованной, четко оформленной организации и в сложившейся обстановке создать такую организацию было невозможно, она выступала как идейное течение, теоретическое направление внутри международного рабочего движения. Поэтому Маркс и Энгельс считали себя вправе и теперь говорить о пролетарской партии, понимая при этом, как разъяснял Маркс, «партию в великом историческом смысле»². В этих условиях, в предвидении нового революционного подъема, для Маркса и Энгельса первостепенное значение приобретали сохранение и расширение связей с деятелями рабочего движения.

Надеясь на то, что в относительно недалеком будущем в Германии вновь вспыхнет революция, Энгельс полагал, что в таком случае пролетарская партия должна будет с самого начала занять самостоятельную позицию по отношению к мелкобуржуазной демократии и различным направлениям непролетарского социализма. «На этот раз, — писал он Вейдемейеру 12 апреля 1853 г., — мы сможем начать прямо с *«Манифеста»*...»³. В том же письме он с удовлетворением отмечал, что сторонники его и Маркса успешно пополняют свои теоретические знания: «...Все мы многому научились в изгнании... В общем партия Маркса порядочно-таки занимается, а когда посмотришь на прочих олов-эмигрантов, нахватавшихся там и сям новых фраз и от этого окончательно запутавшихся, то становится очевидным возросшее абсолютное и относительное превосходство нашей партии. Да это и необходимо — работа предстоит трудная»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 31.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 406.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 490.

⁴ Там же, стр. 491.

Маркс и Энгельс стремились наладить личные контакты с лидерами рабочих организаций различных стран, расширить возможности оказывать влияние на революционных рабочих.

Одним из своих сторонников в Германии они считали в то время Фердинанда Лассалья. Хотя Лассаль не был членом Союза коммунистов и его идейные взгляды существенно отличались от мировоззрения Маркса и Энгельса, между ними в период революции 1848—1849 гг. установились дружеские отношения. Лассаль, адвокат и публицист, играл видную роль в демократическом движении в Дюссельдорфе и в ряде важнейших вопросов отстаивал позицию, близкую к «*Neue Rheinische Zeitung*». В 50-х годах Лассаль, оставшийся в том же городе, поддерживал оживленную переписку с Марксом и Энгельсом и объявил себя их единомышленником. В письмах Марксу он с похвалой отзывался о трудах его и Энгельса и поддерживал их борьбу против лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Время от времени он собирал у себя дома интересовавшихся социальными проблемами передовых дюссельдорфских рабочих и читал им лекции, в которых идеи создателей научного коммунизма сочетались с мелкобуржуазными воззрениями.

Конечно, теоретические слабости Лассалья, его личные недостатки: чрезмерное честолюбие, барские замашки и др. были уже тогда заметны Марксу и Энгельсу. Однако они сохраняли тесные контакты с ним, учитывая его способности как оратора и писателя, исключительную энергию и боевой темперамент, а также надеясь на то, что он сумеет преодолеть свои недостатки.

Большое значение Маркс и Энгельс придавали налаживанию связей с революционными рабочими Рейнской провинции, с которыми Энгельс был тесно связан в годы революции.

В июле 1853 г. по поручению рейнских рабочих к Марксу и Энгельсу обратился эмигрировавший годом ранее в Филадельфию бывший член Союза коммунистов К. Клейн. Рабочий из Золингена, поддерживавший в годы революции дружеские отношения с Энгельсом, он неоднократно выполнял задания Центрального комитета Союза коммунистов и продолжал пользоваться несомненным влиянием среди рабочих Эльберфельда и Золингена. Теперь в письме, пересланном через Фрейлиграта, К. Клейн на основании информации, полученной из Золингена, сообщал о положении дел с коммунистической пропагандой среди рейнских рабочих. «Люди из общин Золингена, Эльберфельда и Дюссельдорфа, — писал Клейн, — несколько раз приезжали в Кёльн, чтобы побудить к реорганизации Союза; но там от этого уклонились... Вышеназванные общины просили меня поэтому взять на себя посредничество в установлении прямой связи с их бывшим Центральным комитетом в Лондоне, что я сейчас и выполняю.

Названные общины готовы по требованию послать делегата в Лондон»¹. Клейн просил Энгельса, Маркса и их друзей тотчас же ответить рабочим этих городов. «Наша партия в Лондоне,— продолжал далее Клейн,— сама увидит, как важно, после того как совершится предстоящая революция, иметь организацию, *по крайней мере* в промышленных районах Рейнской области,— Вестфалии, действующую в интересах Союза коммунистов, принять для этого соответствующие меры, причем до того, пока наша партия снова возьмет дело в свои руки»².

Маркс понимал, что ему, как и Энгельсу, нельзя вступить в непосредственную переписку с рабочими-коммунистами на Рейне, так как вся их корреспонденция в Германию находилась под постоянным наблюдением прусской полиции. В то же время следовало поддержать революционных рейнских рабочих. Переслав письмо Клейна Энгельсу, он так изложил суть своего ответа: «Из Лондона переписка совершенно невозможна. Фабричные рабочие должны держаться *исключительно* в своей собственной среде и не вступать в объединение с мещанами и ремесленниками в Кёльне, Дюссельдорфе и т. п. Если они хотят раз в год присылать сюда кого-либо для того, чтобы посоветоваться с нами, то мы ничего против этого не имеем»³. Получив письмо Маркса, Клейн тотчас же сообщил рейнским рабочим, чтобы они направили своего делегата в Лондон.

Таким образом была восстановлена связь Маркса и Энгельса с передовыми рабочими Рейнской провинции. В конце декабря 1853 г. к Марксу приехал делегат рейнских рабочих, адвокат Густав Леви. Он предложил восстановить по всей Германии организации Союза коммунистов и просил поддержать намерение своих друзей начать подготовку вооруженного восстания фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и других промышленных центрах Рейнской провинции. Маркс резко высказался «против такого бесполезного и опасного *безумства*»⁴ в обстановке, когда условия для восстания совершенно отсутствовали. Он считал несвоевременным и восстановление Союза, «хотя бы уже потому, что подобные связи опасны для наших людей в Германии»⁵.

В конце февраля 1856 г. Леви снова появился в Лондоне. О переговорах с ним Маркс сразу же поставил в известность Энгельса. Из бесед с Леви Маркс узнал, что наиболее активные рабочие продолжают поддерживать связь с Кёльном, ведут революционную пропаганду среди своих товарищей в Золингене, Изерлоне, Эльберфельде и других городах Рейнской провинции и не оставили намерений организовать восстание. Они, писал

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 407.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 244.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 400.

⁵ Там же.

Маркс Энгельсу, «видимо, твердо уверены, что мы и наши друзья немедленно же поспешим к ним. Они, естественно, испытывают потребность в политических и военных руководителях. Это, конечно, ни в коем случае нельзя ставить в укор этим людям»¹. Маркс сообщил Энгельсу, что разъяснил полковнику рейнских рабочих неизбежность поражения восстания, если оно будет предпринято до того, как в Европе и в самой Германии возникнут объективные условия для революции.

От Леви Маркс получил также сведения о недовольстве дюссельдорфских рабочих деятельностью Лассалья, которого они обвиняли в неблагоприятных поступках, диктаторских замашках и т. д. Маркс отнесся к этим сообщениям с некоторой настороженностью и посоветовал не ускорять разрыва с Лассалем, пока тот окончательно не определит свою позицию. Энгельс полностью одобрил этот совет.

Довольно регулярную связь поддерживали Маркс и Энгельс со своими единомышленниками, немецкими эмигрантами в Северной Америке. Наиболее активными из них были Вейдемейер и Клусс. К ним присоединились А. Якоби, К. Клейн, К. Шрамм и многие другие члены Союза коммунистов. Некоторые из них активно выступали против лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Маркс и Энгельс приветствовали это. Так, Энгельс одобрил выступления Клусса против Виллиха. Идеи, высказанные Марксом и Энгельсом в письмах Вейдемейеру, последний удачно использовал в статьях, направленных против Гейнцена, Виллиха и других противников марксизма.

Осенью 1857 г. друзья Вейдемейера организовали в Нью-Йорке немецкий Коммунистический клуб, который сразу же установил связь с Марксом.

Контакты Маркса и Энгельса с английским рабочим движением во второй половине 50-х годов были слабее, чем в предыдущий период. Это было связано с усилением влияния тред-юнионов и упадком чартизма. Эти процессы были предметом постоянного внимания Энгельса. Анализ конкретной обстановки в Англии привел Энгельса к выводу о том, что отказ части британских рабочих от самостоятельной политической деятельности и известное ослабление в Англии со второй половины 50-х годов классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией были обусловлены благоприятной конъюнктурой, подъемом английской экономики. Британская буржуазия, которая в эти годы монопольно хозяйничала на мировом рынке, обладала обширной колониальной империей, выделяла частицу своих баснословных прибылей для создания более благоприятных условий жизни и работы высококвалифицированным слоям пролетариата. Еще в 1851 г. Энгельс писал Марксу о том, что фабри-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 22.

канты Манчестера используют наступившее процветание, чтобы подкупить рабочих¹. Он отмечал и тот факт, что в рабочем классе Англии все более распространялось реформистское мировоззрение, носителем которого являлась рабочая аристократия.

Энгельс, как и Маркс, осудил отказ в конце 50-х годов ряда ведущих деятелей чартизма от самостоятельной политической борьбы за введение в Англии всеобщего избирательного права (в их числе временно оказался и Эрнест Джонс) и заключение ими невыгодного для рабочих соглашения с буржуазными радикалами. В письме Марксу 7 октября 1858 г. Энгельс анализировал в связи с этим причины усиления влияния в рабочей среде реформистских воззрений. Он пришел к заключению, что «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией»². При этом Энгельс подчеркивал, что это «правомерно» для английской буржуазии, «которая эксплуатирует весь мир»³. Впоследствии он развил и углубил этот вывод об экономических и социальных корнях реформизма в Англии.

Публицистическая деятельность Энгельса

В 50-х годах важное место в деятельности Энгельса занимало его сотрудничество в буржуазных прогрессивных органах печати. В условиях реакции для него и Маркса это была единственная возможность публично высказывать свое мнение по актуальным вопросам международной политики и внутреннего положения крупных капиталистических стран, освещать эти вопросы с точки зрения пролетариата. В основном статьи Энгельса публиковались на страницах газеты «New-York Daily Tribune».

Маркс в начале 50-х годов еще не чувствовал себя достаточно уверенным в английском языке. Свои корреспонденции он первое время писал по-немецки и посылал их в Манчестер Энгельсу, который переводил их на английский язык.

Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» были нередко результатом их совместного труда. Они постоянно советовались друг с другом, обменивались конспектами, заметками, черновыми набросками.

С конца декабря 1854 г. Маркс стал также сотрудничать в немецкой буржуазно-демократической газете «Neue Oder-Zeitung» в качестве ее лондонского корреспондента. Каждую неделю он посылал в газету две-три статьи. Некоторые из них представляли собой написанные Энгельсом для «New-York

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 169.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 293.

³ Там же.

Daily Tribune» обзоры военных действий в Крымской войне, переведенные Марксом на немецкий язык с некоторыми изменениями или сокращениями. Это сотрудничество продолжалось до октября 1855 г.

В области международной политики Маркс и Энгельс тогда уделяли главное внимание прогрессивным буржуазно-демократическим и национально-освободительным движениям. В большинстве стран Европы еще не были до конца сметены феодально-абсолютистские устои и не были завершены буржуазно-демократические преобразования. «...Общей чертой эпохи,— писал об этом периоде В. И. Ленин,— была именно прогрессивность буржуазии, то есть нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»¹. Завершение этой борьбы Маркс и Энгельс рассматривали как необходимое условие перехода рабочего класса к борьбе за социализм. Чем сокрушительнее будет удар по пережиткам феодализма, указывали они, чем радикальнее будет буржуазно-демократическое движение, чем шире будет в нем участие народных масс, тем больше будет подготовлена почва для успешного развития революционной борьбы рабочего класса за свои конечные цели. Таким образом, пролетариат был кровно заинтересован в успехе буржуазно-демократических и национально-освободительных движений.

После серии статей, составивших работу «Революция и контрреволюция в Германии», Энгельс некоторое время ничего не писал для «New-York Daily Tribune». Только в марте 1853 г. по просьбе Маркса он приступил к работе над статьями о восточном вопросе в связи с обострением противоречий на Ближнем Востоке. После некоторого перерыва, осенью 1853 г., накануне начала военных действий между Россией и Турцией, он, опять-таки по просьбе Маркса, вернулся к этой тематике, которую и продолжал разрабатывать в течение всей Крымской войны (1853—1856). Все эти годы восточный вопрос, в основе которого лежала борьба великих держав за раздел Османской империи, происходившая в условиях внутреннего кризиса этого феодального государства и национально-освободительной борьбы подчиненных ему балканских народов, вызывал большой интерес Маркса и Энгельса.

Статьи Энгельса печатались в газете либо за подписью Маркса, либо как редакционные, без подписи. Они свидетельствовали об основательном знакомстве автора с положением на Ближнем Востоке и на Юго-Востоке Европы.

Знание языков славянских народов (в особенности русского), которыми Энгельс занимался с начала 50-х годов, изучение исторического прошлого этих народов и их места в экономическом и политическом развитии Юго-Восточной Европы, внут-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

ренных проблем Турции и ее внешней политики, точек зрения английской официальной и оппозиционной печати — все это позволяло Энгельсу глубоко и в яркой публицистической форме откликаться на животрепещущие темы, связанные с восточным вопросом.

В связи с работой над статьями Энгельс знакомился и с текущей литературой о положении в Турции и ее внешней политике. Так, в марте 1853 г. он прочел книгу Д. Уркарта «Турция и ее ресурсы...». Он использовал в своих статьях богатый фактический материал книги и вместе с тем подверг критическому разбору необоснованные выводы автора, его апологетику турецкого деспотизма и игнорирование самостоятельной роли греков и славян на Балканском полуострове.

Анализируя восточный вопрос, получивший наибольшую остроту накануне Крымской войны и во время нее, Энгельс уделил особое внимание национальным отношениям в пределах Турецкой империи, в частности — движению южных славян за свою национальную независимость.

В статьях «Действительно спорный пункт в Турции», «Турецкий вопрос», «Что будет с Европейской Турцией?» Энгельс раскрыл суть восточного вопроса. Он резко выступил против так называемой политики *status quo* в отношении Турции, которая проводилась Англией и Францией. Преследуя свои корыстные цели, они стремились сохранить искусственно сколоченное турецкое государство; тем самым они обрекали миллионы южных славян на политическое рабство, нищету, духовное порабощение азиатским деспотизмом. «В чем состоит *status quo*? — спрашивал Энгельс в одной из статей. — Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией»¹.

В пределах Турецкой империи, писал Энгельс, «южные славяне являются единственными носителями цивилизации во внутренних частях страны. Они еще, правда, не образовали нации, но в Сербии они уже имеют сильное и сравнительно просвещенное национальное ядро. У сербов есть своя собственная история и своя собственная литература. Своей теперешней внутренней самостоятельностью они обязаны одиннадцатилетней отважной борьбе с противником, значительно превосходящим их численностью»². Энгельс указывал, что «полуостров, называемый обычно Европейской Турцией, является естественным, унаследованным от предков достоянием южнославянской расы»³. Он неизменно выражал свои симпатии национально-освободительной борьбе славянских народов против турецкого господства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 31.

² Там же, стр. 34.

³ Там же.

В то же время Энгельс решительно выступал против русского царизма, обличал его аннексионистские устремления, его попытки овладеть Константинополем. Усиление русского царизма, считал Энгельс, представляло огромную опасность для демократического и рабочего движения в Европе. Он рассматривал царское самодержавие как угнетателя русского народа и других народов Российской империи, злейшего врага революции, главный оплот реакции в Европе.

Маркс и Энгельс срывали с русского царизма маску «друга» и «покровителя» балканских народов, показывали, что в своих захватнических планах он стремится использовать добрые чувства, которые славянские народы Балканского полуострова питают к России и русскому народу. Вместе с тем Маркс и Энгельс обличали лицемерие английского и французского правительств, которые, выдвигая принцип сохранения status quo, стремились к постепенному закабалению Турции, превращению ее в своего вассала. Правящие круги Англии и Франции, убедительно доказывал Энгельс, хотели ослабления военной мощи царской России, устранения ее как соперника в борьбе за гегемонию на Ближнем Востоке и Балканах, подрыва ее позиций в бассейне Средиземного моря, где проходили важнейшие торговые коммуникации. Но они были заинтересованы в сохранении русского царизма, как надежного орудия против революционного и демократического движения в европейских странах.

Разоблачая реакционную политику западных держав, Маркс и Энгельс считали, что подлинное освобождение народов, угнетаемых Турецкой империей, возможно только в результате революции. В одной из статей Энгельс писал: «Решение турецкой проблемы, как и других великих проблем, выпадет на долю европейской революции... Начиная с 1789 г. границы революции неизменно передвигаются все дальше. Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых пункта, в которых должен быть атакован русский антиреволюционный колосс»¹.

Маркс и Энгельс надеялись, что война англо-французского блока против царской России под воздействием народных масс превратится в революционную войну против русского царизма. В таком случае эта война способствовала бы свержению самодержавия в России или, по крайней мере, ограничению его конституционными учреждениями, падению империи Наполеона III во Франции и устранению власти буржуазной олигархии в Англии. Революционная война должна была создать условия для демократического решения кардинальных задач национального

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 33.

развития Германии, Италии, Польши, Венгрии, которые не были решены в ходе революции 1848—1849 гг.

Маркс высоко ценил военные обзоры Энгельса. По поводу статьи «Русские в Турции» он писал 30 сентября 1853 г.: «Военная статья великолепно. Я сам испытывал опасения по поводу продвижения русских сил на запад, но, разумеется, не рещался довериться собственному суждению в подобных вещах»¹.

В первые месяцы войны Энгельс выступил со статьями и обзорами: «Передвижения армий в Турции», «Священная война», «Ход турецкой войны», «Война на Дунае» и другими. Все они были в ноябре — декабре 1853 г. напечатаны в «New-York Daily Tribune» как редакционные передовые. ««Tribune», разумеется, основательно похваляется твоими статьями, автором которых считают бедного Дана, — писал Маркс Энгельсу 14 декабря 1853 г. — Так как они, кроме того, присвоили себе и П[альмерстона] [имеется в виду серия статей К. Маркса о Пальмерстоне. — *Ред.*], то Маркс — Энгельс вот уже недель восемь являются подлинной «редакцией», editorial staff «Tribune»»².

Особенно широко развернулась корреспондентская деятельность Энгельса, когда в русско-турецкую войну включились Англия и Франция, выступившие на стороне Турции. В период Крымской войны он поместил в «Tribune» свыше семидесяти статей.

В этих статьях Энгельс предстает глубоким знатоком военного дела и военной истории. Он анализировал ход военных действий, соотношение сил воюющих сторон, отдельные боевые операции. В ряде статей («Война», «Современное состояние английской армии, ее тактика, обмундирование, интендантство и т. д.», «Британская катастрофа в Крыму» и др.) он подвергал критике стратегию и оперативное руководство военными действиями со стороны командования Англии и Франции, вскрывал консерватизм английской военной системы. Одну из главных причин недостатков английской военной машины Энгельс видел в том, что в армии существовала система торговли офицерскими патентами, дававшая возможность быстрого продвижения по службе людям, обладавшим средствами. Другой причиной он считал консерватизм английской политической жизни, господство заносчивой и бездарной правящей касты.

Энгельс обрисовал также неприглядный облик военных деятелей империи Наполеона III (Сент-Арно и др.), командовавших крымской экспедицией. Он убедительно показал, что за многие серьезные недостатки и даже прямые провалы в руководстве объединенными англо-французскими силами несет непосредственную ответственность Луи-Наполеон, который факти-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 251.

² Там же, стр. 266.

чески навязал союзникам свой план крымской экспедиции и конкретное его осуществление. Этот человек, возмнивший себя великим полководцем, «равным в той или иной степени основателю его династии, с самого начала оказывается всего лишь самонадеянным ничтожеством»¹. Критикуя внешнюю и внутреннюю политику Наполеона III, Энгельс подчеркивал: «Было бы нетрудно доказать, что во внутреннем управлении Второй империи находит свое отражение претенциозная посредственность ее системы ведения войны, что и здесь видимость заменила действительность и что «экономические» походы отнюдь не были успешнее походов военных»².

Так же критически анализировал Энгельс состояние русской армии. Наряду с высокой оценкой героизма русских солдат в статьях «Инкерманское сражение», «Война», «Кампания в Крыму» и других он показал отсталость военного дела в России, господствовавшие в армии формализм и «плацпарадную муштру» солдат, бездарность части генералитета.

Особое внимание Энгельса привлекла осада Севастополя, которую он характеризовал как важнейший этап военной кампании. Одиннадцатимесячная героическая оборона города стала предметом его самого тщательного разбора. С большой похвалой отзывался он о мужестве защитников Севастополя, отмечал превосходство русских над англичанами и французами в возведении фортификационных сооружений и дал высокую оценку мастерству военных инженеров Севастопольского гарнизона, в особенности начальника инженерной службы Э. И. Тотлебена. Строительство фортификационных укреплений в ходе обороны являлось, по мнению Энгельса, «беспримерным по смелости и искусству шагом, который когда-либо был предпринят осажденным гарнизоном», и «вся организация этой обороны была поставлена образцово»³.

Позднее Энгельс возвращался к опыту Севастопольской обороны, видя в ней выдающийся пример активных оборонительных действий, высокий образец военного мастерства и героизма.

При чтении статей Энгельса о Крымской войне, о русской армии следует учитывать, что, располагая преимущественно тенденциозной информацией западноевропейской правительственной и буржуазной прессы, не имея возможности и времени проверить правильность таких сообщений, он подчас давал одностороннюю оценку некоторых военных операций. В характеристике слабых сторон русской армии и ее военного командования имеются известные преувеличения, что можно объяснить и политической заостренностью его статей против русского царизма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 132.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 179, 180.

Крымская война не превратилась в революционную войну, как того ожидали Маркс и Энгельс. Но поражение царизма вызвало обострение политического и социального кризиса в России и привело к серьезному изменению соотношения сил реакции и революции в Европе.

**Против колониализма
и национального
угнетения**

Во второй половине 50-х годов в публицистике Энгельса значительное место занимало разоблачение колониальной экспансии главных капиталистических держав, а также освещение национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки против колонизаторов.

С огромным вниманием Маркс и Энгельс следили за развернувшимся в 50-х годах национальным движением народов Китая и Индии, видя в нем силу, способную подорвать экономическую основу процветания буржуазного общества и ускорить победу социальной революции. Они решительно осудили колониальную политику британского правительства и жестокие методы расправы английской военщины с местным населением.

Энгельс в ряде статей («Новая экспедиция англичан в Китай», «Персия и Китай», «Успехи России на Дальнем Востоке» и др.), обличая хищнический характер захватнической политики английской буржуазии в Китае, уже предвидел, что эта политика натолкнется на сопротивление китайского народа. Анализируя его борьбу против английской интервенции в период так называемой второй опиумной войны, он в мае 1857 г. писал: «Это общее восстание всех китайцев против всех чужеземцев было вызвано пиратской политикой британского правительства, которая и придала этому восстанию характер войны на истребление»¹. Энгельс характеризовал эту борьбу как войну «за алтари и очаги», как народную войну, которая ведется «за сохранение китайской национальности»². Он высмеивал лицемерие английской буржуазной печати, которая возмущается «жестокостями» китайцев и в то же время закрывает глаза на бесчеловечные методы ведения войны британскими войсками.

Большое сочувствие у основоположников марксизма вызвала национально-освободительная борьба индийского народа. Положению в Индии Маркс посвятил много статей, работая над которыми нередко советовался по важнейшим проблемам с Энгельсом. Так, 2 июня 1853 г., рассказывая Энгельсу о книге французского путешественника и писателя XVII в. Франсуа Бернье, Маркс отметил правильность вывода этого автора о том, «что в основе всех явлений на Востоке... лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ даже к восточному небу»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 222.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 215.

В ответном письме Энгельс согласился с этим и подчеркнул, что «правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»¹. Английское правительство организовало первое и второе ведомства, а третье совсем забросило, в результате чего оросительная система пришла в упадок и индийское земледелие гибнет. Эта мысль была использована Марксом в статье «Британское владычество в Индии», написанной через несколько дней после получения письма Энгельса.

Основоположники марксизма выражали горячие симпатии индийскому национальному восстанию 1857—1859 гг., гневно клеймили английских колонизаторов. Энгельс с ноября 1857 по сентябрь 1858 г. написал ряд обзоров о ходе военных операций в Индии, в которых вскрыл причины неудач индийских повстанцев («Взятие Дели», «Освобождение Лакнау», «Поражение Уиндхема», «Восстание в Индии» и другие). Эти работы вызывали восхищение Маркса. «Твоя статья,— писал он 14 января 1858 г. о статье «Освобождение Лакнау»,— блестяща и совсем напоминает по стилю и манере лучшие дни «*Neue Rheinische Zeitung*»»². Анализируя обстановку, создавшуюся в стране после подавления восстания, Энгельс подчеркивал, что «это вторичное завоевание не усилило власти Англии над умами индийского народа»³, а лишь укрепило его ненависть к колонизаторам. Он предвидел, что это чревато для английского господства серьезными последствиями.

Проблемам колониализма Энгельс посвятил также статьи об Афганистане и Персии, в которых разоблачил неоднократные попытки английских колонизаторов и русского царизма установить свое влияние или прямое господство над этими странами. В статье «Алжир», опубликованной в 1858 г. в «Новой американской энциклопедии», Энгельс, характеризуя жестокий колониальный режим, введенный французскими захватчиками в Алжире, отмечал: «Начиная с момента первой оккупации Алжира французами до настоящего времени несчастная страна является ареной непрерывных кровопролитий, грабежей и насилий... Арабские и кабилские племена, которые дорожат независимостью, как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни, подавляются и усмиряются посредством свирепых набегов...»⁴.

Статьи Энгельса о национально-освободительной борьбе народов Азии и Северной Африки послужили, наряду со статьями Маркса по этим проблемам, основой для дальнейшей марксистской разработки колониального вопроса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 221.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 212.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 593.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 104.

Научные занятия

В годы реакции Энгельс отдавал много времени научным занятиям. Круг его интересов был весьма обширным.

Работа над статьями по восточному вопросу и о Крымской войне усилила интерес Энгельса к изучению культуры и истории славянских народов. В 1853—1856 гг. он уделял этому большое внимание. Его интересовали положение и национально-освободительная борьба славянских народов в Турции и Австрии, политика царской России по отношению к этим народам, их исторические судьбы. Маркс, который в эти годы проводил много времени в библиотеке Британского музея, помогал ему в подборе литературы. В конце 1854 г. он рекомендовал Энгельсу книгу Г. Дипеля «Россия, Германия и Восточный вопрос» и некоторые другие работы. В то время Энгельс начал работать над брошюрой о панславизме и западных славянах, но не закончил ее, так как издателя найти не удалось. Некоторые результаты своих тогдашних исследований Энгельс опубликовал в апреле 1855 г. в «Neue Oder-Zeitung» в виде двух статей под общим названием «Германия и панславизм».

Большую серию статей на эту же тему Энгельс в январе — апреле 1856 г. написал и для «New-York Daily Tribune». Однако статьи эти так и не увидели света.

Некоторые письма Маркса в Манчестер содержали длинные списки книг по истории России, южных и западных славян, по славянской филологии, словарей, всевозможных справочников и т. д. Так, в феврале 1856 г. в ответ на просьбу Энгельса он заказал для него немецкое издание «Слова о полку Игореве» (с русским текстом) и подробно изложил содержание работ чешского ученого Й. Добровского «Славин» и немецкого историка М. Хеффтера «Мировая борьба немцев и славян с конца пятого века». Маркс тщательно выписал для Энгельса использованные Добровским источники и рекомендовал ему ряд других работ. Многие из рекомендуемых Энгельсу книг Маркс предварительно просматривал и сообщал ему свое мнение о них. Из редких или отсутствовавших в Манчестере книг он иногда делал длинные выписки для Энгельса, особенно в тех случаях, когда считал, что они могут пригодиться в работе над очередными статьями для «New-York Daily Tribune».

К другим проблемам, привлекавшим особое внимание Энгельса в те годы, относилась история стран Востока. Это было связано и с изучением исторического прошлого народов, населявших азиатские владения Турции, и с анализом национально-освободительного движения народов Индии, а также колониальных войн европейских держав в Китае. Он занимался также историей религиозных учений, интерес к которой возник у него еще в 1841 г., когда он в Берлинском университете слушал лекции профессора Ф. Бенари, посвященные генезису

библии. В мае 1853 г., делясь с Марксом своими мыслями об истории возникновения Ветхого завета, навеянными книгой Ч. Форстера «Историческая география Аравии, или Свидетельства отцов церкви о религии откровения», он писал: «Теперь мне совершенно ясно, что еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древнеарабских религиозных и племенных традиций, видоизмененных благодаря раннему отделению евреев от своих соседей — родственных им, но оставшихся кочевыми племен»¹. Позднейшие исторические исследования в общем подтвердили этот взгляд.

Исследование Энгельсом исторических проблем было тесно связано с его интересом к филологии и языкам, изучением которых он в эти годы занимался особенно интенсивно.

Еще ранее, в декабре 1850 г., вскоре после переезда в Манчестер, Энгельс приступил к изучению русского языка и за сравнительно короткий срок немалых успехов. Одновременно он начал заниматься и другими славянскими языками — сербохорватским, словенским и чешским. «...Я должен, наконец,— писал он Марксу 18 марта 1852 г.,— покончить со своими славянскими занятиями... Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь почти покончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый запас слов, и тогда я смогу приступить к чему-нибудь другому. Со славянскими языками я должен в этом году покончить, и, в сущности, они совсем не так трудны»². Одно время Энгельс намеревался даже составить сравнительную грамматику славянских языков.

Энгельс познакомился с «Российской антологией», составленной Боурингом, и сделал подробные выписки о Ломоносове, Державине, Сумарокове, Хераскове, Богдановиче, Жуковском, Карамзине, Крылове и других русских ученых и писателей конца XVIII — начала XIX века. Он читал в оригинале произведения русских классиков. Сохранились его выписки из «Медного всадника» и «Евгения Онегина» А. С. Пушкина с подстрочным немецким переводом, а также из «Горя от ума» А. С. Грибоедова. Он читал и некоторые произведения русской революционно-демократической литературы: в частности, французское издание книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», его антикрепостническую прокламацию «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству», выпущенную Вольной русской типографией в Лондоне.

Энгельс работал также над восточными языками: арабским, персидским. «...Персидский — не язык, а настоящая играшка»³, — писал он Марксу 6 июня 1853 г. Для его изучения «я ...по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 210.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 222—223.

ложил себе срок максимум в три недели»¹. Несколькими годами позднее он занялся усовершенствованием своих знаний древнегерманских языков, в частности готского: «К своему удивлению, убеждаюсь, что знаю [речь идет о готском языке.— *Ред.*] гораздо больше, чем думал; если получу еще какое-нибудь пособие, то рассчитываю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древненорвежскому и англосаксонскому, которыми я тоже всегда владел недостаточно прочно»².

В это время Энгельс начал заниматься естественными науками: физикой, физиологией, сравнительной анатомией. В первую очередь его интересовала проблема применения материалистической диалектики в области естествознания. Некоторые предварительные итоги своих исследований он изложил в письме Марксу 14 июля 1858 г. Сделанные в последние десятилетия открытия в физике, органической химии и физиологии, писал Энгельс, блестяще подтверждают диалектический взгляд на мир, и если бы Гегелю «пришлось писать «Философию природы» *теперь*, то доказательства слетались бы к нему со всех сторон»³.

Энгельс придавал особое значение открытию Шлейденом и Шванном клетки и закону сохранения и превращения энергии. Этот закон, отмечал он, является «великолепным материальным доказательством того способа, каким рассудочные определения переходят одно в другое»⁴. В этом уже можно видеть подход к проблеме диалектико-материалистической классификации наук.

В сравнительной физиологии Энгельс видел наглядную иллюстрацию диалектического закона о переходе количественных изменений в качественные. «...Изучая сравнительную физиологию,— писал он,— испытываешь величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над другими животными. На каждом шагу натываешься носом на полнейшее соответствие строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это соответствие замечается у всех позвоночных... Гегелевская история с качественным скачком в количественном ряду тоже прекрасно сюда подходит»⁵.

В конце 50-х годов Энгельс с большим интересом ознакомился с только что вышедшей работой Ч. Дарвина «Происхождение видов». «...Дарвин, которого я как раз теперь читаю,— пишет он Марксу в декабре 1859 г.,— превосходен. Телеология в одном из своих аспектов не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того, до сих пор никогда еще не было столь гран-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 223.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 406.

³ Там же, стр. 275.

⁴ Там же, стр. 276.

⁵ Там же.

диозной попытки доказать историческое развитие в природе, да к тому же еще с таким успехом»¹.

Большой удельный вес в научных занятиях Энгельса занимало военное дело. Овладение военным искусством он считал необходимым условием подготовки пролетарской партии к предстоящим битвам против сил реакции. Еще в 1851 г. в письме Вейдемейеру он, подчеркнув «огромное значение, которое получит военная сторона дела в ближайшем движении»², говорил о том, что начал «зубрить военные науки»³. Он изложил Вейдемейеру обширную программу занятий в этой области и просил его — бывшего офицера прусской армии — помочь подобрать необходимую литературу, в частности, специальные карты Германии, особенно Вюртемберга, Баварии, Австрии 1801—1809 гг., а также Северо-Восточной Франции 1814 г., Бельгии, Ломбардии, Венгрии, Шлезвиг-Гольштейна, Саксонии, Тюрингии, Пруссии 1806—1807 и 1813 гг., нужные ему для изучения военных кампаний, начиная с 1792 г. Энгельс поставил перед собой задачу изучить тактику, теорию фортификации, артиллерию, систему организации армий, их снабжение и снаряжение в различных странах. Особенно привлекала его история военного искусства, главным образом нового времени. Уже тогда он читал работы австрийского полководца и военного писателя Р. Монтекукули, историю военного искусства французского генерала А. Жомини, историю Испанской войны английского генерала У. Нейпира. Эту книгу Энгельс называл лучшим из всего того, что он «до сих пор читал из области военно-исторической литературы»⁴.

Одно время Энгельс собирался написать брошюру об истории венгерской кампании 1848—1849 гг., большую помощь в подборе литературы оказал ему Маркс. Изучение Энгельсом военного дела и истории военного искусства в начале 50-х годов обеспечило высокий профессиональный уровень его статей о Крымской войне. Работая над ними, он продолжал изучать и историческую, и специальную военную литературу, совершенствовал и углублял свои военные знания.

Успех статей в «New-York Daily Tribune» побудил его в марте 1854 г. сделать попытку стать военным корреспондентом крупной лондонской газеты «Daily News». Это позволило бы ему освободиться от «проклятой коммерции», дало бы возможность жить вместе с Марксом в Лондоне и завершить задуманную книгу по истории венгерской войны 1848—1849 гг.

30 марта 1854 г. он обратился к редактору «Daily News» Г. Дж. Линкольну: «В течение многих лет изучение всех от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 424.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 483.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 485.

раслей военной науки было одним из моих главных занятий, и тот успех, который имели мои статьи о венгерской кампании, опубликованные в свое время в немецкой печати, позволяет мне думать, что я работал не напрасно. Более или менее хорошее знакомство с большинством европейских языков, включая русский, сербский и немножко румынский, дает мне возможность использовать лучшие источники информации...»¹. Одновременно он послал Линкольну несколько своих военных статей. Переговоры шли на первых порах благоприятно. Однако статья корреспондентом «Daily News» не удалось: видимо, этому помешала репутация Энгельса как революционера-коммуниста.

Глубокие познания Энгельса в области военного дела были широко использованы им в работе над статьями для «Новой американской энциклопедии». Сотрудничать в этом издании предложил Марксу в апреле 1857 г. один из редакторов «New-York Daily Tribune» Дана. Значительную часть статей — всю военную тематику — взял на себя Энгельс, который в дальнейшем (сотрудничество продолжалось до 1861 г.) написал в это издание свыше 50 статей, посвященных различным сторонам военного дела.

Уже с осени 1856 г. Маркс и Энгельс в переписке между собой начали обсуждать симптомы надвигавшегося экономического кризиса. Они надеялись, что этот кризис вызовет серьезные экономические и политические потрясения и даст толчок новому мощному подъему революционного движения. «На сей раз, — писал Энгельс в конце сентября 1856 г., — это будет *dies irae* [судный день. — *Ред.*] как никогда раньше: вся европейская промышленность в полном упадке, все рынки переполнены... все имущие классы втянуты, полное банкротство буржуазии, война и полнейший беспорядок. Я тоже думаю, что все это исполнится в году 57-м...»².

Этот прогноз подтвердился. Прошло немногим более года, и разразился экономический кризис невиданной силы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 508—509.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 60.

Глава седьмая

В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

На этот раз дело приняло... такие общеевропейские размеры, как никогда раньше, и я не думаю, чтобы мы еще долго оставались здесь зрителями... «мобилизация» наших особ не за горами.

К. Маркс

Экономический кризис 1857 года

В начале ноября 1857 г., после более чем трехмесячного лечения на морских курортах, Энгельс вернулся в Манчестер. Еще до возвращения он узнал из газет и письма Маркса, что экономический кризис, неизбежность наступления которого оба они давно предвидели, разразился. Это был первый в истории капитализма мировой экономический кризис, охвативший все главные европейские страны и США. Сначала он развернулся в сфере биржи, кредита и обращения, но уже очень скоро проявился в полную силу как исключительно глубокий кризис перепроизводства, главным очагом которого стала Англия.

Маркс и Энгельс считали возможным, что этот экономический кризис приведет к кризису политическому, а вместе с ним к новому подъему революционного движения. Вынужденный из-за дня в день ходить по делам фирмы на манчестерскую биржу, Энгельс был, вероятно, единственным среди ее посетителей, кого радовало развитие кризиса. «Местных господ,— писал он Марксу 15 ноября 1857 г.,— чертовски сердит внезапный необычайный подъем моего настроения. В самом деле, биржа — единственное место, где мое нынешнее вялое состояние сменяется бодрым оживлением. При этом, разумеется, я всегда делаю мрачные предсказания; это сердит ослов вдвойне»¹. И далее: «Кризис будет так же полезен моему организму, как морские купанья, я это уже сейчас чувствую»².

Задумав написать о кризисе специальную брошюру, Маркс и Энгельс стали тщательно собирать необходимый материал. Энгельс получал информацию также непосредственно от владельцев предприятий и торговых фирм. Маркс был глубоко благодарен ему за ценную и «необходимую «скандальную хронику» кризиса»³. И хотя брошюру написать не удалось, собранный Энгельсом материал был использован Марксом во многих статьях для «New-York Daily Tribune».

В письмах Марксу Энгельс делился с ним мыслями по поводу конкретных проявлений экономического кризиса в Англии, Франции и Германии, излагал соображения о его революционизирующем влиянии на народные массы, о значении кризиса для роста рабочего движения в европейских странах.

Как известно, кризис 1857 г. не привел к революции, которую так страстно ждал Энгельс, но дал толчок подъему революционных движений в Европе и Америке. В ряде стран складывалась революционная ситуация; быстро росла активность масс, главным образом рабочего класса. На первый план выдвигались нерешенные во время революции 1848—1849 гг. задачи объединения Германии, а также Италии, северные области которой продолжали находиться под австрийским гнетом.

Оценивая обстановку в Европе, Энгельс считал, что Италия ближе других европейских стран к революционному взрыву. Здесь начались народные волнения, которые быстро охватили всю страну. Активную деятельность развернули буржуазные демократы во главе с Мадзини. Мадзинистам, выступавшим за революционное решение национального вопроса, противостояли не только реакционные силы, но и буржуазные либералы, уповавшие на объединение страны под эгидой единственного крупного самостоятельного государства Италии — Сардинского королевства (Пьемонт). Премьер-министр Пьемонта граф Кавур

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 170.

² Там же, стр. 172.

³ Там же, стр. 192.

рассчитывал добиться этого, опираясь на поддержку Наполеона III, с которым он в июле 1858 г. заключил секретное соглашение о совместной войне против Австрии.

Усиление кризиса Второй империи толкало бонапартистское правительство Франции на внешнеполитические авантюры, прикрытые демагогическими лозунгами борьбы за национальное освобождение угнетенных народов, в частности итальянцев.

В феврале 1859 г. Энгельс задумал написать рассчитанную на широкий круг читателей брошюру с целью изложить позицию пролетарских революционеров в вопросах, связанных с итальянским кризисом и надвигавшейся войной между Австрией и Францией, и разоблачить различные шовинистические теории, используемые для оправдания агрессивной политики Наполеона III.

«По и Рейн» Уже к 9 марта Энгельс закончил работу над этой брошюрой, которая была озаглавлена им «По и Рейн», и послал ее на суд Марксу. «Прочел,— писал ему Маркс,— очень умно; прекрасно изложена и политическая сторона вопроса, что было чертовски трудно»¹.

По совету Маркса, брошюра была издана в Германии анонимно. В апреле 1859 г. в буржуазном издательстве Ф. Дункера было закончено печатание тиража в 1000 экземпляров. В мае 1859 г. в лондонской газете «Das Volk» появилось сообщение, что автором брошюры является видный деятель пролетарской партии; имя Энгельса было названо в этой же газете несколько позже, в июне.

В своей брошюре Энгельс изобличил бонапартизм и с позиций пролетарского интернационализма выступил в защиту революционно-демократического пути объединения как Германии, так и Италии.

В фокусе острой критики Энгельса оказались захватнические планы Наполеона III и шовинистические взгляды реакционных кругов Германии, особенно австрофильской части немецкой буржуазии. Он решительно отвергал идею так называемой «великой средневропейской державы»², роль которой немецкие националисты предназначали Германии. Сторонники этой идеи, отмечал Энгельс, пытались доказать, что немцам предопределено мировое господство, поскольку романские народы якобы вырождаются, а славяне-де неспособны к самостоятельному государственному существованию.

Не менее резко обличал Энгельс контрреволюционные планы объединения Германии под верховенством юнкерской Пруссии. Энгельс подверг критике теорию «естественных границ», на которую ссылались австрофилы, утверждавшие, будто такой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 331.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 237.

границей Германии на юге является река По, и претендовавшие на этом основании на сохранение за Австрией североитальянских земель, подобно тому, как бонапартистская Франция помышляла о том, чтобы ее восточной границей стал Рейн.

В этой работе Энгельс доказывал, что интересы единства Италии и Германии требуют выступления северогерманских государств на стороне Австрии против бонапартовской Франции. Как свидетельствуют дальнейшие работы, Энгельс выдвигал это положение в расчете на перспективу развития общеевропейской революции.

Энгельс проанализировал условия ведения военных действий в Италии и на Рейне и высказал ряд важных соображений относительно операций в горной местности, роли крепостей и т. п. Иллюстрируя свое изложение историческими примерами, Энгельс высоко оценил итальянский и особенно швейцарский походы русских войск в 1799 г. под командованием А. В. Суворова, назвал его переход через Альпы «самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов»¹.

Сотрудничество в газете «Das Volk»

Большое значение Маркс и Энгельс придавали в это время своей деятельности среди немецких рабочих в Англии, в частности в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих. В середине 50-х годов эта организация в связи с преобладанием в ней сектантских элементов находилась в крайнем упадке. «От коммунистических воззрений в Обществе не осталось и следа»², — вспоминал об этом периоде Ф. Лесснер. Однако во второй половине 50-х годов наметился поворот, позиции сторонников Маркса и Энгельса в Просветительном обществе усилились.

Связь с Обществом давала Марксу и Энгельсу трибуну как для выражения и пропаганды своих теоретических взглядов, так и для оценки текущих событий с последовательно пролетарской точки зрения. Существенно важным было иметь в Лондоне и газету, которая служила бы этим целям. Такая возможность вскоре представилась. 1 мая 1859 г. на собрании представителей лондонских обществ немецких рабочих было принято решение издавать печатный орган «Das Volk», основанный «на демократических и социальных принципах» и представляющий интересы и взгляды немецких рабочих в Англии. Газета начала выходить 7 мая 1859 г. На первых порах участие Маркса и Энгельса носило неофициальный характер. Но уже в № 6 от 11 июня 1859 г. редакция открыто известила читателей о сотрудничестве в газете Маркса, Энгельса и их соратников: В. Вольфа, Фрейлиграта, Хейзе. Маркс и Энгельс прилагали все силы, чтобы укрепить положение газеты. Во второй половине июня

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 243.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 158.

1859 г. Маркс ездил в Манчестер к Энгельсу, чтобы обсудить план действий. Они обратились к своим соратникам, жившим в разных частях Англии, с просьбой субсидировать это издание.

Но самой существенной помощью Маркса и Энгельса газете было их сотрудничество в ней. На страницах «Das Volk» они опубликовали около двадцати статей, в которых разрабатывали важные вопросы революционной теории и тактики пролетариата. Специально для этой газеты Энгельс написал рецензию на работу Маркса «К критике политической экономии». Начиная с 4-го номера в газете печатались военно-политические обзоры Энгельса, посвященные австро-итало-французской войне 1859 г. Газета, фактическим руководителем которой вскоре стал Маркс, превратилась в орган пролетарских революционеров.

Однако газета издавалась недолго. 20 августа 1859 г. она перестала выходить из-за отсутствия денежных средств.

За революционный путь объединения Италии

Основной темой статей Энгельса в газете «Das Volk» была борьба итальянского народа за объединение страны. Энгельс решительно осуждал политику угнетения итальянского народа, которая проводилась австрийской монархией. «С 1820 г.,— писал он,— Австрия господствует в Италии только благодаря насилию, благодаря подавлению возобновляющихся восстаний, благодаря террористическому режиму осадного положения»¹. Эта политика порождает в итальянском народе неугасимое чувство вражды к его угнетателям, «еще больше раскаляет ненависть всей Италии против нас, немцев»². Если немцы хотят, чтобы к ним относились иначе, писал Энгельс, то для них существует только один путь — отказаться от своих агрессивных планов и территориальных притязаний. «Если мы предоставим Италии,— говорилось в работе «По и Рейн»,— самой устроить свои дела, то ненависть итальянцев к нам прекратится сама собой...»³. Энгельс подчеркивал, что пролетариат не только Италии, но и всей Европы кровно заинтересован в объединении этой страны демократическим путем.

Главной национальной задачей итальянского народа основоположники марксизма считали объединение раздробленной на ряд государств Италии, освобождение всей ее территории от иностранного владычества. Энгельс доказывал в то же время, что это объединение будет последовательным только при полном устранении революционным путем феодальных пережитков и господства реакционных классов. В частности, он отмечал неразрывную связь между решением национального вопроса и общедемократическими преобразованиями, в первую очередь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 261.

² Там же, стр. 263.

³ Там же, стр. 264.

радикальным решением аграрного вопроса, критиковал в связи с этим узость программы итальянских демократов.

Особое внимание Маркс и Энгельс уделяли разоблачению бонапартизма. Они показывали, что за демагогическими заявлениями Наполеона III об избавлении итальянцев от австрийского ига кроются его попытки укрепить за счет Италии свои позиции на международной арене и внутри Франции, что, заигрывая с буржуазными демократами, одурачивая или подкупая их, он проводил на деле прикрытую либеральными фразами контрреволюционную политику. Пособничество же итальянских буржуазных либералов бонапартистской Франции объективно являлось изменой национальным интересам Италии и было на руку французской реакции.

Начавшаяся в апреле 1859 г. война Франции и Пьемонта против Австрии во многом подтвердила оценки Маркса и Энгельса.

Энгельс внимательно следил за ходом военных действий и за развитием политических событий, освещал их в «Das Volk» и в «New-York Daily Tribune». Вопреки расчетам правящих классов война дала новый толчок массовым выступлениям в Италии; народные восстания в центре страны смели правительства ряда мелких полуфеодальных государств; усилилось национально-освободительное движение. Тут-то и раскрылось подлинное лицо бонапартизма.

После победы над австрийской армией в сражении при Мадженте, а затем при Сольферино Наполеон III, обеспокоенный революционной ситуацией в Италии, 11 июля 1859 г. в Виллафранке спешно заключил прелиминарный мир. По условиям мирного договора Италии пришлось расплачиваться за военную «помощь», предоставленную ей Наполеоном III, — она вынуждена была отдать Франции часть территории (Савойя, Ницца). Венеция оставалась под австрийским господством, раздробленность страны не была преодолена.

Однако попытка Наполеона III предотвратить национальную революцию в Италии оказалась несостоятельной. Не прошло и десяти месяцев после заключения мира, как в Сицилии в апреле 1860 г. вспыхнуло народное восстание под лозунгом объединения Италии. В мае 1860 г. итальянские демократы организовали в Северной Италии революционную экспедицию на юг страны. Отряд добровольцев — знаменитую «тысячу» — возглавил крупнейший революционный деятель итальянского народа — Джузеппе Гарибальди. 7 сентября Гарибальди с триумфом вступил в Неаполь. Вся Южная Италия была освобождена от власти неаполитанских Бурбонов.

Энгельс высоко ценил Гарибальди. Он характеризовал его как человека с незаурядным военным талантом, безгранично смелого и решительного, человека «строгой дисциплины»,

сумевшего приучить своих людей «к маневрированию и к передвижениям, характерным для малой войны»¹. Впоследствии Энгельс писал: «...В лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить и действительно творившего чудеса. С тысячей волонтеров он опрокинул все Неаполитанское королевство, фактически объединил Италию, разорвал искусную сеть бонапартовой политики»².

Разумеется, Энгельс прекрасно сознавал ограниченность итальянских буржуазных демократов, видел, что у них нет такой программы, которая создавала бы необходимые гарантии прочного единства и демократического развития Италии.

Разногласия с Лассалем Итальянский вопрос Маркс и Энгельс рассматривали в неразрывной связи с вопросом об объединении Германии. Они призывали к борьбе за единую демократическую республику и решительно выступали против политики австрийского и французского правительств в отношении Германии. Так же страстно боролись они и против контрреволюционных планов объединить Германию путем династических войн и насадить на всей ее территории прусские абсолютистские порядки. В связи с этим выявились серьезные разногласия между основоположниками научного коммунизма и Лассалем.

Свою точку зрения, резко противоречащую позиции вождей революционного пролетариата, Лассаль изложил в вышедшей в мае 1859 г. брошюре «Итальянская война и задачи Пруссии». В противовес взглядам Маркса и Энгельса, хорошо известным ему по работе Энгельса «По и Рейн», Лассаль отстаивал нейтралитет государств Германского союза в Итальянской войне, объявляя итальянскую политику Наполеона III прогрессивным делом, изображал французского императора благодетелем не только Италии, но и Германии. Отстаиваемой Марксом и Энгельсом линии на объединение Германии снизу, путем революционных действий масс, он противопоставил курс на поддержку политики правящих кругов Пруссии, стремившихся объединить Германию под эгидой этого реакционного государства. Существование расхождений Лассалья с Марксом и Энгельсом в вопросе объединения Германии В. И. Ленин характеризовал следующим образом: «Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику...»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 379—380.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 430.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138.

Появление брошюры Лассалья, который к тому же заявлял, что выражает мнение революционной партии, вызвало возмущение Маркса и Энгельса. «Брошюра Лассалья — громадная ошибка, — писал Маркс Энгельсу 18 мая 1859 г. — ...Вообще же, если Лассаль берет на себя смелость говорить от имени партии, то на будущее он либо должен быть готов к тому, что мы его открыто дезавуируем, ибо обстоятельства слишком серьезны, чтобы церемониться, либо же... он должен предварительно столкнуться с людьми, которые могут стоять и на другой точке зрения. Мы должны теперь непременно поддерживать партийную дисциплину, иначе все пойдет прахом»¹. И хотя от открытой полемики с Лассалем Маркс и Энгельс в то время воздержались, Маркс в полном согласии с Энгельсом решительно указал Лассалю на вредность самочинных, несогласованных акций, «так как публичная дискуссия внутри столь малочисленной партии (которая, впрочем, надо надеяться, своей энергией возместит то, чего ей не хватает в численности) при всех обстоятельствах невыгодна»².

В апреле 1860 г. Энгельс выступил с новой работой — «Савойя, Ницца и Рейн», в которой показал, в какой мере выводы, сформулированные им в брошюре «По и Рейн», подтверждены исходом австро-итало-французской войны 1859 г.

Непосредственным поводом для написания этой работы явилось заявление Наполеона III о притязаниях Франции на Савойю и Ниццу. На основании большого военно-исторического материала и лингвистического анализа диалектов, на которых говорило население Савойи и Ниццы, Энгельс доказал полную беспочвенность этих притязаний.

Рассматривая расстановку сил на международной арене и подчеркивая ориентацию пролетарских революционеров на борьбу революционно-демократических сил против реакционно-монархического блока, возглавляемого бонапартистской Францией и русским царизмом, Энгельс дал пример сочетания подлинно патриотического отстаивания интересов прогрессивного национального развития Германии с последовательным пролетарским интернационализмом. В работе Энгельса нет и в помине франкофобства или русофобства. Напротив, в недрах каждого народа он старается определить те силы, на которые сможет рассчитывать европейская революция. В частности, Энгельс выражал надежду, что европейская революция будет на этот раз иметь союзника в лице русского крестьянства, пришедшего в движение после Крымской войны. «Борьба, которая в настоящее время разгорелась в России между господствующим классом и порабожденным классом сельского населения, — писал он в брошюре «Савойя, Ницца и Рейн», — уже теперь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 350.

² Там же, стр. 517.

подрывает всю систему русской внешней политики. Эта система была возможна только до тех пор, пока в России не было внутреннего политического развития. Но это время прошло»¹.

В. И. Ленин в конспекте этой работы Энгельса записал: «Гвоздь: национальное освобождение Германии путем наиболее революционной из возможных и неизбежных войн, путем войны с Россией, в союзе с русскими крепостными. Это *НВ*»².

Новая работа Энгельса была фактически направлена не только против Наполеона III, но и против немецких вульгарных демократов (К. Фогт) и тех оппортунистических элементов внутри рабочего движения (Ф. Лассаль, М. Гесс), которые закрывали глаза на бонапартовские территориальные притязания и готовы были, с большими или меньшими оговорками, поддерживать Наполеона III в его войне против Австрии.

Маркс полностью разделял позицию Энгельса. «Что касается *Итальянской войны*, — писал он 3 марта 1860 г. немецкому юристу Веберу, — то я должен заметить, что мои взгляды на нее целиком совпадают со взглядами моего друга *Фр. Энгельса*, высказанными им в его известной брошюре «По и Рейн...»³.

Энгельс предполагал выпустить свою работу «Савойя, Ницца и Рейн» в издательстве Дункера, там же, где была издана брошюра «По и Рейн». Однако, не разделяя энгельсовской оценки позиций немецких политических партий, Франц Дункер соглашался напечатать работу только в том случае, если автор укажет на титульном листе свое имя. Энгельс же полагал целесообразным ограничиться указанием на то, что брошюра принадлежит перу автора «По и Рейн». Не достигнув договоренности с Дункером, он послал рукопись другому издателю. Брошюра была опубликована анонимно в издательстве Берендса в Берлине.

Произведение Энгельса «Савойя, Ницца и Рейн» встретило широкий отклик в прогрессивной немецкой печати. Так, газета «Nordstern» в Гамбурге выразила пожелание, чтобы эта брошюра была переведена на французский, русский, английский и итальянский языки⁴.

Разногласия между основоположниками марксизма и Лассалем не ограничивались расхождениями в вопросах тактики и политики рабочей партии. Они охватывали также проблемы мировоззрения, эстетические взгляды и т. п. Это обнаружилось в конце 50-х годов в связи с выходом некоторых философских и литературных произведений Лассалья.

Еще в 1857 г. Лассаль прислал Марксу и Энгельсу свое сочинение о древнегреческом философе Гераклите Темном.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 635.

² Ленинский сборник XIV. М.—Л., 1930, стр. 43.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 422.

⁴ «Der Nordstern» № 20, 21. IV 1860.

Ознакомившись с этой работой, они оба отметили в качестве ее основного недостатка то, что Лассаль истолковывал материалистические воззрения Гераклита в идеалистическом, старогегельянском духе.

В 1859 г. Лассаль написал драму «Франц фон Зиккинген» и снова послал ее на отзыв в Лондон и в Манчестер. Энгельс в письме Лассалю от 18 мая 1859 г. дал обстоятельный разбор драмы как с литературной, так и с идейно-политической точки зрения. Он показал, что Лассаль, не понимая роли народных масс как движущей силы исторического процесса, неверно изобразил одно из драматических событий периода Реформации и Крестьянской войны в Германии XVI в. — восстание мелкого рыцарства против князей, возглавленное Францем фон Зиккингеном и Ульрихом фон Гуттенем. Мелкое дворянство и бюргерство заслонили собой у Лассала крестьянство и городской плебс — главные силы в разгоревшейся тогда борьбе против католической церкви, князей и императора. В драме, писал Энгельс, «более или менее исчерпаны так называемые *официальные* элементы тогдашнего движения», но недостаточно внимания уделено «неофициальным — плебейским и крестьянским — элементам и сопутствующим им их представителям в области теории»¹.

Между тем, отмечал Энгельс, крестьянское движение имело более драматический характер, отличалось гораздо большей глубиной и напряженностью, чем восстание рыцарей, которые к тому же были по существу реакционными. В трактовке событий, данной Лассалем, Энгельс увидел игнорирование роли крестьянства в демократических движениях. Последующая деятельность Лассала подтвердила, что то предпочтение, которое он в своей драме о событиях XVI в. отдавал рыцарскому лагерю, соответствует его ставке на исторического преемника последнего — прусское юнкерство.

Принципиально отличными от взглядов Лассала были также взгляды Маркса и Энгельса на государство. Если основоположники марксизма считали государство организацией господствующего класса, то Лассаль, оставшийся в плену гегелевского идеализма, рассматривал государство как внеклассовое учреждение, цель которого — «воспитание и развитие человечества в направлении к свободе»².

Мелкобуржуазные, проникнутые идеализмом и утопическими иллюзиями взгляды Лассала в области теории, его ошибочная политическая тактика, естественно, определили отношение Маркса и Энгельса к нему как к весьма ненадежному союзнику. В августе 1862 г. Маркс после ряда бесед с Лассалем писал Энгельсу, что открыто высказал ему свое мнение:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 493.

² Ф. Лассаль. Сочинения. М., [1925], т. 1, стр. 129.

«...В политическом отношении мы ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей»¹. В то же время Маркс и Энгельс еще не оставляли попыток побудить Лассалю действовать как попутчика пролетарских революционеров.

Выступления Маркса и Энгельса против немецких болгарских демократов и апологетов бонапартизма вызвали с их стороны поток клеветы. Так, Карл Фогт опубликовал клеветническую брошюру «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». С помощью прямой подтасовки фактов он пытался очернить Маркса, Энгельса и их соратников, исказить подлинный характер деятельности Союза коммунистов. Грязные вымыслы Фогта подхватила немецкая и английская буржуазная пресса.

Игнорировавший всякие нападки противников, когда они касались его лично, Маркс на этот раз счел необходимым выступить против Фогта, поскольку дело шло о защите пролетарской партии. В письме Фрейлиграту от 23 февраля 1860 г. он подчеркивал, что борьба против Фогта имеет «решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии...»². С этой целью Маркс в 1860 г. написал памфлет «Господин Фогт».

Энгельс активно помогал Марксу в борьбе с Фогтом. С середины февраля до конца марта 1860 г. Маркс находился в Манчестере, где обсуждал с Энгельсом план и содержание этой книги. Вместе с другими соратниками Маркса Энгельс участвовал в сборе разоблачительных материалов о Фогте, плечом к плечу с ними отстаивал честь пролетарской партии, защищал ее лучших представителей от грязных инсинуаций.

Энгельс и немецкое рабочее движение конца 50—начала 60-х годов

С пристальным вниманием следил Энгельс за пробуждавшимся в условиях общеевропейского подъема рабочим движением в Германии.

Контакты Маркса и Энгельса с немецкими рабочими стали более прочными с 1862 г., когда в Берлин из лондонской эмиграции вернулся их друг и соратник В. Либкнехт, сразу же активно включившийся в рабочее движение.

В обстановке складывавшейся в Германии революционной ситуации усилилось стремление немецких рабочих к созданию самостоятельной политической организации. Оно вызвало к жизни идею созыва всеобщего германского рабочего съезда. Для этой цели в Лейпциге был создан организационный комитет, приступивший к практической подготовке съезда. Комитет обратился к Лассалю, незадолго до того выпустившему брошюру «Программа работников», с просьбой сформулировать основные задачи будущей организации. Вскоре Лассалем был

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 222.

² Там же, стр. 373.

написан «Гласный ответ», в котором излагалась программа рабочего союза. Лейпцигский комитет принял «Гласный ответ» в качестве манифеста новой организации рабочих. Положительная сторона этого документа состояла в призыве к созданию независимой от буржуазии организации рабочего класса и в критике буржуазных либералов.

23 мая 1863 г. в Лейпциге произошло официальное учреждение новой рабочей организации. Она получила название Всеобщий германский рабочий союз. Во главе его стал Лассаль.

Получив от Лассалья изданный в виде брошюры «Гласный ответ», Маркс в письме Энгельсу 9 апреля 1863 г. высказал критические замечания по поводу этого документа. Лассаль был в плену утопических иллюзий о возможности разрешения конфликта между трудом и капиталом путем создания производительных товариществ с государственной помощью. Кроме того, он механически заимствовал у чартистов требование всеобщего избирательного права, рассматривал посылку в парламент людей, «вооруженных холодным оружием науки», как некую универсальную панацею. Маркс обратил внимание также на непомерную амбицию и заносчивость Лассалья, который вел себя «совсем как будущий рабочий диктатор»¹.

Энгельс полностью согласился с данной Марксом оценкой «Гласного ответа» и личности Лассалья. Он видел, что Лассаль так и не усвоил принципов научного коммунизма и не понимает подлинных условий освобождения пролетариата. Программа Лассалья, считал Энгельс, отражает интересы мелкой буржуазии и ремесленников, но не рабочего класса.

Тем не менее создание Всеобщего германского рабочего союза Маркс и Энгельс расценили как положительный факт, как серьезное свидетельство пробуждения рабочего движения в стране.

Энгельс внимательно следил за первыми шагами Всеобщего германского рабочего союза, подмечал проявившиеся у Лассалья с самого начала тенденции превратить Союз в реформистскую организацию, возмущался его недостойным заигрыванием с прусским правительством. «Этот парень,— писал Энгельс Марксу 11 июня 1863 г. о Лассале,— работает теперь прямо-таки на Бисмарка...»².

Резко осуждая политику Лассалья, Маркс и Энгельс тем не менее не считали своевременным публичную критику его взглядов. Они приветствовали вступление во Всеобщий германский рабочий союз ряда своих соратников по Союзу коммунистов, рассчитывая, что им постепенно удастся противопоставить реформистским взглядам, которые Лассаль пытался навязать немецкому рабочему движению, идеи научного коммунизма,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 278.

² Там же, стр. 291.

убедить в их правильности массы рабочих и направить Всеобщий германский рабочий союз по революционному пути. Только тогда, считал Энгельс, надо будет пойти на разрыв с Лассалем.

Бывшие члены Союза коммунистов — В. Либкнехт, А. Фогт, К. Клингс, К. Клейн, Ф. Молль и др. — стали во Всеобщем германском рабочем союзе опорой основоположников научного коммунизма в борьбе против Лассалья. Они использовали каждый случай для того, чтобы напомнить рабочим о деятельности Маркса и Энгельса в Германии в период революции 1848—1849 гг., об их роли в становлении немецкого социалистического движения, о жизненности традиций Союза коммунистов. Эти революционные деятели фактически организовали оппозицию Лассалю внутри Союза. Для них подлинными вождями и организаторами рабочих масс в Германии были Маркс и Энгельс, а единственно правильной теорией была та, которую основоположники научного коммунизма изложили в «Манифесте Коммунистической партии» и последующих работах.

В августе 1864 г. Лассаль погиб в результате ранения на дуэли. Энгельс, продолжая критиковать оппортунистическую линию Лассалья, его политику беспринципного сговора с реакционными прусскими кругами, его лишённые всяких оснований надежды на добрую волю власть имущих в удовлетворении насущных нужд рабочего класса, в то же время отмечал и определенные заслуги этого деятеля в создании самостоятельной организации пролетариата. Несмотря на серьёзные ошибки и шатания Лассалья, Энгельс относил его к числу «самых значительных людей в Германии».

Дальнейшее развитие Всеобщего германского рабочего союза, на которое Энгельс в последующие годы уже смог оказывать известное влияние, показало, что позиция, занятая им и Марксом в отношении этой организации в тот период, когда во главе ее стоял Лассаль, была совершенно правильной и полностью соответствовала интересам развития немецкого рабочего движения.

Военный теоретик пролетарской партии

В конце 50-х — начале 60-х годов ярко раскрылся талант Энгельса как военного писателя и теоретика. В 1857—1860 гг. статьи Энгельса на военно-исторические и военно-теоретические темы печатались в «Новой американской энциклопедии». Первая из них — «Армия» — была написана в сентябре 1857 г. Ее высоко оценил Маркс. «Твоя «Армия», — писал он Энгельсу, — великолепна; только размеры ее поразили меня, ибо для тебя вредно так много работать... История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще, армия играет важную роль в экономическом разви-

тии... В истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»¹.

В этой статье Энгельс дал широкую картину состояния и развития военного дела, начиная с древнего мира (эпоха египетского фараона Рамсеса II) и кончая периодом Крымской войны.

Перед нами подробная, поразительно тонкая профессиональная характеристика военной касты Египта, конкретных способов ведения боевых действий египтянами. Интересны сведения об армиях Ассирии, о войске Персидской империи, о военной системе государств Древней Греции, об армиях Филиппа и Александра Македонских, о римской армии. Прослеживается изменение состава армии и тактики в связи с крушением феодализма и ростом городов.

Восстание североамериканских колоний против английского господства (1775—1783) и французская буржуазная революция конца XVIII в. вызвали к жизни, показал Энгельс, новую форму организации армии и новую тактику. В лице Наполеона I революционная буржуазия нашла выдающегося военного деятеля, который превратил новый способ ведения войны в регулярную систему. Французы стали почти непобедимыми, «пока их противники не переняли их опыт и не организовали свои армии по новому образцу»². Основными чертами этой военной системы Энгельс считал всеобщую воинскую повинность и комплектование армии путем принудительных наборов, обеспечение условий для более высокой маневренности войск, сочетание пехоты, артиллерии и кавалерии в корпусах и дивизиях, применение рассыпного строя и беглого стрелкового огня и др.

Обстоятельному анализу Энгельс подверг структуру и организацию боевой подготовки современных армий Англии, Франции, России, Германии.

В «Новой американской энциклопедии» помещено еще много военно-исторических и военно-теоретических статей Энгельса: «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Военно-морской флот» и другие. Он оказал также большую помощь Марксу, который писал для этого издания биографии ряда видных полководцев прошлого. В письмах Марксу Энгельс сообщал множество дополнительных сведений об этих лицах, давал оценки их деятельности, указывал необходимую литературу.

В 1860—1864 гг. Энгельс сотрудничал в «Allgemeine Militär-Zeitung». Редакция газеты, считавшейся одной из самых значительных военных газет в Германии, весьма положительно отнеслась к сотрудничеству Энгельса. «Мне и «Allgemeine Militär-Zeitung», — писал ее редактор, — будет очень приятно получать от Вас время от времени литературные материалы...»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 154.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 38.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1174.

Сотрудничество Энгельса в органах военной печати не являлось лишь данью его интереса к военной тематике. Оно было продиктовано и политическими соображениями. Так, в начале 60-х годов Энгельс написал ряд статей о волонтерском движении в Англии. Эти статьи публиковались в основном в английском журнале «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire». Волонтерское движение возникло как своего рода реакция на завоевательную политику Наполеона III и вообще правящих кругов Франции, угрожавших Англии вторжением. С самого начала это движение нашло большой отклик в демократических слоях, особенно в рабочей среде. Многие тред-юнионы выдвигали требования о зачислении рабочих в волонтерские войска.

В начале 60-х годов волонтерское движение играло прогрессивную роль, так как способствовало росту антибонапартистских настроений и внешнеполитической изоляции Наполеона III. Энгельс считал, что рабочий класс заинтересован в развитии этого движения также и потому, что оно могло быть использовано для коренного преобразования в демократическом духе английской регулярной армии, для полного устранения царивших здесь аристократически-кастовых порядков.

Некоторые статьи Энгельса о волонтерском движении в Англии («Артиллерия волонтеров», «Волонтеры-саперы...», «Ротное строевое учение», «Генералы-волонтеры» и другие), печатавшиеся в журнале и вышедшие в марте 1861 г. отдельным сборником под заглавием «Статьи для волонтеров», познакомили читателей с основами военного дела, его историей, с принципами организации вооруженных сил, обучения и тренировки войск. В ряде статей содержались важные военно-теоретические обобщения. Так, на примере истории стрелкового оружия Энгельс показал определяющее влияние развития производительных сил общества на военную технику и тактику ведения боя.

Большой интерес как с политической, так и с военной точки зрения вызвала у Энгельса Гражданская война в США, начавшаяся в апреле 1861 г. Энгельс считал, что, если она завершится отменой рабства, это окажет огромное воздействие на последующее развитие не только Америки, но и Европы. «...Происходящая у вас война,— писал он Вейдемейеру,— является одним из грандиознейших событий, которые можно пережить»¹.

Энгельс пристально следил за ходом боевых действий. Его обзоры публиковались в «The Volunteer Journal»; две статьи, написанные совместно с Марксом, были напечатаны в венской газете «Die Presse».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 359.

Подробный анализ положения на главных фронтах Энгельс давал также в письмах Марксу. Разбирая ошибки и недостатки государственного руководства и командования Северных штатов в начале войны, он писал 30 июля 1862 г.: «Поражения не подхлестывают янки, а расслабляют их... К тому же, какая трусость в правительстве и в конгрессе. Боятся введения воинской повинности, решительных финансовых мер, боятся затронуть рабство — словом, всего того, что крайне необходимо...»¹. «Словом,— отмечал он,— если Север не станет немедленно действовать по-революционному, то он будет нещадно бит, и поделом...»². Нерешительности северян Энгельс противопоставлял как образец суровые и беспощадные якобинские методы революционных войн Франции в 1792—1793 гг. В 1862 г. в одном из писем к Марксу он изложил свой план разгрома войск южных плантаторов-рабовладельцев, предусматривавший рейд северян к Атлантическому океану, захват ими стратегических железных дорог и рассечение территории противника на две изолированные части. Через два года северяне осуществили аналогичный стратегический план и добились решающей победы. «Несмотря на множество глупостей, совершаемых армиями северян (и у южан их немало), — писал он в ноябре 1864 г. Вейдемейеру, который принимал активное участие в войне на стороне северян и к тому времени получил звание полковника,— все же волна наступления медленно, но верно катится вперед, и в течение 1865 г., несомненно, должен наступить момент, когда *организованное* сопротивление Юга сразу сломится...»³.

Действительно, вступив на революционный путь, Север добился решающих военных успехов. Отмена рабства на всей территории Соединенных Штатов, наделение земельными участками всех нуждавшихся в земле, допущение негров в армию — эти и другие мероприятия подняли широчайшие массы американского народа на решительную борьбу против плантаторов-рабовладельцев. В 1865 г. северяне одержали окончательную победу.

В своих военных статьях Энгельс глубоко и обстоятельно характеризовал существо и причины военных конфликтов, социально-экономическое положение воюющих сторон, их стратегические планы, тактические операции, вооружение армий, географические условия театра военных действий. Анализируя современные войны и историю военного искусства с позиций исторического материализма, Энгельс тем самым заложил основы новой военной науки, внес неопределимый вклад в развитие военной мысли. Дialeктико-материалистический подход позволил ему установить связь между развитием военного иску-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 208, 209.

² Там же, стр. 210.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 359.

ства и его материальной основой — экономическим строем общества. Энгельс опроверг идеалистический тезис о вечности войн, которым руководствовалась вся предшествующая военная мысль. Он показал, что войны являются с возникновением классового общества. Следовательно, с устранением социальных антагонизмов окончательно исчезнут и войны, и их орудия — армии, вооружение. Энгельс доказал также, что армия представляет собой как бы слепок с того общественного строя, при котором она складывается и развивается, что всей своей структурой, организацией, вооружением и способом боевых действий она отражает основные черты этого строя.

Как уже говорилось, Энгельсу принадлежит доказательство того, что развитие военного дела находится в прямой зависимости от уровня развития производительных сил.

Большое значение придавал Энгельс социальному составу армии и моральному состоянию солдат и офицеров. Он неоднократно подчеркивал, что победы вооруженных сил французской буржуазной революции во многом объяснялись тем, что в их рядах сражались освобожденные от феодального гнета крестьяне, а противостояли им крепостные, подчинявшиеся палочной дисциплине. Энгельс отмечал исключительную роль морального фактора в боевых действиях.

К разработке военных вопросов Энгельс возвращался и в последующие годы. Партийные друзья Энгельса высоко ценили его военный талант. «...Энгельс,— писал В. Либкнехт,— был как бы создан военным: ясный взгляд, умение быстро ориентироваться и взвесить даже мельчайшие обстоятельства, быстрота решений и невозмутимое хладнокровие... Он написал ряд превосходных военных произведений и завоевал,— разумеется, инкогнито,— признание со стороны профессиональных военных первого ранга, которые и понятия не имели, что анонимный автор брошюр носит одно из наиболее «подозрительных» бунтарских имен... Если бы при его жизни еще раз произошла революция, то у нас был бы в лице Энгельса свой Карно — организатор армий и побед, военный мыслитель»¹.

В. И. Ленин высоко ценил военные работы Энгельса и называл его великим знатоком военного дела.

Энгельс и польское восстание 1863—1864 годов

В начале 1863 г. особое внимание Маркса и Энгельса привлекли драматические события, разыгравшиеся в польских землях, входивших в состав Российской империи. Здесь разгорелось национально-освободительное восстание. Вожди пролетариата считали, что восстановление свободной, независимой Польши ослабит реакционное влияние царизма в Европе и даст толчок развитию

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 137.

демократического и революционного движения в Пруссии, Австрии и самой России. Поэтому они придавали исключительно важное значение начавшемуся в январе 1863 г. восстанию в Польше. Получив первые сообщения о польских событиях, Маркс писал Энгельсу 13 февраля 1863 г.: «...В Европе снова широко открылась эра революций... Будем надеяться, что на сей раз лава потечет с востока на запад...»¹.

Маркс и Энгельс надеялись, что победа польского восстания положит конец феодальным отношениям в Польше, устранил господство магнатов и приведет к созданию демократической республики. А это ускорило бы приближение революции в России и оказало бы огромное воздействие на Германию. Но успех восстания, полагали они, зависит от того, будут ли вовлечены в движение широкие массы польского крестьянства и удастся ли соединить в один мощный поток национально-освободительную борьбу поляков с борьбой русских крестьян.

Выражая мысль о теснейшей связи судеб Польши с русским революционным движением, Энгельс уже в первые дни восстания писал Марксу: «Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то вся Россия придет в движение»².

Однако надежды Энгельса на взрыв массового недовольства русских крестьян не оправдались. К началу польского восстания крестьянское движение в России, достигшее наибольшего размаха в 1859—1861 гг., уже шло на убыль. Народ, в течение сотен лет находившийся в рабстве у помещиков, не был еще в состоянии «подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»³. Не развернулась крестьянская революция и в польских землях. Буржуазно-помещичье крыло национального движения, игравшее значительную роль в руководстве восстанием, старалось помешать привлечению крестьянских масс к участию в борьбе.

Обмениваясь с Марксом мыслями о ходе восстания, о расстановке сил в лагере повстанцев, Энгельс неоднократно отмечал продажность и предательство примкнувших к восстанию правых буржуазно-шляхетских элементов, так называемой партии «белых», установившей свою диктатуру, незрелость польской демократии, тот факт, что среди части польских демократов было сильно влияние бонапартистов.

Слабой стороной военной организации восстания были недостаток оружия и опытных командиров, низкий уровень военного руководства, из-за чего лучшие силы повстанцев погибли уже в первые месяцы.

Сразу же после начала восстания, стремясь оказать полякам помощь в их борьбе и вызвать к ним сочувствие всех подлин-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 266.

² Там же, стр. 268.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

ных немецких демократов, Маркс и Энгельс решили выступить с работой, которую предполагали опубликовать в виде манифеста лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Маркс предложил Энгельсу написать военную часть работы, остановившись и на вопросе о значении для Германии победы польского восстания, сам же намеревался написать дипломатическую часть. «Относительно Польши,— писал Энгельс Марксу 19 февраля 1863 г.,— совершенно согласен с тобой. У меня в голове уже недели две бродит мысль о брошюре. Но лучше так, как ты предлагаешь, потому что тогда заодно войдет и дипломатическая часть, и вообще будет то преимущество, что мы эту вещь сделаем совместно»¹.

Энгельс сразу включился в работу. Он начал писать историческую часть и одновременно, в конце февраля 1863 г., предложил Марксу краткий набросок плана всей брошюры и ее название: «Германия и Польша. Размышления военно-политического характера в связи с польским восстанием 1863 года». И хотя завершить работу над брошюрой Марксу и Энгельсу не удалось, их позиция в польском вопросе была публично выражена в написанном Марксом воззвании Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне: «В этот роковой момент долг немецкого рабочего класса перед Польшей, перед границей — этого требует и его собственная честь — заявить громкий протест против предательства Германии по отношению к Польше, являющегося в то же время предательством по отношению к Германии и Европе. *Восстановление Польши* — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени немецкого рабочего класса, после того как буржуазный либерализм зачеркнул на своем знамени этот славный лозунг»². Сурово клеймили Маркс и Энгельс кровавую расправу царизма над восставшими поляками. Поведение пруссаков, помогавших русскому самодержавию в подавлении восстания, Энгельс называл гнусным. Позицию западноевропейских держав, которые лицемерно заявляли о сочувствии восставшим, но не оказали им никакой реальной поддержки и фактически сыграли роль союзников царской России, Маркс и Энгельс расценивали как выражение реакционной классовой политики европейской буржуазии. Поражение польского восстания 1863—1864 гг. укрепило убежденность Энгельса в том, что польский народ сможет добиться успеха в своей борьбе только в тесном союзе с русской революцией и рабочим движением европейских стран.

Житейские будни.

Невосполнимые утраты

Повседневная нудная работа в конторе фирмы, почти непрерывные научные занятия в самых разных областях, большая и активная публицистическая деятельность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 269—270.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 597.

требовали огромного напряжения физических и духовных сил. Однако Энгельс внешне все делал легко и споро. Казалось, время было не властно над ним. Он оставался человеком неумной энергии.

Энгельс постоянно занимался спортом. Особенно увлекался верховой ездой. Очень любил путешествовать. Он предпринимал поездки в Данию, Бельгию, Люксембург. Часто совершал большие пешие переходы. Это давало ему необходимый заряд бодрости, а вместе с тем и богатые наблюдения.

В середине марта 1860 г. Энгельс получил из дома сообщение о тяжелой болезни отца. Хотя отец и сын никогда не были особенно близки друг с другом, были людьми разных убеждений, Энгельс решил немедленно отправиться на родину.

Однако судебное дело против Энгельса в связи с его участием в революционных действиях в Эльберфельде, Бадене и Пфальце весной — летом 1849 г. закрывало ему доступ в Германию. Матери и братьям Энгельса пришлось возбудить специальное ходатайство перед властями о предоставлении ему права приехать на две недели домой. Пока шла переписка между обер-прокурором Эльберфельда и Берлином и пока, наконец, министр внутренних дел Пруссии удовлетворил эту просьбу, отца Энгельса не стало. Он умер 20 марта 1860 г., Энгельс же смог выехать в Бармен лишь 22 марта.

В Бармене он пробыл до 6 апреля. После похорон братья предложили Фридриху отказаться от его части наследства в Энгельскирхене на том основании, что он постоянно живет за границей. Нужно было как-то договариваться и с компаньонами отца в Манчестере.

Переговоры с братьями и Эрменами завершились соглашением, по которому Энгельс отказывался от доли в предприятии в Энгельскирхене, а в компенсацию за это в его единоличное распоряжение из манчестерского предприятия «Эрмен и Энгельс» поступал с 1864 г. капитал в размере десяти тысяч фунтов стерлингов.

Таким образом, в юридическом отношении положение Энгельса в 1860 г. пока мало изменилось; он по-прежнему оставался у Готфрида Эрмена «в качестве служащего, получающего определенный процент с прибыли, и с гарантией стать через несколько лет компаньоном»¹. Однако перед ним уже открывалась реальная перспектива освобождения от работы в фирме.

Быстрое урегулирование вопросов о разделе наследства во многом было предопределено доброй волей Энгельса, его горячим желанием пойти навстречу матери. «Дорогая мама,— писал он.— ...Ни за что на свете я не хотел бы даже в ничтожной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 43.

степени способствовать тому, чтобы на склоне лет твоя жизнь омрачилась семейными ссорами из-за наследства. Я полагаю, что как мое поведение во время моего пребывания у вас, так и мои письма достаточно ясно свидетельствуют о том, что у меня не было ни малейшего намерения препятствовать какому-либо соглашению и что я, напротив, охотно пошел на жертвы, чтобы уладить все согласно твоему желанию»¹.

Как в юные годы, так и в зрелом возрасте Энгельс был любящим и внимательным сыном. «Я ведь могу иметь еще сотню других предприятий,— говорил он,— но другой матери у меня никогда не будет»². Понятны тревога и переживания Энгельса, когда он узнал об опасной болезни матери, начавшейся вскоре после смерти отца³. С 12 по 25 мая 1860 г. Энгельс снова находился в Бармене у больной матери. И лишь когда она поднялась с постели, он возвратился в Англию.

С начала 60-х годов в связи с объявлением амнистии Энгельс стал чаще ездить в Германию. В октябре 1861 г. он провел отпуск у родных в Бармене. Через год снова отправился на родину, совершил путешествие по берегам Мозеля, Рейна, по Тюрингии, а затем некоторое время пробыл в Бармене и Энгельскирхене.

В Манчестере Энгельс поддерживал отношения с представителями местной немецкой колонии, принимал участие в ее культурной жизни. Так, в ноябре 1859 г. он присутствовал на торжествах, организованных по случаю столетия со дня рождения Фридриха Шиллера. В порядке подготовки к празднованию этого юбилея он помог молодежи организовать постановку пьесы Шиллера «Лагерь Валленштейна» и принял участие в написании специального введения к постановке.

Во время юбилейных торжеств в Манчестере организовалось Шиллеровское общество, которое должно было стать центром культурной и общественной жизни немецкой колонии. Вначале Энгельс не принимал активного участия в работе Общества, так как с недоверием относился к его руководителям. На деятельности Общества лежала печать прусского бюрократизма с его педантично-строгим формализмом. Лишь после того, как в устав Общества были внесены существенные изменения, Энгельс в июле 1864 г. стал членом его правления, а впоследствии и председателем. В сентябре 1868 г. в знак протеста против приглашения Карла Фогта выступить с лекцией в Шиллеровском обществе Энгельс отказался от поста председателя этого Общества и вышел из состава правления.

В Шиллеровском обществе Энгельс больше всего поддерживал отношения с молодежью. Особенно тесная дружба связы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 478.

² Там же, стр. 481.

³ См. там же, стр. 46.

вала его с дальним родственником Карлом Зибелем. Выходец из семьи фабриканта, Зибель под влиянием Энгельса проникся социалистическими идеями и впоследствии немало содействовал распространению в Германии работ основоположников научного коммунизма, в частности пропаганде первого тома «Капитала».

Большую помощь оказывал Энгельс своему молодому другу и в его поэтических опытах. Он советовал ему раньше времени не становиться профессиональным литератором, не превращать легкое сочинительство в источник существования, основательно изучить классических поэтов всех народов, бережно относиться к немецкому языку¹. Через Зибеля Энгельс оказывал влияние и на других молодых членов Шиллеровского общества.

Энгельс был связан также с культурно-просветительным обществом в Манчестере — клубом Альберта, который располагал большой библиотекой.

В конце 50-х годов среди друзей Энгельса в Манчестере появились новые лица: юрист Самюэл Мур, разделявший его материалистические убеждения, знаток математики и политической экономии, а также немецкий врач Эдуард Гумперт, медицинскими советами которого Маркс и Энгельс с тех пор пользовались постоянно.

Ближайшим и бесконечно преданным другом Энгельса в манчестерские годы была его жена Мери Бёрнс.

Сколь же велико было горе Энгельса, когда 6 января 1863 г. Мери скорострительно скончалась. «Мери умерла,— писал он Марксу 7 января.—...Совершенно внезапно; сердечная болезнь или удар... в понедельник вечером она была еще совсем здорова. Я не в состоянии тебе высказать, что делается у меня на душе. Бедная девочка любила меня всем своим сердцем»². Спустя три недели после трагического события он снова писал Марксу: «Я почувствовал, что с ней вместе похоронил последнюю часть своей молодости»³.

Через год судьба уготовила Энгельсу еще один удар. В конце апреля 1864 г. тяжело заболел его большой друг Вильгельм Вольф. Энгельс ежедневно посещал больного, дежурил у его постели. Врачи признали положение безнадежным. 3 мая по телеграфному вызову Энгельса и его друзей в Манчестер выехал Маркс. Спасти Вольфа было невозможно. 9 мая он скончался.

Личные потери не сломили волю Энгельса. Он продолжал живо интересоваться текущими политическими событиями, в частности ходом Гражданской войны в США, изучал проблемы, связанные с войной Пруссии и Австрии против Дании из-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 487—488.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 253—254.

³ Там же, стр. 259.

за герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Эти проблемы привлекали его особое внимание; после окончания войны он в сентябре — октябре 1864 г. даже предпринял поездку по этим герцогствам, из которых одно отошло теперь к Пруссии, а другое — к Австрии. Энгельс по-прежнему следил за состоянием рабочего движения, в котором после кризиса 1857 г. назревали серьезные сдвиги.

В странах Европы и Америки происходил заметный рост промышленности. Росли и крепились ряды пролетариата. Капиталистический прогресс вел к усилению классовых и социальных антагонизмов в обществе. Кризис обнажил язвы, скрывавшиеся за фасадом внешнего благополучия и процветания. В главных странах капитализма создавались предпосылки для развития массового рабочего движения, для новых форм объединения борющегося пролетариата в рамках отдельных государств и в международном масштабе.

Глава восьмая

СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Интернационал был основан для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты подлинной организацией рабочего класса для борьбы.

К. Маркс

Основание Интернационала

Вернувшись в октябре 1864 г. из поездки по Шлезвиг-Гольштейну, Энгельс, занятый неотложными делами, не сразу смог сообщить Марксу о своем возвращении. Между тем Маркс ждал его с нетерпением. За время отсутствия Энгельса в Лондоне произошло событие, которое открыло новую страницу в истории рабочего движения: 28 сентября на митинге представителей английского, французского, немецкого, польского и итальянского пролетариата было основано Международное Товарищество Рабочих. Это событие явилось закономерным результатом опыта борьбы европейского пролетариата, его возросших стремлений к объединению своих сил против общего врага — буржуазии. Созданию массовой международной орга-

визации пролетариата благоприятствовала и общая обстановка: оживление буржуазно-демократических движений, усиление национально-освободительной борьбы угнетенных народов, а главное — подъем рабочего движения.

Маркс и Энгельс получили теперь несравненно более широкие возможности для практической революционной деятельности. Наступил новый этап в их борьбе за соединение марксизма с рабочим движением, за создание пролетарской партии. Первым этапом этой борьбы был Союз коммунистов.

Узнав из письма Энгельса, в котором тот рассказывал о своих впечатлениях от путешествия, о том, что его друг снова в Манчестере, Маркс немедленно подробнейшим образом сообщил ему о состоявшемся в Лондоне митинге и своем участии в нем.

«На 28 сентября 1864 г. было назначено публичное собрание в Сент-Мартинс-холле, — писал он 4 ноября. — ...Я знал, что на этот раз как от Лондона, так и от Парижа были представлены действительные «силы», и поэтому решил отступить от своего обычного правила — отказываться от всех подобных приглашений»¹. Маркс рассказал Энгельсу о создании Международного Товарищества Рабочих и о своем избрании в руководящий орган новой организации — Временный комитет (позднее — Генеральный Совет). Указав на разнородный в идейном отношении состав участников как самого собрания, так и избранного на нем комитета (в него вошли чартисты, оуэнисты, тред-юнионисты, последователи Мадзини, буржуазные радикалы, сторонники научного коммунизма), Маркс изложил далее историю выработки и утверждения (1 ноября 1864 г.) программных документов Интернационала — «Учредительного Манифеста» и Временного Устава. Первоначальный проект «Манифеста», содержащий ряд мелкобуржуазных и утопических идей, был по его настоянию отвергнут, и оба документа целиком написаны им. «Было очень трудно сделать так, — продолжал Маркс, — чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения»².

«С нетерпением жду Манифеста к рабочим, — отвечал 7 ноября Энгельс, — ...это должно быть поистине мастерское произведение»³.

И это, действительно, было мастерское произведение. Инициаторы митинга — английские тред-юнионисты стремились создать международное объединение для борьбы прежде всего за экономические требования — сокращение рабочего дня, координацию стачечной борьбы, регулирование заработной платы и т. д.; французские рабочие, находившиеся под влиянием идей

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 8.*

² *Там же, стр. 13.*

³ *Там же, стр. 15.*

Прудона, мечтали об организации в мировом масштабе дарового кредита и развитии кооперации, видя в этом путь к освобождению от эксплуатации. Представители буржуазной демократии рассчитывали превратить Товарищество в придаток демократических организаций. Маркс же считал, что созданное международное общество должно стать действительно массовой пролетарской организацией, объединяющей и направляющей борьбу рабочих против капиталистического строя. Позже Энгельс писал, что среди участников собрания «был только один человек, который ясно понимал, что происходит и что нужно основать: это был тот человек, который еще в 1848 г. бросил в мир призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»»¹

Интернационал призван был объединить рабочие организации различной степени политической зрелости. Поэтому Марксу пришлось считаться с уровнем развития рабочих в разных странах и изложить идеи научного коммунизма так, чтобы не оттолкнуть ни один из отрядов рабочего движения, принимавших участие в основании Товарищества. А этого нельзя было сделать открытым и смелым языком «Манифеста Коммунистической партии». «Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть *fortiter in re, suaviter in modo* [сильным по существу, мягким по форме.— *Ред.*]»², — писал Маркс Энгельсу.

«Учредительный Манифест» убедительно показывал рабочим, что на основе буржуазной частной собственности «всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы»³, что накопление богатства является монополией имущих классов, а удел трудящихся масс — растущая нищета. Антагонистическим общественным отношениям капитализма Маркс противопоставил ассоциированный труд, который ликвидируется на общественной собственности на орудия труда. В этом положении содержалось в скрытом виде требование ликвидации частной собственности на средства производства и замены ее социалистической организацией общества.

Но ассоциированный труд победит только тогда, когда он будет развиваться в общенациональном масштабе, следовательно, на средства всей нации, когда магнаты земли и капитала будут лишены своих политических привилегий, служащих для увековечения их экономических монополий, когда пролетариат завоеует политическую власть. «Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»⁴. Так Маркс подводил членов Интернационала к идее

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 355.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 13.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 10.

политического господства пролетариата (хотя и не употребляя термина «диктатура пролетариата»).

С особенной силой в «Учредительном Манифесте» подчеркнута необходимость интернациональной солидарности между пролетариями всех стран. В нем, в частности, говорится: «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий»¹.

Во Временном Уставе Маркс последовательно проводил мысль, что Интернационал является самостоятельной пролетарской организацией. В Уставе подчеркивалось, «что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;... что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»². Выраженная в такой форме эта основная идея научного коммунизма была понятна и близка всем участникам Товарищества.

«Основывая Интернационал,— писал Энгельс много лет спустя,— Маркс составил его Общий Устав так, чтобы к нему могли примкнуть все пролетарские социалисты того периода — прудонисты, последователи Пьера Леру и даже наиболее передовая часть английских тред-юнионов...»³.

Оба документа были одобрены Генеральным Советом, что явилось важной победой идеи пролетарского социализма.

Получив от Маркса первые сведения о создании Международного Товарищества Рабочих, Энгельс сразу же оценил все значение происшедшего. Он писал Марксу: «Все же хорошо, что мы опять связываемся с людьми, которые, по крайней мере, представляют свой класс; в конце концов, это же главное»⁴. Интернациональное сплочение рабочего класса они оба рассматривали как важное средство развития классового сознания пролетариев, уяснения ими подлинных целей и средств борьбы.

Существование Товарищества способствовало развитию классовой борьбы пролетариата и росту его организованности: благодаря ему опыт, накопленный различными отрядами рабочего класса, быстро становился общим достоянием, а широкое обсуждение идейных вопросов в рамках Интернационала облегчало Марксу, Энгельсу и их сторонникам борьбу за проникновение марксизма в рабочее движение.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 10—11.

² Там же, стр. 12.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 504.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 15.

Последние годы в Манчестере

Много времени и сил у Энгельса по-прежнему отнимала служба в фирме. Правда, с июня 1864 г. он являлся уже не «клерком-корреспондентом и главным помощником по делам фирмы»¹, а одним из компаньонов фирмы, в которую была вложена доля наследства, полученная им после смерти отца. Это не только улучшило материальные дела Энгельса и дало ему возможность оказывать большую денежную помощь Марксу, но и создавало условия для того, чтобы добиться независимого положения до конца жизни. Однако выйти из фирмы Энгельс смог лишь 1 июля 1869 г. А до тех пор ему оставалось только страстно мечтать об избавлении от «собачьей коммерции», которая, писал он, «совершенно деморализует... отнимает все время».² Как обычно, большую часть дня Энгельс должен был проводить в конторе, общаться с деловыми людьми, принимать участие в их развлечениях, из которых удовольствие ему оставляло лишь одно — охота. Маркса тревожило это пристрастие друга — и не без оснований. Однажды во время охоты Энгельс упал вместе с лошадью и получил довольно серьезную травму.

Душевный покой и отдых Энгельс, как и раньше, находил только в маленьком домике на окраине города, где жил вместе с Лиззи Бёрнс, ставшей после смерти Мери его женой. Здесь по-прежнему бывали его друзья.

С кончиной Вильгельма Вольфа и отъездом Зибея в Германию круг близких Энгельсу в Манчестере людей сузился. Он продолжал поддерживать дружбу с Муром и Гумпертом. В эти годы Энгельс сблизился с талантливым ученым-химиком Карлом Шорлеммером. Время от времени он встречался с Э. Дронке и другими немецкими эмигрантами. По-прежнему радостными, но несчастными были встречи с Марксом и членами его семьи. В 1867 г. Энгельс познакомился с Полем Лафаргом, в то время уже активным участником французского рабочего движения и членом Генерального Совета Интернационала. Лафарг, который стал впоследствии одним из самых близких его друзей и учеников, много лет спустя вспоминал о том, как произошло их знакомство: «Теперь, когда ты стал женихом моей дочери, — сказал мне Маркс, — я должен представить тебя Энгельсу. — И мы поехали в Манчестер»³.

Хотя свободного времени у Энгельса оставалось немного, он не прекращал научных занятий. Интересы его были по-прежнему разносторонни: литература, древнегерманский фольклор, древнефризское право, древненорвежский язык, история древних германцев, их языков и диалектов, физика, химия,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1643.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 248.

³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 79.

биология, физиология, геология, история народного хозяйства. Свое мнение по поводу прочитанных книг, новых научных гипотез и открытий он нередко высказывал в письмах к Марксу.

Живя в Манчестере, Энгельс не мог принимать непосредственного участия в работе находившегося в Лондоне Генерального Совета. Но с самого его основания он стремился помогать Марксу, активно участвовал в идейной борьбе в Интернационале, пропагандировал, отстаивал и развивал те положения марксизма, которые были заложены в их работах и программных документах Интернационала.

Почти ежедневная переписка Энгельса с Марксом свидетельствует о том, как живо откликался он на все события в Интернационале. Не было ни одного сколько-нибудь важного вопроса, который они не обсуждали бы между собой, разрабатывая последовательную линию борьбы за международное сплочение пролетариата, за соединение научного коммунизма с рабочим движением. Энгельс переписывался со многими деятелями Интернационала, разъяснял им линию Генерального Совета, их общую с Марксом позицию. По мере сил и возможностей он занимался и практической организационной работой — распространял членские билеты Интернационала, участвовал в финансировании его органов печати в Англии, часто выступал как организатор материальной поддержки бастующим рабочим. Следует учитывать, что организация кампаний солидарности со стачечниками имела огромное значение в жизни Интернационала; это не только укрепляло его авторитет и способствовало росту его рядов, но являлось и важным средством сплочения и воспитания пролетариата, чтобы, как писал Маркс, «рабочие различных стран не только *чувствовали*, но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии»¹.

Наиболее тесные связи Энгельс поддерживал в эти годы с рабочим движением в Германии.

Разработка революционной тактики немецких рабочих

С первого дня образования Интернационала Маркс и Энгельс стремились превратить его в массовую пролетарскую организацию, вовлечь в него рабочих Европы и Америки. Первоочередной задачей они считали присоединение к Товариществу уже существовавших в разных странах рабочих объединений и обеспечение единства их действий. Это прежде всего относилось к Германии, где в это время имелись две крупные организации рабочих, возникшие в 1863 г.: Всеобщий германский рабочий союз и созданный под эгидой буржуазных либералов и демократов Союз немецких ра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 195.

бочих обществ, который объединил просветительные рабочие общества различных районов страны.

Никогда не терявший связи с рабочим движением в Германии Энгельс видел трудности на пути приобщения немецких пролетариев к Интернационалу. Отчасти эти трудности были связаны с прусским законодательством, запрещавшим рабочим обществам объединяться с иностранными организациями. С другой стороны, этому препятствовали лассальянские лидеры Всеобщего германского рабочего союза — публицист Б. Беккер, адвокат И. Б. Швейцер и другие.

Вступление немецких рабочих в Интернационал, присоединение к нему Всеобщего германского рабочего союза безусловно способствовало бы освобождению Союза от лассальянских догм, преобразованию его в революционную пролетарскую организацию. Вместе с тем это было бы значительным успехом и самого Международного Товарищества Рабочих.

Поэтому Маркс и Энгельс внимательно отнеслись к сделанному им И. Б. Швейцером предложению сотрудничать в газете «Der Social-Demokrat», которая под его редакцией начала выходить в Берлине с 15 декабря 1864 г. Само обращение Швейцера к Марксу и Энгельсу свидетельствовало об их авторитете среди рабочих Германии. Поскольку в проспекте газеты отсутствовали специфически лассальянские требования, а в состав редакции вошел Либкнехт, Маркс и Энгельс, обсудив между собой это предложение, ответили согласием. «Очень хорошо, что у нас опять будет орган, — писал Энгельс Марксу, — и очень хорошо, что Либкнехт... будет соредактором; это все же дает некоторые гарантии»¹. И хотя Энгельс понимал, что лассальянцы используют газету для распространения своих взглядов, он тем не менее, как и Маркс, считал необходимым воспользоваться представившейся возможностью для пропаганды идей Интернационала и, конечно, критики теоретической платформы Лассаля и его тактики.

Во втором и третьем номерах газеты был опубликован «Учредительный Манифест», текст которого, таким образом, стал доступен немецким рабочим, а в феврале 1865 г. в трех номерах — статья Маркса «О Прудоне», по существу направленная и против Лассаля. Одновременно с этой статьей Энгельс поместил в газете свой перевод стародавней народной песни «Барин Тидман», посвященной одному эпизоду борьбы крестьян против феодалов. В небольшом послесловии Энгельс писал: «Песня показывает... те средства, с помощью которых крестьяне умели положить конец дворянским домогательствам. В такой стране, как Германия, где имущие классы включают в себя столько же феодального дворянства, сколько и буржуазии, а

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 18, 19.

пролетариат состоит из такого же или даже большего количества сельскохозяйственных пролетариев, как и промышленных рабочих, — старая бодрая крестьянская песня как раз к месту»¹. Эти слова содержали косвенную критику лассальянцев, игнорировавших революционные возможности крестьянства.

Позиция лассальянских лидеров Всеобщего германского рабочего союза, которые отказывались поддержать общедемократическое движение и продолжали заигрывать с правительством Бисмарка, рассчитывая, что оно сделает кардинальные уступки рабочему классу, вызывала серьезное беспокойство Энгельса. Такая позиция лишала рабочий класс революционной перспективы. В этой обстановке крайне важно было противопоставить линии лассальянских лидеров научно обоснованную, революционную тактику пролетариата. Возможность для такого выступления представилась в январе 1865 г., когда Либкнехт через Маркса обратился к Энгельсу с просьбой написать для «Social-Demokrat» статью по одному из наиболее актуальных в то время вопросов — о реформе прусской армии или о Гражданской войне в Америке. 27 января Энгельс ответил, что напишет статью о военном вопросе.

Эта тема привлекла внимание Энгельса прежде всего потому, что позволяла ему высказаться по наиболее острым для Германии вопросам тактики рабочего класса, раскрыть антинародную сущность политики Бисмарка и одновременно нанести удар по лассальянским догмам. Актуальность темы определялась сложившейся к тому времени в Пруссии обстановкой: уже несколько лет там продолжался так называемый конституционный конфликт, возникший вследствие отказа либерального большинства нижней палаты прусского ландтага утвердить правительственный проект реорганизации армии. В ходе конфликта правительство дважды распускало ландтаг и в конце концов приступило к осуществлению реформы невзирая на то, что связанные с этим расходы так и не были утверждены ландтагом.

Работа, названная Энгельсом «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», была написана в течение нескольких дней. Уже 9 февраля Энгельс послал Марксу для ознакомления всю рукопись. Получив 11 и 12 февраля замечания Маркса, он за день доработал ее и отослал в Германию. Написанный текст (2,5 печатного листа) перерос объем газетной статьи, да и политическая направленность работы делала невозможным опубликование ее в лассальянской газете. Работа вышла в виде брошюры в издательстве Мейснера в Гамбурге.

Цель работы была совершенно четко раскрыта самим Энгельсом. В составленном для газет анонсе о брошюре он писал: «В противоположность новейшей «социал-демократической»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 33.

партийной тактике автор в этой брошюре снова отстаивает ту позицию, на которой стояли литературные представители пролетариата 1846—1851 гг. ...»¹.

Хотя в брошюре рассматривался, казалось бы, частный вопрос — отношение рабочего класса к реформе армии, — она по своему содержанию далеко вышла за эти рамки. Идеалистической концепции и ошибочной политической тактике Лассалья был противопоставлен материалистический анализ изменений, происшедших в Германии после революции 1848—1849 гг.

Исходным моментом этого анализа является констатация незавершенности буржуазно-демократических преобразований в стране.

Детально разбирая позицию немецкой буржуазии в конституционном конфликте, Энгельс показал ее трусость и непоследовательность в борьбе за свои собственные интересы против стоящей у власти феодальной аристократии. Причины этого Энгельс усматривал в ее относительной экономической слабости, а главное, в страхе перед пролетариатом. В условиях развития самостоятельного рабочего движения, подчеркивал он, буржуазия, еще в большей степени, чем это было в период революции 1848—1849 гг., боится союза с народными массами против феодальной реакции и предпочитает политику компромиссов, она «не остановится перед тем, чтобы совершить предательство по отношению к самой себе»².

Таким образом, отмечал Энгельс, немецкий рабочий класс действует в стране, где еще происходит борьба за власть между силами феодально-абсолютистской реакции и буржуазией, где «живьем разгуливают изумительнейшие допотопные ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, захолустное юнкерство, телесные наказания, регирунгсраты, ландраты, цеховщина... и т. д.»³. Рабочий класс должен определить свою позицию по отношению к этой борьбе. Исторический опыт показывает, что обе борющиеся за власть силы пытаются привлечь на свою сторону рабочих. Энгельс писал: «Феодальные и бюрократические представители гибнущего общества призывают рабочих к нападению совместно с ними на кровопийц-капиталистов, единственных врагов рабочего, а буржуа указывают рабочим на то, что они вместе представляют новую общественную эпоху и поэтому по отношению к гибнущей *старой* общественной форме их интересы, во всяком случае, совпадают»⁴.

В то же время и рабочий класс осознает себя особым классом, имеющим свои самостоятельные интересы. И перед немецкими рабочими так же, как и перед рабочими других стран,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 80.

² Там же, стр. 65.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Там же, стр. 68.

встает вопрос, какой тактики им придерживаться по отношению к враждующим эксплуататорским классам. Передовые рабочие Германии, писал Энгельс, имея в виду членов Всеобщего германского рабочего союза, требуют освобождения их от капиталистов «путем передачи капитала, принадлежащего государству, ассоциированным рабочим для ведения производства за общий счет и без капиталистов». Средство достижения этого они видят в завоевании рабочим классом «политической власти путем всеобщего, прямого избирательного права»¹. Но, отмечал Энгельс, ни реакция, ни либеральная буржуазия никогда добровольно не уступят этим требованиям.

Вместе с тем Энгельс дал блестящий анализ истинных намерений реакционных сил. Он писал: «Реакция, если она последовательна, стремится, конечно, упразднить пролетариат, но не путем движения вперед к его ассоциированию, а путем возврата вспять, превращения современных пролетариев снова в цеховых подмастерьев и в крепостных или полукрепостных зависимых крестьян»². Мало того, что такие планы не могут устроить рабочих, они являются реакционной утопией. Каждая победа реакционных сил задерживает общественное развитие и неизбежно отдалает победу рабочих. Если реакция и делает уступки, направленные против буржуазии, то они ни в коей мере не ведут и не могут вести к усилению политической мощи рабочих.

Энгельс не ограничивался общими утверждениями. Рассмотрев деятельность правительства Бисмарка, он показал, что оно представляет собой особую разновидность реакции — бонапартизм. Энгельс дополнил сделанный Марксом ранее анализ сущности бонапартизма на примере империи Наполеона III во Франции характеристикой прусской разновидности бонапартизма — режима Бисмарка как особой государственной формы феодально-бюрократической реакции. «Бонапартизм,— писал Энгельс,— является необходимой государственной формой в такой стране, где рабочий класс, который достиг в городах высокой ступени своего развития, но в деревне численно перевешивается мелким крестьянством, оказался побежденным в великой революционной битве классом капиталистов, мелкой буржуазией и армией... Он защищает буржуазию от насильственных нападений рабочих, поощряет мелкие мирные стычки между обоими классами, а во всем остальном липает как тех, так и других всяких признаков политической власти»³. Стоящее в Пруссии над буржуазией бонапартистское правительство, сохраняя власть феодально-бюрократических кругов, не может не защищать и основных интересов класса капиталистов. Энгельс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 68—69.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 71, 72.

четко и ясно вскрыл антинародный характер правительства Бисмарка. «Было бы верхом глупости ожидать большего для рабочих от правительства, которое как раз для того только и существует, чтобы держать рабочих в узде по отношению к буржуазии»¹.

Энгельс дал убийственную характеристику германской буржуазии, рассмотрев ее политическую историю начиная с 1848 г. «Прусская буржуазия,— отмечал он,— ...влачит свое политическое существование с таким отсутствием мужества, которому нет равного в истории даже этого не отличающегося храбростью класса...»².

Энгельс поднял еще один чрезвычайно важный для рабочего класса вопрос, который игнорировался лассальянцами,— вопрос о сельском пролетариате. «В Германии,— писал он,— борьба против феодальной и бюрократической реакции — ведь та и другая у нас теперь неотделимы — равносильна борьбе за духовное и политическое освобождение сельского пролетариата, и пока сельский пролетариат не втянут в движение, до тех пор городской пролетариат в Германии не может достигнуть и не достигнет ни малейшего успеха...»³. Борьба за привлечение на свою сторону сельских тружеников требует от городских рабочих, от пролетарской партии решительного выступления против остатков феодализма.

В заключение Энгельс сформулировал задачи рабочей партии в Германии. Развивая тактику, разработанную им и Марксом в годы революции 1848—1849 гг., он указал, что рабочий класс должен решительно выступать против реакции, не давая себя обмануть методами социальной демагогии, и поддерживать либеральную буржуазию против реакционных элементов, толкать ее на борьбу за буржуазно-демократические преобразования. Но поддерживать лишь «до тех пор, пока она верна самой себе», в противном случае «продолжать агитацию... вопреки буржуазии за буржуазную свободу, свободу печати, за право собраний и союзов»⁴. А главное — рабочая партия должна выступать как совершенно самостоятельная политическая сила, всегда подчеркивая противоположность классовых интересов рабочих интересам буржуазии, сохраняя и развивая собственную организацию в противовес партийной организации буржуазии.

В конце февраля 1865 г. брошюра «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» вышла в свет и сразу же получила широкий отклик в Германии; она была с восторгом встречена единомышленниками и соратниками Маркса и Энгельса. В. Либкнехт организовал ее обсуждение в рабочих обществах

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 72.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 77, 78.

Берлина¹. Один из участников рабочего движения в Эльберфельде Карл Зибель писал Энгельсу 6 марта 1865 г.: «Я дважды основательно прочитал брошюру. Она мне очень понравилась. Не думаю, что этим господам, даже при самом большом желании, удастся ее игнорировать»². Восторженно отзывался о брошюре соратник Маркса и Энгельса по Союзу коммунистов И. Я. Клейн из Кёльна, сообщая, что она хорошо расходуется³. В демократической и буржуазной печати появились рецензии, в которых воздавалось должное таланту Энгельса.

Брошюра способствовала правильной ориентации передовых немецких рабочих, их консолидации. Выдвигая перед ними задачу создания действительно самостоятельной революционной политической партии, Энгельс научно обосновал ее стратегию и тактику, дал оценку общего положения в стране, различных борющихся политических сил, убедительно доказал ошибочность лассальянской тактики. Это первое после долгого перерыва публичное выступление Энгельса по вопросам рабочего движения было примером блестящего сочетания глубоких знаний истинного ученого с опытом пролетарского революционера. К своим выводам он пришел на основе изучения политической и экономической истории Англии, Франции, Германии и современной обстановки в этих странах, истории рабочего движения, в результате долгих размышлений над проблемами буржуазных и пролетарской революций.

Разрыв с редакцией «Social-Demokrat»

Накануне того, как Энгельс приступил к работе над брошюрой, 26 января 1865 г. он получил пересланное ему Марксом письмо Либкнехта, в котором сообщалось об имевшем место в начале 1864 г. соглашении Лассалья с Бисмарком. В обмен на поддержку Всеобщим германским рабочим союзом аннексии Пруссией Шлезвиг-Гольштейна Бисмарк обещал Лассалю ввести всеобщее избирательное право. Подозрения Маркса и Энгельса о сговоре Лассалья с Бисмарком подтвердились. На следующий день Энгельс писал Марксу: «Благородный Лассаль разоблачается все в большей и большей степени как самый обыкновенный прохвост. В оценке людей мы никогда не исходили из того, какими они сами себе представлялись, а из того, какими они были в действительности... Субъективно его тщеславие могло ему представить дело приемлемым, объективно это было подлостью, предательством всего рабочего движения в пользу пруссаков»⁴.

Между тем уже первые номера «Social-Demokrat» показывали, что Швейцер всеми силами стремится насаждать культ

¹ См. «Die I. Internationale in Deutschland». Berlin, 1964, S. 40—44.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1541.

³ См. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 45.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 38—39.

Лассалья, пропагандировать его тактику. Газета сначала завуалированно, а затем все более откровенно выступала в поддержку бисмарковского правительства.

Направление, которое придавал Швейцер газете, и его личные выступления подтверждали, что он готов идти по стопам своего учителя, ориентируется сам и ориентирует рабочее движение на соглашение с правительством Бисмарка. Все попытки Маркса повлиять на линию газеты оставались безрезультатными. Марксу и Энгельсу становилось все яснее, что разрыв со Швейцером неизбежен. В письмах друг другу они почти ежедневно обсуждали этот вопрос.

Решительный протест Маркса и Энгельса вызвала публикация в «Social-Demokrat» 13 января и 1 февраля корреспонденций М. Гесса из Парижа, в которых он обвинял руководителей парижских секций Интернационала в связях с бонапартистами. Расценив публикацию этих корреспонденций как попытку скомпрометировать Интернационал в глазах немецких рабочих, Маркс написал от своего и Энгельса имени заявление в редакцию о «вздорной клевете» Гесса¹. Текст заявления он 6 февраля послал на подпись Энгельсу, а затем переправил Швейцеру. Но так как Гесс признал неправильность своих утверждений, Маркс и Энгельс не настаивали на публикации заявления. Им нужен был более подходящий повод, который дал бы возможность высказаться не только о линии газеты, но и о лассальянстве как таковом.

1 февраля 1865 г. в «Social-Demokrat» была напечатана редакционная статья, в которой излагалась позиция лидеров лассальянцев по отношению к развернувшейся в стране борьбе за отмену законодательного запрещения стачек и коалиций. В этой кампании, поднятой партией немецкой либеральной буржуазии — прогрессистами, стали активно участвовать рабочие, входившие как во Всеобщий германский рабочий союз, так и в Союз немецких рабочих обществ, что создавало предпосылки для установления единства действий рабочих на почве борьбы за общие интересы. Однако лассальянцы игнорировали кампанию за право коалиций, выдвигая на первый план агитацию за государственную помощь производительным товариществам. В связи с этим Маркс в письме Швейцеру сделал еще одну попытку повлиять на его позицию, разъяснить значение для рабочего класса коалиций и вырастающих из них профессиональных союзов. Однако она не возымела действия. Ответ Швейцера от 15 февраля 1865 г. показывал, что он не собирается менять линию газеты и не желает прислушиваться к критике со стороны Маркса и Энгельса. Письмо Швейцера Маркс немедленно переслал Энгельсу. В это же время в газете печаталась серия

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 34.

статей Швейцера «Министерство Бисмарка» с откровенной апологией прусского правительства, его линии на объединение Германии под эгидой Пруссии. Марксу и Энгельсу стало совершенно ясно, что изменить курс газеты невозможно, что их имена используются Швейцером и его сторонниками для рекламы, что сохранение существующего положения может лишь нанести вред рабочему движению.

18 февраля Маркс сообщил Энгельсу о выходе Либкнехта из редакции газеты, что, естественно, не могло не повлиять и на их решение. Одновременно Маркс послал Энгельсу текст их совместного заявления об отказе от сотрудничества в газете ввиду их резко отрицательного взгляда на «королевско-прусский правительственный социализм». Энгельс целиком согласился с предложенным текстом.

Упомянутая выше серия статей Швейцера позволила придать разрыву с газетой открытый, остро политический и убедительный для масс характер. Заявление Маркса и Энгельса о разрыве в конце февраля — первых числах марта 1865 г. было опубликовано во многих немецких газетах и встретило одобрителный отклик среди передовых немецких рабочих. Так, И. Клейн писал Энгельсу: «Все здешние знакомые были очень обрадованы твоим и Маркса заявлением, хотя оно отнюдь не было неожиданным; заявление оказалось должно воздействие...»¹. Оно было одобрено также берлинским Союзом печатников, где с докладом о причинах разрыва Маркса и Энгельса с редакцией «Social-Demokrat» выступил Либкнехт.

Решение Маркса и Энгельса, к которому вскоре присоединились и другие видные сотрудники газеты (И. Ф. Беккер, Ф. Рюстов, Г. Гервег и др.), вызвало острые споры и внутри Всеобщего германского рабочего союза. В целях самооправдания Швейцер и другие вожаки лассальянцев выступили с клеветническими выпадами против Маркса и Энгельса, стремясь извратить картину подлинного отношения основоположников марксизма к Лассалю, к Всеобщему германскому рабочему союзу и к газете «Social-Demokrat». Энгельс решительно высказался за отпор этим инсинуациям². Таково же было и мнение Маркса. От имени их обоих он выступил с рядом заявлений против Швейцера, Б. Беккера и других лассальянских лидеров.

Аналогичным образом действовали сторонники Маркса в самой Германии, в первую очередь Либкнехт. Большую пропагандистскую работу он развернул в берлинской общине Всеобщего германского рабочего союза. Хотя большинство ее продолжало находиться под влиянием лассальянских догм, Либкнехту все же удалось сгруппировать вокруг себя наиболее

¹ «Die I. Internationale in Deutschland», S. 45.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 85—86.

передовых, революционно настроенных членов общины. Вскоре, однако, его выслали из Пруссии.

Отказавшись от намерения вовлечь в Интернационал лассальянский Всеобщий германский рабочий союз, Маркс стал ориентироваться на образование в Германии не связанных непосредственно друг с другом небольших секций. Уже в 1866 г. в различных частях страны были созданы секции Интернационала, которые сыграли значительную роль в распространении идей Международного Товарищества.

Это имело важное значение для немецкого рабочего движения, способствовало выделению и сплочению его передовых элементов, преодолению лассальянского влияния. Не менее важно было это и для Интернационала в целом. Немецкие рабочие получили возможность представительства на конгрессах Товарищества и усилили в нем ядро пролетарских революционеров, стоявших на позициях марксизма. Уже на первых конгрессах (в Женеве 1866 г. и Лозанне 1867 г.) стало ясно, что немецкие рабочие являются одной из основных опор Маркса в Интернационале.

Пути объединения Германии

Развитию борьбы с лассальянством, выработке правильной тактики революционного пролетариата способствовал начавшийся в 1866 г. новый подъем политической активности в Германии. Назревал военный конфликт между Австрией и Пруссией, вызванный борьбой за гегемонию в Германии. Бисмарк явно стремился спровоцировать военный конфликт, рассчитывая обеспечить объединение страны под эгидой Пруссии. Энгельс еще в начале апреля 1866 г. в письме Марксу отмечал, что Бисмарк «ведет дело к войне»¹. Маркс и Энгельс считали, что интересам демократического развития страны, интересам рабочего класса отвечало бы объединение Германии не под эгидой реакционной Пруссии или не менее реакционной Австрии, а революционным путем.

Вопрос об объединении страны, его путях и формах глубоко волновал немецких рабочих. Часть из них под влиянием лидеров Всеобщего германского рабочего союза склонялась к поддержке правительства Бисмарка. Однако все большее количество рабочих обществ осознавало необходимость демократического, революционного решения национального вопроса.

Большую роль в этом сыграл молодой токарь по дереву Август Бебель, который в июле 1865 г. возглавил объединение рабочих обществ в Саксонии и повел решительную борьбу за освобождение их из-под влияния либеральной буржуазии. В августе того же года он познакомился с Либкнехтом, который после высылки из Берлина поселился в Лейпциге. С тех пор

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 168.

они действовали в тесном контакте. Либкнехт немало способствовал переходу Бебеля на позиции научного коммунизма. Активная деятельность Либкнехта и Бебеля, разоблачение ими реакционной сущности прусской политики и позиции лассальянцев находили все более широкий отклик, способствовали укреплению авторитета Интернационала. Но выработать последовательную тактику в данных конкретных условиях было не так просто. Определенные ошибки допускал и Либкнехт. Критикуя политику Пруссии, он склонялся иногда к поддержке политики Австрии, выдвигал, кроме того, планы федеративного устройства Германии, что было уступкой партикуляристским стремлениям буржуазии малых германских государств, стремлениям, которые выражала в частности Народная партия, объединявшая демократические мелкобуржуазные элементы главным образом Южной Германии и Саксонии.

Рассматривая события с точки зрения интересов рабочего движения, Энгельс надеялся, что поражение Пруссии в войне вызовет революционный взрыв в Германии и вместо «революции сверху», проводимой Бисмарком, вновь станет возможной «революция снизу», буржуазно-демократическая революция, которая сметет реакционные правительства больших и малых германских государств. И в этой революции пролетариат должен был и мог сказать свое слово. «В Германии,— писал Энгельс Марксу накануне начала войны,— картина принимает с каждым днем все более революционный характер... Я думаю, что недели через две в Пруссии дело начнется»¹.

Некоторые факты позволяли Энгельсу допускать возможность такого исхода. С чисто военной точки зрения, отмечал он в своих военных обзорах, печатавшихся в «Manchester Guardian» в июне — июле 1866 г., австрийская армия обладала рядом преимуществ по сравнению с прусской. Он предполагал также, что моральное состояние прусских войск не позволит им вести успешную наступательную войну. Однако превосходство Пруссии в вооружении — прусские войска имели заряжающуюся с казенной части игольчатую винтовку — сказалось в первых же сражениях начавшейся в июне 1866 г. войны. Австрия потерпела сокрушительное поражение. Создание Северогерманского союза под главенством Пруссии, аннексия ряда мелких немецких государств означали важный шаг в реализации планов Бисмарка. «...Бисмарк,— писал Энгельс 25 июля,— во всяком случае создаст малогерманскую империю [исключая Австрию.— *Ред.*] в тех пределах, которые имела в виду буржуазия...»². Возможность на данном этапе революционного решения германского вопроса была исключена. Усиливалось в общегерманском, а также европейском масштабе влияние прусской

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 190, 191.

² Там же, стр. 202.

военщины и бисмарковского бонапартизма. Перед немецким рабочим классом вставали новые задачи. Определяя их, Энгельс писал Марксу 25 июля 1866 г.: «Итак, по-моему, нам не остается ничего другого, как просто считаться с фактом, не одобряя его, и использовать как можно шире открывающиеся теперь большие возможности для национальной организации и объединения германского пролетариата»¹.

Точка зрения Энгельса оказала определенное влияние на немецкое рабочее движение. В декабре 1866 г. Либкнехт в ответ на письмо Энгельса писал, что во всем существенном он с ним согласен и если и есть разногласия, то они касаются лишь мелких практических вопросов.

Обоснование позиции Интернационала в польском вопросе

Во второй половине 60-х годов в рабочих организациях европейских стран и в Интернационале особый интерес вызывал национальный вопрос. Только что было подавлено польское национально-освободительное восстание 1863—1864 гг., вызвавшее сочувствие пролетариата и широких демократических кругов в Европе. Всеобщее внимание привлекали проблемы объединения Италии и Германии. Буржуазные и буржуазно-демократические группировки во всех странах выступали со своими программами, стремясь привлечь на свою сторону массы, в том числе и рабочих. Дать идеологическое обоснование своей реакционной политики в национальном вопросе старались и правящие круги европейских государств. Особенно опасным было характерное для бонапартистской Франции прикрытие авантюристических завоевательных планов демагогической фразеологией, попытки использовать национальные движения в контрреволюционных целях.

В то же время среди части рабочих распространялись нигилистические тенденции в национальном вопросе, наиболее ярко выраженные французскими прудонистами. Исходя из того, что цель рабочих — освобождение от тирании капитала, прудонисты считали, что рабочие организации, в том числе и Интернационал, должны заниматься лишь экономическими вопросами, что национально-освободительная борьба, как и вообще политическая деятельность, — дело буржуазии и чужда пролетариям.

В Генеральном Совете и в секциях Интернационала развернулись дискуссии о включении требования независимости Польши в повестку дня предстоявшего в 1866 г. в Женеве конгресса. Прудонисты выступили против этого. Однако Лондонская конференция Интернационала в сентябре 1865 г. решила включить этот вопрос в повестку дня конгресса. Обоснование поддержки рабочим классом требования независимости Польши давало возможность выступить с развернутой программой рабочего класса

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 203.

в области национально-освободительного движения. Кроме того, это позволяло поставить перед Интернационалом и вопрос о необходимости самостоятельной политической борьбы пролетариата и его отношении к буржуазно-демократическим движениям.

Значительный вклад в разработку позиции Интернационала по национальному вопросу внес Энгельс. 5 января 1866 г. Маркс обратился к нему с просьбой написать статью о польском вопросе¹. Работал Энгельс урывками, но уже 24 марта в органе Интернационала «Commonwealth» появилась первая из трех статей, озаглавленных «Какое дело рабочему классу до Польши?». В них Энгельс обосновал положение, что национально-освободительное движение является революционной силой, которую рабочий класс всячески должен поддерживать.

Критикуя прудонистов, Энгельс показал, что проповедь невмешательства в национально-освободительную борьбу объективно означает в данном случае поддержку политики угнетения Польши царской Россией, Австрией и Пруссией. Он развивал мысль о том, что рабочий класс должен объявить войну реакции, в какой бы форме она ни проявлялась, в какой бы области ни выступала, что он призван покончить с порабощением одних народов другими. Требование освобождения и самоопределения угнетенных наций должно стать неотъемлемым лозунгом пролетарской борьбы. В противовес прудонистам Энгельс доказывал необходимость поддержки рабочим классом буржуазно-демократических по своей сути движений, кровную заинтересованность пролетариата в демократических преобразованиях.

В этих статьях Энгельс показал, что между отстаиваемым пролетариатом требованием права крупных европейских наций на «отдельное и независимое существование»² и бонапартистской демагогией о предоставлении так называемой самостоятельности каждой национальности, независимо от того, на какой территории живут ее представители, и на основе только этнической принадлежности, нет ничего общего. Бонапартистские лозунги означали пересмотр границ уже исторически и экономически сложившихся государств, служили выражением захватнических планов Наполеона III, претензий бонапартистской Франции на политическое господство в Европе в ущерб действительно демократическим движениям. Энгельс раскрыл сущность бонапартистского «принципа национальностей» как попытки использовать национальные движения в контрреволюционных целях.

Он заклеил политику угнетения Польши, проводимую русским царизмом, прусской и австрийской монархиями, особо подчеркнув реакционную роль царского самодержавия. Вместе с тем он разоблачил и ту позорную роль, которую сыграла ари-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 143.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 161.

стократия Польши в разрушении своего национального государства. Ради сохранения отживших феодальных отношений польские магнаты противодействовали прогрессивному развитию страны и тем самым ослабляли внутренние силы народа, боровшегося против иностранной интервенции. «Аристократия действительно довела Польшу до упадка, до полного упадка»¹, — подчеркивал Энгельс. Пользуясь продажностью польской аристократии, реакционные внешнеполитические силы положили конец самостоятельному существованию Польши. Раздел Польши был на руку международной реакции.

Энгельс делал вывод, что «рабочие не одной только Пруссии, но и всей Германии, больше, чем рабочие какой-либо другой страны, заинтересованы в восстановлении Польши»².

Так, используя злободневный в то время польский вопрос, Энгельс выступил с защитой и конкретизацией одного из важнейших положений «Учредительного Манифеста» — о необходимости вести борьбу против внешней политики господствующих классов, которой рабочий класс должен противопоставить свою внешнюю политику, основанную на принципах пролетарского интернационализма.

Работа Энгельса сыграла важную роль в обосновании и защите той позиции по польскому вопросу, которую Маркс проводил в Международном Товариществе Рабочих.

Создание массовой рабочей партии в Германии

Разносторонняя деятельность Маркса и Энгельса по руководству немецким рабочим движением приносила свои плоды. В нем происходили значительные сдвиги. Распространение идей научного социализма, широкая пропаганда вышедшего в свет в сентябре 1867 г. I тома «Капитала» Маркса, в которой активнейшее участие принял и Энгельс³, приобщение рабочих масс к программе Интернационала, их собственный опыт борьбы создавали условия для организации самостоятельной пролетарской партии.

Стремясь освободить Маркса хотя бы от части той огромной работы, которую он вел в Интернационале, Энгельс взял на себя значительную долю переписки с Германией.

Маркс и Энгельс в письмах друг другу постоянно самым детальным образом разбирали проблемы немецкого рабочего движения, вырабатывали общую тактическую линию. А проблемы были достаточно сложными.

В 1867 г. немецкие рабочие добились крупного успеха — в Северогерманский рейхстаг были выбраны два их лучших представителя — Вильгельм Либкнехт и Август Бебель. Первые представители организованного пролетариата оказались в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 164.

² Там же, стр. 158.

³ Подробнее см. главу двенадцатую.

составе реакционного, помещичье-буржуазного парламента. Маркс и Энгельс помогали им в их деятельности, радовались успехам, горячо поддерживали их смелую критику прусского правительства.

Получив сведения об избрании Либкнехта, Энгельс писал Лауре Маркс: «Твой друг Лайбрери [шутливое прозвище Либкнехта в семье Маркса.— *Ред.*] благополучно избран от Шнеберга в Саксонии в великий Северогерманский рейхстаг, одержав победу над графом цур Липпе, и вскоре, вероятно, выступит с большой речью в качестве дебюта»¹. А после этой первой речи он писал другу Маркса социалисту Л. Кугельману, с которым сам познакомился летом 1867 г. во время краткой поездки в Германию: «Либкнехт держит себя на берлинском скотном дворе очень хорошо»².

Регулярно переписываясь с Либкнехтом, Энгельс побуждал его не только критиковать и разоблачать реакционное прусское правительство, но и «нападать на врагов Бисмарка так же сильно, как на него самого, ибо и они тоже ничего не стоят»³. Энгельс имел в виду оппозицию правительству Бисмарка со стороны представителей южногерманских партикуляристов и федералистов. Он неоднократно упрекал Либкнехта за уступки Народной партии — представители рабочего класса должны разоблачать как откровенно реакционные силы, так и ограниченность буржуазных демократов, ясно и четко противопоставлять им свою революционную политическую линию.

Внимательно следя за каждым выступлением Либкнехта и Бебеля, критикуя их ошибки и помогая им выработать правильную пролетарскую позицию по самым разнообразным вопросам, Энгельс воспитывал последовательно революционных борцов, умеющих использовать любое оружие, любой повод для борьбы за дело освобождения трудящихся. При его участии и под его руководством закладывались основы парламентской тактики пролетарской партии.

Великий революционный стратег Энгельс постоянно предостерегал друзей и единомышленников против опасности отрыва специфически пролетарских задач от национальных и демократических задач. В связи с заявлением Либкнехта о необходимости отложить борьбу за непосредственные классовые интересы рабочих до завершения борьбы за демократию, Энгельс в письмах к нему разъяснял ошибочность этой «странной теории»⁴ и подчеркивал неразрывность этих задач.

Благодаря прежде всего усилиям Маркса и Энгельса, благодаря упорной печатной и устной пропаганде, проводимой Либк-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 467—468.

² Там же, стр. 471.

³ Там же, стр. 350.

⁴ Там же, стр. 485.

нехтом и другими их сторонниками в Германии, идеи Интернационала, идеи марксизма получали все более широкое распространение, пускали все более глубокие корни.

Чрезвычайно важным для всего Интернационала успехом сторонников научного коммунизма в Германии был собравшийся в Нюрнберге 5 сентября 1868 г. съезд Союза немецких рабочих обществ. На нем произошел разрыв большинства Союза с либеральной буржуазией, победила подлинно пролетарская революционная линия. В принятой съездом программе было заявлено о присоединении к платформе Интернационала. Идеи Интернационала, подтвержденные практикой рабочего движения, оказывали свое влияние и на определенную часть лассальянцев.

В то же время усиливалась оппозиция лассальянскому руководству во Всеобщем германском рабочем союзе. Появление «Капитала» оказало такое воздействие, что на Гамбургском генеральном собрании (съезде) Всеобщего германского рабочего союза в 1868 г. был поставлен специальный доклад об этом труде Маркса.

Учитывая популярность Маркса среди членов Всеобщего германского рабочего союза, Швейцер от имени правления Союза пригласил его на Гамбургское собрание. Письмо это стало предметом обмена мнениями между Марксом и Энгельсом. Энгельс считал необходимым отклонить приглашение, но воспользоваться случаем и в ответном письме Швейцеру со всей откровенностью показать противоположность между подлинным рабочим движением и сектантским, которое насаждали в Германии лассальянцы. Маркс последовал этому совету.

К тому времени Швейцер под давлением масс вынужден был отказаться от одной из лассальянских догм — резко отрицательного отношения к профессиональным союзам и стачечной борьбе. Стремясь вырвать у Либкнехта и Бебеля инициативу в организации профессиональных союзов, он выдвинул проект создания единого централизованного профсоюзного объединения во главе с президентом, избираемым всеобщим голосованием и наделенным диктаторскими правами. Маркс отрицательно отнесся к проекту устава такого объединения, построенного на тех же недемократических принципах, что и Всеобщий германский рабочий союз¹.

В небольшой статье «К роспуску лассальянского Рабочего союза», написанной в сентябре 1868 г. в связи с запрещением полицией Всеобщего германского рабочего союза и опубликованной в лейпцигской рабочей газете «Demokratisches Wochenblatt», Энгельс стремился убедить членов Союза в том, что надо не пытаться восстановить его на старой основе, а содей-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 476.

ствовать созданию единой партии германского пролетариата. Критикуя культ Лассалья, слепую веру в его непогрешимость, он выражал надежду, что члены Союза преодолют заблуждения лассальянства. «С того момента,— писал Энгельс,— как члены распущенного Союза начали мыслить, вместо того, чтобы верить, исчезла последняя преграда, стоявшая на пути к слиянию всех немецких социал-демократических рабочих в одну большую партию»¹.

Рост влияния идей научного социализма среди лассальянцев и усиление недовольства рядовых членов Союза диктаторскими методами руководства привели, в конце концов, к расколу Всеобщего германского рабочего союза. Его революционная часть, видными представителями которой были В. Бракке, Т. Йорк, Ю. Бремер, порвала со Швейцером и приняла сделанное Либкнехтом и Бебелем от имени Союза немецких рабочих обществ предложение послать своих представителей на съезд в Эйзенах. На этом съезде делегаты революционной части Всеобщего германского рабочего союза, Союза немецких рабочих обществ, секций Интернационала, куда входили также передовые представители лассальянцев и ряда профессиональных союзов, приняли решение о создании Социал-демократической рабочей партии. Эйзенахский съезд (7—9 августа 1869 г.) положил начало массовой партии германского пролетариата, которая восприняла основные идеи научного коммунизма.

Создание первой пролетарской партии, организованной в национальном масштабе и стоящей в основном на позициях научного коммунизма, было победой учения Маркса и Энгельса и важнейшей вехой в развитии немецкого и международного рабочего движения. Теперь Интернационал получил твердую опору для распространения своего влияния в центре Европы, а марксистское крыло Международного Товарищества Рабочих — постоянную и надежную поддержку.

Партия сразу же заявила о присоединении к принципам Интернационала и повела острую и напряженную борьбу за сплочение германского пролетариата на революционной основе.

Энгельс своими советами и выступлениями в печати оказывал огромную помощь молодой партии. Он стал постоянным сотрудником центрального органа партии газеты «Volksstaat».

Еще летом 1868 г. Энгельс в связи с пропагандой «Капитала» написал для немецкой литературной газеты «Gartenlaube» биографический очерк о Марксе, однако редакция заметку не опубликовала. В начале августа 1869 г., буквально накануне Эйзенахского съезда, в демократической берлинской газете «Zukunft» был напечатан переработанный вариант этого очерка — первая написанная Энгельсом краткая биография Маркса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 342.

На нескольких страничках он обрисовал жизненный путь Маркса, раскрыл значение его деятельности и созданной им научной теории для освободительной борьбы рабочего класса.

Особое место уделил Энгельс роли Маркса в развитии немецкого рабочего движения. Вопреки попыткам изобразить Лассалья основателем рабочего движения в Германии он показал, что у истоков немецкого рабочего движения стоял Маркс и созданный им Союз коммунистов. И не случайно в канун создания Эйзенахской партии Энгельс назвал Союз «хорошо организованной социалистической партией»¹. Он подчеркнул, что Лассаль воспользовался уже подготовленной Союзом коммунистов почвой.

Статья Энгельса «Карл Маркс» не только намечала основные линии критики Лассалья, но и призывала немецких рабочих к продолжению революционных традиций, заложенных Союзом коммунистов.

Большое значение для повышения идейного уровня партии имело переиздание в 1870 г. работы Энгельса «Крестьянская война в Германии» и в особенности написанное им для нового издания предисловие, которое помогло немецким социал-демократам правильно определить тактику партии на основе объективного анализа обстановки в Германии.

Выдвинутые Энгельсом в предисловии проблемы были связаны, в частности, с острой дискуссией между защитниками частной земельной собственности и сторонниками научного социализма, которая происходила на Базельском конгрессе Международного Товарищества Рабочих и закончилась принятием резолюции о необходимости установления коллективной собственности на землю. Конгресс поставил тогда перед Интернационалом практическую задачу создания союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Однако у некоторых руководителей Эйзенахской партии не было необходимой ясности в этом вопросе. Неопределенную позицию занимал Либкнехт, который утверждал, в частности, что базельская резолюция не относится к странам, где преобладает мелкая крестьянская собственность. Поэтому Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» специально остановился на том, каким должно быть отношение пролетарской партии в Германии к крестьянству, на значении резолюции Базельского конгресса и практическом применении ее в условиях Германии.

Конкретизируя идею союза рабочего класса с крестьянством, он показал необходимость дифференцированного подхода к различным слоям крестьян, проанализировал, какие слои крестьян и по каким причинам могут стать союзниками пролетариата. Крупных крестьян, эксплуатирующих чужой труд, Энгельс

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 377.

относил к буржуазии. Что касается мелких, которых он разделял на три категории — феодальных крестьян, крестьян-арендаторов и крестьян-мелких собственников, то они могут ждать своего спасения только от рабочего класса.

Особо выделял Энгельс сельскохозяйственных рабочих. Сельские рабочие могут избавиться от ужасающей нищеты только при условии, что земля, на которой они трудятся, будет изъята из частного владения помещиков и крупных крестьян и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельских рабочих.

Энгельс подчеркивал исключительно важное значение аграрной проблемы для Германии. «С того дня, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, с того дня в Германии станет невозможным никакое реакционное — будь то феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство»¹. Таким образом, Энгельс рассматривал мелкое крестьянство и сельскохозяйственных рабочих как основных союзников промышленного пролетариата.

Однако значение предисловия выходило далеко за рамки обоснования позиции рабочей партии в крестьянском вопросе. Чтобы разъяснить руководству Эйзенахской партии ее задачи в новых условиях, Энгельс на основе глубокого анализа политического и экономического развития Германии дал обобщенную картину расстановки классовых сил, обосновал стратегию и тактику германской социал-демократии. Он показал, что некоторые куцые реформы, проведенные после 1866 г., не сняли с повестки дня задачу борьбы против феодальной прусско-юнкерской реакции. С другой стороны, Энгельс отмечал ускорение темпов экономического развития Германии, способствовавшее поляризации классовых сил.

Особое внимание Энгельс уделил характеристике позиции германской буржуазии в целом и отдельных ее фракций и группировок. Он пришел к выводу, что германская буржуазия по-прежнему не способна вести борьбу за политическое господство. Начиная с 1848—1849 гг., когда из страха перед пролетариатом буржуазия «стала искать союзников и продавать себя им за какую угодно цену, — и вплоть до сегодняшнего дня она не продвинулась вперед ни на шаг.

Все эти союзники по природе реакционны. Это — королевская власть со своей армией и своей бюрократией, это — крупная феодальная знать, это — мелкие захолустные юнкера, это, наконец, — попы»².

После 1866 г. контрреволюционная роль буржуазии усилилась, пресловутый конституционный конфликт закончился ее полной капитуляцией перед правительством Бисмарка. Един-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 420.

² Там же, стр. 417.

ственным последовательно революционным классом, доказывал Энгельс, является пролетариат, который уже добился больших успехов в социальной и политической борьбе. Особо важным успехом Энгельс считал избрание представителей рабочих в рейхстаг. «Немецким рабочим принадлежит величайшая честь: только они одни добились того, чтобы послать в парламент рабочих и представителей рабочих, тогда как ни французы, ни англичане не смогли до сих пор достигнуть этого»¹, — писал он.

Поставленные вопросы Энгельс считал имеющими большое практическое значение и поэтому решил предварительно обсудить свою работу с Марксом. «Твое предисловие, — писал Маркс в ответ, — очень хорошо. Я не знаю, что можно было бы изменить или добавить. С трактовкой 1866 г. я *verboten* [совершенно. — *Ред.*] согласен»².

Работа Энгельса оказала благотворное воздействие на руководство эйзенахцев и явилась серьезной помощью в разработке революционной тактики партии. Съезд Эйзенахской партии в Штутгарте в 1870 г. принял решение по аграрному вопросу, выдержанное целиком в духе базельских постановлений. Призыв Энгельса установить тесную связь с мелким крестьянством и батраками нашел горячую поддержку у Либкнехта. «Я разделяю твое мнение, — писал он Энгельсу, — что привлечь крестьян, т. е. мелких земельных собственников и батраков, на нашу сторону — это наша главная задача... Промышленные рабочие одни не могут совершить в Германии революцию, и за то, что ты высказал эту мысль, я выражаю тебе, прежде всего, свою благодарность»³.

Изучение истории Ирландии

В 1869—1870 гг. Энгельс, получивший возможность больше времени уделять научной работе, с увлечением занялся проблемами истории Ирландии, которые уже давно его интересовали. Замысел его был грандиозен — создать капитальный труд, охватывающий все стороны жизни ирландского народа с древнейших времен. Эта работа была непосредственно связана с деятельностью Интернационала; она должна была явиться обоснованием платформы Международного Товарищества в ирландском вопросе, разработанной и отстаиваемой Марксом. Для Маркса было чрезвычайно важно не только одобрение его линии ближайшим другом, но и помощь Энгельса как специалиста.

Ирландский вопрос оказался в центре внимания Генерального Совета осенью 1867 г. в связи с новым подъемом ирландского национально-освободительного движения. Фени — так

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 417.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 362.

³ W. Liebknecht. Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels. The Hague, 1963, S. 96.

называли членов ирландской тайной организации Революционное братство — пытались поднять вооруженное восстание; в марте 1867 г. последовал разгром их организации, сопровождавшийся арестами, массовыми репрессиями. Энгельс видел порочность заговорщической тактики фениев, но это не мешало ему, однако, с сочувствием следить за этим движением. С большой симпатией к ирландским революционерам относилась и вторая жена Энгельса Лиззи Бёрнс. «Немало фениев, — вспоминал позже Лафарг, — находило убежище в доме Энгельса, а один из их руководителей, который предпринял попытку освободить перевозимых к месту казни фениев, только благодаря жене Энгельса смог ускользнуть от полиции»¹.

Маркс настаивал, чтобы Интернационал выступил с требованием отделения Ирландии от Англии и предоставления ирландцам права самим решать свои внутренние дела. В выступлениях в Генеральном Совете и в Лондонском просветительном обществе немецких рабочих он разъяснял и обосновывал единство задач освободительной борьбы рабочих в Англии и национального освобождения Ирландии. К этому времени у Маркса сложилось убеждение, что в тогдашних условиях завоевание независимости Ирландии могло стать исходным моментом революционного подъема английского рабочего движения.

Так впервые была выдвинута задача непосредственного объединения двух революционных потоков — борьбы рабочего класса и национально-освободительного движения.

В противовес этим взглядам тред-юнионистские лидеры — носители шовинизма в рабочем движении — в едином хоре с буржуазными партиями осуждали «мятежников-ирландцев». Подобную же позицию занимал и ряд английских членов Генерального Совета. Особенно ярко сказалась она в 1869 г. в связи с широкой кампанией за амнистию осужденных фениев. Лидеры тред-юнионов и зараженные тред-юнионистской идеологией члены Генерального Совета, выступавшие в поддержку той политики куцых либеральных реформ, которую выдвинуло правительство Гладстона, оправдывали и полицейские действия властей по отношению к ирландским революционерам.

Однако большинство в Генеральном Совете поддержало линию Маркса. Да и бурные массовые митинги и демонстрации показали, что рабочие массы Англии освобождаются от шовинистических предубеждений. Последовательное разоблачение Марксом скрытой за либеральной фразой колониальной сущности политики британского правительства помогало рабочему классу Англии преодолевать ошибочные взгляды и буржуазное влияние. Через много лет В. И. Ленин писал, что позиция Маркса и Энгельса в ирландском вопросе «дала величайший,

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 80.

доныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям»¹.

Платформа Генерального Совета подверглась нападкам и со стороны анархистов. Они отрицали какую-либо связь освободительной борьбы пролетариата с национально-освободительными движениями, считали, что политическая борьба является поприщем буржуазных партий, обвиняли Генеральный Совет в том, что, занимаясь ирландской проблемой, он якобы предает забвению коренные нужды рабочих, уводит Интернационал в сторону от его основных задач. Марксу пришлось отвечать и на это. Раскрывая ошибочность позиции анархистов, он писал, что «если Англия является крепостью лендлордизма и европейского капитализма, то единственный пункт, где можно нанести серьезный удар официальной Англии, представляет собой *Ирландия*»².

Такова была обстановка, в которой Энгельс занялся историей Ирландии. Ирландский вопрос будоражил общественную мысль. Поскольку отношение к Ирландии в значительной мере формировалось под влиянием официальной английской науки и публицистики, чрезвычайно важно было противопоставить потоку буржуазной литературы научный труд, раскрывающий сущность колониальной эксплуатации, показать на примере ирландской истории, как писал Энгельс 24 октября 1869 г. Марксу, «какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ»³. Энгельс задался целью разоблачить колониализм во всех формах его проявления, дать научное обоснование тактики рабочего класса в национальном вопросе, высказать пролетарскую точку зрения на ирландский вопрос.

Чтобы ближе познакомиться со страной, Энгельс вместе со своей женой и младшей дочерью Маркса Элеонорой предпринял в сентябре 1869 г. новую поездку по Ирландии. «...Страна производит впечатление настоящей пустыни,— писал он Марксу по возвращении,— и сразу приходит мысль, что здесь слишком мало народа. Везде признаки военного положения... везде, везде солдаты»⁴.

Энгельс собрал для задуманной книги огромный материал, освещающий прошлое и настоящее ирландского народа. Работа над источниками потребовала специальных филологических занятий. Энгельс легко мог читать латинские и древнескандинавские тексты, однако этого было недостаточно, и он за очень короткий срок овладел древнеирландским языком.

Характер и объем подготовительных материалов раскрывают некоторые черты Энгельса как ученого. Прежде всего поражает

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 307.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 436.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 304.

⁴ Там же, стр. 300.

разнообразие изучаемого материала — исторические труды, работы по географии, экономике, особенно по сельскому хозяйству, по истории права, этнографии, филологии, памятники фольклора. Не довольствуясь сведениями из вторых рук, Энгельс особенно внимательно подбирал источники, тщательно определял их достоверность. Составленный им библиографический список по истории Ирландии насчитывает более 150 названий. Подготовительные материалы к книге составляют 15 тетрадей, выписки часто сопровождаются полемическими замечаниями, клеймящими лицемерные попытки буржуазных авторов прикриты или оправдать угнетение ирландского народа. Так, по поводу книги Голдуина Смита «История Ирландии и характерные черты ирландцев» он делает общее замечание: «При чтении этой книги, в которой под маской «объективности» оправдывается английская политика в Ирландии, не знаешь, чему больше удивляться: невежеству ли профессора истории или лицемерию либерального буржуа»¹.

Весь этот богатый материал должен был лечь в основу книги. Однако работа осталась незаконченной. Франко-прусская война 1870—1871 гг., Парижская Коммуна, деятельность в Интернационале отвлекли Энгельса. Он успел написать целиком только первую главу — «Природные условия» и начало второй — «Древняя Ирландия». К написанию двух последних, наиболее важных глав — «Английские завоевания» и «Английское господство» — так и не удалось приступить.

Написанная часть работы посвящена геологическим и климатическим условиям Ирландии, ее далекому историческому прошлому. Тем не менее она насыщена злободневным политическим содержанием, обличает политику правящих классов Англии по отношению к Ирландии.

Энгельс разоблачает попытки оправдать колониальное господство ссылками на неблагоприятные для самостоятельного экономического развития географические условия или «невежество и лень» коренного населения страны. Он показывает, что стремление изобразить дело так, будто «Ирландия якобы самим своим климатом осуждена, вместо производства хлеба для ирландцев, поставлять мясо и масло англичанам»², является фальсификацией фактов в угоду господствующим классам Англии. По поводу концепции одного английского историка Энгельс замечает: «Ледвич — низкий лжец, который стремился лишь изобразить дело так, будто ирландцы были неисправимыми варварами и всю цивилизацию получили извне»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 497.

² Там же.

³ Ф. Энгельс. Выписки из книги: G. Petrie. The Ecclesiastical Architecture of Ireland, ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2553.

В рукописи содержится материал, который опровергает реакционные норманистские теории, приписывающие норманнам роль основателей многих государств Европы. Энгельс показывает, что завоевания норманнов по существу являлись лишь разбойничьими набегами. Характеризуя общий результат норманнских завоеваний для европейских народов, Энгельс писал: «Выгода для исторического развития от набегов норманнов была совершенно ничтожна по сравнению с теми огромными и бесплодными даже для самих скандинавских стран смутами, которые были этими набегами вызваны»¹. В Ирландии же, считал он, господство норманнов, длившееся несколько веков, прервало прогрессивное развитие народа и облегчило последующее завоевание страны английскими феодалами.

Не менее гневно клеймил Энгельс еще одну сторону колониалистской идеологии — искажение подлинной истории национально-освободительной борьбы, попытки изобразить ее как бандитизм или свести ее причины к религиозным мотивам. Он показал, что замалчивание борьбы ирландского народа также служит цели оправдания английского владычества. «Ирландцы должны всегда держать себя смирно, пока с них дерут шкуру!»² — с возмущением обобщил он тенденцию подобных писаний.

В ходе работы Энгельс пришел к важному выводу о связи завоевания Ирландии и утверждения там колониального господства с реакцией в самой Англии.

Хотя Энгельс так и не завершил свою книгу (часть сохранившихся набросков и конспектов увидела свет лишь в 1948 г.³, а в более полном виде эти материалы вошли в 45-й том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), работа над ней углубила его понимание истоков и сущности колониализма, национально-освободительной борьбы народов. Многие наблюдения и выводы, сделанные в процессе этой работы, в частности о родовом строе, различных формах семьи, общине и т. п., пригодились позже и были использованы Энгельсом в другой связи, когда эти проблемы стали предметом его специальных исследований.

**«Ура!..
Я — свободный человек»** В 1869 г. Энгельсу удалось, наконец, освободиться от ненавистной ему работы в фирме. 30 июня 1869 г. истек срок его контракта с компаньоном — Готфридом Эрменом. Хорошо зная, что Энгельс тяготится участием в торговом деле, Эрмен еще за год до окончания контракта предложил выплатить ему весь капитал и предоставить определенную компенсацию за выход из дела. Энгельса в общем устраивало это предложение. Однако он хотел добиться от Эрмена такой компенсации,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 516.

² Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 187.

³ См. там же, стр. 59—263.

которая позволила бы ему в течение ряда лет оказывать постоянную материальную помощь Марксу и его семье. После длительных переговоров удалось достигнуть желаемого результата.

«Дорогой Мавр! Ура! Сегодня покончено с милой коммерцией, и я — свободный человек»¹, — писал Энгельс своему другу 1 июля 1869 г.

Элеонора Маркс вспоминала впоследствии: «...Я гостила у Энгельса, когда подходила к концу эта его каторжная работа, и тут-то я узнала, что означали для него все эти годы. Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору.

Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем мы по-праздничному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы»².

Наконец-то Энгельс мог полностью отдавать свои силы партийной и научной работе. «Мне нет надобности, разумеется, говорить Вам, — писал он Кугельману в июле 1869 г., — насколько я рад, что отделался от этой проклятой торговли и снова могу работать по своему усмотрению, в особенности, что это произошло именно теперь, когда события в Европе все больше и больше обостряются и в один прекрасный день может совершенно неожиданно разразиться гроза»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 263.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 185.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 517.

Глава девятая

ЗА ИДЕЙНОЕ ЕДИНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм.

В. И. Ленин

Тактика пролетариата во франко-прусской войне

19 июля 1870 г. начались военные действия между бонапартистской Францией и бисмарковской Пруссией — франко-прусская война, неизбежность которой предсказывал Энгельс на основе анализа внешней политики обоих государств. В кровавую бойню были брошены многотысячные армии.

Еще до начала войны рабочие разных стран, члены Интернационала активно выступали против военной угрозы. Теперь антимилитаристские выступления приняли небывалые ранее масштабы. Генеральный Совет должен был вооружить пролетариат пониманием его классовых задач в происходящем конфликте, придать антивоенному движению подлинно пролетарский характер.

Маркс и Энгельс оценивали характер войны с точки зрения перспектив развития мирового рабочего движения. Они считали, что военный разгром Второй империи принес бы обновление Франции и устранил бы одно из главных препятствий для объединения Германии, которое объективно было в интересах пролетариата. «...Централизация государственной власти,— писал Энгельсу Маркс,— будет полезна для централизации немецкого рабочего класса»¹. Усиление же немецкого рабочего движения, которое в теоретическом и организационном отношении превосходит французское, считал он, послужит укреплению всего международного рабочего движения. Эта позиция была изложена в написанном Марксом по поручению и от имени Генерального Совета воззвании о франко-прусской войне, которое было опубликовано в последних числах июля.

Оценивая войну как оборонительную со стороны Германии, Маркс проводил резкую грань между национальными интересами немецкого народа и династическими интересами Пруссии. Он указывал на опасность того, что прусская военщина может превратить войну в захватническую.

В противовес разгулу шовинизма Маркс выдвинул задачу укрепления интернациональной солидарности пролетариата, в первую очередь французских и немецких рабочих. Высоко оценивая антишовинистические выступления членов Интернационала в Германии и во Франции и подчеркивая, что английский рабочий класс протягивает руку дружбы рабочим воюющих стран, он видел в этом знамение того, что «союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны». Маркс писал: «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*

Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих»².

Энгельс полностью разделял высказанные в воззвании мысли и использовал все имевшиеся возможности для пропаганды идей этого важного документа. «Воззвание,— писал он Марксу,— научит все классы народа понимать, что теперь только у рабочих имеется *подлинная* внешняя политика»³.

В то сложное для рабочего движения Германии время Энгельс с особым вниманием читал газету «*Volksstaat*», выступления Бебеля и Либкнехта в рейхстаге. Его глубоко радовало, что передовые немецкие рабочие не были захвачены шовинистическим угаром.

Однако Социал-демократическая рабочая партия не сумела

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 3.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 5.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 12.

сразу определить правильную тактику по отношению к войне. Руководство партии — Брауншвейгский комитет — на том основании, что война со стороны Германии объективно была тогда оборонительной, недостаточно разоблачало захватнические устремления прусской военщины, сосредоточив главное внимание на критике французского бонапартизма. В то же время Либкнехт, главный редактор «Volksstaat», в своих выступлениях не всегда учитывал оборонительный характер войны на ее первом этапе.

В связи с разногласиями между Либкнехтом и членами Брауншвейгского комитета обе стороны обратились за советом к Марксу, а он, прежде чем ответить, решил посоветоваться с Энгельсом.

По просьбе Маркса Энгельс в письме от 15 августа 1870 г. подробно изложил ему свой взгляд на франко-прусскую войну и на тактику, которой следовало придерживаться германской социал-демократии. Победа Наполеона III, писал он, не только упрочила бы на многие годы реакционный бонапартистский режим, но и отбросила бы далеко назад Германию, а вместе с этим и немецкое рабочее движение. Если же Бонапарт потерпит поражение и Вторая империя падет, то будет устранено основное препятствие для завершения национального объединения Германии. Во Франции перед рабочими откроется более широкое поле деятельности. Этим и определяются, отметил Энгельс, те тактические задачи, которые стоят перед германскими социалистами. Они должны, писал он, четко разграничивать национально-германские и династическо-прусские интересы, противодействовать аннексии Эльзаса и Лотарингии, добиваться мира, как только во Франции будет провозглашена республика. Немецкие социал-демократы должны «постоянно подчеркивать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну и не воюют друг с другом»¹. «Твое письмо, — отвечал Маркс 17 августа 1870 г., — полностью совпадает с планом ответа, который я уже составил в голове. Тем не менее, в таком важном деле — тут речь идет... о директивах, намечающих линию поведения для немецких рабочих — я не хотел действовать, не посоветовавшись с тобой»².

В последнюю неделю августа 1870 г. Маркс специально приехал к Энгельсу в Манчестер, чтобы на основе этого обмена мнениями составить вместе с ним окончательный текст письма Брауншвейгскому комитету. Это письмо легло в основу выпущенного комитетом 5 сентября манифеста о войне. Оно помогло руководству германской социал-демократии и на следующем этапе франко-прусской войны, начавшемся после падения Второй империи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 34.

² Там же, стр. 36.

После разгрома главных французских сил под Седаном, пленения Наполеона III и установления 4 сентября республики во Франции характер войны коренным образом изменился. Она полностью утратила оборонительный характер со стороны Германии, превратившись в откровенно захватническую войну. В связи с изменением обстановки необходимо было определить новую тактическую линию Интернационала. Прежде чем приступить к работе над таким документом, Маркс вновь обратился за советом и помощью в свое «военное министерство» в Манчестере — к Энгельсу. Его помощь нужна была в особенности для разоблачения притязаний Пруссии на Эльзас-Лотарингию, которые прусская военщина пыталась обосновать соображениями безопасности Германии. Энгельс откликнулся немедленно. Присланный им материал Маркс включил во второе воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне, принятое 9 сентября 1870 г.

В возвании разоблачалась захватническая политика прусского юнкерства и немецкой буржуазии, доказывалось, что аннексия Эльзаса и Лотарингии ничем не оправдана и определение государственных границ военно-стратегическими соображениями всегда таит в себе угрозу новых военных столкновений.

Воззвание выдвигало перед рабочими Германии и других стран задачу борьбы за заключение мира с Французской республикой без аннексий и контрибуций. Что касается французских рабочих, то они должны, говорилось в возвании, принять участие в защите своей страны от чужеземного вторжения, их долг — воспользоваться завоеванной политической свободой для создания и укрепления пролетарских организаций. В возвании была также намечена политическая линия рабочих Англии и других стран — борьба за признание Французской республики.

Второе воззвание помогло секциям Интернационала и передовым рабочим в разных странах занять интернационалистскую позицию. Особенно ярко это проявилось в Германии, где на многочисленных массовых рабочих собраниях и социал-демократических конференциях принимались антивоенные резолюции. Бебель и Либкнехт решительно обличали антинародную, захватническую войну. В выступлениях в рейхстаге и в печати они призывали немецких рабочих встать на защиту Французской республики, заявить о своей братской солидарности с французскими рабочими, с революционной демократией Франции.

Прусское правительство ответило на это репрессиями. Были заключены в крепость члены Брауншвейгского комитета, а затем арестованы Бебель, Либкнехт и член редакции «Volkstaat» А. Гепнер.

Мужественное поведение передовых рабочих в Германии вызвало глубокое удовлетворение Энгельса. «Немецкие рабочие,— писал он жене Либкнехта Наталии,— проявили во время этой войны такую пронизательность и энергию, которые сразу ставят их во главе европейского рабочего движения, и Вы понимаете, какой гордостью это наполняет нас»¹.

Деятельность Маркса и Энгельса во время франко-прусской войны имела огромное значение для развития международного рабочего движения. Несмотря на отдельные временные ошибки, рабочие Германии и Франции оказались на высоте стоявших перед ними задач. Объединенный в Интернационал пролетариат впервые в таких масштабах заявил о себе как о самостоятельной силе общественного развития, открыто противостоящей правящим классам. Международное Товарищество Рабочих выразило стремление рабочего класса навсегда покончить с войнами между народами.

Энгельс последовательно отстаивал позицию Генерального Совета в военных обзорах, печатавшихся с июля 1870 по февраль 1871 г. в крупной лондонской газете «Pall Mall Gazette», без подписи, под общим названием «Заметки о войне». В 59 корреспонденциях он подверг франко-прусскую войну глубокому анализу, главным образом с военно-политической точки зрения.

С исключительной пронизательностью и мастерством Энгельс анализировал ход военных действий. Несмотря на относительную скудость информации, он уже в самом начале войны разгадал планы воюющих сторон. В конце июля 1870 г., когда еще шло сосредоточение армий, Энгельс сумел раскрыть план прусского наступления и определить районы первых столкновений. Развернувшиеся 6 августа военные действия между Пруссией и Францией полностью подтвердили его прогнозы. За несколько дней до поражения французских войск при Седане он предсказал катастрофу, указав приблизительно даже и место, где произойдет капитуляция французской армии.

К анализу боевых действий Энгельс подходил не как узкий военный специалист. Причины поражения французов он усматривал не только в неподготовленности и плохой организации армии, но и в самом политическом строе Франции, в порочности бонапартистского режима, парализовавшего силы народного сопротивления. «...Благородная и храбрая нация видит,— писал Энгельс,— что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет позволяла, чтобы ее судьбами вершила шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 142.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 76.

«Заметки о войне» насыщены конкретным материалом, убедительно разоблачающим режим Второй империи.

После Седана и краха Второй империи Энгельс видел главную задачу в организации сопротивления французского народа прусским захватчиком, в развертывании подлинно народной войны не на жизнь, а на смерть, в сочетании упорной защиты крепостей с партизанским движением. «В то время как все вторгшиеся силы противника... прикованы к захваченной территории, на оставшихся пяти шестых территории Франции можно было бы сформировать достаточное количество вооруженных отрядов для того, чтобы тревожить немцев повсюду, прерывать их коммуникации, разрушать мосты и железные дороги, уничтожать продовольствие и боевые припасы у них в тылу...»¹.

Статьи Энгельса имели огромный успех. Даже буржуазные органы печати («Times» и др.) цитировали их, ссылались на них, давали им высокую оценку, поражались точному предвидению хода военных действий. «Если война продолжится еще некоторое время, — писал Маркс Энгельсу, — ты будешь скоро признан *первым военным авторитетом в Лондоне*»². В семье Маркса за Энгельсом с этих пор утвердилось шутивное прозвище «Генерал».

Переезд в Лондон. Член Генерального Совета

20 сентября 1870 г., окончательно уладив все дела в Манчестере, Энгельс переехал в Лондон. Он поселился на Риджентс-парк-род, 122, в десяти минутах ходьбы от дома, в котором жил Маркс. Наконец Энгельс получил долгожданную возможность ежедневно видеться с Марксом. Постоянное общение, совместное обсуждение научных и политических вопросов, интересовавших Маркса и Энгельса, были могучим стимулом развития творческой мысли обоих. «Ежедневно, около часу дня, — вспоминал Лафарг, — он отправлялся к Марксу, и, если погода благоприятствовала и у Маркса было настроение, они отправлялись вместе на луга Хэмпстеда. Если гулять почему-либо было нельзя, они час-другой беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь взад и вперед, один — по одной диагонали, другой — по другой... В промежутках между свиданиями они, каждый в отдельности, обдумывали спорный вопрос, чтобы прийти к общему мнению. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них столь важного значения, как этот их обмен мнений, — так высоко ставили они друг друга»³.

Как самый близкий человек вошел Энгельс в семью Маркса. Его доброта, чуткость и заботливость, ровный, веселый характер, тонкий юмор уже давно снискали ему самую искреннюю любовь и уважение всех членов этой семьи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 130.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 23.

³ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 82—83.

Многие часы Энгельс проводил в своих рабочих комнатах, больших, светлых, заставленных шкафами с книгами. Здесь, по словам Лафарга, всегда царил образцовый порядок.

Необычайно тщательно и даже педантично следил Энгельс за своей корреспонденцией — он хранил все более или менее важные письма, часто помечая, когда они получены и когда на них дан ответ. Эта привычка к четкости и собранности имела большое значение, особенно когда возросла практическая организационная деятельность Энгельса и его переписка чрезвычайно расширилась. Времени на научные занятия оставалось мало. Но работал Энгельс быстро и легко.

Рабочий день обычно был загружен до предела, однако Энгельс всегда выглядел бодрым и подтянутым. Как писал Лафарг, он не знал «никого, кто бы так подолгу носил одни и те же костюмы, причем они никогда не теряли своего фасона и выглядели, как новые»¹. Энгельс был чрезвычайно скромен в своих потребностях и экономен в расходах. Свою внешнюю и внутреннюю подтянутость и собранность Энгельс сохранил до последних дней жизни.

4 октября 1870 г., по предложению Маркса, Энгельс был единогласно избран членом Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Если и раньше он помогал Марксу в выработке и пропаганде линии Генерального Совета, вел переписку по делам Интернационала и выступал в печати, то теперь он включился в непосредственную работу Совета, разделив с Марксом всю тяжесть практического руководства разносторонней деятельностью Товарищества. На этом посту великолепно проявлялось умение Энгельса подходить к людям, самым разным по характеру, а иногда и по воззрениям, прекрасно представлять себе и недостатки, и достоинства человека, умение и критиковать, и поддерживать. Огромные знания и опыт Энгельса никогда не подавляли; внимательно слушал он собеседника и с большим уважением относился к мыслям своих корреспондентов. Всей душой преданный делу рабочего класса, он восхищался его лучшими представителями, с гордостью писал о них. Его отношение к товарищам по борьбе во многом определило облик пролетарских борцов, его друзей и соратников.

Вскоре же после избрания в Генеральный Совет Энгельс стал активно участвовать в решении многообразных задач, стоявших перед этим руководящим органом Интернационала. Он был одним из самых аккуратных членов Генерального Совета, не пропускал ни одного заседания. Большую работу он провел как секретарь-корреспондент Генерального Совета для Бельгии, обязанности которого выполнял зимой — весной 1871 г. Много сил и внимания ему пришлось уделить крупной стачке сигароч-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 86.

ников Антверпена. Энгельс регулярно информировал Совет о ходе забастовки, о мерах, которые он принимал для оказания помощи стачечникам. Он писал по этому поводу в Германию, добивался помощи от английских тред-юнионов, через печатные органы Товарищества оповещал рабочих разных стран о борьбе бельгийских пролетариев. Благодаря полученным средствам (более 15 000 франков) антверпенские рабочие смогли продержаться несколько месяцев. Энгельс стремился использовать организованную им кампанию солидарности для вовлечения бельгийских рабочих в Интернационал, он считал, что вступление сигарочников Антверпена в Международное Товарищество было бы единственно достойным ответом на братскую поддержку, оказанную им рабочими других стран.

Энгельс активно участвовал в выработке Генеральным Советом независимой позиции английских членов Интернационала по отношению к франко-прусской войне. Английские рабочие встретили установление республики во Франции в сентябре 1870 г. с большим сочувствием. Повсеместно проходили рабочие митинги и демонстрации солидарности с республиканской Францией. По настоянию Маркса Генеральный Совет включился в это движение. Однако у членов Совета не было единого мнения о тактике британских рабочих в этом вопросе.

Энгельс предложил обсудить в Генеральном Совете вопрос о позиции английского рабочего класса на данном этапе франко-прусской войны. Обсуждение началось 31 января 1871 г. вступительной речью Энгельса. В этой речи, а также в последующих выступлениях его и Маркса, была обоснована необходимость самостоятельной линии английского пролетариата, который должен добиваться от правительства Великобритании официального признания Французской республики. В то же время Маркс и Энгельс решительно выступили против тех английских буржуазных радикалов и лидеров английских тред-юнионов (Оджера и др.), которые идеализировали буржуазную Французскую республику. Маркс и Энгельс доказывали, что установление демократической республики должно рассматриваться рабочим классом лишь как этап в его борьбе за политическую власть.

Эта дискуссия подготовила многих английских членов Генерального Совета к правильному восприятию событий, которые вскоре произошли во Франции.

В дни Парижской Коммуны

19 марта 1871 г. Маркс и Энгельс узнали, что парижские рабочие взяли за оружие. В столице Франции произошла пролетарская революция, через несколько дней была провозглашена Парижская Коммуна. Коммуна была подготовлена всем развитием международного и французского рабочего движения, теми сдвигами в сознании рабочих, которые произо-

или под влиянием Интернационала. Впоследствии Энгельс писал, что Коммуна «была, несомненно, духовным детищем Интернационала»¹.

Восстание не было неожиданностью для Маркса и Энгельса. Положение во Франции неоднократно обсуждалось на заседаниях Генерального Совета. Сведения из Франции вызывали тревогу. Маркс и Энгельс ясно видели провокационный характер действий французского правительства, понимали, что эти действия могут толкнуть рабочих на преждевременное восстание. Еще в сентябре 1870 г. Энгельс писал Марксу: «Если бы в Париже можно было что-либо сделать, то следовало бы помешать выступлению рабочих до заключения мира... Они будут без всякой пользы разгромлены немецкими армиями и снова отброшены на 20 лет назад»². В письмах к деятелям Интернационала во Франции и через специально посланного в сентябре 1870 г. в Париж уполномоченного Генерального Совета Огюста Серрайе Маркс и Энгельс предостерегали французских рабочих от преждевременных выступлений, подчеркивали, что главная их задача в данный момент — использовать благоприятную обстановку для организации собственной партии, важнейшего условия победы пролетарской революции.

Но когда пролетарии Парижа поднялись и впервые в истории установили свою власть, Маркс и Энгельс решительно встали на их сторону.

Уже 21 марта 1871 г. Энгельс выступил на заседании Генерального Совета с сообщением о революции в Париже. В этом выступлении впервые был раскрыт пролетарский характер происшедшей революции и взявшего власть Центрального комитета Национальной гвардии. В то же время Энгельс подчеркивал народный, глубоко демократический характер событий³.

Маркс и Энгельс внимательнейшим образом следили за тем, что происходило в Париже, за действиями бежавшего в Версаль правительства Тьера, за позицией Бисмарка и прусского командования. Они просматривали десятки газет, по крупным собирая объективные фактические данные, которые лишь с трудом можно было извлечь из лживых и клеветнических сообщений реакционной буржуазной печати. Совершенно особое значение в связи с этим имели сведения, полученные прямо из Парижа. Для установления непосредственных контактов с осажденным Парижем Маркс и Энгельс не жалели усилий.

Свои советы они передавали через Серрайе, который вповь был направлен в Париж в конце марта, Лафарга, в то время жившего в Бордо и наезжавшего в столицу, русского революционера, члена Интернационала П. Л. Лаврова и других. Эти связи

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 538.

² Там же, стр. 52, 53.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 621—622.

осуществлял главным образом Маркс, но советы и рекомендации коммунарам, в частности по военным вопросам, он вырабатывал совместно с Энгельсом. Энгельс советовал укрепить северную часть высот Монмартра, вблизи которой были расположены прусские войска, порицал медлительность, нерешительность действий коммунаров, прекрасно понимая, что правительство Тьера лихорадочно стягивает силы для кровавой расправы с парижанами. В выступлениях в Генеральном Совете Энгельс развивал важные положения тактики вооруженной борьбы восставшего пролетариата — о необходимости захвата инициативы, решительных наступательных действий.

11 апреля на очередном заседании Совета Энгельс с горечью констатировал, что, «по-видимому, Версаль берет верх и теснит парижан», что «парижане теряют территорию, почти бесцельно расходуют боевые припасы и съедают свои продовольственные запасы». «Положение трудное, — заключал Энгельс, — шансы не так хороши, как две недели тому назад»¹. Он считал, что парижане поторопились с выборами Коммуны (Коммуна была провозглашена 28 марта 1871 г.), надо было сохранить всю полноту власти в руках Центрального комитета Национальной гвардии и все силы, всю энергию направить на разгром бежавшей в Версаль контрреволюции. «Пока делами руководил Центральный комитет национальной гвардии, — говорил Энгельс, — они шли хорошо, но после выборов велись разговоры, а действий не было. Действовать против Версаля надо было тогда, когда он был слаб, но этот благоприятный момент был упущен...»². Мысли эти были позже развиты Марксом в «Гражданской войне во Франции».

Маркс и Энгельс восторгались героизмом парижан, величием их подвига, невиданной еще творческой инициативой масс, впервые в истории пошедших на штурм капитализма во имя создания нового общества.

Коммуна сделала первую в истории попытку сломать старую государственную машину и установить диктатуру пролетариата. «Коммуна должна была с самого начала признать, — писал позднее Энгельс, — что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 625.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 199.

21 мая версальские войска ворвались в город — начались уличные бои. Как и предвидел Энгельс¹, они были чрезвычайно ожесточенными, длились целую неделю. Коммуна была потоплена в крови. Развернулся неслыханный еще белый террор.

В защиту Коммуны С 21 марта, когда по предложению Маркса Генеральный Совет взял на себя обязанность рассказывать правду о событиях в Париже, началась неустанная деятельность Маркса и Энгельса по организации кампании солидарности с парижским пролетариатом.

Эта кампания должна была разрушить ту «стену лжи», которую, как писал Маркс, версальское правительство пыталось воздвигнуть вокруг Парижа². Всеми силами Маркс и Энгельс стремились мобилизовать общественное мнение на защиту Коммуны, беспощадно срывая маску с бежавших в Версаль главарей французского правительства, разоблачая их предательство по отношению к народу. Они призывали рабочих, входивших в Интернационал, к организации массовых собраний, митингов, демонстраций в защиту Парижской Коммуны.

На заседании Генерального Совета 28 марта при обсуждении информации о митингах и собраниях, проводившихся в Лондоне в знак солидарности с парижскими коммунарами, Маркс и Энгельс выдвинули вопрос о тактике Интернационала в отношении республиканского движения в Англии. Энгельс выступил против позиции ряда английских членов Генерального Совета, которые недооценивали значение борьбы за республику, считая, что эта борьба препятствует развитию рабочего движения. В своей речи он показал, что уничтожение монархии является необходимым шагом в борьбе за социальные преобразования. Подчеркивая, что «никакое республиканское движение не может развиваться в Англии, не перерастая в движение рабочего класса», он призывал членов Интернационала активно включиться в него, «стремясь дать ему нужное направление»³, т. е. бороться за то, чтобы это движение приобрело социальный характер.

Широкая кампания в защиту Коммуны развернулась не только в Англии. Массовые митинги солидарности проходили по всей Германии. Организатором их была главным образом молодая социал-демократическая партия. Она заняла подлинно интернационалистскую позицию. Вовлечение широких рабочих масс в движение солидарности с Коммуной способствовало развитию их классового сознания, увеличивало влияние социал-демократии. Горячо выступал в защиту Коммуны Либкнехт в «Volksstaat». Особенно большой резонанс имело выступление Бебеля в рейхстаге. Обращаясь к депутатам рейхстага в разгар кровавой «майской недели», Бебель заявил: «Господа, как бы

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 625, 628.

² См. там же, стр. 528.

³ Там же, стр. 623.

пи были предосудительны в ваших глазах стремления Коммуны... можете быть твердо уверены, что весь европейский пролетариат и все, кто сохранил в сердце привязанность к свободе и независимости, смотрят сейчас на Париж... И пусть в данный момент Париж раздавлен, но я напоминаю вам о том, что борьба в Париже была небольшой авангардной стычкой, что главное в Европе нам еще предстоит, и не так много десятилетий пройдет, как боевой клич парижского пролетариата «Война дворцам, мир хижинам, долой нужду и тунеядство!» — станет боевым кличем всего европейского пролетариата»¹.

Энгельс высоко оценил революционную позицию германской социал-демократии в период Парижской Коммуны. Германские рабочие держались превосходно, писал он Либкнехту, «великолепно представлял их Бебель; его речь о Коммуне обошла всю английскую печать и произвела здесь большое впечатление»².

Кампанию солидарности с Коммуной организовали секции Интернационала в Бельгии, Швейцарии и других странах.

Парижская Коммуна всколыхнула все рабочее движение европейских стран и исключительно высоко подняла авторитет Международного Товарищества Рабочих. Движение солидарности с Коммуной, организованное Интернационалом под руководством Маркса и Энгельса, сыграло огромную роль в развитии мирового рабочего движения, способствовало усилению его революционных тенденций, более глубокому пониманию пролетарского интернационализма.

Обобщение опыта Парижской Коммуны После Парижской Коммуны начался новый период всемирной истории, период относительно мирного развития, когда, по словам В. И. Ленина, «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос»³. В сложившихся условиях перед рабочим классом встала задача собирания сил. Образование самостоятельных пролетарских партий в национальных масштабах превратилось в насущную потребность. Новые задачи вставали и перед Интернационалом. Важнейшей из них было обобщение исторического опыта и уроков Коммуны и приобщение к ним рабочих.

Те мысли о действиях и роли Коммуны, которые Маркс и Энгельс высказывали на заседаниях Генерального Совета и в письмах, были развиты Марксом на основе тщательнейшего анализа всех доступных материалов в знаменитом воззвании Генерального Совета «Гражданская война во Франции». Уже 30 мая, когда только что кончились последние бои, Маркс прочел на заседании Совета написанное им воззвание, которое было тут же единогласно утверждено. В нем были глубоко вскрыты причины

¹ «Die I. Internationale in Deutschland», S. 586.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 200.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 2.

революции, ярко освещен ход событий в период Коммуны, показано ее всемирно-историческое значение как первой попытки осуществить диктатуру пролетариата, подчеркнуто, что ее опыт подтвердил одно из важнейших положений научного коммунизма — о необходимости слома пролетариатом буржуазной государственной машины.

«Гражданская война во Франции» была первым официальным документом Генерального Совета, отразившим глубокие сдвиги в рабочем движении. Эта работа вошла в идейную сокровищницу научного коммунизма. Как писал Энгельс, в ней Генеральный Совет открыто высказался «в пользу коммунизма»¹, что было важным шагом вперед в идейном развитии Интернационала, в разработке его теоретической программы.

На том же заседании 30 мая, на котором Маркс зачитал текст воззвания, Энгельс предложил отпечатать его в количестве тысячи экземпляров; он взял на себя все хлопоты по публикации и распространению первого, а затем второго и третьего английских изданий, много сделал для того, чтобы воззвание дошло до каждой секции Товарищества. Энгельс перевел воззвание на немецкий язык; благодаря его усилиям оно было переведено на испанский, итальянский, французский, датский, голландский и другие языки.

«Гражданская война во Франции» получила широкое распространение. «С тех пор как существует Лондон,— писал Энгельс,— ни одно печатное произведение не производило такого сильного впечатления, как воззвание Генерального Совета Интернационала... Вся печать должна была единодушно признать, что Интернационал — это европейская великая держава, с которой приходится считаться и которую нельзя устранить, замалчивая ее существование»². В этом, как и в том, что воззвание нашло широкий отклик во всех европейских странах и в Америке, была большая заслуга Энгельса.

Распространение воззвания имело важное значение для консолидации подлинно революционных сил в Товариществе, для теоретического вооружения передовых рабочих, для идейного размежевания с реформистами и анархистами. Напуганные революционным тоном воззвания и реакцией на него буржуазной прессы, из Генерального Совета вышли два правых лидера английских тред-юнионов — Оджер и Лекрафт. Совет решительно осудил их поступок. В специальной заметке для газеты «Volksstaat» Энгельс писал, что эти действия означают предательство интересов пролетариата в решительный момент³.

Генеральному Совету приходилось работать тогда в особо сложной обстановке.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 223.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 386.

³ См. там же, стр. 387.

Коммуна была потоплена в крови. Все, кто чудом смог избежать массовых расстрелов и каторги, очутились в эмиграции в Швейцарии или Англии, травимые реакцией, без всяких средств к существованию, с очень слабой надеждой найти работу. С прибытием первых же беженцев в Лондон Энгельс активно включился в кампанию по сбору средств для эмигрантов, их трудоустройству, которую проводил Генеральный Совет, а затем специальный комитет помощи коммунарам.

Энгельс вел обширную переписку с деятелями рабочего движения, разоблачал в печати врагов Коммуны, пытавшихся оклеветать ее участников.

Разгром Коммуны послужил сигналом к наступлению реакции на рабочий класс во всех странах. Французское правительство призывало все европейские державы покончить с Интернационалом. Буржуазная печать подняла во всем мире яростную кампанию лжи и клеветы против Международного Товарищества Рабочих. «Интернационал травят повсюду, — писал Энгельс, — все силы старого мира, суды военные и гражданские, полиция и пресса, ретрограды-помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались бы в ход все средства, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих»¹.

Особенно яростным нападкам подвергались вожди Интернационала — Маркс и Энгельс. Их открытая и мужественная защита революционных парижан вызвала ненависть всех врагов освободительного движения пролетариата. Немало усердствовала, в частности, немецкая буржуазная пресса, которая обливала грязью коммунаров и руководителей Международного Товарищества Рабочих. Но поток грязной лжи и угроз не мог поколебать Маркса и Энгельса.

Энгельс писал, отвечая матери на письмо, полное упреков за поддержку Коммуны: «Поднимают крик из-за нескольких заложников, расстрелянных по прусскому образцу, из-за нескольких дворцов, сожженных по прусскому примеру (ибо все остальное — ложь), но о совершенном версальцами убийстве 40 000 мужчин, женщин и детей, *после* того, как у них было отнято оружие, об этом никто не говорит! Впрочем, вы не можете знать всего этого; вы вынуждены черпать сведения из «Kölneg» и «Elberfelder Zeitung», которые вас буквально пичкают ложью»². Он с гордостью говорил о своей верности раз навсегда избранному пути: «Тебе известно, что в моих взглядах, которых я придерживаюсь вот уже скоро 30 лет, ничего не изменилось. И для тебя не должно быть неожиданностью, что я, если бы события этого от меня потребовали, стал бы не только защи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 480.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 257.

пять их, но и исполнил бы свой долг во всех остальных отношениях. Ты стыдилась бы за меня, если бы я этого не сделал»¹.

Своим примером Энгельс заражал всех, кто с ним непосредственно общался или переписывался. В августе 1871 г. один его испанский корреспондент писал: «...Наблюдая, какой энтузиазм ты, несмотря на свои годы, проявляешь ради великого дела Интернационала, я и сам загораюсь энтузиазмом к этой работе и питаю надежду, что, хотя моя голова покрывается сединой и склоняется под тяжестью лет, все же в сердце моем хватит огня, чтобы пламенно продолжать начатое дело — пока я не увижу поверженным в прах это общество неравенства, заставляющее нас жить наподобие вьючного скота»².

Начало борьбы с бакунизмом

В решении задач, вставших перед Интернационалом после Парижской Коммуны, Энгельс сыграл важную роль. Огромные знания, прекрасное знакомство с состоянием рабочего движения в разных странах, с обстановкой, в которой оно развивалось, кипучая энергия завоевали Энгельсу авторитет среди членов Генерального Совета. Наряду с Марксом он стал признанным идейным вождем Товарищества.

Идеи пролетарского социализма пробивали себе дорогу в сознании масс. Решения Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов о коллективной собственности означали победу принципов научного коммунизма над идеологией мелкобуржуазного реформизма, над прудонизмом. Значительный удар был нанесен и лассальянству в Германии. Но теперь появился новый серьезный противник — анархисты, группировавшиеся вокруг Бакунина.

Анархизм Бакунина, как и анархизм вообще, был выражением протеста мелкой буржуазии против капиталистической эксплуатации и разорения. Призывы к уничтожению существующего строя и ликвидации всякого угнетения сочетались у Бакунина с непониманием закономерностей общественного развития, с проповедью крайнего индивидуализма, требованием абсолютной свободы личности, противопоставлением личности обществу. Бакунин выдвигал туманное требование «социальной ликвидации» — отмены государства и всех его институтов, ликвидации всяких «авторитетов», уравнивания классов и индивидов. Выступая против частной собственности, Бакунин считал, что она должна быть преобразована не в общенациональную коллективную собственность, а в собственность отдельных производственных ассоциаций.

Осуществить эти идеалы, доказывал Бакунин, может лишь революционное насилие широких масс. Однако под революцией

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 257.

² Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы. М., 1942, стр. 228.

он понимал стихийный бунт масс, которые якобы в любое время готовы к действию. Бакунин, идеализируя бунтарство и неорганизованность, крайний индивидуализм, свойственные таким политически неустойчивым слоям, как люмпен-пролетариат, учащаяся молодежь, крестьянство, отводил им роль основных сил революционного движения в борьбе против буржуазного государства и господства капитала. Волюнтаристский подход к революции определял авантюризм тактики бакунистов.

Из этого вытекали и взгляды Бакунина на пролетарскую организацию. Он отвергал необходимость создания не только массовых политических партий рабочего класса, но и вообще централизованных организаций рабочих. По его мнению, рабочие общества (и Интернационал в том числе) должны были представлять собой «свободные», автономные федерации профессионального типа. Наряду с ними Бакунин считал необходимым создание тайной, строго централизованной заговорщической организации, члены которой должны слепо подчиняться приказам сверху. Эта организация должна была вести пропаганду в анархистском духе и в момент стихийного бунта масс направить его в русло «социальной ликвидации».

Свои идеи Бакунин начал реализовывать еще в 1868 г., создав Международный альянс социалистической демократии — самостоятельную международную организацию, в то же время предлагавшую на принадлежность к Интернационалу и даже на разработку его теоретической программы.

16 декабря 1868 г. Энгельс получил от Маркса короткое письмо, к которому была приложена программа Альянса и его просьба о приеме в Интернационал. Маркс просил «изучить *серьезно*» этот документ и как можно быстрее вернуть его с замечаниями¹.

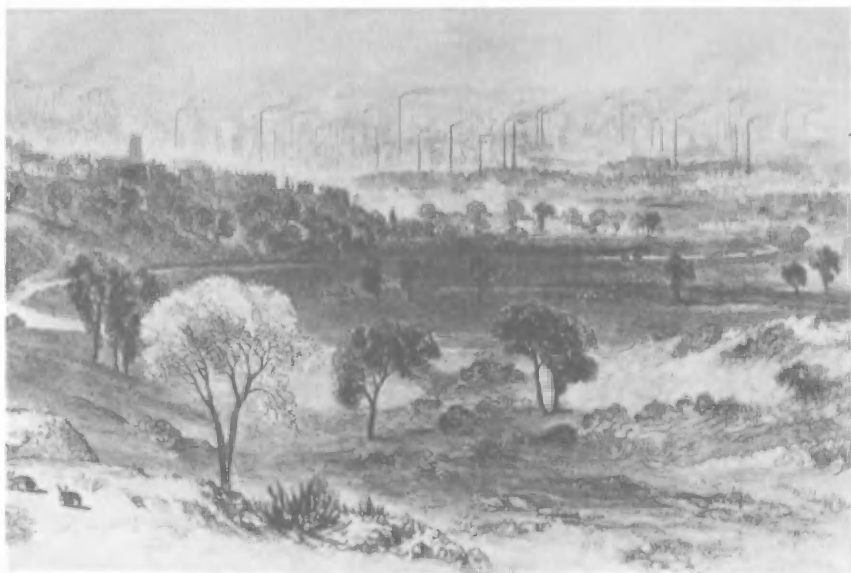
18 декабря Энгельс дал ответ. По поводу программных положений этого документа — «политического, экономического и социального уравнивания классов» путем отмены права наследования, требования «всеобщего великого естественного равенства личностей», отрицания государства как такового и необходимости вести политическую борьбу и т. д., он писал, что никогда не читал «ничего более жалкого»². Однако он советовал Марксу основное внимание в ответе Альянсу обратить на другие стороны документа, и прежде всего — на стремление сторонников Бакунина создать внутри Интернационала организацию, имеющую свою программу и устав, свои съезды и руководящий орган. Энгельс расценил это как попытку захвата руководства Товариществом и его дезорганизации. В духе рекомендации Энгельса Маркс и составил ответ Альянсу, который был одобрен Генеральным Советом.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 186.

² Там же, стр. 189.

Дом в Манчестере, в котором жил Энгельс

Вид г. Манчестера

Чатамская библиотека в Манчестере

Страница из подготовительных материалов Энгельса к статье «Военные силы России»

Музыкальная Записка Онегина, II часть I.

ура, б.	Brava bravo	Das Latinische
Королю	Королю	Das Latinische
Сестра	Sister	Das Latinische
Матрица	Matrix	Das Latinische
Касана	Casana	Das Latinische
Сословия	Social classes	Das Latinische
Результат	Result	Das Latinische
Немало	Not a little	Das Latinische
Объём	Volume	Das Latinische
Корона	Crown	Das Latinische
Наско	How much	Das Latinische
Постановка	Arrangement	Das Latinische
Наличие	Presence	Das Latinische
Хорошо	Very good	Das Latinische
Знаю	I know	Das Latinische
Романтизм	Romanticism	Das Latinische
Хочу	I want	Das Latinische
Симфония	Symphony	Das Latinische
Музыка	Music	Das Latinische
Отъём	Removal	Das Latinische
Наличие	Presence	Das Latinische

Сестра	Sister	Das Latinische
Королю	King	Das Latinische
Знаю	I know	Das Latinische
Хорошо	Very good	Das Latinische
Музыка	Music	Das Latinische
Отъём	Removal	Das Latinische
Наличие	Presence	Das Latinische

Выписки Энгельса из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Маркс в 1861 г.

Договор об условиях выхода Ф. Энгельса из фирмы «Эрмен и Энгельс»

Дом в Лондоне (122, Риджентс-парк-род), в котором жил Энгельс с сентября 1870 по октябрь 1894 г.

Энгельс в 60-е годы

С. Мур

К. Шорлеммер

В. Либкнехт

П. Лафарг

**Лист учета посещаемости
заседаний Генерального Совета
(сентябрь — декабрь 1870 г.)**

*Attendance of Members
from September to December 1870
Sept. Oct. Nov. Dec. Total*

Member	Sept.	Oct.	Nov.	Dec.	Total
Apfel	+				1
Bauer	+	+			2
Braun	+	+	+		3
Cook	+				1
Eden	+				1
Evans	+	+	+	+	4
Lyell	+	+	+	+	4
Stuart	+	+	+	+	4
Waller	+	+	+	+	4
Wright	+	+	+	+	4
Young	+	+	+	+	4
...

**Бой коммунаров
на кладбище Пер-Лашез**

**Рукопись плана
речи Энгельса
о политическом действии
рабочего класса на
Лондонской конференции
1871 г.**

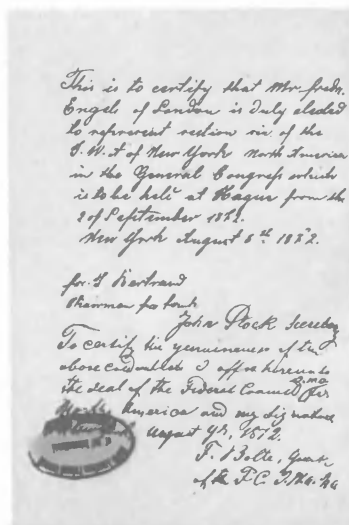
Handwritten manuscript in German, consisting of several columns of text. The handwriting is dense and cursive, typical of the 19th century. It appears to be a draft or a set of notes for a speech, as indicated by the caption.

Демонстрация в Лондоне в защиту Парижской Коммуны

Титульный лист брошюры
Маркса и Энгельса
«Мнимые расколы
в Интернационале»

Мандат Энгельса
на Гаагский конгресс

Решение Генерального Совета, противодействие местных федераций Интернационала заставили Бакунина изменить свою тактику. Было объявлено о роспуске Международного альянса. Его инициативная группа вошла в Интернационал в качестве местной секции под названием Альянс социалистической демократии. В то же время Бакунин стал усилительно создавать свою тайную организацию, подпольно действовавшую внутри Товарищества.

Опираясь на тайный Альянс и на Женевскую секцию Интернационала, являвшуюся центром всех бакунистов, Бакунин повел подрывную деятельность с целью захватить руководство прежде всего Романской федерацией Интернационала в Швейцарии. В Интернационале возник очаг постоянных конфликтов и склок. Борьба с этой опасностью была отодвинута на второй план сначала франко-прусской войной, затем Парижской Коммуной. Но после Коммуны борьба с анархистской идеологией и с бакунизмом в особенности развернулась с новой силой.

Энгельс был прекрасно осведомлен о деятельности бакунистов в Швейцарии. Получаемые им сведения из Италии и Испании также говорили не только о быстром подъеме рабочего движения, вызванном Коммуной, но и об усилении анархистской опасности. Вовлечение в движение сравнительно отсталых слоев рабочего класса создавало благоприятную обстановку для распространения бакунистского влияния в этих странах. Позднее, в 1877 г., Энгельс писал: «Зарождение движения в Италии связано с бакунистскими влияниями. В то время как в рабочих массах господствовала страстная, но в высшей степени неясная классовая ненависть против своих эксплуататоров, во всех местностях, где выступал революционный рабочий элемент, руководство захватила кучка молодых адвокатов, докторов, литераторов, приказчиков и т. д. под личным командованием Бакунина»¹. Сходное положение складывалось и в Испании. Проповедь политического индифферентизма, немедленного стихийного бунта, отрицание всякого авторитета — все это находило широкий отклик в политически отсталых слоях трудящихся. К тому же эти требования отождествлялись с программой Интернационала. Агитация бакунистов не только наносила ущерб рабочему движению этих стран, но и грозила захлестнуть Интернационал.

Лондонская конференция 1871 года

Теоретические выводы, сделанные Марксом и Энгельсом на основе опыта Коммуны, надо было включить в программные документы Интернационала. Это мог сделать только очередной конгресс. Но в обстановке разгрома Парижской Коммуны созвать конгресс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 100.

было невозможно. В связи с этим, а также учитывая дезорганизаторскую, раскольническую деятельность бакунистов, Энгельс 25 июля 1871 г. внес на заседании Генерального Совета предложение созвать в Лондоне закрытую конференцию Товарищества.

Подготовка конференции была поручена Подкомитету (рабочий орган Генерального Совета), но фактически вся эта работа пала на Маркса и Энгельса. Главные заботы взял на себя Энгельс, так как Маркс был страшно переутомлен и в августе 1871 г. вынужден был на некоторое время покинуть Лондон, чтобы подлечиться и отдохнуть.

При обсуждении Генеральным Советом подготовленных Энгельсом и Марксом проектов резолюций конференции Энгельс добивался выработки общей платформы Совета. Немало усилий требовало решение и чисто организационных дел: поиски помещения для конференции, извещение секций, прием делегатов. Много усилий приложил Энгельс, чтобы конференция была достаточно представительной. Во всей этой работе он в известной мере опирался на группу эмигрантов Коммуны, кооптированную в Генеральный Совет и усилившую его революционно-пролетарское крыло. Это были генерал Коммуны, польский революционер Валерий Врублевский, венгерский социалист Лео Франкель, ставший другом и соратником Маркса и Энгельса, видный деятель Коммуны бланкист Эдуар Вайян и другие.

Конференция начала работу в Лондоне 17 сентября 1871 г. Делегаты смогли приехать далеко не из всех стран, где были секции Товарищества. Некоторые секции прислали мандаты членам Генерального Совета. Так, Энгельс, который как секретарь-корреспондент Генерального Совета представлял на конференции Италию, получил мандат от саксонских рабочих, переданный ему Бебелем и Либкнехтом, которые сами не имели возможности прибыть в Лондон.

На конференции не было строгого распорядка дня. Делегаты непринужденно обменивались мнениями обо всем, что их волновало, сообщали о состоянии организаций Интернационала в представляемых ими странах. Маркс и Энгельс мастерски направляли дебаты в нужное русло, на выработку единой точки зрения.

В ходе конференции Энгельс выступал более тридцати раз. Он поддержал предложение Вайяна о необходимости организации пролетариата для ведения политической борьбы и развил его. На заседании 21 сентября он подверг резкой критике взгляды бакунистов, доказывая, что проповедью воздержания от политической борьбы они фактически толкают рабочих в «объятия буржуазной политики». «Воздержание от политики,— говорил Энгельс,— совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата.

Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата»¹.

В связи с тем, что Бакунин и его приверженцы, считая себя единственными подлинными революционерами, в то же время отрицали необходимость политической борьбы, Энгельс говорил: «...Революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые готовят революцию, которые воспитывают рабочих для революции... Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»².

Выступления Маркса и Энгельса были направлены как против мелкобуржуазного левого сектантства, отрицавшего необходимость политической борьбы рабочего класса, так и против оппортунистических лидеров тред-юнионизма, сводивших политическую деятельность к мелким реформам, к поддержке той или иной буржуазной группировки.

Горячая, глубоко аргументированная защита Марксом и Энгельсом необходимости политической борьбы и создания самостоятельных пролетарских политических партий увенчалась успехом. Участники конференции солидаризировались с их взглядами. Генеральному Совету было поручено составить окончательный текст резолюции «О политическом действии рабочего класса».

Серьезный удар нанесли бакунистам принятые по предложению Маркса и Энгельса резолюции о недопущении в Интернационал тайных заговорщических обществ или организаций, ставящих себе самостоятельные, отличные от общих задач Интернационала цели, а также решения, направленные на усиление внутренней сплоченности и дисциплины в рядах Международного Товарищества Рабочих.

Значительное место в работе конференции заняло обсуждение вызванного бакунистами конфликта в швейцарских секциях Товарищества. Энгельс участвовал в работе специальной комиссии, назначенной конференцией для разбора конфликта; на ее первом заседании он был избран секретарем. Из показаний делегатов, в особенности Н. И. Утина, одного из основателей русской секции Интернационала, и А. Перре, Энгельс узнал много нового о дезорганизаторской и раскольнической деятельности бакунистов в Швейцарии, об их попытках захватить руководство в Романской федерации, о связях Бакунина с революционером-заговорщиком С. Г. Нечаевым и том вреде, который принесли русскому революционному движению авантюристическая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 421.

² Там же, стр. 421—422.

тактика Нечаева, его недопустимые методы — шантаж и запугивание.

Конференция подтвердила ранее принятое Генеральным Советом решение, которое предлагало анархистским секциям создать свою собственную федерацию, вне Романской федерации Товарищества. Это должно было локализовать их действия, устранить одну из причин внутренних раздоров. Ни Маркс, ни Энгельс, ни другие члены Совета и делегаты конференции не знали тогда о существовании тайной бакунистской организации. Накануне конференции бакунистская секция в Женеве, являвшаяся одним из очагов раскола, заявила о своем роспуске. В связи с этим, а также учитывая, что резолюции конференции преграждают в дальнейшем доступ в Интернационал секциям Альянса, вопрос об Альянсе был объявлен исчерпанным.

И Маркс, и Энгельс считали, что принятые меры упрочат единство Товарищества, а выдвинутые в решениях задачи будут способствовать изоляции бакунистов.

23 сентября Лондонская конференция завершила свою работу. Ее решение, провозгласившее создание массовых политических партий рабочего класса необходимым условием для обеспечения полной победы социалистической революции и построения нового, бесклассового общества, определило главную задачу рабочего движения на целый исторический период. Закрепляя уроки Парижской Коммуны, оно явилось важной вехой в борьбе Маркса и Энгельса против «левого» оппортунизма и реформизма. Решения конференции воспрепятствовали попыткам бакунистов захватить ключевые позиции в Интернационале, опираясь на свои открытые организации.

Конференция не выработала окончательного текста ряда резолюций. Согласование различных предложений и учет мнений, высказанных делегатами конференции, редактирование текста Общего Устава и Организационного регламента и подготовка их нового издания были возложены на Генеральный Совет. С этой целью Совет создал ряд комиссий. Энгельс был выбран в комиссию для доработки резолюции о политическом действии рабочего класса. В сформулированном Марксом и Энгельсом тексте подчеркивалось, что «против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами; что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов»¹.

Большая работа была проведена Энгельсом для того, чтобы получить от местных федераций и секций Интернационала одобрение решений конференции, не имевших, в отличие от решений

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 427.

конгрессов, обязательной силы. Текст резолюций был издан в качестве циркулярного письма Генерального Совета и разослан местным организациям Международного Товарищества Рабочих.

Резолюции конференции были встречены бакунистами в штыки. Они повели усиленную кампанию против Генерального Совета. 29 ноября Энгельс получил номер женевской бакунистской газеты «La Révolution Sociale», содержащий решения съезда бакунистских швейцарских секций, который состоялся 12 ноября в маленьком городке Сонвилле.

На этом съезде 14 бакунистов, представлявших всего 8 секций, приняли циркулярное письмо ко всем секциям Интернационала. Они обвиняли Генеральный Совет в незаконном созыве Лондонской конференции, в диктаторстве, авторитарности и т. д. и требовали созыва внеочередного конгресса Интернационала для отмены решений конференции. В циркуляре, объявлявшем открытую войну «школе», требующей «завоевания политической власти рабочим классом», отвергалась необходимость дисциплины и централизации в рядах Интернационала. «Это — капля, переполнившая чашу, и нам пора действовать»¹, — писал Энгельс Либкнехту, ознакомившись с циркуляром. Вместе с Марксом он немедленно приступил к сбору материала для составления развернутого ответа от имени Генерального Совета.

Одновременно Энгельс выступил на страницах «Volksstaat» со статьей «Съезд в Сонвилле и Интернационал», в которой изобличил ложь и клевету, возводимые бакунистами на Генеральный Совет, показал раскольнический характер их деятельности. «И вот как раз в этот момент, когда все силы старого общества объединились, чтобы насильственным путем дезорганизовать Интернационал, — с гневом писал Энгельс, — когда единство и сплоченность необходимы больше, чем в любое другое время, как раз в этот момент небольшая... группа членов Интернационала в каком-то уголке Швейцарии сочла нужным выступить с гласным циркуляром, чтобы посеять раздор среди членов Товарищества»².

Резко критиковал Энгельс тезис бакунистов о том, что Интернационал следует реорганизовать в соответствии с анархистским идеалом будущего общества, в котором не должно существовать никакого авторитета. «Как раз теперь, когда мы должны защищаться всеми силами, пролетариату предлагают организоваться не в соответствии с потребностями борьбы, ежедневно и ежечасно ему навязываемой, а в соответствии с неопределенными представлениями некоторых фантазеров об обществе будущего!»³ Энгельс подчеркивал необходимость строгой партий-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 312.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 480.

³ Там же, стр. 482.

ной дисциплины, которая диктуется самим ходом пролетарского революционного движения, потребностями борьбы.

Энгельс придавал большое значение этой статье. Посылая ее 3 января 1872 г. Либкнехту для публикации в «Volksstaat», он настаивал, чтобы статья была помещена как можно скорее. Затем, после ее публикации, разослал экземпляры газеты своим корреспондентам.

Примерно в середине января Маркс и Энгельс начали писать работу «Мнимые расколы в Интернационале», которую закончили к началу марта. Они раскрыли здесь все убожество теоретических построений бакунистов и проследили их раскольническую деятельность. В брошюре был дан анализ сущности сектантства, показано, что если в начальный период освободительной борьбы пролетариата, когда он «еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс»¹, сектантство является в известной мере неизбежным, то на последующем этапе оно превращается в помеху развитию массового рабочего движения, становится реакционным.

Маркс и Энгельс подробно разобрали все положения Сонвиллерского циркуляра и опровергли их конкретными фактами. Подлинной целью бакунистов был захват руководства международным рабочим движением, навязывание ему догм и положений, которые представляли собой «лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, прикрытых звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретинов или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартовских или иных прокуроров»².

Красной нитью через всю работу проходила мысль о единстве международного пролетариата. Маркс и Энгельс подчеркивали, что небольшая кучка раскольников-бакунистов не смогла поколебать сплоченность рядов Интернационала. Само заглавие работы было ответом на возвещенный буржуазной печатью раскол Товарищества.

«Мнимые расколы в Интернационале» вышли отдельной брошюрой в Женеве в конце мая 1872 г. и распространялись как закрытый циркуляр Генерального Совета. Энгельс взял на себя рассылку экземпляров местным секциям, федеральным советам и отдельным членам Товарищества.

Параллельно с этим Маркс и Энгельс в письмах к деятелям Интернационала в Германии, Дании, Италии, Испании, США, Швейцарии, Бельгии развивали критику анархизма, отстаивали и обосновывали решения Лондонской конференции. Так, в письме члену Неаполитанской секции К. Палладино Энгельс подчеркивал, что ни одно общество — даже самое революционное — не может обойтись без обязательных для всех его участников

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

правил — устава, совместно принятых решений и т. д. «Не забывайте,— продолжал он,— что Интернационал имеет свою собственную историю и что эта история — которой он имеет полное основание гордиться — является лучшим комментарием к Уставу. Интернационал отнюдь не намерен отрекаться от этой славной истории... Каковы бы ни были Ваши опасения относительно большой ответственности, которую взял на себя Генеральный Совет, он останется всегда верным тому знамени, охранять которое вот уже семь лет ему доверили рабочие всего цивилизованного мира»¹.

В письме одному из руководителей организации Интернационала в Турине Энгельс, вскрывая пустоту фраз бакунистов против авторитета и централизации, отмечал, что именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне. «...Для борьбы,— писал он,— необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в центральном пункте атаки. А когда мне говорят об авторитете и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при любых обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорит, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами только на словах»².

**Секретарь-
корреспондент
Генерального Совета
для Испании и Италии**

Со дня своего избрания в Генеральный Совет Энгельс начал фактически выполнять функции секретаря-корреспондента для Испании и Италии. В феврале 1871 г. он был официально уполномочен вести от имени Совета переписку с Испанией и тут же установил контакты с членами находившегося в Мадриде Испанского федерального совета. 1 августа 1871 г. Генеральный Совет избрал Энгельса секретарем-корреспондентом для Италии.

Связи Энгельса с Испанским федеральным советом значительно укрепились в период Парижской Коммуны и после нее. Этому особенно способствовало то, что в Испанию эмигрировал из Франции Лафарг, который вступил в тесный контакт с руководителями организаций Интернационала в Мадриде.

Огромное значение для успеха деятельности Энгельса как секретаря-корреспондента для Испании имело то, что он прекрасно понимал всю сложность обстановки в этой стране, где в эти годы происходила буржуазная революция. Первые организации Интернационала были созданы там бакунистами и находились под влиянием анархистской идеологии. Однако в движение были вовлечены действительно широкие массы рабочих, страстно искавшие ответа на вопросы, как избавиться от

¹ И. Мирна и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 286.

² Там же, стр. 317.

нищеты и бесправия, как организовать свои силы и свергнуть ненавистный эксплуататорский строй.

Энгельс ставил своей основной задачей установление контактов с самими рабочими массами. В апреле 1871 г., во время стачки текстильчиков Барселоны, он организовал материальную помощь бастующим со стороны организаций Интернационала Англии и Германии. Это способствовало повышению авторитета Интернационала и Генерального Совета, воспитанию у испанских рабочих чувства пролетарского интернационализма. Энгельс неоднократно сообщал Генеральному Совету о причинах и ходе стачки, о предпринятых им мерах¹. С этого времени он наладил связи с барселонскими секциями и начал посылать материалы для публикации в орган Барселонской федерации газету «La Federacion».

Вновь избранный после Лондонской конференции секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Испании и Италии, стран, являвшихся основной базой бакунистов, Энгельс играл решающую роль в деле отстаивания и обоснования намеченной конференцией линии, в борьбе с анархистской идеологией вообще и раскольнической деятельностью бакунистов в особенности. Устанавливая и укрепляя организационные связи, Энгельс умело использовал любую возможность для ознакомления рабочих с подлинными целями и задачами Интернационала, последовательно разоблачал анархистскую и реформистскую идеологию. Огромные усилия прилагал он, чтобы сплотить хотя бы небольшие группы пролетарских революционеров, способных противостоять бакунистам, начать пропаганду научного коммунизма в этих странах.

Среди корреспондентов Энгельса в Испании особенно выделялись Хосе Меса-и-Леопарт, рабочий-типограф, всесторонне одаренный человек, блестящий организатор и публицист; Франсиско Мора, сапожник, самоучкой приобретший немалые знания, человек, своей честностью и преданностью делу завоевавший уважение и любовь испанских рабочих; молодой студент и публицист Пабло Иглесиас. Все они под влиянием Энгельса стали марксистами и в дальнейшем играли видную роль в создании и укреплении социалистической партии в Испании.

Одним из средств идейного воздействия, которые использовал Энгельс, было широкое ознакомление испанских членов Товарищества с опытом борьбы Интернационала в других странах. Этим опытом он аргументировал важнейшие положения научного коммунизма, программы Интернационала. Уже в первом письме Федеральному совету, приветствуя стремление испанских рабочих поделиться от буржуазных политических партий, Энгельс писал: «Опыт показал повсюду, что лучшим средством

¹ См. Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы. М., 1965, стр. 123, 126.

освободить рабочих от этого господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий... Детали этой политики могут меняться в зависимости от особых условий каждой страны; но так как основные отношения между трудом и капиталом всюду одни и те же и политическое господство имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цель пролетарской политики будут везде одни и те же, по крайней мере во всех странах Запада»¹. Он разъяснял, что имущие классы эксплуатируют трудящихся, опираясь не только на свое экономическое могущество, но и на выражающий их интересы государственный аппарат. Отсюда вытекает, что освобождение рабочего класса невозможно без политической борьбы.

Энгельс систематически направлял в Мадрид отчеты о заседаниях Генерального Совета, сообщал о других событиях в Интернационале, о борьбе рабочих. Все это служило материалом для статей и заметок в органе мадридских секций газете «*Emancipación*», многие из которых принадлежали перу Лафарга. Эти статьи доказывали ограниченность анархистских догм, их несоответствие подлинным целям борьбы рабочих.

Огромное значение имело приобщение испанских рабочих к марксистской литературе. Энгельс послал в Мадрид многие документы Интернационала (в том числе «Гражданскую войну во Франции», резолюцию Лондонской конференции), «Ницетскую философию», а позже — «Манифест Коммунистической партии» и французское издание «Капитала». «*Emancipación*» познакомила испанских читателей с этими работами. Через нее важнейшие произведения научного коммунизма впервые стали известны и в Португалии. С руководителями португальских секций Интернационала Энгельс вступил в непосредственный контакт в 1872 г.

В письмах испанцам, которые он писал на их родном языке, Энгельс разъяснял цели и задачи рабочего движения, подвергал критике анархистские взгляды, рассказывал об отпоре, который бакунисты получают в других странах.

Особое значение имела переписка с Лафаргом. В письмах к нему Энгельс намечал основную линию, тактику борьбы с бакунизмом. На первый план он выдвигал критику нигилистического отношения бакунистов к рабочим организациям. Испанские пролетарии только что создали свои организации (профсоюзы и секции Интернационала) и с их помощью уже добились значительных успехов, поэтому критика бакунистских догм в этом вопросе нашла у них положительный отклик.

За короткий срок Энгельсу удалось добиться важных для всего Интернационала результатов. По его настоянию Испан-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 291.

ский федеральный совет определил свое отношение к Лондонской конференции, в принципе одоблив решение о политическом действии рабочего класса. В связи с этим Энгельс в декабре 1871 г. сообщал Либкнехту: «С *Испанией* все в порядке, мы одержали решительную победу. Соответствующее решение конференции получило *признание...*»¹.

Под влиянием Энгельса и Лафарга Испанская федерация отвергла и требование Сонвильерского циркуляра о немедленном созыве внеочередного конгресса, что в значительной мере определило провал плана бакунистов.

Одновременно Энгельс активно действовал как секретарь-корреспондент Генерального Совета для Италии. Положение здесь было еще более сложным. Не только обширные личные связи Бакунина, некоторое время жившего в Италии, но и объективные условия — неимоверный экономический и политический гнет, массовая пауперизация, неразвитость рабочего класса, делавшего лишь первые шаги в своей самостоятельной борьбе, — все это способствовало широкому распространению анархистских идей. С другой стороны, не было еще преодолено влияние буржуазных республиканцев (мадзинистов), проповедовавших рабочим идеи классового сотрудничества с буржуазией как панацею от всех бед. Трудность заключалась и в том, что Генеральный Совет не имел никаких связей в Италии.

Возможность установления контактов открылась лишь в мае 1871 г., когда в Италию возвратился Карло Кафьеро. С этим молодым итальянским революционером Энгельс познакомился в Лондоне в конце 1870 г. Под влиянием Маркса и Энгельса Кафьеро вступил в Интернационал и выразил готовность помочь Генеральному Совету в создании организаций Международного Товарищества Рабочих в Италии. Энгельс дал ему ряд поручений и практических советов для установления непосредственных контактов с уже существующими рабочими организациями и секциями Интернационала и их объединения.

Через Кафьеро Энгельс связался с редакцией левореспубликанской газеты «Gazzettino Rosa» в Милане, с рабочим обществом в Турине, с редакцией выходившей в Лоди демократической газеты «Рлебе». С редактором этой газеты, участником гарибальдийских походов, социалистом Энрико Биньями у Энгельса вскоре завязалась регулярная переписка. В сложившейся вокруг газеты группе Энгельс нашел опору для борьбы с бакунистским влиянием. Были установлены также контакты с Римом и Джирдженти (Агридженто) в Сицилии, однако они носили эпизодический характер.

Эти связи позволили Энгельсу приступить к распространению в Италии важнейших документов Товарищества. Он послал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 306.

туда «Учредительный Манифест», Общий Устав и Организационный регламент Интернационала, резолюции конгрессов, «Гражданскую войну во Франции», резолюции Лондонской конференции, отчеты о заседаниях Генерального Совета и т. д. Это был значительный шаг в приобщении итальянского рабочего движения к международной борьбе пролетариата, в ознаменовании его с задачами Интернационала. Ряд посланных Энгельсом материалов был опубликован. На арене идеологической борьбы в Италии появилась новая сила; различным мелкобуржуазным и буржуазным идеям впервые был противопоставлен научный коммунизм.

Не меньшее значение для развития идейной борьбы имели и письма Энгельса Кафьеро. В них он разъяснял важнейшие марксистские положения: о значении самостоятельной партии рабочего класса, о борьбе против сектанства в рабочем движении и необходимости тесной связи с массами, о борьбе за диктатуру пролетариата как решающей задаче рабочей партии, о необходимости союза пролетариата с беднейшим крестьянством, как одном из основных условий пролетарской революции. 28 июля 1871 г. он писал: «Мы должны освободиться от земельных собственников и капиталистов, поставив на их место объединенный класс сельскохозяйственных и промышленных рабочих, овладевших всеми средствами производства...»¹. В одном из писем Энгельс резко критиковал клеветнические выступления Мадзини против Интернационала. Часть этого письма Кафьеро опубликовал в виде статьи в нескольких итальянских газетах, что немало содействовало отходу итальянских рабочих от мадзинистских организаций. В переписке с Кафьеро Энгельс уделял значительное внимание тактике пролетариата по отношению к крестьянству, особенно подчеркивая необходимость дифференцированного и конкретного подхода к различным слоям сельского населения.

С содержанием писем Энгельса Кафьеро регулярно знакомил членов секции в Неаполе. Эти письма помогли итальянским социалистам преодолеть влияние мелкобуржуазного демократизма Мадзини и анархистских идей Бакунина.

При установлении и развитии контактов с Италией Энгельс испытывал огромные трудности. Полицейские репрессии обрушивались на рабочие и демократические организации и газеты. С трудом установленные связи прерывались. Кроме того, корреспонденты Энгельса, газеты, с которыми он пытался наладить сотрудничество, были далеки от научного коммунизма, большинство из них склонялось к анархизму. После Лондонской конференции Кафьеро перешел в лагерь бакунистов и прекратил переписку с Энгельсом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 223.

Огромное значение придавал Энгельс связям с промышленными городами Северной Италии — Миланом и Туринном. Центром, вокруг которого группировались поначалу социалисты Милана, была газета «Gazzettino Rosa». С сентября 1871 г. она установила контакт с Генеральным Советом и печатала на своих страницах отчеты о его заседаниях, а также другие материалы, присылаемые Энгельсом. В частности, в газете была напечатана его статья, в которой давался отпор выступлениям Мадзини против Интернационала¹.

Еще более тесными были связи Энгельса с Миланской секцией Интернационала, в создании которой главную роль сыграл немецкий социал-демократ Теодор Куно. Обосновавшись в Милане осенью 1871 г. в качестве инженера на одном из крупнейших промышленных предприятий, Куно 1 ноября 1871 г. обратился к Энгельсу с письмом, которым началась их переписка и близкое знакомство. Энгельс помог Куно создать в Милане секцию Интернационала и в дальнейшем постоянно направлял его деятельность. Благодаря помощи Энгельса Куно сумел доказать членам секции необходимость участия рабочего класса в политической борьбе и предостеречь их от интриг сторонников Бакунина. Вплоть до своего ареста в конце февраля 1872 г. и высылки из Италии Куно действовал в Милане, энергично поддерживая Маркса и Энгельса, Генеральный Совет Интернационала в борьбе против бакунизма.

Много усилий затратил Энгельс и на пропаганду идей Интернационала в туринском обществе рабочих, которое стало секцией Товарищества. Терпеливо и настойчиво он разъяснял сущность решений Лондонской конференции, цели и средства борьбы рабочего класса. Для выяснения положения в секции и организации противодействия бакунистам по инициативе Энгельса в Италию был направлен член Генерального Совета, парижский коммунары Витале Реджис. Действия Реджиса на некоторое время удержали членов туринской секции от поддержки бакунистов. Однако и здесь влияние бакунистов постепенно усиливалось — в секции не было никого, кто мог бы стать серьезной опорой Энгельса; а затем и полицейские преследования дезорганизовали ее деятельность.

Энгельс и борьба в Британской федерации

После Парижской Коммуны в Интернационале резко обострилась борьба против реформизма части английских членов Товарищества.

Отказ многих английских тред-юнионистов от защиты Парижской Коммуны показал, что в английском рабочем движении произошел значительный сдвиг вправо. Как неоднократно отмечали и Маркс, и Энгельс, господствующей идеологией движе-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 394—396.

ния стал буржуазный тред-юнионизм. Об этом свидетельствовало уже поведение Оджера и Лекрафта после публикации «Гражданской войны во Франции». Правда, это воззвание подписали 26 представителей английских рабочих в Совете, не связанных непосредственно с крупными тред-юнионами. В период подготовки и проведения Лондонской конференции эти члены Генерального Совета примыкали к его революционному крылу. Одним из представителей этой группы был Джон Хейлз, человек одаренный, активный, неплохой оратор и организатор. Вместе с другими он выступил в защиту Парижской Коммуны. На Лондонской конференции он поддержал резолюцию «О политическом действии рабочего класса». Но как выяснилось уже осенью 1871 г., часть английских членов Интернационала, включая самого Хейлза, толковала политическую борьбу рабочего класса исключительно в реформистском духе, то есть сводила ее к борьбе за частичные реформы, отвергая необходимость революционного преобразования общества.

С другой стороны, и в Генеральном Совете, и в английских секциях была известная группа членов Товарищества, сближавшаяся с научным коммунизмом и представлявшая революционное крыло английского рабочего движения.

Определенные надежды Маркс и Энгельс возлагали на Британский федеральный совет, созданный в октябре 1871 г. в соответствии с резолюцией Лондонской конференции (до этого функции федерального совета для Англии выполнял Генеральный Совет). Они рассматривали Британский совет как отправную позицию в дальнейшей борьбе за самостоятельную рабочую партию. В обращении к британским секциям Энгельс несколько позднее писал, что решение Лондонской конференции «призывает рабочий класс здесь, в Англии, перестать служить хвостом «великой либеральной партии» и образовать свою собственную независимую партию»¹. Борьба за укрепление Британского федерального совета, за сплочение в нем революционных сил, за изоляцию носителей реформистской идеологии в основном легла на плечи Маркса. Однако и Энгельс сделал немало.

Он был самым тесным образом связан с секциями Интернационала в Манчестере, состоял в переписке с их руководителями Эдвардом Джонсом и Эженом Дюпоном. Во многом благодаря их усилиям манчестерские секции были прочной опорой революционного крыла Британской федерации. Энгельс поддерживал постоянные контакты со многими членами Британского федерального совета; большую помощь оказывал он также одному из организаторов ирландских секций в Англии, члену Генерального Совета Джозефу Мак-Доннелу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 194.

Маркс и Энгельс рассчитывали, что создание ирландских секций и в Ирландии, и в Англии и дальнейшее их объединение в единую федерацию может впоследствии послужить основой для образования ирландской пролетарской партии. Действительно, при активном содействии Энгельса Мак-Доннел в апреле 1872 г. провел первую конференцию представителей ирландских секций. Некоторые из них включили в свой устав требование независимости Ирландии. Однако эти шаги к консолидации передовой части ирландских рабочих на базе программы, которая сочетала бы общенациональные и пролетарские задачи, встретили противодействие реформистской части Британского федерального совета. Хейлз и его сторонники, которые считали, что Интернационалу не следует поддерживать национально-освободительное движение в Ирландии, настаивали на подчинении ирландских секций Британскому совету. 14 мая 1872 г. по этому вопросу состоялась дискуссия в Генеральном Совете. Против позиции Хейлза и других с яркой речью выступил Энгельс. Он подчеркнул, что Хейлз забывает о национальном угнетении Ирландии Англией. «Налицо факт английского завоевания и 700-летнего угнетения Ирландии, и пока это угнетение существует,— говорил Энгельс,— было бы оскорблением для ирландских рабочих требовать от них подчинения Британскому федеральному совету... Если члены Интернационала, принадлежащие к господствующей нации,— продолжал он,— призывают нацию, завоеванную и продолжающую оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, «отбросить национальные разногласия» и т. д., то это не интернационализм, а не что иное, как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма»¹.

Выступление Энгельса получило полное одобрение большинства членов Генерального Совета, в том числе и англичан.

Потерпев поражение по ирландскому вопросу в руководящем органе Интернационала, реформисты усилили активность в Британском федеральном совете. Они добивались ограничения полномочий Генерального Совета и требовали отставки Совета в данном составе. Это предложение они внесли на обсуждение первого съезда британских секций.

Съезд состоялся 21—22 июля в Ноттингеме. Энгельс был избран его делегатом от лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, которое являлось секцией Британской федерации. Хотя Энгельс не смог поехать в Ноттингем, он через Дюпона и Лесснера оказывал большую помощь революционному крылу делегатов. Дюпон, Лесснер, Райли, Эд. Джонс, Хейс и другие сумели добиться принятия важ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 75.

нейших решений. Под их воздействием было снято предложение об ограничении полномочий Генерального Совета¹. Съезд одобрил все резолюции Лондонской конференции и деятельность Генерального Совета. Это, как и сам факт организационного укрепления федерации, явилось важной победой левых сил.

Разоблачение тайного Альянса

В середине апреля 1872 г. Энгельс получил от Лафарга чрезвычайно важные сведения о том, что в Испании внутри организации Интернационала существует тайная бакунистская организация — Альянс. Становилось ясно, что выдвинутые бакунистами требования абсолютной автономии, борьбы с «авторитетами» являются лишь прикрытием хорошо организованного и централизованного заговора против Интернационала. Раскрытие этих новых фактов меняло весь характер борьбы сторонников научного коммунизма с бакунизмом. Теперь речь шла уже не только об идейной критике, но и об организационном размежевании, об удалении из Интернационала чужеродной организации.

Сразу же по получении сообщения Лафарга и номера брюссельского органа Интернационала «Liberté», в котором Лафарг публично заявил о существовании тайного Альянса, Энгельс написал об этом в Италию — Куно и в Германию — Либкнехту². В письме Либкнехту он настоятельно рекомендовал перепечатать в «Volksstaat» корреспонденцию Лафарга. Поскольку эти разоблачения имели особо важное значение для Швейцарии — центра бакунистских интриг, где под руководством Утина, И. Ф. Беккера, Перре и других велась острая борьба с бакунистами, Маркс и Энгельс помогли Лафаргу непосредственно связаться с Женевской «Egalité» — органом Романской федерации.

Теперь одним из основных направлений деятельности Маркса и, в особенности, Энгельса стал сбор документальных материалов о существовании тайного Альянса. В мае — августе 1872 г. Энгельс вел обширную переписку по этим вопросам с Утиным, И. Ф. Беккером, Лафаргом, Меса и др.

Вопрос о тайном Альянсе приобрел особенно острый характер в связи с предстоявшим очередным общим конгрессом Интернационала, который должен был сыграть решающую роль в борьбе Маркса и Энгельса за торжество программных и организационных принципов научного коммунизма в Товариществе.

11 июня 1872 г. Генеральный Совет постановил начать подготовку к конгрессу. Она проходила в сложных условиях. Важное значение имел сам вопрос о месте созыва конгресса. Созвать конгресс в Германии или во Франции было невозможно из-за политической обстановки в этих странах, созвать его в Швейца-

¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 107/2, 107/3.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 386, 393.

рии, как того хотели не только анархисты, но и некоторые соратники Маркса и Энгельса, также было нельзя, ибо это дало бы бакунистам возможность послать на него значительное количество делегатов от мелких швейцарских секций. Созыв конгресса в Англии был нецелесообразен, поскольку это могло дать лишний повод для нападок на Генеральный Совет, да и предоставило бы определенные преимущества реформистским деятелям английского рабочего движения.

Взвесив все эти обстоятельства, Маркс и Энгельс поддержали предложение созвать конгресс в Гааге¹.

По поручению Совета Энгельс составил извещение о созыве конгресса. В нем указывалось, что «Генеральный Совет... ставит в порядок дня как наиболее важный из вопросов, подлежащих обсуждению Гаагского конгресса — пересмотр Общего Устава и Регламента»². Конгресс должен был подвести итоги борьбы в Интернационале с анархистской и реформистской идеологиями со времени предыдущего, Базельского, конгресса (1869 г.), зафиксировать их в основном программном документе Товарищества — Общем Уставе, внося в него соответствующие изменения. Важнейшей задачей было утверждение конгрессом резолюций Лондонской конференции, т. е. завершение выработки политической программы Интернационала. По мнению Маркса и Энгельса, следовало внести конкретные изменения и в организационные принципы построения Интернационала, которые, с одной стороны, должны были укрепить в целях обеспечения единства Международного Товарищества Рабочих его Генеральный Совет, а с другой — придать Интернационалу более четкую структуру.

При подготовке конгресса Энгельс уделил особое внимание обеспечению представительства от Германии, единственной страны, где в то время существовала самостоятельная пролетарская партия. В письмах Либкнехту, Бебелю и другим руководителям Социал-демократической рабочей партии он указывал, что немецкие делегаты конгресса должны помочь представителям рабочих других стран избрать на своем международном форуме правильный путь, дать отпор анархистской и реформистской идеологиям. Энгельс подчеркивал, что немецкая социал-демократия не может изолироваться от международного рабочего движения, замкнуться в своих узконациональных проблемах. Такая изоляция могла бы нанести ущерб не только международному рабочему движению, но и идейному развитию самой этой партии. Марксу и Энгельсу удалось добиться того, что германская социал-демократия была достойно представлена на Гаагском конгрессе.

¹ См. Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы. М., 1965, стр. 168.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 88.

Активную роль играл Энгельс при обсуждении Генеральным Советом Общего Устава и Организационного регламента, подлежавших утверждению на конгрессе. Он руководил обсуждением, зачитывал статьи Устава и Регламента, вносил предложения, обосновывал и отстаивал их. При обсуждении статей, касающихся полномочий Генерального Совета, было принято предложение Энгельса о расширении прав Совета. 23 июля по инициативе Вайяна, поддержанной Марксом и Энгельсом, Генеральный Совет решил включить в Устав резолюцию Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса». Статья 9 Устава была дополнена пунктом о том, чтобы в составе каждой вновь принимаемой секции было не менее двух третей наемных рабочих. В то же время в ходе дискуссии Энгельс выступил против тех предложений, которые шли вразрез с основным направлением Устава и Регламента.

Параллельно Энгельс много занимался подготовкой к конгрессу вопроса о бакунистском Альянсе. Он составил проект обращения Генерального Совета ко всем членам Товарищества, в котором писал: «Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу. Это заговор, направленный против самого пролетарского движения»¹. Энгельс предлагал потребовать от конгресса «исключения из Интернационала всех членов Альянса и предоставления Совету необходимых полномочий для предотвращения в дальнейшем подобных заговоров»².

О том, какое значение придавал Энгельс обращению, свидетельствует его письмо И. Ф. Беккеру от 5 августа 1872 г.: «...Завтра вечером мы бросим бомбу, которая вызовет среди бакунистов немалую панику, а именно — публичное заявление относительно Альянса социалистической демократии, продолжающего существовать как *тайное общество*. Мы получили наконец нужный материал и обличающие документы из Испании...»³.

Проект обращения вызвал острые дебаты в Совете, в ходе которых впервые выявилась тенденция английских реформистов блокироваться с бакунистами. Проект был принят к сведению. Однако многие члены Совета требовали исчерпывающего документального обоснования обращения, а Энгельс еще не имел в своем распоряжении всех необходимых документов. Лишь в самом конце августа — начале сентября, буквально накануне конгресса, из Швейцарии (от Утина и др.) и Испании были получены подлинные статуты тайного Альянса, тайные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 114.

² Там же, стр. 115.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 430.

обращения и циркуляры его групп, письма его руководителей. За необычайно короткий срок Энгельс обработал этот материал и на его основе подготовил для конгресса доклад Генерального Совета об Альянсе социалистической демократии.

На Гаагском конгрессе 1 сентября 1872 г. Энгельс вместе с Марксом и его женой приехал в Гаагу. На следующий же день, когда состоялось открытие конгресса, он смог убедиться, что его усилия не были напрасны. Гаагский конгресс оказался самым представительным из всех конгрессов Интернационала — на него прибыли 65 делегатов из 15 стран. Энгельс присутствовал на конгрессе в качестве делегата от секции в Бреслау и секции № 6 в США. В Гааге Маркс и Энгельс встретили много соратников и старых друзей. Поль и Лаура Лафарг приехали из Португалии, где они провели до этого несколько недель. Лафарг установил там связь с федерацией Интернационала, от которой и получил мандат на конгресс. Из Швейцарии приехал И. Ф. Беккер, из Германии — Людвиг Кугельман, философ-самоучка рабочий Иосиф Дицген, один из редакторов «Volksstaat» Адольф Гепнер. Как делегат от секций Интернационала в США в Гаагу приехал Фридрих Адольф Зорге. В Лондоне, где он остановился проездом, состоялось перешедшее затем в долголетнюю дружбу личное знакомство Энгельса с этим замечательным человеком, участником революционных боев 1848—1849 гг. Состав конгресса в основном отражал действительное соотношение сил в Товариществе — Марксу и Энгельсу удалось сгруппировать вокруг себя внушительное большинство. Меньшинство — анархисты и английские реформисты, как писал сразу после конгресса Энгельс, «не превышало 20 голосов на 64 делегата, обычно же колебалось в пределах от 12 до 16»¹.

Один из активных участников конгресса Куно в воспоминаниях дал живую зарисовку той обстановки, в которой происходили заседания, своей первой встречи с Энгельсом: «Я приехал в Гаагу, когда конгресс уже приступил к работе. Заседания происходили в помещении зала для танцев на Ломбардстраат, площадью примерно 50 на 20 футов; по одной стене шли хоры, где сидели немногочисленные зрители и среди них репортеры нескольких местных и иностранных газет.

Когда я вошел в зал, я увидел множество столов, расположенных в виде подковы, за которыми собралось самое любопытное общество, какое мне когда-либо в жизни приходилось видеть...

Затем я увидел Энгельса. Он сидел слева от председательствующего, курил, писал и с увлечением слушал ораторов. Когда я представился ему, он поднял голову от своих бумаг и, схватив

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 163.

мою руку, радостно сообщил: «Все идет хорошо, у нас подавляющее большинство».

...Лицо Энгельса было мне знакомо по фотографиям, но в действительности он оказался более худым, чем на портретах. Это был высокий, худощавый, но здоровый по виду человек с резко очерченными чертами лица, с длинной рыжеватой бородой и синими глазами. Его движения и речь были быстрыми и четкими; у окружающих создавалось убеждение, что этот человек точно знает, чего он хочет и каковы будут результаты его слов и действий. Из разговора с ним каждый извлекал для себя много нового и поучительного. Его мозг — сокровищница научных знаний. Энгельс разговаривал более чем на дюжине языков...»¹.

Важнейшее место в повестке дня Гаагского конгресса занимал вопрос о внесении в Устав Интернационала новых теоретических положений. Вместе с Марксом и другими сторонниками научного коммунизма Энгельс добивался включения в Устав носящей программный характер резолюции Лондонской конференции «О политическом действии рабочего класса». В ходе обсуждения этого вопроса конгресс всесторонне рассмотрел также идею диктатуры пролетариата как основного средства создания социалистического общества и идею о необходимости самостоятельной политической партии рабочего класса.

Главными противниками включения в Устав этих положений на конгрессе были анархисты во главе с Джемсом Гильомом. Последний, отстаивая бакунистский догмат о немедленном разрушении государства и замене его свободной федерацией автономных групп, особенно резко выступил против идеи диктатуры пролетариата, как она была сформулирована в «Манифесте Коммунистической партии». Возражая Гильому, Энгельс подчеркнул неразрывную связь принципов «Манифеста» с политической программой Интернационала. Он показал, что опыт Парижской Коммуны полностью подтвердил правильность этих принципов.

Значительным большинством голосов конгресс принял решение о включении упомянутой резолюции Лондонской конференции в Устав Интернационала в качестве особой статьи. Восторжествовало одно из важнейших положений марксистской программы, что означало идейно-теоретическую победу над анархизмом.

Конгресс решительно отверг попытки анархистов превратить Генеральный Совет в простое корреспондентское и статистическое бюро или даже упразднить его. Полномочия Генерального Совета были значительно расширены. Ему вменялось в обязанность «следить в каждой стране за строгим соблюде-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 211, 212.

нием принципов Общего Устава и Регламента Интернационала»¹. Генеральному Совету предоставлялось также право временно, до созыва очередного конгресса, исключать из Интернационала отдельные секции и целые федерации.

7 сентября конгресс рассмотрел вопрос о бакунистском тайном Альянсе. Этот вопрос встал уже в первые дни работы конгресса, при обсуждении мандатов, в связи с тем, что бакунисты пытались оспорить мандат Лафарга. Против этой попытки анархистов дискредитировать подлинного революционера, имевшего смелость разоблачить существование тайного Альянса, выступил Энгельс. Вот как записано в протоколе его выступление:

«Энгельс говорит: нам предстоит решить, должно ли Международное Товарищество Рабочих и впредь управляться на основании демократических принципов или им будет руководить клика (крики и протесты против слова «клика»), организованная тайно и в противоречии с Уставом. Здесь присутствует шесть лиц, принадлежащих к этому тайному обществу: четыре испанца, Швицгебель и Гильом.

Гильом прерывает оратора резким возгласом: «Это неверно!»

*Энгельс опускает руку в карман, достает оттуда письмо и говорит: «Вот — доказательства»*².

Вслед за этим выступил Маркс. Подводя итог сделанных в ходе заседания разоблачений, он внес предложение «исключить Альянс из Международного Товарищества Рабочих» и назначить комиссию для разбора этого дела³.

Основой для работы созданной конгрессом комиссии из пяти человек послужил написанный Энгельсом и представленный от имени Генерального Совета доклад об Альянсе социалистической демократии. Энгельс приложил к докладу большое количество документов, раскрывающих дезорганизаторскую деятельность бакунистов. «...Целью Альянса является,— писал он,— навязать свою сектантскую программу всему Интернационалу с помощью своей тайной организации»⁴.

На основе подлинных документов Энгельс показал, что организационные принципы тайного Альянса чужды массовой пролетарской организации, что за нападка на полномочия Генерального Совета, на авторитет вообще скрывается стремление бакунистов к абсолютной, ничем не ограниченной диктаторской власти их лидера Бакунина.

Большинством голосов Гаагский конгресс исключил из Интернационала руководителей Альянса — Бакунина и Гильома.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 144.

² Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы. М., 1970, стр. 94.

³ См. там же, стр. 95.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 135.

Чтобы оградить Международное Товарищество Рабочих от проникновения в его ряды полицейских агентов, а также от дезорганизаторской деятельности бланкистов и бакунистов, Маркс и Энгельс предложили перенести местопребывание Генерального Совета из Европы в Америку. Они стремились таким путем пресечь попытки бакунистов и английских тред-юнионистов, лидеров которых Маркс открыто заклеил на конгрессе как продажных политиканов, завладеть руководящими органами Интернационала. Обосновывая это предложение, Энгельс указал, что Лондон потому в течение всех лет существования Интернационала оставался местопребыванием Генерального Совета, что здесь можно было обеспечить его интернациональный характер, что члены Совета и документы Товарищества находились там в полной безопасности. Однако в настоящее время, продолжал Энгельс, «партийные разногласия в Лондоне приобрели такую остроту, что становится *необходимым* переместить местопребывание Совета»¹. Наиболее подходящим местом для нового Совета в сложившихся условиях он считал Нью-Йорк.

Это предложение не встретило единодушной поддержки. Многие делегаты выражали пожелание оставить руководство Интернационала в Лондоне. Лишь после заявлений Маркса и Энгельса об отказе вновь войти в состав Совета большинство конгресса одобрило предложение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Соединенные Штаты Америки.

Гаагский конгресс явился важнейшей вехой в истории международного рабочего движения, кульминационным пунктом в деятельности Интернационала. Он знаменовал идейную победу марксизма над анархизмом и реформизмом.

После Гаагского конгресса

Закончились бурные заседания Гаагского конгресса. Выступления видных представителей рабочего движения на его заседаниях, живой обмен мнениями во время дружеских бесед, затягивавшихся допоздна, убедительно свидетельствовали о росте рабочего движения, о возросшей идейной закалке соратников и единомышленников Маркса и Энгельса. Важнейшие идеи научного коммунизма получили значительное распространение, вошли в сознание передовых рабочих. Реформистским идеям латания прорех буржуазного общества, анархистской проповеди бунта, разрушения государства как такового, отрицания партии и диктатуры пролетариата была противопоставлена марксистская теория социалистической революции. Конгресс, как отмечал Энгельс, со всей ясностью провозгласил политическую программу Интернационала².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 645.

² См. там же, стр. 163.

В то же время шло сближение и объединение всех антимарксистских сил. Параллельно с заседаниями конгресса проходили сепаратные совещания бакунистов. На последнем заседании конгресса была зачитана «декларация меньшинства», в которой заявлялось, что оно отказывается признать решения общего конгресса. Анархисты спешно выработывали свою особую платформу.

В конце сентября, уже в Лондоне, Энгельс узнал о состоявшемся 15 сентября в небольшом швейцарском городке Сент-Имье съезде анархистов. Участники этого собрания приняли ряд резолюций и обращение к секциям, фактически означавшие раскол Товарищества. В этих документах отвергались все решения Гаагского конгресса, провозглашались чуждые Интернационалу идейные и организационные принципы, содержался призыв к созданию международной организации на основе этих принципов.

Еще до этого съезда против решений Гаагского конгресса выступили Юрская федерация и небольшая группа русских эмигрантов в Швейцарии. 25—26 декабря 1872 г. в Брюсселе состоялся съезд Бельгийской федерации, на котором бакунистское большинство отвергло решения Гаагского конгресса. Произошел раскол в Испанской федерации. Часть местных организаций заявила о своей солидарности с гаагскими решениями, другая же часть федерации, шедшая за бакунистами, на съезде в Кордове 25 декабря отказалась признать эти решения.

Наряду с бакунистами против решений Гаагского конгресса выступили и реформистские элементы Британской федерации. В письмах в анархистские газеты Хейлз заявил о полной солидарности своей группы с действиями бакунистов¹, а в декабре 1872 г. эта группа в специальном циркуляре заявила об отказе признать гаагские решения.

О разрыве с Интернационалом заявили публично французские бланкисты — эмигранты Коммуны, обвиняя его в «бегстве от революции».

Энгельс приложил большие усилия для пропаганды решений Гаагского конгресса, для сплочения вокруг революционной программы Интернационала передовых сил рабочего движения. Его статьи в «Рёбе» («Конгресс в Гааге», «Письма из Лондона. Еще о Гаагском конгрессе»), в «Емансипацион» («Императивные мандаты на Гаагском конгрессе») были своеобразными отчетами о принятых в Гааге решениях. В этих статьях Энгельс обращал внимание на наиболее существенные моменты в работе конгресса, разоблачал действия тайного Альянса и показывал, что эти действия ведут к распаду созданных рабочими организа-

¹ См. «L'Internationale», 27. X 1872; «Bulletin de la Fédération jurassienne», 1. XII 1872.

ций. Он подчеркивал, что решения Гаагского конгресса обязательны и что секции, отказывающиеся признать эти решения, на деле порывают с Интернационалом.

Энгельс считал необходимым принятие Генеральным Советом быстрых и решительных мер — исключения из Интернационала Юрской федерации, игравшей роль бакунистского центра. Как и Маркс, он полагал, что это положит конец раскольническим действиям бакунистов и окажет определенное воздействие на позицию Испанской и Бельгийской федераций. Такое решение было принято Генеральным Советом 5 января 1873 г. Однако оно запоздало и носило довольно неопределенный характер. «К нашему большому сожалению Генеральный Совет, который мог просто констатировать как факт, что юрцы *вышли из организации*, отказавшись признать гаагские решения и основав свой особый союз, вместо этого лишь временно исключил их»¹, — писал Энгельс Генеральному Совету 8 февраля 1873 г.

Маркс и Энгельс в переписке с членами Генерального Совета, главным образом с Зорге, помогали выработать правильную линию действий Совета. Задача состояла в том, чтобы не дать бакунистам и реформистам выступать от имени Интернационала, сохранить в чистоте его программные и организационные основы. Анализ действий раскольников, поправших важнейшие уставные нормы Товарищества и отказавшихся признавать обязательность решений общих конгрессов, привел Маркса и Энгельса к выводу, что речь должна идти не об исключении тех или иных федераций, которое затем должно утверждаться конгрессом, а о констатации того факта, что бакунисты и реформисты сами поставили себя вне рядов Интернационала и не могут более считаться его членами. Эту мысль Энгельс подробно развивал и аргументировал в письмах к Зорге.

30 мая 1873 г. Генеральный Совет принял резолюцию, в которой заявлялось: «Все национальные или местные федерации, секции и отдельные лица, принявшие участие в упомянутых выше съездах и собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне или признавшие их решения, *сами поставили себя вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами*»².

Хотя Энгельс не вошел в новый состав Генерального Совета, он, как и Маркс, продолжал оставаться его подлинным руководителем. Маркс и Энгельс помогли выработать организационную структуру Совета, отвечающую новым условиям. Был учрежден пост генерального секретаря Совета, который, по настоянию Маркса и Энгельса, согласился занять Зорге. Для более оперативной связи Генерального Совета с местными федерациями

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 311.

² Там же, стр. 638.

был создан институт уполномоченных. Энгельс был назначен уполномоченным Генерального Совета для Италии, фактически же он исполнял эти функции также для Испании и Англии. Он следил за развитием движения в этих странах, вел переписку, пересылал туда документы Генерального Совета и заботился об их публикации. В то же время он регулярно информировал Генеральный Совет о рабочем движении и положении секций Товарищества в этих странах.

Гаагский конгресс избрал Маркса и Энгельса в состав комиссии для публикации его материалов. С середины сентября 1872 г. Энгельс вместе с Марксом взялся за решение этой неотложной задачи. В конце октября резолюции конгресса были опубликованы в Лондоне на французском языке, а затем — в основных печатных органах Товарищества. Рассылкой резолюций и отчасти их переводом также занимался Энгельс.

Публикация резолюций Гаагского конгресса, их широкая пропаганда и борьба с анархистскими и реформистскими нападениями на конгресс дали свои результаты. Решения конгресса были одобрены в Германии, Австро-Венгрии, США, за них высказались Романская федерация и немецкие секции в Швейцарии, организации Интернационала в Португалии, Дании, Южной Америке, польские и французские секции, секция в Лодии (Италия) и другие организации.

Одной из важнейших задач, поставленных Гаагским конгрессом, было всестороннее документальное разоблачение бакунистского тайного Альянса. Это должно было подкрепить и обосновать действия Генерального Совета. В связи с тем, что комиссия Гаагского конгресса, разбиравшая дело Альянса, не могла выполнить эту работу, ее взяли на себя Маркс и Энгельс. С октября 1872 г. они предприняли шаги, чтобы собрать все необходимые документы, им удалось получить ряд новых материалов от Утина. В апреле — июле 1873 г. Энгельс вместе с Лафаргом написал брошюру «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», заключительная часть которой, а также окончательная редакция текста принадлежали Марксу. В брошюре на основании анализа и сопоставления многочисленных документов был неоспоримо доказан факт существования тайного Альянса, публично разоблачены раскольнические действия бакунистов в рабочем движении, подробно освещена их подрывная деятельность в разных странах. Обобщая накопленный опыт борьбы, авторы брошюры продолжали критику левого сектантства, вскрывали его догматизм и характерные для него методы действий. В брошюре было показано, что в революционном фразерстве, отрицании всяких компромиссов и отказе от участия в общедемократической борьбе проявляются мелкобуржуазная природа анархизма, волюнтаризм, полное игнорирование реальных условий

борьбы рабочего класса.

С выходом брошюры в августе 1873 г. (вскоре она была под редакцией Энгельса переведена на немецкий язык и издана в Германии и США, а на испанском языке частично опубликована в «*Emanicipación*») рабочее движение получило новое идейное оружие для борьбы с левым сектантством в Интернационале.

В декабре 1872 г. по просьбе Манчестерской иностранной секции Интернационала Энгельс составил ответ на циркуляр реформистов, в котором подчеркивал, что своим отказом подчиниться решениям Гаагского конгресса они поставили себя вне рядов Интернационала. Ответ Энгельса был опубликован в виде отдельной листовки. Вместе с Марксом он направил открытое письмо в редакцию «*International Herald*», опровергая ложь и клевету, которые распространял Хейлз¹.

Благодаря энергичным выступлениям Маркса и Энгельса попытка оппортунистов увлечь за собой Британскую федерацию окончилась провалом. На созванном раскольниками в Лондоне в январе 1873 г. съезде английских секций присутствовало лишь 12 делегатов. Большинство секций пошло за Британским федеральным советом, фактическими идейными руководителями которого стали Маркс и Энгельс. Британский федеральный совет был единственной рабочей организацией в Англии, которая через Энгельса поддерживала прочную связь с Генеральным Советом Интернационала в Нью-Йорке. Энгельс составлял для ее печатного органа «*International Herald*» обзоры о состоянии международного рабочего движения, о деятельности отдельных его отрядов, содействовал упрочению интернациональных связей Британской федерации и развитию борьбы с группой Хейлза.

Состоявшийся в начале июня 1873 г. в Манчестере второй съезд Британской федерации, подготовкой которого руководил Энгельс, принял решения, основанные на марксистских принципах. Знаменем федерации был объявлен красный флаг. Была провозглашена необходимость национализации не только земли, но и всех средств производства. В резолюции съезда о политическом действии указывалось на необходимость создания политической партии, независимой от всех существующих партий и противостоящей им. Энгельс высоко оценил итоги этого съезда, заявив, что он «безусловно составит эпоху в английском рабочем движении»². В то же время он понимал, что и съезд, и вся федерация в целом выражают настроения немногочисленного авангарда. Почти вся организованная часть английских рабочих продолжала идти за реформистскими лидерами тред-юнионов.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 189—191.

² Там же, стр. 454.

За сплочение революционных сил в Италии и Испании

Энгельс продолжал поддерживать и направлять деятельность противников бакунизма также в Италии и Испании. Сложившаяся вокруг газеты «Рлебе» группа в это время являлась единственной опорой Энгельса в Италии. Непосредственно под его воздействием она конституировалась как секция Интернационала, приняв название «Общество рабочих и земледельцев Нижней Ломбардии». Когда в конце декабря 1872 — начале января 1873 г. на «Рлебе» и секцию в Лоди обрушились преследования, Энгельс обратился к организациям Интернационала в Англии, Германии, Австрии, Испании, а также к Генеральному Совету в Нью-Йорке с призывом организовать широкую помощь итальянским товарищам. В своих письмах он подчеркивал, что эта помощь явится практической демонстрацией братской солидарности и будет иметь огромное значение. *«Крайне важно, — писал он Зорге 4 января 1873 г., — чтобы Лоди была оказана поддержка извне, это наша сильнейшая позиция в Италии... Как только эти люди увидят, что Интернационал есть нечто большее, чем фраза, то это будет сильным ударом по Альянсу... Пришлите хоть что-нибудь и поскорее...»*¹.

Хотя секция в Лоди просуществовала недолго, сам факт организационного сплочения подлинных сторонников Интернационала в Италии, открытое отмежевание их от анархистских организаций был серьезным успехом Энгельса.

Еще большее значение имело сотрудничество Энгельса в «Рлебе». Как и раньше, ему приходилось считаться с уровнем читателей этой газеты, с позицией ее редакции и самого Биньями, не являвшихся последовательными марксистами. В корреспонденциях Энгельс использовал конкретный материал повседневной жизни и борьбы масс в разных странах, подавая его так, чтобы показать абсурдность анархистских догм, их оторванность от реальных потребностей борьбы итальянского пролетариата.

Сотрудничество Энгельса высоко ценилось Биньями. В объявлении об издании «Рлебе» в 1873 г. он называл Энгельса как постоянного автора. Задумав издавать «Almanacco Repubblicano», он просил Энгельса выступить по какому-нибудь вопросу. В конце октября 1872 г. Энгельс в ответ на эту просьбу послал статью «Об авторитете», но Биньями находился тогда под арестом и статья затерялась. Узнав об освобождении Биньями из тюрьмы, Энгельс отправил ему дубликат рукописи, которая и была опубликована в декабре 1873 г.

Статья была направлена против самих основ идеологии анархизма, против теории неограниченной свободы личности,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 466, 467.

отрицания всякого авторитета, под которым анархисты понимали не только государство, но и вообще любое руководящее, организующее начало. Анархисты выражали психологию мелкого собственника, стремящегося отстоять так называемую индивидуальную свободу и независимость от централизующего и всеподчиняющего крупного производства. Анархистский идеал, писал Энгельс, находится в прямом противоречии с прогрессивным развитием производительных сил общества. Переход от мелкого индивидуального хозяйства к крупному общественному производству неизбежно связан с ростом централизации, усилением роли авторитета, с необходимостью координировать действия множества людей. «...Комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»¹.

Энгельс далее показал, что и в условиях социалистического производства авторитет не исчезнет. Иллюстрируя свою мысль примерами из истории развития крупной промышленности, он подчеркивал, что нормальный ход производства на каждой фабрике предполагает подчинение всех работающих общему распорядку, точное выполнение указаний руководителя или же коллегиального органа. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке»². Раскрывая нелепость анархистского положения о том, что социальная революция должна будет немедленно отменить всякое государство, Энгельс указывал, что, напротив, победившая революционная партия «должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»³. Беда Парижской Коммуны заключалась в том, что она недостаточно пользовалась авторитетом своей власти.

Важное принципиальное значение имеет тезис Энгельса о взаимоотношении авторитета и автономии, государственного принуждения и свободы личности. «Нелепо... изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития... Социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства...»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 303.

² Там же, стр. 304.

³ Там же, стр. 305.

⁴ Там же, стр. 304—305.

Полицейские преследования, арест Биньями и прекращение деятельности секции в Лоди, с одной стороны, общий спад рабочего движения — с другой, привели к тому, что Энгельс во второй половине 1873 г. временно прекратил сотрудничество в «Ребе». Однако то, что он уже сделал, способствовало развитию процессов, которые привели к созданию самостоятельной политической партии рабочего класса Италии, преодолению там влияния бакунистского сектантства.

Значительных успехов сумел добиться Энгельс в сплочении революционных сил рабочего движения Испании.

После Гаагского конгресса бакунисты, опираясь на Испанский федеральный совет, который попал в их руки уже в апреле 1872 г., повели открытую ожесточенную кампанию против Генерального Совета, против идей научного коммунизма и представителей революционного крыла в Интернационале. В тех условиях дружеская поддержка, всесторонняя помощь Энгельса были чрезвычайно важны для испанских членов Интернационала. Еще до Гаагского конгресса Энгельс добился размежевания с бакунистами и организационного сплочения революционных сил. Была создана Новая мадридская федерация, решительно выступавшая против программных и организационных догм бакунистов. Идею укреплению этой сравнительно небольшой группы пролетарских революционеров Энгельс уделял много внимания.

Он постоянно переписывался с Меса, который в это время фактически один издавал газету «Емансипасион», ставшую теперь органом Новой мадридской федерации, давал ему ценные советы, снабжал обильной информацией, оказывал газете постоянную финансовую поддержку. По совету Энгельса противники бакунистской линии спланировались вокруг Новой мадридской федерации. «Мы целиком согласны с Вашим мнением о необходимости создания новой Испанской федерации»¹, — писал Энгельсу Меса 5 октября 1872 г. В январе 1873 г. был создан временный федеральный совет, заявивший о своей верности Уставу Интернационала, а в мае 1873 г. проведен съезд секций, порвавший с бакунистами и создавший Испанскую федерацию Товарищества.

Энгельс широко использовал возможность выступать на страницах «Емансипасион» для пропаганды идей научного коммунизма. Он посылал для публикации в газете свои и Маркса произведения. В «Емансипасион» был напечатан первый испанский перевод «Манифеста Коммунистической партии», основные положения которого редакция отстаивала в борьбе против бакунистов.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3371.

Работая над брошюрой «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», он направлял редакции наброски глав, которые публиковались в газете.

О положении дел в Испании и деятельности в ней секций Интернационала Энгельс хорошо знал не только по материалам прессы, но и по сообщениям испанских друзей. Меса обстоятельно информировал его о революционных событиях в Испании, которые в феврале 1873 г. увенчались установлением республики, о позиции буржуазных партий и о путчистской тактике бакунистов, организовавших ряд разрозненных местных восстаний, которые были скоро подавлены. Эта тактика привела к раздроблению сил рабочего класса и способствовала усилению реакции. Вместе с тем письма Меса показывали, что он и его друзья подчас сами поддерживали анархистскую линию на немедленную «социальную» революцию. Новая мадридская федерация проявляла колебания также и в других вопросах.

Перед революционными элементами испанского пролетариата стояла задача выработки правильной политической линии. Отвечая на просьбы Меса и его друзей, Энгельс дал обстоятельный анализ сложившейся в Испании обстановки и определил тактическую линию, которой следует придерживаться испанским рабочим.

В письмах в Испанию он наметил целый ряд мероприятий, которые должна была отстаивать рабочая партия, добиваясь победы буржуазно-демократической революции. Он советовал членам Интернационала в Испании, как и всем рабочим, принять активное участие в предстоящих выборах в кортесы, выступив на них как самостоятельная политическая партия с собственными кандидатами и собственной программой. Советы Энгельса встретили полное одобрение у Меса и его друзей. Они легли в основу серии статей, с которыми руководители Новой мадридской федерации выступили на страницах «*Emanación*». Однако Федерация не смогла оказать сколько-нибудь серьезного воздействия на ход событий. Рабочий класс Испании, большинство которого продолжало оставаться под влиянием бакунистов, понес жестокое поражение.

Но и этот отрицательный опыт масс был чрезвычайно важен для Энгельса: практика революционной борьбы убедительно подтверждала правоту научного коммунизма, давая в то же время материал для конкретизации и развития его положений. В необычайно короткий срок по горячим следам событий в Испании он создал одно из самых блестящих и глубоких своих произведений — серию статей «Бакунисты за работой», которые были опубликованы 31 октября, 2 и 5 ноября 1873 г. в популярной среди социалистов многих европейских стран газете «*Volksstaat*».

В этих статьях Энгельс на опыте испанской революции 1873 г. показал тот огромный вред, который нанес анархизм испанскому пролетариату. «...Бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию»¹, — писал он.

В противовес анархистам Энгельс доказывал, что в Испании речь может идти пока только об участии пролетариата в буржуазно-демократической революции. «Испания,— писал он,— страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия,— таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного *политического* вмешательства испанского рабочего класса»².

Самый ход революции, писал Энгельс, требовал от рабочих не только участия в массовой революционной борьбе, но и вступления их представителей в революционное правительство. Между тем анархисты с их надуманными схемами и догмами о «политическом воздержании», автономии кантонов и т. д., с их отрицанием возможности воздействия на дальнейшее развитие революции «сверху», через революционные правительства, препятствовали осуществлению этой единственно правильной в тех условиях тактики пролетариата.

В результате авантюристических действий анархистов испанский пролетариат не смог выступить как мощная политическая сила, а оказался в роли придатка крайней буржуазно-республиканской партии «непримиримых». Такое положение вещей, создавшееся по вине анархистов, Энгельс рассматривал как их политическое банкротство. Он критиковал анархистов за идею всеобщей экономической стачки, которую они считали основным рычагом социальной революции, пытаясь подменить ею политическую борьбу.

Статьи Энгельса «Бакунисты за работой» существенно обогатили марксистское учение о тактике пролетариата в буржуазно-демократической революции, о вооруженном восстании как искусстве, об участии пролетариата в революционном правительстве, о необходимости дополнения революционных действий масс «снизу» действиями революционного правительства «сверху».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 474.

² Там же, стр. 457—458.

Интернационал уходит с исторической сцены

С весны 1873 г. Энгельс включился в подготовку следующего конгресса Интернационала, который должен был в этом году собраться в Швейцарии. Однако почти все организации Товарищества в Европе были лишены возможности послать делегатов. Не было средств для посылки своих представителей и у Генерального Совета. В самой Швейцарии ряд руководителей Романской федерации начал склоняться к компромиссу с бакунистами.

В ходе подготовки Энгельс ясно увидел, что собрать представительный конгресс, несмотря на все усилия, не удастся. Обсудив создавшуюся обстановку, Маркс и Энгельс пришли к убеждению, что практически невозможно созвать такой конгресс, который действительно явился бы широким международным форумом, и решили отказаться от личного участия в его работе.

Конгресс состоялся в сентябре 1873 г. в Женеве. Подавляющее большинство делегатов составляли представители швейцарских секций. Из других стран было всего два человека. Конгресс подтвердил гаагские решения, однако трудности, связанные с его созывом, явились еще одним доказательством того, что Международное Товарищество Рабочих, как форма организации пролетариата, изжило себя. К 1874 г. Международное Товарищество фактически перестало существовать, а в 1876 г. было официально распущено.

Оценивая историческое значение Товарищества, Энгельс писал: «В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу»¹.

Международное Товарищество Рабочих было закономерным историческим этапом в освободительной борьбе рабочего класса. Благодаря неустанной деятельности Маркса и Энгельса Интернационал составил целую эпоху в развитии рабочего движения. За годы его существования десятки тысяч рабочих Европы и Америки сплотились под знаменем пролетарского интернационализма. Был сделан огромный шаг вперед на пути соединения научного коммунизма с массовым рабочим движением. В острых идейных боях с различными разновидностями домарксовского социализма, с тред-юнионистским реформизмом и анархистскими теориями передовые рабочие были приобщены к пониманию подлинных целей и средств борьбы пролетариата.

В годы Интернационала рабочий класс приобрел огромный опыт экономической, политической и идеологической борьбы, впервые в таких масштабах заявив о себе как о самой прогрес-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 538.

сивной силе общественного развития. В его рядах под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса была воспитана блестящая плеяда пролетарских революционеров, публицистов, организаторов, пропагандистов идей марксизма.

Парижская Коммуна стала водоразделом в развитии международного рабочего движения. Она выдвинула на передний план задачу создания в каждой стране пролетарской партии, связанной единством теоретических, тактических и организационных принципов на основе признания необходимости диктатуры пролетариата. В связи с этим выявилась непримиримость позиций тред-юнионизма, лассальянства, бланкизма, анархизма, с одной стороны, и научного коммунизма — с другой. В различном отношении к Парижской Коммуне и ее урокам выразилось различное понимание задач пролетариата, тактики и конечных целей его освободительного движения. Произошло неизбежное в этих условиях идейное и организационное размежевание.

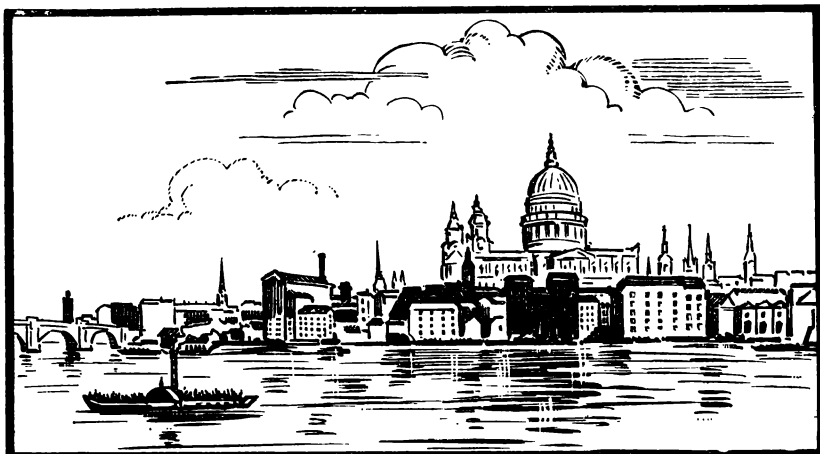
Завершение идейного и организационного размежевания с анархистами и реформистами, провозглашение революционных пролетарских принципов знаменем международного рабочего движения самым тесным образом переплеталось с задачами, которые были выдвинуты новыми историческими условиями, — прежде всего с задачей создания в каждой стране массовой политической партии пролетариата, стоящей на основе научной теории. Это вело и к изменению формы, в которой воплощалось единство международного пролетарского движения. В I Интернационале это единство осуществлялось прежде всего благодаря руководству Генерального Совета и периодически созываемым общим конгрессам. Между тем с переносом местопребывания Совета в Нью-Йорк, его роль как центра движения быстро падает, а созыв конгрессов в условиях наступления реакции после Парижской Коммуны фактически становится невозможным. Международное Товарищество Рабочих постепенно сходит с исторической арены. Но стремление рабочих различных стран к единству, органически присущее пролетариату, продолжало развиваться. Несколько лет спустя, характеризуя состояние рабочего движения во второй половине 70-х годов, Энгельс подчеркивал, что борьба международного рабочего класса развивается в рамках того первоначально набросанного Интернационалом плана действий, «который свободно приспосабливается к разнообразным условиям каждой нации и каждой местности и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 132.

Маркс и Энгельс не рассматривали ту или иную форму организации пролетариата как нечто неизменное. Они всегда подчиняли формы и методы революционного пролетарского движения тем задачам, которые стояли перед рабочим классом в данный исторический период. И когда этого требовала обстановка, они смело и решительно порывали с прежними формами организации, которые уже не соответствовали новым условиям. Международное единство пролетариата после роспуска Интернационала продолжало осуществляться в других организационных формах.

Решающее условие для создания нового международного объединения рабочего класса состояло в дальнейшем утверждении принципов марксизма в рабочем движении как на международной арене, так и в каждой стране. «Я думаю,— писал Энгельс,— что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 538.

Глава десятая

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

Мы оба, Маркс и я, должны выполнить совершенно определенные научные работы, которые, как мы до сих пор видим, никто другой не может и даже не хочет делать. Мы должны использовать нынешний спокойный период мировой истории для того, чтобы закончить их. Кто знает, как скоро какое-нибудь событие снова бросит нас в гущу практического движения; тем более мы должны использовать краткий досуг, чтобы хоть немного развить не менее важную теоретическую сторону.

Ф. Энгельс

Новый этап рабочего движения

С 70-х годов XIX в. начался новый период всемирной истории, характеризовавшийся относительно мирным развитием. С объединением Италии и созданием единого германского государства важнейшие задачи буржуазной революции в Западной Европе были в значительной мере разрешены. Капитализм окончательно утвердился в большинстве европейских стран и США. В результате бурного роста промышленности быстро увеличивалось число индустриальных рабочих. I Интернационал способствовал формированию рабочего класса как самостоятельной политической силы. В то же время Парижская Коммуна показала, что, несмотря на развитость классовых антагонизмов в капиталистическом мире и наличие материальных предпосылок социализма, пролетариат не подготовлен к

взятию власти. Ему надо было пройти еще большую школу идейно-политического воспитания и закалки в ходе классовых битв. Начался новый этап рабочего движения, период распространения марксизма вширь, «период образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава»¹.

Развитие рабочего движения в 70-е годы происходило в сложных условиях. Из страха перед революционными выступлениями рабочего класса буржуазия шла на союз с самыми реакционными силами, отбрасывая лозунги свободы и демократии. Однако в основных странах Западной Европы существовал минимум буржуазно-демократических свобод.

Развитие капиталистической промышленности сопровождалось массовым разорением средних слоев и крестьянства. Постоянное пополнение состава рабочего класса за счет выходцев из непролетарских слоев обусловило живучесть мелкобуржуазных влияний и иллюзий. Парижская Коммуна продемонстрировала идейный крах мелкобуржуазного социализма, но практически он еще не был изжит. Хотя к середине 70-х годов, как впоследствии отмечал Энгельс, «прудонизм во Франции и ласальянство в Германии дышали на ладан»², со времени основания Интернационала понадобилась, говоря его же словами, «целая четверть столетия»³, пока марксизм смог торжествовать свою идейную победу в рабочем движении.

Один из важнейших уроков Коммуны — необходимость создания самостоятельных политических партий рабочего класса — был твердо воспринят передовыми рабочими и постепенно претворялся в жизнь. Однако другой, не менее важный, урок ее — огромное значение классового сознания широких масс, необходимость идейного единства движения на базе теории научного коммунизма, — этот урок не был до конца ясен даже многим социалистам, которые стояли в общем на марксистских позициях.

И после роспуска I Интернационала Маркс и Энгельс оставались признанными руководителями международного рабочего движения. «...Объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась, — писал Ленин. — Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение»⁴.

Несмотря на отсутствие единого руководящего центра, общий спад движения и правительственные репрессии, Марксу и Энгельсу удалось сохранить и закрепить контакты с теми

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 364.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 365.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 479.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

представителями нового поколения рабочих деятелей, которые вступили в движение под воздействием Интернационала и Парижской Коммуны. Узлы тесной дружбы по-прежнему связывали их со многими ветеранами революционной борьбы.

Центром, куда тянулись нити, связывавшие рабочих-революционеров различных стран, где чаще всего встречались и собирались друзья и единомышленники, был, как и прежде, дом Маркса. После Гаагского конгресса вся его семья собралась в Лондоне. Недалеко от Маркса и Энгельса поселились вернувшиеся из Испании Поль и Лаура Лафарг, в том же районе сняли квартиру только что поженившиеся старшая дочь Маркса Женни и французский социалист, член Коммуны Шарль Лонге.

Энгельс принимал живое участие в судьбе дочерей Маркса. Он глубоко переживал тяжелое горе Лафаргов, потерявших троих детей, старался облегчить материальные затруднения четы Лонге, вызванные тем, что Шарль долгое время не мог найти работу. Исключительный оптимизм Энгельса, его жизнерадостность и юмор помогали переносить все трудности и невзгоды.

К этому времени имя Энгельса стало широко известно не только сторонникам научного социализма, но и всем активным участникам освободительной борьбы пролетариата в Европе и за ее пределами. Он пользовался огромным авторитетом, к его мнению прислушивались, его советы искали руководители рабочего движения различных стран.

С исключительной энергией, хотя ему было уже за пятьдесят, Энгельс взялся за решение сложнейших теоретических и практических задач, выдвигавшихся развитием рабочего движения. Менее чем за десятилетие, начиная с 1872 г., он опубликовал около ста печатных листов. Среди созданных им в эти годы работ были такие выдающиеся произведения, как «Бакунисты за работой», «Об авторитете», «К жилищному вопросу», «Эмигрантская литература», «Анти-Дюринг» и многие другие. К этому надо добавить незавершенные произведения, многие сотни писем, которые касались самого широкого круга научных и политических проблем и зачастую были по существу весьма глубокими теоретическими исследованиями.

Одной из важнейших проблем, возникших перед рабочим движением после прекращения деятельности Первого Интернационала, была проблема единства международного рабочего движения. Некоторые старые деятели Международного Товарищества Рабочих не раз предлагали возродить Интернационал в прежней форме. Маркс и Энгельс категорически высказывались против этих проектов. Во многих своих письмах Энгельс подчеркивал, что в тогдашних условиях, когда центральной задачей было создание самостоятельных пролетарских партий, для обеспечения единства борющегося пролетариата было совер-

шенно необязательно возрождение какого-то единого руководящего центра. Это единство, доказывал он, вполне возможно поддерживать и другими путями — взаимными связями различных национальных отрядов международного рабочего движения, совместными их выступлениями, заранее согласованными и подготовленными с целью достижения определенного международного эффекта. Особенно большое значение придавали Маркс и Энгельс идейному единству рабочего движения.

К тому времени ясно выкристаллизовались два направления, противостоявшие пролетарской революционности, — реформизм и анархизм. И хотя в общем в Интернационале марксизм одержал идейную победу, оба эти течения продолжали оказывать известное влияние на рабочее движение. Это влияние проявлялось и в Социал-демократической рабочей партии Германии, что представляло особую опасность, поскольку сторонники научного коммунизма в других странах рассматривали ее как образец марксистской партии, своего рода воплощение пролетарской теории и тактики.

Выступления в немецкой социал- демократической печати

Развитие событий подтвердило сделанный Марксом и Энгельсом еще во время франко-прусской войны вывод о перемещении центра европейского рабочего движения из Франции в Германию. Это обстоятельство накладывало на немецких социалистов огромную международную ответственность. Маркс и Энгельс считали исключительно важным организационное и идейное укрепление германской социал-демократии.

Энгельс пользовался любой возможностью, чтобы разъяснять немецким социал-демократам необходимость идейной чистоты партии, противодействовать влиянию на немецкий пролетариат различных мелкобуржуазных, псевдосоциалистических теорий. С 1872 г. он стал активно сотрудничать в центральном органе партии «*Volksstaat*». С этого времени в газете регулярно печатались новые статьи Энгельса и отдельные главы из произведений его и Маркса, которые готовились к переизданию.

В статьях «Кризис в Пруссии», «Имперский военный закон», «Официозный вой о войне», «Прусская водка в германском рейхстаге» и других Энгельс анализировал экономическую и политическую обстановку в Германской империи, разъяснял реакционную сущность этого государства. Он обличал «германскую империю прусской нации» как «истинную представительницу милитаризма»¹, доказывал, что прусское юнкерство является главным рассадником шовинизма и милитаризма в Германии, толкающим ее на все новые и новые войны. Энгельс разоблачал трусливое и раболепное поведение немецкой бур-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 565.

жуазии по отношению к правительству Бисмарка. «Прусская буржуазия,— писал он,— не хочет политической власти; прогнившая, не успев созреть... она, так и не побывав у власти, докатилась уже до той ступени вырождения, какой французская буржуазия достигла после восьмидесяти лет борьбы и после долгого господства»¹. Политика немецкой буржуазии, подчеркивал Энгельс, определяется страхом перед пролетариатом.

Другой чрезвычайно важной стороной статей Энгельса была борьба с реформистскими иллюзиями, исходившими в первую очередь от лассальянцев. Этой борьбе служили и содержание статей, и их революционный тон, открытая смелая речь. Так, уже упоминавшаяся серия статей «Бакунисты за работой», написанная для «Volksstaat», была направлена не только против анархизма, но по существу и против реформизма.

Воспитывая немецких рабочих и их партию в духе непримиримости к реакции, милитаризму, шовинизму и агрессивной внешней политике правящих классов, Энгельс помогал пролетариату Германии извлекать уроки из исторического прошлого, понимать в свете этих уроков современные задачи.

Осенью 1873 г. им была задумана работа по истории Германии. 27 января 1874 г. Энгельс сообщал Либкнехту: «Я хотел написать для «Volksstaat» кое-что о Германии, но в связи с этим погрузился в такие экономические и статистические исследования, что получится, пожалуй, книжонка, если не целая книга»².

Однако замысел остался неосуществленным. Сохранились лишь наброски, известные под названием «Заметки о Германии». Судя по ним, Энгельс намеревался осветить историю Германии вплоть до 1873 г., более подробно остановившись на периоде после французской буржуазной революции конца XVIII в. Предшествующую эпоху — от конца средних веков до 1789 г. — он предполагал охарактеризовать в обширном введении.

В этих набросках заложены основы марксистской концепции истории Германии. Энгельс вскрыл исторические причины раздробленности Германии, ее политической и экономической отсталости, господства в ней в течение ряда столетий реакции и милитаризма. Одной из причин того, что Германия длительное время не завершила буржуазных преобразований, он считал авантюристическую, антинародную политику правящих классов германских государств, неспособность немецкой буржуазии по-революционному решать вопросы борьбы с феодализмом.

Летом 1874 г., в связи с подготовкой третьего издания «Крестьянской войны в Германии», Энгельс счел необходимым дополнить написанное им в феврале 1870 г. предисловие ко второму изданию этой книги. Содержащиеся в этом добавлении

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 292.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 517.

чрезвычайно важные мысли В. И. Ленин охарактеризовал как «напутствие практическое и политически окрепшему немецкому рабочему движению»¹.

Еще раз обратив внимание передовых немецких рабочих на их особую ответственность как наиболее организованного отряда международного рабочего движения, Энгельс подчеркнул здесь, что для выполнения связанных с этим обязанностей «требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации»². Он отметил огромное значение теории для социалистического и рабочего движения и высказал мысль о том, что пролетарская партия может выполнить свою историческую задачу только исходя из теории научного социализма. «...Социализм, — писал он, — с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали»³. Одна из важнейших задач партии — добиться соединения теории с практикой, а для этого необходимо усилить деятельность по распространению социалистических идей среди рабочих масс.

В добавлении к предисловию Энгельс определил три неразрывно связанных между собой направления борьбы рабочего класса: теоретическое, политическое и экономическое. Залог непобедимости пролетарского движения — в единстве этих трех форм борьбы.

Высоко оценивая успехи германской социал-демократии, в частности, то, что на выборах в рейхстаг в январе 1874 г. ей удалось добиться избрания 9 депутатов, Энгельс вновь выдвинул перед немецкими социал-демократами задачу борьбы за массы, подчеркнул необходимость привлечения сельского населения на сторону пролетариата.

Важнейшую обязанность германской социал-демократии по отношению к международному рабочему движению Энгельс видел в том, чтобы «сохранять истинно интернациональный дух, исключаящий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил»⁴. Если германские социал-демократы выполняют эту задачу, «то они будут, — говорил Энгельс в заключение, — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 499.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 500.

⁵ Там же.

В июне 1874 г. Энгельс напечатал в «Volksstaat» статью «Польская прокламация» — первую из серии статей, объединенных впоследствии под названием «Эмигрантская литература» и посвященных анализу некоторых новых явлений и отрицательных тенденций в европейском революционном движении. Возвращаясь в этой статье к вопросу о связи национально-освободительной борьбы угнетенных народов с революционным рабочим движением, Энгельс вновь сформулировал здесь важнейшее марксистское положение, раскрывающее смысл этой связи: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»¹. Он еще раз подчеркнул, что восстановление подлинно независимой Польши возможно только руками революционных народных масс, которые являются естественным союзником европейского рабочего движения и грядущей русской революции.

Публикация на страницах «Volksstaat» статей, посвященных вопросам революционной борьбы в других странах, способствовала тому, что газета немецких социал-демократов стала приобретать значение международного социалистического органа.

«К жилищному вопросу» Энгельс постоянно и с большим вниманием следил за характером материалов, появлявшихся на страницах «Volksstaat». В письмах Либкнехту он подчеркивал, что редакция партийного органа не может безразлично относиться к идейному содержанию печатаемых статей. Между тем многие статьи свидетельствовали об известном распространении среди членов партии мелкобуржуазных реформистских иллюзий и идей буржуазного социализма. Энгельс считал, что необходимо помочь германским социалистам понять суть коренного различия между научным коммунизмом и мелкобуржуазным социализмом во всех его проявлениях, положить конец распространению в партийной печати чуждых пролетариату взглядов.

Защите коренных положений научного социализма, а также критике различных течений мелкобуржуазного социализма и «социалистических» теорий буржуазных филантропов посвящена серия крупных статей Энгельса, написанных в 1872—1873 гг. и опубликованных вначале газетой «Volksstaat», а позднее в виде отдельной брошюры под названием «К жилищному вопросу».

Поводом для выступления Энгельса послужили анонимные статьи с общим заглавием «Жилищный вопрос», которые в феврале — марте 1872 г. «Volksstaat» перепечатала из австрийской рабочей газеты «Volkswille». Их автором был немецкий врач, социал-демократ А. Мюльбергер. Несколько статей Энгельса, составивших второй раздел его брошюры, представляли собой критический разбор книжки австрийского буржуазного экономиста Э. Закса «Жилищные условия трудящихся классов и их

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 509.

реформа». Наконец, заключительные статьи («Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе») были ответом Мюльбергеру, выступившему в «Volksstaat» с возражениями на первые статьи Энгельса.

Яркая полемическая работа Энгельса «К жилищному вопросу» является одним из самых значительных после «Нищеты философии» Маркса прямых выступлений основоположников марксизма против мелкобуржуазной идеологии прудонизма, против мелкобуржуазного социализма в целом, включая лассальянство. Энгельс сам отмечал: «Различие между Прудонем и Лассалем состоит лишь в том, что Лассаль был действительно юристом и гегельянцем, а Прудон... был всего только дилетантом»¹. Избрав систему взглядов Прудона, как наиболее типичную, Энгельс дал критику мелкобуржуазного социализма в его наиболее характерных проявлениях.

Предложенный Прудонем план общественных реформ, его принципы «организации экономических сил», «социальной ликвидации» и т. п., как указывал Энгельс, не играли практической роли в рабочем движении. Во Франции, например, прудонисты составляли лишь малочисленную секту и их проекты не пользовались сколько-нибудь значительным влиянием среди рабочих. Не случайно Парижская Коммуна, хотя прудонисты были в ней сильно представлены, в своих практических делах руководствовалась не теорией Прудона, а исходила из простой практической потребности. Такие ее экономические мероприятия, как отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, передача некоторых предприятий в распоряжение рабочих ассоциаций, отвечали духу научного социализма Маркса и Энгельса и не имели ничего общего с прудоновскими рецептами утверждения «вечной справедливости». Ближе к взглядам Прудона был отказ Коммуны от конфискации Французского банка, но это, как известно, послужило одной из причин поражения коммунаров.

Тем не менее Энгельс трезво оценивал возможность усиления влияния мелкобуржуазной идеологии в немецкой социал-демократии и со своей стороны делал все необходимое для того, чтобы оградить авангард рабочего класса Германии от этого влияния и помочь ему избежать в будущем ошибок и шатаний в практической политике, предупредить ненужные жертвы. В статьях Мюльбергера он усмотрел попытку «насаждения школы Прудона в Германии»² и посчитал нужным дать этой попытке обстоятельную, основательно аргументированную отповедь.

«Плаксивый прудонист» Мюльбергер, как это и вообще свойственно прудонистам, признавал бедственное положение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 272.

² Там же, стр. 207.

большинства населения крупных современных городов. Особенно его волновала страшная жилищная нужда, отсутствие у многих рабочих нормальной крыши над головой. Устранение столь вопиющей несправедливости, когда люди стоят «ниже дикарей», ему мыслилось на пути превращения общества в «совокупность независимых свободных квартировладельцев»¹, в постепенном выкупе съемщиком у домовладельца всей стоимости его дома. Главное — обзавестись мелкой собственностью.

Крупная промышленность размыла устои мелкого патриархального строя, а прудонисты, оплакивая гибель этого строя, внушали веру в возможность вернуться к тому состоянию общества, которое уже безвозвратно минуло. Под флагом заботы о большинстве населения они фактически стремились повернуть историю вспять.

Положение рабочих со времени победы капитализма ухудшилось, но это, говорит Энгельс, отнюдь не основание для того, чтобы «с тоской оглядываться назад»², сокрушаться об ушедшей сельской промышленности. Отмечая, что жилищная нужда — это одно из зол, свойственных капитализму, Энгельс на основе экономического учения Маркса дает общую характеристику последствий современного капиталистического способа производства. Эти последствия не однозначны.

Развитие капитализма означало устранение единичного обмена, на котором зиждилась система Прудона, оно означало быстрый рост производительных сил, создание материальных предпосылок для удовлетворения массовой потребности в жизненных средствах. Капитализм своим развитием создает рабочий класс, у которого не «холопская душа» мелких собственников, а сознательная воля сокрушить до основания общественные отношения, обрекающие на невероятную нужду, в том числе и жилищную, огромные массы трудового народа.

Прудонисты не замечали или игнорировали эти последствия, не признавали развитие капитализма исторически прогрессивным и необходимым процессом, созданные крупной капиталистической промышленностью условия расценивали как «болезненный нарост» на некогда якобы совершенном и здоровом общественном организме и призывали насильственно вернуть общество к идеализируемым ими погибшим или погибающим формам мелкого ремесленного производства, ратовали за установление и упрочение господства мелкой буржуазной собственности.

Энгельс подверг уничтожающей критике реакционное отрицание капитализма мелкобуржуазными социалистами, а вместе с тем и полный утопизм их мечтаний об исправлении сложившихся отношений с помощью апелляции к «праву» и пресловутой «вечной справедливости». Жилищный вопрос затрагивает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 217.

² Там же, стр. 214.

всех рабочих, да и не только рабочих, но это, указывал Энгельс, далеко не главная и не решающая социальная проблема. Узел противоречий всей системы капитализма лежит в сфере производства, в общих условиях существования рабочего, в условиях продажи и эксплуатации его рабочей силы, в условиях, благодаря которым возникает возможность производства и безвозмездного присвоения прибавочной стоимости, воплощенной в прибавочном продукте труда рабочего.

Чтобы раз и навсегда, по-настоящему решить жилищный вопрос, как и другие социальные вопросы, необходимо изменить способ производства, устранить условия эксплуатации наемного труда. Решающее значение для этого имеют завоевание политической власти пролетариатом, ликвидация экономического и политического господства буржуазии.

На конкретном примере упомянутой книжки Э. Закса Энгельс изобличил буржуазный «социализм», для которого характерно чисто декларативное желание, сохраняя экономическую основу всех бедствий буржуазного общества, устранить в то же время из жизни эти бедствия.

Закс, этот игравший в филантропию буржуазный экономист, открыл некую новую науку — «социальную экономию», предназначением которой является изыскание чудодейственных средств, а именно: не трогать капиталистов, а наемных рабочих превратить тоже в своего рода капиталистов. Если прудонист Мюльбергер утверждал, что с переходом жилья в собственность рабочих капитализм уже перестает существовать, то, по мнению Закса, благодаря приобретению собственного домика наемный рабочий «становится капиталистом», а капитализм из порочного строя превращается в идеальное общество. Бросающиеся в глаза, нетерпимые язвы капитализма Закс, как и другие буржуазные «социалисты», выводил не из природы капитализма, а из субъективного неведения обеих сторон, то есть капиталистов и рабочих, о том, что они в одинаковой мере повинны в нарушении объективно данной гармонии интересов капитала и труда. Отсюда задача — просвещать по возможности и тех и других, совершенствовать мораль и право, добиваться, не покушаясь на капиталистическую собственность, полюбовного соглашения и взаимного уважения интересов между работодателями и рабочими. Это была откровенная ставка на гражданский мир, на усыпление классового сознания трудящихся с помощью абстрактных проповедей.

Энгельс показывает, что буржуазный «социализм» в конечном счете — это идеологическое подспорье буржуазии, одна из форм защиты ее диктатуры. Если отдельные «просвещенные» представители буржуазии выражают свое беспокойство, например, наличием «плохих кварталов» в городах, то вовсе не из жалости к несчастным обитателям этих кварталов, а исключи-

тельно потому, что отсюда может исходить угроза физическому здоровью «благородных». Мало того, здесь может скорее вспыхнуть опасный для режима социальный пожар. Буржуазные социалисты хотят излечить некоторые общественные недуги вовсе не для того, чтобы помочь рабочим улучшить их положение, а исключительно ради упрочения буржуазного общества.

Расписывая перспективу сближения всех «трудящихся классов», Закс смыкался по существу с мелкобуржуазным поборником «справедливости» и всеобщего равенства Мюльбергером. «Буржуазный социализм,— писал Энгельс,— подает руку мелкобуржуазному»¹.

Работа Энгельса «К жилищному вопросу» представляет собой значительный вклад в развитие марксистской теории не только своей критикой взглядов Мюльбергера и Закса, критикой мелкобуржуазного и буржуазного социализма в целом. В этом произведении Энгельс касается также важных проблем научного коммунизма: о сущности государства, о диктатуре пролетариата, о переводе крестьян на путь коллективной, социалистической собственности, об уничтожении противоположности между городом и деревней, о формах социалистического переустройства общества.

Буржуазное государство Энгельс характеризует как организованную совокупную власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленную против крестьян и рабочих. Желания имущих классов совпадают в общем и целом с желаниями их государства. Буржуазное государство — это «совокупный капиталист», и самое большее, чего от него можно ждать — это поверхностного замазывания с помощью частичных реформ и грошовых подачек тех глубоких противоречий, которые раздирают общественный строй капитализма. Энгельс при этом освещает также некоторые специфические особенности прусского государства, представлявшего собой одну из форм бюрократизма².

Немецкие мелкобуржуазные социалисты кичились тем, что им не свойственны «классовая политика» и стремление к «классовому господству». Энгельс считал это характерным признаком мелкобуржуазного социализма. Он подчеркивал, что немецкая социал-демократическая партия именно потому, что она рабочая партия, ведет и должна вести последовательно «классовую политику», выражающую интересы рабочего класса в противоположность интересам буржуазии. Во имя торжества интересов рабочего класса эта партия должна всемерно стремиться к утверждению своего политического господства. «Впрочем,— писал Энгельс,— всякая действительно пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 231.

² См. там же, стр. 254.

первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата»¹. И только овладев политической властью, осуществляя свою диктатуру от имени и в интересах подавляющего большинства народа, пролетариат способен провести глубокие социальные преобразования, от которых зависит также и решение жилищного вопроса.

В полемике с Энгельсом Мюльбергер всячески защищал экономически нелепые меры, отвечающие «общей идее» Прудона — о регулировании налогов, государственных и частных долгов, о дешевом кредите и др., утверждал, что эти меры чрезвычайно важны для пропаганды в деревне. Отвечая ему, Энгельс говорил, что было бы глупостью обращаться к крестьянам с набором средств из арсенала «прудоновского знахарства». Он высказал чрезвычайно важную мысль о нежелательности дробления между маленькими крестьянскими дворами сложившихся крупных имений; в конкретных условиях Франции и Западной Германии дальнейшее парцеллирование землевладения было бы реакционным шагом. С установлением политической власти рабочего класса сложившееся там крупное землевладение, преобразованное на началах ассоциации, позволит показать мелким крестьянам все преимущества крупного социалистического землевладения, способного в широких масштабах применять достижения науки и техники.

Затронул Энгельс и вопрос о путях и способах проведения социалистических преобразований. Он подчеркивал, что характер пролетарской революции будет зависеть от конкретных условий, которые и определяют, будет ли она насильственной или ограничится мирными средствами. «Вообще вопрос вовсе не в том, — писал Энгельс, — захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и жизненные средства путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это, или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Попытайся ответить на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим»². Это положение имеет принципиальное значение как в борьбе с «левым» сектантством, признающим лишь насильственную форму революции, так и против правооппортунистических тенденций, связывающих перспективы социальных преобразований только с мирными средствами, а главное — подменяющих действительную революцию паллиативами, приспособленчеством к власти капитала.

Работа Энгельса «К жилищному вопросу» сыграла выдающуюся роль в пропаганде и утверждении марксизма, в теорети-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 263.

² Там же, стр. 278—279.

ческой подготовке кадров германской социал-демократии и социалистических партий других стран. В. И. Ленин называл статьи Энгельса «К жилищному вопросу» замечательными¹. В своем классическом труде «Государство и революция» он отмечал, в частности, что Энгельс здесь, касаясь задач революции по отношению к государству, учитывает опыт Парижской Коммуны, констатирует необходимость фактического овладения трудящимся народом всеми орудиями труда, всей промышленностью, подчеркивает необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как условия перехода к бесклассовому обществу и к постепенному отмиранию государства². А 30 января 1917 г. В. И. Ленин писал Инессе Арманд: «Перечитывал «Zur Wohnungsfrage» Энгельса с предисловием 1887 г. Знаете? Прелесть! Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»³.

Начало работы над «Диалектикой природы»

В 1873 г. Энгельс приступил к созданию одного из своих главных произведений — «Диалектики природы». В этом труде он намеревался дать диалектико-материалистическое обобщение важнейших достижений естествознания середины XIX в. и критику метафизических и идеалистических взглядов в области естественных наук. В условиях острой идеологической борьбы того времени разработка этих проблем приобретала особую актуальность.

Примерно в середине XIX в. обозначился довольно быстрый переход от рационалистически-просветительского отношения к науке о природе к чисто утилитарному, выраженному вульгарным материализмом и позитивизмом.

Несмотря на различие в гносеологических основах, вульгарный материализм и позитивизм в значительной мере смыкались при решении вопроса о взаимоотношении философии и естествознания. Представителей вульгарного материализма в Германии — К. Фогта, Л. Бюхнера, Я. Молешотта сближала с основателем позитивизма О. Конттом общая тенденция отрицания философии и диалектики как будто бы спекулятивных, метафизических «бредней», бесполезных для «положительной науки».

Стихийная вера в реальность природы и ее познаваемость с точки зрения вульгарных материалистов вполне заменяла лукавые мудрствования философской «метафизики». Тезис Бюхнера о том, что наука не идеалистична, не спиритуалистична, не материалистична, а просто естественна, целиком согласовывался с известным тезисом Конта: наука сама себе филосо-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 57—59.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 378.

фия. В самом естествознании и его великих обобщающих открытиях и те и другие видели лишь подтверждение стихийного материализма, сенсуализма и идеи эволюции. Действительное диалектическое содержание новых открытий оставалось для сторонников вульгарного материализма и позитивизма непостижимой тайной.

Энгельс считал насущно необходимым противопоставить вульгарному материализму и позитивизму диалектико-материалистическое осмысление успехов современной науки, которое показало бы даже метафизически мыслящим естествоиспытателям, что материал, с которым они имеют дело, в противоположность их образу мышления, является сплошь диалектическим. «...Дело шло о том,— писал он в 1885 г. в предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга»,— чтобы и на частностях убедиться в той истине... что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий...»¹.

Сохранился документ, свидетельствующий о зарождении у Энгельса замысла его выдающегося труда. Это письмо Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г., в котором излагаются «диалектические мысли по поводу естественных наук»². Письмо было послано в Манчестер, где в то время находился Маркс. По просьбе Энгельса Маркс ознакомил с ним их общего друга Шорлеммера, который полностью одобрил идеи Энгельса.

Работа Энгельса над «Диалектикой природы» распалась на два основных этапа. Приступив в мае 1873 г. к сбору материалов для будущего труда, он углубленно работал над книгой в течение трех лет. Все это время он почти безотлучно провел в Лондоне, уезжая из города лишь, примерно, на месяц в году для отдыха и лечения в Рамсгет или на остров Джерси. Дважды ему пришлось по семейным делам выезжать в Германию. Осенью 1873 г. в связи с тяжелой болезнью и смертью матери Энгельс провел в Энгельскирхене почти месяц — с конца октября до 20 ноября, в 1875 г. он вместе с женой ездил по семейным делам в Гейдельберг. Остановившись проездом в Рейнау, Энгельс встретился со своим старым знакомым, химиком Ф. Паули. На обратном пути он заехал в Бинген и Кёльн и через Остенде вернулся в Лондон.

В этот период Энгельс разработал ряд основных положений «Диалектики природы» — сформулировал идею о соотношении философии и естествознания, дал классификацию основных форм движения материи и соответственно этому — классификацию наук, выявил действие диалектических законов и категорий в природе и доказал необходимость диалектико-материали-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 67.

стического метода для естествознания. Он написал около 100 заметок и фрагментов работы.

В 1875—1876 г. Энгельс приступил уже к систематическому написанию самой книги. Он написал «Введение» ко всему труду, в котором раскрыл основные этапы истории естествознания и изложил свой взгляд на возникновение и развитие мира и человеческого общества. К этому же времени относится статья «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», которую Энгельс впоследствии включил в «Диалектику природы».

Однако в июне 1876 г. работа над «Диалектикой природы» была прервана, так как понадобилось публично выступить с развернутой критикой псевдосоциалистического «учения» Дюринга.

Энгельс о проекте Готской программы

Наряду с занятиями естественными науками Энгельс продолжал с большим вниманием следить за состоянием рабочего движения в Германии. В первой половине 70-х годов среди немецких рабочих — активных участников социалистического движения усилились тенденции к единству, к объединению двух политических организаций — Социал-демократической рабочей партии и Всеобщего германского рабочего союза. Маркс и Энгельс видели историческую необходимость создания единой пролетарской партии в Германии, однако считали, что единство должно быть достигнуто на принципиальной основе научного коммунизма. Решение этой задачи требовало серьезной идеологической и политической подготовки.

Еще в 1873 г., когда в руководстве Социал-демократической рабочей партии усилились — отчасти в связи с тем, что Бебель в это время отбывал тюремное заключение, — тенденции к объединению с лассальянцами, Энгельс высказал Бебелю очень серьезные опасения по этому поводу. Он писал о необходимости всемерного укрепления партии как организации, имеющей в основном марксистскую программу, и расширения ее связей с массами. Объединение с идейно чуждой организацией принесет движению больше вреда, чем пользы. «...Бывают обстоятельства, — говорилось в письме Энгельса, — когда надо иметь мужество пожертвовать *немедленным* успехом ради более важных вещей»¹. Энгельс рекомендовал руководителям Эйзенахской партии не торопиться с организационным объединением, а вести терпеливую разъяснительную работу, разоблачать теоретические догмы и практику лассальянства, предпринимая в то же время конкретные шаги к достижению единства действий.

Однако в начале 1875 г. Либкнехт и некоторые другие лидеры партии стали проводить идею объединения любой ценой, считая, что в случае успеха это компенсирует все издержки.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 494—495.

Не посоветовавшись с Марксом и Энгельсом, 7 марта 1875 г. они опубликовали в партийной печати проект программы, которую предполагалось принять на предстоящем вскоре объединительном съезде.

Ознакомление с проектом показало Марксу и Энгельсу, что руководство социал-демократической партии пошло на идейный компромисс с оппортунистическим течением в немецком рабочем движении. Они расценили это как серьезную ошибку эйзенахцев, чреватую тяжелыми последствиями, и пытались воздействовать на руководителей партии, побудить их исправить эту ошибку.

В обстоятельном письме Бебелю, написанном 18—28 марта 1875 г., Энгельс настаивал на том, что главным условием объединения должен быть полный отказ лассальянцев от своих установок. «Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в теоретическом отношении, то есть в том, что для программы имеет решающее значение,— писал он,— лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами...»¹.

Энгельс дал в этом письме основательный критический разбор опубликованного проекта программы. Решительные возражения вызвала у него «напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу»². Признание этого положения, отмечал Энгельс, равносильно отказу от союза пролетариата с крестьянством и другими слоями трудящихся.

Серьезным недостатком проекта Энгельс считал игнорирование интернациональных обязанностей пролетарской партии. «Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения,— писал он,— *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны... И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации!»³. В проекте программы, по мнению Энгельса, необходимо было подчеркнуть, что германская рабочая партия «сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 100.

² Там же.

³ Там же, стр. 101.

⁴ Там же.

Один из коренных пороков проекта Энгельс усматривал во включении в него лассалевских догм о «железном законе заработной платы» и о «государственной помощи производительным ассоциациям». Он вновь показал, что принятие этих догм наносит огромный вред массовому рабочему движению, ведет к игнорированию такой важнейшей формы классовой борьбы пролетариата, как экономическая борьба и создание профессиональных союзов. А «это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задуть даже самая жестокая реакция»¹.

Серьезной критике подверг Энгельс вульгарное толкование сущности государства. Опираясь на опыт Парижской Коммуны, он показал несостоятельность лозунга «свободное государство», отражающего представление о государстве как о надклассовом учреждении. «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать»². Эту мысль Энгельса В. И. Ленин назвал «одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве»³.

Энгельс раскритиковал также абстрактное положение проекта программы о необходимости «устранения всякого социального и политического неравенства». Он доказывал, что вместо этой расплывчатой фразы должно стоять требование «уничтожения всех классовых различий»⁴. Известное неравенство в жизненных условиях между отдельными странами, областями и т. д., пишет Энгельс, будет существовать всегда. Его можно будет только свести к минимуму. Представление о социалистическом обществе, как о царстве абсолютного равенства, характерное для французских социалистов-утопистов, «как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но... подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 103.

² Там же, стр. 103—104.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 64.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 104.

⁵ Там же.

Расценив в целом проект программы как «капитуляцию всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством»¹, Энгельс предупреждал руководителей партии, что объединение, достигнутое такой ценой, не может быть прочным, оно неизбежно приведет к разногласиям внутри партии, которые будут на руку лассальянским элементам.

Критические замечания к проекту программы направил руководителям партии и Маркс. В начале мая 1875 г. он написал документ, получивший впоследствии название «Критика Готской программы». Это важнейший теоретический, программный документ научного коммунизма, выдающееся достижение творческой мысли Маркса. В нем Маркс дал обобщенную критику проекта программы, как бы подводя итог полемике марксизма с противостоявшими ему мелкобуржуазными социалистическими теориями, и одновременно сформулировал ряд новых гениальных положений о будущем коммунистическом обществе, о путях и фазах его построения.

Письмо Энгельса Бебелю и «Критика Готской программы» Маркса являются высоким образцом руководства международным рабочим движением. «...Мы, — писал Энгельс, — почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*»².

К сожалению, замечания Маркса и Энгельса на проект программы были учтены лишь в минимальной степени. Принятая на состоявшемся в Готе 22—27 мая 1875 г. съезде программа, писал Энгельс в письме Бракке 11 октября 1875 г., состояла из трех частей: «1) из лассалевских фраз и лозунгов, которых нельзя было принимать ни под каким условием... 2) из ряда вульгарно-демократических требований... 3) из якобы коммунистических фраз, большей частью заимствованных из «Манифеста», но переделанных так, что при ближайшем рассмотрении они сплошь оказываются вопиющей бессмыслицей»³.

Первоначально Маркс и Энгельс намеревались публично выступить против Готской программы. Поскольку, однако, читатели видели в программе «то, что в ней должно было быть»⁴, то есть революционное содержание, публичная критика и публичное отмежевание от этого документа были признаны Марксом и Энгельсом нецелесообразными. Они считались также и с тем, что объединение двух политических организаций немецкого рабочего класса стало совершившимся фактом, и в своем отношении к созданной в Готе единой партии исходили из того, что

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 105.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 125.

⁴ Там же.

устранение организационного раскола в немецком рабочем движении в конечном итоге окажет положительное воздействие на освободительную борьбу пролетариата Германии.

«Анти-Дюринг» — После Готского съезда теоретический уровень германской социал-демократии в общем заметно снизился. Лассальянцы принесли в объединенную партию свои мелкобуржуазные, чуждые пролетариату взгляды, оказывавшие известное влияние и на часть бывших эйзенахцев. Страницы центрального органа партии заполнялись путанными статьями, об авторах которых Энгельс в октябре 1875 г. писал Бебелю, что их «экономическое невежество... и ошибочные взгляды, а также незнание социалистической литературы служат наилучшим средством для того, чтобы начисто уничтожить теоретическое превосходство, которым до сих пор отличалось германское движение»¹. А несколько позднее (в июле 1877 г.) он даже говорил о том, что с момента объединения в партии наступил «моральный и интеллектуальный упадок», а в партийной печати и на съездах «господствуют полузнайки»², новоиспеченные литераторы. Это способствовало распространению в рабочем движении эклектических воззрений, которые прикрывались социалистическими вывесками, но по существу были враждебны научному социализму.

Особую популярность приобрели в это время взгляды приват-доцента Берлинского университета Е. Дюринга. Он пропагандировал в своих лекциях и произведениях идеи реакционно-мещанского социализма, выдавая их за новое слово и истину в последней инстанции.

Взгляды Дюринга нашли ревностных сторонников и пропагандистов в лице И. Моста, Ф. Фрицше, Л. Фирека, Э. Бернштейна и других деятелей германской социал-демократии. Даже Бебель не избежал одно время этого «повстрия» и выступил на страницах «Volksstaat» со статьей «Новый коммунист», содержащей положительную оценку выступлений Дюринга. Либкнехт — редактор центрального органа партии — также сначала недооценивал вред «теорий» Дюринга и печатал выдержки из его работ.

Однако после того как Дюринг обрушился на Маркса с откровенно грубыми нападками, Либкнехт понял, какой ущерб может нанести партии дюрингианство. «Накануне рождества я был на лекции этого человека, страдающего манией величия и испытывающего огромную зависть к Марксу, вот и все, — писал Либкнехт Энгельсу 1 февраля 1875 г. — Его идеи сильно проникли в умы многих наших людей (в особенности в Берлине), и за него нужно *основательно* взяться»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 130.

² Там же, стр. 221.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3488.

Рост влияния дюрингианства вызывал у Маркса и Энгельса серьезную тревогу. Вопрос шел об идейной основе партии: будет ли она руководствоваться революционно-пролетарским, научным мировоззрением или же станет на реформистские, мелкобуржуазные позиции.

Вначале Энгельс ограничивался отдельными критическими замечаниями в адрес Дюринга в некоторых статьях («Прусская водка в германском рейхстаге» и др.). Однако скоро он пришел к выводу о необходимости специально выступить в печати с критикой дюрингианства. «...Не пора ли серьезно подумать о нашем отношении к этим господам»¹, — писал он Марксу 24 мая 1876 г. На следующий же день Маркс ответил: «Мнение мое таково, что «наше отношение к этим господам» можно выявить только в виде решительной критики Дюринга»².

Находясь на лечении в Рамсгете в мае—августе 1876 г., Энгельс ознакомился с книгами Дюринга: «Курс философии», «Курс политической и социальной экономии», «Критическая история политической экономии и социализма» и другими и уже тогда в письме Марксу 28 мая наметил общий план работы против Дюринга. Начиная со второй половины года он усиленно работал над книгой и в январе 1877 г. первые ее разделы начали печататься в центральном органе партии газете «Vorwärts» (так стала называться «Volksstaat» с 1876 г.). К началу июля 1878 г. вся работа была напечатана в виде трех серий статей.

Статьи Энгельса сразу же вызвали большой интерес. «Я только что прочел,— писал Энгельсу Лесснер 9 января 1877 г.,— в «Vorwärts» начало твоей выдающейся работы... И я должен сказать, что новый год не мог быть начат ничем лучшим и более достойным... Это основательное и понятное разъяснение фактов рассеет заблуждения многих товарищей в рядах нашей партии...»³.

Зато дюрингианцы всячески добивались, чтобы «Vorwärts» прекратил печатание статей Энгельса. С таким предложением, в частности, выступил Мост на съезде германской социал-демократии в мае 1877 г. в Готе. Решительную отповедь этим настроениям дал на съезде Либкнехт, который заявил, что Энгельса по его значению в науке можно сравнить только с Марксом, что он дал блестящую критику Дюринга и что после «Капитала» Маркса статьи Энгельса о Дюринге являются самой значительной научной работой в социалистической литературе⁴.

Однако дебаты на съезде в Готе, развернувшиеся вокруг статей Энгельса, показали, насколько руководящие деятели германской социал-демократии были еще слабы в вопросах рево-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3744.

⁴ См. Protokoll des Sozialisten-Congresses zu Gotha vom 27. bis 29. Mai 1877. Hamburg, 1877, S. 72.

люционной теории. Дюрингианцам едва не удалось добиться прекращения публикации этой работы на страницах газеты. С большим трудом прошло компромиссное предложение Бебеля о печатании ее, но не в «Vorwärts», а в научном приложении к нему. По окончании публикации статей они были изданы отдельной книгой под названием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Впоследствии классический труд Энгельса стал широко известен под сокращенным названием «Анти-Дюринг»

Немалое участие в работе над книгой принял Маркс. «Замечу мимоходом,— писал Энгельс в предисловии ко второму изданию книги,— что так как излагаемое в настоящей книге миропонимание в значительнейшей своей части было обосновано и развито Марксом и только в самой незначительной части мной, то для нас было чем-то само собой разумеющимся, что это мое сочинение не могло появиться без его ведома. Я прочел ему всю рукопись перед тем, как отдать ее в печать, а десятая глава отдела, трактующего о политической экономии... написана Марксом...»¹.

Книга Энгельса — своеобразный итог развития марксизма за три десятилетия. Здесь Энгельс не только раскрыл и защитил основные положения марксизма, но и разработал ряд новых принципиальных вопросов революционной теории, обобщая новые явления действительности и последние достижения мировой науки, в частности в области теоретических проблем естествознания.

Критика «системы» Дюринга позволила Энгельсу изложить свои и Маркса взгляды и попытаться дать, по его собственным словам, «энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем»².

Три отдела «Анти-Дюринга» — «Философия», «Политическая экономия», «Социализм» — дают всестороннее изложение источников и составных частей учения Маркса и Энгельса.

Диалектический материализм

«Анти-Дюринг» — прежде всего философское произведение. Последовательно отстаивая принцип партийности в философии, Энгельс решительно отменил попытки Дюринга изобрести «среднюю линию» в философии, стереть принципиальную противоположность между материализмом и идеализмом. «Всю борьбу с Дюрингом,— писал В. И. Ленин,— Энгельс провел целиком под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 9.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 119.

Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма,— вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «*Анти-Дюринга*...»¹.

Строго материалистический подход к решению основного вопроса философии пронизывает все изложение первого отдела. Сознание — продукт человеческого мозга, а сам человек — продукт природы. Следовательно, уже по этой причине законы мышления и законы природы согласуются между собой. Мышление есть отражение материального мира, его бытия.

Энгельс противопоставляет эклектическим воззрениям Дюринга основные положения диалектического материализма. Он критикует Дюринга за так называемый априористический метод, следуя которому, тот формулирует основные понятия об окружающей нас действительности, не прибегая к опыту, без изучения внешнего мира, чисто логическим путем. Энгельс показывает, что это «идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение, конструирующий действительный мир из мыслей, из предшествующих миру и существующих где-то от века схем, теней или категорий, точь-в-точь как это делает... *некий Гегель*»².

В действительности же, доказывает Энгельс, принципы, основные философские выводы являются не исходным пунктом исследования, а его заключительным результатом. Не природа и история соотносятся с принципами, а, наоборот, эти принципы постольку верны, поскольку они соответствуют природе и истории и абстрагированы из них.

Энгельс отмечает, что с развитием конкретных наук и появлением диалектического материализма становится ненужной никакая философия, стоящая над другими науками. «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»³.

Критикуя взгляды Дюринга, Энгельс развивает кардинальные положения материалистической философии: о материальности мира, об объективности пространства и времени. Он подвергает резкой критике утверждение Дюринга, будто единство мира заключено в его бытии, и обосновывает важнейший тезис материализма о том, что «действительное единство мира состоит в его материальности»⁴. Бесконечно разнообразные явления при-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 359.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 34.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 43.

роды есть лишь различные формы движения и развития материи. Само сознание представляет собой одно из свойств материи на определенной, весьма высокой ступени ее развития. Следовательно, в действительности нет ничего, кроме различных форм движущейся материи. Материальность мира — это то, что объединяет все эти формы.

Дюринг отрывал движение от материи, между тем движение так же несотворимо и неуничтожимо, как и сама материя. «*Движение есть способ существования материи*»¹, — таково классическое определение Энгельса.

Дюринг подменял вопрос об объективности пространства и времени рассуждениями об изменениях наших понятий о времени и пространстве, об относительности этих понятий. И в то же время, будучи крайне непоследовательным, он представлял себе пространство и время как какие-то чистые формы, существующие априорно, независимо от материальных объектов. В противовес Дюрингу Энгельс доказывает, что пространство и время являются основными формами существования материи, всякого бытия, что «бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства»².

Энгельс дает развернутую характеристику диалектики и выясняет ее принципиальное отличие от метафизического способа мышления. «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого»³. Диалектический же метод берет вещи и их мысленные отражения во взаимной связи, в движении, в возникновении и исчезновении.

Диалектический способ мышления представляет собой высшее достижение в развитии философии. Его истоки восходят к древнегреческой философии, в которой «диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте»⁴. В сознательной же систематической форме он был развит Гегелем. Но для идеалиста Гегеля развитие мира было не чем иным, как воплощением и отражением «идеи», предшествовавшей возникновению мира. Естественно, что это извращенное, идеалистическое мировоззрение наложило глубокую печать и на его учение о диалектике. У Гегеля «все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена»⁵.

Диалектику Гегеля необходимо было подвергнуть коренной материалистической переработке. Это и сделали Маркс и Энгельс. «Маркс и я, — писал Энгельс, — были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 59.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 369.

⁵ Там же, стр. 24.

философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»¹.

Выдающееся теоретическое значение имеет классическое изложение Энгельсом в «Анти-Дюринге» основных законов диалектики. Изложение материалистической диалектики, данное им в этой книге, вошло во все учебники и популярные изложения диалектического материализма, а диалектико-материалистический метод, последовательно примененный им при анализе явлений природы и общества, является основополагающим для каждого подлинно научного исследования.

Энгельс всюду прослеживает диалектические закономерности — единство, взаимопроникновение и борьбу противоположностей, переход количественных изменений в качественные, отрицание отрицания. Он вскрывает всеобщую связь и взаимодействие, господствующие в природе и обществе, и показывает всю несостоятельность метафизического взгляда на природу с его застывшими категориями и неподвижными классификациями.

Опровергая метафизический тезис Дюринга, будто вещам и процессам внутренне не присуще противоречие, Энгельс обстоятельно рассматривает закон единства и борьбы противоположностей. По Дюрингу, противоречие — это бессмыслица, и оно не может существовать в действительном мире. Энгельс же доказывал наличие противоречий как характерную черту движения, развития. «Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, — писал он, — мы, действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них... Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия»². Само движение, поясняет далее Энгельс, есть противоречие. Уже просто механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно — в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. «А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия — и есть именно движение»³.

Значительное место занимает в книге Энгельса разработка закона перехода количественных изменений в качественные. Действие этого закона Энгельс прослеживает на многочисленных примерах естественных наук, особенно химии, и общественных наук, показывая его всеобщий характер. Он, в частности, отмечает, что в «Капитале» Маркса приводится громадное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 10.

² Там же, стр. 123.

³ Там же.

число примеров из области экономических отношений, «где количественное изменение преобразует качество вещей и, равным образом, качественное преобразование вещей изменяет их количество»¹. Переход количественных изменений в качественные, отмечает Энгельс, является скачкообразным процессом. Старое качество переходит в новое, происходит прерыв постепенности, знаменующий узловую, поворотный момент развития.

Большое внимание уделяет Энгельс закону отрицания отрицания, который объективно свойствен природе и обществу. Он характеризует этот закон, как «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления; закон, который... проявляется в животном и растительном царствах, в геологии, математике, истории, философии»². Энгельс доказывает, что каждый отдельный случай, каждый специальный процесс имеет определяемые их природой особенности отрицания. Конкретными примерами отрицания отрицания, о которых говорит Энгельс, являются цикл превращений зерна от момента его прорастания до момента отмирания зрелого стебля, интегральное исчисление в математике, изменение форм собственности, которое, как блестяще показано Марксом в «Капитале», завершается экспроприацией экспроприаторов. В диалектике отрицать не значит просто сказать «нет» или объявить вещь несуществующей. Отрицание отрицания предполагает развитие, определенные изменения, затрагивающие не только форму, но и содержание, увенчивающиеся возникновением новой качественной структуры.

Дав классическое определение диалектики как науки «о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»³, охарактеризовав ее основные законы, Энгельс глубоко раскрыл и ее важнейшие категории: необходимость и случайность, сущность и явление, причинность и взаимодействие и другие. Именно в «Анти-Дюринге» Энгельс разъяснил диалектику свободы и необходимости. Свобода заключается вовсе не в воображаемой обывателем независимости от законов природы и общества, а в познании этих законов, в умении их учитывать и использовать. «Свобода воли,— заключает Энгельс,— означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»⁴.

Энгельс показал неразрывную связь диалектического материализма со всем развитием естествознания. «Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 130.

² Там же, стр. 145.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 116.

материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически»¹.

В «Анти-Дюринге» наглядно раскрыт диалектический характер развития природы на примерах органической жизни. «...Жизнь, — писал Энгельс, — тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»². Органической жизни уже на самой низшей ее стадии присуща, хотя только в зачаточной форме, способность к ощущению. Однако развивающееся из ощущения сознание, мышление свойственно только высшему виду развития органической жизни, является продуктом высоко организованной материи — человеческого мозга.

Человеческое познание так же, как и отражаемый им мир, находится в непрерывном процессе развития. Энгельс подчеркивал внутреннее, диалектическое противоречие, которое лежит в основе познания и служит источником его бесконечного движения. Мышлению человечества свойственно стремиться к полному и исчерпывающему познанию мира, к абсолютной истине. Но так как мир непрерывно развивается, равно как расширяются наши познавательные способности, то это постижение полной, абсолютной истины практически бесконечно. В каждый же данный момент познание людей остается относительным, неполным. Абсолютная истина складывается из частичных относительных истин; они являются ступенями, моментами в процессе постижения абсолютной истины. В каждой данной относительной истине содержится элемент абсолютной истины.

Политическая экономика

В экономической части «Анти-Дюринга» Энгельс разъясняет основные положения экономического учения Маркса, прежде всего материал I тома «Капитала». Заключительный раздел этой части («Из «критической истории») был написан Марксом.

В разделе о предмете и методе политической экономики Энгельс впервые формулирует понятие политической экономики в самом широком смысле и определяет ее как науку о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе. Этому пониманию политической экономики, не ограничивающему ее познавательно-практические задачи изучением закономерностей одной лишь буржуазной формации, чрезвычайно большое значение придавал В. И. Ленин.

Одно из самых существенных назначений политической экономики капитализма Энгельс усматривал в том, чтобы «внутри

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 22.

² Там же, стр. 124.

разлагающейся экономической формы движения открыть элементы будущей, новой организации производства и обмена»¹. По мысли Энгельса, всесторонняя критика буржуазной экономики предполагала как теоретическое исследование добуржуазных отношений, так и научное прогнозирование экономики коммунистического общества, взявшего в свое владение созданные капитализмом производительные силы и организованного для совместной планомерной работы таким образом, «чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере»².

Развивая идеи Маркса о диалектическом взаимодействии производства, обмена и распределения, Энгельс обосновывает материалистический принцип примата общественного производства, подчеркивая при этом, что хотя способ распределения в конечном счете определяется способом производства и обмена, — распределение оказывает обратное и весьма существенное влияние на производство и обмен. «Каждый новый способ производства или новая форма обмена, — отмечал Энгельс, — тормозится вначале не только старыми формами производства и обмена и соответствующими им политическими учреждениями, но и старым способом распределения. Новому способу производства и новой форме обмена приходится путем долгой борьбы завоевывать себе соответствующее распределение»³. Решающее подтверждение марксистской теории в этом вопросе Энгельс видел в antagonистических противоречиях капиталистического способа производства и созданной им системы распределения материальных благ. Напротив, вульгарно-идеалистическая концепция Дюринга находится в вопиющем противоречии с фактами всемирной истории. Отрывая распределение от производства и обмена, Дюринг объяснял его насилием, то есть переносил всю теорию распределения с экономической почвы на почву морали и права. Энгельс считал необходимым в этой связи дать подробную критику дюринговской теории насилия, являющейся главным звеном всей вульгарной экономической концепции Дюринга.

На всех этапах исторического процесса насилие выступало как следствие экономических процессов, но отнюдь не как их причина. Проанализировав процесс возникновения частной собственности, Энгельс приходит к следующему выводу: «Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития обмена, — следовательно, по эко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 153.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 152.

номическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли»¹.

Важнейший фактор политического насилия, находящийся в распоряжении государства,— это армия; и ее организация во все эпохи, так же как и самый способ ведения войн непосредственно зависят от экономических условий, то есть «от качества и количества населения и от техники»².

Признание вторичного характера насилия по отношению к экономике вовсе не означает, что оно никак не влияет на ход экономических процессов. Всякая политическая власть первоначально основывается на определенной экономической функции, выполняемой ею для всего общества. Но, став самостоятельной по отношению к обществу, политическая власть может содействовать экономическому развитию, а может и тормозить его. В последнем случае экономическое развитие все же в конечном счете прокладывает себе путь, и политическая власть падает под его давлением. Энгельс привел в этой связи замечательные слова Маркса о революционной роли насилия, являющегося «повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»³.

Дюринговским вульгарным теориям, отождествляющим стоимость с ценой, его противоречивым суждениям об измерении стоимости в одном случае затратой силы, в другом — рабочим временем, в третьем — издержками производства, в четвертом — заработной платой и т. д., Энгельс противопоставил ясное научное понимание стоимости товаров как воплощенного в них общественно необходимого труда, измеряемого его продолжительностью. Он напоминал, что, согласно Марксу, стоимость товаров определяется содержащимся в них человеческим трудом, а этот последний означает расходование той простой рабочей силы, которой в среднем обладает каждый человек, не отличающийся особым развитием. Сравнительно сложный труд — это возведенный в степень, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равно большому количеству простого труда. Сведение сложного труда к простому совершается за спиной производителей с помощью определенного общественного процесса и определенного механизма товарных, точнее товарно-денежных отношений.

Дюринг не понимал того, что труд создает стоимость, но сам не имеет ее. Из марксистского тезиса, что труд не может иметь никакой стоимости, указывал Энгельс, следует тот вывод, что в социалистическом обществе, которое хочет освободить человеческую рабочую силу от положения товара, нельзя будет регулировать распределение жизненных средств как

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 166.

² Там же, стр. 175.

³ Там же, стр. 189.

своего рода высшую форму заработной платы. Распределение будет регулироваться экономическими соображениями, интересами производства. Развитие производства будет больше всего стимулироваться «таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развиваться, поддерживать и проявлять свои способности»¹.

Энгельс заметил, что Дюринг много распространялся о своем строго научном методе исследования², но в его сочинениях не было научности и в помине. Он не жалел сильных выражений, нападал на теорию прибавочной стоимости Маркса, называя ее «дикой концепцией», но сам предложил лишь ухудшенный вариант общепринятого среди вульгарных экономистов понимания под капиталом «произведенного средства производства»³, всякой суммы средств производства, приносящей доход ее владельцу. Таким образом получалось, что капиталом является всякое вообще богатство — богатство рабовладельцев древнего мира, латифундистов Римской империи, феодальных баронов средневековья и т. д.

Критикуя эту наукообразную концепцию, достойную чело- века, который совершенно не знает истории и далек от экономической науки, Энгельс воспроизвел основные положения разработанной Марксом теории прибавочной стоимости. Он отметил вместе с тем, что Маркс первый открыл тайну рождения прибавочной стоимости, первый сбросил покрывало с механизма капиталистической наживы. Маркс разрешил этот сложнейший вопрос «чисто экономическим путем, исключив всякий обман, всякое вмешательство какого-либо насилия»⁴. Разрешение этого вопроса составляет величайшую историческую заслугу Маркса. Оно проливает яркий свет на такие экономические области, где социалисты не менее, чем буржуазные экономисты, бродили до этого в глубочайшей тьме. От решения этого вопроса берет свое начало научный социализм.

Научный социализм

В противовес Дюрингу, относившемуся с пренебрежением к Сен-Симону, Фурье, Оуэну, Энгельс отмечает огромные заслуги великих социалистов-утопистов. Особенно высоко ценит он содержащуюся в их учениях блестящую критику буржуазного общества. В этих утопических системах, возникших как протест против капиталистического эксплуататорского строя, Энгельс видит зародыши многих плодотворных идей, получивших научное обоснование и дальнейшую разработку в марксизме. Таковы, например, гениальные догадки относительно будущего, коммунистического общества, о том, что в этом обществе будет

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 206.

² См. там же, стр. 30.

³ См. там же, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 209.

уничтожена противоположность между городом и деревней, отомрет государство, и политическое управление людьми превратится в распоряжение вещами и в руководство процессами производства.

Вместе с тем Энгельс подчеркивает историческую ограниченность взглядов великих социалистов-утопистов, которые не могли еще указать реальных путей к новому общественному строю. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям,— писал он,— соответствовали и незрелые теории... Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии»¹.

В отличие от утопистов, считавших создание нового общественного строя лишь задачей мыслящего разума, Энгельс исходит из признания решающей роли объективных и субъективных предпосылок социализма, разъясняет, что научный социализм опирается на анализ противоречий капиталистического строя, все обостряющегося конфликта между производительными силами и производственными отношениями, который с неизбежностью ведет буржуазное общество к гибели. При этом он дает классическую формулировку основного противоречия капитализма — противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением, которое выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией².

Энгельс показывает необходимость экспроприации экспроприаторов, лишения государственной власти буржуазии, ставшей паразитирующим классом. Он подчеркивает, что никакие экономические реформы и мероприятия сами по себе, никакие изменения самих производительных сил в рамках капиталистического строя не могут упразднить его эксплуататорской сущности. Так, в ходе развития капиталистического способа производства частные формы сходят постепенно со сцены, капиталистическое производство приобретает коллективный характер, создаются акционерные общества капиталистов и государство вынуждается — как официальный представитель капиталистического общества — брать на себя управление некоторыми предприятиями и целыми отраслями производства, «но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил»³. Ликвидация капиталистического способа производства, уничтожение эксплуатации, создание социалистического строя возможны только в результате

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 269.

² См. там же, стр. 282.

³ Там же, стр. 289—290.

социалистической революции, когда «*пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность*»¹.

Эти важнейшие положения Энгельса полностью разоблачают всякие попытки приукрасить капитализм и развитое капиталистическое государство, которое выступает как орудие эксплуатации рабочего класса, ограбления трудящихся в интересах господствующей буржуазии. «Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность,— пишет Энгельс о таком государстве,— тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями»². Энгельс предугадал здесь те тенденции, которые получили полное развитие много позднее, в условиях государственно-монополюстического капитализма.

В «Анти-Дюринге» Энгельс освещает ряд других важных вопросов марксистской теории — о возникновении классов, о государстве, о семье, о воспитании, о религии и т. д.

В противовес утопическим, мещански ограниченным «прорицаниям» Дюринга Энгельс с большой научной прозорливостью намечает в «Анти-Дюринге» контуры коммунистического строя.

Вместо старого разделения труда, обрекавшего сельское население на духовное оупение, а горожан — на пожизненное порабощение какой-либо узкой и однообразной работой, вместо такого разделения труда, которое уродует и обедняет человека, подрывает его физические и духовные силы, коммунизм создает новую организацию труда, открывающую широчайший простор для всестороннего развития человеческой личности. В условиях коммунистического строя производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение.

Очень важное значение имеет изложенное Энгельсом марксистское понимание равенства. Уничтожая классовые различия между людьми, коммунисты вовсе не стремятся нивелировать людей, насильственно уравнивать их вкусы и способности, подавлять их индивидуальность. «...Действительное содержание пролетарского требования равенства,— говорит Энгельс,— сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости»³.

Энгельс доказывает, что условия жизни, которые ранее окружали людей и господствовали над ними, при коммунизме подпадут под власть и контроль людей. Люди впервые станут «действительными и сознательными повелителями природы,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 291.

² Там же, стр. 290.

³ Там же, стр. 108.

потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество»¹.

Небывалый расцвет экономики, науки и культуры приведет, в конечном счете, к преодолению всякого рода предрассудков, в том числе и религиозных. Энгельс дает определение религии как фантастического отражения в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни. Он прослеживает развитие религиозных представлений, вскрывает их социальные корни. Высмеивая заявления Дюринга о том, что в будущем обществе религию нужно просто-напросто запретить, Энгельс показывает, что религия отомрет тогда, когда исчезнут порождающие ее причины.

Только при коммунизме люди станут сознательными творцами своей общественной жизни, достигнут подлинной свободы. «Это есть, — пишет Энгельс, — скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»².

С огромной силой Энгельс подчеркивает историческую роль пролетариата, призванного осуществить этот коренной поворот в развитии человеческого общества. Вместе с тем он ставит перед социалистами задачу исследовать исторические условия и природу этого поворота, вносить в рабочее движение идеи научного социализма, учить рабочих пониманию законов общественного развития.

Книга Энгельса привела к полному теоретическому разгрому взглядов Дюринга и к утрате им какого-либо влияния на германскую социал-демократию. Появление «Анти-Дюринга» способствовало идейной победе марксизма над домарксовыми направлениями в рабочем движении, в первую очередь Германии. Теперь марксизм впервые предстал перед немецким и международным социалистическим движением как цельное мировоззрение, охватывающее философию, политическую экономию, социализм, стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата.

«Анти-Дюринг» оказал неоценимую помощь и социалистам других стран, в частности России. Известное влияние Дюринга испытывали на себе многие русские народники. В 1884 г. Энгельс писал, что эта книга произвела совершенно неожиданное для него впечатление, особенно в России³.

Выход в свет этого великого произведения явился подлинным событием. Международное рабочее движение получило постоянную энциклопедию марксистских знаний, на которой воспитывались многие поколения социалистов всех стран.

Произведение Энгельса стало, по словам Ленина, настольной книгой всякого сознательного рабочего. Оно сыграло зна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 294.

² Там же, стр. 295.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 118.

читательную роль в освободительной борьбе пролетариата. «Анти-Дюринг» принадлежит к числу тех немногих книг, которые никогда не стареют и на каждом новом повороте исторического движения раскрывают все новые стороны неисчерпаемого богатства своего содержания.

Болезнь и смерть жены В разгар работы над «Анти-Дюрингом» тяжело заболела жена Энгельса Лиззи. В течение 1876 и 1877 гг. ему приходилось по несколько раз в год выезжать с ней для лечения на морские курорты. И хотя в результате этих поездок в состоянии здоровья Лиззи временами наступало улучшение, добиться окончательного излечения не удалось. Летом 1878 г. положение резко ухудшилось. Болезнь прогрессировала, и 12 сентября Лиззи скончалась.

Смерть Лиззи нанесла Энгельсу тяжелый удар. Их семейная жизнь продолжалась более 15 лет. Женщина простая и не получившая образования, Лиззи обладала живым природным умом и была искренне предана тому делу, которому посвятил свою жизнь ее муж. Она пользовалась большой любовью и уважением его друзей.

«Моя жена,— вспоминал Энгельс много лет спустя,— ...была настоящей потомственной ирландской пролетаркой, и ее врожденная горячая любовь к своему классу была мне бесконечно дороже и всегда поддерживала меня в критические моменты больше, чем это могли бы сделать вся утонченность и умничанье «образованных» и «чувствительных» дочерей буржуазии»¹.

Дальнейшая работа над «Диалектикой природы»

Завершение работы над «Анти-Дюрингом» знаменовало важный этап в естественнонаучных занятиях Энгельса. В «Анти-Дюринге» Энгельс впервые опубликовал некоторые результаты своих предшествующих исследований по проблемам применения диалектики к естествознанию. Правда, сам он через несколько лет в предисловии ко второму немецкому изданию «Анти-Дюринга» писал: «...Мне хотелось бы изменить ту часть, которая трактует о теоретическом естествознании. Здесь много неуклюжего в изложении, и кое-что можно было бы выразить в настоящее время более ясно и определенно»².

После выхода «Анти-Дюринга» Энгельс вернулся к работе над «Диалектикой природы». Однако регулярно заниматься естественными науками он не мог. По-прежнему массу времени и сил отнимали многочисленные другие неотложные дела, разработка актуальных вопросов теории и тактики пролетарской партии, рабочего освободительного движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 259.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 10.

Все же он сумел проделать немалый объем работы. На этом этапе, продолжавшемся до марта 1883 г., он разработал конкретный план исследования, написал значительную часть фрагментов и главы: «Диалектика» (начало главы), «Основные формы движения», «Мера движения.— Работа», «Приливное течение», «Теплота» (не закончена), «Электричество». В начале 1878 г. была написана также статья «Естествознание в мире духов». По-видимому, Энгельс первоначально предполагал напечатать ее отдельно в каком-нибудь журнале и только потом включил в состав «Диалектики природы». К указанным главам и статьям Энгельс присоединил «Старое предисловие к «[Анти]-Дюрингу». О диалектике», написанное в мае — июне 1878 г.

«Старое предисловие к «Анти-Дюрингу»», в котором давалась более или менее полная характеристика состояния теоретического естествознания, его отношения к философии и компактный исторический очерк развития диалектического мышления, ложилось в общую канву книги о диалектике в природе, задуманной Энгельсом. В наброске общего плана книги, составленном в августе 1878 г., второй пункт гласит: «Ход теоретического развития в Германии со времени Гегеля (старое предисловие). Возврат к диалектике совершается бессознательно, поэтому противоречиво и медленно»¹.

Набросок плана 1878 г. охватывает весь труд Энгельса, хотя наличный материал «Диалектики природы», который накапливался с перерывами на протяжении ряда лет, не вполне совпадает со всеми пунктами плана. Однако в основных направлениях они идентичны и предусматривают следующее расположение рукописи: а) историческое введение; б) общие вопросы материалистической диалектики; в) классификация наук; г) соображения о диалектическом содержании наук; д) рассмотрение некоторых актуальных методологических проблем естествознания; е) переход к общественным наукам.

К сожалению, книга не была закончена. Незадолго до смерти Энгельс распределил все статьи и заметки, относящиеся к этому произведению, в четыре связки, которым дал следующие заголовки: 1) «Диалектика и естествознание», 2) «Исследование природы и диалектика», 3) «Диалектика природы», 4) «Математика и естествознание. Разное».

«Диалектика природы» стала публиковаться частями лишь после смерти Энгельса. До 1925 г. были опубликованы две статьи, включенные в «Диалектику природы» — «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1896) и «Естествознание в мире духов» (1898). Большая же часть материалов книги долгое время пролежала без движения в архиве германской социал-демократии. Полностью она была опубликована

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 343.

только в СССР в 1925 г. на немецком языке параллельно с русским переводом.

Крупнейшим научным достижением Энгельса явилось развитие в «Диалектике природы» учения об основных формах движения материи и классификация наук.

Трактовка Энгельсом форм движения материи, начиная от низшей — механического движения и кончая высшей — мышлением, была, разумеется, целиком обусловлена уровнем естественнонаучных знаний определенного исторического периода. Поэтому механика представлена у него как перемещение микротел в пространстве, физика — как движение молекул, химия — как движение атомов и т. д.

Энгельс положил в основу своей классификации наук общий принцип их субординации, исходящий из учения о переходе низших форм движения материи к высшим и учения о движении познания от частного к общему, от конкретного к абстрактному. Современное развитие естественных наук внесло существенные коррективы в концепцию классификации, данную Энгельсом. Однако научный подход Энгельса к данной проблеме с позиций материалистической диалектики полностью сохранил свое значение и в настоящее время.

Рассмотрение в «Диалектике природы» отдельных форм движения материи, исследуемых механикой, астрономией, физикой, химией, биологией, не подменяет конкретного естественнонаучного исследования, а постоянно связано с анализом понятий, выяснением их качественного содержания, происхождения и гносеологического смысла. Умение вычлнить в содержании конкретных областей науки те узловые проблемы, решение которых требует диалектико-материалистического анализа, до сих пор является образцом научно-философского подхода к данным конкретным наукам. Здесь Энгельс выступает всего полнее как теоретик и методолог естествознания. Он показывает, что в каждой из областей естествознания, помимо эксперимента и математических выкладок, принципиальное значение приобретает диалектический анализ общих понятий, теорий и гипотез.

На примере критического анализа понятий «сила», «работа», «полярность», основополагающих понятий и методов математики, биологического понятия «борьба за существование» и других Энгельс выявляет действительное значение диалектического мышления для современного ему естествознания. Он прямо указывает при этом, что «там, где дело идет о понятиях, диалектическое мышление приводит по меньшей мере к столь же плодотворным результатам, как и математические выкладки»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 408.

Анализируя закон сохранения и превращения энергии, Энгельс особенно выделяет идею о неуничтожимости энергии не только в количественном, но и в качественном отношении, подчеркивает, что специфически новым в этом открытии была именно формулировка абсолютного закона природы: всякая форма движения способна и вынуждена превращаться в любую другую форму движения, но не может совершенно исчезнуть.

С тех же диалектических позиций исследует Энгельс и другие области естествознания: проблему происхождения и развития солнечной системы в астрономии, проблему атомизма и периодического закона элементов в химии, проблему происхождения и сущности жизни в биологии.

При этом Энгельс высказал замечательную мысль о сложности, дискретности и неисчерпаемости атома. «...Атомы отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества»¹. Он гениально предвидел существование частиц, являющихся аналогами математических бесконечно малых величин различного порядка. Современное учение о строении материи уже подтвердило эту мысль Энгельса.

Энгельс поддерживал и пропагандировал передовые теории, выдвигал их на первый план. В частности, он высоко оценил научный подвиг Д. И. Менделеева, создавшего периодическую систему химических элементов.

Большую методологическую ценность представляет анализ Энгельсом особенностей математических абстракций, определение им самого предмета математики и ее роли в научном познании. Энгельс обратил внимание не только на объективное происхождение основополагающих понятий математики, но и на объективное происхождение методов математического исследования. В частности, он ставил вопрос о прообразах математической бесконечности в действительном мире, об аналогии между дифференцированием и интегрированием в математике и процессами, происходящими в природе.

Особое место в работе Энгельса занимает и особое значение имеет очерк «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», в котором разработана трудовая теория антропогенеза. Здесь Энгельс выяснил роль труда, производства орудий в формировании человека, в развитии его способностей, в образовании человеческого общества, показал, как в результате длительного исторического процесса из обезьяноподобного предка развилось качественно отличное от него, мыслящее и творящее существо.

Естествознание и философия до середины XIX в. обычно совершенно пренебрегали исследованием влияния трудовой, прак-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 585.

тической деятельности человека на его мышление. Они знали, как писал Энгельс, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. «Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»¹.

Центральная проблема, которую ставит и разрешает Энгельс в «Диалектике природы», — проблема взаимоотношения философии и естествознания, глубокое и всестороннее обоснование положительной роли диалектического философского мышления в развитии естествознания.

В условиях разложения и измельчания официальной буржуазной философии, господства плоского эмпиризма и идейного разброда в среде буржуазных естествоиспытателей Энгельс дал всестороннее обоснование значения материалистического мировоззрения и диалектического метода мышления для развития науки.

Во всех фрагментах, посвященных истории научного познания, Энгельс выявляет позитивную роль в развитии естествознания передовых философских учений и гипотез прошлого, в том числе древней натурфилософии, философии эпохи Возрождения, материализма XVII—XVIII вв., немецкой классической философии и натурфилософии XVIII — начала XIX в. Энгельс показывает, что передовая философия, обусловленная в своем содержании развитием частных областей знания и существующей общественной практикой, не только служит идейной основой теоретического мышления своей эпохи, но и зачастую опережает развитие конкретных областей науки и предвосхищает будущие открытия.

Раскрывая значение философии как науки о теоретическом мышлении, Энгельс подчеркивает ее исторический характер, показывает, что с каждой новой эпохой, с каждым великим открытием она изменяет свое содержание и свою форму. Он доказывает, что развитие научного познания есть одновременно и процесс закономерного становления материалистической диалектики, которая, благодаря объективному содержанию самого естествознания, становится для него необходимой. «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, — пишет Энгельс, — это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание... именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»¹.

Энгельс раскрывает объективное содержание диалектики, как науки о всеобщих связях, о наиболее общих законах всякого движения, о законах развития природы, общества и человеческого мышления. Он различает объективную диалектику реального мира и ее отражение — субъективную диалектику мышления, подчеркивает значение субъективной диалектики, как диалектической логики и теории познания. Он дает определение трем основным ее законам: закону перехода количества в качество и обратно, закону взаимного проникновения противоположностей, закону отрицания отрицания.

В «Диалектике природы» обстоятельно разработаны такие проблемы и категории диалектики, как причинность и взаимодействие, необходимость и случайность, классификация форм суждения, соотношение индукции и дедукции, роль гипотезы как формы развития естествознания.

Отвергнув умозрительные, априорные конструкции греческой натурфилософии в отношении еще не изученных связей природы, Энгельс обосновывает правомерность рациональных философских гипотез в отношении тех законов природы, которые еще не поддаются непосредственному экспериментальному исследованию. Он отмечает в истории науки яркие примеры того, как философия своими предположениями и выводами опережала конкретные естественнонаучные исследования и ставила перед наукой новые задачи.

Помимо замечательных догадок древних, Энгельс указывает на значение философских гипотез Декарта, Лейбница, Спинозы, Канта и других мыслителей. Он подчеркивает, в частности, что современное естествознание вынуждено заимствовать у философии положения о неуничтожимости движения, атомистическом строении материи и другие.

Давая объяснение этим фактам, Энгельс указывает на то, что естествознание, наряду с точным экспериментальным материалом, вынуждено очень часто оперировать не вполне известными понятиями и данными. При этом, подчеркивает Энгельс, «последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше»².

В «Диалектике природы» Энгельс развивает и общес предствление о закономерностях научного прогресса и его перспективах. Основываясь на том, что человек с помощью естествознания и промышленности все больше изменяет природу, заставляя служить ее своим целям и приобретает власть над ней, Энгельс утверждает, что научный прогресс развивается в сторону все увеличивающейся для человека возможности учи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 366, 367.

² Там же, стр. 360.

тивать все более отдаленные естественные и общественные последствия своей практической деятельности. Все существующие способы производства имели в виду только ближайшие, наиболее непосредственные эффекты труда и не могли в полной мере регулировать его последствия. «...Для того, — пишет Энгельс, — чтобы осуществить это регулирование, требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе»¹.

Развитие науки в последующие десятилетия оставило далеко позади многие из конкретных представлений классического естествознания, которые анализировал Энгельс. Однако значение труда Энгельса и в наши дни остается огромным. «Диалектика природы» содержит неисчерпаемое богатство философских и естественнонаучных идей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 497.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВМЕСТЕ С МАРКСОМ

...Повсюду в Европе, куда ни кинуть взгляд, рабочее движение развивается не только успешно, но и быстро, и, что еще важнее, повсюду в одном и том же духе. Восстановлено полное единomyслие, а вместе с ним налаживается постоянная и регулярная связь, осуществляемая теми или иными путями между рабочими разных стран.

Ф. Энгельс

**Представитель
международного
социализма**

Как ни занят был Энгельс большой и многоплановой научной работой, он оставался активным участником борьбы международного пролетариата. И хотя во второй половине 70-х — начале 80-х годов Маркс и Энгельс уделяли основное внимание Германии, они никогда не выпускали из поля зрения деятельность социалистов и в других странах. «Мы, — писал Энгельс, — принадлежим к германской партии едва ли в большей мере, чем к французской, американской или русской... Мы придаем известное значение этому нашему особому положению представителей *международного социализма*»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 372.

Под влиянием идей Интернационала повсюду в Европе шел процесс создания самостоятельных пролетарских партий. К концу 70-х годов социалистические партии образовались в Австрии, Франции, Бельгии, Дании, Испании, Португалии. На базе секций Интернационала возникла Социалистическая рабочая партия Северной Америки. Несколько позднее были созданы: Всеобщая рабочая партия Венгрии, Социал-демократический союз в Нидерландах, Рабочая партия в Северной Италии.

Не все эти партии сразу стали целиком на платформу научного коммунизма, не все они быстро приобрели влияние в массах, однако само их появление означало огромный прогресс. Их руководители, естественно, обращались за помощью к признанным вождям международного рабочего движения — Марксу и Энгельсу.

В связи с хронической, прогрессирующей болезнью Маркса, которая принимала иногда угрожающий характер, Энгельс брал на себя все большую и большую долю практических организационных дел по руководству рабочим движением.

Помимо немецких социал-демократов, французских социалистов, деятелей рабочего движения и сторонников социализма в Англии, Энгельс поддерживал более или менее регулярные связи с представителями социалистических партий и организаций многих других стран Европы и США.

Он сохранил хорошие отношения с социалистами Италии, Испании и Португалии, установившиеся еще в бытность его секретарем-корреспондентом Генерального Совета для этих стран. Энгельс продолжал переписку с Биньями и в 1877 г. возобновил сотрудничество в редактировавшейся им «Plebe». В числе его итальянских корреспондентов в эти годы был также О. Ньюки-Виани — один из организаторов социалистического движения в этой стране. Он по-прежнему был дружен с бывшими активными деятелями Интернационала в Испании, участниками борьбы против бакунизма Х. Меса и П. Иглесиасом. Летом 1875 г. Меса приезжал к нему в Лондон. Переписывался Энгельс и с португальскими социалистами, в частности с Э. Гнекко, редактором социалистического еженедельника «O Protesto», выходившего в Лиссабоне.

Через старого друга И. Ф. Беккера Энгельс не только регулярно получал из Швейцарии сведения о состоянии рабочего движения в этой стране, но и имел контакты с социалистами других стран.

Участник Парижской Коммуны Лео Франкель связывал Энгельса с рабочими и социалистическими организациями Венгрии. В начале 80-х годов Энгельс начал переписываться с молодым венским журналистом Карлом Каутским, от которого получал информацию о социалистическом и рабочем движении в Австрии.

На деятельность социалистических организаций в США Энгельс и Маркс оказывали известное воздействие путем переписки с Зорге. От него они получали американскую социалистическую прессу, он снабжал их сведениями о состоянии рабочих и социалистических организаций. Энгельс обменивался письмами и с некоторыми другими деятелями Интернационала, эмигрировавшими в США, в частности с Мак-Доннелом, который, будучи редактором нью-йоркского социалистического еженедельника «Labor Standard», в 1878 г. привлек Энгельса к сотрудничеству в этой газете.

В 1874—1875 гг. Энгельс переписывался с немецким социалистом-эмигрантом в Рио-де-Жанейро А. Вегманом, который сообщал ему о положении и борьбе бразильских рабочих.

Важным источником информации о социалистическом движении в различных странах служила Энгельсу пресса. В 70-х — начале 80-х годов в большинстве стран, где имелись пролетарские и социалистические организации, уже выходили рабочие газеты. Кроме Германии, такие газеты существовали во Франции, Швейцарии, Италии, Португалии, Венгрии, Австрии, Бельгии, США и других странах. Своими газетами располагали также русские и польские революционные эмигранты. Энгельс был знаком с этими органами печати, многие из них друзья высылали ему регулярно.

В эти годы Марксу, главным образом из-за болезней и напряженной работы над «Капиталом», становилось все труднее сотрудничать в рабочей прессе. Сложилось так, что и эта часть деятельности основоположников научного коммунизма легла в основном на плечи Энгельса. «Вследствие разделения труда, существовавшего между Марксом и мной,— писал Энгельс позднее,— на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе... для того, чтобы сберечь Марксу время для работы над его великим главным трудом»¹. Статьи Энгельса появлялись на страницах немецкой, французской, итальянской, английской, американской рабочей печати. Если в прежние годы — и даже еще во времена Интернационала — Марксу и Энгельсу приходилось не раз использовать для публичных выступлений прогрессивные органы буржуазной печати, то теперь нужда в этом отпала: в их распоряжении находились газеты, основными читателями которых были передовые рабочие и сочувствующие освободительной борьбе пролетариата интеллигенты.

Из статей Энгельса второй половины 70-х годов видно, как хорошо он был знаком с состоянием международного рабочего движения. Особенно показательна в этом отношении серия статей «Европейские рабочие в 1877 году», опубликованная в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 337.

марте 1878 г. в американской рабочей газете «Labor Standard». Энгельс дал здесь исключительно точный и глубокий анализ борьбы рабочего класса и революционного движения Германии, Франции, Италии, Испании, Швейцарии, Бельгии, Австрии, Венгрии, Дании, России. Только человек, связанный тесными узами со многими рабочими и социалистическими организациями, находящийся в курсе всех сколько-нибудь важных событий в рабочем движении, мог раскрыть перед читателем такую полную и всеобъемлющую картину борьбы европейского пролетариата.

Главный вывод, который Энгельс сделал из своего анализа, заключался в том, что немногие годы после прекращения деятельности Международного Товарищества Рабочих показали, какой глубокий след в рабочем движении оставил Интернационал и насколько правильными были решения Гаагского конгресса. Опыт этих лет доказал вред и несостоятельность анархистской доктрины отрицания политической борьбы. Анархистские организации почти полностью потеряли свой авторитет среди рабочих. В то же время начала претворяться в жизнь идея о необходимости создания пролетарских партий. «...Теперь бельгийские рабочие,— писал Энгельс,— как и рабочие Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Венгрии, Австрии и части Италии, организуются в политическую партию... ставящую целью добиться освобождения рабочих любыми политическими действиями, какие потребуются условиями момента»¹.

Энгельс отмечал также, что, несмотря на отсутствие формальной организации Интернационала, узы, связывающие борющийся пролетариат различных стран, стали еще более прочными и многосторонними. «Великая же пролетарская организация,— говорил он в одной из своих статей,— не только вполне осуществила свою задачу, но и сама продолжает жить, более могущественная, чем когда бы то ни было, в гораздо более мощном союзе единства и солидарности, в общности действия и политики,— общности, которая воодушевляет ныне рабочий класс всей Европы и представляет собой его собственное величайшее достижение»².

Во второй половине 70-х годов анархисты предприняли попытки восстановить Интернационал под своим руководством. Это встревожило Энгельса. Ему удалось добиться того, что в созванном ими в 1876 г. международном конгрессе не приняла участия ни одна рабочая организация, кроме анархистских групп. А следующий международный конгресс, состоявшийся в 1877 г. в Генте, большинством голосов отверг резолюции, предложенные анархистскими делегатами, и принял решение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 135.

² Там же, стр. 132.

о необходимости создания политических партий пролетариата и участия их в политической борьбе.

Тем не менее Энгельс и позднее, после международного конгресса, который состоялся в швейцарском городе Хуре в 1881 г. и в котором анархисты вообще не принимали участия, считал, что еще нет условий для воссоздания Интернационала. Когда И. Ф. Беккер в начале 1882 г. обратился к нему с таким предложением, Энгельс разъяснил ему, что это несвоевременно, пока марксизм не завоевал более прочных позиций. Кроме того, писал он, «Интернационал фактически продолжает *существовать*. Связь между революционными рабочими всех стран в той мере, в какой она может быть действительной, имеется налицо. Каждая социалистическая газета является международным центром; из Женевы, Цюриха, Лондона, Парижа, Брюсселя, Милана тянутся нити во всех направлениях, скрепляясь между собой...»¹.

В борьбе против исключительного закона

К концу 70-х годов в политике правящих кругов Германской империи наметился определенный сдвиг вправо. Интересы блока юнкеров-аграриев и крупных капиталистов, выражавшиеся правительством Бисмарка, требовали усиления борьбы за рынки. Орудием этого служили протекционистские тарифы, колониальные захваты и внешняя экспансия. Такая политика влекла за собой увеличение прямых и косвенных налогов, ухудшение жизненных условий трудящихся. Опиравшийся в предшествующий период в значительной мере на национал-либералов, Бисмарк взял курс в основном на крайне правые силы. С их помощью он надеялся укрепить милитаристско-полицейский режим в стране, запугать либеральную оппозицию, подавить рабочее и социалистическое движение.

Естественно, что главный удар был направлен против Социалистической рабочей партии, большие успехи которой вызывали серьезное беспокойство правящей верхушки. В 1877 г. партия насчитывала не менее 32 тыс. активных членов, она издавала свыше 40 печатных органов, имела немалое влияние в массах. На выборах в рейхстаг в январе этого года партия получила почти полмиллиона голосов и провела в рейхстаг 12 депутатов.

В качестве средства подавления социалистического рабочего движения правительство Бисмарка решило применить особые законодательные меры.

Поводом для введения драконовского закона послужили два покушения на императора Вильгельма I — 11 мая и 2 июня 1878 г. И хотя социал-демократическая партия не имела ника-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 226.

кого отношения к этим террористическим актам, вину за них реакционные круги возложили на нее. Спекулируя на страхе обывателя перед «красной опасностью», правительство распустило рейхстаг и провело новые выборы, которые принесли увеличение количества мандатов консервативных партий. Бисмарку удалось склонить национал-либералов к поддержке проводимых им полицейских мер. 19 октября 1878 г. рейхстаг 221 голо-сом против 149 принял сроком на 3 года «закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии», известный как «исключительный закон против социалистов». Впоследствии его несколько раз продлевали, и он действовал до сентября 1890 г.

Были запрещены социалистические и профсоюзные рабочие организации, органы печати, созыв собраний и проведение любых кампаний, связанных с социалистической пропагандой. Властям предоставлялось право вводить в отдельных городах и местностях «малое осадное положение», при котором собрания проводились только с разрешения полиции, запрещалось распространение печатных произведений в общественных местах, лица, считавшиеся политически неблагонадежными, могли высылаться вместе с семьями и т. д.

Для германской социал-демократии наступил период труднейших испытаний. От того, сумеет ли пролетарская партия в Германии проявить необходимую в сложившихся условиях стойкость и выдержку, смогут ли ее руководители избрать правильную тактическую линию, найти новые формы революционной работы, зависело, будет ли она и в дальнейшем выполнять роль авангарда немецкого пролетариата, сохранит ли международный авторитет, который завоевала в предыдущие годы.

Энгельс прекрасно понимал, перед какими трудностями оказались немецкие социал-демократы. Вместе с Марксом он прилагал все усилия, чтобы помочь руководителям партии в борьбе против злобствующей реакции. Из Лондона в Германию шли письма, которые содержали советы по конкретным вопросам, укрепляли боевой дух, мужество немецких социал-демократов. Энгельс считал своим долгом оказать товарищам в Германии и материальную помощь, поскольку многие из них остались без средств к существованию.

Ответом немецких рабочих на полицейские преследования была твердая решимость продолжать борьбу. «...Социалистическое движение,— писал Энгельс в марте 1879 г.,— невозможно уничтожить, зажимая рот социалистам. Наоборот, закон против социалистов... довершит революционное воспитание немецких рабочих...»¹. С исключительным самообладанием рядовые члены Социалистической рабочей партии создавали новые, нелегальные партийные организации вместо разогнанных властями, на-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 157.

лаживали подпольные связи и пропаганду, умело использовали сохранившиеся возможности для легальной деятельности. Спустя год после принятия закона Энгельс с большим удовлетворением отмечал достойную восхищения несокрушимость рабочих масс в Германии¹. Однако это произошло не сразу.

Руководство партии сначала не сумело занять правильную позицию и дать партийным массам нужную ориентацию в новых условиях. Еще в период обсуждения законопроекта в рейхстаге выполнявший функции правления партии Центральный избирательный комитет в Гамбурге, вопреки мнению Бебеля, объявил себя распущенным и призвал к самороспуску местные партийные организации. Этот курс на ликвидацию партии отражал настроения правооппортунистических элементов, отстаивавших тактику выжидания. Наличие этих элементов объяснялось тем, что многие вошедшие в объединенную партию ласальянцы сохранили чуждые пролетариату взгляды. Кроме того, к социал-демократии, как к партии крайней оппозиции правительству Бисмарка, примкнуло немало выходцев из непролетарских слоев населения, принесших с собой мелкобуржуазные идеи и стремления.

Не на высоте задач оказалась социал-демократическая фракция рейхстага. Она не имела определенной линии, членам фракции предоставлялась возможность по ряду вопросов занимать позицию по собственному усмотрению. Выступления некоторых социал-демократических депутатов в рейхстаге носили оппортунистический характер. Это вызывало возмущение Энгельса. Так, он резко осудил поддержку М. Кайзером введения покровительственных пошлин, считая, что такая позиция представителя социал-демократии порочит честь рабочей партии. В ряде писем к Бебелю Энгельс подробно объяснял, какую позицию социал-демократические депутаты должны занимать при обсуждении чисто буржуазных мероприятий. Основным принципом, подчеркивал он, должно быть: «не голосовать ни за какие мероприятия, усиливающие власть правительства над народом»². Энгельс решительно поддержал немецкого социал-демократа К. Гирша, осудившего в издаваемой им в Брюсселе газете «*Latetne*» оппортунистическую линию Кайзера, и терпеливо убеждал Бебеля, болезненно реагировавшего на эту критику, в правоте Гирша. «...Какое бы впечатление ни произвели на депутатов нападки Гирша на Кайзера,— писал он Бебелю 14 ноября 1879 г.,— эти нападки отражают впечатление, произведенное безответственными выступлениями Кайзера на немецких и не немецких социал-демократах за границей. Пора бы, наконец, понять, что мы должны поддерживать репутацию

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 341.

² Там же, стр. 336.

партии не только у себя дома, но и перед лицом Европы и Америки»¹.

Даже представители революционно-пролетарского крыла партии — Бебель, Либкнехт, Гейб и другие — проявляли примиренческое отношение к правооппортунистическим тенденциям. Либкнехт не только недооценивал опасность реформизма, но иногда и сам сбивался с революционного тона. Так, 17 марта 1879 г. он заявил в рейхстаге, что Социалистическая рабочая партия будет соблюдать исключительный закон против социалистов, так как она является партией реформ, и отрицал «насильственную» революцию как бессмыслицу.

Это выступление вызвало резкую критику Энгельса. «...Кротость, так некстати проявленная Либкнехтом в рейхстаге, произвела очень неблагоприятное впечатление как на романскую Европу, так и всюду среди немцев, — сообщил он 1 июля 1879 г. И. Ф. Беккеру. — Мы тогда же высказали это в письме»². И дальше: «Как бы ни кончилось нынешнее состояние, новое движение начинается на более или менее революционной основе и должно поэтому носить гораздо более решительный характер, чем истекший первый период движения. Фразы о достижении цели мирным путем или не нужны будут больше или же их перестанут принимать всерьез»³.

Серьезные критические замечания Энгельса вызвал и опубликованный в октябре 1879 г. «Отчет социал-демократических членов германского рейхстага». Он обратил внимание Бебеля на содержащиеся в отчете «уступки немецкому филистеру» — «расшаркивание перед «общественным мнением», которое в Германии всегда совпадает с мнением филистера из пивной», замазывание классового характера социал-демократического движения, «совершенно излишнее самоунижение партийных депутатов перед филистером»⁴.

Одновременно с усилением правооппортунистических элементов оживились и сектантско-анархистские тенденции. Носителем их стал И. Мост, бывший рабочий, а теперь профессиональный литератор. Высланный в конце 1878 г. вместе с другими социал-демократами из Берлина, Мост приехал в Лондон и взял на себя редактирование органа лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих газеты «Freiheit». Газета, начавшая выходить с января 1879 г., вскоре стала выразительницей ультралевых, полуанархистских взглядов. Она выступала против всяких форм легальной деятельности партии: участия в выборах, использования парламентской трибуны и т. п., призывала к организации открытых столкновений с властями и террору.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 331.

² Там же, стр. 298.

³ Там же, стр. 298—299.

⁴ См. там же, стр. 331, 332.

Энгельс требовал от руководства партии решительной борьбы и против «левых» шатаний. В своих письмах он разъяснял, что псевдореволюционная фразеология Моста не имеет ничего общего с подлинной пролетарской революционностью. ««Freiheit» из кожи лезет вон, чтобы стать самой революционной газетой в мире,— писал Энгельс,— но для этого недостаточно повторять в каждой строке слово «революция»»¹. Он решительно осуждал публичные выступления Моста против всей деятельности руководства Социалистической рабочей партии².

Большую роль в налаживании работы партии после введения исключительного закона Маркс и Энгельс отводили партийной печати. Поскольку издание партийных газет в Германии было запрещено, они посоветовали Либкнехту организовать издание нелегальной газеты за границей³. В определении политического направления новой газеты, в решении вопроса о составе ее редакции Маркс и Энгельс приняли самое непосредственное участие.

В течение июля—сентября 1879 г. они вели оживленную переписку с лидерами германской социал-демократии в связи с подготовкой издания в Цюрихе этой газеты, которая получила название «Sozialdemokrat». Маркс и Энгельс положительно отнеслись к намерению руководителей партии назначить редактором газеты Гирша. Однако во время переговоров выяснилось, что, помимо редакционной комиссии, которая будет находиться в Лейпциге, предполагается иметь наблюдательный, или административный, комитет в Цюрихе в составе К. Хёхберга, К. А. Шрамма и Э. Бернштейна. Это условие Маркс и Энгельс сочли неприемлемым. К. Хёхберга они знали по издававшемуся им в 1877—1878 гг. журналу «Zukunft» как социал-реформиста, буржуа, который, по выражению Маркса, «вкупается в партию и хочет переделать ее по своему образу и подобию»⁴. Бернштейн и Шрамм показали себя в предшествующие годы восторженными поклонниками Дюринга. Поэтому Энгельс в письме Бебелю от 4 августа 1879 г. от своего и Маркса имени решительно заявил, что они не будут иметь никакого дела с газетой, если она окажется под контролем «социал-филантропа» Хёхберга⁵. Одобрив отказ Гирша стать при таких условиях редактором газеты, Энгельс писал: «Когда мы обещали свое сотрудничество, мы имели в виду действительный партийный орган, и поэтому наше обещание имеет силу лишь в отношении такого органа, а не в отношении частной газеты г-на Хёхберга, которую выдают за партийный орган. В ней мы не будем сотрудничать ни в коем случае»⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 349.

² См. там же, стр. 324—325.

³ См. Либкнехт — Энгельсу, 30.X 1878. W. Liebknecht. Briefwechsel..., S. 258.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 54.

⁵ См. там же, стр. 302.

⁶ Там же.

События уже очень скоро подтвердили, что позиция Маркса и Энгельса была абсолютно правильной. В начале сентября 1879 г. в Цюрихе вышел первый номер журнала «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», который Хёхберг стал издавать вместо запрещенного «Zukunft». В номере была опубликована статья «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии».

Эта статья представляла собой по сути дела манифест правооппортунистических элементов. Хёхберг, Бернштейн и К. А. Шрамм обвиняли социал-демократию в том, что она была «односторонней рабочей партией», что своей защитой Парижской Коммуны она вызвала ненависть буржуа, что она сама навлекла на себя закон против социалистов «несоблюдением умеренности». В статье предлагалось отказаться от революционных методов и целей борьбы, вступить на путь законности, добиваться от правительства лишь отдельных реформ. Отказываясь от пролетарского характера партии, «цюрихская тройка» осуждала борьбу социал-демократов с буржуазией, заявляла о необходимости привлечения буржуазных элементов в партию, предоставления буржуазной интеллигенции — ввиду недостаточного уровня образования рабочих — руководящих партийных постов.

Цюрихский «манифест» вызвал глубокое возмущение Маркса и Энгельса. «Тут уж не может быть места благодушию»¹, — писал Энгельс. Со всей прямотой и резкостью изложил он свою позицию приехавшему в середине сентября в Лондон Хёхбергу. «...Я разъяснил ему, — сообщил Энгельс И. Ф. Беккеру, — что у нас даже и в мыслях не было того, чтобы можно было уронить пролетарское знамя, которое мы высоко держали почти 40 лет, а тем более того, чтобы поддерживать мелкобуржуазный дурман всеобщего братства, против которого мы ведем борьбу тоже почти 40 лет. Словом, он знает, наконец, каковы наши отношения к нему и почему нам не по пути с ему подобными...»².

Маркс и Энгельс сочли необходимым предъявить руководителям партии ультимативное требование о недопущении оппортунистов к контролю над ее центральным печатным органом. 17—18 сентября 1879 г. Энгельс написал официальное письмо, предназначенное для всех членов редакционной комиссии «Sozialdemokrat» в Лейпциге — Бебеля, Либкнехта, Фрицше, Гейзера и Газенклевера — и члена социал-демократической фракции Бракке. По возвращении Маркса в Лондон из Рамгета, где он отдыхал в течение почти месяца, Энгельс обсудил с ним текст письма, и оно было отправлено в Лейпциг за подписью их обоих.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 307.

² Там же, стр. 307—308.

Этот документ, вошедший в историю под названием «Циркулярное письмо», является одним из важнейших выступлений Маркса и Энгельса против правого оппортунизма. «Перед нами,— говорится в письме,— представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена»¹.

Маркс и Энгельс отчетливо показали классовые и идейные корни оппортунизма. «Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление,— писали они,— что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения»². Однако наряду с элементами просвещения представители непролетарских классов привносят в рабочее движение и непролетарскую идеологию. Авторы «Циркулярного письма» с огромной силой, ярко и убедительно обосновали необходимость проведения партией последовательной пролетарской линии, сформулировали свою революционную партийную позицию. «Что касается нас,— писали они,— то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения»³.

«Циркулярное письмо» оказало воздействие на руководителей германской социал-демократии. 23 октября 1879 г. Бебель писал Энгельсу: «Я прочел ее [статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии».— *Ред.*] и понимаю Ваше возмущение. Не говоря уже о принципиальных ошибках, это — правоучительное сочинение, хуже которого мне никогда не приходилось читать»⁴. «Статья в рихтеровском ежегоднике [в первом номере «*Jahrbuch*» Хёхберг фигурировал под псевдонимом Рихтер.— *Ред.*] меня ...возмутила,— писал Бракке, ознакомившись с «Циркулярным письмом».— *Это означает подрывать основы партии, угрожать ее существованию*»⁵. Руководи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 172.

² Там же, стр. 173.

³ Там же, стр. 175.

⁴ А. Бебель. Из моей жизни. М., 1963, стр. 636.

⁵ Karl Marx, Friedrich Engels. Briefwechsel mit Wilhelm Bracke (1869—1880). Berlin, 1963, S. 208.

тели партии отказались от плана привлечения Хёхберга и его друзей к изданию центрального органа партии.

28 сентября 1879 г. в Цюрихе вышел в свет первый пробный номер газеты «Sozialdemokrat». Главным редактором был назначен Г. Фольмар. В редакционный комитет вошли Бебель, Либкнехт и Фрицше.

Выбор главного редактора «Sozialdemokrat» не был удачным. Хотя Фольмар в письме Энгельсу от 23 октября 1879 г. и обещал вести газету в духе «Циркулярного письма», он, однако, не смог обеспечить последовательной революционной линии партийного органа, часто допускал оппортунистические срывы, не давал должного отпора правым настроениям.

Такая линия вызывала серьезные критические замечания со стороны Маркса и Энгельса. Энгельс реагировал на ошибки и промахи редакции, настойчиво убеждал Бебеля в необходимости выправить ее линию, лишить правых оппортунистов возможности выражать в центральном органе партии свои взгляды.

Под влиянием критики Маркса и Энгельса, под воздействием партийных масс руководители партии постепенно находили правильную тактику в условиях исключительного закона. «Немецкое движение,— писал в связи с этим Энгельс,— имеет ту особенность, что все ошибки руководства всегда исправляются массами»¹. Были приняты необходимые меры для создания нелегальной партийной организации, для налаживания подпольной работы. Большую роль в этом сыграло распространение газеты «Sozialdemokrat», в котором участвовала большая группа партийных активистов. Регулярная нелегальная доставка газеты в Германию, несмотря на все полицейские рогатки, являлась свидетельством того, что партия существует и действует наперекор воле «железного канцлера».

Важным этапом в деятельности Социалистической рабочей партии в нелегальных условиях явился партийный съезд, состоявшийся 20—23 августа 1880 г. в замке Виден в Швейцарии. Съезд свидетельствовал о преодолении колебаний в руководящих кругах партии. Он прошел под знаком борьбы против отклонений от революционного курса. Лидеры анархистствующих элементов Мост и Гассельман были исключены из партии. В противовес правым оппортунистам в программу, принятую на Готском съезде, была внесена поправка: в том пункте, где говорилось, что партия добивается своих целей «всеми законными средствами», слово «законными» было вычеркнуто. Тем самым съезд ориентировал партию на сочетание легальных и нелегальных форм борьбы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 351.

Взаимопонимание между «стариками» в Лондоне и руководством германской социал-демократии, достигнутое в значительной степени благодаря усилиям Энгельса, было закреплено состоявшимся в декабре 1880 г. личным знакомством Маркса и Энгельса с Августом Бебелем.

Прекрасно знакомые с революционной деятельностью Бебеля, начиная с середины 60-х годов, Маркс и Энгельс питали глубокое уважение к этому выдающемуся деятелю немецкого рабочего движения. Энгельс считал его одним из лучших, если не лучшим оратором в Германии¹. В период действия исключительного закона ярко проявился организаторский талант Бебеля, его боевые качества, умение не только руководить массами, но и учиться у масс. Опираясь на передовых членов партии, он вел огромную работу по воссозданию партийных организаций. Созданный Бебелем еще в ноябре 1878 г. Центральный комитет помощи постепенно превратился в негласный организационный центр партии, направляющий всю ее нелегальную деятельность.

9 декабря 1880 г. Бебель приехал в Лондон, чтобы обсудить с Марксом и Энгельсом вопрос о замене Фольмара на посту главного редактора «Sozialdemokrat». Вместе с ним приехал Бернштейн, который под воздействием критики со стороны Маркса и Энгельса в тот период отошел от реформистских взглядов. В Лондоне находился и Гирш. Вскоре туда должен был приехать также еще один видный деятель Социалистической рабочей партии — Пауль Зингер. Создавалась благоприятная обстановка для решения важных партийных дел.

«Прибыв в Лондон, — вспоминал впоследствии Бебель, — мы прежде всего отправились к Энгельсу... Он принял нас чрезвычайно любезно, обратился ко мне сразу на «ты», так же как и Маркс, которого мы посетили после обеда. Энгельс... предложил мне поселиться у него. Дни нашего совместного пребывания были, разумеется, использованы для основательного обмена мнениями по всем вопросам»².

В течение недели, которую немецкие гости провели в Лондоне, Энгельс охотно исполнял обязанности гида, показывал им достопримечательности Лондона. Хотя ему исполнилось уже 60 лет, он поражал своей душевной молодостью, жизнерадостностью. Как всегда, был обаятелен и неизменно приветлив. Эта поездка оставила у Бебеля чувство большого удовлетворения.

Редактором «Sozialdemokrat» вместо Фольмара был назначен Бернштейн. Уже 2 февраля 1881 г. Энгельс в письме Бернштейну отмечал, что «5 номеров «Sozialdemokrat», вышедших после Нового года, свидетельствуют о значительном прогрессе... Тон стал непринужденным и уверенным, и если так пойдет

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 291.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 218.

дальше, то газета будет не усыплять массы в Германии, а пробуждать в них бодрость»¹.

С этого времени Энгельс получил возможность оказывать значительное воздействие на «Sozialdemokrat» — на его направление, на характер публикуемых в нем материалов. В целом он одобрял теперь линию газеты. Бернштейн, с которым Энгельс начал регулярную переписку, внимательно прислушивался к его мнению, следовал его советам, исправлял подмеченные им ошибки.

В письмах Бернштейну Энгельс подвергал детальному разбору отдельные номера газеты, одни статьи хвалил, другие — дружески критиковал. Многие его мысли находили в той или иной форме отражение на страницах газеты — в передовых или редакционных статьях. Энгельс снабжал Бернштейна материалами о рабочем движении в других странах, о международных событиях. Под непосредственным влиянием Энгельса «Sozialdemokrat» постепенно превратился в боевую революционную газету.

Но и после смены редактора Энгельс не сразу начал сотрудничать в «Sozialdemokrat». Некоторые выступления лидеров партии настораживали Маркса и Энгельса; они хотели увидеть, что их критика возымела действие, не связывая до этого свое имя с центральным органом партии. Окончательно убедившись, что революционная линия возобладала, Энгельс начал непосредственно сотрудничать в газете. Это было в декабре 1881 г. С тех пор в течение всего периода существования газеты он был ее постоянным сотрудником, внимательным читателем, строгим, но дружелюбным критиком.

Энгельс и образование французской Рабочей партии

Подавление Парижской Коммуны и последовавший затем разгром французских секций Интернационала нанесли серьезный удар рабочему движению во Франции. На какое-то время способность пролетариата к борьбе была парализована. В первые годы после Коммуны Маркс и Энгельс почти не имели непосредственных связей с деятелями рабочего движения внутри страны.

В то же время процессы, происходившие в рабочем и революционном движении Франции, оставались объектом самого пристального внимания Энгельса. В июне 1874 г., в одной из статей в «Volksstaat», составивших серию «Эмигрантская литература», он разобрал программу, опубликованную в Лондоне группой бланкистов-эмигрантов Коммуны, бывших членов Генерального Совета, среди которых ведущая роль принадлежала Эдуару Вайяну. Вопросы, затронутые в этом документе, имели самое актуальное значение для политической деятельности ра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 125.

бочего класса любой страны. Поэтому Энгельс считал необходимым подвергнуть критическому анализу взгляды бланкистов. Мысли, высказанные им в связи с критикой программы бланкистов, имели большое значение не только для судеб социализма во Франции, но и для выработки программ складывавшихся в то время в Европе пролетарских партий. Он осудил волюнтаристский тезис бланкистов о том, что революцию осуществляют незначительное меньшинство по заранее выработанному им же плану, и что революция может начаться «в любой момент»¹. Энгельс доказал несостоятельность и другого бланкистского тезиса — о том, что в революционной борьбе недопустимы никакие компромиссы и не нужны никакие «промежуточные станции», поскольку они лишь «отдаляют день победы». Бланкисты «воображают,— писал Энгельс,— что раз *они* хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если,— в чем они твердо уверены,— на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен»... Что за детская наивность — выставять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!»²

Бланкистским воззрениям Энгельс противопоставил научно обоснованные взгляды коммунистов, которые «через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет места частной собственности на землю и на все средства производства»³.

Энгельс обратил внимание и на новую тенденцию во французском рабочем движении, вылившуюся в связи с выступлением бланкистов. Бланкисты, которые до Парижской Коммуны фактически не выдвигали никаких практических предложений по социальному переустройству общества, теперь объявили себя сторонниками социалистической программы, в существенных пунктах совпадавшей с программой «Манифеста Коммунистической партии»⁴. Этот факт Энгельс рассматривал как доказательство того, что и рабочие-бланкисты начали присоединяться к научному коммунизму⁵. Подмеченная Энгельсом тенденция нашла обобщенное выражение в его известном выводе о том, что «Коммуна была могилой *старого*, специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма»⁶.

Боевые революционные традиции французского пролетариата Энгельс ставил в пример всему международному рабо-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 511—512.

² Там же, стр. 515—516.

³ Там же, стр. 515.

⁴ См. там же, стр. 514—515.

⁵ См. там же, стр. 517.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 196.

чему движению. В уже упоминавшейся статье «Европейские рабочие в 1877 году» он дал яркую характеристику истории освободительной борьбы французских рабочих и их огромных революционных возможностей.

С гордостью писал Энгельс о том, что уже через несколько лет после Коммуны, в 1877 г., в период острого политического кризиса, вызванного попыткой реакционеров восстановить монархию, французский пролетариат провозгласил поддержку республики своей главной и непосредственной задачей и сыграл важную роль в том, что заговор потерпел крах. Эта позиция свидетельствовала о «высокой инстинктивной политической сознательности французского рабочего класса»¹.

Энгельс считал очень важным для пролетариата сохранение республиканского строя во Франции. «...Как бы ни было презренно нынешнее республиканское правительство Франции,— писал он,— все же окончательное установление республики дало, наконец, французским рабочим почву, на которой они могут организовать себя как самостоятельная политическая партия и вести будущие сражения не на пользу других, а на свою собственную пользу»².

70-е годы во Франции были отмечены быстрым подъемом крупной промышленности и ускорившимся в связи с этим вытеснением мелкого производства. Росла численность фабричного пролетариата, который пополнялся за счет вчерашних ремесленников и крестьян. Разнородность состава промышленного рабочего класса этих лет определяла и уровень его теоретического развития — господство пережитков домарковского социализма, в первую очередь прудонизма. Значительным влиянием пользовались также мелкобуржуазные взгляды кооперативистов и анархистов; сохранялось влияние бланкистов. Стремление рабочего класса к объединению в обстановке середины 70-х годов во Франции проявлялось главным образом в создании профессиональных и кооперативных организаций, ограничивавшихся вопросами чисто экономического характера и отрицавших насильственные средства борьбы, включая стачки.

Однако в эти же годы возобновилась и социалистическая пропаганда, связанная в первую очередь с именем Жюль Гедда. С ноября 1877 г. группа социалистов, объединившихся вокруг Гедда и уже хорошо знакомых с I томом «Капитала», стала издавать в Париже газету «Égalité», которая быстро превратилась в центр пропаганды марксизма. Члены редакции обращались к Марксу и Энгельсу с предложениями о сотрудничестве. Они просили помочь им в борьбе за создание революционной социалистической партии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 140.

² Там же, стр. 142.

Уже к концу 70-х годов начали сказываться результаты социалистической пропаганды. В промышленных центрах страны появились первые группы революционных социалистов.

Летом 1879 г. Энгельс сообщал германским социал-демократам, что он и Маркс установили связь непосредственно с Парижем, что «вообще завязанные во времена Интернационала нити никоим образом не порваны»¹.

Большую роль в этом сыграл Лафарг. Пребывание в Лондоне, где он ежедневно общался с Марксом и Энгельсом, а также непосредственное участие вместе с ними и под их руководством в идейной борьбе в Интернационале имели решающее значение для формирования теоретических и политических взглядов Лафарга. Он вырос в крупнейшего деятеля социалистического движения, яркого и талантливого пропагандиста марксизма. Через него осуществлялась связь между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и социалистами во Франции, в первую очередь Жюлем Гедом, с другой. В письмах к Геду Лафарг касался многих проблем международного и французского рабочего движения: о необходимости сочетания борьбы за конечные цели рабочего класса с борьбой за повседневные требования пролетариата, о работе социалистов в профсоюзах и кооперативах и т. д. По ряду вопросов Лафарг излагал не только свою точку зрения, но и мнение Маркса и Энгельса. «Маркс, так же как и я,— вспоминал позднее Энгельс,— время от времени давал тот или иной совет Геду через Лафарга...»².

Благодаря связям с Гедом и другими членами редакции «Égalité» Маркс и Энгельс получили возможность оказывать практическую помощь французским социалистам в пропаганде идей научного коммунизма и, что особенно важно, в подготовке теоретического фундамента молодой Рабочей партии.

В октябре 1879 г. очередной съезд представителей рабочих организаций в Марселе объявил себя Социалистическим рабочим съездом. Большинство делегатов проголосовало за резолюцию, которая провозгласила необходимость коллективного владения всеми орудиями труда и средствами производства. Съезд принял решение о создании самостоятельной рабочей партии и поручил Геду подготовить проект программы, которая являлась бы также избирательной платформой на следующих выборах в палату депутатов.

Но теоретические воззрения членов молодой Рабочей партии были еще весьма незрелыми. У них еще не было ясности по таким важнейшим вопросам теории, как проблемы революции, государства, роли партии и др. По замечанию Энгельса, среди рабочих еще господствовал «неопределенный социализм»,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 298.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 189.

«который с течением времени постепенно дистиллировался из идей Прудона, Луи Блана, Пьера Леру и т. д.»¹. В значительной степени это объяснялось, подчеркивал Энгельс, отсутствием во Франции подлинно научной социалистической литературы. Французское издание «Капитала», по его словам, оставалось пока еще «книгой за семью печатями»². Первоочередной задачей являлось ознакомление социалистов с основными положениями марксизма.

В решении этой задачи Энгельс оказал огромную помощь. Весной 1880 г. по просьбе П. Лафарга Энгельс переработал три главы «Анти-Дюринга» (I главу «Введения» и I, II главы третьего отдела) в отдельную работу, которая была опубликована в парижском журнале «Revue Socialiste» в марте — мае того же года под названием «Утопический социализм и научный социализм». Текст «Анти-Дюринга» в целом был оставлен без изменений; только в главы третьего отдела Энгельс внес различные дополнения и кое-какие изменения, «чтобы, — как писал Лафарг, — сделать более понятным для французского читателя диалектическое движение экономических сил капиталистического производства»³.

В том же году работа Энгельса была издана во Франции отдельной брошюрой; в последующих изданиях она получила название «Развитие социализма от утопии к науке». По просьбе Энгельса введение к брошюре написал Маркс. Он отметил в нем важнейшие даты биографии Энгельса, которого характеризовал, как одного «из самых выдающихся представителей современного социализма»⁴. Брошюра Энгельса была переведена потом на многие европейские языки и сыграла важную роль в распространении идей марксизма. Как неоднократно писал Лафарг, она оказала мощное воздействие на теоретическое развитие французского социалистического движения⁵.

Высоко ценивший усилия газеты «Égalité», Энгельс помогал ей расширять и укреплять интернациональные связи. Благодаря помощи Маркса, Энгельса и Лафарга к сотрудничеству в ней были привлечены Бебель, Либкнехт, Меса, Де Пап и другие видные европейские социалисты. Лафарг, вернувшись в апреле 1882 г. во Францию, стал одним из ее редакторов.

В марте 1880 г. в «Égalité» были напечатаны две статьи Энгельса под общим названием «Социализм г-на Бисмарка», направленные против социальной демагогии бонапартистского толка. На конкретном материале была показана общность бис-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 319.

² См. там же.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 241.

⁴ Там же.

⁵ См. Friedrich Engels, Paul et Laura Lafargue. Correspondance, t. I. Paris, 1956, p. 299; t. III. Paris, 1959, p. 364 (далее—Correspondance).

марковского и бонапартовского режимов. Энгельс доказывал несостоятельность иллюзий той части социалистов, которая разделяла идеи государственного социализма и верила в возможность осуществления капиталистическим государством социалистических реформ.

В начале мая 1880 г. в Лондон приехал Гед, чтобы с помощью Маркса и Энгельса подготовить проект программы партии. Здесь он впервые встретился с ними и Лафаргом. Встреча состоялась в доме Энгельса, и там же Маркс продиктовал Геду вводную теоретическую часть программы. В ней была четко определена историческая роль рабочего класса и задачи его политической организации.

«Это был мастерский образец убедительной аргументации,— рассказывал позже Энгельс,— немногословной и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой сжатой формулировке поразила меня самого. Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили...»¹. Теоретическое введение, продиктованное Марксом, Энгельс характеризовал как коммунистическое обоснование задач, стоявших перед Рабочей партией².

Программа была принята большинством делегатов на съезде партии в Гавре в октябре 1880 г. Таким образом был решен вопрос, на каком теоретическом фундаменте будет строиться молодая партия французского пролетариата. Но еще до гаврского съезда против программы выступили некоторые круги социалистов, пытавшиеся соединить отдельные положения научного коммунизма с идеями домарковского социализма. Особенно остро борьба против программы развернулась после съезда. Реформистское крыло партии, представленное в ее руководстве Б. Маломом и П. Бруссом, противопоставило научному социализму «интегральный социализм» — эклектическую смесь из взглядов Прудона, Лассаля, «истинных социалистов», неокантианцев и пр. В 1881 г. Брусс опубликовал платформу, вокруг которой объединились все реформистские элементы. В противовес марксистской задаче революционного преобразования общества здесь был выдвинут тезис о возможности «преобразования формы собственности» в буржуазном государстве. Это мыслилось путем осуществления так называемого муниципального социализма — через передачу местным самоуправлениям различных хозяйственных отраслей. Свою политику реформисты определили, как «политику возможностей» («politique des possibilités»), то есть выдвижения только тех требований, которые могут быть проведены в данных условиях. Сторонники этой политики получили название POSSИБИЛИСТОВ.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 189.

² См. там же, стр. 311.

Энгельс сразу указал на принципиальный характер разногласий между левым и правым крылом Рабочей партии. «Расхождение,— писал он,— чисто принципиальное: должна ли борьба вестись как *классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допускается вполне оппортунистически (или как это называется в переводе на социалистический язык: *поссибилистски*) отказываться от классового характера движения и от программы...»¹. Он обратил внимание на стремление поссибилистов широко раскрыть двери партии мелкобуржуазным элементам, что неизбежно привело бы к изменению характера пролетарской партии².

Маркс и Энгельс открыто стали на сторону революционного крыла Рабочей партии. «...Все наши симпатии,— писал Энгельс,— конечно, на стороне Геда и его друзей»³.

В сентябре 1882 г. на съезде Рабочей партии в Сент-Этьенне произошел раскол. Образовались две партии — революционная (гедисты), сохранившая прежнее название, и оппортунистическая (поссибилисты). В противовес гедистам, заявившим о своей верности принятой в 1880 г. марксистской программе, поссибилисты не только отказались от этой программы, но и провозгласили полную автономию местных организаций в программных вопросах.

Энгельс взял на себя защиту гедистов перед международным социалистическим движением. Это диктовалось тем, что некоторые руководители европейских социалистов, в первую очередь ведущей партии международного движения — германской социал-демократии, сначала не поняли принципиального характера борьбы во французской Рабочей партии и причин происшедшего в ней раскола. К тому же редакция «*Sozialdemokrat*» открыто стала на сторону поссибилистов.

В письмах Энгельса к Бебелю, Бернштейну и др. содержались глубокая критика оппортунизма поссибилистов и объяснение истинных причин борьбы, происшедшей во французской партии. Он добивался того, чтобы товарищи в Германии поняли развитие французского движения так, как оно происходит в действительности.

Энгельс выявил социальную и политическую общность поссибилизма с реформистскими течениями в рабочем и социалистическом движении других стран. Он указал на то, что реформизм поссибилистов по своей сути идентичен реформизму тредюнионистов в Англии и правых оппортунистов в германской социал-демократии, ибо и те и другие фактически добиваются лишь улучшения капитализма путем таких реформ, которые не затрагивали бы самих основ существующего строя.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 319.

² См. там же, стр. 195, 279.

³ Там же, стр. 210.

Немало усилий пришлось приложить, чтобы выправить линию «Sozialdemokrat» в отношении французских социалистов. В конце концов Энгельс добился изменения позиции газеты и поддержки ею гедистов.

Анализ социальных корней правого оппортунизма в Германии и Франции привел Энгельса к выводу о закономерности возникновения в рабочем движении двух противоположных направлений — революционного и реформистского — и борьбы между ними. «Развитие пролетариата, — писал он Бебелю в октябре 1882 г., — повсюду сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где теперь впервые создается рабочая партия, не является исключением»¹.

Поддерживая революционное крыло французских социалистов, Энгельс в то же время считал необходимым подвергать строгой критике сектантские ошибки, которые допускали гедисты. Так, он указывал Геду и Лафаргу на ошибочность отрицания ими возможности осуществления каких бы то ни было реформ в буржуазном обществе; он считал также совершенно неправильными выступления Геда против мелкобуржуазных республиканцев — радикалов, которые в начале 80-х годов добивались демократизации французской республики. Эта позиция Геда, объяснял Энгельс, есть результат непонимания им закономерности исторического развития, непонимания того, что рабочему классу Франции на пути к социализму придется, вероятнее всего, пройти через этап демократической республики.

Однако в целом Энгельс высоко отзывался о деятельности Геда, говорил, что он далеко превосходит в теоретическом отношении других французских социалистов, обладает ясностью мысли, один из лучших ораторов в Париже, прямой и надежный человек².

Большое одобрение Энгельса вызвали постановления съезда партии гедистов, созванного осенью 1882 г. Съезд подтвердил Гаврскую программу и принял специальное решение, которое провозглашало главной целью партии завоевание политической власти рабочим классом. Таким образом французская Рабочая партия еще раз заявила о своей приверженности идеям марксизма.

Первые шаги социалистического движения в Англии

В 1873 г. прекратила свою деятельность Британская федерация. Руководство пролетарским движением целиком перешло к тред-юнионистской верхушке, представлявшей самую привилегированную часть рабочего класса. Господствующим в британском рабочем движении стало реформистское направление; само движение с середины 70-х годов преследовало сугубо экономические цели.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 319—320.

² См. там же, стр. 188, 189.

Энгельс глубоко исследовал причины развития реформизма в рабочем движении Англии. В 1874 г. в статье, напечатанной в газете «Volksstaat», объясняя немецким рабочим, почему в Англии до сих пор нет самостоятельной политической рабочей партии, он писал: «Да это и понятно в такой стране, где рабочий класс больше, чем где бы то ни было, получал свою долю выгоды от огромного роста крупной промышленности, а при господстве Англии на мировом рынке иначе и не могло быть...»¹. В декабре 1876 г. он писал И. Ф. Беккеру, что об английском рабочем движении «можно сказать только то, что оно погрязло в самом мелочном тред-юнионистском хламе, а так называемые вожди... бегают за либеральной буржуазией»².

Когда в сентябре 1882 г. Каутский обратился к Энгельсу с вопросом, что думают английские рабочие о колониальной политике, то ответ гласил: «То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»³. Несколько позднее, в предисловии к английскому изданию «Положения рабочего класса в Англии», Энгельс отметил, что воззрения тред-юнионистов покоятся на убеждении, что существующая система наемного труда — это «раз навсегда установленный вечный порядок, который они могут в лучшем случае лишь немного смягчить в интересах своих членов»⁴. Взгляды рабочей аристократии, по определению Энгельса, отражали «буржуазную ступень мышления»⁵.

Но в то же время Энгельс не раз подчеркивал, что считает победу реформизма в английском рабочем движении явлением временным, так как с ослаблением монополии Англии на мировом рынке неизбежно исчезнет привилегированное положение британских рабочих; следствием этого будет новый подъем пролетарского движения, и тогда «социализм снова появится в Англии»⁶.

И в годы застоя английского рабочего движения Энгельс не терял контакта с отдельными рабочими. Он систематически переписывался с бывшим чартистом Томасом Олсопом, который поддерживал также дружеские отношения с семьей Маркса. Они обсуждали различные вопросы внутренней и внешней политики Англии, состояние рабочего и демократического движения и др. Через Олсопа Энгельс познакомился с некоторыми членами лондонских радикальных республиканских клубов,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 477.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 183.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 297.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 284—285.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 415.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 205.

в составе которых было немало рабочих. Дружеские отношения связывали его с Адамом Вейлером, секретарем тред-юниона краснодеревщиков и членом Лондонского Совета тред-юнионов. Вейлер, бывший член Британского федерального совета Интернационала, сохранил до конца своей жизни верность революционным идеалам, чему немало способствовала дружба его с Энгельсом. От него Энгельс получал информацию о состоянии дел в тред-юнионистском движении и в свою очередь помогал Вейлеру вести пропаганду 8-часового рабочего дня. В конце своей жизни Вейлер ослеп; от голодной смерти его спасла помощь друзей, и в первую очередь Энгельса.

С мая 1881 г. Энгельс, по просьбе Вейлера, стал сотрудничать в только что созданной в Лондоне газете «Labour Standard». Редактором ее был молодой член Лондонского Совета тред-юнионов Дж. Шиптон. Дав согласие на сотрудничество в тред-юнионистской газете, Энгельс отнюдь не закрывал глаза на трудности, которые его ожидали. О намерениях, побудивших его согласиться на предложение редакции, Энгельс рассказывал позднее И. Ф. Беккеру: «...Я пытался через «Labour Standard»... распространять, — беря за исходную точку старое чартистское движение — наши идеи, дабы посмотреть, не найдет ли это отклика»¹. В письмах к другим своим корреспондентам Энгельс также объяснял, что он рассчитывал оказать определенное воздействие на линию «Labour Standard», надеясь, что таким образом удастся создать какую-либо позицию для социалистической пропаганды в рабочем движении.

В течение трех месяцев, с начала мая и до начала августа 1881 г., в газете почти еженедельно печатались передовые статьи, написанные Энгельсом. Всего было опубликовано 12 статей.

Энгельс начал с популярного изложения основ марксистской политической экономии, добываясь того, чтобы читатели-рабочие поняли механизм капиталистической эксплуатации. Он проанализировал основное тред-юнионистское требование: «справедливая заработная плата за справедливый рабочий день» и доказал, что ни о какой подлинной справедливости при господстве буржуазии не может быть и речи, что в этих условиях «справедливость оказывается целиком на одной стороне — на стороне капитала». Чтобы добиться освобождения от гнета, рабочие должны выступать под другим лозунгом: *средства труда — сырье, фабрики, машины — во владение самих рабочих!*²

Вслед за тем Энгельс теоретически обосновал значение организованной экономической борьбы рабочего класса и на конкретном примере деятельности английских тред-юнионов раскрыл роль профессиональных союзов как организаторов рабо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 226.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 258.

чего класса¹, показал их значение для борьбы за улучшение жизненных условий пролетариата. Однако деятельность, которую ведут тред-юнионы, разъяснял Энгельс, не может избавить рабочего от капиталистического рабства. Движение пролетариата должно быть направлено к уничтожению самого капиталистического строя². Он указал также на порочность тактики лидеров тред-юнионов, которые защиту политических интересов рабочих оставляют «почти полностью в руках тори, вигов и радикалов, людей господствующего класса». В результате рабочий класс Англии уже почти четверть века плетется «в хвосте «великой либеральной партии»»³.

Энгельс показал историческую закономерность возникновения классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом и подвел читателя к пониманию того, что «во всякой борьбе класса против класса ближайшей целью борьбы является политическая власть»⁴. Отсюда следовал вывод о значении самостоятельной пролетарской партии для успешной политической борьбы рабочих против буржуазии. Этому вопросу была посвящена специальная статья «Партия рабочих». «...В Англии,— писал Энгельс,— подлинно демократическая партия возможна только как рабочая партия... никакая демократическая партия ни в Англии, ни где бы то ни было не достигнет действительных успехов, если она не будет иметь ясно выраженного пролетарского характера»⁵.

Среди многих проблем, поднятых в статьях в «Labour Standard», Энгельс коснулся также вопроса о возможности прихода рабочих в Англии к власти мирным путем. В Англии, писал он, «демократия означает власть рабочего класса, не более и не менее. Пусть же этот рабочий класс готовится к выполнению предстоящей ему задачи... Лучший способ для этого — воспользоваться той силой, которая уже находится в его руках, тем фактическим большинством, которым он обладает в каждом большом городе королевства, для посылки в парламент людей из своих собственных рядов»⁶.

Здесь Энгельс в самой общей форме изложил вывод, к которому он и Маркс пришли еще во времена чартизма. В основе этого заключения лежал глубокий анализ специфики социально-политического развития Англии, ее государственного устройства и соотношения классов. Численное преобладание промышленного и сельскохозяйственного пролетариата над другими классами общества, слабость военно-бюрократической машины, демократические традиции — все это позволяло Марксу и Эн-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 265.

² См. там же.

³ Там же, стр. 286.

⁴ Там же, стр. 266.

⁵ Там же, стр. 288.

⁶ Там же, стр. 287.

гельсу предполагать, что у британского пролетариата имеется реальная возможность избежать революционного насилия. Но ни Маркс, ни Энгельс никогда не отрицали возможности того, что за приходом рабочих к власти мирным путем может последовать гражданская война, ибо буржуазия будет несомненно сопротивляться экспроприации. Эту мысль Энгельс счел необходимым подчеркнуть несколько позднее, в предисловии к вышедшему в 1887 г. английскому изданию I тома «Капитала». Изучение экономической истории и положения Англии, писал он, привело Маркса к выводу, что в Европе «Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»¹.

В начале августа 1881 г. Энгельс прекратил сотрудничество в «Labour Standard». Редактору он объяснил это тем, что газета продолжает быть «тем же средством распространения самых различных и противоречивых взглядов по всем политическим и социальным вопросам», что степень воздействия статей на читателей очень мала, так как имеется всего «один столбец в неделю, утопающий, так сказать, среди других самых разнообразных мнений, представленных в «Labour Standard»². 11 августа Энгельс писал Марксу: «...Мои статьи не оказывают абсолютно никакого влияния на остальные материалы газеты и на публику... Газета по-прежнему остается мешаниной всевозможных и невозможных фантазий... Отклик, который, казалось бы, появился в одном или двух номерах, снова заглох»³.

Однако Энгельс был не совсем прав, полагая, что его статьи не оказали никакого воздействия на читателей газеты. Вейлер и другие бывшие члены Британской федерации Интернационала обратили на них внимание молодых рабочих. Джемс Макдональд, позднее один из активных представителей марксистского крыла английских социалистов, вспоминал, что решающим фактором в его повороте к научному социализму были статьи Энгельса в «Labour Standard»⁴.

В начале 80-х годов в промышленных городах, в первую очередь в Лондоне, возрос приток рабочих в различного рода клубы и союзы, которые приобретали определенно политический, отчасти и социалистический характер. Маркс и Энгельс уже в 1882 г. отметили этот факт⁵. Во многих лондонских

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 34.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 172, 173.

³ Там же, стр. 14.

⁴ «How I became a Socialist». Ld., [1896], p. 61—62.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 214.

радикальных клубах, а также вновь возникавших демократических организациях, появился интерес к социалистическим теориям.

Осенью 1880 г. к Марксу и Энгельсу обратился молодой рабочий — переплетчик Роберт Баннер, сын шотландского чартиста. От имени группы рабочих он просил их помочь в подготовке учредительной конференции Шотландской социалистической партии и налаживании социалистической агитации. Баннер особенно просил ускорить перевод на английский язык работ Маркса и Энгельса. Их надо дать английским читателям, писал он Энгельсу в декабре 1880 г., так как социалистическая литература является необходимым рычагом для развития демократии¹.

В кругах демократической интеллигенции стал проявляться бесспорный интерес к «Капиталу». 1 декабря 1881 г. в журнале «Modern Thought» была напечатана большая статья о «Капитале» молодого английского журналиста Белфорта Бакса, о которой Маркс отозвался с большим одобрением². К Марксу и Энгельсу продолжали обращаться с просьбами о переводе их трудов на английский язык. Об этом не раз писал Энгельсу его друг Гарни, известный в прошлом лидер революционных чартистов.

В июне 1881 г. в Лондоне была создана полубуржуазная, полупролетарская по своему составу организация — Демократическая федерация, заявившая о своем согласии с экономическим учением Маркса, изложенным в «Капитале». Ее возглавил буржуазный радикал, журналист Генри Гайндман, который был знаком с Марксом, довольно часто посещал его и переписывался с ним.

Составленная Гайндманом программа Демократической федерации включала только буржуазно-демократические политические требования, но в комментарий к ней (брошюру «Англия для всех», написанную Гайндманом) были включены дословно или почти дословно большие выдержки из «Капитала» без указания имени автора. При этом Гайндман интерпретировал некоторые положения Маркса в явно буржуазно-демократическом духе. В брошюре имелись и откровенно шовинистические мысли, в частности о преимуществе англосаксонской расы.

Такой метод преподнесения читателям идей «Капитала» вызвал резкий протест со стороны Маркса. Он написал Гайндману, что положения, заимствованные из «Капитала», «вовсе неуместны в комментариях к программе, с ясно провозглашенными целями которой они не имеют ничего общего». Маркс подчеркивал, что это имело бы какой-то смысл только лишь «в изложе-

¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4222.

² См. *Р. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 35, стр. 203, 214.

нии программы самостоятельной и независимой партии рабочего класса»¹.

Все это вместе взятое привело к разрыву Маркса с Гайндманом. Такую же позицию по отношению к последнему занял и Энгельс.

Но несмотря на сугубо критическое отношение лично к Гайндману и к руководимой им Демократической федерации, Маркс и Энгельс признавали объективную пользу пропаганды ее членами идей «Капитала». Рост социалистических настроений среди известной части демократической интеллигенции и в рабочей среде быстро сказался на составе Демократической федерации. Уже к началу 1883 г. многие буржуазные демократы вышли из организации; ее ряды пополнились рабочими.

Изучение социально-экономического развития пореформенной России

В 70-х годах все большее внимание Энгельса привлекала Россия. Если не считать Германии, писал он в 1875 г., «то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия»². Это было обусловлено в первую очередь крупными социально-экономическими переменами и назреванием в этой стране революционного кризиса. Объективно роль России в мировом революционном процессе значительно возросла. Именно тогда среди ее революционной интеллигенции и в первых рабочих союзах обозначился интерес к опыту западноевропейского рабочего движения, к теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса.

Энгельс, который давно интересовался Россией, продолжал и теперь совершенствовать свои познания в русском языке. Он писал в середине 70-х годов, что русский язык «всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы»³.

По собственным словам Энгельса, его всего более занимали общественные условия, сложившиеся после реформы 1861 г. Изучение реформы и ее последствий Энгельс начал еще в середине 60-х годов, однако тогда оно было связано главным образом с обоснованием позиции Интернационала по польскому вопросу и носило эпизодический характер. Затем в 1868 г. Энгельс познакомился с вышедшей в Петербурге книгой остзейского помещика П. Лилиенфельда «Земля и воля», из которой почерпнул фактические данные о проникновении капитализма в русскую сельскую общину. В начале 70-х годов он с огромным интересом прочел работу русского социолога-демократа Н. Флеровского (В. В. Берви) «Положение рабочего класса в России».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 166.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 130.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 526.

Еще раньше о содержании этой значительной по тому времени книги Энгельс узнал из писем Маркса.

С переездом в Лондон у Энгельса появилось больше возможностей для занятий русской проблематикой. В его распоряжении были теперь сокровища Британского музея и личная библиотека Маркса с богатейшей коллекцией русских источников. В руках Энгельса побывал не один десяток томов официальных справочников и статистических сборников, он штудировал многие специальные исследования русских ученых и публицистов различных направлений, легальные и подпольные издания революционных народников.

Энгельс читал некоторые работы авторов либерального направления: брошюры А. Кошелева «Об общинном землевладении в России» и «Наше положение», вышедшие в 1875 г. в Берлине, книжку Скалдина «В захолустье и в столице», появившуюся в Петербурге в 1870 г. Знал Энгельс и четырехтомную работу А. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II». К числу основных источников о пореформенном развитии России Энгельс относил двухтомный труд прогрессивного русского экономиста Ю. Янсона «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств».

Энгельс и сам иногда получал работы отдельных авторов непосредственно из России. Так, в 1880 г. ему прислали свои статьи русские экономисты и общественные деятели народного направления Н. А. Каблуков и М. К. Горбунова (Каблукова). Между Энгельсом и М. К. Горбуновой завязалась тогда переписка по вопросу о развитии кустарных промыслов в России, о профессиональном образовании, о крестьянской общине, о разложении общинного уклада.

Важным источником информации были для Энгельса выходившие в России журналы, в частности демократический журнал «Слово», издававшийся в 1878—1881 гг. Одним из сотрудников его был живший в то время в Петербурге французский социалист, бывший член I Интернационала, участник Парижской Коммуны В. Жаклар, который переписывался с Марксом и приглашал его сотрудничать в этом издании.

Внимание Энгельса привлекла опубликованная «Словом» в марте 1881 г. статья А. З. Попельницкого «Значение переоценки повинностей в крестьянском деле». Прогрессивный украинский ученый, близкий в то время к народовольческим кругам, подверг критическому анализу предысторию реформы 1861 г., царский указ о реформе и ее результаты. Конспектируя статью, Энгельс выделил те места, которые характеризовали классовый характер «освобождения» крестьян, проведенного исключительно к выгоде помещиков¹.

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, т. XI. М., 1948, стр. 157, 158, 161, 164.

О живом интересе к развитию капиталистической промышленности, внутренней и внешней торговли, строительству железных дорог, к формированию рабочего класса свидетельствует сделанный Энгельсом перевод статьи академика В. П. Безобразова «Шуйско-Ивановская железная дорога».

Видимо, уже в первую половину 70-х годов Энгельс познакомился с произведениями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, имевшимися в библиотеке Маркса. В частности, ему была хорошо известна работа Чернышевского «Письма без адреса», содержащая критический анализ реформы 1861 г.

Энгельс высоко ценил Чернышевского и Добролюбова, как глубоких мыслителей и талантливых писателей революционно-демократического направления, называл их «двумя социалистическими Лессингами»¹. Он с большим пониманием и уважением относился к социалистическим идеям Чернышевского, но в то же время отмечал утопический характер его взглядов, в частности на крестьянскую общину, как средство непосредственного перехода России к социализму.

В связи с работой над брошюрой «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» Энгельс изучал роль Чернышевского в общественном движении России 60-х годов. Он убедился тогда, что подлинным идейным вдохновителем и вождем русской «образованной и проникнутой социалистическими идеями молодежи» был не Бакунин, а Чернышевский². Вокруг Чернышевского, главы революционной партии, сплотилась целая фаланга публицистов и передового студенчества. Энгельс вскрыл полную несостоятельность выпадов Нечаева и Бакунина против Чернышевского, расценил их как прямую клевету. И в дальнейшем Энгельс постоянно интересовался судьбой великого русского мыслителя и революционера, он подчеркивал, что Чернышевскому «Россия обязана бесконечно многим» и его «медленное убийство долголетней ссылкой... навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя»»³.

Связи с русскими революционерами

В. И. Ленин отмечал, что Маркс и Энгельс «с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»⁴. Со своей стороны, и представители передовой мысли России стремились к живому общению с Марксом и Энгельсом. Русские революционеры, которые вступили в Международное Товарищество Рабочих, завязали тесные отношения с его вождями. Это были революционные эмигранты, ученики и последователи

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 522.

² См. там же, стр. 389.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 441.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

Чернышевского, участники тайных кружков и организаций 60-х годов в России.

Еще в Манчестере в феврале — марте 1870 г. Энгельс получил от Маркса сведения о создании в Швейцарии русской секции Интернационала, о ее организаторах и участниках. С одним из них, Н. И. Утиным, он впервые повстречался на Лондонской конференции 1871 г. Здесь Утин выразил полную поддержку речи Энгельса о политическом действии рабочего класса, недвусмысленно осудив позицию анархистов. В течение последующих двух лет Энгельс переписывался и не раз виделся с Утиным.

Осенью 1870 г. состоялось знакомство Энгельса с молодым русским революционером Г. А. Лопатиным, который несколько раньше по поручению группы революционной молодежи в Петербурге приехал в Лондон, чтобы под руководством Маркса начать перевод I тома «Капитала» на русский язык. Маркс чрезвычайно высоко оценил незаурядные личные качества Лопатина, его большое мужество, неиссякаемую энергию, ясный ум. По предложению Маркса, Лопатин был избран в состав Генерального Совета Интернационала, и на его заседаниях часто встречался с Энгельсом. Как и Маркс, Энгельс проникся к Лопатину искренним уважением и любовью. Период их более или менее регулярных личных встреч продолжался тогда недолго, но теплоту и взаимные симпатии они сохранили навсегда.

Энгельс внимательно следил за революционной деятельностью Лопатина в России. Вместе с Марксом он волновался за исход отчаянно смелой попытки Лопатина в 1870—1871 гг. организовать побег Чернышевского из сибирской ссылки. После неудачи этой попытки и ареста Лопатина Энгельс с нетерпением ждал известий о его судьбе. А когда Лопатину удалось бежать из тюрьмы и он, наконец, в ноябре 1873 г. снова появился в Лондоне, Энгельс был искренне обрадован встречей с ним.

В свою очередь Лопатин глубоко уважал и любил Маркса и Энгельса, тепло относился к их семьям. В связи с кончиной жены Энгельса — Лиззи он писал 15 января 1879 г.: «Дорогой Энгельс! С чувством величайшей скорби узнал я о смерти г-жи Энгельс. Я всегда живо помню дружескую сердечность, которую она постоянно проявляла ко мне, и никогда не забуду, как облегчал мою прежнюю одинокую жизнь в Лондоне тот любезный прием, который я постоянно встречал у Маркса и у Вас. Да будет земля пухом этой бедной доброй душе!»¹

Дружественные отношения сложились у Энгельса и с П. Л. Лавровым, видным деятелем русского революционного движения 70-х годов, одним из идеологов революционного народничества.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, стр. 356.

Совершив с помощью Лопатина побег из ссылки, Лавров в 1870 г. жил в Париже, где близко познакомился с Лафаргом. Он вступил в Интернационал, принял участие в Парижской Коммуне и по поручению Коммуны в начале мая 1871 г. приехал в Лондон для установления связей с Генеральным Советом. Там он познакомился и подружился с Марксом и Энгельсом. Переписку с ними он вел до конца их жизни. Энгельс ценил Лаврова как убежденного революционера, яркого публициста, серьезного ученого, он дарил ему свои произведения с дружескими посвящениями, охотно откликался на его просьбы, помогал приобретать необходимую литературу. Лавров нередко содействовал знакомству передовых людей России с Марксом и Энгельсом. Так, летом 1872 г. через Лаврова с Энгельсом и Марксом познакомился украинский прогрессивный ученый и политический деятель С. А. Подолинский¹.

Особенно тесные связи у Лавровым установились в середине 70-х годов, когда Лавров редактировал журнал «Вперед!» (1873—1877) и газету под тем же названием (1875—1877). Журнал широко освещал события международного рабочего движения, печатал рецензии на книги, в том числе на работы Маркса и Энгельса. Оба они были постоянными читателями этих изданий.

Энгельс переписывался и был лично знаком также с другими редакторами и сотрудниками журнала «Вперед!» — членом Интернационала В. Н. Смирновым, экономистом и публицистом Н. Г. Кулябко-Корецким, экономистом и географом Д. И. Рихтером, с которым повстречался в доме Маркса.

Поддерживая дружеские отношения с Лавровым и отдавая должное его научной эрудиции, Энгельс не закрывал глаза на эклектизм и субъективизм его взглядов, на стремление сочетать марксизм с некоторыми народническими доктринами. В отдельных случаях, когда этого требовали интересы международного рабочего движения, Энгельс подвергал взгляды Лаврова публичной критике.

С такой критикой ему пришлось выступить в связи с появлением на страницах «Вперед!» неодобрительного отзыва об упомянутой брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», которая была выпущена на основе решений Гаагского конгресса и написана в основном Марксом и Энгельсом. Журнал Лаврова высказался против открытой полемики с бакунистами и гласных разоблачений их подрывной деятельности в Интернационале, полагая, что это может быть использовано врагами революционного движения.

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 405.

В статье, опубликованной в двух номерах «Volksstaat» в октябре 1874 г. (третья статья в серии «Эмигрантская литература»), Энгельс раскрыл ошибочность такой позиции, показал вред политической тактики Лаврова, выступавшего ради сохранения единства среди социалистов за соглашение с анархистами. В ответ на сесования Лаврова, опасавшегося, что огласка расхождений среди социалистов пойдет на руку общим врагам, Энгельс писал: «Всякая борьба включает в себе такие моменты, когда нельзя не доставить врагу некоторого удовольствия, если не хочешь иначе причинить самому себе положительный вред. К счастью, мы так далеко продвинулись вперед, что можем доставить противнику такое частное удовольствие, если этой ценой добиваемся действительных успехов»¹.

В то же время Энгельс поддерживал точку зрения Лаврова, получившую отражение в его полемике с другим идеологом революционного народничества П. Н. Ткачевым по вопросу о задачах революционной пропаганды в России. Серьезное отношение Лаврова к подготовке революции путем социалистической пропаганды Энгельс противопоставил «ребяческому» пониманию революции Ткачевым, который считал, что революцию можно сделать «в любой момент», ибо народ «всегда готов к ней»².

Выступление Энгельса получило отклик и одобрение у русских революционеров, в частности у Лопатина. «Что касается меня,— писал Лопатин Энгельсу 15 октября 1874 г.,— то я прочел статьи с большим интересом и должен признать правильность Вашей аргументации. Но по форме они довольно язвительны. Право, Вы очень *злы*. Я не мог удержаться от смеха, хотя люди, с которыми Вы так строго обошлись, мои друзья»³. Но откровенная критика не поколебала дружественных отношений Энгельса с Лавровым.

При оценке революционного народничества Энгельс, как и Маркс, исходил из его объективного содержания, рассматривал народничество как революционное буржуазно-демократическое движение, видя в нем естественного союзника западноевропейского рабочего движения.

Маркс и Энгельс с большим сочувствием следили за героической борьбой русских революционных народников — народовольцев против царизма, которая достигла особой остроты в конце 70-х — начале 80-х годов. Образование «Народной воли» в 1879 г. было отмечено Энгельсом как важное событие; он говорил, что в лице этой организации Россия имеет «революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 520.

² См. там же. стр. 532, 533.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 313.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 357.

Будучи принципиальными противниками индивидуального террора, Маркс и Энгельс считали, что применение народовольцами этого метода имеет известное историческое оправдание. «Способ борьбы русских революционеров, — писал Энгельс, — продиктован им вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников. За применяемые ими средства эти революционеры ответственны перед своим народом и историей»¹.

В 1880—1882 гг. Энгельс поддерживал переписку и личные связи с деятелем «Народной воли» Л. Н. Гартманом, бежавшим за границу после неудачного покушения на Александра II в 1879 г. Энгельсу было известно письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Марксу от 25 октября (6 ноября) 1880 г., в котором выражались уважение и признательность Марксу за поддержку борьбы русских революционеров. В письме подчеркивалось огромное значение «Капитала», отмечалось, что эта книга стала в России «настоющей книгой образованных людей»².

Маркс и Энгельс стремились помочь русским борцам с царским самодержавием объединить их силы. В 1880 г. они дали согласие на сотрудничество в «Русской социально-революционной библиотеке» — совместном заграничном издании двух народнических организаций: «Народная воля» и «Черный передел».

По инициативе одного из руководителей «Черного передела» — Г. В. Плеханова было предпринято новое, второе, русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в его переводе. Через Лаврова Плеханов просил Маркса и Энгельса написать предисловие к этому изданию. Авторы «Манифеста» охотно это сделали, и в 1882 г. новое русское издание «Манифеста» вышло в свет. В предисловии от переводчика говорилось: «Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такую громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста Коммунистической партии» значит повторять всем известную истину»³.

В предисловии Маркс и Энгельс осветили вопрос, давно волновавший русских революционеров — о судьбах крестьянской общины в России, о том, может ли эта, теперь уже сильно разрушенная, форма первобытного общего владения землей непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму собственности. «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, — говорилось в предисловии, — то современная русская общинная собственность на землю может явиться исход-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 197.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 427.

³ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, стр. 231.

ным пунктом коммунистического развития»¹. Здесь же Маркс и Энгельс отметили те огромные исторические перемены, которые произошли в мире со времени первого русского издания «Манифеста Коммунистической партии», переведенного Бакуниным в 1869 г. Капитализм сделал дальнейшие шаги не только в Западной Европе, но также в России и США. Тогда русское издание программного документа международной пролетарской партии «могло казаться на Западе не более как литературным курьезом»². Россия в представлении многих мыслящих людей была резервом всей европейской реакции. Теперь же эта страна «представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»³.

Поворотный пункт во всемирной истории

Глубокое изучение социально-экономического развития пореформенной России, ее внутривосточного и внешнего положения привело Энгельса к выводу, что страна чревата «событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы»⁴.

Взгляды Энгельса на русскую революцию полностью совпадали со взглядами Маркса. Энгельс, чаще выступавший в те годы в печати, изложил их в ряде статей, написанных во второй половине 70-х годов, в частности, в связи с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. и опубликованных в рабочей и социалистической печати Европы и Америки («Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России», «Европейские рабочие в 1877 году», «Исключительный закон против социалистов в Германии.— Положение в России»). Много высказываний Энгельса о русской революции содержится также в его письмах.

Наиболее полно свои взгляды на социальные отношения и перспективы революции в России Энгельс развил в пятой статье из серии «Эмигрантская литература», опубликованной в ряде номеров газеты «Volksstaat» в апреле 1875 г. Тогда же статья была издана отдельной брошюрой под заглавием «О социальном вопросе в России», с небольшим введением автора. Поводом для этой и предшествующей статьи из той же серии послужили две брошюры Ткачева: «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо редактору «Вперед!»», вышедшая в Лондоне в 1874 г., и «Открытое письмо г-ну Фридриху Энгельсу», изданная тогда же в Цюрихе на немецком языке. Ткачев развивал здесь свойственные народникам идеи о самобытном пути общественного развития России, о надклассовом характере русского государства, не имеющего якобы корней в социальном

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 305.

² Там же, стр. 304.

³ Там же, стр. 305.

⁴ Там же, стр. 143.

строе страны, о готовности народа к революции и легкости ее осуществления, о крестьянской общине как особом пути России к социализму. Ткачев пытался обосновать заговорщическую тактику немедленного политического переворота.

Энгельс не мог пройти мимо этих выступлений Ткачева, которые, по его словам, давали «совершенно превратное представление о положении дел в России»¹. С присущей ему острой иронией, полемическим задором он показал полную несостоятельность утопических народнических концепций Ткачева и в противовес им развил марксистские взгляды по коренным проблемам общественного развития России:

«О социальном вопросе в России» — первая обобщающая работа Энгельса о России, в которой он не только обнаружил глубокое понимание социальных отношений в этой стране, но и сделал из их анализа глубокие выводы, имеющие важное значение для марксистской теории в целом. В. И. Ленин относил это произведение Энгельса к числу ценных работ об экономическом развитии России².

Энгельс дал яркий анализ положения различных слоев русского общества, прежде всего основных его антагонистических классов — крестьян и дворянства. Он привел фактические данные о распределении земли в результате реформы 1861 г. «В Европейской России,— писал Энгельс,— крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 3 300 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской»³. На этих бесспорных данных Энгельс показал глубокую ошибочность суждений Ткачева о самодержавном государстве как «висящей в воздухе» надклассовой силе. Именно это государство, подчеркнул Энгельс, «отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за свою худшую землю платить дворянству по цене самой лучшей»⁴. Это государство взвалило на крестьян основную тяжесть поземельного налога, в то время как дворянство почти от него освобождено. Кроме того, крестьяне обременены различными поборами, введенными местными управлениями с санкции государства. Энгельс отметил также появление новых эксплуататоров, порожденных проникновением капитализма в деревню — ростовщиков, хлеботорговцев, различного рода спекулянтов. «...Нет другой такой страны, в которой при всей пер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 527.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 538.

⁴ Там же, стр. 538—539.

вобытнoй дикoсти буржуазнoгo oбщества, — писал Энгельс, — был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России...»¹.

Энгельс указал и на все возрастающее влияние крупной буржуазии, развившейся «с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог»², и ее заинтересованность в сохранении самодержавного государства.

Подметил Энгельс и наличие бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию, составляющей там особое сословие. Таким образом, указывал он, «не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий»³.

Весьма убедительно высказался здесь Энгельс и о другой народнической доктрине — об особой роли русской крестьянской общины, посредством которой, как полагали народники, русский народ совершит переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Энгельс показал, что общинная собственность на землю представляет собой не исключительно русское явление, а один из древнейших социальных институтов, который встречается «на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например на Яве»⁴. Распространенность же общины в России говорит лишь об отсталости общественных отношений в деревне. Последующее развитие капитализма в стране неминуемо повлечет за собой разрушение общинной собственности на землю, как это имело место в Западной Европе. «...Общинная собственность в России, — заключал Энгельс, — давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению»⁵.

Опровергая «ребяческое» представление Ткачева о революции, Энгельс показал, что сами по себе ни артель, ни община не могут служить средством перехода к социализму. «Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий»⁶.

В принципе Энгельс допускал возможность перехода русской сельской общины в высшую, социалистическую форму, без

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 540.

² Там же.

³ Там же, стр. 544.

⁴ Там же, стр. 543—544.

⁵ Там же, стр. 545.

⁶ Там же, стр. 537.

промежуточной ступени буржуазной parcelльной собственности, если только община сохранится до тех пор, пока для этого созреют необходимые условия. «...Это может произойти лишь в том случае, — подчеркивал Энгельс, — если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия»¹.

В этой работе и в других статьях, относящихся к концу 70-х годов, Энгельс высказывал глубокое убеждение, что Россия более близка к революции, чем любая из европейских стран. Здесь «налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год ...Русская революция уже назрела и вспыхнет скоро»², «развязка близка»³, — писал Энгельс в 1878—1879 гг.

Уверенность его в неизбежности и близости русской революции основывалась на анализе ее объективных предпосылок, на научном учете глубоких противоречий между потребностями экономического развития страны и отсталым политическим строем. Энгельс отмечал грозное недовольство крестьянства, доведенного «до такого положения, при котором невозможно ни жить, ни умереть»⁴, революционное брожение среди интеллигенции, рост оппозиционных настроений в других слоях русского общества. Признаки нарастания внутривнутриполитического кризиса он видел в расстройстве финансов, разложении государственного аппарата, дипломатических и военных неудачах царизма.

В полном согласии с Марксом Энгельс считал, что предстоящая революция в России должна быть по своему характеру буржуазно-демократической, крестьянской по преимуществу. Главная цель ее — уничтожение царизма и ликвидация остатков полукрепостнических отношений. Энгельс не исключал и возможности того, что началом революции послужит переворот, совершенный обедневшим фрондирующим дворянством. Но раз начавшись, революция увлечет за собой крестьянские массы, и тогда можно будет наблюдать, указывал Энгельс, «такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года»⁵.

Поскольку рабочего класса и рабочего движения как организованной политической силы в России еще не существовало, Энгельс связывал успех русской революции и ее дальнейшее развитие с победоносной борьбой западноевропейского пролетариата. Он считал, что уничтожение царизма, одного из глав-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 546.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 124.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 344.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 144.

⁵ Там же, стр. 124.

ных оплотов европейской реакции, дало бы толчок развертыванию пролетарской революции в Европе. Взаимное воздействие западноевропейского и русского революционного движения, слияние русского движения с общеевропейским являлось, по мысли Энгельса, непременным условием успеха и поступательного развития русской революции. Благодаря этому взаимодействию она пойдет дальше, выйдет за рамки буржуазно-демократического переворота и в конце концов должна будет неизбежно привести, «быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»¹. Эту мысль о перспективах русской революции Маркс и Энгельс высказали в совместном письме к председателю славянского митинга, созванного 21 марта 1881 г. в Лондоне в честь десятой годовщины Парижской Коммуны.

Рассматривая русскую демократическую революцию как составное звено общеевропейского революционного процесса, Энгельс связывал с ее победой коренные перемены на всем европейском континенте. Русская революция, писал он в 1878 г., «означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда»². Свержение царизма избавило бы Германию от прусской гегемонии, облегчило бы освобождение Польши и других угнетенных народов Европы. «Падение русского царизма, — писал Энгельс в мае 1875 г., — ...является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата»³. Грядущий революционный переворот в России, по словам Энгельса, будет «ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории»⁴.

Маркс и Энгельс, страстно ожидая в течение многих лет революционной бури в России, ошибались, говоря словами В. И. Ленина, «в определении близости революции»⁵. Но их великая заслуга состоит в том, что они научно обосновали неизбежность народной революции в России, предвидели ее огромное всемирно-историческое значение.

Занятия историей Германии

В начале 80-х годов Энгельс задумал большую работу по истории возникновения и развития классового общества на примере истории древних германцев. Проблемы становления классового общества и образования государства привлекали его внимание и раньше; теперь он вновь вернулся к этим вопросам. В 1881—1882 гг. из-под его пера вышли две солидные рукописи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 252.

² Там же, стр. 146.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 567.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 344.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 249.

Первая из них охватывает историю германских племен с момента их появления на территории современной Европы и до начала переселения народов. Исследование о различных племенах германского происхождения основывается на изучении разнообразных исторических источников, данных археологии, свидетельств античных авторов и т. д., а также на тонком лингвистическом анализе особенностей древнегерманских языков и диалектов.

Вторая рукопись посвящена периоду Меровингов и Каролингов, причем главное внимание Энгельс уделит здесь изучению аграрных отношений в эпоху раннего феодализма. Он проследил важные стороны генезиса феодализма, возникновение основных классов феодального общества на материале истории Франкского королевства, особенности развития феодального государства в этот период в тесной связи с его военной организацией. Особый раздел рукописи составляет глубокое исследование франкского диалекта, представляющее собой значительный вклад в языковедение и свидетельствующее о том, насколько уверенно владел Энгельс этой сугубо специальной отраслью знания. Он провел сравнительное исследование древних диалектов и современных, живых, встречавшихся еще на территории Западной Германии, Нидерландов, Бельгии.

Энгельсу не удалось завершить свою работу. Опубликована она была лишь спустя многие годы. Но ее научное значение весьма велико. Материалы, собранные в ходе работы над рукописью, были тогда же использованы Энгельсом для небольшой по объему статьи, помещенной им в качестве приложения к немецкому изданию его работы «Развитие социализма от утопии к науке». Статья эта называлась «Марка» и содержала краткий очерк истории развития земельной собственности в Германии от древней общины-марки до 70-х годов XIX в. В сжатой и в то же время предельно ясной форме, основываясь на гигантском фактическом материале, Энгельс охарактеризовал здесь основные этапы превращения крестьян из свободных общинников в крепостных и вскрыл истинное существо половинчатых аграрных реформ, проведенных в Германии в течение первой половины XIX в. Он подводил читателя к пониманию того, что мелкий крестьянин не может выбраться из нужды в условиях господства капитализма в сельском хозяйстве. Для этого, писал Энгельс, есть лишь один путь — возрождение общины, но не в старой, а в обновленной форме, что позволит крестьянам использовать все преимущества крупного хозяйства и современной техники, «без капиталистов, а силами самого товарищества»¹.

Энгельс рассматривал свою статью, которая вскоре была выпущена отдельной брошюрой под названием «Немецкий кре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 344.

стьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?», как средство привлечения внимания немецких социал-демократов к работе среди крестьянства. «В то время,— писал он впоследствии,— это было тем более необходимо, что объединение партией городских рабочих было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами»¹.

Великая утрата

После смерти жены Энгельса забота о его домашнем хозяйстве легла на плечи воспитывавшейся в его доме племянницы Лиззи — Мери Эллен Бёрнс, которую близкие называли Пумпс. Энгельс продолжал жить, как и раньше, неподалеку от квартиры Маркса, и почти ежедневно бывал у друга. Все трудности и невзгоды в его семье он воспринимал как свои собственные и всемерно старался облегчить их. А невзгод было немало.

Летом 1880 г. тяжело заболела Женни Маркс и к осени стало ясно, что она страдает раком печени. Все понимали, что надежды на выздоровление нет. В июне 1881 г., когда Маркс и Женни собирались во Францию навестить семью своей старшей дочери, Энгельс с тревогой писал Женни Лонге о состоянии здоровья ее матери: «Какова бы ни была природа болезни, это постоянное и усиливающееся похудание и потеря сил, очевидно, очень серьезный признак особенно потому, что это, по-видимому, не прекращается»². Осенью положение резко ухудшилось. Заболел и Маркс. Все это крайне беспокоило Энгельса. 4 ноября 1881 г. он сообщал И. Ф. Беккеру о тяжелом состоянии Женни и об опасной болезни Маркса. А менее чем через месяц Женни скончалась. Состояние здоровья Маркса было таково, что он не смог даже присутствовать на похоронах.

Энгельс тяжело переживал смерть Женни, которую глубоко уважал и с которой был связан десятилетиями искренней дружбы. С огромным уважением и любовью говорил он над ее могилой об исключительных достоинствах покойной, о ее заслугах перед революционным движением, о преданности делу освободительной борьбы рабочего класса. «Мне незачем говорить о ее личных качествах,— сказал он в заключение.— Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других,— то это была она»³. А в некрологе, напечатанном в «Sozialdemokrat», Энгельс писал, что друзьям Маркса всегда будет недоставать «ее смелого и благо-разумного совета — смелого без бахвальства, благо-разумного без малейших уступок в вопросах чести»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 298.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 161.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 303.

⁴ Там же, стр. 301.

Энгельс сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Марксу оправиться от страшного потрясения. Он консультировался с врачами, организовывал его лечение. По настоянию Энгельса и других близких, по совету врачей Маркс провел почти весь 1882 г. на курортах — сначала на острове Уайт, в Вентноре, затем — в Алжире, потом на французской Ривьере, в южной Франции и в Швейцарии. Только в начале октября он вернулся в Лондон, но через несколько недель вновь отправился на остров Уайт.

Весь этот год друзья вели между собой самую интенсивную переписку. Энгельс старался держать Маркса в курсе всех важнейших событий в рабочем движении, оберегая его в то же время от назойливости посетителей и некоторых корреспондентов. «На Маркса,— писал он Каутскому 12 сентября 1882 г.,— ...Вы особенно не рассчитывайте... Дело в том, что и сейчас ему еще строго воспрещено много разговаривать, да к тому же и по вечерам он должен иметь покой, иначе ночью он плохо спит»¹.

Еще осенью 1882 г. Энгельс надеялся, что длительное лечение позволит Марксу восстановить силы. «Выздоровление Маркса,— сообщал он Бебелю 28 октября,— идет полным ходом, и если плеврит не повторится, то будущей осенью Маркс будет крепче, чем в течение всех последних лет»². Но этим надеждам не суждено было сбыться. На Маркса обрушился новый удар, оправиться от которого он так и не смог. 11 января 1883 г. умерла его дочь Женни, оставив пятерых детей. Ее безвременная смерть подорвала последние силы Маркса. Все заботы о нем, все семейные дела легли на плечи Энгельса. Энгельс и другие близкие прилагали все усилия, чтобы приостановить неумолимый ход болезни. Одно время даже казалось, что состояние больного улучшилось: Энгельс писал Лауре Лафарг 10 марта о появившихся у врачей надеждах на возможное выздоровление. Но через несколько дней, утром 14 марта наступило внезапное ухудшение. Началось кровотечение, результатом которого был резкий упадок сил. Когда Энгельс днем, в половине третьего, пришел, как обычно, проведать своего друга, он застал весь дом в слезах. Поднявшись в кабинет к Марксу, Энгельс увидел, что он мертв «Вчера днем, в 2 часа 45 минут,— писал он на другой день И. Ф. Беккеру,— едва оставив его на две минуты, мы нашли его тихо уснувшим в кресле. Самый могучий ум нашей партии перестал мыслить, самое сильное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться»³.

Энгельс сам сообщил всем старым друзьям о великой утрате. Как никто другой, он понимал, какую невозместимую потерю понесло международное рабочее движение. «Несмотря на то

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 297.

² Там же, стр. 320.

³ Там же, стр. 384.

что сегодня вечером я его видел неподвижно лежащим на кровати, с лицом, застывшим навеки,— писал он Либкнехту поздно вечером 14 марта,— я все же не могу себе представить, что этот гениальный ум перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках»¹.

Три дня спустя, 17 марта 1883 г., тело Маркса было предано земле на Хайгетском кладбище в Лондоне, в той же могиле, где более года назад была похоронена его жена. На похоронах присутствовало немного народа: Маркс был противником пышных церемоний. Но десятки телеграмм, полученных из разных стран и городов, от Петербурга до Нью-Йорка, свидетельствовали о том, что передовые пролетарии, борцы за дело рабочего класса, крупные ученые и студенты разделяли вместе с Энгельсом и дочерьми Маркса их скорбь и горе.

На похоронах Энгельс в немногих словах раскрыл величайшее значение научных открытий и революционной деятельности Маркса. «Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»²

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 383.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 352.

Глава двенадцатая

ЭНГЕЛЬС

И «КАПИТАЛ» МАРКСА

Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным!

Маркс — Энгельсу,
16 августа 1867 г., 2 часа ночи.

Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса.

В. И. Ленин

«К критике политической экономии»

Современники иногда называли Маркса и Энгельса Диоскурами — именем героев древнегреческой мифологии, братьев-близнецов, прославившихся, кроме своих добрых дел, бескорыстной и самоотверженной дружбой.

Дружба Маркса и Энгельса особенно ярко воплотилась в многолетней истории «Капитала».

В течение нескольких десятков лет, начиная с осени 1843 г., со сравнительно небольшими перерывами Маркс упорно занимался главным образом проблемами политической экономии, тогда как научные интересы Энгельса после выхода его книги «Положение рабочего класса в Англии» и вплоть до самой

смерти Маркса лежали преимущественно в других областях. Но все эти годы Энгельс оказывал своему другу в экономических исследованиях, в разработке и популяризации «Капитала» огромную помощь. «Капитал» — это прежде всего дело его гениального автора. Но мировая наука, человечество справедливо воздают дань глубочайшей признательности также и Энгельсу, ставят его имя рядом с именем Маркса, когда речь идет об экономической теории марксизма, о «Капитале».

Появлению на свет главного произведения Маркса во многом способствовал Энгельс. Он более, чем кто-либо из близких друзей и соратников Маркса, понимал, какую великую роль суждено сыграть этому труду в развитии науки, в судьбах международного рабочего движения, в борьбе за коммунизм.

Для Маркса не было более авторитетного судьи и консультанта по самым сложным вопросам экономической теории, чем Энгельс. Достаточно привести только некоторые примеры, чтобы получить наглядное представление о том, какую огромную роль сыграла духовная близость между Марксом и Энгельсом в процессе создания «Капитала». Из сохранившейся переписки между Марксом и Энгельсом видно, что они регулярно обменивались мнениями по важнейшим проблемам, исследуемым в «Капитале».

В январе 1851 г. Маркс делится с Энгельсом своими открытиями по теории земельной ренты, высказывает глубокие критические соображения в отношении теории ренты Рикардо, ее существенных недостатков, в силу которых эта теория оказалась в противоречии с действительной историей, с прогрессом производительности земледелия.

Как известно, Рикардо исходил из признания убывающего плодородия почвы, что и дало Мальтусу основание для его вульгарной теории народонаселения. Маркс в письме Энгельсу показал несостоятельность исходных предпосылок Рикардо. В свою очередь, Энгельс признал выводы Маркса совершенно правильными. По его словам, он и сам брал под сомнение утверждения Рикардо, хотя и не пытался докопаться до сути дела¹. Энгельс отметил тут же, что Рикардо в своей теории земельной ренты не принимает в расчет прогресс земледелия, утверждает, будто капитал, вкладываемый в определенный участок земли, дает все меньшую прибыль. Эти положения, означающие фактическое подведение теоретической основы под закон убывающего плодородия почвы, Энгельс считал ошибочными. Он критиковал их еще в статье «Наброски к критике политической экономии». Правда, эта критика была тогда пока схематичной. И вот теперь Маркс внес полную ясность. Энгельс писал, что взгляды Маркса на земельную ренту должны быть как можно

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 159.

скорее опубликованы в каком-нибудь английском журнале, и брал на себя заботы о переводе возможной статьи¹.

Вслед за тем 3 февраля 1851 г. Маркс изложил Энгельсу в форме «иллюстрации к теории денежного обращения»² свое мнение о несостоятельности количественной школы, согласно догмам которой товарные цены, экспорт и импорт товаров, а следовательно, торговый баланс и вексельный курс, определяются массой находящихся в обращении денег. Причину экономических кризисов эта школа видела тоже в денежном обращении. Маркс писал, что не нашел доказательств ее выводов. Напротив, они как раз в корне опровергаются реальным движением цен. Денежное обращение и его законы носят производный характер. Кредитная система, по мнению Маркса, является одним из условий течения экономических кризисов, но не причиной. Данный кризис может приобрести более тяжелые формы в результате нелепого вмешательства государственной власти в дело регулирования денежного обращения.

Энгельс живо заинтересовался этим «новейшим экономическим открытием»³ Маркса, оно стало предметом его самых серьезных размышлений. Уже вскоре он писал Марксу, что вопрос поставлен им «совершенно правильно и сильно поможет свести запутанную теорию обращения к простым и ясным основным положениям»⁴.

31 марта 1851 г. Маркс обратился к Энгельсу за справкой о том, как купцы, фабриканты и т. д. исчисляют ту часть прибыли, которую они сами проживают, берут ли они деньги для этой цели у банкира, или поступают как-нибудь иначе. Через четыре дня Энгельс подробно ответил на все вопросы Маркса⁵.

В разгар работы над «Капиталом», 11 апреля 1865 г., Маркс спрашивал Энгельса: «Что слышно о хлопковом кризисе? Мне необходимы сведения об этом». А на следующий день Энгельс послал ему подробный «отчет» о ходе и характере этого кризиса, который у филистера вызывал «медвежью болельню», попросту — панику⁶.

Взаимные консультации, взаимная информация о новых явлениях в экономике, о новой экономической литературе были обычным правилом в отношениях между Марксом и Энгельсом.

К концу 50-х годов Маркс занялся подытоживанием своих многолетних экономических исследований. В течение каких-нибудь десяти месяцев 1857—1858 гг. был создан первый черновой вариант будущего большого труда по политической экономии, ныне известный как экономическая рукопись 1857—

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 159—160.

² См. там же, стр. 161.

³ См. там же, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ См. там же, стр. 206, 208—209.

⁶ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 89, 90.

1858 г. Результатом тщательной обработки только одной части этой рукописи явился первый выпуск «К критике политической экономии», изданный в 1859 г.

Энгельс был свидетелем рождения этого замечательного произведения и первым помощником автора в работе. К Энгельсу обращался Маркс со своими нуждами, знакомил его предварительно с содержанием и планом своего исследования. По просьбе Маркса Энгельс разыскивал новые книги, использование которых Маркс с его редкостной научной добросовестностью считал совершенно обязательным прежде, чем отправлять издателю готовую рукопись. У Маркса не было ни гроша для пересылки рукописи в издательство, и тут как всегда на помощь пришел Энгельс.

С опубликованием книги появились новые заботы. Важно было прежде всего организовать отклики в печати, познакомиться с ее содержанием возможно более широкий круг читателей. Эту задачу взял на себя в первую очередь Энгельс.

Книга вышла из печати в июне 1859 г., а уже в начале августа Энгельс написал обстоятельную рецензию. Со свойственным ему литературным мастерством и глубоким знанием предмета он изложил сущность сформулированных Марксом в предисловии основных положений материалистического понимания истории, которые отрицают «все унаследованные и привычные воззрения на все историческое» и благодаря которым был разрушен традиционный способ политического мышления¹. Новое мировоззрение легло в основу логически стройного и связного изложения законов буржуазного производства и обмена.

Энгельс охарактеризовал воплощенные в «К критике политической экономии» особенности разработанной Марксом материалистической диалектики, как метода научного исследования, и показал ее решающие преимущества перед гегелевской абстрактной, спекулятивной диалектикой, перед метафизическим методом буржуазных экономистов. Маркс, подчеркивал Энгельс, был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики ядро, заключающее действительные открытия Гегеля, очистить диалектику от идеалистической оболочки и придать ей такой вид, чтобы она стала единственно правильной формой развития мысли.

В этой рецензии Энгельс впервые сформулировал принцип соотношения логического и исторического в экономическом исследовании, показал, что для политической экономии единственно подходящим выступает логический метод, который в сущности своей является «не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 492.

от мешающих случайностей»¹. Энгельс разъяснил, как Марксу при анализе различных сторон товара в его развитой форме удалось блестяще применить им же выработанный метод и тем самым преодолеть те трудности, которые не смогла осилить буржуазная политическая экономия, в частности А. Смит, при рассмотрении категории стоимости.

Идеи, близкие к развитым здесь Энгельсом мыслям о методе марксистской политической экономии, мы находим в экономической рукописи Маркса 1857—1858 гг., особенно во «Введении»².

Участие в подготовке I тома «Капитала» Согласно первоначальному плану Маркса вскоре после первого выпуска «К критике политической экономии» должен был появиться второй. Однако в ходе дальнейших необходимых исследований имевшийся план пришлось существенно пересмотреть. Выкристаллизовалась идея создания «Капитала» в нескольких томах.

В период напряженной работы Маркса непосредственно над этим сочинением Энгельс, как обычно, был его «вторым я». Автор будущего «Капитала» посвящал его в свои творческие планы, в свои великие открытия. Энгельс постоянно словом и делом доказывал горячую заинтересованность в скорейшем завершении главного труда Маркса, помогал ему справляться с «житейскими мерзостями», высказывал суждения по чисто научным проблемам, по-дружески поторапливал Маркса. Маркс опирался в своей работе и на теоретические труды Энгельса.

Корректуры I тома «Капитала» Маркс и Энгельс вели совместно. Помимо мелких и не столь существенных исправлений Энгельс в ходе этой работы высказывал Марксу важные замечания по структуре книги и тексту отдельных ее разделов.

3 июня 1867 г. Маркс попросил Энгельса подробно сообщить ему, «какие именно пункты в изложении формы стоимости необходимо популяризировать в дополнении»³. Энгельс 16 июня ответил: «Самое большее, что следовало бы сделать, это несколько подробнее доказать исторически то, что здесь [в главе «Товар и деньги». — *Ред.*] достигнуто диалектическим путем; так сказать, подтвердить достигнутое на примере истории... Ты, наверное, сможешь сделать отличный экскурс на эту тему и доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс.

Ты совершил большую ошибку, не сделав ход мыслей этого относительно абстрактного исследования более наглядным при помощи более мелких подразделений и отдельных подзаголовков»⁴. 22 июня Маркс сообщил Энгельсу, что последовал его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 36—45.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 256.

⁴ Там же, стр. 257.

совету и в приложении к первой главе («Товар и деньги») «выделил каждый этап развития в параграф и т. д. со своим заголовком»¹.

Это «Приложение» Маркс считал очень важным элементом тома, ибо все прежние экономисты проглядели «чрезвычайно простую вещь», а именно то, что форма равенства одного товара другому товару (например, 20 аршин холста = 1 сюртуку) «заключает в себе всю тайну денежной формы»². Точно так же думал и Энгельс. Хотя, говорил он, из относительно абстрактного изложения сущности товара и денег, из формы стоимости еще не напрашиваются прямо революционные выводы, тем не менее «сама по себе вся буржуазная пакость уже вскрыта в развитии форм стоимости»³, т. е., иначе говоря, в товаре и деньгах заложены все основные и имманентно присущие буржуазному способу производства противоречия.

Об особом значении указанного «Приложения» Маркс сделал специальную оговорку в предисловии к I тому «Капитала». Он рекомендовал читателю, не привыкшему вполне к диалектическому мышлению, опускать ту часть первой главы, где рассматривается эволюция формы стоимости, а читать вместо нее приложение «Форма стоимости». «Здесь делается попытка изложить вопрос столь просто и даже столь ученически, насколько это позволяет научное изложение»⁴, Энгельсу все это очень понравилось. «Поздравляю тебя,— писал он Марксу 9 сентября 1867 г., — с твоим приложением о форме стоимости. В таком виде это доступно для самого предубежденного ума. Поздравляю также и с предисловием»⁵.

Во время работы над «Капиталом», требовавшей величайшего творческого напряжения, Маркс находился в совершенно отчаянных обстоятельствах, переживая «тысячу бед»: собственную болезнь, болезнь любимой жены, болезнь и смерть детей. Постоянными его спутниками в лондонской эмиграции были нищета и полуголодное существование. Маркс не раз относил свои личные вещи в ломбард, тщетно добивался помощи страхового и ссудного общества, влезал в долги у лавочников, получал от них строгие предупреждения и опротестованные векселя, над ним висела угроза быть выброшенным на улицу из-за неуплаты денег домовладельцу. Ему грозила долговая тюрьма. Измученный «этими кошмарами», этим крайне тяжелым и унижительным положением и не видя иного выхода, Маркс обращался нередко с «сигналом бедствия» к Энгельсу. И не было случая, когда бы этот сигнал не был услышан.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 260.

² Там же.

³ Там же, стр. 263.

⁴ К. Маркс. Das Kapital. Erster Band. Hamburg, 1867. S. VIII.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 290.

Вот что писал В. И. Ленин: «Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты»¹.

Все марксово — и его успехи, и его злоключения — Энгельс неизменно принимал близко к сердцу. Горе Маркса было его горем, радость Маркса была его радостью. «Меня очень радует, — обращался Энгельс к Марксу 7 августа 1865 г., — что дело с книгой быстро подвигается вперед... В тот день, когда рукопись [I тома «Капитала». — *Ред.*] будет отослана, я напысь самым немилосердным образом, отложу это только в том случае, если ты приедешь сюда на следующий день, и мы сможем это проделать вместе»². «При известии, что рукопись отослана, у меня точно гора с плеч свалилась»³, — писал Энгельс Марксу 11 ноября 1866 г.

Против «заговора молчания»

Первый том «Капитала» вышел из печати 14 сентября 1867 г. Маркс и Энгельс не без основания предполагали, что буржуазная наука постарается замолчать и это сочинение, как она старалась окружить «заговором молчания» первый выпуск книги Маркса «К критике политической экономии».

Понятно, что Маркс и Энгельс уже накануне выхода книги стали разрабатывать план срыва бойкота со стороны буржуазных ученых. В качестве первой меры Энгельс предложил напасть на книгу «с буржуазной точки зрения». Маркс оценил этот план как «лучшее военное средство»⁴.

К своим и Маркса единомышленникам Энгельс обращался с настойчивыми просьбами развернуть в печати кампанию вокруг книги Маркса. «Главное заключается не в том, что и как писать, — подчеркивал он в письме Л. Кугельману 12 октября 1867 г., — а в том, чтобы о книге заговорили и чтобы Фаухеры, Михаэлисы, Рошеры и Рау [немецкие буржуазные вульгарные экономисты. — *Ред.*] были вынуждены высказаться о ней. Публиковать надо по возможности во всех газетах, — и в политических, и в прочих, в каких только удастся, — публиковать и длинные, и короткие заметки, главное — чаще. Необходимо сделать для них невозможной — и притом, как можно скорее — ту политику полного замалчивания, которую эти господа, наверняка, попытаются проводить»⁵. 8 ноября 1867 г. он вновь обратился к Кугельману: «Немецкая пресса все еще молчит о «Капитале», а между тем чрезвычайно важно, чтобы что-нибудь было сказано... Главное заключается в том, чтобы вообще о

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 117.

³ Там же, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 293, 294.

⁵ Там же, стр. 471.

книге все время давались отзывы. А так как в данном случае у Маркса руки связаны и к тому же он застенчив, как девушка, то именно мы, остальные, должны сделать это»¹.

Популяризацию «Капитала» Энгельс считал важнейшей партийной задачей и со своей стороны был «всегда готов служить партии»². Им самим было написано девять рецензий.

Статья-рецензия для газеты «Zukunft» выдержана в форме буржуазно-объективистской оценки «Капитала». Вначале говорится о плачевном состоянии в Германии официальной политической экономии, которая в общем и целом ограничивает себя «размазыванием гармоний Бастиа»³ и отрицанием учения Рикардо. На общем весьма убогом фоне отрадным событием, писал Энгельс, является выход I тома «Капитала». «Исследования, которые содержатся в этом труде, отличаются величайшей научной точностью». Внимания заслуживают прежде всего «мастерское диалектическое построение исследования в целом», теория товара и денег, превращения денег в капитал, введение новой категории — прибавочной стоимости, строгое различие между прибавочной стоимостью и прибылью, чего не делал Рикардо, доказательство того, что на рынке выступает не труд, а рабочая сила. Всю книгу Маркса пронизывает исторический подход, позволивший автору представить экономические законы не в качестве вечных истин, а в качестве формулировки «условий существования известных преходящих состояний общества»⁴. Кратко коснувшись этих основных открытий Маркса, Энгельс пишет, имея в виду официальных немецких экономистов: «Пусть суровый урок, который дает им эта книга, пробудит их от летаргического сна и напомнит им, что политическая экономия — не дойная корова, снабжающая нас молоком, а наука, требующая серьезного и ревностного служения ей»⁵.

В рецензии для буржуазной «Rheinische Zeitung», которая была отклонена редакцией этой газеты, Энгельс прозорливо утверждал, что революционные социал-демократы будут приветствовать книгу Маркса «как свою *теоретическую библию*, как арсенал, из которого они будут черпать свои самые существенные аргументы»⁶.

Одна из рецензий Энгельса появилась 2 ноября 1867 г. на страницах буржуазно-либеральной «Elberfelder Zeitung». Энгельс писал, что Марксу удалось доказать, что капитал — это накопленный неоплаченный труд рабочего класса. Произведение Маркса «содержит достаточно и более чем достаточно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 475.

² Там же, стр. 476.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 211.

⁴ Там же, стр. 212.

⁵ Там же, стр. 213.

⁶ Там же, стр. 214.

нового, смелого и дерзновенного», и все это изложено в «весьма научной форме»¹.

В течение 1868 г. Энгельс составил конспект первых четырех глав из общего числа шести глав в первом издании первого тома «Капитала». До сих пор неизвестна цель этого «критического резюме»², но очень может быть, что Энгельс предполагал выступить с кратким популярным изложением «Капитала», сознавая, насколько важно вооружить его идеями как можно более широкие массы передовых рабочих.

Конечно, конспект «Капитала» имел определенное значение для Энгельса и как средство глубокого усвоения им самим всего богатства экономической мысли Маркса.

Большие усилия Энгельса, участие в пропаганде «Капитала» других ближайших друзей и соратников Маркса дали свои результаты. Тираж книги не залежался на полках магазинов. «Заговор молчания» был сорван. Книга встретила признание у немецких рабочих. О ней узнал ученый мир Германии и других стран. Уже вскоре после выхода первого немецкого издания в Санкт-Петербурге была начата подготовка русского перевода — первого перевода «Капитала» на иностранный язык. Вслед за русским переводом, вышедшим в 1872 г., был подготовлен в 1872—1875 гг. авторизованный французский перевод. Это было началом беспрецедентного распространения гениального труда Маркса по всему миру.

Подготовка третьего немецкого издания I тома

Второе немецкое издание I тома «Капитала» подготовил сам Маркс, и вышло оно отдельными выпусками в 1872—1873 гг. Маркс существенно переработал первое издание, придал книге новую, более совершенную структуру. Были внесены значительные изменения в авторский текст.

Примерно с конца 1881 г. вплотную встал вопрос о третьем немецком издании. К этому времени у Маркса была позади напряженная творческая работа над французским изданием, определены места, которые, по его мнению, следовало бы поправить и дополнить в новом немецком издании I тома по сравнению со вторым изданием.

Предложение немецкого издателя О. Мейснера о подготовке третьего немецкого издания пришло в весьма неподходящее для Маркса время. В декабре 1881 г. скончалась его жена. Сам он был тоже серьезно болен и работать мог только урывками. Физических сил и душевного покоя не хватало, чтобы более или менее регулярно заниматься II и III томами, которые у него стояли на первом плане.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 220.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 8.

Тем не менее и в этих крайне неблагоприятных условиях Маркс проделал важную подготовительную работу: написал несколько вставок, в специальных экземплярах отметил те места французского издания, которые должны быть перенесены на соответствующие страницы немецкого издания. Но большего сделать не смог. Все дальнейшие заботы о подготовке третьего издания взял на себя Энгельс.

Сначала он помогал Марксу в сборе материалов, которые предполагалось использовать в третьем издании. Так, в письмах Бернштейну (27 октября и 4 ноября 1882 г.) Энгельс просил от имени Маркса поискать необходимые для третьего издания точные тексты швейцарского и немецкого фабричных законов.

После смерти Маркса Энгельс начал работать над текстом третьего немецкого издания. И хотя имелись отдельные рукописи Маркса, его указания, какие части текста второго издания следует заменить отрывками из французского текста, нельзя недооценивать исключительной сложности той работы, которую проделал Энгельс, и той ответственности, которую он взял на себя при подготовке третьего издания.

Во-первых, тексты второго немецкого издания и французского издания существенно различны. А это значит, что заранее был исключен механический перенос отмеченных абзацев или страниц из одного издания в другое. Необходимо была сложная творческая работа для подготовки и совмещения этих различных текстов, для такой обработки вставок, чтобы они вполне гармонизировали с основным текстом.

Во-вторых, Энгельсу необходимо было осуществить перевод с французского на немецкий. Часто это был отнюдь не простой, и тем более не буквальный перевод, а творческая переработка французского текста с учетом особенностей и немецкого языка вообще, и стиля, и тонкой специфики развития мысли Маркса. Особо трудной задачей была выработка терминологии, адекватной французскому изложению, абсолютно точно выражающей мысль Маркса и не кажущейся в то же время чужеродным телом в общей ткани немецкого текста всей книги в целом.

Наибольшее количество исправлений всякого рода и добавлений приходится на отдел седьмой — «Процесс накопления капитала».

Энгельс провел от начала до конца корректуру тома. Ему принадлежит предисловие к третьему изданию, где кратко обрисованы особенности этого издания и та работа, которая была проделана для него сначала Марксом, а потом и им самим. «На меня, — писал здесь Энгельс, — потерявшего в лице Маркса человека, с которым я был связан сорокалетней теснейшей дружбой, друга, которому я обязан больше, чем это может быть

выражено словами,— на меня падает теперь долг выпустить в свет... это третье издание первого тома...»¹.

Чтобы ускорить издание, Энгельс не щадил сил и времени, откладывая в сторону другую работу и другие обязательства. «Третье издание «Капитала» требует от меня огромной работы»². «Я вынужден был прервать всякую переписку, так как должен был в самый краткий срок закончить подготовку третьего немецкого издания «Капитала»»³,— писал он своему итальянскому корреспонденту П. Мартиньетти 22 августа 1883 г.

К концу 1883 г. работа над этим изданием была успешно завершена. К радости Энгельса, сравнительно быстро и беспрепятственно продвигался издательский процесс. «Жаль,— писал он Л. Лафарг 19 сентября 1883 г.,— что Мавра нет в живых, и он не может увидеть, как хорошо сейчас идет дело...»⁴.

Третьим изданием первого тома «Капитала» Энгельс дал первый отчет читателю об исполнении своего долга перед Марксом.

Издание I тома на английском языке

Еще до появления первого немецкого издания I тома Маркс и Энгельс обсуждали между собой и искали возможности перевода книги на английский язык.

Энгельс 24 июня 1867 г. сообщил Марксу, что познакомил своего друга Самюэла Мура в корректуре с главами о превращении денег в капитал и о возникновении прибавочной стоимости. Мур, по мнению Энгельса, правильно понял и высоко оценил эти главы. «В то же время я решил,— пишет Энгельс,— вопрос о том, кто должен перевести твою книгу на английский язык: это Мур... При этом само собой понятно, что вся работа будет выполняться под моим непосредственным наблюдением. Как только ты найдешь издателя, который, *nota bene*, немного заплатит Муру за его работу, он охотно возьмется за это»⁵. Тремя днями позже Маркс ответил Энгельсу, что старается найти в Лондоне человека, который бы взялся выпустить книгу и хорошо заплатил бы и переводчику и автору.

В мае — июне 1868 г. с целью возбудить интерес к книге у издателей и читателей Англии Энгельс по просьбе Маркса написал обстоятельную рецензию на I том «Капитала» для журнала «Fortnightly Review».

По-видимому, в работе над рецензией Энгельс уже использовал свой конспект марксова труда. Это видно из некоторых почти текстуальных совпадений рецензии и конспекта.

Энгельс в весьма популярной и убедительной форме воспроизвел содержащиеся в книге доказательства того, каким обра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 27.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 40.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 262.

зом деньги, эта форма существования стоимости, превращаются в капитал, показал, влед за Марксом, как «в обращении и в то же время не в обращении»¹ возникает капитал. Касаясь производства прибавочной стоимости, Энгельс обратил внимание на предложенное Марксом деление капитала — на постоянный капитал, вложенный в машины, сырье и другие элементы, необходимые для процесса труда, и переменный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы. Постоянный капитал лишь воспроизводится в стоимости продукта, но не создает прибавочной стоимости, переменный же не только воспроизводится, но и является непосредственным источником прибавочной стоимости.

В этой рецензии Энгельс ограничил себя рассмотрением производства прибавочной стоимости при неизменных технических условиях, посредством простого удлинения рабочего дня, т. е., иначе говоря, рассмотрел прибавочную стоимость в ее абсолютной форме. Следующую статью он намеревался посвятить относительной прибавочной стоимости, которая образуется за счет повышения производительности труда, а следовательно, за счет уменьшения стоимости рабочей силы и сокращения общественно необходимого рабочего времени.

Но первая статья была отклонена буржуазным составом редакции журнала под тем предлогом, что она якобы «слишком научна» для английского читателя, а вторую Энгельс, понятно, уже не стал писать. Заправлявшие «Fortnightly Review» буржуа боялись рецензии Энгельса так же, как они боялись самой книги Маркса. Научный анализ капитала представлял для их классовых интересов «смертельный удар».

Первые попытки Маркса и Энгельса найти в Англии подходящего издателя успеха не имели, а потом Маркс вообще несколько охладел к самой идее английского издания. Дело в том, что он имел «печальный опыт» с французским изданием в 1872—1875 гг., которое потребовало от него, по его собственным словам, больше работы, чем если бы весь перевод он сделал сам². Кроме того, много времени требовала работа над рукописями II и III томов. хлопоты об английском издании возобновились только после смерти Маркса и выхода третьего немецкого издания. Это издание и было принято за основу английского.

В качестве переводчиков Энгельс привлек С. Мура, а с весны 1884 г. и Э. Эвелинга, мужа младшей дочери Маркса — Элеоноры. Последний, как переводчик, был гораздо слабее Мура, и Энгельсу, по-видимому, пришлось немало повозиться, чтобы он должным образом освоился с предметом «Капитала» и более или менее овладел искусством научного перевода. «Английский перевод «Капитала», — пишет Энгельс 31 декабря 1884 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 305.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 472.

Зорге,— подвигается медленно; готово больше половины. Муж Тусси, Эвелинг, помогает, но он работает не так основательно, как Самюэл Мур, который делает главные вещи»¹.

В то время как Мур и Эвелинг переводили, Элеонора Маркс-Эвелинг сверяла все цитаты по английским источникам, немецкие переводы заменяла английским оригиналом.

Весь перевод проходил через руки Энгельса, который должен был выправить неточности, соблюсти единство стиля и терминологии. «Перевод «Капитала» на английский язык,— читаем мы в письме Энгельса от 28 апреля 1886 г. Л. Лафарг,— ужасная работа. Сначала они [Мур и Эвелинг.— *Ред.*] переводят. Затем я проверяю перевод и вписываю карандашом свои предложения. Затем рукопись возвращается к ним. Затем следует совещание для решения спорных вопросов. Затем я должен вновь прочитать весь текст, чтобы проверить его готовность к печати со стилистической и технической точки зрения, а также правильность цитат, разысканных Тусси в английских оригиналах»². «Все это время,— писал Энгельс 9 ноября 1886 г.,— я был занят английским переводом I тома... Это была очень тяжелая работа, так как в конце концов на меня ляжет ответственность за текст. Я не имел возможности заниматься чем-либо другим...»³.

Скорейшему завершению английского издания Энгельс придавал тем большее значение, что с октября 1885 г. в английском журнале «То-Дау» начали печататься главы «Капитала» в переводе Д. Бродхауса (псевдоним Г. Гайндмана, лидера Социал-демократической федерации). Это был совершенно неудовлетворительный перевод, образчик превращения точной мысли в полную бессмыслицу, однако он получал распространение и его надо было немедленно вытеснить.

В связи с появлением гайндмановского перевода Энгельс в ноябре 1885 г. опубликовал в журнале «Commonweal» статью «Как не следует переводить Маркса».

Высмеив наиболее вопиющие нелепости этого перевода, показав абсолютное дилетантство переводчика, отсутствие у него всякого представления о том, что такое «подлинно добросовестная научная работа»⁴, Энгельс вместе с тем сформулировал несколько основных требований, которым обязательно должен отвечать и неукоснительно следовать переводчик «Капитала». Таковы — совершенное знание немецкого языка и языка, на который переводишь, умение передавать выразительный немецкий язык Маркса адекватными средствами другого языка, свободное владение предметом книги. У Гайндмана как раз и не оказалось ни одного из этих качеств.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 227—228.

² Там же, стр. 402.

³ Там же, стр. 479.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 245.

Первое английское издание I тома «Капитала», подготовленное под редакцией Энгельса, вышло в двух книгах в начале января 1887 г. Энгельс снабдил это издание своим предисловием. Он особо подчеркнул здесь, что выводы, сделанные в «Капитале», который на континенте часто называют «библией рабочего класса», «все больше и больше становятся основными принципами» международного рабочего движения и что «рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний»¹.

Буквально в течение двух месяцев весь тираж издания (500 экз.) был распродан, причем около половины в США. Издатель Зонненшайн в апреле 1887 г. по стереотипу предпринял второй выпуск. В 1889 и 1891 гг. издание было снова повторено, но уже в одной книге.

Работа над четвертым немецким изданием I тома

С осени 1889 г. Энгельс начал подготовку четвертого — последнего при его жизни — немецкого издания I тома «Капитала». Это была кропотливая и ответственная работа, хотя и не такая разнообразная, обширная и сложная, как с предшествовавшими изданиями.

Задачи по подготовке четвертого издания Энгельс сформулировал в письме Зорге 26 сентября 1889 г.: «Для этого понадобится лишь несколько исправлений и дополнительных примечаний, но их надо чрезвычайно тщательно составить и отредактировать, а также внимательно просмотреть печатный текст, чтобы не вкралось какое-либо извращение смысла»². А 17 октября Энгельс в письме К. Шмидту несколько уточнил эту задачу: «...Так как тем временем вышло английское издание, в котором г-жа Эвелинг сличила все цитаты с оригиналом, причем кое-где обнаружилось *формальные* расхождения, а еще больше — описки и опечатки в фактических данных, то я никак не могу выпустить четвертое издание, не исправив всего этого»³.

В письмах Бебелю 15 ноября 1889 г. и переводчику «Капитала» на русский язык Н. Ф. Даниельсону 5 декабря 1889 г. Энгельс уже подвел некоторый итог работы над изданием: «Работа, — отмечал он, — была не малая...»⁴. «За это время я успел подготовить четвертое издание I тома... там имеются два-три новых дополнения из французского издания; цитаты сверены по английскому изданию, кроме того, я добавил несколько собственных примечаний, в частности, одно о биметаллизме»⁵. Речь идет о большом добавлении к примечанию 108 в главе третьей, где Энгельс на основе анализа относительных измене-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 33.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 231.

³ Там же, стр. 244.

⁴ Там же, стр. 252.

⁵ Там же, стр. 268.

ний в стоимости золота и серебра за последние 25 лет пришел к выводу, что дешевающему серебру, несмотря на искусственное противодействие банков и правительств, «предстоит все более и более утрачивать свое свойство денег на мировом рынке»¹. Последующее развитие событий в сфере валютных отношений, как известно, полностью подтвердило этот прогноз.

Все новые, по сравнению с третьим немецким изданием, добавления, сделанные в результате еще одного сличения немецкого текста с экземпляром французского издания, на котором сохранились пометки Маркса, Энгельс оговорил в предисловии к четвертому изданию, датированном 25 июня 1890 г. Таким образом, в четвертом издании Энгельсом была установлена окончательная редакция как основного текста, так и примечаний.

В предисловии к этому изданию Энгельс специально коснулся растянувшегося на два десятилетия «профессорского похода»², организаторы которого задались целью уличить Маркса в недобросовестном цитировании. Несмотря на то, что еще сам Маркс доказал в печати несостоятельность этого обвинения, буржуазные клеветники продолжали ворошить эту историю и после его смерти. Энгельс кратко изложил историю этой полемики, начавшейся 7 марта 1872 г., когда в берлинском журнале «Concordia» появилась анонимная статья. Ее автор утверждал, будто Маркс сначала в Учредительном Манифесте Интернационала, а потом в I томе «Капитала» преднамеренно искажил цитату из бюджетной речи канцлера казначейства Англии Гладстона. Энгельс еще раз показал лживость выдвинутых против Маркса обвинений и недобросовестность приемов буржуазных критиков марксизма.

Подготовка к изданию рукописей II тома

Когда Маркса не стало, противники марксизма, как всегда неразборчивые в средствах, стали усиленно распространяться о том, что Маркс дальше I тома «Капитала» не продвинулся, что ему «и в голову не приходило» написать второй том, что разговоры о готовящемся втором томе были не более, чем «хитрой уверткой Маркса» для того, чтобы уклониться от научной полемики с критиками развитых в I томе якобы чрезвычайно абстрактных, не выражающих действительных отношений капиталистического способа производства теорий стоимости и прибавочной стоимости³. Но все эти утверждения злопыхателей не имели под собой никакой почвы.

Осиротевший дом Маркса был полон ящиков, пакетов, свертков, книг. Среди них Елена Демут уже 25 марта 1883 г. нашла сверток с рукописями второй и третьей книг «Капитала».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 154.

² Там же, стр. 40.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 16.

Никто, однако, не знал, в каком они состоянии, насколько готовы к печати. Не знал этого даже Энгельс. «Ты спрашиваешь,— писал Энгельс Бебелю 30 августа 1883 г.,— как так случилось, что даже я не знал, насколько продвинулась работа? Очень просто: если бы я знал это, то не давал бы ему покоя ни днем, ни ночью, пока книга не была бы закончена и напечатана. И это Маркс понимал лучше, чем кто бы то ни было; но он знал и то, что в худшем случае, который сейчас как раз и произошел, рукопись могла быть издана мной в его духе,— об этом он говорил также и Тусси»¹.

Социалисты всего мира с понятной тревогой спрашивали: что же будет с незаконченной работой Маркса над «Капиталом»? Энгельс отвечал им: рукописи будут изданы; ни одно слово Маркса — а каждое его слово на вес золота — не будет утрачено. В соответствии с волей покойного Энгельс, не колеблясь, взял на себя подготовку к печати этих рукописей. Предстоял немалый труд, но для Энгельса это был приятный труд — ведь он, по его словам, находился как бы «снова вместе со своим старым другом»².

Маркс предполагал, что второй том будет состоять из двух книг — одна посвящалась обращению капитала, другая — в целом процессу капиталистического производства. Содержание оставленных материалов и значительность их объема убедили Энгельса в целесообразности последовательного издания этих книг в виде самостоятельных томов — II и III.

По второму тому было обнаружено несколько рукописей, в том числе два полных текста тома, написанных в различное время. Кроме того, имелся целый ряд отдельных набросков и замечаний.

Рукописи, особенно более поздних лет, как указывал Энгельс в предисловии к тому, «слишком часто носят следы напряженной борьбы с угнетающим болезненным состоянием». В последней по времени написания VIII рукописи, содержащей теорию воспроизводства и обращения общественного капитала, «нередко прерывается логическая последовательность, местами в изложении имеются пробелы, и особенно в конце оно имеет совершенно отрывочный характер»³. Главная масса материала была не отработана стилистически.

Из такого комплекса рукописей Энгельс должен был, как говорил Маркс своей дочери Элеоноре незадолго до кончины, «что-нибудь сделать»⁴.

Прежде всего надо было расшифровать авторские рукописи, а одно это уже было не столь простой задачей ввиду как сложности предмета, так и неразборчивости почерка Маркса, его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 50.

² Там же, стр. 24.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 8, 9.

⁴ Там же, стр. 9.

манеры писать с многочисленными сокращениями слов, англицизмами, словами, комбинируемыми из разных языков, и т. д.

Однако Энгельс без промедления и очень быстро перечитал эти рукописи и уже 18 сентября 1883 г. мог сообщить К. Каутскому: «Вторая книга очень разочарует вульгарных социалистов. Она содержит почти исключительно строго научные, очень тонкие исследования процессов, которые происходят внутри самого класса капиталистов, и ничего такого, из чего можно было бы фабриковать ходкие словечки и громкие фразы»¹.

Первоначально Энгельс надеялся подготовить II том для печати в сравнительно короткие сроки, однако в октябре 1883 г. его самого постигла «проклятая болезнь», из-за которой он потерял по меньшей мере полгода. Болезнь лишней раз заставила Энгельса подумать о том, что и с ним в любое время все может случиться. А поскольку он «единственный из оставшихся в живых», кто в состоянии расшифровать этот почерк и разобрать эти сокращения слов и целых фраз»², то надо было срочно проделать «черновую работу» — продиктовать текст рукописей специально приглашенному переписчику. 20 июня 1884 г. Энгельс уже писал И. Ф. Беккеру, что он диктует II том «Капитала», что дело в общем продвигается быстро, хотя это огромная работа, требующая много времени, а над некоторыми местами приходится изрядно ломать голову. Рецидивы болезни вынуждали Энгельса отрываться от письменного стола, но тем не менее он продолжал диктовать, лежа на диване, с 10 до 5 часов ежедневно, а в вечерние часы занимался предварительным редактированием продиктованного.

Сливив, фраза за фразой, все рукописи, Энгельс в основу окончательной редакции тома взял последние варианты, которые, однако, дополнял подходящими местами из более ранних текстов.

Энгельсу принадлежит установление структуры тома, типичной с архитектурной точки зрения и последующих изданий I тома. Дело в том, что Маркс, как и в первом издании I тома, намечал разбивку книги лишь на главы с более мелкими подразделениями. Энгельс же каждую главу превратил соответственно в отдел, а все три отдела разбил на тематически законченные и цельные главы. С учетом заглавий, встречавшихся в авторских рукописях, а если не было таковых, по своему усмотрению, Энгельс снабдил отделы, главы и разделы глав четкими и точными заглавиями.

Окончательная редакция текста II тома «Капитала» — это отнюдь не механическая компоновка готовых кусков, не простая литературная обработка шероховатых текстов, а исключительно сложная, в высшей степени творческая работа, причем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 55.

² Там же, стр. 87—88.

только Энгельс — великий экономист, тонкий и глубокий знаток мыслей Маркса, его творческой лаборатории — мог эту работу проделать таким образом, чтобы в конце концов получилось произведение, выдержанное в духе и стиле автора «Капитала», чтобы оно было достойным памятником великому учителю и вождю пролетариата. Лишь Энгельсу было по плечу из нескольких рукописей составить единую, заполнить пробелы, устранить нарушения логической связи и последовательности в изложении, облечь первые наброски отдельных фраз и положений в безупречные формы научного языка.

Объем и характер работы над вторым томом, правда, с явным умалением своих заслуг, Энгельс обрисовал в предисловии к нему.

Во второй части предисловия Энгельс опроверг обвинение против Маркса, которое распространяли катедер-социалисты и суть которого состояла в том, будто Маркс совершил плагиат у немецкого экономиста Родбертуса по вопросу о происхождении прибавочной стоимости. Сочинения Родбертуса оставались неизвестными Марксу вплоть до конца 50-х годов, когда он уже разработал собственную критику политической экономии не только в общих чертах, но и в важнейших подробностях. Причём Маркс ознакомился в указанные годы только с одной работой Родбертуса — тремя «Социальными письмами к фон Кирхману». Что же касается его работы «К познанию нашего экономического строя», которую Маркс якобы, не цитируя, широко использовал в «Капитале», то это произведение вообще никогда не попадалось Марксу на глаза¹.

Отвергая клеветнические измышления непризнанного «гения» Родбертуса и его сторонников, Энгельс убедительно показал далее, что все так называемые открытия Родбертуса представляли собой фактически плохой перепев того, что в общем хорошо знали А. Смит и Д. Рикардо и что отражено в их понимании категорий стоимости и прибавочной стоимости. Маркс опирался на учение Смита и Рикардо, но вместе с тем далеко превзошел их. В этой части своего предисловия Энгельс дал на редкость точную характеристику научных заслуг, а также ограниченности и слабых сторон английской классической буржуазной политической экономии. Он ярко показал то новое, благодаря чему «теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, как удар грома с ясного неба»².

В отличие от всех своих предшественников, в том числе и Рикардо, подчеркнул Энгельс, Маркс исследовал труд, поскольку он создает стоимость, исследовал отношение товара и денег, выработал первую исчерпывающую теорию денег, разрешил ту проблему, которая оказалась камнем преткновения для Рикар-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 181.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 19.

до, — обмен между капиталом и трудом на основе закона стоимости, установил разделение капитала на постоянный и переменный, исследовал прибавочную стоимость и открыл две ее формы (абсолютную и относительную), развил впервые рациональную теорию заработной платы.

В этом предисловии Энгельс вновь предстал перед читателем как блестящий историк экономической науки, выдающийся теоретик и полемист. Обращаясь к Энгельсу 28 января 1886 г., И. Ф. Беккер писал: «Твое «Предисловие» ко II книге Маркса уже само по себе является исполинским трудом и полемическим шедевром. Мне доставило огромное удовольствие читать, как основательно и ловко ты ошцупал у тщеславного Родбертуса его павлиньи перья»¹.

Второй том «Капитала» Маркса под редакцией Энгельса увидел свет в июле 1885 г.

Трудности в подготовке к печати рукописей III тома

Огромные трудности подготовки авторских рукописей III тома, трактующих процесс капиталистического производства, взятый в целом, намного превзошли все первоначальные ожидания и оценки Энгельса. В письме И. Ф. Беккеру 20 июня 1884 г. Энгельс высказывал предположение, что вторая книга появится еще до конца года, а третья — в следующем году². Если в отношении II тома он здесь ошибся лишь чуть-чуть, то работа над третьим заняла у него не один год, а около десяти — начал в 1885 г., он закончил ее только в 1894 г. С конца февраля 1885 г. Энгельс приступил к расшифровке оставленных Марксом рукописей и заметок и только 12 января 1894 г. он сообщил в газете «Vorwärts», что долгожданный третий том, завершающий теоретическую часть «Критики политической экономии», находится уже в печати и выйдет в свет не позднее сентября текущего года. Работе над III томом «Капитала» Энгельс отдал в этот период значительную долю времени и сил, считая ее главным и неотложным делом. Издание III тома «Капитала» — одна из вершин творческих достижений Энгельса.

Основная рукопись тома, созданная Марксом в 1865 г., составляла около 1000 страниц. Это о ней писал Энгельс в предисловии к III тому: «Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Как правило, начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, тем больше было экскурсов по поводу возникших в ходе исследования побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4627.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 141.

откладывалась до позднейшего времени, тем длиннее и более запутанными становились части текста, в которых мысли записывались *in statu nascendi* [в процессе их зарождения.— *Ред.*]. Во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более затрудняли автору его самостоятельную работу и, наконец, временами делали ее совершенно невозможной»¹.

Кроме основной рукописи, в распоряжении Энгельса имелись несколько вариантов первой главы и небольшие заметки и исследования по различным проблемам этого тома. Была найдена также тетрадь с расчетами отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. Огромное количество материалов и выписок, особенно из русских источников, предназначалось Марксом для разработки теоретических вопросов аграрных отношений, в частности земельной ренты.

Едва приступив к освоению этого обширного наследства, Энгельс был буквально захвачен богатством открытий, которые оно таило. Уже 8 марта 1885 г., т. е. спустя две недели после начала работы над III томом, он писал Лауре Лафарг: «III книга «Капитала» представляется мне все более и более великой по мере того, как в нее углубляешься. Почти невероятно, как человек, совершивший такие громадные открытия, такую полную и законченную научную революцию, мог в течение 20 лет оставлять их при себе»². И несколько позже, 23 апреля 1885 г., Даниельсону: «Я занят теперь III томом, представляющим собой заключительную часть, которая венчает всю работу и затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который решительно никто не способен прочесть, кроме меня, и не успокоюсь до тех пор, пока весь текст не будет переписан так, чтобы его во всяком случае смогли прочесть другие. После этого я смогу заняться окончательной редакцией, что будет нелегкой задачей, поскольку оригинал находится в незавершенном состоянии. Но как бы то ни было, если даже мне не суждено закончить эту работу, рукопись будет спасена от полной гибели и в случае необходимости может быть издана в том виде, в каком она есть. Этот III том — самая поразительная вещь из всего, что я когда-либо читал, и бесконечно жаль, что автор не смог при жизни довести работу над ним до конца, сам издать его и увидеть то впечатление, которое этой книге суждено произвести. После такого ясного изложения никакие прямые возражения уже невозможны. Самые трудные вопросы разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 4—5.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 246.

³ Там же, стр. 258—259.

Работа по расшифровке и переписке начисто авторского оригинала рукописей была закончена в ноябре 1885 г. После этого Энгельс наметил структуру тома — вместо 7 глав у Маркса 7 отделов, разделенных в свою очередь на 52 главы.

В дальнейшем пришлось произвести перегруппировку материала рукописей, составить цельные параграфы и даже главы из различных отрывочных записей, тщательно проверить фактические данные и расчеты, таблицы. Так, к примеру, возникли главы двадцатая «Из истории купеческого капитала» и двадцать седьмая «Роль кредита в капиталистическом производстве».

Заполнение упомянутых выше «пробелов» потребовало от Энгельса создания ряда глав по существу заново. Так, из главы четвертой «Влияние оборота на норму прибыли» в рукописи Маркса имелось одно только заглавие и указание на то, что автор предполагал изложить суть вопроса на более позднем этапе своей работы. Однако у него так и не дошли руки до этой важной главы. Вся она написана Энгельсом.

Текст главы третьей «Отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости» не заключен в редакторские скобки и не помечен инициалами Энгельса, как это сделано в отношении главы четвертой, тем не менее и эта глава в основном сделана Энгельсом. Из его предисловия к тому видно, что для этой главы у Маркса имелся целый ряд неоконченных математических вычислений, а также упомянутая выше тетрадь с уравнениями, показывающими отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. По просьбе Энгельса, С. Мур, изучавший в свое время математику в Кембриджском университете, обработал эти вычисления и уравнения и резюмировал их. На основе этого резюме и используя также отдельные места основной рукописи 1865 г., Энгельс составил окончательный текст главы, а в конце ее дал следующее подстрочное примечание: «В рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ($m' - p'$); она отличается разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Это движение можно изобразить и в виде кривых. Я воздерживаюсь от воспроизведения этого материала, так как он менее важен для непосредственных целей настоящей книги. Здесь достаточно будет просто обратить на это внимание тех читателей, которые захотят изучить данный вопрос более глубоко»¹.

Большие затруднения, по словам Энгельса, даже главные затруднения², представило редактирование глав для отдела пятого «Деление прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты». Маркс далеко не успел

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 79.

² См. там же, стр. 6.

завершить работу над текстом этих глав, оставленные им материалы представляли собой часто «неупорядоченную груду записей, заметок, материалов в форме выписок»¹. Энгельс по меньшей мере трижды пытался заполнить пробелы и разрабатывать лишь намеченные отрывки, чтобы хотя бы приблизительно получилось то, что намеревался дать сам автор, однако эти попытки оказались безуспешны, так как необходимо было предварительно изучить обширную специальную литературу, а потом писать «нечто такое, что все же не было бы книгой Маркса»². В конце концов, потеряв значительное время, Энгельс ограничился упорядочением того, что было у Маркса, и самыми необходимыми дополнениями.

Общее количество всевозможных вставок и примечаний Энгельса составляет более 60. Во многих из них содержатся теоретические обобщения и анализ новых явлений в капиталистической экономике, знаменовавших «скандальное банкротство» свободной конкуренции, обострение всех противоречий капитализма, близкую смену господства свободной конкуренции стадией монополистического капитала.

Во всей огромной работе над III томом Энгельс неизменно и твердо руководствовался правилом — «подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами»³. Свое вмешательство в текст авторских рукописей Энгельс ограничивал лишь абсолютно необходимыми.

Подготовленный им к печати III том «Капитала» Энгельс сопроводил развернутым предисловием, в котором охарактеризовал состояние сохранившихся рукописей и свою работу над ними. Он разоблачил здесь буржуазных фальсификаторов материалистического понимания истории и экономического учения Маркса — Ю. Вольфа, В. Лексиса, А. Лориа. Эти дипломированные критики марксизма утверждали, что теория прибавочной стоимости абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли, что Маркс-де запутался в дебрях своих логико-теоретических конструкций. С выходом III тома «Капитала» противники Маркса были посрамлены. Энгельс показал, насколько примитивны и недостойны те приемы, к которым вынуждены прибегать буржуазные противники марксизма, будучи не в силах опровергнуть научную аргументацию Маркса.

Атаки на экономическую теорию Маркса не прекратились, однако, и с выходом III тома. Теперь буржуазная критика и даже некоторые представители социал-демократии уцепились за мнимое противоречие между I и III томами: в I томе доказы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 6.

² Там же, стр. 9.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 461.

валось, что товары продаются по стоимости, а согласно определениям III тома — они продаются уже не по стоимости, а по ценам производства, которые включают в себя издержки производства и среднюю прибыль.

Цена производства представлена в III томе как превращенная форма стоимости, как форма проявления закона стоимости в реальной действительности капиталистического рынка. Чтобы облегчить понимание этой проблемы, еще раз разъяснить концепцию Маркса, «выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно сильно подчеркнуто, или сделать некоторые важные дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 году»¹, Энгельс, несмотря на острые приступы роковой болезни, решил специально взяться за перо.

В мае — июне 1895 г. им была написана первая часть из двух намеченных дополнений к III тому «Капитала» — «Закон стоимости и норма прибыли». Прежде всего Энгельс отверг стремления буржуазных экономистов отрицать объективный характер стоимости, вместо стоимости как воплощенного общественно необходимого рабочего времени ввести категорию «стоимости», которая фактически устанавливается в обмене и идентична рыночной цене. Затем с привлечением исторических иллюстраций он показал изменения в обмене товаров от самой первоначальной его ступени, от простого товарного производства, и до того момента, когда производство и обмен вступили в капиталистическую стадию.

В условиях капитализма происходит выравнивание нормы прибыли отраслей производства и торговли с различным органическим строением капитала в общую норму прибыли. Благодаря конкуренции отрасли с относительно высокой долей постоянного капитала по сравнению с переменной получают в свое распоряжение часть «чужой» прибавочной стоимости. Другие капиталистические производители, следовательно, утрачивают в то же время соответствующую часть «своей» прибавочной стоимости. Конкуренция обуславливает перелив капиталов из менее прибыльных сфер в более прибыльные. Товары продаются фактически не по стоимости данной отрасли, а по ценам производства, по некоей средней, которая выражает издержки производства и общую норму прибыли для всех отраслей. Эта практика, происходящая за спиной капиталистов и вне их сознания, не отменяет закона стоимости, а только модифицирует форму его проявления.

Первая часть дополнений была опубликована в теоретическом органе германской социал-демократии «Neue Zeit» вскоре после смерти Энгельса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 462.

Вторая часть дополнений, к большому сожалению, не была написана. Энгельс успел сделать лишь небольшой набросок. Как видно, в этой части под названием «Биржа» имелось в виду осветить изменившуюся роль биржи со времени кризиса 1866 г., постепенное образование в промышленности и торговле акционерных предприятий, техническую революцию в сельском хозяйстве и усиление в области земледелия роли банков и биржи, вывоз капитала в форме акций, раздел колоний между европейскими державами в интересах той же биржи.

Энгельс предполагал выпустить после II и III томов «Капитала» также и IV том.

Первый и единственный вариант этого тома — «Теорий прибавочной стоимости» был написан Марксом в период от января 1862 до июля 1863 г. «Эта рукопись,— сообщил Энгельс Лауре Лафарг 17 декабря 1894 г.,— в *очень* сыром виде...»¹.

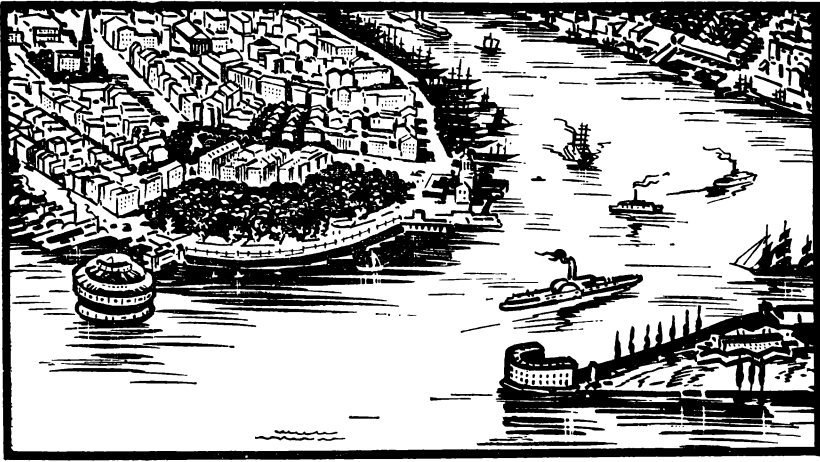
Проделать ту же работу, что по II и III томам, и даже только продиктовать текст с рукописи секретарю Энгельс был уже не в состоянии. «Мое зрение,— признавался он,— было бы полностью загублено прежде, чем я сделал бы половину работы»². Поэтому еще за несколько лет до выхода III тома он решил, что было бы хорошо обучить представителей младшего поколения К. Каутского и Э. Бернштейна умению читать почерк Маркса. Но какое-то сотрудничество, по-видимому, на «коммерческих» началах, с выплатой гонорара из личных сбережений самого Энгельса, удалось наладить только с Каутским, который расшифровал и переписал от руки часть текста рукописи.

Энгельс предполагал поручить расшифровку остальной части рукописи Элеоноре Маркс-Эвелинг. Незадолго до смерти он собирался начать работу над той частью тома, которая уже была переписана Каутским. Однако болезнь помешала ему вплотную приступить к подготовке IV тома «Капитала».

Работа Энгельса над «Капиталом» Маркса, особенно над II и III томами,— это подвиг во имя дружбы, во имя науки, в интересах международного рабочего движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 288.

² Там же.

Глава тринадцатая

В БОРЬБЕ ЗА ИДЕЙНУЮ ПОБЕДУ МАРКСИЗМА

После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов.

В. И. Ленин

«Мекка» социалистов всего мира

Помимо обширных экономических рукописей, он обнаружил массу всевозможных конспектов, выписок, писем, документов рабочего движения. «Из периода до 1848 г., — писал Энгельс Зорге в конце июня 1883 г., — спасено почти все — не только написанные тогда им и мной рукописи сохранились почти полностью... но и переписка; разумеется, также с 1849 г. все целиком, а после 1862 г. даже в некотором порядке; имеется также весьма обширный рукописный материал, относящийся к Интернационалу, достаточный, я полагаю, для полной его истории...»¹. Приведение в порядок архива Маркса затянулось

Первые недели после похорон Маркса Энгельс был занят разборкой архива и библиотеки покойного друга.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 41.

надолго. Только к концу марта 1884 г. Энгельс в основном завершил эту работу, и квартира, в которой протекли последние годы жизни Маркса и его семьи, была освобождена. Все сохранившиеся рукописи и переписку Маркса Энгельс перевез к себе. Елена Демут, которая почти 40 лет была верным спутником и другом семьи Маркса, переехала к Энгельсу и взяла в свои руки его домашнее хозяйство.

Перед Энгельсом встали новые огромные задачи. Помимо подготовки к печати не завершенных Марксом работ, в первую очередь II и III томов «Капитала», он намеревался также написать подробную биографию Маркса в связи с историей немецкого и международного рабочего движения. Эта биография, писал он И. Ф. Беккеру 22 мая 1883 г., «будет также историей «*Neue Rheinische Zeitung*» и движения 1848—1849 гг. на нижнем Рейне, историей паршивой лондонской эмиграции 1849—1852 гг. и историей Интернационала»¹. На плечи Энгельса теперь целиком легли и заботы по руководству международным рабочим движением, которые раньше они делили с Марксом. «Мы ведь должны,— говорил он,— насколько это в моих силах, сохранить те многочисленные нити из всех стран, которые добровольно сходились в кабинете Маркса»².

Важнейшим средством влияния на деятельность социалистических партий и организаций служила Энгельсу переписка с руководителями и участниками движения в различных странах. Масштабы ее были огромны и все возрастали. Энгельс получал письма из Германии, Франции, России, Австро-Венгрии, Италии, Испании, США, Голландии, Швейцарии, Дании, Румынии. С ним переписывались английские социалисты, жившие за пределами Лондона, русские и польские революционные эмигранты. «К нему,— писал впоследствии В. И. Ленин,— одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран ...которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»³.

Среди корреспондентов Энгельса в эти годы были и его старые друзья, соратники по Союзу коммунистов, революционным боям 1848—1849 гг., I Интернационалу, и молодые социалисты. У него искали помощи и совета лидеры социалистических партий и организаторы массовых стачек, переводчики и издатели марксистской литературы, начинающие социалистические журналисты, пропагандисты и популяризаторы учения Маркса, либеральные профессора, отдававшие дань уважения одному

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 24.

² Там же, стр. 18.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

из основоположников нового мировоззрения, многие эмигранты, просившие о материальной поддержке. Письма из самых разных стран доставлялись в дом Энгельса почти ежедневно. В течение года их поступало несколько сотен. И не оставалось ни одного, на которое не был бы дан ясный, исчерпывающий ответ.

Для друзей и последователей Энгельса его письма имели огромную ценность. Они помогали ориентироваться в самой сложной обстановке, в самых запутанных ситуациях, находить правильную тактику, отвечающую коренным интересам пролетариата. Ошибки своих сторонников Энгельс подвергал нелицеприятной критике и доказывал необходимость их исправления.

С другой стороны, получаемые Энгельсом письма давали ему обширный материал для размышлений и обобщений. Он черпал из них такую информацию о положении дел в рабочем движении, которую невозможно было извлечь ни из прессы, ни из иных печатных источников. Благодаря этому Энгельс всегда имел перед собой картину движения в целом и мог анализировать его состояние и перспективы развития.

Особенно теплые отношения поддерживал Энгельс со старыми соратниками, с которыми его связывали десятилетия совместной борьбы и личной дружбы. Частым гостем в его доме был Ф. Лесснер. Осенью 1886 г., незадолго до своей смерти, около двух недель гостил здесь И. Ф. Беккер. А когда он скончался, его памяти Энгельс посвятил взволнованный некролог, в котором дал яркую характеристику этому пламенному революционеру. В эти годы Энгельс навещал в Гастингсе своего тяжело больного старинного приятеля, демократического публициста, участника революции 1848—1849 гг. С. Боркхейма.

Бывая в Лондоне, к Энгельсу непременно заходил в прошлом видный деятель революционного крыла чартизма Гарни. В конце 1886 г. в доме Энгельса несколько дней провел лидер голландских социалистов Д. Ньювенгейс. Наиболее частыми посетителями были английские социалисты. «Воскресенье в доме Энгельса, пожалуй, напоминали вавилонское столпотворение... Социалисты всех стран сделали из Риджентс-парк-род 122 свою Мекку»¹, — вспоминал вскоре после смерти Энгельса Э. Эвелинг.

Развитие и пропаганда марксистского учения В 80-х годах создалась значительно более благоприятная, чем раньше, обстановка для широкого распространения марксистских идей в большинстве европейских стран. С ростом крупной промышленности менялась структура рабочего класса, крепло его классовое сознание, увеличивался интерес пролетариев к социализму. Социалистическая литература переставала быть достоянием только выдающихся по своему интеллектуальному уровню пролетариев, ее с интересом и

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 325—326.

огромным вниманием читали теперь и те, до которых еще сравнительно недавно она вообще не доходила. Между тем даже основные произведения Маркса и Энгельса были к тому времени относительно мало известны, особенно за пределами Германии. Большая часть этих работ не была переведена на другие языки. Поэтому Энгельс в 80-е годы много занимался новыми изданиями произведений Маркса и своих работ, организацией и редактированием их переводов, просмотром статей и брошюр, в которых популярно излагалось марксистское учение.

Он приветствовал инициативу немецкого социал-демократического издательства в Цюрихе, начавшего в 1884 г. выпуск дешевой «Социал-демократической библиотеки», и оказал большую помощь в подборе книг, а также в качестве редактора новых изданий.

Особо важным Энгельс считал возможно более широкое распространение «Манифеста Коммунистической партии». Под его редакцией, а в ряде случаев и с новыми, написанными им предисловиями, в 80-х годах вышли издания «Манифеста» на немецком, французском, русском, датском, английском языках. Подчеркивая, что «переводить «Манифест» необычайно трудно»¹, Энгельс сам отредактировал французский перевод, подготовленный Лаурой Лафарг, английский, выполненный Самюэлом Муром, датский, принадлежавший видному социалисту Герсону Триру.

По возможности Энгельс старался следить за всеми изданиями своих и Маркса произведений на других языках, контролировать качество переводов. «...Мне,— писал он И. Ф. Беккеру в декабре 1885 г.,— ...приходится просматривать множество переводов на французский, английский, итальянский и датский языки, причем в большинстве случаев они в этом весьма нуждаются»². Только в течение 1884—1885 гг. он отредактировал английский перевод I тома «Капитала», переводы «Происхождения семьи, частной собственности и государства» на итальянский и датский языки, «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» — на французский, «Положения рабочего класса в Англии» для издания в США — на английский.

Энгельс провел редакцию немецкого перевода «Нищеты философии», сделанного Бернштейном и Каутским, подобрал для книги приложения, написал большое предисловие и примечания.

Свои предисловия или вступительные статьи, представлявшие собой оригинальные исследования, Энгельс предпосылал почти всем переизданиям и переводам, выходящим с его участием. Это была важная область его теоретической работы. Как правило, эти предисловия печатались одновременно в немец-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 40.

² Там же, стр. 339.

кой социалистической прессе, а иногда и в органах социалистической печати других стран.

Некоторые из них были тесно связаны с планами создания биографии Маркса и истории немецкого рабочего движения; они по существу представляют собой фрагменты этого широко задуманного, но оставшегося неосуществленным сочинения. Таковы, например, введение к памфлету Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» — «К истории Союза коммунистов» (1885 г.) — блестящий очерк истории этой первой международной пролетарской организации; предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне» (1885 г.), раскрывающее одну из ярких страниц борьбы Маркса и его соратников против наступления реакции. К ним непосредственно примыкает статья «Маркс и «*Neue Rheinische Zeitung*» (1848—1849)», написанная к первой годовщине со дня смерти Маркса. Всем этим работам свойственно не только глубокое проникновение в суть описываемых событий, но и умение связать освещение сравнительно отдаленных исторических событий с актуальными задачами рабочего движения.

На примере тактики, которую они с Марксом проводили в революции 1848—1849 гг. в Германии, Энгельс доказывал необходимость участия пролетариата в борьбе за общедемократические требования под руководством самостоятельной политической партии, отстаивающей его классовые интересы и никогда не упускающей из виду его конечную цель. Статьи Энгельса были прямо направлены как против попыток буржуазных историков исказить историю начального этапа немецкого рабочего движения, так и против оппортунистических элементов внутри германской социал-демократии, готовых пойти на отказ от революционной борьбы в обмен на второстепенные уступки со стороны правящих классов. Образец принципиальности и мужества видел Энгельс в речи Маркса перед судом присяжных в Кёльне, отмечая, что здесь Маркс отстаивал «революционную точку зрения в такой форме, которая могла бы кое для кого послужить примером и в настоящее время»¹.

В январе 1887 г. Энгельс написал предисловие ко второму изданию своей книги «К жилищному вопросу». Анализируя некоторые особенности промышленного развития Германии, он убедительно опроверг имевшие определенное распространение внутри социал-демократической партии мелкобуржуазные иллюзии, носители которых видели основной путь к улучшению положения рабочего класса в «простом социальном штопанье» и пресловутом бисмарковском «государственном социализме».

Экономическим проблемам посвящено также написанное весной 1888 г. предисловие Энгельса к американскому изданию

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 209.

брошюры Маркса «Речь о свободе торговли». Энгельс рассматривает здесь некоторые новые явления в развитии капитализма, в частности, образование крупных промышленных монополий.

В 1884 г. Энгельс решил переработать для нового издания свою работу «Крестьянская война в Германии». Написанная почти тридцать пять лет назад, она теперь не вполне удовлетворяла его. Опыт истекших десятилетий — особенно после объединения Германии — позволял по-новому взглянуть на многие события германской истории, глубже осмыслить особенности ее развития вплоть до самого последнего времени. Из сохранившихся фрагментов и планов видно, что Энгельс предполагал исследовать причины длительного сохранения феодальной раздробленности Германии и отрицательное воздействие этого на ее дальнейшие судьбы, раскрыть значение Крестьянской войны 1525 г. как кульминационного пункта Реформации — первой буржуазной революции в Европе, показать исторические последствия ее неудачи. Однако, занятый другими неотложными делами, Энгельс не смог осуществить этот замысел.

Вместе с тем Энгельс считал также полезным переиздание некоторых старых, но не потерявших значения работ своих друзей и соратников. Так, брошюре Вильгельма Вольфа «Силезский миллиард» (серия статей из «*Neue Rheinische Zeitung*» за 1849 г.), разоблачавшей систему полуфеодальной эксплуатации крестьянства прусским юнкерством, он предпослал в качестве введения статью «К истории прусского крестьянства» — яркий очерк развития аграрных отношений в Восточной Германии, образец марксистского историко-экономического исследования.

В декабре 1887 г. Энгельс приступил к работе над брошюрой о роли насилия в истории. По намеченному им плану в нее должны были войти в частично переработанном виде три объединенные названием «Теория насилия» главы из «*Анти-Дюринга*», в которых изложено марксистское понимание соотношения экономики и политики, дополненные еще одной, новой главой, написанной на материале истории Германии второй половины XIX в. Энгельс намеревался вскрыть здесь классовую сущность политики Бисмарка, разбраться «бисмарковские методы насилия и причины их временного успеха»¹. В течение января — февраля 1888 г. он усиленно работал над рукописью, рассчитывая закончить ее в ближайшие месяцы. Энгельс предполагал довести изложение событий до самого последнего времени, чтобы дать своим соратникам в Германии новое идейное оружие в борьбе с режимом Бисмарка.

Однако завершить главу Энгельсу не удалось. Различные другие дела отвлекли его, и незаконченная рукопись осталась

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 12.

лежать в письменном столе. Но и в таком виде эта работа представляет большой интерес как превосходный образец марксистского исторического исследования, в котором глубокий анализ существа рассматриваемых событий сочетается с блестящей литературной формой, а самые острые проблемы современности излагаются в тесной связи с предшествующим историческим развитием.

Энгельс вскрыл социальные и политические причины, в силу которых объединение Германии было осуществлено не революционно-демократическим путем, а посредством «революции сверху», под верховенством юнкерской Пруссии, бисмарковскими методами, «железом и кровью».

Убедительно показал Энгельс бонапартистский характер политики Бисмарка, направленной на постепенное «опруссаживание» Германии, его неразборчивость в выборе политических средств. Он дал убийственную характеристику немецкой либеральной буржуазии, капитулировавшей перед «железным канцлером», подверг глубокому анализу классовую структуру Германской империи, ее конституцию и предпринятые Бисмарком в 70-х годах административные реформы, дал характеристику немецких политических партий.

Как видно из сохранившихся набросков плана заключительной главы, Энгельс хотел далее показать неизбежность провала политики Бисмарка и конечного краха Германской империи. Энгельс отмечал, что обстановка в Германии все более толкает пролетариат к революции. Он предвидел отмену исключительного закона против социалистов и как результат этого огромный рост влияния социал-демократии.

С готовностью откликнулся Энгельс на просьбу молодого французского социалиста Г. Девиля просмотреть его рукопись — изложение I тома «Капитала». На чтение этой работы он потратил часть летнего отдыха и в начале октября 1883 г. вернул ее автору, предложив внести в текст ряд серьезных изменений. Правда, Девиля не выполнил этих рекомендаций, и книга вышла без учета замечаний Энгельса. Поэтому, хотя Энгельс в общем оценил эту работу положительно, он отсоветовал Каутскому переводить на немецкий язык книгу Девиля, считая, что в ней «необходимо переработать не только *историческую* часть, но также и описательную»¹, и предложил ему сделать собственное изложение. Несколько позже Каутский написал работу «Экономическое учение Карла Маркса», которая была отредактирована Энгельсом осенью 1886 г.

Особое значение Энгельс придавал полемическим выступлениям против идейных врагов марксизма, против различных критиков и «опровергателей» теории Маркса. Летом 1884 г. он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 95.

одобрил намерение Лафарга подвергнуть критике только что вышедшую антимарксистскую книгу французского буржуазного экономиста П. Леруа-Больё «Коллективизм». Критическая проверка нового социализма». Прежде чем выступить в печати, Лафарг прислал Энгельсу свою рукопись и вскоре получил от него подробнейшие замечания. В письме по этому поводу Энгельс высказал несколько советов, имеющих важное методологическое значение для критики буржуазной литературы вообще. Он подчеркнул необходимость объективного анализа, строго научной аргументации. Энгельс советовал Лафаргу «основательно перечитать «Капитал»»¹.

Борьба против идейных противников и вульгаризаторов марксизма имела особое значение для Германии. Так называемые катедер-социалисты — буржуазные экономисты, хотя и критиковали отдельные стороны и проявления капиталистической действительности, старались теоретически обосновать «государственный социализм» Бисмарка, восхваляли предпринятые им для обмана масс «социальные реформы», уверяли, что основным средством улучшения положения рабочего класса является вмешательство буржуазного государства в отношения между рабочими и капиталистами. Сторонники катедер-социалистов имелись и среди социал-демократических литераторов-оппортунистов, проповедовавших отказ от революционной борьбы. Теоретическим знаменем катедер-социалистов были сочинения вульгарного экономиста, померанского помещика К. Родбертуса, в которых, по его собственному мнению и мнению его почитателей, будто бы еще до и независимо от Маркса были заложены основы научной теории прибавочной стоимости. Родбертуса изображали чуть ли не основоположником научного социализма, ставя его рядом с Марксом и даже пытаясь доказать зависимость марксовской экономической теории от его взглядов. Энгельс считал чрезвычайно важным разоблачение буржуазного существа родбертусовского «социализма» и раскрытие прямой идейной связи его воззрений с «государственно-социалистической» практикой бисмарковской империи. Он сам дважды выступал в печати с критическим разбором взглядов Родбертуса — в предисловии к немецкому изданию «Нищеты философии» и в предисловии ко II тому «Капитала». Эти выступления были встречены представителями революционного крыла партии с огромным интересом. «Я горячо приветствую твои работы против Родбертуса»², — писал Энгельсу Бебель в ноябре 1884 г.

По инициативе Энгельса и при прямой его поддержке полемика против апологетов и последователей Родбертуса заняла

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 171.

² August Bebel's Briefwechsel mit Friedrich Engels. The Hague, 1965, S. 201 (далее—Bebel's Briefwechsel...).

в середине 80-х годов значительное место и в «Sozialdemokrat», и в теоретическом органе партии «Neue Zeit».

Когда один из лидеров реформистского крыла партии, активный сторонник Родбертуса К. А. Шрамм выпустил брошюру «Родбертус, Маркс, Лассаль», в которой по существу призывал отказаться от марксизма и вернуться к взглядам Лассаля, Энгельс решительно высказался за то, чтобы на страницах «Sozialdemokrat» был дан убедительный отпор этой вылазке. В июне 1884 г. он отредактировал статью Каутского ««Капитал» Родбертуса», направленную против попыток вульгарных экономистов опереться в своей критике Маркса на идеи Родбертуса, а также против поклонников и апологетов последнего среди германской социал-демократии. Энгельс с интересом следил за развернувшейся в «Neue Zeit» после опубликования этой статьи дискуссией ее автора со Шраммом; он выправлял отдельные ошибки Каутского и помогал ему найти четкие и веские аргументы.

По совету Энгельса, на основе его замечаний Каутский в конце 1885 г. написал рецензию на клеветническую и фальсификаторскую книгу немецкого буржуазного публициста Г. Адлера, искажавшую историю германского рабочего движения. Энгельс начал писать статью «Юридический социализм», рецензию на книгу профессора Венского университета А. Менгера «Право на полный трудовой доход в историческом освещении». Однако в связи с болезнью он не смог ее окончить и это было по его поручению и под непосредственным его руководством сделано Каутским. В статье было показано, что Менгер придавал решающее значение в развитии общества не экономике, а правовым отношениям, обосновывал необходимость социализма юридическими и этическими аргументами, превратно трактовал его исторические предпосылки, отождествляя марксизм с уже сошедшими со сцены утопическими теориями.

Разносторонняя публицистическая деятельность Энгельса в 80-х годах сыграла выдающуюся роль в идейной победе марксизма в рабочем движении. Она помогла передовым рабочим и социалистам европейских стран понять действительное существо различных течений буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Это облегчило и ускорило процесс создания и укрепления самостоятельных пролетарских партий.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства»

В течение двух месяцев, с конца марта до конца мая 1884 г., Энгельс написал одно из своих самых значительных произведений — «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Первое издание книги появилось в Цюрихе в начале октября 1884 г. При жизни автора она выдержала несколько изданий на немецком языке и была переведена на многие другие языки.

Среди бумаг Маркса Энгельс обнаружил составленный им в 1880—1881 гг. подробный конспект сочинения американского прогрессивного ученого Льюиса Г. Моргана «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Конспект содержал также критические замечания и собственные соображения Маркса. По-видимому, Маркс намеревался посвятить специальную работу анализу с точки зрения исторического материализма многолетних исследований Моргана, но не успел это сделать.

Ознакомление с конспектом Маркса, а затем и с самой книгой убедило Энгельса в том, что Морган по-своему, независимо от Маркса и от него, вновь открыл материалистическое понимание истории. Изучая древние общественные структуры на примере североамериканских индейцев, среди которых он прожил долгое время, Морган в 70-е годы при сопоставлении варварства и цивилизации пришел в сущности к тем же выводам, которые Маркс и Энгельс сделали в 40-е годы. Великая заслуга Моргана, говорил Энгельс, состоит в том, что в родовых связях североамериканских индейцев он нашел ключ к важнейшим загадкам древней греческой, римской и германской истории, «открыл... в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории» и «со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему»¹.

Опираясь на данные Моргана, дополнив их новыми материалами, экономическими обоснованиями, отсутствовавшими в книге, используя критические замечания и соображения Маркса из упомянутого конспекта, а также собственные материалы по истории Греции, Рима, Ирландии и древних германцев, Энгельс дал широкую картину происхождения семьи, частной собственности и государства. Он рассматривал эту свою работу как в известной мере выполнение завещания Маркса.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс дал глубокую характеристику первобытнообщинного, рабовладельческого и в известной мере феодального строя. Благодаря этому получило дальнейшее конкретное развитие подлинно научное, материалистическое истолкование всего хода всемирной истории. Анализом производственных отношений докапиталистических форм производства Энгельс внес огромный вклад в экономическую науку, в разработку важнейших проблем политической экономии в широком смысле.

В этом классическом труде впервые в систематическом виде дано научное материалистическое освещение истории человеческого общества на ранних этапах, показаны история развития семьи в различных общественно-экономических формациях, процесс разложения первобытнообщинного строя и образования классового общества, основанного на частной собствен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 26, 28.

ности, раскрыты происхождение и сущность государства, доказана историческая неизбежность его отмирания в бесклассовом коммунистическом обществе.

Один из важнейших вопросов, которому посвятил свой труд Энгельс,— это история семьи, место и роль ее в жизни общества.

Энгельс подчеркнул, что на начальных этапах развития общества семейные отношения, узы родства оказывают значительное влияние на общественный строй, однако по мере роста производительных сил положение меняется. Развитие производства, рост производительности труда и возникновение частной собственности взрывают старое общество, покоящееся на родовых связях, на его место приходит новое общество, «в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории вплоть до нашего времени»¹.

Последовательный материалист-диалектик, Энгельс шаг за шагом прослеживает, как развивались и изменялись формы семьи в зависимости от изменений в способе производства материальных благ.

В начальный период истории человечества существовали различные виды группового брака, затем возник парный брак, соединение отдельных пар на более или менее продолжительный срок. Наконец, появилась моногамия.

Не довольствуясь данными Моргана, Энгельс привлек исследования других ученых, широко использовал памятники художественной литературы, в частности поэмы Гомера, произведения народного творчества. При доработке книги для четвертого, значительно дополненного издания (1891 г.) Энгельс использовал труды М. М. Ковалевского, отметив, что наука многим обязана этому русскому ученому в доказательстве того, что патриархальная домашняя община у славянских и восточных народов образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной современной семье.

Экономической основой первоначальных форм семьи являлось первобытное коммунистическое домашнее хозяйство, где главную роль играла женщина. Господствующие в таком хозяйстве женщины принадлежали обычно к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежали к разным родам. Родство устанавливалось лишь по материнской линии. По мере развития производительных сил уменьшалось влияние женщины в экономической жизни и в общественных отношениях. С возникновением частной собственности материнское право

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 26.

падает и совершается переход к наследованию по отцовской линии. Через промежуточную форму патриархальной семьи развитие приводит к моногамной (единобрачной) семье, которая сохраняется до наших дней. Однако единобрачие появляется отнюдь не как союз согласных между собой и любящих друг друга мужчины и женщины. «Оно появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами... Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других. Единобрачие — это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий»¹.

Резкой критике подверг Энгельс современную буржуазную семью, которую буржуазные идеологи превозносят как идеальную, как высшее воплощение нравственности. На самом деле, основой этой семьи очень часто бывает брак по расчету. Поэтому в буржуазном браке рядом с мужем, «скрашивающим» свое существование неофициальным многоженством и посещением публичных домов, стоит покинутая жена, которая при всяком подходящем случае старается сделать своего законного мужа рогоносцем.

Но в буржуазном обществе среди угнетенных классов, прежде всего у пролетариев, подчеркивает Энгельс, складываются браки, в которых решающую роль играют чувства взаимной любви и уважения. Это добровольный союз равноправных людей.

Завершая всесторонний анализ возникновения и развития различных форм семьи, Энгельс ставит вопрос о том, какому превращению подвергнется семья «после предстоящего уничтожения капиталистического производства». Он говорит, что «вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий»². Эти новые люди решительно покончат с грязью и ложью буржуазных семейных отношений.

Исключительно важное значение имеет исследование Энгельсом происхождения и развития различных форм собствен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 68—69.

² Там же, стр. 85.

ности. Оно полностью опровергает утверждения буржуазных экономистов и социологов о том, что частная собственность существует вечно. Энгельс доказывает, что частная собственность возникла лишь на определенном этапе истории человеческого общества. Зарождение и развитие форм собственности он рассматривает в неразрывной связи с развитием производительных сил.

С изменением орудий производства и ростом производительности труда, как показывает Энгельс, развивалось общественное разделение труда, а вместе с ним изменялись формы собственности и социальные отношения. Общественная родовая собственность взрывается; побеждает и развивается частная собственность, с появлением которой общество раскалывается на классы с противоположными экономическими интересами. Первое крупное общественное разделение труда — выделение скотоводства — впервые сделало возможным регулярный обмен между пастушескими и непастушескими племенами, привело к увеличению производительности труда, росту богатства и появлению рабства. В связи с этим произошло первое крупное разделение общества на классы: на господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых. Результатом второго крупного общественного разделения труда — отделения ремесла от земледелия — было то, что наряду с различием между свободными и рабами среди свободных появилось различие между богатыми и бедными и возникли, следовательно, новые общественные классы. Наконец, третье крупное общественное разделение труда — выделение особого слоя людей, занятых уже не производством, а только обменом произведенных продуктов, — создает новый класс эксплуататоров, купцов — «класс паразитов, класс настоящих общественных туенядцев»¹.

Такова данная Энгельсом общая картина развития производительных сил и связанных с этим изменений в производственных отношениях между людьми на ранних ступенях развития общества.

Энгельс доказал, что на начальной стадии развития всех народов существует общественная собственность на средства производства. Общество, основными ячейками которого были род и племя, сменившие на определенной ступени первобытное стадо, не знало ни разделения на классы, ни связанных с этим разделением отношений господства и подчинения, ни отделенной от народа публичной власти — государства. Но первая форма коммунистической собственности была примитивной: она была связана с низким уровнем производительности труда, и в этом заключалась ее слабость и источник ее гибели. Энгельс показывает, как рост производительности труда приводит к

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 166.

победе частной собственности и служит основой развития ее различных форм: рабовладельческой, феодальной, капиталистической; как общество раскалывается на антагонистические классы. Своего наивысшего, полного и законченного развития частная собственность достигает при капитализме, когда она превращается в преграду дальнейшему прогрессу человечества. Эту преграду устраняет социальная революция пролетариата, в результате которой ликвидируется частная собственность на средства производства и совершается переход к общественной коммунистической собственности. Такова диалектика истории.

Всестороннее исследование проблемы происхождения и сущности государства в книге Энгельса явилось новым важным этапом в разработке марксистского учения о государстве, логическим продолжением таких классических трудов, как «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Критика Готской программы» и «Анти-Дюринг».

Энгельс неопровержимо доказал, что в течение длительного периода существовали общества, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. Государство возникло на более поздней ступени развития человечества в результате разложения родовой организации. Оно никоим образом не представляет собой силы, навязанной извне, а является продуктом внутреннего развития общества.

Государство, пишет Энгельс, возникло в результате появления частной собственности и связанного с этим раскола общества на классы с непримиримыми интересами. На примере возникновения государства в Древних Афинах, в Древнем Риме и у германцев Энгельс ясно и убедительно показал, что государство — это особая сила, по видимости стоящая над обществом, призванная умерять столкновения классов и, самое большее, допускать классовую борьбу только в экономической области, в границах «порядка». Его первой особенностью была организация людей по территориальному признаку, а не по родственным связям. Вторая характерная черта государства — это наличие публичной власти, которая состоит из особых отрядов вооруженных людей, а также «из вещественных приделков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода»¹. Государство по общему правилу является органом «самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»².

Энгельс рассмотрел различные конкретные формы государства, в частности, раскрыл классовую природу буржуазно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 170.

² Там же, стр. 171.

демократической республики, которую апологеты капитализма изображают как высшую форму демократии. Он указал, что в демократической республике «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников — классическим образцом является Америка, — с другой стороны, в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средоточием ту же биржу»¹.

Предостерегая от парламентских иллюзий, получивших к тому времени распространение среди некоторых деятелей рабочего движения, особенно среди оппортунистических элементов в германской социал-демократии, Энгельс писал, что пока сохраняется власть капитала, никакие демократические свободы сами по себе не могут привести к социальному освобождению трудящихся.

Заканчивая свое исследование происхождения государства, Энгельс писал: «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»².

В. И. Ленин высоко ценил эту работу Энгельса, называл ее одним «из основных сочинений современного социализма». В этом сочинении, говорил он далее, «можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала»³. Эта книга представляла собой необычайный взлет творческой мысли Энгельса, она вооружила рабочий класс новыми научными аргументами для разоблачения прямых апологетов капитализма, катедер-социалистов и прочих противников социального прогресса, пытавшихся доказывать незыблемость строя, основанного на частной собственности.

**«Людвиг Фейербах
и конец классической
немецкой философии»**

В 1885 г. одно штутгартское издательство выпустило книгу датского философа и социолога К. Штарке о Людвиге Фейербахе. Редакция «Neue Zeit» обратилась к Энгельсу с просьбой написать критический разбор этого сочинения. Энгельс охотно воспользовался предложением, однако не ради разбора книги Штарке,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 172.

² Там же, стр. 173.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

а для того чтобы, как он сам говорил, изложить свои и Маркса взгляды на философию Гегеля и, главным образом, показать то влияние, «которое в наш период бури и натиска оказал на нас Фейербах»¹. Энгельс считал это необходимым, в частности, потому, что ни ему, ни Марксу не пришлось до того систематически охарактеризовать свое отношение к этим двум философам, прямым предшественникам философии марксизма.

Этого требовали и насущные потребности революционного рабочего движения. Дать цельное изложение основ марксистской философии было особенно необходимо в связи с известным возрождением влияния гегелевской философии, распространением среди буржуазной и части социал-демократической интеллигенции различных форм идеалистической философии, в частности неокантианства, позитивизма, а также вульгарного материализма.

Такова, кратко, предыстория философского труда Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» — выдающегося произведения научного коммунизма, где с полной ясностью освещен процесс возникновения и развития марксистского мировоззрения, дано систематическое изложение принципов диалектического и исторического материализма.

Эта выдающаяся работа первоначально была напечатана в упомянутом журнале в 1886 г., а затем вышла отдельным, прототипным автором, изданием и с авторским предисловием в Штутгарте в 1888 г. При жизни Энгельса она издавалась дважды на русском, а также на болгарском и французском языках. Среди первых переводчиков ее — Г. В. Плеханов и Лаура Лафарг.

Энгельс охарактеризовал философские источники мировоззрения пролетариата, подчеркнул принципиальное отличие этого нового мировоззрения от всех предшествующих философских учений, указал как на историческое значение, так и на недостатки философии Гегеля и Фейербаха.

Главная линия развития философии на всем протяжении ее истории — борьба между двумя противоположными философскими лагерями — материализмом и идеализмом. Энгельс первым дал классическое определение основного вопроса философии. «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии, — писал он, — есть вопрос об отношении мышления к бытию»². «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира, — а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает нередко еще более запутанный и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 371.

² Там же, стр. 282.

нелепый вид, чем в христианстве, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»¹.

Этот высший вопрос всей философии имеет и другую сторону — о соотношении между бытием и его отражением в человеческом сознании, о том, способно ли наше мышление познавать действительный мир, являются ли наши представления и понятия о действительности верным отражением самой этой действительности.

Энгельс убедительно показал силу и мощь нашего разума, способность человека раскрывать тайны объективного мира. Самое решительное опровержение агностицизма и других философских школ, оспаривающих возможность познания мира или, по крайней мере, исчерпывающего его познания, писал Энгельс, «заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец»².

Подвергнув критическому анализу гегелевскую философию, Энгельс раскрыл глубокие противоречия в учении Гегеля. Диалектический метод, разработанный Гегелем, был прогрессивным, революционным в своем существе, а его идеалистическая система, теория — консервативной, она носила догматический и метафизический характер. Философское учение Гегеля давало уже его современникам широкий простор для самых различных выводов. Тот, кто придавал главное значение системе Гегеля, мог быть консерватором в области религии и политики, тот же, кто главным считал диалектический метод, мог принадлежать в этих областях к самой крайней оппозиции. «Сам Гегель, — указывал Энгельс, — несмотря на довольно частые в его сочинениях взрывы революционного гнева, в общем, по-видимому, склонялся больше к консервативной стороне...»³.

Знаменитое гегелевское положение «все действительно разумно; все разумное действительно» можно было истолковать как философское оправдание всего существующего, даже самых реакционных политических порядков. Но гегелевский метод признает действительным лишь то, что необходимо. Это дает основание для совершенно противоположного вывода: необходимое оказывается, в конечном счете, также и разумным, а то, что разумно и необходимо, должно стать и действительным. По мере развития все, бывшее ранее действительным, утрачивает свою необходимость, свою разумность и тем самым

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 283.

² Там же, стр. 284.

³ Там же, стр. 279.

лишается права на существование, оно должно быть заменено другим необходимым, разумным. Следовательно, замечает Энгельс, по всем правилам гегелевского метода, тезис о разумности всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует. «Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления,— насильственно, если оно противится этой необходимости»¹.

«Истинное значение и революционный характер гегелевской философии»² Энгельс видел именно в диалектическом методе, который раз и навсегда разделался «со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия»³. История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения. Все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества. «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу»⁴.

Однако сам Гегель не делал таких революционных выводов; напротив, его идеалистическая система требовала завершения процесса развития постижением абсолютной истины. Подчиняясь умозрительной, спекулятивной схеме, Гегель вопреки собственному методу, в вопиющем противоречии с диалектикой утверждал, что абсолютная идея находит свое воплощение в политической области — в сословной монархии, обещанной Фридрихом-Вильгельмом III, а в философии — в системе самого Гегеля. Но это означало, писал Энгельс, «задушить революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны,— и не только в области философского познания, но и в исторической практике»⁵.

Никакие усилия последователей Гегеля, в том числе и младогегельянцев, путавшихся в лабиринте противоречий, не могли, отмечал Энгельс, спасти гегелевскую школу от разложения. Выход был найден в возврате к материализму. И этот подвиг совершил Людвиг Фейербах, провозгласив в книге «Сущность христианства» торжество материализма и взорвав, отбросив в сторону идеалистическую систему. Эта книга оказала на ищущих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 275.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 276.

⁵ Там же, стр. 277.

щую и революционно настроенную молодежь поистине освободительное действие. «Воодушевление,— пишет Энгельс,— было всеобщим: все мы стали сразу фейербахянцами»¹.

Несмотря на столь восторженное отношение, ни сам Энгельс, ни Маркс, однако, не стали правоверными фейербахянцами. Очень скоро они увидели недостатки в новом философском учении Фейербаха и от отдельных критических оговорок перешли к развернутой критике его в «Немецкой идеологии». Ход развития Фейербаха, отмечал Энгельс, есть ход развития гегельянца к материализму, приведший его к полному разрыву с идеалистической системой Гегеля. Тот вещественный, чувственно воспринимаемый нами мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир, и наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктами вещественного, телесного органа — мозга. Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи. Эта исходная философская позиция Фейербаха являлась «чистым материализмом».

Однако, дойдя до этого, продолжал Энгельс, «Фейербах вдруг останавливается»². Он смешивает материализм как общее мировоззрение с такими его формами, как материализм XVIII в. или современный ему вульгарный материализм Бюхнера, К. Фогта и Молешотта. Но материализм, указывал Энгельс, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития. «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма»³.

Энгельс глубоко вскрыл недостатки и ограниченность материализма XVIII в. Во-первых, этот материализм был преимущественно механистическим. Из всех наук в XVIII в. известной законченности достигла только механика, законы которой материалисты применяли при объяснении химических процессов и явлений органического мира. Во-вторых, старый материализм был метафизическим, антидиалектическим, он рассматривал предметы как нечто законченное и неизменное, не был способен понять материальный мир в непрерывном историческом развитии, изменении. Что природа находится в вечном движении — это знали и тогда, но это движение понималось лишь механически, как вечное вращение в одном и том же круге, которое всегда приводит к одним и тем же результатам. В-третьих, в области истории старый материализм также был метафизическим, ограниченным, история в лучшем случае явля-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 281.

² Там же, стр. 286.

³ Там же.

лась для него собранием отдельных фактов, событий, вне их закономерной связи и развития; в объяснении исторических явлений материалисты XVIII в. оставались на позициях идеализма.

Все эти недостатки полностью присущи были и фејербаховскому материализму — он также был механистическим, метафизическим, ограниченным и непоследовательным в применении к истории. Отвергая идеализм Гегеля, Фејербах отбросил вместе с системой и диалектический метод. Фејербах был современником трех величайших научных открытий — открытия органической клетки, учения о превращении энергии и теории развития, созданной Дарвином. Однако, живя в деревенской глуши, Фејербах не мог должным образом оценить эти открытия и понять необходимость диалектического взгляда на природу, тем более, что сами естествоиспытатели отчасти еще оспаривали их значение. Несмотря на материалистическую основу, Фејербах не освободился от идеалистических пут. Он как философ, пишет Энгельс, «остановился на полдороге, был материалист внизу, идеалист вверху»¹.

Идеализм Фејербаха выступает наружу прежде всего в его философии религии и этике. «Периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии», — это утверждение Фејербаха с несомненностью свидетельствует о его идеализме во взглядах на историю. Он вовсе не хотел упразднить религию, а стремился лишь усовершенствовать ее. При этом, как отмечал Энгельс, высшей формой исповедания новой религии Фејербах объявлял любовь между людьми, которая по сути сводилась к отношениям между полами. Ядром религии у Фејербаха стал культ абстрактного человека, рассматриваемого вне времени, вне окружающей его среды и исторической практики. На этой базе строится все этическое учение Фејербаха.

В основе этой этики лежит стремление человека к счастью, равное право всех на счастье. Этот абстрактный гуманизм игнорирует реальные общественные отношения, раскол общества на противоположные классы, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Энгельс убедительно показал, что «каковы бы ни были желания и намерения Фејербаха, его мораль оказывается скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества»². Далекий от реальных жизненных интересов людей, от общественных противоречий и политической борьбы, Фејербах призывал людей к всеобщему братанию, к всеобщей любви. Тем самым, указывал Энгельс, из философии Фејербаха «улетучиваются последние остатки ее революционного характера»³. Фејербах не нашел дороги из ненавистного ему самому царства

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 300.

² Там же, стр. 298.

³ Там же.

абстракций в живой, действительный мир. Он изо всех сил хватался за природу и человека, но и природа и человек остались у него только словами.

Далее, Энгельс раскрыл существо того революционного переворота в философии, который был совершен созданием диалектического и исторического материализма. Разрыв с философией Гегеля и здесь произошел путем возврата к материализму, который рассматривает мир таким, каков он есть на самом деле, без всяких предвзятых идеалистических выдумок. Но Гегель не был просто отброшен в сторону, как это сделал Фейербах. За исходную точку был взят его диалектический метод. Так как этот метод в его гегелевской форме был непригоден, его надо было переработать на материалистической основе, поставить с головы на ноги. «Вернувшись к материалистической точке зрения,— писал Энгельс,— мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия... Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира»¹.

Значительную часть своей работы Энгельс посвятил изложению основ диалектического и исторического материализма. Он четко и ясно показал цельность, последовательность марксистского философского материализма, дающего единственно верное, материалистическое объяснение и явлений природы, и явлений человеческого общества. «...То, что применимо к природе, которую мы понимаем теперь как исторический процесс развития,— писал Энгельс,— применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся вещами человеческими (и божественными)»². И тот факт, что в природе действуют лишь слепые, бессознательные силы, а в обществе — люди, одаренные сознанием, не меняет существа дела. Энгельс подчеркивал: «...Как ни важно это различие для исторического исследования,— особенно отдельных эпох и событий,— оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»³. Как в природе, так и в человеческом обществе действуют объективные законы развития материального мира. В этом понимании исторического развития марксизм коренным образом отличается не только от любых разновидностей идеализма, но и от всех форм старого материализма, в том числе и феербаховского. Старый материализм считал идейные мотивы причинами действий людей, не понимал более глубоких причин, объективных закономерностей общественного развития.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 301—302.

² Там же, стр. 305.

³ Там же, стр. 306.

Вследствие этого старый материализм пытался объяснять исторические события действиями и побуждениями отдельных людей, выдающихся лиц, впадая, таким образом, в субъективный идеализм, волюнтаризм.

Точка зрения марксизма прямо противоположна этому. Марксизм вскрывает движущие силы исторических событий в побуждениях и действиях не отдельных лиц, а больших масс людей, целых народов, а в каждом народе — классов. Ссылаясь на пример Англии и Франции, где крупные политические события отражали столкновение интересов феодалов, буржуазии и пролетариата, Энгельс подчеркивал, что именно в борьбе этих трех больших классов заключается «движущая сила всей новейшей истории, по крайней мере в указанных двух самых передовых странах»¹. Это марксистское положение о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса В. И. Ленин называл руководящей нитью, позволяющей открыть закономерность в кажущемся лабиринте и хаосе общественных отношений.

Энгельс показал, что корни всех без исключения политических и идеологических отношений следует искать в материальных, экономических условиях. Производственные отношения составляют базис общества, его решающий элемент, а государство, право и различные идеологические системы (философия, религия и т. д.) — это надстройка, подчиненный элемент. «...В новейшей истории государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена... Государство в целом является лишь выражением, в концентрированной форме, экономических потребностей класса, господствующего в производстве...»².

Государственное право и гражданское право, указал Энгельс, отражают и закрепляют экономические отношения между людьми. Римское право он назвал первым всемирным правом общества товаропроизводителей. Все правовые институты новейшего времени точно так же в той или иной форме юридически выражают экономические условия общественной жизни.

Определяющее значение материальной, экономической основы Энгельс раскрыл и в отношении форм идеологии еще более высокого порядка, то есть еще более удаленных от своей экономической основы, — в том числе в отношении философии, религии и морали. И хотя здесь связь представлений, понятий с их материальными источниками все более запутывается, затмевается промежуточными звеньями, тем не менее эта связь несомненна.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 308.

² Там же, стр. 310.

Вместе с тем Энгельс предупреждал против вульгарного истолкования материалистического понимания истории в духе игнорирования и приращения значения политических и идеологических факторов. Политический строй и различные формы идеологической надстройки имеют относительную самостоятельность, свои специфические законы развития, а стало быть могут оказывать обратное воздействие на экономический базис и друг на друга. Отмечая, в частности, активную роль государства, как самостоятельной политической силы, Энгельс указывал на необходимость политической борьбы угнетенного класса против господства реакционных классов.

Подводя итоги, Энгельс подчеркнул, что как исторический материализм нанес смертельный удар идеалистическому истолкованию истории, точно так же и диалектическое понимание природы сделало ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Найдя в истории развития материального производства ключ к пониманию всей истории общества, новая, марксистская философия с самого начала обращалась прежде всего к рабочему классу, выражала его сокровенные чаяния. Она встретила с его стороны сочувствие и признание. Она является преемницей лучших достижений предшествующей философской мысли. Только рабочее движение, отмечал Энгельс, является действительным наследником немецкой классической философии.

За правильную тактику и политику германской социал-демократии

Вскоре после смерти Маркса Энгельс получил от Бебеля письмо с предложением переехать в Германию или в Швейцарию. Бебеля казалось, что теперь ничто уже не удерживает Энгельса в Лондоне, и переселение на континент позволит ему оказывать германской социал-демократии более систематическую и постоянную помощь. Энгельс отказался. Как ни дороги были ему интересы немецкого пролетариата, он считал, что выполнить свои обязанности перед международным рабочим движением он сможет, только оставаясь в Англии. Отсюда легче было руководить социалистическим движением в других странах, здесь не приходилось опасаться грубых полицейских преследований, удобнее и привычнее было продолжать научные занятия, имелись давно и хорошо налаженные интернациональные связи.

Однако Энгельс уделял особое внимание рабочему движению в Германии. Это объяснялось не только его многолетним личным участием в борьбе немецкого пролетариата. Он прежде всего исходил из того объективного факта, что германская социал-демократия была тогда «ведущей европейской рабочей партией»¹. Несмотря на крупные теоретические ошибки Готской программы, оппортунистические шатания отдельных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 34.

руководителей, Социалистическая рабочая партия Германии стояла в общем на платформе марксизма. Ее успешная борьба против исключительного закона, неуклонный рост авторитета в рабочем классе и других слоях трудящихся, избирательные успехи, умелое использование ею разнообразных средств борьбы, в том числе и парламентской трибуны, — все это имело огромное международное значение. «...Ваши победы, — писал Энгельс Бебелю в октябре 1884 г., — оказывают действие всюду — от Сибири до Калифорнии и от Сицилии до Швеции»¹.

Вопреки исключительному закону германской социал-демократии удалось быстро восстановить распущенные партийные организации, наладить регулярное проведение съездов за пределами страны, создать боевую партийную печать, блестяще организовать нелегальную транспортировку издававшегося в Цюрихе центрального органа партии «Sozialdemokrat» и широкое распространение его среди рабочих, развернуть массовую политическую агитацию. Передовые немецкие пролетарии сумели фактически возродить значительную часть разогнанных на основе исключительного закона профессиональных организаций, создавая всевозможные союзы, общества, больничные кассы, кассы взаимопомощи и т. п. А уже в первой половине 80-х годов началось воссоздание и профессиональных союзов, которые к середине десятилетия обладали даже большим влиянием, чем до исключительного закона.

Весьма высоко ценил Энгельс мужество немецких пролетариев — активных участников освободительной борьбы. «Такая стойкость, выдержка, гибкость, готовность к бою, такая уверенность в победе и такой юмор в борьбе с мелкими и крупными безобразиями германской действительности, — писал он в августе 1883 г., — являются неслыханными в новой истории Германии»².

Систематическое участие в парламентских выборах Энгельс называл «генеральной проверкой»³ сил. Оно давало партии возможность проведения массовой политической агитации и позволяло ей с большой точностью определить степень своего влияния как во всей стране в целом, так и в отдельных ее районах. Серьезное значение Энгельс придавал также использованию трибуны рейхстага для разоблачения антинародной политики правящих классов, для активной защиты интересов трудящихся. Когда Бебель однажды высказал сомнение в пользе парламентской деятельности в условиях исключительного закона, Энгельс возразил ему: «...Ни в коем случае не следует отказываться от этого единственного пути, оставшегося открытым»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 185.

² Там же, стр. 50.

³ См. там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 21.

В мае 1884 г. Энгельса посетил Пауль Зингер. Они много говорили о предстоявших осенью выборах в рейхстаг. Энгельс советовал применять гибкую тактику, не отказываясь от соглашений с другими партиями, оппозиционными к правительству Бисмарка¹.

Результатов этих выборов Энгельс ждал с большим волнением. Тем радостнее было ему получить 29 октября телеграмму от Бебеля, сообщавшую о крупном успехе: социал-демократические кандидаты собрали около 550 тыс. голосов, почти на 240 тыс. больше, чем тремя годами ранее. После перебаллотировки оказались избранными 24 социал-демократических депутата. Энгельс и его близкие друзья в Лондоне просто ликовали. «Результаты превзошли мои ожидания»², — писал он Бебелю вечером того же дня. «Эхо выборов прозвучит во всей Европе и в Америке. Вот это был день триумфа! — писал Энгельс Каутскому 8 ноября 1884 г. — ...Впервые в истории крепко сплоченная рабочая партия выступает как настоящая политическая сила, развившаяся и выросшая в условиях жесточайших преследований, неудержимо завоевывая одну позицию за другой»³. Отмечая боевой дух немецких рабочих, восхищаясь «подлинно революционным и пролетарским языком»⁴ предвыборных прокламаций, Энгельс рассматривал этот успех как прямое подтверждение правильности революционной тактики, которую он и Маркс рекомендовали немецким социалистам после введения исключительного закона. «...Выборы показали, — писал он Бебелю 18 ноября 1884 г., — что податливостью и уступками противникам мы ничего не добьемся. Лишь благодаря упорному сопротивлению мы заставили уважать себя и стали силой»⁵.

Коренные, глубокие причины неуклонного роста влияния социал-демократической партии Энгельс усматривал в особенностях экономического и политического развития Германии после ее объединения. Бурный прогресс промышленности в отсталой в недалеком прошлом стране, подчеркивал Энгельс, сопровождается массовой экспроприацией мелкого крестьянина и ремесленника, причем в то время, когда в стране существует развитое рабочее движение во главе с партией, вооруженной теорией научного социализма. Проникновение капитализма в деревню происходило в чрезвычайно мучительной для крестьян форме, вело к превращению их либо в сельскохозяйственных рабочих, либо в рабочих домашней промышленности. Привязанность тех и других к собственному крохотному клочку земли позволяла помещикам-юнкерам и капиталистам эксплуа-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 130.

² Там же, стр. 195.

³ Там же, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 215.

⁵ Там же, стр. 207.

тировать их особенно беспощадно. «...Нигде,— писал Энгельс,— нет такой чрезвычайно низкой заработной платы, как в немецкой домашней промышленности»¹. А это сказывалось и на положении всех рабочих. Отсюда особая острота классовых противоречий.

Учитывая соотношение классовых сил в Германии, Энгельс не раз обращал внимание немецких социал-демократов на необходимость работы среди крестьянства и сельского пролетариата. В частности, он рекомендовал им выдвинуть в рейхстаге законопроект о создании в Пруссии на основе государственных имений, сдававшихся большей частью в аренду крупным арендаторам, кооперативных товариществ сельскохозяйственных рабочих. «Так, и только так,— писал он Бебелю в декабре 1884 г.,— мы сможем привлечь на свою сторону сельскохозяйственных рабочих; это — наилучший способ показать им, что впоследствии им предстоит коллективно хозяйствовать в крупных поместьях, ныне принадлежащих их господам — помещикам»².

Избирательные успехи партии побудили Энгельса вплотную заняться вопросами ее парламентской тактики. Особое значение придавал он тому обстоятельству, что численность социал-демократической фракции рейхстага впервые в истории международного рабочего движения давала ей право выдвижения законопроектов. Энгельс рекомендовал активно использовать это право. Он настаивал на том, чтобы фракция, наряду с критикой антинародной политики правительства, обязательно вносила «положительные законопроекты», формулируя их «решительно, то есть без уступок мелкобуржуазным предрассудкам»³. Такие действия явились бы ярким свидетельством краха реакционной линии Бисмарка, пытавшегося исключить пролетариат как самостоятельную общественную силу из политической жизни. Энгельс наметил целую серию законопроектов: о законодательном установлении нормального рабочего дня (десятичасового, постепенно снижающегося до восьми), о фабричном законодательстве (общегерманском и международном), об ответственности за несчастные случаи на производстве, об обеспечении инвалидов труда и т. д. Эти законопроекты должны были послужить важным средством разоблачения социальной демагогии Бисмарка.

С глубоким удовлетворением отмечал Энгельс каждое удачное выступление революционных вождей партии в рейхстаге. Познакомившись с речью Бебеля при обсуждении вопроса о продлении закона против социалистов, он писал ему: «Зрелище того, как вся эта банда, вернее свора, набрасывается на тебя со

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 341.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 218.

³ Там же, стр. 201.

всех сторон с лаем и воем, а ты отшвыриваешь ее ударами хлыста, поистине великолепно»¹. А другую речь Бебеля в начале 1888 г. он назвал «подлинным педевром»². Не раз советы Энгельса использовались его друзьями в выступлениях в рейхстаге, в некоторых случаях он специально направлял им материалы для речей.

Много внимания уделял Энгельс газете «Sozialdemokrat». Именно благодаря его повседневной помощи она являлась настоящим боевым органом немецких социалистов в течение двенадцати «самых решающих лет в жизни германской рабочей партии»³. Подводя в 1890 г. итоги ее деятельности, Энгельс назвал ее безусловно лучшей газетой, которой когда-либо располагала партия⁴. Он систематически сотрудничал в «Sozialdemokrat», и уже одно это в значительной мере определяло лицо газеты. Точка зрения Энгельса по многим первостепенным вопросам политики и тактики партии неоднократно находила выражение в передовых статьях.

Весной 1888 г. швейцарское правительство по настоянию германских властей выслало руководителей редакции «Sozialdemokrat» и партийного издательства. Издание газеты пришлось перенести в Лондон. Энгельс оказал самую деятельную помощь в устройстве редакции на новом месте. С 1 октября 1888 г., когда в Лондоне был возобновлен выпуск газеты, и вплоть до прекращения ее издания (конец сентября 1890 г.), он оказывал непосредственное влияние на работу редакции.

Сотрудничал Энгельс и в «Neue Zeit» — теоретическом органе партии, выходившем в Штутгарте с 1883 г. под редакцией К. Каутского. Ему не раз приходилось критиковать отдельные ошибки редакции этого журнала и содействовать их выправлению. Понимая сложность положения легального социал-демократического органа в условиях исключительного закона, он настоятельно рекомендовал Каутскому с большей осмотрительностью относиться к подбору сотрудников и более решительно бороться с проявлениями оппортунизма.

Успехи немецкой социал-демократии не могли скрыть от Энгельса весьма серьезных отрицательных тенденций в партии. В мае 1883 г. он высказывал Бебелю опасения по поводу активности реформистов, среди которых были и недавние лассальянцы В. Газенклевер, Ф. Фрицше и другие. «...Их так называемый социализм,— писал он несколько месяцев спустя,— обывательская фраза и ничего более»⁵. А во время предвыборной кампании 1884 г. Энгельс отмечал, что одновременно с укреплением позиций партии в целом происходит процесс «непрерывного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 400.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 16.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 81.

⁴ См. там же, стр. 82.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 77.

и усиленного сплочения буржуазных «образованных» элементов»¹ ее.

По этому вопросу у него с Бебелем не было никаких разногласий; последний решительно осуждал оппортунистические выступления и действия мелкобуржуазных элементов и всеми силами стремился парализовать их влияние. Несколько иную, во многом примиренческую, позицию занимал Либкнехт, и Энгельс не раз критиковал его за это.

Быстрый рост числа социал-демократических избирателей, в том числе и за счет недавних выходцев из среды мелкой буржуазии, создавал объективно благоприятную среду для оппортунистов. «Мелкобуржуазные элементы среди вождей,— писал Энгельс,— найдут на время кое-где в массах недостававшую им прежде опору. То, что до сих пор встречалось в виде реакционных тенденций отдельных лиц, может теперь — в местном масштабе — повториться в массах как необходимый момент развития»².

Опасения Энгельса подтвердились очень скоро. Уже в конце 1884 г. внутри социал-демократической фракции рейхстага, которая являлась фактически руководящим органом партии, разгорелся настоящий конфликт, несколько месяцев будораживший всю партию и едва не приведший к ее расколу. Предстояло обсуждение в рейхстаге правительственного законопроекта о государственных субсидиях частным пароходным компаниям для создания морских линий в Восточную Азию, Африку и Австралию. Бебель, Либкнехт и их сторонники доказывали прямую связь законопроекта с колониальными авантюрами Бисмарка и требовали, чтобы фракция голосовала против. Реформистское же большинство фракции отрицало эту связь и оправдывало свою позицию поддержки законопроекта демагогическими рассуждениями о развитии мировых торговых связей, интересах судостроительных рабочих и т. д. В результате длительной дискуссии было принято компромиссное решение предоставить каждому депутату право голосовать по этому вопросу самостоятельно.

Руководители партии обратились за советом к Энгельсу. В первой половине декабря к нему приезжал Зингер, а в конце того же месяца Бебель подробно изложил ему свою точку зрения письменно. Энгельс поддержал мнение Бебеля.

Были предприняты все меры, чтобы заставить оппортунистическое большинство фракции проголосовать против субсидий пароходным компаниям. Большую роль при этом сыграл «Sozialdemokrat», на столбцах которого систематически публиковались не только редакционные статьи, резко критиковавшие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 141.

² Там же, стр. 202.

позицию оппортунистов, но и многочисленные письма членов партии и резолюции партийных организаций, направленные против правительственного законопроекта. Энгельс всемерно поддерживал эту деятельность редакции центрального органа. В конце концов восторжествовала позиция Бебеля. Фракция в целом проголосовала против законопроекта. «История с субсидиями пароходным компаниям, — писал Энгельс в начале апреля 1885 г., — сошла еще довольно гладко...»¹.

Однако оппортунистическое большинство фракции, недовольное позицией редакции «Sozialdemokrat» в вопросе о пароходных субсидиях, решило как бы взять реванш, заявив, что вообще «не газета должна определять линию фракции, а именно фракция должна контролировать линию газеты»².

Энгельс сразу же оценил опасность положения. «...Это, — писал он Бебелю, — их первый шаг к утверждению мелкобуржуазных элементов в партии в качестве господствующих, официальных и к оттеснению пролетарских элементов на положение только терпимых»³.

Притязания реформистов на полный контроль над центральным органом вызвали в партии бурю возмущения. «Sozialdemokrat» почти в каждом номере публиковал резолюции и заявления социал-демократических собраний и отдельных лиц, категорически выступавших против попыток большинства фракции запретить критику его действий в партийной печати. Энгельс настаивал, чтобы редакция заняла абсолютно твердую позицию, не поддавалась на провокации реформистов, напоминал, что партийным массам должна быть предоставлена возможность высказываться в газете. Между Энгельсом и Бебелем существовало здесь полное единодушие. «Я заявил фракции, — писал Бебель Энгельсу 8 апреля, — что если она будет... подавлять свободу мнений в партии, я сделаю выводы из такого шага и буду апеллировать к партии»⁴. Оппортунисты были вынуждены и на этот раз пойти на попятный и подписать совместное заявление фракции и редакции, которое подчеркивало недопустимость ограничения критики в партии, провозглашало необходимость ее единства и подтверждало особые права редакции «Sozialdemokrat» как органа всей партии в целом.

Энгельс считал, что в условиях закона против социалистов ни в коем случае не следует форсировать организационного раскола. И действительно, до раскола дело не дошло. Ход событий показал оппортунистам, что они не могут рассчитывать на широкую поддержку масс. Более того, конфликт между фракцией и редакцией лишь способствовал разоблачению оппорту-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 250.

² «Sozialdemokrat», 2. IV 1885.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 251.

⁴ Bebel's Briefwechsel..., S. 221.

пистического крыла в глазах многих членов партии и в известной степени подготовил почву для его изоляции. «...Результатом всего этого дела, — писал Энгельс Бебелю 24 июля 1885 г., — будет лишь сознание партией того, что внутри ее существуют два течения, из которых одно дает направление массам, а другое — большинству так называемых вождей, и что эти два течения должны все больше и больше расходиться»¹.

В то время Энгельс полагал, что это расхождение будет углубляться и развитие внутрипартийной борьбы в конце концов, после отмены исключительного закона, вероятнее всего приведет к расколу. Но события развернулись иначе. Открытые оппортунисты, не скрывавшие своего отрицательного отношения к марксизму, были вскоре оттеснены на задний план. Почти вся партия стояла на стороне революционного меньшинства фракции. Этому способствовала систематическая критика оппортунистических воззрений на страницах партийной печати, направляемая Энгельсом.

Энгельс видел, что избирательные успехи партии сопровождаются распространением парламентских иллюзий. С этой точки зрения он оценивал итоги выборов 1887 г., когда социал-демократы, собрав 774 тыс. голосов, на 225 тыс. больше, чем в 1884 г., тем не менее вследствие антидемократической избирательной системы получили всего 11 мест в рейхстаге. «Поистине счастье, — писал Энгельс 19 марта 1887 г., — что наши в рейхстаге больше не составляют «фракции», во всяком случае на несколько лет это будет полезно. Очень хорошо и то, что теперь столь многие сразу совершенно неожиданно потеряли доверие к «парламентаризму»»². Главным он считал не число полученных мандатов, а увеличение числа голосов, поданных за социал-демократических кандидатов, как доказательство «неудержимого роста партии»³. Это, по мнению Энгельса, определяло и международное значение выборов. «...225 000 новых голосов, которые мы завоевали, несмотря на жесточайший нажим, — это шаг вперед, который оказал свое воздействие на всю Европу и Америку...»⁴.

В августе 1886 г. группа руководящих немецких социал-демократов была осуждена саксонским судом на различные сроки тюремного заключения по обвинению в принадлежности к «тайному союзу». В числе осужденных был и Бебель, которому предстояло провести в заключении 9 месяцев. Энгельс рассматривал этот приговор как проявление слабости бисмарковского режима, как косвенное признание того, что исключительный закон не смог задуть социалистическое движение. В то

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 297.

² Там же, стр. 534.

³ Там же, стр. 525.

⁴ Там же, стр. 531.

же время он опасался, что отсутствие Бебеля будет на руку оппортунистам. Его беспокоило и то, что пребывание в тюрьме вредно сказывалось на здоровье Бебеля.

Когда срок заключения Бебеля подходил к концу, Энгельс обратился к нему с теплым дружеским письмом: «Я хочу пригласить тебя совершить за мой счет небольшое путешествие в Лондон... Такой отдых кажется мне совершенно необходимым для твоего здоровья — тебе надо наконец подышать вольным воздухом; здешний воздух — вольный настолько, насколько это вообще возможно в капиталистическом обществе»¹. Бебель с радостью принял приглашение. Он гостил у Энгельса в течение двух недель в октябре — ноябре 1887 г.

Анализируя процессы, происходившие тогда в Германии, Энгельс пришел к выводу о том, что пресловутая бисмарковская политика «кнута и пряника» терпит полный крах. «Политика Бисмарка, — писал он Зорге 7 января 1888 г., — толпами гонит к нам рабочие и мелкобуржуазные массы...»². Энгельс предвидел, что в недалеком будущем произойдет падение режима «железного канцлера».

Ближайшие же события подтвердили, что дело идет к этому, что диктатура Бисмарка значительно пошатнулась; предложения правительства о продлении закона против социалистов еще на пять лет и дополнении его новыми статьями были в феврале 1888 г. отвергнуты рейхстагом. Продление закона было вотировано всего на два года. Энгельс назвал этот результат «величайшим триумфом, которого мы когда-либо добивались на парламентском поприще»³, и чрезвычайно высоко оценил выступления Бебеля и Зингера, оказавшие существенное влияние на исход голосования.

Важнейшим свидетельством банкротства внутренней политики Бисмарка Энгельс считал усиление стачечной борьбы в конце 80-х годов. Особое его внимание привлекла одна из крупнейших забастовок тех лет — стачка рурских горняков 1889 г.

Энгельс и французские социалисты Состояние и развитие германского рабочего движения Энгельс не рассматривал изолированно, он всегда учитывал внутреннюю связь и взаимозависимость между освободительной борьбой немецкого пролетариата и действиями рабочих других европейских стран.

Успехи международного социализма во многом зависели от рабочего движения Франции — страны боевых революционных традиций, прославленных героев Коммуны, впервые в истории предпринявших попытку установления диктатуры пролетариата.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 582.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 9.

³ Там же, стр. 23.

Главным связующим звеном между Энгельсом и его французскими последователями по-прежнему оставались Поль и Лаура Лафарг. Он систематически переписывался с ними, делился сокровенными мыслями и планами, получал от них самую подробную информацию о положении во Франции вообще и в социалистическом движении в особенности, передавал через них советы и рекомендации руководителям Рабочей партии. Время от времени Энгельс переписывался также с Гедом, Девилем и некоторыми другими французскими социалистами. Он постоянно следил за социалистической прессой, регулярное чтение парижских газет позволяло ему быть в курсе событий внутривнутриполитической жизни страны. Одно из важнейших условий успешного развития самостоятельного рабочего движения Энгельс видел в распространении марксизма во Франции.

Особое внимание уделял Энгельс тактике Рабочей партии — ее взаимоотношениям с другими социалистическими группами, ее деятельности в период избирательных кампаний. Он считал, что эта тактика должна быть направлена на скорейшее освобождение широких масс рабочих от политического влияния радикальной буржуазии, прикрывавшейся социалистической фразеологией. Энгельс одобрил решение Рабочей партии не выдвигать на муниципальных выборах в Париже в мае 1884 г. своих кандидатов в тех округах, где баллотировались представители possibilistes или бланкистов, чтобы не допустить распыления голосов, поданных за социалистических кандидатов. «Ваша избирательная тактика как раз такова, какую рекомендовал бы и я»¹, — писал он Лафаргу 10 мая. В то же время Энгельс предостерегал от преждевременных выступлений; зная склонность некоторых деятелей французского социализма к преувеличению реальных возможностей движения, он опасался провокаций, которые могли бы вызвать неподготовленные действия и привести к разгрому передовых сил рабочего класса. Он говорил в письме Лауре Лафарг 29 мая 1885 г.: «...Полиции *нужно* несколько баррикад, и если она получит их, то будет форменная резня — у народа нет и тени надежды на победу»².

Анализируя внутривнутриполитическое развитие Франции в середине 80-х годов, Энгельс считал весьма вероятным такой ход событий, когда центр политической жизни будет постепенно сдвигаться все более влево и к власти могут прийти радикалы, которые, перестав играть в оппозицию, вынуждены будут раскрыть свое буржуазное лицо. А это саморазоблачение неизбежно столкнет от них тех рабочих, которые пока еще поддерживают их. «Я считаю, — писал Энгельс Бебелю 6 июня 1884 г., — это медленное, но неустойчивое развитие французской респуб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 125.

² Там же, стр. 275.

лики к ее неизбежному конечному результату — разделению на два противоположных лагеря: радикальных, мнимосоциалистических буржуа и действительно революционных рабочих — одним из самых серьезных событий...»¹.

Всякий шаг французских марксистов, направленный на укрепление их связей с массами, встречал горячую поддержку со стороны Энгельса. Он полностью одобрял их агитационную деятельность, особенно в провинции. Когда весной 1884 г. в Рубе был созван очередной съезд Рабочей партии, Энгельс с интересом следил за его работой. «Примите мои поздравления по поводу успеха вашего съезда»², — писал он Лафаргу 18 апреля. Наибольшую радость доставляли Энгельсу факты, свидетельствовавшие о росте массового движения и увеличении влияния социалистов.

В январе 1886 г. особое внимание Энгельса привлекла забастовка горняков в Деказвиле. Это было одно из важнейших событий в рабочем движении Франции в 80-е годы, значение которого выходило далеко за местные рамки. В стачке, вызванной тяжелыми условиями труда и жизни шахтеров, участвовало свыше 2 тыс. человек; она продолжалась около пяти месяцев и получила широкий отклик по всей стране и за ее пределами. Огромный интерес Энгельса к этому событию определялся, в частности, тем, что оно ускорило процесс высвобождения рабочих из-под политического влияния радикалов. Депутат Национального собрания бывший шахтер Эмиль Бали, по собственной инициативе расследовавший обстоятельства возникновения забастовки, от своего имени и при поддержке двух других рабочих депутатов — Буайе и Камелина, а также нескольких левых радикалов, внес интерпелляцию в защиту стачечников. Это привело к разрыву с фракцией радикалов и фактическому образованию самостоятельной социалистической группы в парламенте. Энгельс считал этот факт чрезвычайно важным. Он горячо приветствовал энергичные действия рабочих-парламентариев, искренне радовался их ярким и решительным выступлениям. «События во Франции совершенно омолодили его, — рассказывал Каутский, — он читал нам вслух от начала до конца речи Бали, Буайе и других, как только приходила «Cri du Peuple»»³.

Все события, связанные с деказвильской стачкой, Энгельс рассматривал в первую очередь как показатель возросшей политической зрелости рабочего класса. Не менее важным было с его точки зрения и положительное влияние этих событий на само социалистическое движение: они дали известный толчок сближению различных социалистических групп. На дополни-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 139.

² Там же, стр. 122.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 204, ед. хр. 876.

тельных выборах в палату депутатов, состоявшихся в Париже в мае 1886 г., все они (кроме POSSИБИЛИСТОВ) выдвинули общую кандидатуру журналиста Эрнеста Роша, незадолго до этого осужденного на 15 месяцев тюрьмы за агитацию среди рабочих Деказвилья. Это «объединение всех социалистических фракций для совместных действий»¹ Энгельс считал важным этапом на пути к организационному единству французского пролетариата на базе марксизма. Он выражал удовлетворение тем, что в новом подъеме движения сторонникам марксизма, лидерам Рабочей партии принадлежала значительная роль. «...Лучше всего то, что наши — Гед, Лафарг, Девиль — являются его теоретическими руководителями»², — писал он. Тот факт, что Рош получил, хотя и не был избран, почти на 70 тыс. голосов больше, чем все социалистические кандидаты в Париже в октябре 1885 г., Энгельс считал серьезным успехом социалистических сил. В письме Лафаргу 7 мая 1886 г. он поздравил французских социалистов с «победой, которая действительно подтверждает разрыв парижских рабочих с радикализмом»³.

Героическая борьба французских горняков встретила братскую поддержку пролетариев других стран. В Германии, Бельгии, Швейцарии, Италии, США был организован сбор средств в фонд стачечников Деказвилья, вся социалистическая печать широко освещала ход стачки. Энгельс приветствовал эти яркие проявления международной солидарности. Он был убежден, что деказвильская стачка «окажет огромное воздействие повсюду, особенно в Германии и Америке»⁴, и старался, в частности через печать, привлечь внимание социалистов разных стран к событиям во Франции.

Энгельса радовали стойкость и дисциплинированность французских рабочих, проявленные в забастовках последующих месяцев, в частности во время многомесячной стачки рабочих завода сельскохозяйственных машин во Вьерзоне, начавшейся в августе 1886 г. «...Стаечная дисциплина очень полезна французским рабочим, — писал он 23 октября 1886 г. — ...Эта дисциплина — первое условие успешной и прочной организации, и буржуазия боится ее больше всего»⁵. Особенно важным считал Энгельс рост влияния Рабочей партии; он с интересом ознакомился с материалами состоявшегося в октябре 1886 г. в Лионе первого съезда профессиональных союзов Франции, который прошел фактически под руководством представителей марксистского крыла. Признание съездом необходимости обобществления средств производства как решающего условия полного освобождения пролетариата, а также его постановление о созда-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 408.

² Там же.

³ Там же, стр. 410.

⁴ Там же, стр. 392.

⁵ Там же, стр. 466.

нии общепанцузского объединения профессиональных союзов (Национальной федерации синдикатов) Энгельс встретил с большим удовлетворением.

Из писем Энгельса Лафаргам видно, как он старался помочь Рабочей партии закрепить достигнутые ею в этот период успехи. Его мысли служили образцом марксистского анализа соотношения классовых сил и вытекающих из него непосредственных задач авангарда рабочего класса.

Борьба против буланжизма

Исключительная сложность внутриполитической обстановки во Франции второй половины 80-х годов определялась также рядом других обстоятельств.

В это время развернулось движение, связанное с именем генерала Буланже, ставшего знаменем шовинистических и рваншистских сил. Военный министр с января 1886 г., Буланже открыто требовал насильственного возвращения Эльзаса и Лотарингии, аннексированных Германией после франко-прусской войны. Он приобрел значительную популярность демагогическими заявлениями против коррупции, за «оздоровление» республики и показной заботой об улучшении солдатского быта. Одновременно, как стало известно несколько позднее, Буланже поддерживал тайные связи с монархистскими кругами. Возникла реальная угроза установления диктатуры воинствующего генерала. Отставка Буланже с поста военного министра и назначение его командующим одним из армейских корпусов в июле 1887 г. лишь укрепили на некоторое время его авторитет и влияние среди мелкой буржуазии, а также отсталых слоев рабочего класса. Буланжистская агитация послужила удобным поводом для разжигания антифранцузских настроений милитаристскими кругами Германской империи во главе с Бисмарком.

Все это вызывало большую тревогу у Энгельса, тем более, что большинство французских социалистов не понимало действительной сущности буланжистского движения и недооценивало его опасность. Демагогические заявления Буланже привлекли на его сторону некоторую часть бланкистов, POSSIBILITY же безоговорочно поддержали радикалов и умеренных буржуазных республиканцев, выступавших против Буланже с позиций правящей буржуазной группировки. Руководители Рабочей партии не сумели сразу занять единую четкую позицию. Гед, резко критикуя Буланже, в то же время не считал нужным предпринимать какие-либо практические действия против него, исходя из того, что все буржуазные партии одинаково враждебны пролетариату. Лафарг же не придавал сколько-нибудь серьезного значения ни угрозе установления военной диктатуры, ни шовинистической агитации и одно время считал даже возможной известную поддержку буланжистов, поскольку они выступают с критикой буржуазного правительства.

Эти настроения Энгельс считал вредными и чреватými опасностями. Он повторял это буквально в каждом письме Лафаргам. Энгельс подчеркивал, что популярность Буланже питается в значительной мере недовольством политикой нынешних правящих кругов и что совершенно неверно утверждать только на основании этой популярности, что буланжистское движение выражает интересы народа. Любая поддержка Буланже со стороны Рабочей партии, не раз говорил он, может быть расценена представителями международного социализма как серьезная уступка националистическим настроениям. И хотя Энгельс был уверен в том, что ни у кого из его последователей нет и следа национализма, он крикливо критиковал их позицию как объективно ведущую к отступлению от пролетарского интернационализма. В то же время он неоднократно предупреждал, что отсутствие определенной, действительно пролетарской позиции по отношению к буланжистскому движению неизбежно подрывает авторитет Рабочей партии в глазах пролетарских масс. Энгельс настаивал на том, что французские марксисты должны проводить абсолютно самостоятельную линию, не становясь ни на сторону Буланже, ни на сторону его противников из правящей группировки. В то же время эта позиция не должна сводиться к бесстрастному нейтралитету. Нужно, говорил Энгельс, показать широким массам, что вопрос не сводится лишь к альтернативе «либо личная власть, либо парламентская власть», а что существует и «реальный *трегий* выход»¹ — борьба за подлинно народную власть.

Через все высказывания Энгельса в связи с буланжистским кризисом красной нитью проходит мысль о том, что революционные социалисты должны исходить из коренных, насущных интересов французского пролетариата, оставаясь на платформе пролетарского интернационализма.

Решительно критикуя позицию Лафарга, которую он иронически характеризовал как острое, но неопасное для жизни заблуждение, названное им «буланжизмом», Энгельс в то же время осуждал поведение POSSИБИЛИСТОВ, полностью ставших на сторону правящей группировки. «...Поссибилисты продались нынешнему правительству... под предлогом борьбы с Буланже и защиты республики...»², — писал он Бебелю в начале 1889 г.

Ошибки, допущенные Рабочей партией в период буланжистского кризиса, в известной мере ослабили ее позиции. Считаясь с тем, что это может сказаться на результатах выборов в палату депутатов, предстоявших осенью 1889 г., Энгельс старался помочь руководителям партии добиться более благоприятного исхода избирательной кампании и даже организовал ей материальную поддержку со стороны немецких социал-демократов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 55.

² Там же, стр. 107.

Он рассчитывал на возможность создания после выборов организационно оформленной самостоятельной группы революционных социалистов, которая своими действиями оказывала бы давление на possibilistских депутатов и способствовала бы саморазоблачению лидеров этой партии.

Глубокий анализ политического положения в стране позволил Энгельсу еще в августе 1889 г. предугадать полное поражение буланжистов на ближайших выборах, означавшее по существу окончательный крах этого движения. Действительно, на выборах в сентябре 1889 г. буланжисты потерпели полное поражение. «...Буланже разбит, дорога во Франции расчищена, и в то же время посягательства монархистов на республику потерпели неудачу»¹, — писал он Лауре Лафарг 8 октября. Крах монархических иллюзий, считал он, будет способствовать дальнейшей поляризации классовых сил во Франции, что в конечном счете «приведет постепенно к разгрому радикалов и к подлинной концентрации социалистов»².

Энгельс одобрил выдвинутый Лафаргом, Гедом и Девилем план создания в палате самостоятельной социалистической группы из 7—8 депутатов (без possibilistов и тех blankistов, которые выступали в поддержку Буланже). Он рассматривал это как определенный шаг к образованию единой партии, к созданию первоначально центрального комитета «объединенных (может быть, на федеративных началах) blankistов и марксистов»³. Все это вселяло в Энгельса надежду, что самая важная задача французских социалистов — создание массовой рабочей партии на марксистской основе — близка к решению.

Энгельс и первые английские социалистические организации

Хотя в начале 80-х годов в Англии среди небольшой части рабочих и в кругах демократически настроенной интеллигенции заметно возрос интерес к социалистической теории, Энгельс не строил себе иллюзий относительно состояния английского рабочего движения. 30 апреля 1883 г. он с горечью писал Бебелю: «С тех пор как прекратил свое существование Интернационал, здесь нет абсолютно никакого рабочего движения, кроме такого, которое плетется в хвосте буржуазии, радикалов и ставит себе маленькие цели *в пределах* капиталистических отношений»⁴.

Тем более внимательно следил Энгельс за всеми явлениями, свидетельствующими о том, что теория научного социализма, хотя и медленно, начинает завоевывать почву и в Англии. Он связывал это с определенными объективными факторами, преж-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 237.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 254.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 17.

де всего с затянувшейся экономической депрессией, с подрывом промышленной монополии Англии на мировом рынке. В июне 1883 г. Демократическая федерация выпустила «социальный и политический манифест» под названием «Социализм в общедоступном изложении», в котором — впервые в истории английского рабочего движения — провозгласила программу, основанную в общем на признании принципов научного социализма. Энгельс считал положительным фактом то, что участники Федерации «наконец, вынуждены открыто признать нашу теорию»¹. Однако он предупреждал Бебеля: «Ни в коем случае не вздумай поверить, если тебе кто-либо скажет, что в Англии разворачивается подлинное пролетарское движение»².

Появление этого манифеста способствовало консолидации социалистически настроенных английских интеллигентов и рабочих. Часть членов Федерации, несогласная с таким курсом, вышла из ее рядов, в то же время к ней присоединились новые люди, привлеченные именно социалистическими целями. В их числе были Элеонора Маркс и ее муж — публицист Эдуард Эвелинг. В руководстве оказались, помимо Гайндмана, поэт и художник Уильям Моррис, философ Белфорт Бакс, рабочие Гарри Квелч и Джемс Макдональд. В январе 1884 г. буржуазно-радикальный ежемесячник «To-Day» объявил о своем переходе на позиции социализма, другой журнал — «Progress», в редакции которого в то время значительную роль играл Эвелинг, также провозгласил свою приверженность социалистическим идеям. «...Появление «To-Day» и превращение «Progress» в социалистический журнал именно в тот момент, когда беднота лондонского Ист-Энда начинает подавать голос, имеет большое значение»³, — писал в связи с этим Энгельс. В первое время Энгельс поддерживал оба эти органа: в «Progress» он напечатал статью «Книга откровения», а относительно «To-Day» писал Бернштейну, что в нем «безусловно можно принимать участие»⁴. Он одобрял сотрудничество в этих журналах иностранных социалистов, в частности Лафарга. В то же время настаивало то, что во главе Федерации стоял Гайндман. Не внушал оптимизма весьма разнородный ее состав. Поэтому Энгельс отказался от сотрудничества в начавшем выходить в январе 1884 г. еженедельном органе Федерации «Justice», «сославшись на недостаток времени»⁵.

В августе 1884 г. Демократическая федерация приняла решение о своем преобразовании в Социал-демократическую федерацию. Энгельс не придавал этому особого значения, поскольку Федерации пока не удалось связаться с рабочими массами. Он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 51.

² Там же.

³ Там же, стр. 71.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ Там же.

характеризовал ее как организацию, состоящую, «во-первых, из литераторов, во-вторых, из остатков старых сект и, в-третьих, из сентиментальной публики»¹. Известная сдержанность оценок Энгельса объяснялась, в частности, недоверием к Гайндману, которое усугубилось склонностью последнего к громким псевдореволюционным фразам, непомерным честолюбием и интриганством, стремлением навязать Федерации свою фактическую диктатуру. Энгельс решительно осуждал сектантскую политику Гайндмана и его сторонников, которые выступали против работы в тред-юнионах, против экономических стачек и выдвигали требования, на словах весьма революционные, но в тогдашних условиях абсолютно нереальные и не воспринимавшиеся массами.

Еще до преобразования Федерации внутри нее наметилось левое крыло, которое составляли Элеонора Маркс, Э. Эвелинг, Б. Бакс, У. Моррис и другие. Эта группа боролась против деспотических поползновений Гайндмана и считала неправильной его тактику. Разногласия в руководстве Федерации принимали подчас весьма острые формы.

Энгельс почти ежедневно встречался с Элеонорой и Эдуардом Эвелингами, часто виделся с Баксом, Моррисом, с другими противниками Гайндмана, был превосходно осведомлен обо всех этих разногласиях. И когда в конце декабря 1884 г. на заседании Исполнительного комитета Федерации дело дошло до раскола — 10 членов этого руководящего органа заявили о своем выходе из его состава, — Энгельс решительно встал на сторону оппозиции. Он советовал ее участникам не идти ни на какие компромиссы и попытаться создать новую организацию.

Такой организацией стала Социалистическая лига. Ее учредителями были Эвелинги, У. Моррис, Б. Бакс, давний друг Элеоноры Маркс Роберт Баннер, молодой механик Джон Магон, с которым Энгельс познакомился незадолго до этого, и другие. Все это были люди, либо близкие Энгельсу, либо хорошо ему знакомые, и он надеялся, что им удастся постепенно добиться создания массовой социалистической партии.

Социалистическая лига начала издавать ежемесячник «Commonweal», в котором Энгельс напечатал несколько своих работ. Однако создать из Лиги массовую организацию не удалось. Некоторые ее руководители, в частности Моррис, все больше поддавали под влияние анархистов, которые вошли в нее с самого начала. Энгельс подметил это уже в марте 1886 г. А весной следующего года на конференции Лиги анархистские элементы добились принятия резолюции против участия в парламентской деятельности. Фактически эта организация потеряла всякое влияние.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 185.

В то же время Энгельс отмечал известные сдвиги в деятельности Социал-демократической федерации, которая, писал он в ноябре 1886 г., «начинает становиться некоторой силой»¹.

За создание массовой социалистической партии английского рабочего класса

История развития этих социалистических организаций еще более укрепила убежденность Энгельса в том, что создание подлинной пролетарской партии возможно в Англии только на основе подъема массового рабочего движения. Поэтому он скептически отнесся к выдвинутому одним из активных деятелей Лиги Дж. Магоном плану объединения существующих организаций и групп в единую социалистическую партию. Магон, Т. Биннинг, А. Дональд и некоторые другие рабочие-социалисты сделали попытку создать на севере Англии новую организацию — Североанглийскую социалистическую федерацию, которая, по их мнению, могла бы стать основой будущей партии. Широкое стачечное движение горняков, развернувшееся весной 1887 г., казалось, благоприятствовало этому. Магон направил Энгельсу проект программы новой федерации и поделился с ним своими планами. Программу Энгельс в общем одобрил: «...Она очень хороша как стихийная декларация принципов рабочего класса...»², — ответил он, внося одновременно несколько изменений и уточнений в текст. Однако планы создания такой Федерации Энгельс считал преждевременными. «...Эксперименты с новыми попытками организации более чем бесполезны, пока действительно не появится то, что следует организовывать»³, — писал он, подчеркивая, что создание общеанглийской партии невозможно, пока массы рабочих идут за далекими от социализма тред-юнионами.

В том же году Элеонора Маркс-Эвслинг познакомила Энгельса с молодым энергичным профсоюзным лидером шотландских горняков Джемсом Кейром Гарди. В беседе с ним Энгельс доказывал необходимость создания массовой социалистической рабочей партии. Кейр Гарди стал секретарем основанной в августе 1888 г. Шотландской рабочей партии, которая хотя и не провозглашала социалистических принципов, выступала за независимую политику рабочего класса. В эту партию вступили и некоторые социалисты, в том числе Магон, который уже до этого вел социалистическую пропаганду среди шотландских горняков.

Энгельс с особым сочувствием относился ко всем действиям, которые способствовали пробуждению широких рабочих масс, приобщению их к социализму. Он энергично поддержал Эвелингов, которые с января 1887 г. развернули агитационную деятельность в рабочих кварталах Лондона, в частности в радикальных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 487.

² Там же, стр. 569—570.

³ Там же, стр. 570—571.

клубах Ист-Энда. Энгельс рассчитывал, что эта агитация, в случае успеха, может привести к высвобождению лондонских рабочих из-под политического влияния либералов и способствовать «организации английской рабочей партии с независимой классовой программой»¹. Примерно через год после начала агитационных выступлений Эвелингов, он с удовлетворением отмечал: «Эвелинг и его жена по несколько раз в неделю выступают с докладами и пользуются там большим влиянием; они теперь безусловно самые популярные ораторы среди рабочих»². Наблюдая жизнь и борьбу лондонских рабочих, он приходил к выводу, что «массами все больше и больше овладевает инстинктивный социализм»³, и это создает благоприятную почву для создания пролетарской партии. В начале 1888 г. он оценивал обстановку в английском рабочем движении оптимистичнее, чем ранее.

События следующего года во многих отношениях подтвердили оценку Энгельса. Центральное место принадлежало здесь стачке лондонских докеров в августе — сентябре 1889 г., в которой участвовало более 100 тыс. человек. Энгельс чрезвычайно высоко оценивал это выступление английского пролетариата, характеризовал его как «начало полной революции в Ист-Энде»⁴. И действительно, стачка лондонских докеров послужила решающим толчком к вовлечению в организованное рабочее движение десятков и сотен тысяч неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, до сих пор стоявших вне его.

Началось создание новых тред-юнионов, объединивших самые широкие слои рабочего класса. Одним из активнейших организаторов новых рабочих союзов была Элеонора Маркс-Эвелинг. «Эти новые тред-юнионы неквалифицированных рабочих и работниц, — писал Энгельс в октябре 1889 г. Лауре Лафарг, — совершенно отличны от старых организаций аристократии рабочего класса... В этих тред-юнионах я вижу *подлинное* начало движения здесь»⁵. Он всеми силами старался помочь укреплению этих союзов и расширению их влияния в массах. Во время происходившей осенью 1889 г. под руководством Элеоноры Маркс-Эвелинг стачки рабочих фабрики резиновых изделий он обратился к Геду с просьбой оказать моральную поддержку стачечникам и воспрепятствовать попыткам капиталистов использовать французских пролетариев в качестве штрейкбрехеров. «...Мы просим Вас сделать все, что в Вашей власти, — писал он, — чтобы помешать французским рабочим приезжать для замены бастующих Силвертауна, объяснить им истинное положение вещей и воззвать к классовому чувству ваших рабочих»⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 548.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 26.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 230.

⁵ Там же, стр. 241.

⁶ Там же, стр. 282.

Однако Энгельс отдавал себе отчет в том, что это только первые шаги, и нужно сделать еще очень много, прежде чем будет осуществлена главная задача: создание самостоятельной пролетарской партии. «Движение,— писал он Зорге 7 декабря 1889 г.,— наконец *сошло* с мертвой точки, и, как мне кажется, окончательно. Но оно не является непосредственно социалистическим...»¹. Энгельса очень тревожило то обстоятельство, что многие из руководителей новых тред-юнионов были заражены реформистским духом, преисполнены почтения к высшим слоям английского общества. «Самое отвратительное здесь,— делился он своими тревогами с Зорге,— это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность»»². Все надежды Энгельс возлагал на рабочие массы, которые, по его наблюдениям, «сами того не замечая, вступают на теоретически правильный путь»³. В этих условиях он считал особенно вредной сектантскую тактику Гайндмана и его сторонников.

Развитие освободительной борьбы английских рабочих в течение 80-х годов, особенно во второй их половине, позволяло Энгельсу надеяться, что социалистическое движение в Англии вступает в новую фазу. В то же время он видел, какие трудности стоят на пути к созданию действительно массовой партии английского пролетариата: основная его организация — тред-юнионы — оставалась в стороне от социалистического движения, английская буржуазия располагала особо благоприятными возможностями для подкупа верхушки рабочего класса, проводила довольно гибкую тактику по отношению к пролетариату, в сознании рабочих глубоко укоренились традиции, связанные с двухпартийной системой.

Энгельс о рабочем движении в США и его перспективах

Известную аналогию своеобразному развитию английского рабочего и социалистического движения Энгельс находил в США. Социалистическое движение в США было представлено в те годы Социалистической рабочей партией, состоявшей почти исключительно из немецких рабочих-эмигрантов, среди которых были весьма распространены лассальянские воззрения. Хотя в общем руководители партии заявляли о своем признании марксизма, на ее программных документах лежала печать лассальянства, а в практической деятельности она стояла по существу на сектантских позициях и не имела сколько-нибудь прочных связей с массовым рабочим движением. Коренные же американские рабочие шли либо за «Орденом рыцарей труда» — организацией, пользовавшейся в середине 80-х годов значительным влиянием, но не ставившей перед собой социалистических целей, либо за профессиональ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 269.

² Там же, стр. 270.

³ Там же, стр. 297.

ными союзами, входившими в состав Американской Федерации труда и состоявшими в основном из квалифицированных рабочих. Значительное число пролетариев вообще не было организовано. Связи с рабочим движением США Энгельс поддерживал главным образом через Зорге, с которым вел регулярную переписку и от которого получал американскую социалистическую печать.

Отмечая весьма низкий — по сравнению с континентальной Европой — теоретический уровень рабочего и социалистического движения в США, Энгельс поддерживал всякий шаг, который мог бы содействовать распространению теории научного социализма среди американских рабочих.

Летом 1884 г. двадцатипятилетняя американка Флоренс Келли-Вишневецкая, которая в то время, слушая лекции в Цюрихском университете, приобщилась к социалистическим убеждениям, попросила у Энгельса разрешения перевести «Положение рабочего класса в Англии» для издания его в США. Энгельс дал согласие и взял на себя редактирование перевода. Перед отъездом на родину, осенью 1886 г., Келли-Вишневецкая лично познакомилась с Энгельсом, посетив его в Лондоне. Переписка между ними, завязавшаяся в начале 1885 г., продолжалась почти до смерти Энгельса. Благодаря письмам Энгельса многие его суждения об американском рабочем движении, его советы и рекомендации становились достоянием определенных кругов социалистически настроенной интеллигенции в США.

Издание в США книги, которая была написана более сорока лет назад, Энгельс считал целесообразным и даже желательным, поскольку промышленность США находилась тогда примерно на той же ступени развития, что и английская промышленность в 1844 г. Несмотря на существенные отличия, обстановка в США во многом напоминала то, что происходило в Англии 40-х годов. Это относилось и к положению рабочего класса, и к его борьбе за ограничение рабочего дня, против эксплуатации женского и детского труда и по другим вопросам.

В начале 1886 г. Энгельс потратил свыше полутора месяцев на редактирование перевода книги. В феврале 1886 г. им было написано специальное приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии», а в январе 1887 г. — предисловие, известное также под названием «Рабочее движение в Америке».

Энгельс содействовал распространению в США вышедших в середине 80-х годов в Лондоне английских переводов «Наемного труда и капитала» и «Развития социализма от утопии к науке». Понимая, что для американских рабочих I том «Капитала» окажется «достаточно твердым орешком»¹, он предло-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 427.

жил Келли-Вишневецкой организовать перевод популярных работ о теории Маркса, в частности лекций Девиля и Лафарга по политической экономии, а также издать серию популярных брошюр, в которых излагалось бы содержание I тома «Капитала» с привлечением фактов американской истории и экономической действительности. При этом Энгельс предостерегал своих друзей в США от особых иллюзий: «...Вы можете быть уверены, — писал он Келли-Вишневецкой 14 августа 1886 г., — что пройдет еще некоторое время, прежде чем *масса* американских рабочих начнет *читать* социалистическую литературу»¹.

Как раз в то время, когда Энгельс занимался редактированием перевода «Положения рабочего класса в Англии», в США назревали события, которые привлекли его особое внимание. С начала 1886 г. там развернулась широкая кампания за установление 8-часового рабочего дня, охватившая почти все крупные промышленные центры страны. В движении в период наибольшего его размаха участвовало свыше 350 тыс. человек, оно распространялось с невиданной для США силой. «Впервые среди населения, говорящего по-английски, — писал Энгельс Зорге 29 апреля 1886 г., — существует настоящее массовое движение. То, что оно еще идет ощупью, неловко, не имея ни ясных целей, ни знаний, — неизбежно. Все это наладится; движение будет и должно развиваться, учаь на своих собственных ошибках»².

Трагические события последующих недель — расстрел мирного собрания рабочих в Чикаго 3 мая, взрыв брошенной полицейским провокатором бомбы во время состоявшегося на следующий день митинга протеста и арест в связи с этим группы рабочих лидеров — имели резонанс далеко за пределами США. Значение этих событий Энгельс видел прежде всего в том, что они разбили иллюзию классового мира в этой богатой и бурно развивающейся стране. В начале июня 1886 г. он писал Келли-Вишневецкой: «...Наши — и ваши — буржуа думали, что Америка стоит *выше* классового антагонизма и классовой борьбы. Эта иллюзия теперь рассеялась, последний буржуазный рай на земле быстро превращается в чистилище... Американские рабочие... нагнали страх на весь класс капиталистов»³.

Важнейшей задачей американских социалистов Энгельс считал всемерную поддержку массовой борьбы пролетариата, а также его стремления к созданию массовой политической партии. Между тем Социалистическая рабочая партия — единственная организация, в составе которой были люди, не только знакомые с учением Маркса, но и обладавшие известным опытом классовой борьбы европейского пролетариата, — оказалась

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 428.

² Там же, стр. 407.

³ Там же, стр. 417—418.

в стороне от массового движения. Ее лидеры, как неоднократно отмечал в своих письмах Энгельс, рассматривали марксистскую теорию как догму, не учитывая исключительного своеобразия развития рабочего движения в США, не желая и не умея работать среди масс. «...Многие из живущих в Америке немцев,— писал Энгельс в конце декабря 1886 г.,— совершили большую ошибку, когда они, оказавшись лицом к лицу с мощным и победоносным движением, созданным без их участия, попытались превратить свою импортированную и не всегда правильно понятую теорию в своего рода всеспасающую догму и держались в стороне от всякого движения, не приемлющего этой догмы»¹.

Энгельс в общем дал положительную оценку созданию летом 1886 г. в ходе подготовки к муниципальным выборам в Нью-Йорке Объединенной рабочей партии, к которой присоединились и профсоюзы. Социалистическая рабочая партия примкнула к ней и активно участвовала в предвыборной агитации. Выдвинутый новой партией кандидат на пост мэра Нью-Йорка известный экономист и публицист Генри Джордж получил свыше 68 тыс. голосов, оказавшись на втором месте.

Образовавшиеся по примеру Нью-Йорка рабочие партии в ряде других городов сумели даже провести своих кандидатов в законодательные собрания штатов и другие выборные органы.

Энгельс надеялся, что это движение станет «подлинным исходным пунктом развития американского рабочего класса»². В письмах к Зорге и Келли-Вишневецкой он не раз подчеркивал, что Социалистическая рабочая партия должна использовать благоприятный момент для упрочения своих связей с массами. Резко критикуя сектантскую линию тогдашних руководителей партии, он в то же время отмечал, что она — «единственная рабочая организация в Америке, стоящая, в общем, на нашей платформе»³.

Общую оценку состояния американского рабочего движения Энгельс дал в январе 1887 г. в упомянутом уже предисловии к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии». Это предисловие получило весьма широкое распространение: на немецком языке оно было напечатано в «Sozialdemokrat», на французском в «Socialiste», а в США — в «New Yorker Volkszeitung» и в виде отдельных брошюр двадцатитысячным тиражом на английском и немецком языках. Брошюры пользовались большим успехом. Через два месяца после их выхода Келли-Вишневецкая сообщила Энгельсу о том, что 10 тыс. экземпляров уже распроданы.

Яркими мазками нарисовал здесь Энгельс общую картину состояния борьбы пролетариата в США за истекший год — год

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 497.

² Там же, стр. 511.

³ Там же, стр. 528.

бурных событий, когда рабочий класс впервые вышел на авансцену политической жизни страны как организованная, самостоятельная сила. «...Рабочие массы,— писал он,— почувствовали общность своего бедственного положения и своих интересов, свою классовую солидарность... Следующий шаг состоит в том, чтобы найти общее лекарство от этих общих страданий и воплотить его в программу новой рабочей партии»¹. Эта программа, считал Энгельс, только в том случае будет отвечать подлинным, коренным интересам американского рабочего класса, если она провозгласит те главные цели, которые указывает пролетариату теория научного социализма: «...Завоевание рабочим классом политической власти, с тем чтобы осуществить прямое присвоение обществом в целом всех средств производства... для совместного использования их сообща и в общих интересах»².

Важное теоретическое значение имела критика Энгельсом воззрений Генри Джорджа, которые оказывали немалое влияние на сравнительно широкие круги американских трудящихся. Джордж доказывал, что основной причиной их бедственного положения является частная собственность на землю, и видел панацею от всех зол во введении единого прогрессивного земельного налога, посредством которого земельная рента обращалась бы на пользу всему обществу. Маркс еще в 1881 г. подверг эти взгляды обстоятельной научной критике в письме к Зорге. После смерти Маркса Зорге обратился к Энгельсу за разрешением опубликовать письмо, так как был убежден, что Джордж «натворил много бед в головах рабочих»³. Но осуществить это ему не удалось. По просьбе Келли-Вишневецкой Энгельс специально остановился в предисловии на разборе путаной программы Джорджа. То, что взгляды Джорджа, далекие от пролетарского социализма, оказались на какое-то время знаменем для части рабочих США, Энгельс рассматривал как неизбежное, но переходящее зло, связанное с тогдашним уровнем развития рабочего класса. Он показал, что Джордж, в отличие от подлинных социалистов, требующих полного переворота во всей системе общественного производства, воспроизводит лишь взгляды левого крыла буржуазных экономистов рикардианской школы, которые ограничивали свою «социальную» программу конфискацией земельной ренты государством.

Всего несколько месяцев спустя Джордж своими действиями подтвердил правильность характеристики его Энгельсом как буржуазного реформатора: в августе 1887 г. конференция Объединенной рабочей партии решила исключить социалистов из

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 347.

² Там же, стр. 348.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4401.

своего состава, а сам Джордж вскоре оказался в рядах демократической партии.

Энгельс высказал далее свои соображения по поводу деятельности Социалистической рабочей партии. Он отметил ее главный недостаток — отрыв от борьбы коренных американских рабочих, из-за чего она до сих пор не была в состоянии выступить как политическая партия. Партия, писал Энгельс, может сыграть значительную роль в осуществлении ближайшей задачи, выдвинутой перед рабочим классом Америки всем ходом освободительной борьбы: «объединить различные независимые отряды в одну национальную рабочую армию с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса»¹. Однако для этого, подчеркивал он, руководство партии должно полностью преодолеть сектантское отношение к движению коренных американских рабочих. Но руководители партии не захотели или не сумели воспользоваться этими советами Энгельса.

Поездка в Америку

Большим событием для Энгельса была поездка в США летом 1888 г. Ему давно хотелось побывать в этой стране, однако осуществить такое путешествие ранее не удавалось. 8 августа — вместе со своим старым другом Карлом Шорлеммером, а также с Элеонорой и Эдуардом Эвелингами — Энгельс на одном из крупнейших в то время трансатлантических пароходов «Сити оф Берлин» отплыл к берегам Нового Света. Он не собирался специально встречаться с лидерами рабочего движения США и заранее решил не принимать участия ни в каких публичных выступлениях. Более того, Энгельс старался держать путешествие в тайне, чтобы, как он писал накануне отъезда Лауре Лафарг, спастись от репортеров и «от нежных забот Исполнительного комитета немецких социалистов и т. д. Нью-Йорка»².

В США Энгельс пробыл более месяца. Путешествие было на редкость удачным. У Энгельса остались приятные воспоминания от недельного пребывания на пароходе. Более недели Энгельс провел в Нью-Йорке, где жил сначала в отеле, а затем у Зорге. Из бесед со старым другом он почерпнул немало конкретных сведений о состоянии рабочего движения и особенно о Социалистической рабочей партии и ее деятелях.

Затем Энгельс отправился в Бостон, чтобы навестить племянника своей покойной жены Вилли Бёрнса, уже давно эмигрировавшего в Америку. Вилли работал тогда на железной дороге и принимал активное участие в рабочем движении.

Сильное впечатление произвели на Энгельса красоты Ниагарского водопада, возле которого он прожил пять дней. Потом последовала увлекательная поездка на пароходе по озеру Онта-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 352.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 67.

рио и реке Св. Лаврентия в Канаду — до Монреаля. Вернувшись обратно в США, в небольшой городок Платсберг, Энгельс со своими спутниками совершил прогулку по живописным горам Адирондак, откуда по озерам Шамплейн и Джордж добрался до Олбани, а затем пароходом же по реке Гудзон снова прибыл в Нью-Йорк.

Первоначальный замысел — сохранить частный характер поездки — Энгельсу удалось осуществить полностью: сведения о его пребывании в США появились в социалистической печати только накануне отъезда в Европу, когда он дал интервью представителю «New Yorker Volkszeitung», бывшему активному деятелю Интернационала Теодору Куно.

29 сентября Энгельс был уже дома. Он остался очень доволен поездкой. Здоровье его заметно улучшилось: морской воздух, прогулки по горам, пароходные путешествия по рекам и озерам, наконец, множество новых впечатлений и полное отключение от повседневных дел и напряженной умственной работы — все это подействовало на него весьма благотворно. «Я чувствую себя помолодевшим по меньшей мере лет на пять. Все мои мелкие недомогания улетучились, глазам тоже лучше...»¹, — писал он по возвращении брату Герману.

Вместе с тем пребывание в США помогло Энгельсу еще глубже понять своеобразие этой огромной страны, увидеть такие свойственные ей социальные контрасты и противоречия, которые может раскрыть только непосредственное наблюдение. «Америка меня очень заинтересовала, — писал он вскоре после возвращения, — эту страну, история которой уходит в прошлое не дальше эпохи товарного производства и которая является обетованной землей капиталистического производства, надо действительно видеть собственными глазами»².

Переписка и встречи с русскими друзьями

В ноябре 1883 г. Энгельс получил письмо из Женевы от русской революционерки Веры Засулич, имя которой было ему известно давно, хотя лично знаком с нею он не был. Около шести лет назад она стреляла в петербургского градоначальника Трепова в знак протеста против жестокого обращения с арестованными революционерами, была потом оправдана судом присяжных и бежала за границу от нависшей над ней угрозы новых репрессий со стороны царских властей. Этот героический поступок молодой девушки получил широкий резонанс во всей Европе. Но только очень немногие знали, что в начале 1881 г. Вера Засулич вступила в переписку с Марксом. Среди этих немногих был Энгельс. Вместе с письмом, в котором сообщалось о предстоящем выходе сделанного ею русского перевода «Развития социализма от утопии к науке», Засулич прислала

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 81.

² Там же, стр. 83.

Энгельсу только что вышедший из печати перевод работы Маркса «Наемный труд и капитал» и объявление «Об издании библиотеки современного социализма» — первый программный документ русских последователей учения Маркса, образовавших в Женеве группу «Освобождение труда».

Энгельс не сразу выразил свое отношение к деятельности первых русских марксистов. Ему, видимо, нужно было убедиться в том, что это не преходящее увлечение, что идеи научного социализма прочно укоренились в сознании русских революционеров. С тем большим удовлетворением прочел Энгельс в следующем письме своей новой корреспондентки о том, что «прием, оказанный в России нашему начинанию — пропаганде научного социализма, предвещает нам успех, далеко превосходящий все наши ожидания»¹. Участники группы опирались на советы Энгельса, подбирая его и Маркса произведения для перевода; пользовались его советами и по другим проблемам.

В начале 1885 г. другой деятель группы «Освобождение труда» Плеханов, о котором Энгельс знал тогда тоже только понаслышке, прислал ему свою книгу «Наша разногласия». Сочинение Плеханова вызвало у Энгельса большой интерес. Ознакомление с этой работой окончательно убедило Энгельса в том, что передовые русские революционеры действительно глубоко восприняли учение Маркса. Он писал В. И. Засулич 23 апреля 1885 г.: «...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны»².

О проникновении марксистских идей в среду русской революционной молодежи и огромном интересе ее к произведениям научного социализма Энгельс знал не только из писем Засулич. Летом 1884 г., а может быть и несколько ранее, он получил сведения о попытках группы революционеров в Москве предпринять издание литографированного журнала «Социалистическое знание», в котором должны были печататься, в частности, переводы его и Маркса произведений. Эта группа, объединившаяся в «Общество переводчиков и издателей», через Е. Э. Паприц — одну из своих участниц, эмигрировавшую в 1884 г. в Лондон,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 497.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 260.

установила непосредственную связь с Энгельсом. От Паприц он узнал, какие его работы были уже — полностью или частично — переведены и нелегально изданы в Москве. Ей он дал экземпляр «Анти-Дюринга». Однако на этом отношения Энгельса с Обществом, по-видимому, прекратились, а вскоре оно было разгромлено царскими жандармами.

В то же время Энгельс продолжал поддерживать дружеские отношения с русскими революционерами старшего поколения, прежде всего с Лавровым и Лопатиным. Именно Лаврову Энгельс передал в начале 1884 г. значительную часть личной русской библиотеки Маркса для того, чтобы она стала достоянием русской революционной эмиграции. От Лаврова он узнал о том, что «в России существует группа лиц, которая решила издать перевод второго тома «Капитала» *во что бы то ни стало*»¹.

В конце марта 1883 г. Лавров сообщил Энгельсу о том, что Лопатин, который вскоре после нелегального возвращения в Россию в начале 1879 г. был вновь арестован и сослан, бежал из ссылки и через несколько дней после смерти Маркса появился в Париже. В теплых, искренних письмах Энгельсу и Элеоноре Маркс Лопатин выразил свои чувства по поводу кончины человека, которого «любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца»². Весть об удачном побеге Лопатина до глубины души обрадовала и взволновала Энгельса. «Известие о том, что наш смелый, до безумия смелый Лопатин благополучно вернулся на волю, явилось для всех нас приятной неожиданностью»³, — писал он Лаврову 2 апреля 1883 г. А в сентябре 1883 г. Лопатин приехал на несколько дней в Лондон и дважды посетил Энгельса; содержание бесед с ним он изложил в письме к видной деятельнице «Народной воли» М. Н. Ошаниной. Энгельс говорил ему тогда о своей глубокой убежденности в том, что свержение самодержавия в России даст мощный толчок развитию всего мирового революционного процесса; по словам Лопатина, он подчеркивал, что первоочередной задачей русских революционеров является борьба против самовластия, за демократизацию общественно-политического строя России, осуществление которой невозможно без глубоких социальных и экономических преобразований. «Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового социального переустройства*»⁴.

После встречи с Лопатиным Энгельс полагал, что тот, может быть, возьмет на себя перевод на русский язык II тома «Капитала». Однако вскоре Лопатин решил вернуться на родину. Энгельс в дальнейшем продолжал интересоваться его судьбой, тревожился за его жизнь, когда тот опять попал в лапы царской

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 495.

² Там же, стр. 485.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 3.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 490.

охранки. Он выражал готовность, если это будет полезно Лопатину, выступить в печати для подтверждения и признания его больших заслуг «в борьбе за наше дело»¹.

Летом 1884 г. среди русских знакомых Энгельса появился человек, чье имя прогремело по Европе еще в конце предшествовавшего десятилетия. Это был тридцатитрехлетний Сергей Кравчинский, который в 1878 г. среди бела дня на Михайловской площади в Петербурге ударом кинжала убил ненавистного всей передовой России шефа жандармов Мезенцева, а теперь, в эмиграции, под псевдонимом Сергей Степняк, приобрел широкую известность в революционных и прогрессивных кругах Западной Европы и США еще и как автор ярких произведений о русских революционерах и острых разоблачительных публицистических работ о внутренней политике русского царизма. Первая встреча Энгельса с молодым революционером состоялась в июле 1884 г. Вскоре Степняк с женой поселился в Лондоне, и здесь они поддерживали с Энгельсом дружеские отношения до конца его жизни.

Весьма оживленную переписку вел в 80—90-х годах Энгельс с Даниельсоном, который взял на себя перевод II тома «Капитала». С марта 1885 г., чтобы ускорить перевод, Энгельс по мере поступления корректурных листов из типографии посылал их Даниельсону. Это обеспечило выход русского издания II тома в исключительно короткие сроки: уже в декабре того же года том был готов, а через полтора месяца Энгельс получил и первые его экземпляры.

В письмах Даниельсону Энгельс затрагивал многие теоретические проблемы политической экономии, он освещал вопросы пореформенной эволюции России, подвергал нелицеприятной критике народнические заблуждения и иллюзии Даниельсона, полагавшего, что капитализм — это удел исключительно западных стран, а в самобытной России капиталистические отношения не найдут подходящих условий. Энгельс неизменно указывал Даниельсону на объективные процессы размывания феодально-патриархальных отношений, быстрого развития капитализма в промышленности и земледелии России.

Письма русских корреспондентов, беседы с революционными эмигрантами, получаемые от Даниельсона книги и другие русские источники, с которыми Энгельс знакомился, укрепляли его убеждение в том, что внутренние противоречия в России достигли огромной остроты и созревают объективные предпосылки для глубокой социальной революции. «Революция *должна* разразиться в течение определенного времени; она *может* разразиться каждый день»², — писал он В. Засулич в апреле 1885 г.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 483.

² Там же, стр. 260.

Энгельс не сомневался в том, что такая революция потрясла бы все европейские страны и имела бы колоссальный международный резонанс. В письме Бебелю в сентябре 1886 г. он выражал уверенность в том, что «воздействие, которое окажет на Европу падение этой последней цитадели реакции, будет огромным»¹. Будучи достаточно хорошо знаком с проблемами русской жизни, он был глубоко уверен в огромных потенциальных возможностях русского народа, которые смогут раскрыться во всем объеме после свержения самодержавного, абсолютистского строя. А этот строй Энгельс, как и все прогрессивные люди того времени, страстно ненавидел. Весьма тщательно изучал он внешнюю политику царского правительства: во второй половине 80-х годов, когда Европа не раз находилась на грани всеобщей войны, этот вопрос особенно привлекал его внимание.

Против угрозы общевропейской войны

Никогда, пожалуй, в переписке с друзьями Энгельс не уделял столько места вопросам внешней политики, как во второй половине 80-х годов. Международная атмосфера в эти годы почти все время была весьма напряженной. В середине десятилетия внимание всей Европы было приковано к событиям на Балканах, где обстановка — в связи с соперничеством между Россией, Австро-Венгрией, Англией, Германией, Турцией и некоторыми другими державами — значительно обострилась. Одно время существовала реальная угроза военного конфликта. В письмах и печатных выступлениях Энгельс указывал на серьезную опасность войны, не раз повторял, что царское правительство может броситься в военную авантюру с целью предотвратить надвигающуюся революцию. Он говорил и о возможности аналогичного развития событий в Германии и Франции: «Война, если она начнется, будет вестись только с целью помянуть революцию...»².

Хотя вскоре острота положения на Балканах несколько уменьшилась, общая обстановка в Европе стала еще более напряженной в связи с ухудшением франко-германских отношений и возникновением опасности столкновения двух крупнейших держав Западной Европы.

Анализируя существо и характер противоречий между основными европейскими державами, Энгельс приходил к выводу, что эти противоречия представляют собой такой сложный узел, что возможность локальных войн делается маловероятной. Интересы держав взаимно перекрещиваются «таким образом, что тот, кто выступил бы первым, спровоцировал бы всеобщую мировую войну»³, — отмечал он в марте 1887 г. Энгельс предвидел исключительно разрушительный характер будущей войны. Его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 446.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 327.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 531.

не оставляла мысль о том, что эта война примет невиданные масштабы и будет стоить человечеству, и прежде всего трудящимся, невероятных жертв. В декабре 1887 г., во введении к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов» он писал: «И это была бы всемирная война невиданной раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной,— сжатое на протяжении трех — четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости,— крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»¹. «Пророческие слова»²,— так охарактеризовал много лет спустя, в конце первой мировой войны, В. И. Ленин это гениальное предвидение.

Великий гуманист и революционер, Энгельс не ограничивался изображением бедствий, которые сулила трудящимся будущая война. Далекий от пацифистского морализирования, он был твердо уверен в том, что грядущая война вызовет всеобщий экономический и политический кризис, который потрясет самые основы буржуазного общества.

Но Энгельс отнюдь не связывал возможность пролетарской революции только с военными катаклизмами. Напротив, он постоянно повторял, что именно пролетариату придется в первую очередь ощутить на себе все тяготы войны и понести наибольшие жертвы. Он с полным основанием считал также, что правящие классы постараются использовать военную обстановку для нанесения тяжелых ударов рабочему движению и разжигания шовинистических и националистических настроений. Эти мысли красной нитью проходят через многие его письма. «...Война,— замечал он Лафаргу в марте 1889 г.,— ...вызовет насильственное и всеобщее подавление нашего движения...»³.

Основная идея, многократно высказанная им главным образом в письмах, заключалась в следующем: если предотвратить войну не удастся — а организованный рабочий класс не распо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 361.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 472.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 140.

лагал в то время достаточными силами для решения этой труднейшей задачи, — то социалистические партии должны воспользоваться кризисом для свержения существующего строя и захвата политической власти. «...Что бы ни произошло, — писал он Бебелю в ноябре 1885 г., — это обращается в конце концов в средство для того, чтобы привести нашу партию к власти и положить конец всему старому мошенничеству»¹. А заключительные строки упомянутого выше введения, которое высоко ценил В. И. Ленин, были проникнуты историческим оптимизмом пролетарского революционера: «Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна»².

**Международный
пролетариат
объединяет свои силы**

Очень скоро по возвращении из поездки в Соединенные Штаты Энгельсу пришлось вплотную заняться первостепенной проблемой, решение которой требовало его непосредственного участия — подготовкой намечавшегося на 1889 г. международного социалистического конгресса.

К этому времени во многих западноевропейских странах были созданы социалистические партии, программы которых строились в общем на основе принципов научного социализма (Бельгия — 1885 г., Норвегия — 1887 г., Швейцария — 1888 г., Испания — 1879 г., Австрия — 1888 г., Швеция — 1889 г. и др.). Крупные классовые бои второй половины 80-х годов способствовали воспитанию у рабочих чувства международной солидарности. Тяга пролетарских организаций к единству в международном масштабе заметно усилилась. Предложения и планы восстановления в какой-то форме международного пролетарского объединения все чаще выдвигались на съездах социалистических партий, профессиональных союзов и других рабочих организаций. Создание нового Интернационала становилось насущной потребностью международного рабочего движения.

Осенью 1887 г. решения о созыве в следующем году международного рабочего конгресса приняли почти одновременно и независимо друг от друга две организации, стоявшие на различных полюсах европейского рабочего движения: конгресс британских тред-юнионов и съезд Социалистической рабочей партии Германии. Энгельс, к которому его немецкие друзья обратились за советом, одобрил их попытку достигнуть согла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 330.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 361.

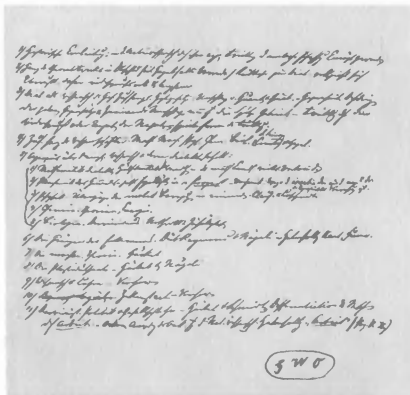

Энгельс в 1888 г.

Титульный лист работы Энгельса «К жилищному вопросу» с дарственной надписью Лауре Лафарг

Набросок общего плана книги Энгельса «Диалектика природы»

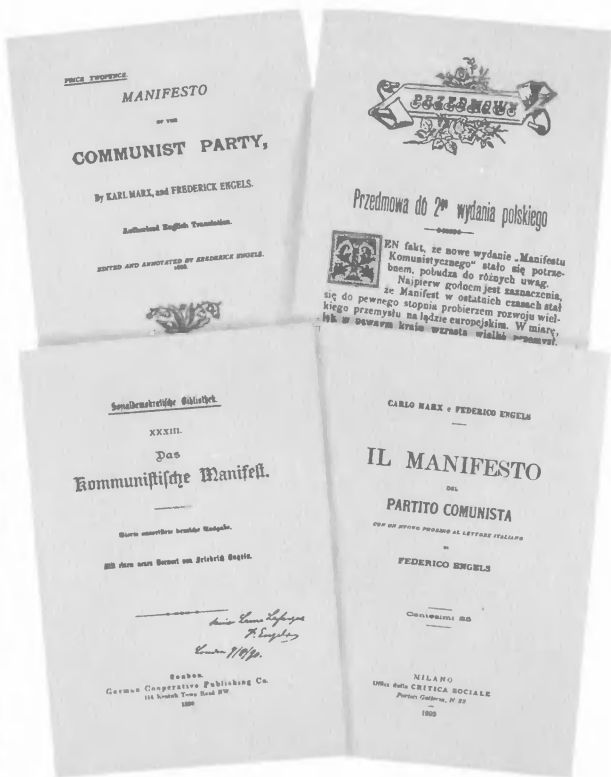
Страница газеты «Vorwärts» с началом работы Энгельса «Анти-Дюринг»

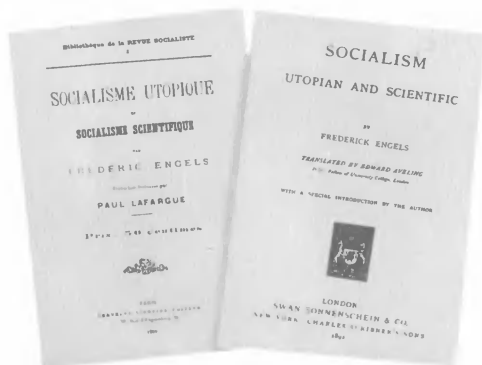
Жена Энгельса Лиззи Бёрнс

**Русское издание
«Манифеста
Коммунистической партии»
1882 г.**

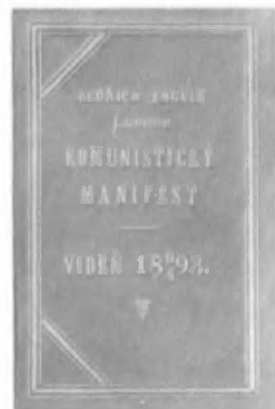

**Различные издания «Манифеста
Коммунистической партии»
с предисловиями Энгельса**

**Французское и английское
издания работы Энгельса
«Развитие социализма
от утопии к науке»**

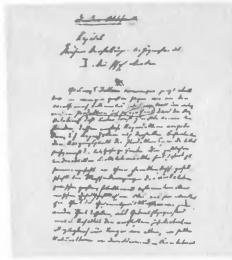
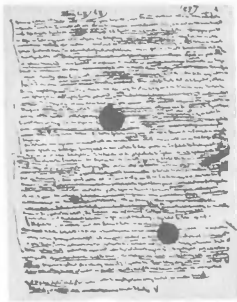

**Обложка
чешского
издания
«Манифеста
Коммунистической
партии» 1893 г.**

Маркс в 1882 г.

Страница рукописи второго тома «Капитала» Маркса и та же страница, продиктованная Энгельсом переписчику, с правкой Энгельса

Титульный лист первого издания второго тома «Капитала» с дарственной надписью Энгельса Лаврову и титульный лист третьего тома «Капитала» с дарственной надписью Энгельса Плеханову

Елена Демут

Женни Лонге

Лаура Лафарг

Элеонора Маркс-Эвелинг

Ф. А. Зорге

Ж. Гед

Б. Бакс

У. Моррис

Т. Манн

Г. А. Лопатин

Г. В. Плеханов

П. Л. Лавров

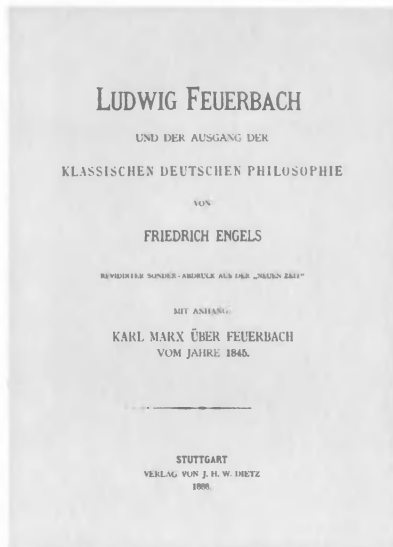
В. И. Засулич

С. М. Кравчинский (Степняк)

Обложка первого издания
книги Энгельса
«Происхождение семьи,
частной собственности
и государства»

Титульный лист работы
Энгельса «Людвиг Фейербах
и конец классической
немецкой философии»

Номер журнала
«Социаль-демократ»
со статьи Энгельса
«Внешняя политика
русского царизма»

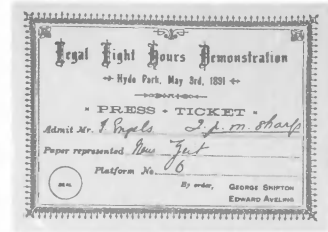
Титульный лист брошюры
«Фридрих Энгельс о России»

Энгельс в 1891 г.

Корреспондентский билет
Энгельса на трибуну
в Гайд-парке
во время демонстрации
3 мая 1891 г.

Энгельс на трибуне в Гайд-парке (Лондон)
во время первомайской демонстрации 1892 г.

Пригласительные билеты Энгельса на съезды
венгерской (1890) и австрийской (1892) социал-демократии

Энгельс и Бебель (четвертый справа)
во время Цюрихского конгресса II Интернационала 1893 г.

шения с тред-юнионами о проведении совместного конгресса. Однако переговоры о соглашении не привели к успеху.

Созванный британскими тред-юнионами конгресс состоялся в Лондоне в ноябре 1888 г. На нем присутствовали представители профессиональных союзов лишь нескольких европейских стран. В числе других резолюций конгресс принял решение поручить французским POSSИБИЛИСТАМ созыв международного конгресса в Париже в 1889 г. Почти одновременно с этим по инициативе французской Рабочей партии решение о проведении летом 1889 г. в Париже международного социалистического конгресса принял и съезд французских профессиональных организаций, находившихся под влиянием революционных социалистов. О целесообразности проведения конгресса именно в это время, приурочив его к столетию Французской революции 1789 г., Энгельс высказывался уже несколькими месяцами ранее. Видимо, его соображения в какой-то мере предопределили или, во всяком случае, оказали влияние на это решение.

Понимая реальную опасность того, что руководство будущим конгрессом может оказаться в руках оппортунистических элементов, Энгельс отложил почти все остальные дела и вплотную взялся за подготовку конгресса. Он был занят этим всю первую половину 1889 г. Энгельс вел огромную переписку с Полем и Лаурой Лафарг, с Бебелем и Либкнехтом, с некоторыми социалистами других стран. Регулярные встречи с близкими ему английскими социалистами он использовал для того, чтобы привлечь к участию в конгрессе возможно большее число социалистических и рабочих организаций Великобритании. «Энгельс... бросается в бой, как юноша»¹, — так характеризовал спустя много лет эти действия Энгельса В. И. Ленин. Энгельс был инициатором и автором почти всех конкретных мероприятий, обеспечивших успех конгресса революционных социалистов. Он следил за всеми перипетиями подготовки к конгрессу, немедленно реагировал на каждый неверный шаг своих друзей и сторонников, предлагал способы и средства исправления ошибок.

Энгельс настаивал на том, чтобы руководители французской Рабочей партии действовали с максимальной энергией, не дали POSSИБИЛИСТАМ перехватить инициативу в привлечении социалистических организаций других стран. Он был одним из инициаторов проведения предварительного совещания европейских социалистических партий, которое состоялось в Гааге в конце февраля 1889 г.

Между тем подготовка конгресса, несмотря на все усилия Энгельса, вплоть до весны 1889 г. не получила должного размаха. Немецкие социал-демократы и французские социалисты долгое время не могли договориться между собой о дате кон-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 239.

гресса, в то время как POSSИБИЛИСТЫ уже выпустили воззвание о созыве своего конгресса с указанием его сроков и условий участия в нем. Это вызывало сомнения и колебания и среди других социалистических партий. Энгельс был возмущен такой бездеятельностью. Он предложил Лафаргу подробный план действий, рекомендовал назначить точную дату открытия конгресса, составить и распространить на различных языках воззвание о его созыве, оговорив условия участия в нем. «Беритесь за дело! — писал Энгельс Лафаргу 30 апреля. — У вас добрых два месяца впереди, этого должно хватить на все»¹. Под влиянием Энгельса немецкие социал-демократы согласились на предложенную дату — 14 июля и установили связь с социалистами многих европейских стран.

В руках Энгельса была фактически сосредоточена вся подготовка к конгрессу. «Проклятый конгресс и все, что с ним связано, — писал он 21 мая, — уже три месяца поглощали все мое время; сплошная писанина, беготня, дьявольская возня...»². Лафарг, Бебель, Либкнехт почти каждый день получали от него письма с подробнейшими указаниями и советами. Он торопил французских социалистов с подготовкой воззвания, составил и направил им список имен видных социалистов и адресов социалистических газет большинства европейских стран и США для рассылки воззвания. Оно было подписано многими французскими социалистическими и рабочими организациями. Энгельс сам перевел текст воззвания на немецкий язык, организовал английский перевод, его печатание и распространение в Англии.

Он был инициатором еще одного документа — извещения о созыве конгресса, подписанного видными социалистами различных стран, согласившимися принять в нем участие. Энгельс отредактировал текст извещения, внес в него существенные поправки и всемерно содействовал получению необходимых подписей. В результате удалось добиться того, что извещение о созыве конгресса подписали представители социалистических организаций 16 европейских стран. Энгельс, в частности, лично способствовал тому, чтобы под извещением появились подписи членов группы «Освобождение труда» — Плеханова, Засулич и Аксельрода. Все это обеспечило успех будущего конгресса.

Собравшийся в Париже, в зале Петрелль, 14 июля 1889 г. конгресс был самым представительным в истории международного рабочего движения. Среди делегатов 20 стран значительное большинство составляли последователи Маркса и Энгельса, сторонники научного социализма. Энгельс встретил это с огромным удовлетворением. В письме к Зорге через несколько дней после открытия конгресса он тщательно сопоставил его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 159.

² Там же, стр. 177.

состав с составом открывшегося почти одновременно POSSИБИЛИСТСКОГО конгресса и отметил, что коренное отличие между ними заключается, во-первых, в том, что в зале Петрелль представлены рабочие организации гораздо большего числа стран, и, во-вторых, в том, что большинство из них являются социалистическими, в то время как делегаты другого конгресса — преимущественно деятели тред-юнионистского толка.

Сам Энгельс не принимал непосредственного участия в работе конгресса и в выработке его решений. Свою главную задачу он, вероятно всего, видел в том, чтобы обеспечить на конгрессе устойчивое марксистское большинство, способное противостоять оппортунистам и добиться принятия резолюций в духе научного социализма. Наиболее важным из решений конгресса Энгельс считал резолюцию об одновременном проведении в день 1 мая рабочих демонстраций во всех странах. «Это лучшее из того, что сделал наш конгресс»¹, — писал он 27 августа Лауре Лафарг.

На конгрессе не было провозглашено создание нового Интернационала, не были избраны какие-либо руководящие органы. Это в общем не противоречило той точке зрения, которую Энгельс не раз высказывал в письмах еще раньше, до конгресса. Он категорически возражал против стремлений к простому возрождению организационных форм Международного Товарищества Рабочих, считая, по-видимому, что новые формы могут быть выработаны лишь постепенно, по мере накопления рабочим движением опыта борьбы, по мере укрепления самостоятельных политических партий пролетариата. В то же время он видел ошибку конгресса в том, что не было принято конкретного решения о времени и месте созыва следующего конгресса. «Оставили нерешенным самый важный вопрос, — писал он позднее, — вопрос о будущем конгрессе»². С последствиями этой ошибки Энгельсу пришлось столкнуться уже в следующем году.

Благодаря руководящему участию Энгельса в организации конгресса удалось добиться сплочения революционных сил международного пролетариата под знаменем научного социализма и не допустить того, чтобы оппортунистические элементы оказались во главе международного рабочего движения. Парижский конгресс 1889 г., который в то время — в отличие от POSSИБИЛИСТСКОГО — называли конгрессом объединенных социалистов, фактически положил начало II Интернационалу. Новая международная организация с самого своего возникновения «стала во всем существенном на почву марксизма»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 222.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 77.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

Глава четырнадцатая

СОВЕТНИК И РУКОВОДИТЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

...Те немногие годы, на которые я могу еще рассчитывать, и все те силы, которыми я еще располагаю, по-прежнему будут всецело посвящены великому делу, которому я служу вот уже почти пятьдесят лет,— делу международного пролетариата.

Ф. Энгельс

На пороге 90-х годов К Новому году Энгельс, как всегда, получил множество поздравительных писем от друзей и соратников из различных стран. Он был бодр и в хорошем настроении. Здоровье заметно улучшилось. Хроническое заболевание глаз, служившее последнее время главной помехой научным занятиям, не беспокоило его в такой степени, как прежде. «Даже врачи не хотят верить, когда я говорю, что мне семидесятый год,— писал он брату Герману 9 января 1890 г.,— они утверждают, что я выгляжу лет на десять-пятнадцать моложе»¹. Энгельс радовался успехам освободительной борьбы рабочего класса, быстрому распространению

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 285.*

марксистских идей среди борющегося пролетариата. С чувством огромного удовлетворения писал он 1 мая 1890 г., что идеи «Манифеста Коммунистической партии» стали теперь «общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии»¹.

В первые месяцы 1890 г. Энгельс трудился чрезвычайно интенсивно. Он возобновил работу над рукописью III тома «Капитала», которую прерывал почти на целый год, занятый подготовкой Парижского международного социалистического конгресса. Готовил четвертое немецкое издание I тома. Писал статьи для социалистических газет и журналов, по-прежнему вел обширнейшую переписку. При этом он успевал еще прочитывать массу литературы, поступающей из Германии, Франции, Австро-Венгрии, Италии, США и других стран. Даже людей, знавших Энгельса на протяжении десятилетий, поражали его исключительная работоспособность, огромная жажда знаний, неиссякаемая творческая активность. «...Энгельс — замечательный человек, — писал Лафарг Даниельсону в конце 1889 г., — я никогда не встречал столь свежего и гибкого ума, обладающего такими энциклопедическими познаниями»².

Как всегда, на первом плане были для Энгельса события в международном рабочем движении. А начавшийся год был богат этими событиями. И первым из них, имевшим широкий международный резонанс и весьма важные последствия, явилась совершенно исключительная по тому времени победа германских социал-демократов на выборах в рейхстаг 20 февраля 1890 г.

Эта победа не была неожиданной для Энгельса. Еще за месяц до выборов он с уверенностью писал: «Наши немецкие рабочие снова покажут всему миру, из какой великолепной закаленной стали они выкованы»³. Такая твердая вера в успех основывалась на глубоком анализе внутреннего положения в Германии. Героическая борьба пролетариата в годы исключительного закона, кризис политики Бисмарка, растущее недовольство широких масс в связи с увеличением налогового бремени, фактическим бесправием, произволом властей, разногласия внутри правящей группировки — все это благоприятствовало социал-демократии. Интерес Энгельса к выборам был настолько велик, что накануне их он просил Бебеля сообщать ему итоги по телеграфу специально разработанным условным кодом и обратился с просьбой на центральный почтамт, чтобы в течение недели все телеграммы доставлялись ему в любой час, даже ночью.

Результаты выборов превзошли самые радужные ожидания. За кандидатов социал-демократической партии проголосовали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 62.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 454.

³ Там же, стр. 294.

в общей сложности почти полтора миллиона избирателей. Они получили 35 мандатов. Особое значение Энгельс придавал тому, что социалистические кандидаты собрали значительное число голосов в некоторых сельскохозяйственных округах; он видел в этом доказательство возможности завоевания социал-демократией на свою сторону беднейшего крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата. Избирательные успехи партии Энгельс рассматривал как свидетельство стойкости и силы рабочего движения, как «начало конца эры Бисмарка»¹. Действительно, 20 марта «железный канцлер» вынужден был уйти в отставку.

Энгельс считал, — и эту мысль он подчеркивал не раз и в письмах, и в статьях, — что теперь исключительный закон, срок которого истекал 30 сентября, не будет продлен рейхстагом, если только правителям Германии не удастся спровоцировать рабочих на преждевременное, неподготовленное выступление и использовать это как повод для новых репрессий. Чтобы избежать такой опасности, следует, писал он, «в данный момент... выступать, насколько возможно, мирно и легально и избегать всяких предлогов для столкновений»².

Но в то же время Энгельс предупреждал, что абсолютизировать такую тактику нельзя. Он был крайне недоволен некоторыми выступлениями Либкнехта, в которых социал-демократия изображалась как противница применения насильственных средств вообще. В письме Либкнехту 9 марта 1890 г. Энгельс решительно осудил эту позицию: «...Твой филиппик против насилия в любой форме и при всех обстоятельствах я нахожу неприемлемыми...»³. Он отдавал себе отчет в том, что реформистские элементы попытаются использовать новую ситуацию для навязывания партии оппортунистической линии, но глубоко верил, что немецкие пролетарии, умудренные опытом 12-летней борьбы против исключительного закона, сумеют поставить оппортунистов на место. «Я отлично знаю, — писал Энгельс 12 апреля, — что есть люди... которые охотно дали бы себя обмануть «рабочелюбием», идущим сверху, и пошли бы на компромиссы, но их заставят замолчать, лишь только они откроют рот»⁴.

За единство действий международного пролетариата

С нетерпением ждал Энгельс рабочих демонстраций за 8-часовой рабочий день, которые по решению Парижского конгресса 1889 г. должны были состояться во всех европейских странах 1 мая 1890 г.

Он принял самое деятельное участие в подготовке к демонстрации в Лондоне, назначенной на первое воскресенье мая. При помощи Энгельса его сторонникам удалось сломить сопро-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 309—310.

³ Там же, стр. 310.

⁴ Там же, стр. 326.

тивление реформистских лидеров тред-юнионов, которые стремились сузить число участников предстоявшей демонстрации и не допустить выдвижения политических требований. Был создан Центральный комитет по подготовке демонстрации, что обеспечило участие в ней новых тред-юнионов, радикальных рабочих клубов и социалистических организаций. «*Это наша первая крупная победа в Лондоне...*»¹, — писал Энгельс накануне демонстрации.

Большое внимание уделял Энгельс первомайским выступлениям немецких рабочих. Он поддержал тактическую линию Бебеля и его соратников, считавших, что 1 мая следует провести по возможности спокойнее, не поддаваясь на провокации, чтобы не дать повода для продления закона против социалистов. «В Германии, — писал он, — фракция рейхстага обязана сдерживать всякого рода страсти»².

Подготовка к 1 мая во Франции занимала большое место в переписке Энгельса с Лафаргами. Он советовал французским социалистам больше подчеркивать интернациональный характер демонстраций, поскольку среди определенных групп рабочих, особенно в Париже, еще со времен буланжистского кризиса сохранялись шовинистические настроения.

С огромным удовлетворением Энгельс узнал о многотысячных демонстрациях, митингах, шествиях, стачках, которые прошли по всей Европе. Исключительное впечатление произвела на него мощная демонстрация пролетариев английской столицы. Когда утром 4 мая Энгельс вместе с Лафаргом, Степняком-Кравчинским, Эвелингом и другими социалистическими деятелями поднялся на одну из грузовых платформ, служивших трибунами, перед ним предстала поистине грандиозная картина. «...Насколько хватало глаз, — рассказывал он спустя несколько дней Бебелю, — видно было одно сплошное море голов. Присутствовало 250—300 тысяч человек, из них свыше трех четвертей составляли рабочие...»³. Выступали не только англичане: участники митинга приветствовали немецкие, французские, русские социалисты. «...Это было самое грандиозное собрание из всех когда-либо происходивших здесь, — продолжал Энгельс. — ...Чего бы я не дал за то, чтобы Маркс дожид до этого пробуждения... Я сошел со старой платформы с высоко поднятой головой»⁴.

Первомайские дни показали всему миру, как глубоко вошли в сознание борющегося пролетариата принципы интернационализма, насколько правильной была оценка, которую дал Энгельс резолюции Парижского конгресса о Первом мая. «Майский праздник пролетариата, — писал он в статье «4 мая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 339.

² Там же, стр. 335.

³ Там же, стр. 341.

⁴ Там же, стр. 342, 343.

в Лондоне», — составил эпоху не только благодаря своему всеобщему характеру, который сделал его первым международным *действием* борющегося рабочего класса. Он дал также возможность констатировать в высшей степени отрядные успехи движения в отдельных странах»¹.

И в последующие годы Энгельс принимал самое деятельное участие в подготовке празднования 1 мая и считал своим долгом, пока позволяло здоровье, присутствовать на первомайских демонстрациях и митингах в Лондоне.

В первые месяцы 1891 г. Энгельсу пришлось приложить немало усилий для улаживания конфликта между французскими революционными социалистами и немецкими социал-демократами по вопросу о праздновании 1 мая. Французы настаивали на том, чтобы этот день непременно отмечался одновременно во всех странах и сопровождался кратковременными забастовками. Руководство же германской партии считало, что в условиях ухудшения промышленной конъюнктуры в стране капиталисты могут использовать забастовки как повод для локаутов и массовых увольнений. Поэтому ввиду такой опасности не следует настаивать на проведении забастовок и лучше отметить международный праздник в первое воскресенье мая.

Возникла коллизия: французы упрекали немецких социалистов в оппортунизме и фактическом отказе от решений Парижского конгресса, а Бебель и его соратники доказывали, что в Германии проведение первомайских стачек может вызвать серьезные репрессии и значительно ухудшить условия деятельности партии. Энгельс встал на сторону немецких социал-демократов. Он с большим тактом и терпением разъяснял своим французским последователям, что хотя было бы весьма желательно провести празднование одновременно повсюду, нельзя во имя этого, как он говорил, «театрального эффекта» ставить под угрозу завоевания немецкого пролетариата, добытые с таким большим трудом. Благодаря умелым действиям и убедительной аргументации Энгельсу удалось доказать правильность принятой в Германии в 1891 г. первомайской тактики, тем более, что и в Англии, с целью вовлечения в демонстрацию тредюнионов, тоже пришлось пойти на проведение ее в первое майское воскресенье. Но такую тактику Энгельс рассматривал как вынужденную особыми обстоятельствами и осуждал тех немецких социал-демократов, которые возводили это решение в постоянный принцип.

Напряженная работа зимой и весной 1890 г. сказалась на здоровье Энгельса. У него началась бессонница. Врач советовал покинуть Лондон и провести лето в более благоприятных климатических условиях. Из опыта последних лет Энгельс знал, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 64.

лучше всего на него действует пребывание на море. Поэтому он охотно принял предложение Шорлеммера совершить небольшое морское путешествие к берегам Норвегии.

1 июля на паровой яхте «Цейлон» друзья отплыли из лондонского порта. Плавание продолжалось более трех недель. Пароходик прошел вдоль всего западного побережья Норвегии, вплоть до самой северной его точки — мыса Нордкап и обратно, заходя в многочисленные живописные фиорды. Всю дорогу Энгельс чувствовал себя прекрасно. Он любовался великолепными пейзажами, на остановках много ходил пешком, интересовался жизнью и обычаями народа. «Путешествие было очень приятным и интересным, а норвежцы мне очень понравились»¹, — писал он Либкнехту в конце плавания. Как и во время поездки в США двумя годами ранее, Энгельс всячески старался соблюдать инкогнито, считаясь с возможностью «полицейских придираков»², так как в это время в Норвегию прибыли с официальным визитом корабли германского военного флота, на одном из которых находился недавно вступивший на престол Вильгельм II.

Морской воздух, чудесная северная природа и множество новых впечатлений оказали на Энгельса благотворное влияние. Чтобы закрепить это и окончательно восстановить свои силы, он с середины августа провел еще около месяца на отдыхе в Фолкстоне — небольшом приморском городке недалеко от Дувра. Но теперь он уже не мог позволить себе полностью отключиться от работы: дома ждало множество писем, требовавших ответа.

Вскоре после возвращения в Лондон Энгельса постиг тяжелый удар — 4 ноября скончалась Елена Демут. Смерть этой прекрасной женщины была для Энгельса огромным горем. С тех пор как Елена Демут в середине 40-х годов, совсем еще юной девушкой, вошла в дом Маркса, она играла заметную роль в жизни не только его семьи, но и близких друзей, которые уважали и искренне любили ее. Энгельс, для которого она была «доброй, дорогой, верной Ленхен», глубоко переживал эту утрату. На другой день после смерти Елены он писал Зорге: «Мы прожили с ней в этом доме семь счастливых лет. Мы были двое последних из старой гвардии времен до 1848 года. Теперь я снова остался один... Что будет теперь со мной, не знаю»³.

Причиной такого настроения были и боль от только что перенесенной потери, и перспектива одинокой старости. Энгельсу необходимо было иметь возле себя надежного человека, который мог бы избавить его от мелких повседневных забот и в какой-то мере облегчить выполнение стоявших перед ним сложных задач.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 363.

² Там же, стр. 362.

³ Там же, стр. 423.

Для этого, считал Энгельс, наиболее подходила бывшая жена Каутского — Луиза. Поселившись в доме Энгельса, она взяла на себя заботу о его хозяйстве и обязанности секретаря.

28 ноября 1890 г. Энгельсу исполнилось 70 лет. Еще до наступления этого дня в его адрес начали поступать многочисленные поздравительные письма и телеграммы буквально со всех концов света. Поздравления прислали старые соратники по революционным боям 1848—1849 гг., ветераны Международного Товарищества Рабочих, близкие друзья и незнакомые почитатели, рурские горняки и ученые с мировым именем, русские революционные эмигранты и американские социалисты. Русские социалисты, писал ему Лавров, «приветствуют в Вашем лице единственного человека, имя которого навеки вписано в историю социализма рядом с именем Карла Маркса и не тускнеет от блеска этого великого имени»¹. А Плеханов в издававшемся группой «Освобождение труда» журнале «Социаль-демократ» отмечал, что «в настоящее время нет человека, который мог бы сравняться с Энгельсом своими заслугами по отношению к пролетариату»². Энгельс получил поздравления от многих социалистических партий и редакций социалистических газет. Бебель, Либкнехт и Зингер приехали в Лондон, чтобы поздравить его от имени ведущей партии европейского пролетариата. Многие социалисты стремились выразить свое глубокое уважение Энгельсу как признанному идейному вождю международного социализма. И это было не только признанием его заслуг перед рабочим движением и свидетельством того, что идеи марксизма восприняты передовыми пролетариями. Это явилось также показателем огромного размаха рабочего движения, охватившего теперь все капиталистические страны.

Энгельс не любил публичных почестей. Он писал Зорге 26 ноября: «Мне хотелось бы, чтобы все это поскорее осталось позади, у меня далеко не именная настроенность, а к тому же еще эта совершенно ненужная шумиха, которой я и без того терпеть не могу»³.

А через год он высказал ту же мысль следующими словами: «И Маркс и я всегда были против всяких публичных демонстраций, посвященных отдельным лицам; это допустимо разве только в том случае, когда таким путем может быть достигнута какая-нибудь значительная цель; но больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас»⁴.

Разумеется, Энгельс понимал, что все те, кто счел необходимым отметить день его рождения, движимы самыми искренними чувствами. И все, что было в эти дни высказано ему

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 574.

² Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе, стр. 278.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 426.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 270.

друзьями и последователями, он прежде всего относил к Марксу. Отвечая на многочисленные поздравления, он всякий раз подчеркивал это. «Такова уж моя судьба, — писал он в одном из ответов, — что мне приходится пожинать ту славу и тот почет, семена которых посеял человек, более великий, чем я, — Карл Маркс. Я же могу лишь торжественно обещать провести остаток своей жизни в активном служении пролетариату...»¹.

Против оппозиционной группы «молодых»

Еще летом 1890 г. внимание Энгельса привлекли события, развернувшиеся в Социалистической рабочей партии Германии. Хотя исключительный закон против социалистов формально пока продолжал действовать, после выборов 20 февраля ни у Энгельса, ни у руководителей партии не оставалось сомнений, что — если только не случится чего-либо непредвиденного — он не будет продлен. Уже в Норвегии Энгельс с интересом прочел газетное сообщение о том, что партия готовится к организационной перестройке в связи с предстоящим переходом на легальное положение. План перестройки предполагалось обсудить и утвердить на съезде партии в октябре 1890 г.

По возвращении Энгельс узнал, что внутри партии сложилась оппозиционная группа, выступающая с резкой критикой руководства, всей его политической и тактической линии. Ядро этой группы составляли молодые литераторы П. Эрнст, Г. Мюллер, М. Шиппель и другие, которые еще весной, в связи с подготовкой к 1 мая подняли крикливую демагогическую кампанию, требуя от руководства партии немедленных «решительных» действий, призывая ознаменовать 1 мая всеобщей стачкой. Они обвиняли руководителей партии, в частности Бебеля и Либкнехта, в мелкобуржуазном перерождении, отказе от революционной борьбы и т. д. Лидеры оппозиции выступали против использования легальных средств борьбы, в частности против парламентской деятельности партии. Теперь они усилили свои нападки, подвергая, в частности, резкой критике с левонархистских позиций опубликованный в конце августа проект нового устава партии. В руках сторонников оппозиции оказались некоторые газеты: «*Berliner Volks-Tribüne*» — в столице, «*Sächsische Arbeiter-Zeitung*» — в Дрездене, на страницах которых в развязной форме критиковалась линия партийного руководства. Стремясь увеличить число своих сторонников, оппозиция организовывала собрания, публичные выступления своих лидеров. Бебель и его соратники приняли бой. Однако в пылу полемики некоторые из руководителей партии давали противникам повод обвинять все руководство в стремлении расправиться с «инакомыслящими».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 94.

В оценке «молодых», как называли в партии оппозиционную группу, Энгельс был полностью на стороне Бебеля. Оппозицию он охарактеризовал как «студенческий бунт», как результат наплыва в партию множества «студентов, литераторов и прочих деклассированных молодых буржуа»¹, беспомощных в теоретическом отношении, но отличающихся непомерным самомнением и необоснованными претензиями на руководящую роль.

Однако Энгельс с полным основанием считал, что демагогия и псевдореволюционная фразеология представителей оппозиции могут легко оказать влияние на молодых, полных революционного энтузиазма, но не обладающих достаточной теоретической подготовкой членов партии. «В этом заключается опасность, которую нельзя недооценивать»², — предупреждал он Либкнехта. Действительно, оппозиции удалось на время увлечь за собой некоторую часть рабочих. Энгельс предостерегал своих друзей, особенно Либкнехта, от поспешных организационных мер по отношению к противникам. Считая, что партия легко справится с оппозицией на предстоящем съезде, он писал Либкнехту 10 августа: «Не создавайте без необходимости мучеников, покажите, что у вас царит свобода критики, и если уж необходимо кого-либо исключить, то только в тех случаях, когда налицо «открытые действия», на самом деле яркие и полностью доказуемые факты низости и предательства!»³. Он изложил свое мнение и Бебелю, который полностью с ним согласился и передал его письмо другим деятелям, чтобы «они кое-что извлекли из него и для себя»⁴.

В начале сентября, еще находясь в Фолкстоне, Энгельс счел нужным выступить против «молодых» и публично. Это было вызвано заявлением редакции «Sächsische Arbeiter-Zeitung» о том, будто он солидарен с ее критикой руководства партии. На страницах «Sozialdemokrat» Энгельс дал резкую отповедь этим измышлениям. Он отметил теоретическую несостоятельность воззрений оппозиции, абсолютное непонимание ею марксизма, полное незнание «решающих в каждый данный момент исторических фактов»⁵. Касаясь предлагаемой «молодыми» тактики, их ультрареволюционных требований, Энгельс показал, что всякая попытка осуществить эти требования могла бы «погубить даже самую сильную, насчитывающую в своих рядах миллионы партию»⁶. В ответе одному из лидеров «молодых» П. Эрнсту, напечатанном в «Berliner Volksblatt», Энгельс, критикуя их вульгарный социологизм, писал, «что материалистический метод

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 383.

² Там же, стр. 379.

³ Там же.

⁴ Bebel's Briefwechsel..., S. 395.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 74.

⁶ Там же.

превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»¹.

С помощью Энгельса германской социал-демократии удалось сравнительно быстро справиться с возникшими трудностями. Избранная состоявшимся в Галле в середине октября 1890 г. съездом партии специальная комиссия отвергла все обвинения со стороны оппозиции, а год спустя, на партийном съезде в Эрфурте, ее главные лидеры, которые к тому времени встали на путь прямой фракционной борьбы, были исключены из партии. Энгельс одобрил этот шаг.

**В борьбе
с оппортунизмом
в германской
социал-демократии**

Друзья Энгельса в Германии горячо одобрили его статью против «молодых». «Очень хорошо, что ты нанес удар скандалистам, он попал в цель»², — писал ему Бебель 23 сентября. Однако Энгельс не мог ограничиться этим выступлением. Он видел, что для атаки на партию оппозиция использует порой действительные факты оппортунистических выступлений и действий отдельных ее деятелей. Реформистское крыло в партии, хотя и потерпело ряд неудач во второй половине 80-х годов, продолжало существовать и было не менее опасным. Поэтому Энгельс решил высказать свою точку зрения на такую опасность. «...Ударив по банде литераторов, — писал он Каутскому, — я не мог не нанести удара и по тем филистерским элементам в партии, которые дали повод ко всему этому скандалу»³. Энгельс воспользовался для этого выходом последнего номера газеты «Sozialdemokrat», которая теперь, когда надобность в нелегальном органе в связи с отменой с 1 октября 1890 г. исключительного закона отпала, должна была прекратить свое существование. В своем прощальном письме читателям газеты Энгельс совершенно недвусмысленно подчеркнул, что, выдвигая сейчас на первый план «законные» методы борьбы, партия должна быть готовой к тому, чтобы в случае изменения обстановки к худшему вновь перейти к нелегальным средствам. «Старый механизм, сохраняющийся в резерве на этот случай, — писал он, — снова будет приведен в действие — усовершенствованный, усиленный, налаженный заново»⁴.

С большим интересом следил Энгельс за открывшимся 12 октября в Галле съездом Социалистической рабочей партии — первым легальным съездом с 1878 г. Он получал о нем подробную информацию не только из газет, но и от Элеоноры Маркс-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 86.

² Bebel's Briefwechsel..., S. 397.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 387.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 84.

Эвелинг, которая присутствовала там в числе английских гостей. Ходом съезда и его решениями Энгельс был в общем удовлетворен. «Съезд в Галле прошел великолепно»¹, — писал он Зорге. В то же время письма и рассказы Элеоноры укрепили его отрицательное мнение о лидерах оппортунистического крыла партии. Оппортунисты, по мнению Элеоноры, представляли собой куда бóльшую угрозу партии, чем оппозиция «молодых».

Между тем партия готовилась к важному событию — принятию новой программы. Решение о ее подготовке принял съезд в Галле по докладу Либкнехта. Но от Элеоноры Энгельс знал, что в докладе было немало путаницы. Еще более он убедился в этом, когда сам ознакомился с текстом документа и увидел, что Либкнехт продолжает настаивать на многих неправильных положениях прежней программы. Это настораживало Энгельса. Он был полон решимости ни в коем случае не допустить того, чтобы новая программа содержала ошибки, раскритикованные в свое время им и Марксом.

Юбилейные дни несколько утомили Энгельса. К середине декабря его жизнь вошла в обычную колею. Он возобновил работу над начатой еще ранее брошюрой против немецкого вульгарного экономиста Л. Brentано, уже в течение нескольких лет распространявшегося о том, будто Маркс преднамеренно искажал цитаты из английских официальных источников. Брошюра была закончена через два месяца. Но главным его делом в это время стала подготовка к печати «Критики Готской программы», — написанной Марксом полтора десятилетия тому назад и до тех пор известной всего нескольким лицам. Публикация «Критики Готской программы» в тот момент, когда началась интенсивная подготовка новой программы германской социал-демократии, должна была, по мысли Энгельса, помешать включению в нее ошибочных положений, принятых на Готском съезде 1875 г., и нанести удар оппортунистическим мелкобуржуазным элементам.

Намерение напечатать рукопись Маркса окончательно созрело у Энгельса в связи с решением Галльского съезда партии о проведении дискуссии по поводу партийной программы. «...С моей стороны было бы преступлением, — писал Энгельс, — если бы я и дальше продолжал откладывать опубликование этого важного документа, пожалуй, самого важного из всех, относящихся к данной дискуссии»². Энгельс понимал, что появление в печати работы Маркса будет весьма не по душе некоторым деятелям партии, особенно тем, кто имел отношение к составлению Готской программы. Но он решил не считаться с

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 426.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 95.

«Критика Готской программы» и письмо Маркса Бракке от 5 мая 1875 г. были опубликованы в «Neue Zeit» в конце января 1891 г. Направляя рукопись Каутскому, Энгельс предупредил его, что если она не будет помещена в «Neue Zeit», он печатает ее в австрийской социалистической печати. По настоянию издателя журнала Дица, а отчасти и по совету Каутского, Энгельс опустил или смягчил некоторые резкие выражения в письме к Бракке и в рукописи.

С большим интересом ждал Энгельс откликов на публикацию. Как и следовало предполагать, реакция некоторых лидеров партии оказалась отрицательной. Была даже предпринята попытка изъять весь тираж журнала. Правда, документ был перепечатан в центральном органе партии «Vorwärts» и в ряде других партийных газет. Но 13 февраля в редакционной статье «Vorwärts» от имени фракции было выражено неодобрение по поводу публикации и взята под защиту Готская программа. «Обида» на Энгельса выразилась и в том, что почти все руководители партии перестали ему писать. Даже Бебель в течение двух с лишним месяцев не отправил ему ни одного письма. Противники публикации мотивировали свою позицию, в частности, тем, что опубликование работы Маркса и особенно письма к Бракке может быть использовано во вред партии. Такого мнения придерживался и Бебель.

Все это, особенно позиция Бебеля, было, конечно, неприятно Энгельсу. Однако он не сомневался в том, что трения будут скоро преодолены, а замечательная работа Маркса окажет огромное влияние на все развитие партии и прежде всего на выработку новой программы. Энгельс считал, что если публикация и вызвала чувство некоторой обиды у партийных лидеров, то это не может идти ни в какое сравнение с ее положительным воздействием. «...Избежать этого было невозможно,— писал он,— а само содержание документа, по моему мнению, перевешивало это с избытком. Я знал также, что партия была более чем достаточно сильна, чтобы выдержать это...»¹.

Ближайшее же время подтвердило правоту Энгельса. В широких партийных кругах публикация документа вовсе не была встречена отрицательно. Энгельс видел это и по газетам, и по письмам своих сторонников. Вся партийная пресса перепечатала работу Маркса без какой-либо полемики. Враги же революционного рабочего класса лишний раз убедились в огромной внутренней силе партии, способной на такую беспощадную самокритику.

Публикация получила огромный резонанс и в социалистическом движении других стран. Многие соратники и последователи Энгельса выражали полное одобрение его действиям. «Вы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 31.

оказали благородную услугу социалистической партии»¹, — писал ему Лафарг. Во французской газете «Socialiste», в австрийской «Arbeiter-Zeitung», в итальянском социалистическом журнале «Critica Sociale», в американской «New Yorker Volkszeitung» появились статьи, излагавшие содержание работы Маркса и отмечавшие ее выдающееся значение для освободительной борьбы рабочего класса. Она была тогда же полностью перепечатана австрийской социалистической газетой «Volksgreund», а спустя некоторое время вышла во французском переводе.

Отношения с Бебелем скоро наладились. В начале апреля Энгельс получил от него письмо, в котором Бебель подробно разъяснял свою позицию по вопросу о публикации рукописи Маркса. Он писал, что был тогда не согласен не с фактом публикации марксовой рукописи, а с формой, в которой это было сделано: по его мнению, следовало опустить все «задевающие отдельных лиц и компрометирующие их места» и вообще не печатать письмо к Бракке, «которое нанесло удар не программе, а нам — причем мне к тому же и совершенно незаслуженно, ибо письмо мне не было известно»². «Я буду рад, — заключал он, — если эта история постепенно забудется»³. Примеру Бебеля последовал и Зингер. Переписка Энгельса с руководителями партии возобновилась. Как он и рассчитывал, публикация работы Маркса оказалась чрезвычайно полезной для партии. Она внесла ясность в решение важнейших теоретических проблем. А это было крайне необходимо не только в связи с подготовкой новой программы, но и потому, что как раз тогда вновь активизировались оппортунисты, прежде всего руководитель баварской организации Фольмар, которого Энгельс называл «наиболее опасным интриганом в нашей партии»⁴, и некоторые его единомышленники. В своих печатных и публичных выступлениях они проповедовали идеи сотрудничества с юнкерско-буржуазным государством, мирного, постепенного «врастания» капитализма в социализм, принципиального отказа от революционного насилия. Некоторые их речи были проникнуты шовинистическими, националистическими настроениями.

Так, Фольмар в выступлениях на открытых социал-демократических собраниях в Мюнхене в июне — июле 1891 г. заявил о поддержке внешней политики правящих кругов в связи с «новым курсом» правительства Каприви, выразившимся, в частности, в признании легального существования социал-демократии и обещании социальных реформ. Фольмар потребовал, чтобы партия отказалась от революционных целей и ограничилась

¹ Correspondance, t. III, p. 20.

² Bebels Briefwechsel..., S. 408.

³ Ibid., S. 409.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 175.

борьбой за реформы. Энгельс расценил это как открытое стремление превратить социал-демократов в «правительственных социалистов»¹. Он с большим удовлетворением ознакомился с речами Бебеля, Зингера, Либкнехта и других своих последователей, которые выступили против оппортунистов, и оказал им значительную помощь.

Именно в это время Энгельс подготовил к печати третье немецкое издание «Гражданской войны во Франции» Маркса, снабдив его большим введением. Энгельс проанализировал здесь уроки Парижской Коммуны, еще раз подчеркнул ее великое, всемирно-историческое значение как первой попытки осуществить пролетарскую революцию и установить власть рабочего класса. обстоятельно разобрав ошибки героических руководителей Коммуны, он блестяще развил важнейшее марксистское положение о необходимости слома пролетариатом старой государственной машины — орудия в руках эксплуататорских классов — и замены ее пролетарской диктатурой, этой «новой, поистине демократической»² властью. Он подверг критике «суетверное почтение» к буржуазному государству, укоренившееся в сознании даже некоторых социал-демократов, привыкших думать, «будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников»³. Между тем, подчеркнул Энгельс, это буржуазное государство остается орудием господствующего класса «в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии»⁴.

Свое введение Энгельс закончил следующими замечательными словами: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»⁵.

Критика проекта новой программы партии

В то же время Энгельс внимательнейшим образом изучал все материалы, связанные с подготовкой новой программы Социал-демократической партии Германии. Во второй половине июня 1891 г. Правление партии прислало ему на отзыв проект программы. Энгельс немедленно взялся за дело. «Я хотел было сперва попытаться придать несколько более строгую форму вводной мотивировочной части, — писал он 29 июня Каутскому, — но из-за недостатка времени мне не удалось этого сделать;

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 283.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 200.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 201.

⁵ Там же.

к тому же я считал более важным разобрать частью предотвратимые, а частью и неизбежные недостатки раздела политических требований, так как это давало мне повод ударить по миролюбивому оппортунизму «Vorwärts» и по бодро-скромно-весело-свободному «врастанию» старого свинства «в социалистическое общество»¹.

В конце июня Энгельс направил в Германию свои замечания. Подчеркнув, что полученный им текст проекта «весьма выгодно отличается от прежней программы» и «в целом составлен на основе современной науки»², Энгельс указал на необходимость более краткого и точного изложения мотивировочной части, предложил новые формулировки ряда положений этого раздела. Он, в частности, подчеркнул неправильность безоговорочного утверждения о неуклонном возрастании нищеты пролетариев. «В такой абсолютной форме... это неверно, — писал Энгельс. — Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для *роста нищеты*. Но что *определенно* возрастает, это *необеспеченность существования*»³.

Энгельс отметил факт постепенного вытеснения частного капиталистического производства, представленного отдельными предпринимателями, корпоративными формами капитала в виде акционерных обществ, трестов и других крупных объединений, монополизировавших целые отрасли промышленности.

Центральное место в критических замечаниях Энгельса занимал анализ политических требований программы. Именно в этой части проект страдал наибольшими недостатками. В нем отсутствовало требование установления в Германии демократической республики как одной из ближайших задач партии.

Энгельс рассматривал это как прямую уступку оппортунистам, которые «хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований»⁴. Он подчеркивал, что германскому пролетариату, прежде чем добиться победы над капитализмом, предстоит «разбить оковы еще полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя»⁵, и настаивал на том, чтобы требование демократической республики в какой-то форме было включено в программу, поскольку социал-демократическая партия и рабочий класс могут прийти к власти только в условиях такой республики. «Эта последняя, — писал Энгельс, — является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже вели-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 105.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 229.

³ Там же, стр. 233.

⁴ Там же, стр. 233.

⁵ Там же.

кая французская революция»¹. Указывая на это, Энгельс, видимо, хотел подчеркнуть принципиальное отличие демократической республики как государственной формы диктатуры пролетариата от обычной буржуазной республики парламентского типа.

Проект обходил вопрос о государственном устройстве, не подчеркивал, что пролетариат заинтересован в создании «единой и неделимой республики»², а не в федерализации страны. Энгельс отмечал, что федерация, как форма государства, оправдана лишь в странах, где живет несколько наций.

Соглашаясь с тем, что в условиях господствующего в Германии режима некоторые важнейшие требования не могут быть прямо включены в программу легальной партии, он настаивал на таких формулировках, которые сохраняли бы существование этих требований. Так, он предлагал, не говоря открыто о республике, включить в программу требование *«сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства»*³. Требование единого германского государства, то есть ликвидации таких реакционных пережитков, как «деление на мелкие государства и специфическое пруссачество»⁴, Энгельс предлагал дополнить требованием полного самоуправления на местах через чиновников, избранных на основе всеобщего избирательного права. Он считал необходимым устранить из проекта все формулировки, которые напоминали, хотя бы косвенно, о пресловутом «государственном социализме».

Значение работы Энгельса отнюдь не исчерпывалось конкретной критикой проекта программы. В ней нашло дальнейшее развитие марксистское учение о государстве, о путях перехода к социализму. Допуская возможность мирного пути к социализму в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, Энгельс решительно выступил против оппортунистов, считавших возможным осуществить это в условиях господствовавшего в Германской империи реакционного режима. Он подчеркивал прямую заинтересованность пролетариата в борьбе за демократические права, за установление демократической республики. С возмущением говорил Энгельс о распространении иллюзий, «будто в этой стране можно идиллически-мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество»⁵. Такого рода взгляды он называл самообманом и предостерегал руководство партии от опасности, которую несет с собой их распространение. Настаивая на решительной борьбе против оппортунизма, Энгельс дал замечательно ясное и четкое определение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 237.

² Там же, стр. 238.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

этого явления. «Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему... есть оппортунизм...»¹.

Роль Энгельса в подготовке новой программы не ограничилась этими замечаниями. Хотя значительная часть из них была реализована уже в том проекте, который 4 июля был опубликован Правлением партии для обсуждения, некоторые — касавшиеся политических требований — так и не были учтены. После этого было еще несколько проектов, в том числе проект редакции «Neue Zeit», теоретическая часть которого была составлена Каутским, а практическая — Бернштейном. Энгельс считал этот проект «*значительно лучше* официального»². Он исправил несколько формулировок и посоветовал Каутскому внести некоторые изменения. Этот проект и был принят программной комиссией в качестве основы будущей программы. Энгельс одобрил это. Но в последнем варианте проекта, опубликованном в «Vorwärts» накануне съезда, неожиданно появился лассальянский тезис об «одной реакционной массе», которую якобы составляют по отношению к пролетариату все остальные классы. Энгельс был поражен. Он немедленно написал Каутскому о недопустимости включения в программу этой лассальянской фразы, которая совершенно неверна, «так как превращает правильную самое по себе *историческую тенденцию* в *совершившийся факт*... До тех пор, пока мы недостаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки и осуществить наши принципы, не может быть, строго говоря, и речи об *одной* реакционной массе *по отношению к нам*»³. Подвергнутое Энгельсом критике положение было устранено.

После обсуждения в программной комиссии и на съезде окончательный текст новой программы был единогласно утвержден съездом. «В Эрфурте все прошло очень хорошо, — сообщал Энгельс Зорге 24 октября. — ...Проект программы Каутского... поддержанный Бебелем и мной, был положен в *основу* новой программы, ее теоретической части. К нашему удовлетворению, марксова критика возымела полное действие. Устранены и последние остатки лассальянства»⁴.

Принятие германской социал-демократией марксистской программы оказало влияние на все международное рабочее движение. Оно явилось свидетельством идейной победы марксизма над различными течениями мелкобуржуазного социализма. В течение ряда лет эта программа служила образцом для социалистов других стран.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 237.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 133.

³ Там же, стр. 153—154.

⁴ Там же, стр. 157.

Фольмар и другие оппортунисты в германской социал-демократии как на Эрфуртском съезде, так и после него продолжали отстаивать и пропагандировать свои взгляды. В июне 1892 г. Фольмар выступил во французском буржуазном журнале со статьей, в которой пытался истолковать некоторые положения программы в духе «государственного социализма» Бисмарка и Вильгельма II. Фольмар, писал в связи с этим Энгельс, — «хочет насильно навязать партии государственно-социалистические бредни»¹. Он советовал Бебелю решительно разоблачать несостоятельность выдвинутой Фольмаром концепции.

Одоблив выступления в печати против Фольмара, Энгельс отмечал, что следовало бы более резко поставить о нем вопрос на очередном съезде партии, который состоялся в Берлине в ноябре 1892 г. Правда, съезд принял резолюцию, осуждавшую «государственный социализм», и Фольмар вынужден был согласиться с этим, однако по существу остался на прежних позициях.

Велика была помощь Энгельса партии в ее теоретической работе. Всякая инициатива в этой области встречала поддержку с его стороны. При его активном участии было выпущено несколько новых изданий его и Маркса произведений; для некоторых из них он написал новые предисловия. Энгельс просмотрел рукопись брошюры Каутского об Эрфуртской программе и дал ему ряд советов.

Энгельс предлагал, чтобы партийные издательства не ограничивались выпуском популярной массовой литературы, а печатали также солидные экономические и исторические марксистские исследования, предназначенные для подготовленного читателя.

В целом Энгельс был доволен развитием событий в германской партии. «В Германии, — писал он Зорге в канун 1893 г., — происходит непрерывное, неукротимое, спокойное движение партии вперед»². Узнав о том, что на очередных выборах в рейхстаг в июне 1893 г. социал-демократы получили около 1800 тыс. голосов и 44 депутатских мандата, Энгельс сообщал Лауре Лафарг: «Наши выборы прошли великолепно»³. С чувством гордости за партию говорил он корреспонденту английской буржуазной газеты «Daily Chronicle», что своим успехом партия обязана прежде всего бескомпромиссной политике, хорошей организации и дисциплине, решительным антимилитаристским выступлениям.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 348.

² Там же, стр. 480.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 73.

Первые шаги нового Интернационала

Уделяя столь много времени немецкой социал-демократии, Энгельс не ослаблял внимания и к другим отрядам международного рабочего движения. В случае необходимости он активно вмешивался в решение некоторых вопросов, затрагивавших интересы движения в целом.

Еще осенью 1890 г. ему пришлось вплотную заняться подготовкой очередного международного социалистического конгресса. Опираясь на решение Парижского конгресса 1889 г. о том, что следующий конгресс должен состояться либо в Швейцарии, либо в Бельгии, подготовку его пытались захватить в свои руки оппортунистические элементы, довольно сильные среди бельгийских социалистов. Бельгийцы, без согласования с другими партиями, назначили конгресс в Брюсселе в 1891 г., пригласив для участия в нем английские тред-юнионы. Другие же партии еще продолжали дебатировать вопрос о месте конгресса. Возникла угроза параллельного проведения двух конгрессов, а это было, по мнению Энгельса, крайне нежелательным, поскольку в таком случае некоторые рабочие организации, прежде всего английские тред-юнионы, оказались бы на конгрессе, возглавлявшемся реформистами, и, следовательно, вне сферы влияния революционных социалистов. Он считал — и эту свою точку зрения развивал в письмах французским и немецким друзьям, — что теперь положение в рабочем движении позволяет с уверенностью рассчитывать на то, что революционное, марксистское крыло окажется на конгрессе в большинстве, сможет взять в свои руки руководство и изолировать реформистов.

Энгельс разработал подробный план созыва объединенного конгресса, сообщил его во Францию и Германию, где встретил полную поддержку. По его инициативе Гед и Лафарг добились от съезда французской Рабочей партии согласия участвовать в одном конгрессе с POSSИБИЛИСТАМИ. Для окончательного решения вопроса о конгрессе Энгельс предложил провести предварительное совещание представителей европейских социалистических партий во время съезда германской социал-демократии в Галле, куда в качестве гостей прибыли делегации из других стран.

Намеченный Энгельсом план был полностью реализован. Совещание в Галле приняло решение о созыве объединенного конгресса в Брюсселе в августе 1891 г. «Наша кампания за объединенный конгресс в 1891 г. полностью удалась, — писал Энгельс Зорге 26 ноября 1890 г., — ... мы... бесспорно окажемся победителями»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 427.

Конгресс, состоявшийся, как и было намечено, в Брюсселе во второй половине августа 1891 г., оправдал надежды Энгельса. Марксистское крыло оказалось в большинстве. Энгельс одобрил решение конгресса об аннулировании мандатов анархистов, положительно оценил отклонение конгрессом полуанархистской резолюции о провозглашении всеобщей стачки в случае возникновения войны. Особое значение придавал он резолюции, в которой указывалось, что освобождение рабочего класса может быть достигнуто только в результате уничтожения классового господства вообще. «Марксисты,— писал Энгельс Зорге 2 сентября,— как в принципиальных вопросах, так и в вопросе тактики одержали победу по всей линии...»¹.

Помощь французской Рабочей партии в борьбе за массы

К началу 90-х годов обстановка во французском рабочем движении складывалась благоприятно для его марксистского крыла — Рабочей партии. С помощью Энгельса были преодолены ошибки, допущенные в период буланжистского кризиса. Состоявшийся в октябре 1890 г. в Лилле съезд Рабочей партии принял ряд решений (об изменениях в уставе, об избрании Национального совета и уточнении его полномочий и т. д.), которые получили одобрение Энгельса. Из рассказов присутствовавшей на съезде Элеоноры Маркс-Эвелинг Энгельс знал, что делегаты были настроены по-боевому. В то же время позиции possibilistов ослабли: в результате внутренней борьбы от них откололась группа во главе с профсоюзным деятелем Жаном Аллеманом, назвавшая себя Рабочей социал-революционной партией. Склоняясь в общем к анархизму, она по некоторым вопросам поддерживала марксистов. Последним удалось закрепить свое влияние в большинстве профессиональных союзов основных промышленных районов страны; съезд Национальной федерации синдикатов в Кале присоединился ко многим решениям Лилльского съезда.

Однако Энгельс находил, что предпринимать практические шаги к созданию единой социалистической партии во Франции было бы преждевременно. Он считал, что Рабочая партия должна завоевать на свою сторону рабочих, еще идущих за possibilistскими лидерами, и поставить последних в положение изоляции. В то же время Энгельс предостерегал своих французских друзей от свойственного им иногда стремления действовать, не считаясь с союзниками, переоценивая свое влияние. Так, Энгельс подверг серьезной дружеской критике руководителей Рабочей партии за то, что они при подготовке первой демонстрации в Париже в 1891 г. не проявили достаточной гибкости и не сумели добиться единства действий всех социалистических сил.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 127.

Важное значение придавал Энгельс парламентской деятельности французских социалистов. Особое внимание его привлекла избирательная кампания в октябре 1891 г., когда на дополнительных выборах в палату была выдвинута кандидатура Лафарга. Узнав о его избрании, Энгельс был очень доволен. Значение этого события он видел в том, что оно «даст сильный толчок распространению социализма по всей Франции»¹, и в том, что оно показало, какие реальные возможности таятся в сотрудничестве всех социалистических групп (Лафарга поддерживали и бланкисты, и POSSИБИЛИСТЫ, и аллеманисты). С успехом этой кампании Энгельс связывал и отход части радикалов от поддержки правительства.

В то же время Энгельс советовал Лафаргу проявлять максимальную осторожность в отношениях с левыми радикалами — А. Мильераном, Ж. Жоресом и другими, — которые теперь объявили себя сторонниками социализма. Состав этой группы, назвавшей себя «независимыми социалистами», в частности ее лидер адвокат Мильеран, вызывал у Энгельса недоверие. Узнав от Лафарга о намерении руководства Рабочей партии провести избирательную кампанию летом 1893 г. совместно с группой Мильерана, Энгельс настоятельно советовал, «чтобы союз с ними основывался на том условии, что наша партия — это отдельная партия, условия, которое они должны признать»². Энгельс опасался того, что небольшая группа марксистов может раствориться среди представителей мелкобуржуазных социалистических и полусоциалистических течений, и это создаст серьезную помеху на пути к объединению всех социалистических сил на основе марксизма. Большие сомнения вызывали у Энгельса и планы сотрудничества в палате депутатов с представителями той группы бланкистов, которая еще недавно выступала в поддержку Буланже. Он относился к этим людям весьма настороженно и призывал руководителей Рабочей партии «не слишком доверять своим новым союзникам»³.

Энгельса интересовали подробности парламентской деятельности Лафарга. Все речи Лафарга в палате он внимательно читывал, в письмах к нему анализировал их достоинства и недостатки, не раз помогал в подборе материала для выступлений и интерpellаций. «Я рад, что Поль снова будет принимать участие в дебатах палаты, — писал он Лауре Лафарг 14 октября 1892 г., — и если он благоразумен, то будет прилежно посещать Бурбонский дворец во время последней сессии парламента...»⁴. Умелое использование возможностей, предоставляемых рабочему классу всеобщим избирательным правом, Энгельс считал одним из важнейших средств подготовки к ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 179.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 36.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 281.

⁴ Там же, стр. 422.

шающим боям. В письмах во Францию он доказывал важность парламентской деятельности для завоевания масс на сторону социализма.

Получив первые сведения о скандальных разоблачениях в связи с банкротством компании строительства Панамского канала, Энгельс настойчиво рекомендовал своим французским последователям энергично и решительно использовать вопиющие факты коррупции государственного аппарата для разъяснения массам подлинной сущности капиталистического строя. «...Ваше место в Париже, в палате, в центре новостей,— писал он Лафаргу 22 ноября 1892 г.,— чтобы постоянно быть в курсе того, что происходит... Каждый обнаруживающийся новый скандальный факт будет для нас оружием»¹. Энгельс просил Лафарга возможно подробнее информировать его о ходе этого дела, видя в панамской истории один из симптомов нарастания политического кризиса во Франции, свидетельство политического банкротства французской буржуазии, «начало конца буржуазной республики»². Буквально в каждом письме Лафаргам Энгельс настаивал, чтобы социалисты активнее выступали с парламентской трибуны при обсуждении панамского скандала, давая свою оценку этому событию. Однако политический кризис французских «верхов» не привел к катастрофе для господствующих классов. Правящей группировке удалось справиться с трудностями и в общем сохранить свои позиции.

Письма Энгельса руководителям Рабочей партии, начиная с первых месяцев 1893 г., содержали немало и принципиальных, и конкретных советов относительно агитации и тактики в связи с очередными парламентскими выборами. Успех Рабочей партии на выборах был, по мнению Энгельса, необходим для того, чтобы она могла утвердиться как ведущая сила французского социалистического движения, как ядро будущей единой партии французского пролетариата. «...Мы должны,— писал он Геду 14 апреля,— добиться того, чтобы провести в Бурбонский дворец небольшой сплоченный отряд, который раз и навсегда без всяких двусмысленностей определит характер французского социализма и заставит все разрозненные элементы сплотиться вокруг себя»³.

Предположения Энгельса оправдались лишь частично. Число депутатов от Рабочей партии значительно возросло: их было теперь 12 человек. Однако Лафарг был забаллотирован голосами жителей сельских районов, присоединенных к его избирательному округу, а среди других депутатов-социалистов были люди малоизвестные и колеблющиеся. Несмотря на предупреждения Энгельса, руководители Рабочей партии сочли целесооб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 444.

² Там же, стр. 479.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 57.

разным объединение представителей всех социалистических групп, включая «независимых социалистов», располагавших двадцатью мандатами, в единую фракцию, где марксисты составляли меньшинство. Известие об образовании такой фракции, насчитывавшей свыше 50 депутатов, Энгельс встретил весьма скептически. Он очень сомневался в том, что при столь разнородном составе фракция сможет выступать единым фронтом. Серьезные опасения у него вызывал и тот факт, что даже не все депутаты Рабочей партии были убежденными сторонниками марксизма.

Уже в конце 1893 г. Энгельс сообщал Зорге об угрозе того, что мильеранисты, как наиболее многочисленная группа, могут захватить руководящие позиции во фракции. Ему было ясно, что большинство этих новоявленных социалистов сохранило буржуазные воззрения и их присоединение к социалистической фракции носит — во всяком случае для многих — чисто тактический характер. «...Не упускайте из виду, — говорил он своим французским друзьям, — что тут налицо буржуазные элементы, с которыми вы, может быть, вступите в конфликт по принципиальным вопросам, и что, следовательно, разрыв может стать неизбежным»¹. Он настаивал на том, чтобы марксисты оставили за собой право критики вносимых мильеранистами предложений не только внутри фракции, но и на страницах социалистической печати.

Беспокойство Энгельса вызвала речь в палате Жореса, одного из виднейших и популярнейших ораторов объединенной фракции. Выступая по вопросу о тарифах на зерно, Жорес внес предложение, которое по существу сводилось к протекционизму в пользу крупных земельных собственников и было проникнуто духом «государственного социализма» (Жорес требовал передачи закупки зерна за границей в руки буржуазного правительства). Особенно огорчило Энгельса то, что Гед, хотя и с оговорками, поддержал это предложение. «Все это является следствием объединения с экс-радикалами, которым мы вынуждены подчиняться»², — писал Энгельс Лафаргу. Он самым решительным образом раскритиковал вредную для пролетарского дела переоценку возможностей буржуазной республики, наивное представление о том, будто бы она способна на осуществление социалистических мероприятий. Пока эта республика «является формой господства *буржуазии*, — разъяснял он Лафаргу, — она так же враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от *форм* проявления этой враждебности)... Мы сможем вырвать у нее уступки, но никогда не возложим на нее осуществление наших собственных задач...»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 230.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 184.

Энгельс видел в деятельности объединенной фракции и положительные моменты: резкая и во многих случаях блестящая критика ее представителями политики правящих кругов не раз приводила к правительственным кризисам и в общем способствовала привлечению масс на сторону социализма. Он надеялся также, что это поможет лучшим людям из недавних радикалов, таким как Жорес, стать настоящими марксистами. За печатными и устными выступлениями Жореса Энгельс следил постоянно и с удовлетворением отмечал незадолго до смерти, что тот «стоит на верном пути» и «учится марксизму»¹.

Однако Жорес был исключением. Другие «независимые социалисты» не пользовались доверием Энгельса. Даже позднее, в 1895 г., он называл объединение «мифическим». Дальнейшее развитие событий во Франции показало, что опасения Энгельса имели под собой реальную почву.

**Английский
пролетариат
приходит в движение**

Развитие событий в английском рабочем движении в начале последнего десятилетия XIX в. укрепляло надежды Энгельса на то, что в недалеком будущем пролетариат Великобритании вновь займет достойное место в освободительной борьбе европейского рабочего класса. Появление новых тред-юнионов, внушительные первомайские демонстрации 1890 и 1891 гг., успешные стачки, свидетельствовавшие о включении в борьбу новых слоев пролетариата, до недавнего времени наиболее забытых и неорганизованных, — все это давало основания для оптимистических прогнозов. С огромным интересом слушал Энгельс рассказы Элеоноры Маркс-Эвелинг, которая принимала самое активное участие в организации почти всех более или менее крупных забастовок лондонских рабочих в те годы. Через нее Энгельс познакомился и со многими деятелями новых тред-юнионов, недавними рабочими. Среди них были руководитель стачки докеров Джон Бёрнс, секретарь Союза рабочих газовых предприятий Билл Торн, Том Манн и другие. Они часто бывали у Энгельса. Он дарил им английские издания своих работ и произведений Маркса, старался направлять их деятельность.

Считая особенно важным внедрение в их сознание идей пролетарского интернационализма, Энгельс не упускал возможности ближе связать их с руководителями социалистического движения других стран. Так, когда Бебель, Зингер и Либкнехт приехали поздравить его с семидесятилетием, он пригласил к себе также Бёрнса, Торна и других лидеров новых тред-юнионов. А в марте 1893 г. Энгельс организовал у себя встречу гостивших у него Бебеля и Лафарга с Бёрнсом. Он придавал этой встрече до некоторой степени символическое значение:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 344.

«То, что возможна подобная встреча трех депутатов трех главнейших парламентов Европы — трех вождей социалистических партий, представляющих три решающие европейские нации, — это одно свидетельствует об огромных наших успехах»¹. У Энгельса бывали в эти годы также Роберт Каннингем-Грехем — депутат парламента, активно выступавший в защиту требований рабочего класса, Белфорт Бакс, который одно время редактировал орган Социал-демократической федерации «Justice». Он поддерживал личное знакомство со многими другими деятелями: Гарри Квелчем, редактором «Justice» после Бакса, Питом Карреном, одним из руководителей Союза газовых рабочих, Шоу Максвеллом, активным деятелем социалистического движения в Шотландии, Уильямом Сандерсом, Кейром Гарди и другими. С исключительным вниманием следил Энгельс за всей английской рабочей печатью — социалистической и профсоюзной. И хотя сам он в эти годы почти не сотрудничал в ней, многие его мысли и идеи попадали на столбцы газет и журналов через статьи и корреспонденции его ближайших учеников, прежде всего Элеоноры Маркс-Эвелинг. Энгельс подчеркивал, что ее статьи «были единственными, в которых английским рабочим без утайки и без искажений сообщалась правда о движении на континенте»².

Блестящее знание истории английского рабочего движения, тесное общение со многими его деятелями, прекрасное знакомство с состоянием английской экономики и тенденциями ее развития — все это служило Энгельсу основой для оценки перспектив социалистического движения в Англии. Эта оценка в начале 90-х годов была в общем оптимистической: Энгельсу казалось, что создание массовой социалистической партии не за горами. Конечно, он представлял себе, какие огромные трудности лежат еще на пути к решению этой задачи: пренебрежение к теории и традиционные предрассудки, глубоко укоренившиеся в пропитанном тред-юнионистскими идеями сознании английских рабочих, соперничество между отдельными тред-юнионами (даже из числа новых) и их лидерами, наличие мелких, враждующих между собой и не связанных с массами различных социалистических групп.

К Социал-демократической федерации Энгельс по-прежнему относился как к сектантской группе, которая, правда, сумела несколько расширить свой состав и в значительной мере освободиться от диктатуры Гайндмана, но оставалась слабо связанной с реальным рабочим движением. В мае 1891 г. он отмечал, что лидеры Федерации, хотя и «более или менее овладели правильной теорией, в смысле усвоения догматической стороны ее, становятся простой сектой, потому что не в состоянии понять

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 53.

² Там же, стр. 256.

эту живую теорию действия, работы вместе с рабочим классом на всех возможных этапах его развития, иначе как собрание догм, которые следует заучить наизусть и повторять вслух»¹. И хотя в составе Федерации были люди, искренне преданные социализму, этот догматизм ее руководителей был, по мнению Энгельса, одним из главных препятствий, мешающих ей превратиться в массовую партию.

Другую социалистическую группу — Фабианское общество — Энгельс оценивал как чисто реформистскую организацию, стремящуюся не допустить развития английского рабочего движения по революционному пути. «Их основной принцип — страх перед революцией»², — писал он. Отдавая должное некоторым положительным сторонам деятельности Общества — Энгельс отмечал, что фабианцы издали «несколько хороших пропагандистских сочинений»³ и «очень хорошо работают в муниципалитете»⁴, — он рассматривал фабианцев как группу буржуазных социалистов, стоящую на почве примирения классов, проповедующую мирное вращение капитализма в социалистическое общество и, следовательно, чуждую действительным интересам пролетариата.

Энгельс не считал возможным для себя поддерживать с этими организациями такие отношения, которые могли бы создать впечатление его согласия с их линией. Поэтому он всегда отказывался принимать участие в их изданиях и выступать на их собраниях.

Энгельс старался направить усилия своих друзей и последователей на подготовку к созданию массовой социалистической партии английского пролетариата. Он одобрил инициативу Эвелингов — превратить комитет по подготовке первомайской демонстрации 1890 г. в постоянно действующий орган, расширить его состав за счет профсоюзных и социалистических организаций и сделать его центром борьбы не только за восьмичасовой рабочий день, но и за другие требования рабочего класса. Энгельс надеялся, что таким путем будет создана основа будущей социалистической партии. При его поддержке комитет в июле 1890 г. был преобразован и принял название: «Лига борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня и Международная рабочая лига». Энгельс оказал Эвелингам помощь при выработке устава Лиги, определявшего в качестве главных ее целей борьбу за организацию самостоятельной рабочей партии и за законодательное введение 8-часового рабочего дня и другие социальные требования рабочих. Лига просуществовала несколько лет и принимала активное участие в организа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 82.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 371.

ции первомайских демонстраций в 1891 и 1892 гг. Но послужить основой для создания самостоятельной рабочей партии ей так и не удалось.

Большое значение Энгельс придавал тому, что очередной конгресс тред-юнионов в сентябре 1890 г., вопреки сопротивлению реформистских лидеров, большинством голосов выдвинул требование законодательного установления восьмичасового рабочего дня, отказавшись таким образом от традиционной позиции старых тред-юнионов, выступавших против вмешательства государства в отношения между рабочими и предпринимателями. «...С принятием этого требования,— писал он,— рухнуло царство старого, стоящего на почве капиталистических отношений, консервативного рабочего движения»¹. Быстро развивалось движение новых тред-юнионов, которые в начале 90-х годов переживали период бурного расцвета.

Летом 1892 г. в парламент были избраны три рабочих кандидата, выступавших самостоятельно, а в ряде округов рабочие кандидаты помешали либералам получить большинство. Энгельс рассматривал это как важный шаг к освобождению рабочих от политического влияния либеральной партии. «...Новое движение рабочего класса,— писал он Лауре Лафарг 7 июля 1892 г.,— триумфально вступает в парламент... Образование *независимой рабочей партии* не за горами...»².

В сентябре 1892 г. в Глазго под председательством Кейра Гарди состоялось совещание представителей ряда социалистических групп, принявшее решение о подготовке к созданию рабочей партии. Энгельс на первых порах встретил это с некоторым скептицизмом, однако изменил свое отношение, когда в январе 1893 г. на конференции в Брадфорде было провозглашено создание Независимой рабочей партии. Он предполагал, что эта партия сможет вобрать в себя значительные массы рабочих, главным образом промышленных районов Севера, а также оторвать часть рабочих от Социал-демократической федерации и Фабианского общества. Особое удовлетворение вызвало у него то обстоятельство, что в программе новой партии говорилось о необходимости обобществления средств производства. Поэтому Энгельс одобрил то, что Эвелинг вступил в партию и вошел в состав ее Исполнительного комитета.

Но Энгельс с самого начала был невысокого мнения о большинстве лидеров новой партии, он отмечал, что Кейр Гарди, Шоу Максвелл и другие «преследуют всякого рода личные, честолюбивые цели, чуждые движению»³. Независимая рабочая партия не стала подлинным центром рабочего движения. Ее руководство все более склонялось к закулисным сделкам с либе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 387.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 340.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 9.

ралами. Энгельс отмечал неопределенность тактики партии, демагогические приемы ее руководителей, прежде всего Кейра Гарди. Партия, хотя и вела работу в тред-юнионах, не установила тесного сотрудничества с другими социалистическими организациями, требовала, чтобы они влились в ее состав.

В своих письмах, касаясь английского рабочего движения, Энгельс все чаще отмечал противоречие между инстинктивным стремлением английского пролетариата к социализму и теми конкретными организационными формами, в которых воплощались эти стремления. Большое значение он придавал также субъективному фактору. Во главе пролетариата Англии он не видел тогда людей, способных направить его борьбу. Недостаток в таких людях Энгельс объяснял тем, что за долгие годы политического подчинения либеральной партии рабочий класс и его руководители в значительной мере утратили революционные традиции и восприняли буржуазную в своем существовании идеологию тред-юнионизма. «Можно, действительно, прийти в отчаяние,— писал он Плеханову в мае 1894 г.,— от таких людей, как эти английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их в высшей степени буржуазными идеями и взглядами, с ограниченностью их «практического» взгляда на вещи, с их лидерами, насквозь пропитанными заразой парламентской коррупции»¹.

Социалистические же организации продолжали соперничать между собой, и ни одна из них в то время не стала действительно массовой. Энгельс объяснял это, с одной стороны, неумением и нежеланием лидеров Социал-демократической федерации вести черновую, повседневную работу в массах, постепенно поднимая уровень их сознания в ходе борьбы за конкретные, понятные и близкие им требования. С другой стороны, большинство лидеров Независимой рабочей партии к середине 90-х годов все более склонялось к реформистским взглядам. «...Существующие организации и их лидеры,— писал Энгельс 5 марта 1895 г.,— по-прежнему упорствуют в своих спорах и соперничестве, которые обрекают их на бессилие»². Тем не менее он не сомневался в том, что «в конце концов наступит время, когда массы, достигнув достаточной степени сознательности, прорвут запутанную сеть интриг и сектантских склоков, которыми занимаются «вожди»»³. Но до этого, подчеркивал он, «могут пройти годы»⁴.

Глубокий интерес к рабочему движению Англии Энгельс сохранил до конца своих дней. Даже в последнем написанном его рукой письме, всего за две недели до кончины, он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 210.

² Там же, стр. 348.

³ Там же, стр. 250.

⁴ Там же, стр. 231.

рассказывал Лауре Лафарг о результатах происходивших в эти дни парламентских выборов.

Первые успехи марксизма в Италии

С начала 90-х годов значительно расширились связи Энгельса с итальянскими социалистами. До этого довольно длительное время его единственным итальянским корреспондентом был Паскуале Мартиньетти. Чиновник государственной нотариальной конторы в небольшом городке Беневенто, Мартиньетти путем самообразования пришел к признанию теории научного социализма и еще в середине 80-х годов предложил Энгельсу свои услуги в качестве переводчика его произведений на итальянский язык. В его переводах впервые на итальянском языке появились такие работы Маркса и Энгельса, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1885 г.), «Развитие социализма от утопии к науке» (1883 г. и 1892 г.), «Наемный труд и капитал» (1893 г.) и другие. Энгельс высоко ценил эту деятельность Мартиньетти.

В начале 1890 г. через Мартиньетти к Энгельсу обратился профессор философии Антонио Лабриола, который к тому времени уже был убежденным марксистом и активно участвовал в итальянском рабочем движении. Первые же письма Лабриолы показали Энгельсу, что он имеет дело с крупным ученым и публицистом, прекрасно разбирающимся не только в философских проблемах, но и в современной политической обстановке в Италии. Между ними завязалась оживленная переписка, продолжавшаяся до конца жизни Энгельса. Письма Лабриолы служили Энгельсу одним из основных источников информации о положении в итальянском рабочем движении.

Уже сам характер обращения Лабриолы к Энгельсу свидетельствовал об огромном уважении итальянского социалиста к соратнику Маркса. Он писал об Энгельсе как о человеке, «не только обладающем глубокими познаниями в различных областях современной науки, но и имеющем огромные заслуги в развитии новых социальных идей»¹. Такие же чувства выражал Энгельсу другой видный итальянский социалист, Филиппо Турати, вступивший с ним в переписку в феврале 1891 г. «В Италии,— писал он,— те молодые люди, которые изучают идеи современного социализма, научились, особенно после смерти Маркса, произносить Ваше имя с глубоким уважением и внимательно читать Ваши труды»². Турати регулярно присылал Энгельсу теоретический социалистический журнал «*Critica Sociale*», выходивший под его редакцией и сыгравший большую роль в пропаганде марксизма в Италии.

¹ La Corrispondenza di Marx e Engels con italiani (1848—1895). Milano, 1964, p. 358.

² Ibid., p. 371.

Положение в Италии привлекало большое внимание Энгельса. «...Я... очень интересуюсь развитием социалистического движения в вашей стране...»¹, — писал он Турати в первом же письме. В Италии долго не было единой социалистической партии; все попытки объединения различных социалистических и рабочих организаций и групп терпели неудачу. Еще в начале 1892 г. Энгельс говорил о разброде, царящем в социалистическом движении этой страны. Лишь в августе 1892 г. на съезде в Генуе было провозглашено создание единой партии. Из писем своих корреспондентов Энгельс подробно знал о всех перипетиях, предшествовавших съезду. Лабриола ознакомил его и с проектом программы будущей партии, и со своими, весьма резкими, критическими замечаниями на этот проект. Лабриола занимал гораздо более четкую позицию, чем Турати. Однако Лабриола недооценивал необходимость сплочения и организации пролетарских масс, как одного из условий развития их классового сознания. Турати же, более тесно связанный с практической борьбой, уделял недостаточно внимания теоретической стороне движения.

Энгельс, видимо, довольно настороженно относился к новой партии, получившей тогда — это тоже было следствием компромиссной позиции Турати — название «Партия итальянских трудящихся». Но самый факт ее создания он считал положительным, тем более, что в принятой программе провозглашались, хотя и в самой общей форме, основные цели и требования рабочего класса. Энгельс рассматривал новую партию, со всеми ее недостатками, как необходимый этап в развитии итальянского социалистического движения.

Зимой 1892—1893 гг. Энгельс заинтересовался событиями, связанными с разоблачением скандальных злоупотреблений ряда крупнейших итальянских банков. В афере оказались замешанными многие государственные деятели, журналисты и т. д. Сопоставляя эту аферу с недавней панамской историей во Франции, Энгельс рассматривал ее как одно из проявлений политического кризиса правящей верхушки Италии и считал, что социалисты непременно должны использовать ее в разоблачительных целях. Он напечатал в «Vorwärts» статью «Об итальянской панаме». Энгельс возмущался тем, что итальянские социалистические депутаты не решились открыто выступить по этому вопросу.

К концу 1893 г. политическое положение в Италии обострилось. Начались массовые выступления крестьян в Сицилии, о которой Энгельс несколько позже писал: «Природа создала из Сицилии земной рай. И этого оказалось достаточно, чтобы человеческое общество, разделенное на противоположные клас-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 42.

сы, превратило ее в ад»¹. Борьба крестьян против существовавших еще феодальных повинностей и против капиталистической эксплуатации вылилась в народное восстание, которое было жестоко подавлено. Это вызвало возмущение и волнения среди рабочих по всей стране. Назревал серьезный кризис.

Турати и его жена Анна Кулишова, русская революционная эмигрантка, обратились к Энгельсу с просьбой высказать свое мнение по поводу сложившейся в Италии обстановки и дать совет молодой социалистической партии. Энгельс не замедлил ответить. Его письмо под названием «Будущая итальянская революция и социалистическая партия» было напечатано в журнале «Critica Sociale» 1 февраля 1894 г. Охарактеризовав общую ситуацию в стране, Энгельс предупреждал партию, что условия для социалистической революции далеко еще не созрели и что надвигающаяся революция, если она произойдет, может быть лишь буржуазным по своей сути переворотом, основной силой которого, вследствие отсталости экономических отношений, будут в первую очередь крестьянство и разоряющаяся городская мелкая буржуазия. Но было бы величайшей ошибкой, подчеркивал Энгельс, если бы социалисты остались в стороне от событий. Социалисты, писал он, «рассматривают всякое революционное или прогрессивное движение как шаг в направлении их собственного пути; их особая задача состоит в том, чтобы толкать вперед другие революционные партии и в случае победы одной из них отстаивать интересы пролетариата»². При этом, предупреждал Энгельс, необходимо соблюдать величайшую осторожность по отношению к мелкобуржуазным и буржуазным партиям, не давая втянуть себя в бесплодные авантюры и не поддаваясь на демагогические обещания. Это отнюдь не значит, что нельзя идти на временные союзы и соглашения с этими партиями. «Но в таком случае следует уяснить себе, и мы должны об этом заявить открыто, что мы принимаем участие [в этом движении.— *Ред.*] как независимая партия, временно находящаяся в союзе с радикалами и республиканцами, но в корне отличная от них... что в самый день победы наши пути разойдутся; что с этого дня мы составим по отношению к новому правительству новую оппозицию... которая будет побуждать к новым завоеваниям, выходящим за пределы уже завоеванного»³. Эти мысли Энгельса имели большое значение не только для молодой итальянской партии, только что вступившей на путь самостоятельной борьбы, но и для социалистов других относительно отсталых европейских стран, где тогда начало активно развиваться рабочее движение.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 495.

² Там же, стр. 458—459.

³ Там же, стр. 460.

**Энгельс
о перспективах
революции в России**

В двадцатых числах июля 1889 г., сразу после Парижского международного конгресса, к Энгельсу приехали два посетителя. Имена их были ему известны уже давно, он читал их работы, но лично с ними никогда не встречался. Это были основатели группы «Освобождение труда» Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод.

В течение всего своего пребывания в Лондоне Плеханов и Аксельрод встречались и подолгу беседовали с Энгельсом. Эти встречи произвели на них глубочайшее впечатление. Почти три года спустя Плеханов, вспоминая об этой поездке, писал Энгельсу: «Дни, проведенные в Лондоне в Вашем обществе, останутся самыми счастливыми в моей жизни»¹. Они вели разговоры на самые разнообразные темы, более всего — о положении в русском революционном движении. Энгельс, в частности, высказал сомнение в том, следует ли русским марксистам называть себя социал-демократами, поскольку в русских революционных кругах имелось известное предубеждение к этому термину. Однако доводы новых знакомых показались ему убедительными: русские марксисты хотели подчеркнуть свое единство с международной социал-демократией и прежде всего с ее ведущей силой — германской партией; с другой стороны, такое название позволило бы им сразу отмежеваться от народнических групп.

Установление Энгельсом личных контактов с русскими марксистами открыло новый этап в его отношениях с ними. Переписка Энгельса с Засулич приняла регулярный характер, а с начала 1893 г. одним из основных его русских корреспондентов стал Плеханов. Энгельс с интересом следил за деятельностью своих русских последователей, давал им советы. Так, например, он рекомендовал Плеханову специально заняться изучением аграрных отношений в России. Особую теплоту и близость приобрели отношения Энгельса с Плехановым, Засулич и Аксельродом после встреч с ними во время Цюрихского конгресса 1893 г. Когда в 1894 г. Плеханову, высланному властями из Франции, пришлось на несколько месяцев поселиться в Лондоне, он постоянно бывал у Энгельса, пользовался его библиотекой для своих научных занятий, часто просиживал у него целые вечера. Засулич, которая с октября 1894 г. жила в Лондоне и подружилась там с Элеонорой Маркс-Эвелинг, также была частым гостем Энгельса.

Энгельс не прекращал переписки с Лавровым и Даниельсоном. В августе 1892 г. его посетил М. М. Ковалевский. Он по-прежнему встречался со Степняком-Кравчинским и его женой Фанни, близким другом Элеоноры Маркс-Эвелинг.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 648.

Энгельс содействовал переводу его публицистических работ на немецкий язык.

Интерес Энгельса к России продолжал возрастать, и он старался не упустить ни одной возможности непосредственного общения с русскими. Молодой русский эмигрант В. Шмуйлов, сотрудник немецкой социал-демократической газеты в Дрездене, не раз бывал у него зимой 1892—1893 гг. Много беседовал с Энгельсом и совсем юный последователь Плеханова А. Воден, посещавший его весной — летом 1893 г. С Энгельсом переписывался И. Гольденберг (Мешковский), впоследствии большевик. С интересом говорил и спорил Энгельс с убежденным народником, другом Лаврова Н. Русановым и с другим, более молодым представителем этого течения Ш. Раппопортом, который скоро перешел на марксистские позиции и впоследствии стал деятелем французского социалистического движения. И даже будучи тяжело больным, всего за два месяца до смерти, он нашел силы принять русского либерального писателя и журналиста П. Д. Боборыкина, рекомендованного ему Ковалевским.

С особым вниманием и интересом продолжал Энгельс изучение социально-экономических отношений в России. В этом он в первую очередь видел ключ к пониманию политического положения в стране, перспектив ее развития, задач русских революционеров. Поблагодарив Даниельсона за систематическую информацию об экономическом положении Российской империи, он писал 10 июня 1890 г.: «Под гладкой поверхностью политического спокойствия в ней совершаются такие же крупные и важные экономические перемены, как и во всякой другой европейской стране, и наблюдение за ходом их представляет величайший интерес»¹. В условиях возросшей угрозы европейской войны, с одной стороны, быстрого подъема массового рабочего движения в Европе, с другой, вопрос о путях развития России имел огромное международное значение. Ее народы находились под властью реакционнейшего режима, но обладали гигантскими революционными потенциями.

Еще несколькими годами ранее Энгельс допускал, хотя и с большими оговорками, возможность использования некоторых общинных институтов в целях социалистического переустройства общества в том случае, если русская революция будет поддержана успешной пролетарской революцией на Западе. Но теперь у него уже не было сомнений в том, что Россия твердо встала на путь капиталистического развития и процесс разложения общины ускорился. «Россия,— писал он Лафаргу 2 сентября 1891 г., ознакомившись со статьей Плеханова «Социально-политическое положение в России в 1890 году»,—

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 354.

...очень много потрудились над созданием крупной национальной промышленности...»¹.

Энгельс подчеркивал, что развитие капиталистической индустрии в стране, где еще значительное место занимают полуфеодалные отношения, остатки крепостничества, неизбежно порождает особую остроту социальных противоречий. Анализируя причины обрушившегося на Россию в 1891 г. страшного голода, Энгельс отмечал в статье «Социализм в Германии»: «...Мы имеем здесь дело... с глубоким кризисом, который годами незаметно подготавливался экономической революцией и в результате неурожая принял лишь острую форму»². В многочисленных письмах Даниельсону, который продолжал упорно отстаивать народнический тезис о том, будто капитализм в России не имеет под собой почвы и поддерживается лишь искусственно, а сохранение общины вполне возможно, Энгельс доказывал утопичность этого взгляда. Предсказание Маркса о том, что развитие экономики России по капиталистическому пути приведет крестьянскую общину к гибели, «именно сейчас... начинает сбываться», — писал он 15 марта 1892 г. «Боюсь, — продолжал он, — что нам придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией»³.

С большим тактом, широко пользуясь историческими примерами и аналогиями, Энгельс разъяснял Даниельсону, что Россия, хотя и с опозданием, переживает те же этапы, которые в разное время прошли и другие, более развитые страны, что она подчиняется общим закономерностям развития капитализма.

Однако надежды Энгельса на то, что Даниельсон, переводчик «Капитала», почитатель Маркса, сумеет отказаться от своих ошибочных воззрений, не оправдались. «Что касается Даниельсона, — писал он Плеханову 26 февраля 1895 г., — боюсь, что с ним ничего не поделаешь... Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов»⁴.

Развитие капитализма в России вело к еще большему обострению внутренних противоречий и назреванию объективных предпосылок для революции. Свержение самодержавия продолжало оставаться важнейшей задачей всех прогрессивных сил русского общества; в ее решении, подчеркивал Энгельс, глубоко заинтересован рабочий класс всей Европы. Еще в сентябре

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 129.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 264.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 265.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 344.

1891 г., касаясь последствий голода в России, Энгельс высказывал Лафаргу свои сомнения в том, «переживет ли царизм этот кризис»¹. А в связи со смертью Александра III и вступлением на русский престол Николая II Энгельс не раз высказывал уверенность, что «нынешний строй не переживет смены царя»², что наступает «начало конца царского всемогущества»³, что «уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II»⁴.

Считая, что революция в России неизбежна и сравнительно близка, Энгельс задумывался над тем, какие силы внутри страны способны стать во главе предстоящего переворота, ближайшей целью которого является свержение самодержавия. «В России,— рассуждал он в письме Бебелю в конце сентября 1891 г.,— страдают три класса: дворяне-землевладельцы, крестьянство и нарождающийся пролетариат»⁵. Дворянство, опустившееся и разоряющееся, не имеет сил для каких-либо решительных действий; крестьяне же «не пойдут дальше местных восстаний, которые будут бесплодны, пока победоносное восстание в городских центрах не придаст этим восстаниям недостающей спайки и не окажет им поддержки»⁶.

Грядущую революцию в России Энгельс рассматривал как буржуазно-демократическую, но в то же время он отмечал, что «подлая и невежественная» русская буржуазия вовсе не заинтересована в уничтожении царизма, ибо «всем своим существованием она обязана государству», которое дает ей возможность беспощадно эксплуатировать рабочих и охраняет ее от народного возмущения. «Нелегко будет,— продолжал Энгельс,— дожидаться, пока эта буржуазия, по гнусности далеко превосходящая нашу, посягнет на царизм»⁷. Остается пролетариат. И хотя Энгельс отмечал, что в настоящий момент российский пролетариат «еще слишком слаб для революции», самый ход его мыслей неизбежно подводил к идее о том, что рабочему классу будет принадлежать важнейшая роль в осуществлении победоносной революции в России. По воспоминаниям Водена, Энгельс говорил ему, что «приветствует выступления русских рабочих и уверен, что они сыграют решающую роль при свержении самодержавия»⁸.

Известным итогом исследований социально-политических отношений в России явилось написанное Энгельсом в январе 1894 г. послесловие к новому изданию его работы «О социальном вопросе в России». Высказанные в ней мысли следовало

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 129.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 291.

³ Там же, стр. 293.

⁴ Там же, стр. 334.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 136.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе, стр. 105.

теперь, по прошествии 20 лет, дополнить на основе анализа социально-экономического развития России за истекшие годы. Послесловие было в известной степени ответом на многочисленные просьбы русских друзей и корреспондентов Энгельса высказаться о перспективах развития России, о судьбах капитализма в ней. Мнение Энгельса было для них особенно важным в условиях острой идейной борьбы между марксистами и эпигонами народничества.

Энгельс дал здесь краткий очерк развития крестьянской общины в России, вновь отметив, что она не представляет собой исключительного явления, а свойственна в той или иной форме определенному этапу общественного развития каждой страны. Он показал, далее, утопичность надежд на то, что община способна сама по себе развиться в ячейку социалистического общества. «Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой, совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей»¹. Использование остатков общинного землевладения с целью сокращения срока перехода к социалистическому обществу возможно было бы только при условии предварительной победы пролетарской революции в более развитых странах. Энгельс отмечал, что принципиальной возможности этого для отсталых стран, только что вступивших на путь капиталистического развития, нельзя отрицать, но считал, что это уже неприменимо к России, где «идет во все более ускоряющемся темпе превращение... в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины»². То время, когда можно было надеяться, что в случае победы пролетариата в основных капиталистических странах русская крестьянская община может оказаться исходным пунктом коммунистического развития, прошло. «...Нет такой силы в мире, которая была бы в состоянии восстановить русскую общину, как только процесс ее разложения достиг определенного уровня»³.

Энгельс подчеркивал, что первоочередной задачей русских революционеров остается свержение самодержавия. А русская революция не только внесет гигантские изменения в положение трудящегося населения страны, она «даст также новый толчок рабочему движению Запада... и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 445.

² Там же, стр. 452.

³ Там же, стр. 447.

⁴ Там же, стр. 453.

До конца своих дней Энгельс не переставал интересоваться положением в России. В начале лета 1895 г. он узнал от Плеханова о последних событиях: об арестах среди рабочих в Москве после празднования 1 мая, о стачке 8 тыс. рабочих в Ярославле, сопровождавшейся столкновением с войсками: «...Революционное движение никогда еще не было таким сильным... В России становится жарко»¹, — писал ему Плеханов. Но стать свидетелем первых шагов организованного рабочего движения в России Энгельсу уже не довелось.

Энгельс и американские социалисты

Поглощенный теоретической работой и делами европейских социалистических партий, Энгельс продолжал уделять внимание и рабочему движению в США. Связи его с американскими социалистами по-прежнему были невелики: помимо регулярной переписки с Зорге и с Келли-Вишневецкой, он теперь мог оказывать известное влияние на американскую социалистическую печать через Шлютера, который эмигрировал в США в 1889 г. и вскоре стал редактором немецкого органа Социалистической рабочей партии «New Yorker Volkszeitung».

В начале сентября 1891 г. Энгельса посетили два американских делегата Брюссельского международного конгресса, возвращавшиеся домой: Мак-Вей и Каган. Они произвели на него весьма благоприятное впечатление.

Благодаря письмам своих друзей Энгельс был в курсе социалистического движения. Кроме того, он получал несколько американских социалистических газет и имел, таким образом, возможность постоянно следить за борьбой рабочего класса США. Он писал Зорге, что его сообщения имеют особую ценность, и просил систематически просвещать относительно дел в Америке². Энгельс высоко оценивал статьи Зорге о рабочем движении, появлявшиеся на страницах «Neue Zeit», и всячески содействовал его сотрудничеству в этом журнале.

Из писем Энгельса американским корреспондентам явствует, что он много размышлял о трудностях развития социалистического движения в США.

Информация, которой располагал Энгельс, позволила ему сделать вывод об известном спаде социалистического рабочего движения в США в начале 90-х годов. Несмотря на ряд крупных классовых битв, в которых участвовали широкие массы рабочих, социалистам не удалось расширить свое влияние.

Одну из причин отставания социалистического движения в США Энгельс усматривал в более высоком, чем в Европе, жизненном уровне коренного американского рабочего. Американский рабочий, отмечал он, благодаря системе покровитель-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 736.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 3.

ственных пошлин и постоянно растущему внутреннему рынку находится в гораздо лучшем материальном положении, чем его европейские собратья. «...Этого одного достаточно,— писал Энгельс в октябре 1891 г.,— чтобы он в течение еще некоторого времени оставался в арьергарде»¹.

Другую причину Энгельс видел в прочном влиянии буржуазной идеологии на массы рабочего класса. Он связывал это с особенностями исторического развития страны после Гражданской войны — ее быстрым экономическим ростом и мирным ходом политической жизни. Выдвижение на первый план явлений «преимущественно материального характера,— писал он,— и обуславливает известную отсталость мышления»². Это отставание в области идеологии порождало, отмечал Энгельс, слепую веру во всякий философский и экономический вздор, религиозное сектантство и нелепые экономические эксперименты. Стремясь раскрыть причины того, почему в рабочем классе США, страны, «никогда не знавшей феодализма и с самого начала развивавшейся на буржуазной основе»³, буржуазная идеология и буржуазные предрассудки укоренились весьма прочно, Энгельс объяснял это парадоксальное на первый взгляд явление тем, что именно отсутствие глубоких пережитков докапиталистической эпохи создает у американского рабочего иллюзию, будто бы «традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходящее»⁴.

Очень важным обстоятельством, затрудняющим развитие социалистического движения в США, Энгельс считал разделение рабочего класса США на коренных американцев и иммигрантов. Первые находятся в более привилегированном положении; пользуясь различными преимуществами, они составляют основную массу квалифицированных рабочих, организованных в тред-юнионы, и смотрят свысока на пришельцев из Европы и пролетариев-негров. Европейские эмигранты, в свою очередь, разделены на множество национальных групп, которые американская буржуазия умело натравливает друг на друга.

Энгельс продолжал критиковать сектантскую политику руководителей Социалистической рабочей партии, особенно из числа немецких эмигрантов, которые по-прежнему недооценивали необходимость работы в массовых рабочих организациях. «...Для того чтобы существовало массовое движение,— писал он Зорге 8 февраля 1890 г.,— нужно начинать с тред-юнионов и т. д. ...»⁵, то есть с таких форм, которые понятны и близки всей массе рабочих со слабо развитым классовым сознанием.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 156.

² Там же, стр. 476.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 297.

«...Движение, — указывал Энгельс, — не может развиваться благодаря одним только проповедям»¹, сами факты, практический опыт должны подвести рабочих к пониманию их классовых задач.

Ближайшие же события вновь подтвердили оценку Энгельсом действий Социалистической рабочей партии, как сектантских. В конце 1890 — начале 1891 г. Зорге сообщил ему о конфликте лидеров партии с руководством Американской федерации труда. Суть конфликта заключалась в том, что председатель Федерации реформист Гомперс высказался против приема в нее Социалистической рабочей партии в целом, мотивируя это тем, что партия является не профессиональной, а политической организацией, и предложил, чтобы члены партии вступали в Федерацию в индивидуальном порядке. Однако руководство партии не согласилось на это предложение, отказавшись тем самым от работы в самой крупной массовой организации американских рабочих. Энгельс не ответил Гомперсу, обратившемуся к нему с просьбой высказать свое мнение по этому вопросу, не желая, видимо, дать формальное основание ссылаться на его авторитет в споре с социалистами, но в письме Шлютеру он осудил позицию руководителей Социалистической рабочей партии, рассматривая ее как прямое проявление сектантского отношения к массовым рабочим организациям, хотя и реформистского толка.

Не склонный недооценивать препятствий, стоявших на пути к образованию массовой социалистической партии американского пролетариата, Энгельс в то же время — в исторической перспективе — видел огромные возможности, которые таит в себе американский рабочий класс.

Разработка пролетарской тактики борьбы с угрозой войны

В 90-х годах Энгельс по-прежнему внимательно следил за событиями на международной арене. Угроза европейской войны, вполне реальная в конце прошедшего десятилетия, не уменьшилась и в начале 90-х годов. Были сделаны новые шаги к оформлению тех двух блоков крупнейших держав Европы, столкновение между которыми спустя два с лишним десятилетия ввергло человечество в первую мировую войну. Особенно обострились отношения между Францией и Россией, с одной стороны, и Германией, с другой. Наметилось определенное сближение Французской республики с монархией Александра III: в противовес Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия, Италия) создавался франко-русский союз. В связи с этим особое значение для европейских социалистов приобрела борьба против милитаризма и угрозы войны, а также разработка тактики на слу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 297.

чай ее возникновения. И здесь Энгельсу принадлежала выдающаяся роль.

Еще в 1889 г. по просьбе Засулич Энгельс начал работать над статьей «Внешняя политика русского царизма», предназначенной для первых номеров журнала «Социаль-демократ», основанного в то время группой «Освобождение труда». Эта работа появилась в 1890 г. не только на русском, но и на многих других европейских языках. В острой памфлетной форме Энгельс изложил историю внешней политики царской России с середины XVIII века, разоблачил реакционную направленность этой политики, приемы и методы дипломатии царизма, вскрыл ее классовую сущность, ее связь с внутренней политикой. При этом он несколько преувеличил роль дипломатии, в частности иностранцев на русской службе, в истории России.

Развивая уже не раз высказанную им мысль, Энгельс отметил, что победа народной, демократической революции в России оказала бы огромное влияние на всю международную обстановку. «В тот день, когда падет царская власть, этот последний оплот общеевропейской реакции,— в этот день во всей Европе подует совсем другой ветер»¹,— писал Энгельс. В такой обстановке, полагал он, уже не могла бы сохраниться угроза общеевропейской войны: Тройственный союз потерял бы всякий смысл, Германия оказалась бы изолированной и вероятнее всего не решилась бы на развязывание войны с Францией, что создало бы благоприятную почву для мирного урегулирования эльзас-лотарингского вопроса. А союз новой, освобожденной России с республиканской Францией был бы выгоден и борющемуся за свое освобождение европейскому пролетариату².

• В работе «Внешняя политика русского царизма» Энгельс только в самых общих чертах коснулся тактики рабочего класса в случае возникновения войны; подробнее он рассмотрел этот вопрос несколько позднее, в октябре 1891 г., в статье «Социализм в Германии», написанной для французского «Альманаха Рабочей партии на 1892 г.» и напечатанной почти одновременно с некоторыми дополнениями в «Neue Zeit». Энгельс начал работать над этой статьей вскоре после визита французской военной эскадры в Кронштадт, который явился демонстрацией франко-русского сближения и первым шагом к оформлению франко-русского союза. В обстановке реваншистского угара во Франции статья Энгельса должна была оказать помощь французским социалистам в их борьбе против шовинизма; с другой стороны, Энгельс хотел помочь немецким социал-демократам определить свою позицию в случае, если война разразится. Высказывания Энгельса имели глубокое принципиальное значение не только для этих двух партий, но и для междуна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 51.

² См. там же, стр. 50.

родного социализма в целом; его статья в первые же два—три месяца после ее появления была издана на итальянском, румынском, английском (в США), польском и русском языках.

Энгельс исходил из возможности войны Франции и царской России против Германии. Такая возможность при тогдашней обстановке была вполне реальной. А эта война могла при определенных обстоятельствах создать угрозу национальному существованию Германии. «В 1891 г. немецкие *социал-демократы*,— отмечал впоследствии В. И. Ленин,— действительно *должны были бы* защищать отечество в войне против Буланже + Александра III. Это был бы своеобразный вариант *национальной войны*»¹. Победа царской России неизбежно означала бы полный разгром социалистического рабочего движения в Германии. А это, подчеркнул Энгельс, нанесло бы удар всему международному социализму, поскольку разгрому подверглась бы партия, которая «занимает в международном рабочем движении самый передовой, самый почетный, самый ответственный пост»². Поэтому в такой войне немецкие социалисты были бы «обязаны отстаивать все завоеванные позиции и не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним»³.

При этом Энгельс вовсе не имел в виду, что немецкие социалисты должны просто стать на сторону своего реакционного правительства. Напротив. Он считал, что, если возникнет угроза национальному существованию Германии, социал-демократы будут обязаны добиваться ведения войны революционными средствами, на которые неспособно правительство Вильгельма II. «...У нас есть сильная партия,— писал он,— которая может его принудить к этому или в случае необходимости занять его место...»⁴. А в одном из писем Бебелю, излагая содержание своей статьи, он высказался совершенно прямо: «...Мы должны позаботиться о том, чтобы война велась всеми революционными средствами, и всякое правительство, отказывающееся от применения этих средств, сделалось бы невозможным, а в нужный момент мы сами должны стать во главе»⁵. Он видел, следовательно, задачу германской социал-демократии в том, чтобы использовать вызванный войной кризис для захвата власти, а тогда военная победа Германии означала бы победу революции.

Статья Энгельса получила высокую оценку в кругах международной социал-демократии. «...Она является самым ясным и умным анализом современной обстановки»⁶,— писал Лафарг, ознакомившись с работой еще в рукописи. Свои мысли, изложенные в статье, Энгельс развивал и конкретизировал в много-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 330.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 258.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 162.

⁶ Correspondance, t. III, p. 116.

численных письмах. Он подчеркивал, в частности, что его соображения об отношении социалистов к действительно национальной войне носят общий, принципиальный характер. «Если бы я не исходил из положения, что в случае нападения извне французские социалисты возьмутся за оружие, чтобы защищать свой родной дом, вся моя статья не имела бы смысла. Я требую только применения того же принципа к немецким социалистам в случае нападения со стороны России, даже если оно будет поддержано официальной Францией»¹.

Рекомендуя немецким социал-демократам такую тактику, Энгельс исходил из своеобразия обстановки, сложившейся в Европе в начале 90-х годов. Эта тактика предполагала одновременно самую решительную борьбу против германского милитаризма и связывала поддержку социал-демократами войны против России и Франции только с появлением реальной угрозы национальному существованию Германии. Именно это своеобразие и подчеркивал В. И. Ленин, когда почти четверть века спустя разоблачал спекулятивные попытки тогдашнего руководства германской социал-демократии оправдать свою измену интернационализму ссылками на позицию Энгельса. Обстановка в 1914 г., когда разразилась мировая империалистическая война, коренным образом отличалась от ситуации, в которой действовал Энгельс. «...В 1891 г., — писал В. И. Ленин, — не было империализма вообще... и не было империалистской войны, не могло быть со стороны Германии. (Между прочим, не было тогда и революционной России; это очень важно.)»²

Разрабатывая тактику рабочего класса на случай возникновения войны, Энгельс не мог оставить без ответа и вопрос о том, что должны делать социалисты для борьбы с милитаризмом и предотвращения войны.

Милитаристским планам правящих классов, прежде всего Германии, находившим выражение также в росте военных бюджетов и в некоторых законодательных мероприятиях, представители рабочего класса должны были, по мнению Энгельса, противопоставить программу борьбы за прочный и устойчивый мир. Эту программу Энгельс изложил в серии статей «Может ли Европа разоружиться?», написанной для газеты «Vorwärts» в феврале 1893 г. в ответ на просьбу Бебеля высказаться о позиции социал-демократической фракции в связи с предстоящим обсуждением в рейхстаге проекта военного закона. Свои практические предложения Энгельс рассматривал как альтернативу этому проекту, предусматривавшему значительное увеличение постоянной армии.

Эти статьи явились итогом занятий Энгельса военными вопросами на протяжении последних лет. Выдвинутая им програм-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 426—427.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 347—348.

ма содержала требования, реализация которых была возможна в рамках существующего общественного строя. Рассматривая все ускоряющуюся гонку вооружений, анализируя динамику роста военных расходов в связи с непрерывным развитием военной техники, Энгельс доказывал, что результатом этой саморазрушительной политики может быть либо экономическое разорение участников этой гонки, либо разрушительная война, все последствия которой невозможно предусмотреть. Избежать этого, считал он, можно только путем «постепенного упразднения постоянных армий» и преобразования их «в милицию, основанную на всеобщем вооружении народа»¹.

Конкретные предложения Энгельса, осуществимость которых с чисто военной точки зрения была им подробно и убедительно доказана, сводились к следующему. Все державы могут немедленно договориться о сокращении срока военной службы — сначала до двух лет — за счет освобождения солдат от всякого рода ненужной муштры, шагистики и других «традиционных и в силу этого священных глупостей»². А это должно послужить исходным пунктом постепенного дальнейшего сокращения этих сроков и в конце концов привело бы к полному отказу от постоянной армии. Энгельс подробно разъяснял, далее, что подобное международное соглашение ни в малейшей степени не противоречит национальным интересам каждого из его участников.

Разумеется, выдвигая свой план, Энгельс не рассчитывал на то, что реакционные правители захотят принять и осуществить его. Он имел в виду другое. Тщательно обосновывая свои предложения, доказывая их осуществимость, он тем самым давал немецким социалистам новое оружие борьбы против милитаризма. Ибо отказ правящих кругов Германской империи принять такой по-деловому обоснованный план изобличал бы их как противников сохранения мира в Европе. План Энгельса был по существу первой детально разработанной пролетарской программой борьбы за ограничение вооружений, постепенную ликвидацию постоянных армий и переход к милиционной системе — всеобщему вооружению народа.

Работу Энгельса немецкие социал-демократы встретили с большим интересом. «Как и все, что ты пишешь, статья твоя очень хороша, — писал ему Бебель 28 февраля, получив рукопись. — Либкнехт в полном восторге от нее...»³ Но Энгельсу не удалось убедить руководителей социал-демократии использовать его предложения в качестве программы практических действий в рейхстаге. Они считали, что эти предложения не согласуются с традиционной тактикой социал-демократии в отношении военных расходов — принципиально голосовать

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 385.

² См. там же, стр. 391.

³ Bebel's Briefwechsel..., S. 670.

против любых ассигнований на военные нужды. По мнению Бебеля, выдвижение социал-демократами подобных предложений в рейхстаге могло быть воспринято как признание возможности улучшения существующей военной системы при теперешнем строе. Бебель высказывал и другие соображения, в частности, он считал тактически неверным, если социал-демократические депутаты выступают в рейхстаге с предложениями, которые, как, например, о двухгодичном сроке военной службы, были выдвинуты ранее буржуазными партиями.

Хотя руководители германской социал-демократии не отнеслись с должным пониманием к предложенному Энгельсом плану, его мысли по вопросам разоружения оказали определенное влияние на деятельность партии. В ряде ее документов, в некоторых речах и брошюрах ее лидеров выдвигались положения, прямо совпадающие с этими идеями.

**За интернациональное
сплочение
революционных сил
рабочего класса**

Быстрый рост международного рабочего движения в начале 90-х годов, создание новых социалистических партий, заметное увеличение интереса рабочих и передовой интеллигенции к марксистской теории — все это значительно расширило круг деятельности Энгельса. Возросло число его корреспондентов.

«Я невероятно загружен разной работой и всякими пустяками, — писал он Зорге 5 марта 1892 г. — Посмотрел бы ты на груды немецких, французских, итальянских, испанских, польских, русских, датских, американских, английских, а иногда и румынских газет, которые я получаю и которые должен хотя бы просматривать, чтобы быть в курсе движения. Наряду с этим — серьезные работы, поглощающие остаток моего времени. А переписка! У меня ее накопилось на неделю работы»¹.

Помимо проблем рабочего движения отдельных стран, Энгельс столкнулся теперь с новыми задачами, связанными с укреплением и расширением международных пролетарских связей, с фактическим оформлением нового Интернационала, со все чаще возникавшей необходимостью согласования действий социалистов различных стран. Колоссальный авторитет Энгельса, его многолетний опыт участия в революционной борьбе, признанное положение идейного руководителя международного рабочего движения — все это побуждало социалистических деятелей обращаться к нему за советом и помощью. Они знали, что всегда получают четкий и ясный ответ. Особенно энергично действовал Энгельс в тех случаях, когда возникали конфликты между отдельными национальными отрядами рабочего движения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 251.

Так, осенью 1892 г. немецкие социал-демократы, вопреки резолюции, принятой Брюссельским конгрессом 1891 г. при их участии, решили не проводить 1 мая забастовок, а ограничиться демонстрациями, митингами и собраниями после рабочего дня. И хотя Энгельс считал убедительной мотивировку этого решения, принятого из опасения, что первомайские забастовки могут вызвать локаут, он решительно осудил руководителей немецких социал-демократов за то, что они на международном конгрессе взяли на себя обязательства, не продумав возможность их выполнения. «...Когда сильнейшая в мире партия вдруг бьет отбой, — писал он Бебелю 19 ноября, — это производит повсюду *очень скверное* впечатление... Вы — боевой отряд... современного рабочего движения, и если вы что-то обещали в Брюсселе, вы были морально обязаны это выполнить»¹. Такого рода действия, подчеркивал Энгельс, наносят серьезный ущерб общему делу и мешают укреплению интернационального единства. Энгельс предупреждал руководителей германской партии о необходимости извлечь серьезный урок из происшедшего конфликта и не допускать таких действий, которые могут вызвать отрицательную реакцию социалистических партий других стран и нарушить нормальные взаимоотношения с ними.

Энгельс энергично выступал против необоснованных претензий отдельных партий на какую-то особую роль в международном рабочем движении. Так, в письме Лафаргу 27 июня 1893 г. он раскритиковал некоторые ошибочные положения воззвания Национального совета французской Рабочей партии, выпущенного незадолго до этого в ответ на клеветническую кампанию буржуазной прессы, обвинявшей партию в «антипатриотизме». Энгельс разъяснил несостоятельность проявившихся в воззвании стремлений представить Францию как страну, которой предназначена в будущей социалистической революции в Европе не только инициатива, но и определяющая роль. Он подчеркнул, что эти претензии ни на чем не основаны, так как Франция ни по своему экономическому развитию, ни по уровню организованности и степени влияния социалистического рабочего движения не может претендовать на такое место.

В этом письме Энгельс затронул и еще один важный вопрос, к которому ему не раз приходилось обращаться и прежде. Свои претензии французские социалисты подкрепляли тем, что Франция, в отличие от Германии и Англии, является республикой и, следовательно, якобы политически находится впереди этих стран. Энгельс подчеркнул, что нельзя просто противопоставлять монархию буржуазной республике, забывая об их одинаковой классовой сущности: «И ваша республика, и наши монархии в равной степени противостоят пролетариату; если вы по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 442.

можете нам против *наших* монархических буржуа, мы поможем вам против ваших республиканских буржуа»¹.

Основой боевого сотрудничества различных национальных отрядов рабочего класса — этого неперемennого условия успешной борьбы за социалистическую революцию — Энгельс считал идейное единство и полное равноправие всех участников этой борьбы, их взаимное уважение и независимость. «...Интернациональный союз, — писал он Лауре Лафарг 20 июня 1893 г., — возможен только между *нациями*, чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включаются... в само понятие интернационализма»². Одно из важнейших условий такого союза Энгельс видел в том, чтобы социалистические рабочие одних стран передавали опыт своей борьбы другим, у которых, в свою очередь, учились бы сами. «Если немцы научат французов, как использовать избирательное право и создать сильную организацию, то французы должны передать немцам тот революционный дух, который стал у них традицией на протяжении целого столетия»³.

Особое значение придавал Энгельс согласованности действий социалистических партий различных стран. Ему представлялись недопустимыми всякие попытки начинать какие-либо действия, требующие коллективного выступления, без предварительного согласования со всеми их будущими участниками. «Всякому международному действию, — писал он, — непременно должно предшествовать предварительное соглашение как о его сущности, так и о форме. Мне кажется недопустимым, чтобы какая-нибудь одна национальность публично брала на себя инициативу и затем предлагала другим следовать за ней»⁴.

Много внимания уделял Энгельс новому Интернационалу, который пока не имел никаких постоянно действующих органов и существовал в форме более или менее регулярно собиравшихся международных конгрессов. Он делал все, чтобы обеспечить сторонникам научного социализма доминирующую роль в новом международном объединении и в то же время не допустить сектантского игнорирования тех многочисленных массовых рабочих организаций, которые еще не восприняли марксистских идей.

В сентябре 1892 г., вскоре по возвращении в Лондон после почти полуторамесячного отдыха в Райде, Энгельс узнал, что конгресс тред-юнионов отказался принять приглашение на предстоявший летом следующего года в Цюрихе международный социалистический конгресс и принял решение самостоятельно созвать в Лондоне параллельный международный кон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 77.

² Там же, стр. 74.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 423.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 163.

гресс — специально по вопросу о борьбе за восьмичасовой рабочий день. Энгельс расценил это решение как попытку расколоть международное рабочее движение и помешать его консолидации на основе научного социализма. Он немедленно обратился к друзьям во Франции и Германии, изложив им (в письмах Бебелю и Лауре Лафарг) соображения по поводу того, как сорвать замысел тред-юнионистских лидеров. Для этого, считал Энгельс, есть только один путь — единодушное выступление всех социалистических и профессиональных организаций континента. Он предложил, чтобы предстоявшие в ближайшее время съезды немецких и французских социалистов высказали свое отрицательное отношение к плану английских тред-юнионов, чтобы в том же духе высказались и профессиональные союзы Германии и Франции, чтобы по возможности к этому были привлечены рабочие организации других европейских стран. Немецкие и французские социалисты полностью согласились с Энгельсом. Кроме того, он сам обратился к социалистическим партиям Испании и Австрии, руководители которых также последовали его совету.

Энергичные действия Энгельса привели к тому, что руководство тред-юнионов вынуждено было отказаться от своего плана и приняло решение послать делегацию на конгресс в Цюрихе. Созыв третьего международного конгресса был обеспечен.

Поездка

на европейский континент

Если не считать кратковременного морского путешествия вдоль побережья Норвегии, Энгельс не был на европейском континенте уже около 17 лет — последний раз он совершил поездку в Германию в 1876 г. Друзья давно звали его на родину, однако он считал такую поездку невозможной, пока действовал исключительный закон против социалистов. Теперь эта помеха отпала. Он собирался в Германию еще в 1892 г., однако помешала внезапная болезнь. А в 1893 г. появился еще один побудительный мотив для поездки: назначенный на август этого года международный конгресс в Цюрихе давал Энгельсу возможность встретиться и со многими старыми друзьями, и с более молодыми участниками движения, знакомыми ему лишь по переписке или понаслышке.

План поездки был намечен Энгельсом заранее. 20 июля 1893 г. он сообщал Лауре Лафарг: «Мы выедем... из Лондона на континент 1 августа — встречаемся с Бебелем и его женой в Кёльне и через Страсбург едем в Швейцарию, где я встречу с моим братом, и надеюсь быть в Цюрихе к закрытию конгресса, 12 или 13 августа. Оттуда вместе с Бебелем в Вену и Берлин»¹.

Эта программа была в общем осуществлена. Проехав с большими остановками через Кёльн, Майнц и Страсбург, Эн-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 91.

гельс с Луизой Каутской, Бебелем и его женой прибыл в Цюрих и, оставив там своих спутников, отправился в небольшой городок Тузис в кантоне Граубюнден, где находилась на отдыхе семья его брата Германа. Пробыв там неделю, он вернулся в Цюрих и присутствовал на последнем заседании конгресса. Появление Энгельса в зале было встречено бурной овацией. Президиум передал ему председательские функции.

К моменту возвращения Энгельса в Цюрих конгресс уже подходил к концу. Основные решения были приняты. Позади остались острые столкновения с анархистами, мандаты которых были признаны недействительными, бурные прения по вопросу о позиции социал-демократии в случае войны, в итоге которых полуанархистская резолюция, внесенная Ньювенгейсом и выдвигавшая в качестве основного антивоенного средства всеобщую стачку, была отклонена большинством делегатов. В итоге марксистское направление прочно закрепило свое влияние в международном социалистическом движении.

С чувством огромного удовлетворения произнес Энгельс заключительную речь на французском, английском и немецком языках. Его первые слова были посвящены Марксу. «Неожиданно блестящий прием, который вы мне оказали и которым я был глубоко тронут, я отношу не к себе лично, а принимаю его лишь как сотрудник великого человека, портрет которого висит вон там сверху... Маркс умер, но будь он теперь еще жив, не было бы ни одного человека в Европе и Америке, который мог бы с такой же законной гордостью оглянуться на дело своей жизни»¹. Энгельс имел все основания сказать это: перед ним сидело более 400 делегатов, представлявших 20 стран, в том числе страны юго-восточной Европы и даже далекую Австралию. «...Теперь Интернационал гораздо сильнее, чем прежде»², — продолжал он. Энгельс подчеркнул, что основой прочности интернационального союза социалистических пролетариев является неизменное соблюдение общих принципов. «Свободное объединение, добровольные контакты, поддерживаемые конгрессами, — этого достаточно, чтобы обеспечить нам победу, которую уже не вырвет из наших рук никакая сила в мире»³.

В Швейцарии Энгельс оставался еще около двух недель. После конгресса он часто встречался с его участниками, познакомился со многими активными деятелями движения — представителями почти всех европейских стран. Он впервые увидел своих итальянских корреспондентов — Лабриолу, Турати, Анну Кулишову. В Цюрихе он также впервые встретился с Засулич. Энгельс несколько раз подолгу беседовал с ней, с Плехановым и Аксельродом. Большое впечатление на него произвели деле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 425.

² Там же, стр. 425—426.

³ Там же, стр. 426.

гатки конгресса: энергичная, смелая Клара Цеткин («она мне очень нравится»¹, — писал он Лауре Лафарг), юная австрийская работница Адельгейда Дворжак. Энгельс встретился и с чешскими делегатами — социал-демократами Гибешом, Штейнером и другими. В беседе с ними он подчеркнул, что стремления чешского народа к национальной независимости не противоречат освободительной борьбе рабочего класса.

Большое сожаление Энгельса вызвало то, что ему не удалось повидать в Цюрихе старого соратника по I Интернационалу Пабло Иглесиаса, делегата конгресса от Испанской социалистической рабочей партии. Еще до поездки Энгельс возобновил связи с социалистами Испании, где влияние анархистов было пока весьма велико. Он регулярно получал орган Испанской социалистической рабочей партии «El Socialista», способствовал распространению марксистских произведений в этой стране. Энгельс приветствовал издание в 1891 г. «Нищеты философии» на испанском языке в переводе Хосе Меса: «...Мы горячо поддерживаем это издание, которое безусловно окажет самое благоприятное влияние на развитие социализма в Испании»². А в последующие годы он с удовлетворением отмечал рост влияния социалистической партии и включение в организованное движение новых слоев рабочего класса Испании.

В Швейцарии Энгельс много ходил, любовался великолепными видами Альп, после пребывания в Цюрихе он несколько дней провел в горах с Бебелем. Все это время он продолжал следить за событиями политической жизни и в других странах, особенно во Франции, где в это время происходили выборы в палату депутатов, с нетерпением ждал писем Лауры Лафарг с подробным описанием хода и результатов выборов.

В начале сентября Энгельс выехал в Австрию. После кратковременной остановки в Зальцбурге он на шесть дней задержался в Вене. Столица Австро-Венгрии ему очень понравилась. «Вена — исключительно красивый город, с прекрасными бульварами... — писал он Лауре Лафарг 18 сентября, — а огромная площадь между ратушей, находящимся против нее новым Бургтеатром, парламентом справа и университетом слева не имеет равной в мире»³. Австрийские социалисты устроили Энгельсу восторженный прием. «Сначала мне пришлось присутствовать на товарищеском банкете, — рассказывал он впоследствии Зорге, — но так как там хватило места лишь на 600 человек, а остальным тоже хотелось меня видеть, то в последний вечер состоялось еще массовое собрание...»⁴. На этом собрании Энгельс выступил с краткой речью, в которой вновь говорил

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 100.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 202.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 103.

⁴ Там же, стр. 112.

о великих заслугах Маркса, о грандиозных успехах социалистического движения. «Наши товарищи,— сказал он,— есть всюду: в тюрьмах Сибири, на золотых приисках Калифорнии, вплоть до Австралии. Нет такой страны, нет такого крупного государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой всем приходится считаться»¹. Австрийские рабочие произвели на Энгельса прекрасное впечатление. «Я в совершенном восторге от них»²,— писал он.

Из Вены Энгельс выехал в Берлин, по дороге остановившись на один день в Праге. В Берлине он поселился у Бебеля, неоднократно встречался с другими социал-демократическими деятелями, побывал на спектаклях «Свободной народной сцены» — театра, который ставил свои пьесы для народной аудитории, не преследуя коммерческих целей. Со времени последнего пребывания Энгельса в столице прусских королей прошло более полувека. Город стал неузнаваемым — из захолустной королевской резиденции он превратился в крупнейший промышленный центр с современными зданиями и улицами. Энгельс с интересом осматривал город. Великолепные фасады новых построек не могли скрыть от него действительного положения трудящихся. «Нищета рабочих кварталов... — писал он,— повсеместное явление...»³.

Как и в Австрии, самое значительное впечатление осталось у Энгельса от встреч с берлинскими рабочими. «...Массы великолепны,— рассказывал он Зорге,— и в большинстве случаев лучше вождей... С такими людьми можно всего достигнуть, поистине счастливыми они чувствуют себя только в борьбе...»⁴. Берлинские социал-демократы устроили Энгельсу самую теплую встречу. Они хотели организовать в его честь грандиозный митинг, но Энгельс убедил их отказаться от этого. Ограничились товарищеским банкетом. «Присутствовало 4000 человек,— писал он Лауре Лафарг,— причем одни только представители партии — мужчины и женщины; поверь, видеть и слышать их — большое удовольствие»⁵. В краткой речи, первые слова которой были также посвящены Марксу, Энгельс говорил о промышленной революции, проделанной Германией, о грандиозном перевороте в ее экономическом положении за последние годы, о росте рабочего класса и неудержимом подъеме социалистического рабочего движения. Свое выступление он закончил призывом: «*Да здравствует международная социал-демократия!*»⁶.

В Берлине Энгельс провел около двух недель. Через Ганновер, где он повидался с Людвигом Кугельманом, Энгельс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 427.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 104.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 430.

отправился в Роттердам, откуда отплыл обратно в Лондон. 29 сентября он вернулся домой.

Новые форпосты социализма

Двухмесячное пребывание на европейском континенте произвело на Энгельса огромное впечатление. Его поразили изменения в экономической жизни, заново построенные города, густая сеть железных дорог, сотни дымящихся фабричных труб. В Цюрихе он смог убедиться в том, какие глубокие корни пустило социалистическое движение почти во всех европейских странах, да и за пределами Европы. Очень радовало его проникновение марксизма в страны Балканского полуострова, где еще недавно не было никакого организованного социалистического движения. Он видел в Цюрихе болгарских делегатов, представителей партии, основанной всего двумя годами ранее и впервые пославшей своих представителей на международный конгресс. Энгельс еще до конгресса из присланного ему болгарскими социалистами журнала «Социал-демократъ» узнал о первых шагах молодой партии. В приветствии редакции этого журнала он писал: «...Мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя современного пролетариата — о, если бы Маркс сам дожил до этого!..»¹ С особым удовлетворением он узнал об издании в Болгарии переводов ряда теоретических работ Г. В. Плеханова.

Всего за несколько месяцев до Цюрихского конгресса на съезде в Бухаресте была создана Социал-демократическая рабочая партия Румынии. Энгельс еще в 1888 г. узнал об издании в Румынии журналов социалистического направления, о появлении на румынском языке некоторых его работ, в частности «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Ознакомившись с полученными тогда номерами этих журналов, он писал одному из видных в то время социалистических публицистов Румынии Иоану Нэежде о своем удовлетворении тем, что социалисты этой страны «принимают в своей программе основные принципы... теории, созданной... Марксом»². Накануне конгресса он познакомился с видным румынским социалистом, делегатом конгресса К. Доброджану-Геря. А в 1894 г. другой социалистический деятель, Панаит Мушою, прислал Энгельсу переведенные им на румынский язык «Манифест Коммунистической партии» и «Развитие социализма от утопии к науке». Появление болгарской и румынской социалистической прессы побудило Энгельса заняться этими языками; в ноябре 1894 г. он сообщал Зорге, что понемногу осваивается с ними.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 424.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 4.

Во время пребывания в Цюрихе Энгельс встречался и с некоторыми польскими социалистами, присутствовавшими на конгрессе. Незадолго до того, весной 1893 г., созданные еще в конце 80-х годов польские социалистические организации — Союз польских рабочих и «Второй пролетариат» объединились в Польскую социалистическую партию (ППС). Но как раз накануне конгресса, вследствие разногласий по программным вопросам, она раскололась. Образовалась новая партия, получившая название Социал-демократия Королевства Польского. Энгельс уже в течение нескольких лет поддерживал в Лондоне знакомство с Мендельсоном, Иодко-Наркевичем и другими польскими социалистами, вошедшими теперь в ППС. Он с интересом следил за появлением марксистской литературы на польском языке, в феврале 1892 г. написал предисловие к новому польскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Отметим огромное значение борьбы за национальное возрождение Польши, Энгельс вновь повторил здесь не раз уже высказывавшуюся им мысль: «Искреннее международное сотрудничество европейских наций возможно только при том условии, если каждая из этих наций полностью распоряжается в своем собственном доме»¹. Но, подчеркнул при этом Энгельс, «независимость эту может завоевать только молодой польский пролетариат»².

По возвращении в Англию Энгельс снова с головой погрузился в работу. Надо было ответить на множество писем, накопившихся за это время, уладить некоторые вопросы, связанные с переводами и переизданиями его произведений, и, главное, завершить подготовку к печати III тома «Капитала».

Особое внимание Энгельса в эти месяцы привлекали события в Австрии. Те немногие дни, которые он провел в этой стране, убедили его не только в боевых качествах австрийского рабочего класса, но и в том, что обстановка там благоприятствует социалистам. На основании личных наблюдений, бесед и переписки с лидером социал-демократической партии В. Адлером, знакомства с прессой Энгельс пришел к выводу, что массовая рабочая партия с целеустремленной программой могла бы здесь сравнительно легко и быстро «добиться совершенно исключительных успехов»³.

В письмах Бебелю, Лафаргам, Адлеру, Зорге Энгельс много раз говорил о тех больших надеждах, которые он возлагал на австрийских пролетариев. Стремясь оказать им возможно большую поддержку, он распорядился выплачивать гонорар, причитающийся ему в издательстве Дица, австрийской социал-демократической партии. Энгельс считал своим долгом обращаться с приветствием к каждому съезду австрийской социал-демократии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 290.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 115.

Особое значение Энгельс придавал развернувшейся в это время в Австро-Венгрии кампании за всеобщее избирательное право, в которой социалисты принимали самое энергичное участие. Он рассчитывал, что успех этой кампании даст в руки австрийских рабочих оружие парламентской борьбы и поможет партии укрепить и расширить свое влияние в массах. При этом Энгельс столкнулся с проблемой, которая выходила далеко за рамки непосредственных практических задач австрийского рабочего движения — проблемой всеобщей стачки.

Этот вопрос приобрел особую актуальность после того, как весной 1893 г. Бельгийская рабочая партия, в течение последних лет борováвшаяся за всеобщее избирательное право, организовала всеобщую политическую забастовку, под давлением которой правящие круги вынуждены были принять избирательную реформу и ввести, хотя и с известными ограничениями, всеобщее избирательное право для мужчин, увеличив тем самым число избирателей более чем в десять раз. Энгельс рассматривал это как серьезный успех бельгийских рабочих и отмечал его воздействие на другие страны. А когда в октябре 1894 г. Бельгийской рабочей партии удалось добиться избрания около 30 своих представителей в палату депутатов, он писал одному из лидеров партии Эмилю Вандервельде: «Вместе с вами совершает свое «торжественное вступление» в парламент весь бельгийский пролетариат, и вступление это будет радостным не только для вас всех, но и для пролетариев всей Европы!»¹.

В Австрии были очень сильны настроения в пользу проведения всеобщей стачки, и некоторые деятели партии публично провозгласили этот лозунг. Энгельс не одобрял этого. Он подчеркивал, что успех всеобщей стачки возможен лишь в определенных благоприятных условиях, и рассматривал ее как крайнее средство, применимое в обстановке огромного массового подъема, когда правящие круги не могут опереться на целиком послушную им и сохранившую дисциплину армию. Этих условий не было тогда в Австро-Венгрии, стране с преобладанием крестьянского населения, относительной малочисленностью и разбросанностью пролетариата, межнациональной враждой, сознательно подогреваемой правящими кругами. «Здесь, — писал Энгельс, — мы должны во что бы то ни стало избегать всякого шага, который мог бы толкнуть и без того нетерпеливый, жаждущий подвигов рабочий класс на то, чтобы поставить на карту решительно все...»². Поэтому Энгельс был доволен тем, что руководителям австрийских социал-демократов удалось не допустить преждевременного и неподготовленного выступления рабочих.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 253—254.

² Там же, стр. 141.

Кампанию за всеобщее избирательное право в Бельгии и Австрии Энгельс рассматривал как серьезный стимул для всего европейского рабочего движения, как одно из звеньев нарастающего подъема революционной борьбы пролетариата. Он подчеркивал, что «успехи, завоеванные в *одной* стране, в свою очередь оказывают мощное воздействие на все остальные страны»¹.

Анализируя развитие событий в основных европейских странах, Энгельс выражал надежду на новый подъем рабочего движения в относительно недалеком будущем. «...Везде дело весело идет вперед, — писал он Зорге в феврале 1894 г., — и конец века все больше обещает быть интересным»².

Научные занятия

Всевозможные заботы, связанные с деятельностью социалистических партий и международными конгрессами, сотрудничество в социалистической прессе и другие повседневные дела отнимали значительную часть времени Энгельса. Взяться за завершение задуманных и начатых ранее больших научных трудов не удавалось. Но теоретических занятий Энгельс никогда не прекращал. Итоги своих исследований он либо публиковал в виде отдельных статей, либо использовал при написании предисловий к переиздаваемым работам, либо излагал в письмах.

Широкую известность получило написанное в 1891 г. введение к новому изданию работы Маркса «Наемный труд и капитал». Это был превосходный очерк основ марксистской политической экономии, в частности теории прибавочной стоимости, строго научный и в то же время доступный пониманию пролетарских масс. С прогрессом капиталистического производства, с каждым новым изобретением и открытием, писал Энгельс, усиливаются полярные противоположности буржуазного общества, производимые рабочими богатства достаются во все большем объеме собственникам средств производства, «между тем как часть, достоящаяся рабочему классу (в расчете на душу), либо увеличивается лишь весьма медленно и незначительно, либо вовсе не увеличивается, а при известных условиях может даже сокращаться»³.

Такое состояние общества должно быть и может быть устранено. На смену старому строю придет новый общественный строй, где не будет классовых различий. Планомерное использование и дальнейшее развитие существующих производительных сил при одинаковой для всех обязанности трудиться обеспечит всем членам общества «в равной мере, со все возрастающей полнотой» возможности для проявления всех физических и духовных способностей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 122.

² Там же, стр. 181.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 211.

Весной 1891 г. Энгельс закончил переработку своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» для нового, значительно дополненного издания. Чтобы учесть все последние достижения науки, пришлось изучить огромную литературу.

Английскому изданию своей работы «Развитие социализма от утопии к науке» в 1892 г. Энгельс предпослал большое введение, имеющее самостоятельное научное значение. В этом очерке он кратко изложил историю написания «Анти-Дюринга», из трех отделов которого была впоследствии составлена брошюра «Развитие социализма от утопии к науке» — труд, как заметил Энгельс, «в защиту того, что мы называем «историческим материализмом»»¹. Он показал, что материализм имеет глубокие корни в Англии, что английские философы Бэкон, Гоббс и Локк были «отцами блестящей школы французских материалистов» XVIII века.

С ростом классовых противоречий идеологи буржуазии все более отходили от материализма и переходили к агностицизму, который Энгельс характеризовал как «стыдливый» материализм. С одной стороны, агностики признают материальность мира, с другой — допускают идею сотворения мира «в какой-то неведомый нам момент»². Энгельс подверг критике утверждения агностиков о непознаваемости «вещи в себе» и подчеркнул значение человеческой практики как главного аргумента против всякого рода теорий о непознаваемости мира.

Энгельс охарактеризовал борьбу европейской буржуазии против феодализма, которая, по его словам, достигла высшей точки в трех крупных решающих битвах — в протестантской Реформации в Германии, в английской буржуазной революции XVII в., боевой теорией которой послужил кальвинизм, и, наконец, в Великой французской революции. В отличие от первых двух восстаний буржуазии, третье восстание сбросило с себя религиозные одежды и борьба разыгралась на открытой политической почве. Однако с появлением рабочего движения буржуазия вновь обратилась к религии, как к последнему и единственному средству «спасения общества от полной гибели»³. Но, продолжает Энгельс, «никакие религиозные догмы не в состоянии спасти гибнущее общество»⁴.

Энгельс высказывает уверенность в том, что рабочее движение в основных европейских странах будет развиваться все более быстрыми темпами.

Внимание Энгельса давно привлекал вопрос о происхождении религии. В начале 80-х годов он посвятил ему две статьи:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 299.

² Там же, стр. 305.

³ Там же, стр. 318.

⁴ Там же, стр. 319.

«Бруно Бауэр и первоначальное христианство» и «Книга откровения». Летом 1894 г. он вернулся к этой теме и подвел итог своих исследований в статье «К истории первоначального христианства», появившейся в «Neue Zeit» осенью того же года.

В этих статьях было дано развернутое материалистическое объяснение причин возникновения христианской религии и ее социальной сущности, показано, что и в начальный период своего существования, когда христианство было движением угнетенных, оно искало избавления от рабства и нищеты «в посмертной потусторонней жизни на небе»¹. Это облегчило превращение его впоследствии в идеологическую опору эксплуататорского строя.

В ноябре 1892 г. к Энгельсу обратился издатель выходившего в Йене «Справочника по общественно-политическим наукам» Л. Эльстер с просьбой написать для этого издания краткую биографию Маркса. Энгельс охотно согласился, и через несколько дней очерк был готов. На немногих страницах Энгельс изложил основные вехи жизни и революционной деятельности Маркса, дал краткую характеристику его научных занятий и теоретических трудов, осветил его роль как организатора и руководителя Интернационала, советника международного рабочего движения. К статье была приложена библиография произведений Маркса. Статью можно считать в известном смысле конспектом задуманной, но не написанной Энгельсом большой биографии Маркса.

Письма об историческом материализме

Среди широкого и разнообразного круга теоретических вопросов, привлекавших внимание Энгельса в 90-е годы, особое место занимали проблемы исторического материализма. Это было связано в первую очередь с необходимостью углубить и развить марксистскую теорию, а также дать отпор попыткам вульгаризации материалистического понимания истории, истолкования его в духе экономического материализма, который считает экономику единственным активным фактором исторического развития, в духе фатального понимания законов истории.

Так, в одной из книг, написанной немецким философом Паулем Бартом в 1890 г., утверждалось, будто бы, согласно Марксу, «экономическое развитие независимо от политики», но в доказательство того, что вся историческая жизнь «определяется» экономической структурой, Маркс, как и его сторонники, в том числе самый значительный среди них — Фридрих Энгельс, привели якобы весьма немногие «иллюстрации». «...К утверждениям Маркса и Энгельса, — писал далее автор этой книги, — необходимо относиться тем более критически, поскольку они сами

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 467.

приводят некоторые исторические факты, противоречащие их теории, в частности по вопросу об отношении экономики и политики...»¹.

Вульгаризация исторического материализма, догматическое понимание его были характерны и для немецких социал-демократов, входивших в группу «молодых» (П. Эрнст) или близких к ней. Молодой экономист К. Шмидт, считавший себя тогда последователем Маркса, писал Энгельсу 25 июня 1890 г., что критика Бартом марксова понимания истории является, по его мнению, «глубокой», поскольку он «стремится доказать, что не только экономика односторонне определяет политику, но и политика в свою очередь определяет экономику»².

А 3 сентября 1890 г. Йозеф Блох, в то время юный студент, а впоследствии видный социал-демократический журналист, обратился к Энгельсу с таким вопросом: «Согласно материалистическому пониманию истории определяющим моментом в истории является производство и воспроизводство действительной жизни. Как следует понимать это положение? Являются ли экономические отношения *единственным* определяющим моментом, или же они образуют в известном смысле только прочную основу всех других отношений, которые затем сами могут оказывать действие?.. Не играли ли часто в ходе истории известную роль чисто политические, династические и даже индивидуальные интересы?»³.

Специальному разъяснению этих проблем Энгельс посвятил в 1890—1894 гг. несколько писем, которые известны в истории марксизма как «письма об историческом материализме».

У материалистического понимания истории, писал Энгельс К. Шмидту 5 августа 1890 г., имеется теперь множество таких «друзей», для которых оно является предлогом, чтобы не изучать историю. У некоторых представителей молодого поколения фразы об историческом материализме служат только для того, чтобы как можно скорее систематизировать и привести в порядок свои собственные скудные исторические познания и затем возмнить себя великими. «Однако наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»⁴.

Одно из центральных мест в этих письмах занимает вопрос о базисе и надстройке.

¹ P. Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Leipzig, 1890, S. 43, 47, 48.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5037.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5062.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 371.

Отвечая Й. Блоху, Энгельс писал 21—22 сентября 1890 г.: «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»¹.

Энгельс отмечал, что он и Маркс последовательно подчеркивали главный принцип — решающее значение экономического движения в историческом процессе. В великой поступи истории экономические отношения являются первоначальными, в конечном счете решающими. Они определяют собой политику, идеологию, государственный строй. Но политические, идеологические и другие факторы оказывают, в свою очередь, обратное воздействие на материальные условия. «Следовательно, — указывал Энгельс в письме К. Шмидту 27 октября 1890 г., — если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами»².

Государство возникает с разделением общества на классы и становится орудием наиболее сильного, экономически господствующего класса. Но раз появившись на свет, оно оказывает уже и воздействие на экономическое развитие. Это воздействие бывает тройким: 1) в направлении объективных тенденций экономического движения — тогда экономическое развитие идет быстрее; 2) против этих тенденций — тогда данный государственный строй рано или поздно терпит крах; 3) наконец, государственная власть может действовать и таким образом, что в одном направлении она задерживает экономическое развитие, в другом — толкает его вперед. Во всяком случае, государство тоже выступает как важная экономическая сила. Особенно это относится к государству рабочего класса. «К чему же мы тогда, — спрашивал Энгельс, — боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»³

Энгельс раскрыл также закономерности развития философии, религии, искусства и т. д., показал особый характер зависимости идеологической сферы от экономики. Неоспоримо преобладание экономического развития над областью идеологии, однако лишь в рамках условий, предписываемых самой этой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 394.

² Там же, стр. 420.

³ Там же.

областью. «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала...»¹. Причем и это она делает в основном косвенным образом. Прямое же действие на область идеологии оказывают политические, юридические и моральные факторы.

Философия и вообще идеология каждой эпохи располагает в качестве исходной предпосылки определенным мыслительным материалом, который передается ей ее предшественниками. Эта относительная самостоятельность теоретической мысли и объясняет тот факт, что «страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия, как и всеобщий расцвет литературы в ту эпоху, была также результатом экономического подъема»².

Таким образом, Энгельс последовательно проводил основную идею диалектического взаимодействия всех социальных факторов, участвующих в историческом процессе. Развивая и конкретизируя идеи марксизма о роли экономического базиса, экономических отношений и надстройки, т. е. политики, права, философии, религии, литературы, искусства и т. д. в историческом процессе, он выступал как против отрицания активной роли надстройки, ее обратного влияния на базис, так и против толкования исторического процесса в дуалистическом духе — в духе примирения материализма и идеализма.

В противоположность вульгарному материализму, утверждавшему, что экономические отношения действуют якобы автоматически, помимо воли людей, в результате чего истории придавался фаталистический характер, Энгельс доказывал, что люди сами делают свою историю, но, разумеется, их деятельность так или иначе опирается на объективные требования общественных, прежде всего экономических, отношений. Через все случайности и стремления отдельных личностей и отдельных обществ рано или поздно пробивает себе дорогу исторически обусловленная необходимость. В своей основе и в конечном счете это — экономическая необходимость.

Касаясь роли великих людей, которые, как Наполеон, Цезарь, Кромвель и др., на первый взгляд вроде бы подчиняли ход истории своему произволу, Энгельс разъяснял, что каждый великий человек потому и велик, что выражает назревшие потребности исторического момента. Появление данного великого человека в данное время и в данной стране есть, конечно, чистая случайность. Но не будь одного великого человека, непременно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 420.

² Там же, стр. 419—420.

появился бы другой. Если нужен такой человек, он рано или поздно находится¹.

Буржуазное общество потрясают стихия, анархия и неорганизованность, но со временем люди учатся организовывать «совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели»². А для этого необходимо знание объективных закономерностей общественного развития и умение пользоваться ими. Это достигается пролетариатом и его партией, цель которых — социалистическое преобразование общества — совпадает с объективными тенденциями экономического движения, с объективными законами исторического развития. Энгельс предвидел, что по мере роста сознательности масс, с переходом от капитализма к плановому и организованному обществу ассоциированных производителей, роль субъективного фактора в истории будет становиться все более значительной.

В письмах об историческом материализме Энгельс развил и конкретизировал важнейшие положения марксистской науки об обществе.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175—176.

² Там же, стр. 56.

Глава пятнадцатая

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ЭПОХИ

Для угнетенных классов всех стран занимается заря нового, лучшего общества. И повсюду угнетенные массы смыкают свои ряды, повсюду они договариваются друг с другом, вопреки границам, вопреки различию языков. Формируется армия международного пролетариата,— и наступающий новый век приведет ее к победе!

Ф. Энгельс

Новые тенденции в развитии капитализма

В последние годы своей жизни Энгельс все чаще высказывал мнение, что социалистическая революция не за горами, что процесс созревания ее объективных и субъективных предпосылок ускорился. Этот вывод он основывал на анализе всей совокупности социально-экономических и политических процессов современного мира.

В 1892 г. в статье «Президентские выборы в Америке» Энгельс напомнил, что в свое время греки и римляне приписывали разрушение устоев античного общества непостижимой всемогущей силе и называли эту силу провидением, предопределением, властью рока. Господство буржуазии и капитала, писал

Энгельс, тоже находится «под властью рока», идет навстречу неотвратимой гибели. Однако причины этой судьбы ясны. Они коренятся в экономических условиях производства и обмена¹.

Естественным результатом развития капитализма было значительное расширение масштабов классовой борьбы пролетариата к концу XIX в. Неоспоримые успехи рабочего движения, в частности рост влияния социал-демократической партии Германии, тот факт, что ее кандидаты на парламентских выборах собирали в 90-е годы до 2 млн. голосов, Энгельс объяснял в конечном счете экономическими причинами. В Германии после 1860 г., указывая он в интервью корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle» в конце июня 1893 г., произошла такая же грандиозная промышленная революция, как и в Англии, и с теми же социально-экономическими последствиями. «Мелкие торговцы, вытесняемые крупными торговыми фирмами, конторские служащие, ремесленники, городские и сельскохозяйственные рабочие начинают чувствовать гнет нашей нынешней капиталистической системы. А мы предлагаем им научный способ борьбы с этим злом, и поскольку все они умеют читать и самостоятельно мыслить, они очень быстро делают нужные выводы и вступают в наши ряды»².

Действие объективного закона неравномерности развития капитализма привело к быстрому выдвиганию на передний план Соединенных Штатов Америки — «самой молодой и самой сильной в мире»³ нации. Американский капитал начал властно требовать себе «места под солнцем», проникать в традиционные сферы влияния более старых капиталистических наций — Англии, Франции, Германии. Обращали на себя внимание неслыханные прибыли в молодой капиталистической промышленности России. Энгельс говорил, что «выращивание миллионеров» в этой стране идет действительно гигантскими шагами⁴. С полным основанием он писал, что его современники станут «свидетелями еще небывалой промышленной борьбы»⁵.

Некоторые новые и весьма существенные явления в экономике капитализма, отмеченные Марксом и Энгельсом еще в 70-х годах, к концу века приняли более отчетливый характер. В добавлениях и примечаниях к «Анти-Дюрингу», к III тому «Капитала», в ряде статей и писем Энгельс отмечал распространение акционерной формы капитала, образование монополий в виде картелей и трестов. Эти явления выражали собой дальнейший рост концентрации и централизации капиталистического производства, определенные сдвиги в производственных отношениях капитализма, происходившие под воздействием прогрес-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 346.

² Там же, стр. 569.

³ Там же, стр. 348.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 168.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 347.

са производительных сил, для которых все более тесной становилась их капиталистическая оболочка. Возникла необходимость применять в рамках отдельных производственных организаций, их объединений и даже целых отраслей, монополизируемых такими объединениями, элементы хозяйственного планирования, учитывать конъюнктуру рынка, ее возможные колебания. «В трестах,— писал Энгельс,— свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов»¹.

Еще более высокую ступень капиталистического обобществления Энгельс видел в том, что само буржуазное государство в ряде случаев вынуждено брать на себя руководство отдельными отраслями экономики. Тем самым буржуазия, класс капиталистических собственников, становится излишним классом, но отнюдь не исчезает. От ее имени и в ее интересах производством управляют правительственные ведомства. Передав все общественные функции наемным служащим, буржуазия тем не менее продолжает присваивать по «праву» собственника средств производства прибавочную стоимость, произведенную рабочим классом. Энгельс показывал, что огосударствление промышленности и транспорта в условиях сохранения господства буржуазии не ликвидирует капиталистические производственные отношения. «Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения»².

✓Дополнение к III тому «Капитала» Маркса «Биржа», для которого Энгельс, как уже говорилось, успел написать только небольшой набросок, по-видимому, было задумано как систематическое и более или менее полное изложение важнейших особенностей экономики капитализма в конце XIX в.

В капиталистической бирже Энгельс в 90-е годы видел «самую выдающуюся представительницу капиталистического производства», ибо налицо была тенденция, в силу которой в руках биржевиков концентрируется «все производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение»³. 20—30-ю годами ранее биржа не играла еще существенной роли в капиталистической системе, а в 1893 г. Энгельс характеризу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 673.

² Там же, стр. 290.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 484.

вал ее уже «как благороднейший плод буржуазного общества, как очаг величайшей коррупции, как питомник панамы и других скандалов, а потому и как превосходнейшее средство концентрации капиталов, разложения и распада последних остатков естественно сложившихся в буржуазном обществе связей и в то же время как средство уничтожения и превращения в свою противоположность всех установившихся понятий морали, как ни с чем не сравнимый элемент разрушения и могущественнейший ускоритель грядущей революции»¹. Он подчеркивал, что в этом историческом смысле биржа представляет для деятелей пролетарской партии непосредственный интерес и именно поэтому заслуживает специального анализа.

Но Энгельса интересовала, насколько можно судить по наброску задуманной работы, не только биржа сама по себе, не один только механизм биржевых операций. Биржа — особое учреждение капитализма. В то же время она — своеобразный символ господства крупного капитала и безжалостной эксплуатации. Значительное усиление роли биржи Энгельс связывал с важнейшими модификациями капиталистической собственности и новыми методами организации капиталистического предпринимательства.

В первую очередь он вновь отметил «превращение промышленности в акционерные предприятия»². Сначала этот процесс коснулся металлургической промышленности, затем получил распространение в химической промышленности, в машиностроении, в текстильном производстве, в торговле и в банковском деле. Слияние единоличных фирм в акционерные компании Энгельс объяснял прежде всего огромными масштабами накопления капитала, тем, что оказавшиеся в распоряжении отдельных капиталистов массы свободного денежного капитала не могли найти прибыльного применения в рамках предприятия индивидуального собственника. Вместе с тем он отмечал усиление тенденции к паразитизму. Многим капиталистам, писал он, уже «надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел», и они предпочитают «иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний»³.

Ненасытная жажда барышей и «избыток» капитала внутри страны вызвали такое явление, как экспорт капитала. При жизни Энгельса это было особенно характерным для Англии. Приложение капитала за границей происходило большей частью путем приобретения акций в той или иной отрасли. Так, Энгельс отмечал, что английские бизнесмены стали владельцами американских железных дорог.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 13.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 485.

³ Там же.

Другой стороной погони за максимальными прибылями был экономический раздел мира между развитыми капиталистическими странами. Среди примеров стремления к захвату и освоению «свободных» территорий, к колонизации, Энгельс называет произведенный европейскими державами раздел Африки. «Африка,— писал он,— прямо сдана в аренду компаниям...»¹.

Так как Энгельс не дождался до того времени, когда вполне сложилась высшая стадия в развитии капитализма, он, естественно, не мог дать ее всестороннего теоретического анализа. Тем не менее глубокое понимание закономерностей экономического развития, прекрасное знакомство с мировой экономикой и гениальная способность предвидения позволили Энгельсу подметить некоторые основные черты нарождающейся новой эпохи. Приведя из замечаний к проекту программы германской социал-демократической партии 1891 г. мысль Энгельса о монополизации трестами целых отраслей промышленности, о том, что «тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*»², В. И. Ленин писал: «Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*»³. По словам В. И. Ленина, это «замечательно ценное указание» Энгельса «показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи»⁴.

Таким образом, в новых явлениях капитализма, в сосредоточении больших масс средств производства в руках монополий и буржуазного государства, в увеличении значения биржи Энгельс видел создание материальных предпосылок социализма, объективную основу подготовки социалистической революции. В то же время он отмечал формирование социальных и политических предпосылок социалистической революции, ее субъективного фактора,— быстрый рост социалистического движения, успехи пролетарских партий, в особенности германской социал-демократии. «...Конец века,— писал он,— все больше и больше заряжается электричеством», «наступают времена восстаний и войн»⁵.

Энгельс много думал о перспективах рабочего и социалистического движения, о тех сложных, поистине исторических задачах, которые неизбежно встанут перед ним в самом ближайшем будущем. Он стремился помочь социалистическим партиям во всеоружии встретить надвигающиеся события, подготовиться к тому, чтобы возглавить пролетариат и трудящиеся массы,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 486.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 234.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 67—68.

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 444, 434.

оказаться на высоте не только в период борьбы за свержение капитализма, но и после захвата власти. Энгельс прилагал все силы к тому, чтобы деятели социалистического движения овладели марксизмом, научились творчески развивать его, правильно применять в конкретных условиях каждой страны.

Проблема крестьянства как союзника пролетариата

К 90-м годам для социалистических партий первостепенное значение приобрел крестьянский вопрос — один из важнейших вопросов их программ, стратегии и тактики. Перед партиями непосредственно встала задача выработки аграрной программы, определения потенциальных революционных возможностей крестьянства, отношения к различным его слоям.

Вопрос об исторических судьбах крестьянства приобрел в это время особую остроту также в связи с аграрным кризисом, начавшимся в 70-х годах и затянувшимся до середины 90-х годов. Резкое увеличение ввоза дешевого хлеба из США, Южной Америки и Индии нанесло большой ущерб европейскому сельскому хозяйству. Особенно тяжелым оказалось положение мелких крестьян. Ценою непосильного труда и материальных лишений пытались они сохранить свой клочок земли.

В начале 90-х годов социалисты разных европейских стран почти одновременно начали поиски путей и форм привлечения на свою сторону крестьянства. Одними из первых за эту сложную задачу взялись социалисты Франции. На своем Марсельском съезде в сентябре 1892 г. Рабочая партия приняла аграрную программу, опираясь на которую она уже вскоре добилась значительных успехов в деревне. Исходя из этого, делегаты Парижского съезда партии в 1893 г. внесли ряд дополнений к программе и приняли решение передать этот вопрос очередному съезду партии. Съезд был назначен на сентябрь 1894 г. в Нанте.

В октябре того же года во Франкфурте-на-Майне должен был состояться съезд германских социал-демократов, одним из пунктов повестки дня которого также был аграрный вопрос.

В письмах руководителям французской и германской партий Энгельс стремился разъяснить принципы, на которых должны строиться аграрные программы марксистских партий, как бы ни видоизменялись эти программы в зависимости от особенностей той или иной страны, от социальной структуры ее сельского населения.

Внимательно следя за подготовкой обоих съездов, Энгельс писал в августе 1894 г. Лафаргу: «Вообще взгляды обеих национальных организаций одни и те же; только вы, непримиримые революционеры былых времен, теперь немного больше, чем немцы, склоняетесь к оппортунизму; немцы, вероятно, не будут выступать ни за какую меру, которая могла бы способствовать

консервации мелкой собственности или сохранению ее от разлагающего действия капитализма. С другой стороны, с вами будут согласны в том, что не *наше* дело — ускорять или форсировать это разлагающее действие, и в том, что самая важная задача — это объединение мелких собственников в сельскохозяйственные ассоциации для обработки земли совместно и в крупном масштабе. Любопытно, какой из двух съездов окажется наиболее передовым в вопросах экономической теории и предложит наиболее эффективные практические средства»¹.

Письма Энгельса по этому вопросу руководству германской социал-демократии до нас не дошли, но ответные письма Бебеля позволяют судить о его мнении. Так, 4 августа 1894 г. Бебель писал Энгельсу: «С твоим мнением по поводу нашей позиции в отношении крестьянства я согласен; мы должны внушить крестьянам, что при существующей экономической системе они обречены на гибель и что никто не в состоянии им помочь, что поэтому их единственное спасение — это кооперативные товарищества»². Немецкие социал-демократы с понятным интересом ждали решений Нантского съезда по аграрному вопросу.

Но принятая этим съездом аграрная программа подтвердила опасения Энгельса относительно склонности французских социалистов к уступкам оппортунизму. После съезда Энгельс писал Лауре Лафарг: «...Мотивировочная часть Нантской аграрной программы, в которой объявляется, что социалисты должны поддерживать и *защищать* собственность крестьян, и даже фермеров и арендаторов, *применяющих наемный труд*, — это превосходит все, что могут стерпеть люди за пределами Франции»³.

Зная о полном согласии Бебеля со своими взглядами на аграрную программу, Энгельс мог рассчитывать, что этот важный вопрос будет решен немецкими социалистами на более высоком теоретическом и политическом уровне. Однако Франкфуртский съезд и развернувшаяся после него борьба в партии не оправдали надежд Энгельса.

Сторонники оппортунистических взглядов, баварские делегаты во главе с Фольмаром нашли поддержку у социалистов ряда южнонемецких государств и сумели повлиять на решения съезда.

Этому способствовало и то, что именно Фольмару Правление партии поручило один из докладов по аграрному вопросу. Бебель объяснял это Энгельсу, в частности, стремлением заставить Фольмара публично изложить свою аграрную программу. Бебель был уверен, что Фольмар получит на съезде решительный отпор.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 247—248.

² Bebels Briefwechsel..., S. 772.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 251.

В своем докладе Фольмар пытался доказать, что, в отличие от промышленности, в сельском хозяйстве, в связи с его все возрастающей интенсификацией, преимущество имеют не крупные, а, наоборот, средние и мелкие хозяйства. Он ратовал за защиту интересов всех крестьян, в том числе и крупных, за поддержку их со стороны государства. Таков был, по мнению Фольмара, своеобразный путь вразращения сельского хозяйства в социализм¹.

Второй докладчик — Б. Шёнланк отстаивал взгляды, мало отличавшиеся от доклада Фольмара. В предложенной обоими докладчиками резолюция почти буквально воспроизводилось положение из мотивировочной части Нантской программы с той лишь разницей, что там, где во французской программе говорилось о защите живущего своим трудом крестьянина, здесь речь шла о защите крестьян вообще.

Чтобы протащить свои взгляды, Фольмар прибегнул к недобросовестному приему: он заявил, будто Нантская аграрная программа получила «прямое одобрение Фридриха Энгельса». Это не могло не произвести впечатления на делегатов. К тому же большинство из них не было подготовлено к обсуждению такого сложного и нового для них вопроса. Дискуссия по нему была резко сокращена. Бебель, записанный пятым оратором, уже не получил слова. В результате предложенная докладчиками резолюция оказалась принятой большинством голосов. Была выделена комиссия, которой было поручено разработать к следующему съезду аграрную программу.

Энгельс, как видно из ответного письма Бебеля от 10 ноября, оценил итоги съезда резко отрицательно. «Под тем, что ты говоришь о Фольмаре и о съезде, — писал Бебель, — я целиком подписываюсь. Фольмариада дошла до крайних пределов. Теперь я ринусь в бой»². Он полагал, что Энгельс заявит протест против попытки Фольмара прикрыть свою оппортунистическую позицию его авторитетом.

12 ноября Энгельс написал по этому поводу письмо в редакцию «Vorwärts», опубликованное 16 ноября. Изложив содержание своих писем Полю и Лауре Лафарг до Нантского съезда и после него, Энгельс заключал: «Итак, поскольку я вообще высказывался по этому вопросу, я утверждал как раз обратное тому, что сообщили Фольмару»³. Он заявил, что выступит в «Neue Zeit» со статьей, содержащей изложение и обоснование своей точки зрения. Об этом намерении Энгельс известил через Лауру Лафарг и французских товарищей, отметив, что никак не сможет пройти мимо Нантской программы.

¹ См. Protokoll über die Verhandlungen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten zu Frankfurt a. M. vom 21. bis 27. Oktober 1894. Berlin, 1894, S. 148.

² Bebels Briefwechsel..., S. 780.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 500.

«Действительно, вы слишком дали увлечь себя в сторону оппортунизма,— писал он Лафаргу 22 ноября 1894 г.— В Нанте вы готовы были пожертвовать будущим партии ради однодневного успеха. Еще есть время остановиться; если моя статья может способствовать этому, я буду очень рад». Бебель, продолжал он, «с полным основанием жалуется, что в партии наблюдается процесс обуржуазивания. Это несчастье всех крайних партий, как только приходит час, когда они становятся «возможными». Но наша партия не может переступить в этом отношении определенного предела, не изменив самой себе, и мне кажется, что во Франции, как и в Германии, мы подошли к этой черте»¹.

Тревога Энгельса особенно усилилась в связи с дискуссией в германской социал-демократии по итогам Франкфуртского съезда. Резкая критика Бебелем «фольмариады», как результата притока мелкобуржуазных элементов в партию, вызвала бешеную атаку на него со стороны оппортунистов. Либкнехт же занял «нейтральную», а по существу примиренческую позицию по отношению к оппортунистам, объясняя это желанием сохранить единство партии. Энгельс резко осудил его позицию. Он доказывал Либкнехту, что единство подрывают Фольмар и его сторонники, которые встали на путь фракционной борьбы. «Опасность раскола угрожает не со стороны Бебеля, который назвал вещи своими именами,— писал Энгельс Либкнехту 24 ноября 1894 г.— Эта опасность угрожает со стороны баварцев, которые позволили себе неслыханный до сих пор в партии образ действия...

Ты говоришь, что Фольмар не изменник. Допустим. Думаю также, что он сам не считает себя изменником. Но как же ты назовешь человека, который требует от пролетарской партии, чтобы она увековечила для верхнебаварских крупных и средних крестьян, владеющих 10—30 гектарами, их нынешнее положение, основанное на эксплуатации батраков и поденщиков? Пролетарская партия, специально учрежденная для того, чтобы увековечить наемное рабство! Этот человек может быть анти-семитом, буржуазным демократом, баварским партикуляристом, чем угодно, но социал-демократом?!»².

В этом письме, написанном в один из самых критических периодов истории германской социал-демократии, нашла яркое выражение последовательная, непримиримая борьба Энгельса против растущей угрозы оппортунизма. Он высказал здесь свой общий взгляд на условия сохранения единства пролетарской партии.

Выяснив социальную базу «фольмариады», Энгельс поставил вопрос об отношении к мелкобуржуазным элементам, приток которых в партию все более возрастал в связи с крахом буржу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 268.

² Там же, стр. 275.

азного либерализма в Германии. Энгельс считал это не опасным для массовой, растущей пролетарской партии, если она сумеет переучить, перевоспитать, переварить их. Если же они пытаются навязать партии чуждые пролетариату взгляды, тогда, по образному выражению Энгельса, требуется «соляная кислота» — т. е. острая, непримиримая критика оппортунизма, бескомпромиссная защита основных принципов революционной теории, пролетарского характера партии.

«Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Статья, обещанная Энгельсом для «Neue Zeit», была написана всего за одну неделю и появилась в этом журнале в конце ноября 1894 г. под названием «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». В связи с острой борьбой в германской социал-демократии вокруг решений Франкфуртского съезда, борьбой, в которой партийные массы еще не успели разобраться, Энгельс решил ограничиться критикой в общей форме. «Я считаю единственно правильным для себя выступить по существу, оставляя личности совершенно в стороне»¹.

Хотя в статье ни разу не упоминается имя Фольмара, главный огонь был фактически направлен против его измышлений о мнимом одобрении Энгельсом Нантской программы, а также против его оппортунистических воззрений по аграрному вопросу. Но гораздо большее, чем эта критика, поистине непреходящее значение имеет дальнейшая разработка в статье теоретических основ аграрной программы пролетарской партии.

Значение крестьянского вопроса Энгельс объясняет прежде всего тем, что «от Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы»².

Отметив, что в политическом отношении крестьянин до сих пор был абсолютно апатичен — следствие изолированности деревенской жизни — или же выступал как реакционная сила, например, во время революции 1848—1849 гг. во Франции, Энгельс указывает, что за последнее время многое изменилось. Развитие капитализма в сельском хозяйстве и аграрный кризис приводят к упадку и гибели мелкого производства. В то же время «на Западе выросла могучая социалистическая рабочая партия... Завоевание политической власти социалистической партией стало делом недалекого будущего. Но чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне... И вот — мы в центре крестьянского вопроса»³.

Анализируя социальную структуру деревни, Энгельс, в противовес характерной для оппортунизма абстрактной постановке

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 267.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 503.

³ Там же, стр. 504.

вопроса о крестьянстве вообще, делит крестьянство на три основные группы — мелкое, среднее и крупное, — различающиеся по своему имущественному положению, интересам, а следовательно, и по той роли, которую они могут сыграть в революционной борьбе пролетариата. Считая отношение к мелкому крестьянину опорным пунктом при решении крестьянского вопроса в целом, Энгельс дает четкую характеристику этой социальной группы: «Под мелким крестьянином мы понимаем здесь собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью»¹.

Мелкий крестьянин, пишет Энгельс, вследствие конкуренции крупного машинного сельского хозяйства обречен на гибель, он — будущий пролетарий и в качестве такового должен был бы прислушиваться к социалистической пропаганде. Но этому мешает свойственное ему чувство собственности, заставляющее его отчаянно цепляться за свой клочок земли.

Что же может социал-демократия предложить гибнущему мелкому крестьянину, не изменяя самой себе? — спрашивает Энгельс. Отвечая на этот вопрос, он рассматривает аграрную программу Рабочей партии Франции — классической страны мелкого крестьянского хозяйства. Он критикует теоретическую, мотивировочную часть этой программы и доказывает, что она прямо противоречит общей программе Рабочей партии. В последней в качестве главной цели выдвигается общее владение средствами производства — и не только в области промышленности, но и в земледелии. В Нантской же программе принципиальное различие между двумя формами владения средствами производства — общей и индивидуальной — стирается. И та и другая рассматриваются как предпосылка для свободы производителей. «Владение отдельных производителей средствами производства, — пишет Энгельс, — не дает уже им в наше время настоящей свободы... Ваша попытка защитить мелкого крестьянина в его собственности, защищает не его свободу, а лишь особую форму его рабства; она затягивает существование такого положения, при котором он не может ни жить, ни умереть...»².

Энгельс доказывает, что выдвинутое в программе требование «защищать» парцелльную собственность крестьян от фиска, ростовщика, крупных землевладельцев противоречит утверждению той же программы, что эта собственность «неминуемо обречена на гибель»³.

Особое возмущение вызвало у Энгельса распространение этого требования на арендаторов или издольщиков, эксплуати-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 506.

² Там же, стр. 510, 511.

³ См. там же, стр. 512.

рующих чужой труд. Здесь особенно наглядно сказался отход от классовых позиций.

Это, пишет Энгельс, «является прямым нарушением не только французской программы, но и основного принципа социализма вообще, и пусть его авторы пеняют на себя, если эта небрежная редакция будет с самых различных сторон использована в нежелательном для них смысле»¹.

В последних словах содержится намек на использование Фольмаром мотивировочной части Нантской программы для обоснования своих оппортунистических воззрений.

Энгельс подверг критике и заключительные слова мотивировки, где перед социалистической партией ставилась задача «объединить для совместной борьбы против общего врага, феодального землевладения, все элементы сельского производства». Признавая возможность союза со всеми антифеодальными элементами деревни в борьбе за достижение каких-либо определенных целей, Энгельс решительно отрицает, что перед социалистической партией какой бы то ни было страны стоит задача принимать в свои ряды, кроме сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и средних и крупных крестьян или даже тех, кто эксплуатирует землю на капиталистический лад. Отстаивая классовый, пролетарский характер социалистической партии, Энгельс писал: «В нашей партии могут состоять отдельные лица из любого общественного класса, но отнюдь не группы, представляющие интересы капиталистов, средней буржуазии или среднего крестьянства»².

Вторую часть статьи Энгельс посвящает главным образом вопросу о путях перехода крестьянства к социализму.

И здесь во главу угла он ставит вопрос об отношении к мелкому крестьянству. Энгельс говорит об обязанности социалистов разъяснить крестьянам «абсолютную безнадежность их положения, пока господствует капитализм, абсолютную невозможность сохранить за ними их парцелльную собственность как таковую, абсолютную уверенность, что капиталистическое крупное производство так же раздавит их бессильное устаревшее мелкое хозяйство, как железнодорожный поезд — ручную тачку»³.

В то же время Энгельс поддержал правильное положение французской программы, что, предвидя неизбежную гибель мелкого крестьянского хозяйства, социалисты ни в коем случае не должны ускорять ее своим вмешательством. Наоборот, они не могут быть равнодушными к судьбам мелкого крестьянства при капитализме и должны по возможности препятствовать грабежу и надувательству со стороны крупных землевладельцев.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 513.

² Там же.

³ Там же, стр. 521.

Энгельс опровергает распространенную среди части социалистов ошибочную точку зрения, что социалистический переворот может произойти только тогда, когда последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин станут жертвой крупного капиталистического производства. «Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот»¹.

Средство избавления мелкого крестьянина от пролетаризации и путь преобразования его парцелльного хозяйства в крупное, социалистическое Энгельс видит в кооперативном производстве. Главная задача социалистов, пишет он, «состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что мы можем спасти, сохранить его усадьбу и земельное владение, только превратив их в кооперативное владение и кооперативное производство»². Мысль о том, что кооперативное производство будет использовано как промежуточное звено при переходе к полному коммунистическому хозяйству, по свидетельству Энгельса, принадлежала не только ему, но и Марксу³.

Развивая и конкретизируя идею о роли кооперации в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, Энгельс подчеркивает необходимость строгого соблюдения принципа добровольности при создании кооперативов, терпеливого и осторожного отношения к мелкому крестьянину, учета его собственных иллюзий и предрассудков: «...Мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку для размышления на своей парцелле, если он не может еще принять такого решения»⁴.

Чтобы облегчить этот переход, следует предоставить ряд преимуществ кооперативным товариществам и оказать им помощь со стороны пролетарского государства не только деньгами, но и машинами, искусственными удобрениями и т. п. Эти материальные затраты, которые придется сделать в интересах крестьян из общественных средств, оправдываются тем, что «они сэкономят, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом»⁵.

Энгельс говорит, что кооперативные товарищества будут «поставлены в лучшее экономическое положение, и это обеспечит в то же время центральной общественной власти необходимое влияние, чтобы постепенно перевести крестьянское това-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 520.

² Там же, стр. 519.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 361.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 520.

⁵ Там же, стр. 520—521.

рищество в высшую форму и сравнять права и обязанности как товарищества в целом, так и его отдельных членов с правами и обязанностями остальных частей всего общества»¹.

Энгельс высказывает здесь мысли громадного политического и теоретического значения. Он подчеркивает роль центральной власти — представительницы общества в целом — в постепенном переводе кооперативных хозяйств в высшую форму, при которой сотрется различие между ними и остальными частями общества, проистекающее из различия форм социалистической собственности. Историческая роль сельскохозяйственных кооперативных товариществ, как промежуточного звена при переходе к полному коммунистическому обществу, окажется таким образом выполненной.

Говоря о судьбах средних и крупных крестьян, в хозяйствах которых применяется наемный труд, Энгельс отмечает, что в условиях капитализма и эти группы в конечном счете обречены на упадок и гибель. Спасти их от этого, продолжает он, они могли бы только путем объединения «в товарищества, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества»². Энгельс подчеркивает, что после победы революции перед этими группами крестьянства встанут два пути. «Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то они придут к нам, и нашей обязанностью будет насколько возможно облегчить также и им переход к новому способу производства. В противном случае мы должны будем предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы, конечно, найдем сочувствие»³.

Энгельс допускает возможность отказа от насильственной экспроприации крупного крестьянства, надеясь, что «экономическое развитие научит уму-разуму и эти упрямые головы»⁴.

Что касается крупных землевладельцев, то после завоевания власти пролетариатом они, подобно промышленным капиталистам, должны быть экспропрированы. Энгельс указывает, что эта экспроприация может происходить как путем конфискации, так и путем выкупа, — в зависимости от обстоятельств прихода пролетариата к власти, от поведения самих землевладельцев и т. д. Принадлежавшие им крупные имения должны быть переданы в пользование под контролем общества товариществам сельскохозяйственных рабочих, обрабатывающих эту землю в настоящее время. Эти хозяйства должны стать образцом, кото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 519.

² Там же, стр. 522—523.

³ Там же, стр. 523.

⁴ Там же.

рый поможет все еще сомневающимся крестьянам воочию убедиться в преимуществах кооперативного крупного производства.

Касаясь конкретных задач германской социал-демократии, Энгельс указывает на особую важность завоевания ею на свою сторону сельскохозяйственных рабочих ост-эльбской Пруссии. Это, по его мнению, создало бы решающую предпосылку ликвидации господства прусского юнкерства и способствовало бы подрыву главной опоры прусской монархии — ее армии. ««Отборные полки» прусской армии станут социал-демократическими, и тогда произойдет такой сдвиг в соотношении сил, в котором заложена предпосылка полного переворота»¹.

В работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс показал значение союза пролетариата с трудовым крестьянством не только для исторических судеб самих крестьян, но и для победы социалистической революции. Он подробно обосновал политику пролетарской партии по отношению к различным категориям крестьянства, осветил задачи пролетарского государства в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, теоретически обосновал выдвинутую им и Марксом идею о кооперации, как пути преобразования мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое.

Статья Энгельса имела также важное непосредственно политическое значение. Она оказала большую помощь Бебелю и его сторонникам в борьбе против оппортунизма.

Введение к «Классовой борьбе во Франции»

Дискуссия в германской социал-демократии по итогам Франкфуртского съезда была прервана в связи с резким изменением политической обстановки в Германии. В начале декабря 1894 г. правительство внесло в рейхстаг законопроект о предотвращении государственного переворота — новый вариант исключительного закона. Это была серьезная угроза не только социал-демократии, но и всякой буржуазной оппозиции. После первого обсуждения законопроект был 14 января 1895 г. передан в комиссию, а затем должен был вторично обсуждаться в рейхстаге.

В этой обстановке Энгельс получил от Р. Фишера, члена Правления партии и редактора издательства Дица, письмо с просьбой дать согласие на издание отдельной брошюрой серии статей Маркса о французской революции 1848—1849 гг., напечатанной в 1850 г. в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» и с тех пор не переиздававшейся. Фишер просил Энгельса также написать предисловие к этому изданию.

Такое предложение отвечало намерениям самого Энгельса, который считал необходимым издать произведения Маркса и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 525.

свой периода 1842—1852 гг. По его словам, эти статьи Маркса «представляют величайшую ценность»¹. Поэтому он охотно откликнулся на предложение Фишера и немедленно приступил к работе. Он выправил опечатки в тексте первой публикации, написал примечания, несколько изменил названия трех глав работы и добавил в качестве четвертой отрывки из «Третьего международного обзора». Он назвал брошюру «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». В середине февраля 1895 г. Энгельс начал писать введение. Рассказывая Лафаргу о характере введения, он писал: «...Кроме общего обзора событий, происшедших с тех пор, следовало объяснить, почему тогда мы были вправе надеяться на близкую и окончательную победу пролетариата, почему этого не случилось и в какой степени последующие события изменили нашу тогдашнюю точку зрения. Это важно в связи с новыми законами, грозящими нам в Германии»². Энгельс опасался, что введение этих законов может спровоцировать социал-демократию на преждевременное восстание. Он считался также с возможностью того, что сам факт публикации социал-демократическим издательством статей Маркса с восторженной оценкой июньского восстания парижских рабочих может дать реакции повод обрушиться на социалистов, и поэтому старался придать введению как можно более осторожную форму. Однако это показалось недостаточным не только Фишеру, но и членам Правления партии Бебелю, Зингеру и Ауэру. Фишер сообщил Энгельсу, что они считают необходимым внести в текст определенные поправки и просят его дать свое согласие. Они исходили из того, что спорные места могут пойти на пользу противникам социал-демократии и облегчить правительству проведение через рейхстаг нового реакционного закона.

В ответном письме Фишеру от 8 марта³ Энгельс сообщил, что он по возможности учел высказанные ему серьезные опасения, хотя и разделяет их не больше чем наполовину. «Однако я не могу примириться с тем, что вы намерены присягнуть в верности абсолютной законности, законности при любых обстоятельствах...

Я считаю, что вы ничего не выиграете, если будете проповедовать абсолютный отказ от насильственных действий. В это никто не поверит, и ни одна партия ни в одной стране не заходит так далеко, чтобы отказаться от права противостоять беззаконию с оружием в руках»⁴.

Под давлением руководства германской социал-демократии Энгельс согласился внести некоторые исправления в персона-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 297.

² Там же, стр. 340.

³ См. «International Review of Social History», vol. XII, part 2, 1967, p. 181—182.

⁴ «Вопросы истории КПСС», 1968, № 7, стр. 4.

чальный текст рукописи, но категорически отверг все то, что могло бы дать основания истолковать его позицию в реформистском духе¹. Он откровенно высказал руководителям германской социал-демократии свое решительное осуждение абсолютизации легальных форм борьбы и отказа от насильственных революционных действий при всех обстоятельствах. Напоминая своим друзьям об их интернациональном долге, он писал: «Итак, когда дело дойдет до общих дебатов в рейхстаге, подумайте немного о том, что вы защищаете право на сопротивление... что вас слушают также старые революционеры, французы, итальянцы, испанцы, венгры, англичане, и что снова может прийти время — как скоро, кто знает, — когда придется серьезно считаться с тем фактом, что во время оно в Видене было вычеркнуто слово «законный»... Законность — пока и поскольку она нам подходит, но никакой законности любой ценой, даже на словах!»².

В этом письме наиболее отчетливо отразилась последовательно революционная позиция Энгельса, которую он, считаясь с обстановкой в Германии, не мог выразить с такой ясностью и полнотой даже в первоначальной рукописи своего «Введения».

В ответных письмах Бебель и Фишер заверяли Энгельса, что никому из них не приходит в голову давать обязательства соблюдать законность при всех условиях и проповедовать абсолютный отказ от насильственных действий, а предложенные ими поправки объясняются только напряженной обстановкой в Германии.

Свою оценку поправок, которые он вынужден был внести в текст «Введения», Энгельс дал в письме Каутскому 25 марта 1895 г. «Мой текст несколько пострадал из-за нерешительности наших берлинских друзей, опасавшихся законопроекта о предотвращении государственного переворота, с чем мне при данных обстоятельствах все же пришлось считаться»³.

Если Энгельс считал, что текст его «Введения» «несколько пострадал» из-за преувеличенной осторожности берлинских друзей, то каково же было его возмущение, когда он увидел, что 30 марта в «Vorwärts» была опубликована передовая под заглавием «Как делаем ныне революции», в которой содержалась весьма произвольная подборка цитат из «Введения», составленная таким образом, что создавалось впечатление, будто бы Энгельс является сторонником исключительно легальных средств борьбы. В связи с этим он писал Лафаргу: «Либкнехт только что сыграл со мной недурную шутку. Из моего введения к статьям Маркса о Франции 1848—1850 гг. он взял все, что могло ему послужить для защиты мирной, во что бы то ни стало противо-

¹ Поправки, внесенные в рукопись «Введения» при ее публикации в 1895 г., указаны в подстрочных примечаниях к этой работе (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 542—544, 546, 547).

² «Вопросы истории КПСС», 1968, № 7, стр. 5.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 367.

насильственной тактики, которую ему с недавнего времени угодно проповедовать, особенно теперь, когда в Берлине готовятся исключительные законы. Но эту тактику я рекомендую лишь для *Германии сегодняшнего дня*, да и то *со значительной оговоркой*. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактики нельзя было бы придерживаться целиком, а для Германии она уже завтра может стать неприемлемой»¹.

«Введение» было напечатано не только в брошюре, но и в «*Neue Zeit*», чему Энгельс после тенденциозной публикации в «*Vorwärts*» придавал особое значение.

Во вступительной части «Введения» Энгельс дает высокую оценку работы «Классовая борьба во Франции», ее места в истории марксизма. Он подчеркивает, что в ней впервые дана формула, кратко резюмирующая те экономические преобразования, к которым стремятся рабочие партии всех стран: «*присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения*». А именно этим «современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной «общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом»².

Оценивая свою и Маркса позицию, выработанную в 1848—1849 гг. и нашедшую отражение в «Классовой борьбе во Франции», Энгельс отмечает, что активная роль пролетариата в революции, особенно июньское восстание парижских рабочих, позволяли им надеяться, что начавшаяся великая борьба будет подниматься на все более высокую ступень и завершится окончательной победой пролетариата. «История показала, — пишет Энгельс, — что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства...»³.

Энгельс констатировал, что за истекшие после 1848—1849 гг. десятилетия промышленная революция охватила весь европейский континент, выдвинув борьбу между буржуазией и пролетариатом на передний план общественного развития. Существенные изменения произошли не только в объективных предпосылках революции, но и в самом пролетариате. «Тогда — множество туманных евангелий различных сект с их панацеями, теперь — одна общепризнанная, до предела ясная теория Маркса, четко формулирующая конечные цели борьбы; тогда —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 376, 379.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 531—532.

³ Там же, стр. 535.

разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — *единая* великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся по своей численности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе»¹.

Энгельс подчеркивает, что будущая социалистическая революция может быть только революцией большинства. «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью»². А для того, чтобы массы поняли это, нужна длительная, настойчивая работа. В этой связи Энгельс придавал громадное значение использованию буржуазной демократии, всеобщего избирательного права. Он видит крупную заслугу немецких социалистов в том, что «они дали своим товарищам во всех странах новое оружие — одно из самых острых, — показав им, как нужно пользоваться всеобщим избирательным правом»³. Это значительно расширило возможности легальной деятельности социалистических партий, создало благоприятные условия для завоевания ими на свою сторону широких масс рабочего класса и других слоев трудящихся. Но хотя, отмечает Энгельс, социалисты успешно используют легальные средства борьбы повсюду, где для этого имеются возможности, это не значит, что они отказываются от своего права на революцию.

Энгельс предупреждает, что, несмотря на все более широкое распространение марксизма, быстрый рост международной армии социалистов и успехи их легальной деятельности, победа в будущей социалистической революции достанется нелегко, так как наряду с благоприятствующими факторами появились и факторы, затрудняющие эту победу.

Важнейшим из этих факторов Энгельс считает переворот в военном деле, происшедший после франко-прусской войны. Теперь, писал он, «восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела»⁴.

Анализируя опыт прежних восстаний, Энгельс приходит к выводу, что даже в классические времена уличных боев баррикада оказывала больше моральное воздействие, чем материальное. Она была средством поколебать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока эта цель была до-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 536.

² Там же, стр. 544.

³ Там же, стр. 539.

⁴ Там же, стр. 540.

стигнута, — победа была одержана; если не удавалось — борьба кончалась поражением.

Изменения, происшедшие с 1848—1849 гг., подчеркивал Энгельс, пошли на пользу войск: возрастание численности армий, возможность быстрой переброски их с помощью железных дорог, новое, несравненно более мощное и эффективное вооружение. Наоборот, для инсургентов все условия изменились к худшему. Вряд ли все без исключения средние слои объединятся вокруг пролетариата, какая-то часть их будет поддерживать буржуазию. Если на стороне восставших окажется теперь больше прошедших службу солдат, то вооружить их будет гораздо труднее; к тому же доступное восставшим оружие не может сравниться с вооружением регулярной армии. Наконец, построенные после 1848 г. длинные, прямые и широкие улицы больших городов как нельзя лучше приспособлены для действия новых орудий и винтовок.

«Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть роли?» — спрашивает Энгельс и отвечает: «Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения, гораздо более благоприятными для войск. Будущая уличная борьба может, таким образом, привести к победе лишь в том случае, если это невыгодное соотношение будет уравновешено другими моментами. Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти так же, как и в течение всей великой французской революции, как и 4 сентября и 31 октября 1870 г. в Париже, предпочтут, надо думать, открытое наступление пассивной баррикадной тактике»¹.

Из этого абзаца, опущенного при публикации «Введения», ясно видно, что Энгельс вовсе не отрицал роли уличных боев в будущей социалистической революции. Он лишь подчеркивал, что невыгодное с военно-технической точки зрения соотношение сил должно быть уравновешено другими моментами: требуется громадная политическая и техническая подготовка, правильный выбор времени восстания, ввод в действие более значительных сил со стороны восставших, наступательная тактика.

Охарактеризовав все трудности восстания в новых условиях, Энгельс предупреждает немецких рабочих против возможных провокаций, против попыток преждевременного выступления. Успехи, достигнутые германской социал-демократией, пишет он, позволяют надеяться, что она в сравнительно недалеком будущем станет решающей политической силой в стране.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 543.

Поэтому всякое неподготовленное, преждевременное выступление было бы только на руку правящим классам. Задача партии состоит в том, чтобы «не уничтожать этот крепнувший с каждым днем ударный отряд в авангардных схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня»¹. Однако Энгельс предвидит и возможность того, что господствующие классы сами встанут на путь нарушения конституции. Тогда, пишет он, обращаясь к правителям Германской империи, «социал-демократия тоже будет свободна от своих обязательств и сможет поступить по отношению к вам, как она сочтет нужным. Но что именно она сделает, — эту тайну она вряд ли поведает вам теперь»².

Завесу над этой тайной приоткрывает конец «Введения», где Энгельс проводит аналогию между борьбой, происходившей в Римской империи почти 1600 лет назад, и положением в современной Германской империи. Там тоже существовала «партия переворота». «Она подрывала религию и все основы государства, она прямо-таки отрицала, что воля императора — высший закон, она не имела отечества, была интернациональной... Эта партия переворота, известная под именем христиан, имела много сторонников и в войсках...»³. Император Диоклетиан, обеспокоенный нарушением порядка и дисциплины в войсках, «издал закон против социалистов, — то бишь против христиан», который остался безрезультатным. После этого были предприняты массовые гонения на христиан, но они привели к тому, что через 17 лет подавляющее большинство армии составляли христиане.

Так в иносказательной форме Энгельс выразил мысль о важности социалистической пропаганды в армии, о необходимости революционизирования ее. Завоевание возможно большего числа солдат на сторону социал-демократии, разложение изнутри основной опоры господствующих классов — армии — таков был тот важнейший «уравновешивающий момент» в будущих революционных схватках, о котором при сложившейся политической ситуации в Германии Энгельс не мог сказать прямо и открыто.

Таким образом, Энгельс выступает против двух одинаково ошибочных и опасных крайностей. Он предостерегает от субъективизма, волюнтаризма, попыток преждевременных восстаний, подчеркивает необходимость завоевания большинства народа и армии на сторону пролетариата. С другой стороны, высоко оценивая значение всеобщего избирательного права, парламентской деятельности социалистов, использования ими легальности для подготовки широких народных масс к революции, Энгельс вовсе не абсолютизирует эти формы борьбы; он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 546.

² Там же, стр. 547.

³ Там же, стр. 547—548.

подчеркивает необходимость использования всех форм — мирных и немирных, легальных и нелегальных, умения в надлежащий момент перенести классовую борьбу с парламентской арены на арену широкой революционной борьбы.

Большое место отводит Энгельс вопросу о вооруженном восстании. Он дает образец конкретно-исторического подхода к этой высшей форме революционной борьбы, трезвого учета всех, изменяющихся в ходе истории, благоприятных и неблагоприятных шансов восстания — как политических и моральных факторов, так и военно-технической стороны.

Как известно, введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» подверглось ложному истолкованию сначала со стороны Бернштейна, провозгласившего после смерти Энгельса необходимость ревизии марксизма, а вслед за тем и со стороны других оппортунистов II Интернационала. Была создана легенда о том, что это «Введение» является «политическим завещанием» Энгельса, в котором он якобы отрекся от своих и Маркса революционных воззрений, отказался от идеи завоевания политической власти с помощью революционного переворота, признав единственно возможным мирный, законный, парламентский путь к социализму. Само «Введение», даже в том измененном виде, в каком оно было тогда опубликовано, не давало оснований для такого рода измышлений, и чтобы положить им конец, достаточно было напечатать полностью первоначальный текст «Введения» Энгельса, не говоря уже о приведенных выше его письмах. Однако руководство германской социал-демократии, располагавшее необходимыми документами, не сделало этого. Наиболее важные поправки и купюры в рукописи, сделанные Энгельсом по настоянию руководства германской социал-демократии, были впервые опубликованы в 1924 г. в первой книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». Впервые полный текст «Введения» был опубликован в СССР в 1930 г. Но хотя это документально и опровергало грубую фальсификацию взглядов Энгельса, некогда созданная оппортунистами легенда до сих пор распространяется социал-демократическими и буржуазными историками. Опубликованные лишь недавно письма Энгельса от 8 марта 1895 г., а также письма Фишера и Бебеля окончательно кладут конец этой клеветнической легенде.

Мысли о будущем обществе

Разрабатывая проблемы социалистической революции, Энгельс стремился заглянуть еще дальше вперед и хотя бы в самых общих чертах наметить те задачи, которые встанут перед пролетарскими партиями после завоевания власти — и в переходный период, и тогда, когда социализм превратится в реальную действительность.

Эти мысли Энгельса о переходном периоде и о будущем социалистическом обществе, содержащиеся в ряде его статей и

писем последних лет, как бы дополняют и конкретизируют Марксову «Критику Готской программы», а также и то, что было высказано им самим раньше в «Анти-Дюринге», в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» и в других работах.

Говоря о будущем обществе, Энгельс не раз подчеркивал, что речь может идти лишь о некоторых главных чертах, основных закономерностях, определить которые можно исходя из уже известных фактов и тенденций развития, а не о деталях, для суждения о которых жизнь не давала еще материала. «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? — переспросил Энгельс корреспондента французской газеты «Figaro», бравшего у него интервью в мае 1893 г.— Вы и намека на них не найдете у нас. Мы будем уже удовлетворены, когда нам удастся передать средства производства в руки всего общества...»¹.

Необходимым условием перехода к новому общественному строю Энгельс считал наличие не только материальных предпосылок будущего общества, но и, как он писал в приветствии венгерским социал-демократам в мае 1894 г., «тех людей, мужчин и женщин, которые одни будут обладать достаточной силой и волей, чтобы строить это новое, лучшее общество»².

Высокая сознательность, несокрушимая воля, революционная энергия необходимы этим людям уже потому, что за победой социалистической революции последует весьма сложный и нелегкий переходный период. Вопрос о переходных этапах к коммунистическому обществу, по словам Энгельса, «это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют, так как условия беспрерывно меняются»³.

Энгельс разъяснял, что историческая обстановка, в которой произойдет социалистическая революция, обстоятельства, при которых пролетарская партия возьмет в свои руки власть, и способ, каким она этого достигнет,— все это наложит свою печать на переходный период и на программу действий новой политической власти.

Считая невозможной разработку такой конкретной программы действий на все и всяческие случаи, Энгельс все же намечает основные черты и общие закономерности «связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении переходного времени»⁴. Громадную роль отводит он новой политической власти, созданной в результате социалистической революции. Только с помощью этой власти — диктатуры пролетариата — рабочий класс сможет по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 563.

² Там же, стр. 464.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 108.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 212.

давить сопротивление своих врагов и осуществить социально-экономическое переустройство общества.

Энгельс предвидит возможность того, что в период революции и сразу же после завоевания власти пролетариатом все его противники, все реакционные силы будут объединяться вокруг лозунга «чистой демократии», противопоставляя ее диктатуре пролетариата.

Понимая, что пролетарская власть столкнется с громадными трудностями, в особенности в странах, где еще сохранилось большое число мелких крестьян, а также считаясь с неизбежностью ряда серьезных промахов и ошибок, Энгельс не сомневался в том, что пролетарское государство, овладев командными высотами в экономике и опираясь на поддержку широких трудящихся масс, успешно преодолет все эти трудности. В августе 1890 г. он писал: «Итак, имея достаточное количество приверженцев среди масс, крупную промышленность и крупное земледелие типа латифундий можно будет обобществить очень быстро, поскольку политическая власть будет находиться в наших руках. Остальное, быстрее или медленнее, последует за этим. А с крупным производством мы будем хозяевами положения»¹.

Чтобы наладить крупное производство на социалистических началах, потребуется большое количество специалистов. Эта проблема также привлекла внимание Энгельса. Он полагает, что успехи социалистического движения уже в ближайшее время привлекут в партию техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов, школьных учителей и т. д. В случае же нехватки специалистов, пишет он, «на худой конец мы можем купить их для себя так же, как это делают капиталисты, а если несколько предателей — которые наверняка окажутся в этом обществе — будут наказаны как следует в назидание другим, то они поймут, что в их же интересах не обкрадывать нас больше»².

Помимо основной задачи — экономического переустройства общества — перед пролетарским государством встанет ряд важнейших политических задач. К их числу относится разрешение национального вопроса. Придя к власти, пролетарская партия «не сможет ни использовать ее, ни удержать в своих руках, не исправив тех несправедливостей по отношению к другим нациям, которые были совершены ее предшественниками»³.

Спорные национальные и территориальные вопросы между различными государствами, являвшиеся раньше поводами для вооруженных конфликтов, будут устранены, когда власть в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 381.

² Там же, стр. 380.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 22, стр. 256.

этих государствах перейдет к пролетариату. «Между социалистической Францией и социалистической Германией не может возникнуть никакого вопроса об Эльзас-Лотарингии, вопрос этот будет разрешен в мгновение ока»¹.

Энгельс предвидит, что победа пролетариата принесет величайшее благо всему человечеству, поскольку она «уничтожит классовые антагонизмы и войны между народами и осуществит мир и счастье в цивилизованных странах»².

Энгельс подчеркивает также значение будущих социалистических преобразований для женщины-работницы, женщины-матери, от которой зависит здоровье будущего поколения. Отмечая недостаточность формального равноправия женщин, Энгельс пишет: «Действительное равноправие женщины и мужчины может, по моему убеждению, осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а ведение домашнего хозяйства, которое является теперь частным занятием, превратится в отрасль общественного производства»³.

При анализе проблем социалистического общества Энгельс требует диалектического подхода. Социалистическое общество, указывал он в августе 1890 г., не является «какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям. Решающее его отличие от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общей собственности сначала отдельной нации на все средства производства»⁴.

В противовес туманным рассуждениям о социализме здесь дано сжатое определение коренного отличия социалистического общества от капитализма. Это отличие — общественная собственность на средства производства, причем, как видно из определения Энгельса, собственность всего народа в целом, что обеспечивает ведение хозяйства «в интересах всего общества и по заранее намеченному плану»⁵. Он подчеркивал, что это требует самого широкого участия масс в управлении производством.

Энгельс касается и проблемы распределения в социалистическом обществе в связи с дискуссией, развернувшейся по этому вопросу в 1890 г. в газете «*Berliner Volks-Tribüne*». Он одобряет отказ участников дискуссии от абстрактных, идеалистических фраз о справедливости. «Но, как ни странно, — пишет он К. Шмидту 5 августа 1890 г., — никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 256.

² Там же, стр. 461.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 294.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 380.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 242.

зависит от того, *какое количество* продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения»¹.

Вернувшись в марте 1895 г. к этой проблеме в другой связи, Энгельс пишет, что основным путем к увеличению количества продуктов будет «уплотнение труда, проистекающее из улучшения механизмов», которое при социализме «не только не прекратится, но мы сможем его еще значительно увеличить»².

Величайшее преимущество нового общества Энгельс видит в том, что с установлением общественной собственности на средства производства впервые в истории все блага науки, культуры будут идти на пользу не незначительному привилегированному меньшинству, а всему обществу в целом и каждому индивидууму в отдельности. В этом обществе, писал Энгельс в введении к работе Маркса «Наемный труд и капитал», «средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться»³. В процессе изменения мира люди нового общества будут изменять и самих себя, добавляя к прежним духовным ценностям новые, все более высокие качества.

В социалистическом обществе получит свое воплощение и развитие тот подлинный, действенный гуманизм, который Маркс и Энгельс противопоставили абстрактному, а потому и бессильному гуманизму своих предшественников — социалистов-утопистов и Фейербаха.

Какое значение придавал Энгельс гуманизму социалистического общества, видно из его письма к итальянскому социалисту Джузеппе Канепа, обратившемуся к нему с просьбой подыскать для нового еженедельника «L'Era nuova» эпиграф, в котором была бы выражена основная идея грядущей эры — социализма — в противоположность старой эре, о которой Данте сказал: «Одни люди властвуют, а другие страдают». В ответ на эту просьбу Энгельс написал: «Я пытался подыскать Вам одну строчку для такого эпиграфа, как Вы просили, в произведениях Маркса, единственного социалиста нашего времени, достойного быть поставленным рядом с великим флорентийцем. Но я не нашел ничего подходящего, кроме разве следующей фразы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 370.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 364.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 212.

из «Коммунистического манифеста» (итальянское издание «Critica Sociale», стр. 35): «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹.

В уничтожении капиталистической собственности, в освобождении от всякой эксплуатации Маркс и Энгельс видели основное, решающее условие для подлинной свободы личности и ее внутренней, органической связи с обществом, для расцвета всех способностей и талантов человека. Этот величайший гуманизм социалистического общества Энгельс считал основной идеей грядущей новой эры.

Всегда в бою

Бороться за великое дело освобождения пролетариата, за светлое будущее всего человечества — в этом видел Энгельс смысл своей жизни, источник величайшей радости и вдохновения. Служить самому революционному классу общества — это значило быть как нельзя более сопричастным к истории, активно содействовать живому, противоречивому и в то же время закономерному движению общества к коммунизму. Эту мысль Энгельс со свойственной ему глубиной и силой выразил в письме своему знакомому, английскому геологу Джорджу Уильяму Ламплу: «Природа величественна, и, чтобы отдохнуть от движения истории, я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния. Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора. Но это утомительно, в особенности, если полагаешь, что призван содействовать этому процессу; и вот тогда изучение природы оказывается большим отдохновением и облегчением. Ведь в конце концов природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя»².

Придавая громадное значение творческому развитию марксизма в тесной связи с непрерывно изменяющейся действительностью, с новым опытом борьбы пролетариата, Энгельс в последние годы своей жизни все чаще выражал беспокойство

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 166.

² Там же, стр. 55—56.

по поводу недостатка теоретически мыслящих людей в социалистических партиях, даже в самой передовой из них — германской. «Таких людей среди молодого поколения в Германии удивительно мало, — писал он К. Шмидту в октябре 1889 г. — Бебелю, обладающему выдающимися теоретическими способностями, практическая партийная работа не дает проявлять это его лучшее качество иначе, как в применении теории к практической деятельности. Бернштейн и Каутский оставались, таким образом, до сих пор пока единственными, но и Бернштейн слишком занят практической деятельностью, чтобы иметь возможность работать и совершенствоваться в теоретической области так, как он хотел бы и мог»¹.

Но и у таких подававших надежды людей, как Бернштейн и Каутский, Энгельс подмечал серьезные недостатки. Так, о Бернштейне он писал, что тот отличается преувеличенной беспристрастностью, которая приводит к тому, что «при разборе спорных случаев он всегда более снисходителен к врагу»², Энгельс не раз отмечал «комическое уважение Эде [Бернштейна. — *Ред.*] к фабианцам», переоценку их³. В ноябре 1893 г., через три года после того как Бернштейн перестал быть редактором центрального органа партии, Энгельс писал Каутскому, что Бернштейн «уже достаточно упрочил за собой репутацию человека, который потерял контакт с массами»⁴. Однако Энгельс склонен был объяснять некоторые его недостатки неврастенией, перегруженностью работой.

Каутский также страдал излишним почтением к «респектабельному» социализму фабианцев. В письмах к нему Энгельс критиковал его за это. «При всем том, — писал он, — я не требую, чтобы ты относился к этим людям как к врагам. Но, на мой взгляд, тебе, как, впрочем, и всякому другому, не следует ограждать их от критики»⁵.

Особенно насторожил Энгельса тот факт, что Бернштейн и Каутский, предпринимая в начале 1894 г. большое издание «История социализма в отдельных очерках» и привлекая к этому широкий круг лиц, не только не пригласили его сотрудничать, но даже пытались сохранить этот план в тайне от него. Когда же Каутский в мае 1895 г. вынужден был обратиться к Энгельсу с просьбой написать для «Истории социализма» о I Интернационале, тот ответил решительным отказом.

Начиная с 1892 г. внимание Энгельса все больше привлекал Франц Меринг. О его передовых в «*Neue Zeit*» Энгельс писал, что они «на самом деле совершенно великолепны». Ознакомившись в этом же журнале с работой Меринга «Легенда о Лес-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 243.

² Там же, стр. 331.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 363, 368.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 139.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 380.

синге», Энгельс написал Бебелю: «Отрадно видеть, что материалистическое понимание истории, после того как оно в течение 20 лет, как правило, оставалось в работах молодых членов партии только трескучей фразой, наконец начинает применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории»¹.

Энгельс был обрадован, когда Меринг в апреле 1895 г. предложил ему свою помощь в собирании ранних работ Маркса. С благодарностью приняв это предложение, он сообщил Мерингу ряд важных данных, которые могли помочь ему в розыске статей Маркса в «*Rheinische Zeitung*». Так было положено начало собиранию Мерингом литературного наследия основоположников марксизма, а вместе с тем и его исследовательской работе как будущего биографа Маркса.

Энгельс не жалел времени и сил, чтобы научить теоретические кадры партии, а также и других людей, действительно интересовавшихся марксизмом, правильному, а не вульгарному его пониманию, предостеречь от превращения его в мертвую догму, побудить к творческому развитию этого вечно живого революционного учения. Он стремился вооружить диалектико-материалистическим методом и политических руководителей партий, научить их творческому применению марксизма в конкретных условиях каждой страны, на том или ином этапе ее исторического развития. Блестящие примеры применения материалистической диалектики в области революционной практики, в руководстве международным социалистическим движением давал он сам.

Неоценимое значение имели для руководителей партии письма Энгельса, в которых они находили ответы на свои вопросы, ценнейшие советы, как похвалу и поддержку, так и откровенную товарищескую критику. Написанные четким, почти каллиграфическим почерком, письма отличались не только глубоким содержанием, но и великолепным стилем. В этом постоянном общении с руководящими деятелями социалистического движения Энгельс не только учил, но и учился сам у людей, находившихся в центре практической революционной борьбы. Он вовсе не считал себя непогрешимым, застрахованным от каких-либо ошибок. Высказав тот или иной взгляд в своих печатных работах или письмах, Энгельс запрашивал мнение своих друзей и соратников, охотно выслушивал их замечания, иногда соглашаясь с ними, а иногда вступая в спор без всякой обиды и раздражения.

Энгельс вел переписку с деятелями больших или малых социалистических партий на равных началах, решительно отвергая всякие, даже самые искренние знаки преклонения перед

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 268—269.

его особой. Так, когда Плеханов в своих письмах к Энгельсу обращался к нему «Дорогой учитель!», Энгельс ответил: «Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс»¹. Как и Маркс, Энгельс был слишком велик для честолюбия, тщеславия, он не выносил никаких дифирамбов по своему адресу.

Главное, что объединяет все письма Энгельса, направленные разным людям в разные страны, — это материалистическая диалектика. Красной нитью через эти письма проходит мысль о диалектической взаимосвязи между общим и особенным, основными принципами марксизма и их конкретным преломлением в специфических условиях различных стран. Выступая против нарушения этой органической связи, абсолютизации того или другого, Энгельс боролся, с одной стороны, против сектанства, всякого шаблона, догматизма, не учитывающего своеобразия рабочего движения той или иной страны, а с другой — против недооценки или даже отрицания универсального значения марксизма, его основных принципов для последовательно революционной деятельности любой социалистической партии.

Большой интерес в этом отношении представляет письмо Энгельса в редакцию журнала «*Critica Sociale*» от 27 октября 1894 г., опубликованное под названием «Социализм международный и социализм итальянский». Оно было написано по просьбе редактора журнала Ф. Турати, который сообщил Энгельсу о преследованиях, обрушившихся на итальянских социалистов, и о кампании, поднятой буржуазной прессой против них. Если раньше, писал Турати, нас обвиняли в том, что мы стремимся распространить марксизм в чистом виде в такой стране, которая не подготовлена для этого, что мы хотим «германизировать» итальянский пролетариат, то теперь нас обвиняют в том, что якобы в отличие от других социалистических партий, в первую очередь германской, мы проповедуем классовую борьбу и стремимся к завоеванию государственной власти².

Энгельс счел необходимым дать решительный отпор этим измышлениям буржуазной прессы, направленным на то, чтобы противопоставить идеологию и тактику одной национальной рабочей партии другим отрядам международного социалистического движения. «Если итальянские социалисты, — писал он, — провозглашают «классовую борьбу» как господствующий фактор в том обществе, в котором мы живем, если они организуются в «политическую партию, ставящую себе целью завоевать государственную власть и руководить национальными

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 209.

² См. *La Corrispondenza di Marx e Engels con italiani*, p. 567.

делами», то они ведут марксистскую пропаганду в подлинном смысле слова; они строго придерживаются линии, указанной в «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном Марксом и мной в 1848 году; они действуют так же, как действуют и социалистические партии Франции, Бельгии, Швейцарии, Испании и прежде всего Германии»¹.

В этом письме с особой силой подчеркнута значение марксизма как единого интернационального учения. Именно это единство основных принципов и общих закономерностей социалистического движения при всем многообразии его конкретных форм и тактических приемов в различных странах позволяло Энгельсу, говоря о международном социализме, употребить выражение «наша партия».

Единство международного социалистического движения Энгельс ценил превыше всего. При этом он считал возможными и желательными дискуссии по новым проблемам, выдвигаемым жизнью, практикой революционной борьбы, необходимостью дальнейшего развития марксизма. «Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии, но общие принципы должны неизменно соблюдаться»², — говорил он на Цюрихском конгрессе II Интернационала. В защите общих, основных принципов марксизма Энгельс был непримирим и беспощаден. Каждый, кто отступал от этих принципов, кто сходил с четких классовых позиций, должен был испытать на себе всю силу его критического ума.

Так, он резко критиковал людей, «которые со своей «беспристрастной» высшей точки зрения проповедуют рабочим социализм, парящий высоко над их классовыми интересами и классовой борьбой и стремящийся примирить в высшей гуманности интересы обоих борющихся классов. Но это или новички, которым нужно еще многому поучиться, или злейшие враги рабочих, волки в овечьей шкуре»³.

Будучи общепризнанным вождем всего социалистического движения, Энгельс стремился помочь руководителям рабочих партий в их поисках верного решения сложных проблем, убедить их в правильности своей позиции по тому или иному вопросу. При этом он проявлял величайший такт и требовал того же от других. Однако, если кто-либо из руководителей партий, по недомыслию или исходя из узкоместнической точки зрения, мешал уже согласованному ранее единому интернациональному действию, Энгельс умел проявить необходимую в этом случае требовательность и настойчивость.

Громадному авторитету Энгельса способствовала органически свойственная ему абсолютная честность, правдивость.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 497—498.

² Там же, стр. 426.

³ Там же, стр. 277.

«Если я пользуюсь доверием у рабочих,— писал он,— то это потому, что я при всех обстоятельствах говорю им правду и только правду»¹. Больше всего на свете Энгельс ненавидел фальшь и лицемерие. «Одного только Энгельс никогда не прощает — лицемерия,— писала Элеонора Маркс-Эвелинг.— Человек, который неискренен с самим собой, а тем более который не верен партии, не найдет никакой пощады у Энгельса»².

Моральный авторитет Энгельса был настолько велик, что к нему нередко обращались по вопросу о том, как оценить тот или иной поступок с точки зрения морали, партийной этики. Когда Ньювенгейс обратился к Энгельсу с такого рода вопросом, он ответил: «...Решающим должно быть то, какое впечатление произведет подобный поступок с Вашей стороны на товарищей по партии, а также на все, находящиеся еще вне партии, рабочие массы; останется ли общественное мнение рабочих равнодушным к этому или же это восстановит его против социал-демократии»³. Интересы партии, интересы пролетариата Энгельс считал главным и решающим критерием при рассмотрении любого вопроса, в том числе и относящегося к социал-демократическому «кодексу чести» — к партийной этике.

Вдохновляющим примером для руководителей и рядовых членов социалистических партий была самоотверженность Энгельса, его глубокое сознание партийного долга. У Энгельса, отмечала Элеонора, «чувство долга и в особенности партийная дисциплина выше, чем у всех, кого я знаю»⁴. Это сознание своего долга перед партией, перед рабочим классом, перед памятью Маркса являлось для Энгельса громадным стимулом в жизни, в борьбе.

И на склоне лет Энгельс был всегда в бою. Без этого жизнь, которую он так любил, теряла для него всякий смысл. «В тот момент, когда я уже не в состоянии буду вести борьбу, пусть дано мне будет умереть»⁵,— писал Энгельс в ответ на поздравления к его 70-летию.

Молодость духа

И в 70 лет, и позже Энгельс был бодр и телом и душой. По его высокой, прямой, подвижной фигуре, чуть седеющей бороде, голове, на которой нельзя было найти ни одного седого волоса, ему можно было дать не более пятидесяти лет. «Но если по внешности Энгельс выглядит молодым, внутренне он еще моложе, чем выглядит. Он — поистине самый молодой человек из всех, кого я знаю»⁶,— писала Элеонора.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 290.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 188.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 433.

⁴ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 188.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 92.

⁶ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 187.

Эту молодость духа Энгельс сохранил до конца своих дней. По-прежнему он поражал всех могучей силой своего интеллекта, феноменальной памятью, неутомимой энергией, собранностью и организованностью в работе. Воспоминания об Энгельсе, чьему бы перу они ни принадлежали, проникнуты восхищением, которое вызывали благородство его натуры, его кристальная чистота, простота и скромность, его личное обаяние, цельность всего его образа мыслителя, революционера, человека. У Энгельса его товарищи по партии черпали не только знания и опыт, но и волю к борьбе, исторический оптимизм, непоколебимую уверенность в победе.

К Энгельсу можно было всегда обратиться не только за советом, но, в случае нужды, и за материальной помощью. «Если по отношению к самому себе,— писал Поль Лафарг,— он был экономным и позволял себе только такие расходы, которые считал безусловно необходимыми, то по отношению к партии и партийным товарищам, обращавшимся к нему в нужде, он проявлял безграничную щедрость»¹.

При всей своей доброжелательности Энгельс был сдержан в общении с чужими, незнакомыми ему людьми. «...Он должен был хорошо изучить человека прежде чем оказать ему доверие»²,— писал старый соратник Энгельса Лесснер. Чуждым партии или сомнительным людям Энгельс мог написать резкий ответ или без всяких церемоний закрыть перед ними двери своего дома. Зато эти двери были широко открыты не только для руководителей, но и для рядовых борцов социалистических партий, а также для многих прогрессивных ученых, деятелей культуры.

В начале октября 1894 г. Энгельс переехал из дома № 122 на Риджентс-парк-род в дом № 41 по той же улице. Причиной переезда было то, что Луиза Каутская, выполнявшая роль секретаря Энгельса и хозяйки его дома, вышла замуж за доктора Л. Фрейбергера и они ожидали ребенка. Потребовалась более обширная квартира. Как ни велики были трудности с арендой нового дома и переездом в него, Энгельс решил на это. «...У меня не было никакого желания попасть на старости лет в руки чужих людей...»³,— писал он своему брату Герману. Новый дом был более удобен как для работы Энгельса, так и для его отдыха. Расположенные поблизости Риджентс-Парк и Примроз-Хилл были обычным местом его послеобеденных прогулок. Иногда Энгельс направлялся в Хемстед-Хис, где он когда-то прогуливался с Марксом.

Новый дом больше, чем прежний, отвечал и потребностям Энгельса как гостеприимного хозяина. По установившемуся обычаю с 7—8 часов вечера, когда Энгельс из-за ослабевшего

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 86.

² Там же, стр. 173.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 313.

зрения уже не мог работать, и по воскресеньям он принимал гостей. Но многие приходили и в неурочное время.

По воскресеньям за обеденным столом у Энгельса собиралось поистине интернациональное общество. Разговор велся обычно на трех языках — английском, немецком и французском. Но бывали случаи, когда звучала и русская речь, притом из уст самого Энгельса. Жена Степняка-Кравчинского Ф. М. Кравчинская, вспоминая о своем первом посещении Энгельса, рассказывает, что, будучи вообще застенчивым человеком, она была смущена еще и тем, что не знала ни одного иностранного языка. Энгельс обратился к ней по-русски и процитировал несколько строк из первой главы «Евгения Онегина».

Разумеется, в доме Энгельса разговоры шли прежде всего о политике. Беседы носили самый непринужденный характер, каждый высказывал свое мнение, возникали споры. Все бывавшие у Энгельса восхищались им как великолепным собеседником. Не считая себя оратором и избегая публичных выступлений, Энгельс в действительности был мастером не только печатного, но и устного слова. То, что он говорил, было глубоко по содержанию и блестяще по форме.

Но у Энгельса разговоривали не только о политике. За столом обычно царили непринужденность и веселье. Свойственная Энгельсу «старая рейнская жизнерадостность» не покидала его никогда. «Всегда веселый и хорошо настроенный,— вспоминал Бебель,— он обладал изумительной памятью на всякие мелкие эпизоды и комические ситуации своей бурной жизни. В веселом обществе он занимал этим всю публику и оживлял беседу... Энгельс располагал внушительным запасом вин и был доволен, когда гости воздавали им должное»¹.

Любитель песни, Энгельс иногда запевал сам, иногда побуждал к этому других. Особенно любил он старинную английскую сатирическую народную песню о брейском викарии, которую сам перевел на немецкий язык и опубликовал в «Sozialdemokrat»². В этой песне, отличающейся превосходной мелодией, священнослужитель английской церкви с гордостью рассказывает о том, с какой легкостью и быстротой он при каждой смене короля менял свою политическую и религиозную личину: «Я новый ветер вмиг учел и парус переставил». Охотно распевал Энгельс также старую студенческую песню «Крамбамбули». В первомайские праздники у Энгельса с вдохновением пели «Марсельезу».

Особенно людно и весело бывало в доме Энгельса в дни его рождения. В его адрес непрерывным потоком шли письма и телеграммы. Когда отмечалось его 74-летие, товарищи по партии из разных стран поздравляли его не только с днем рожде-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, стр. 219—220.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 318—320.

ния, но и с выходом III тома «Капитала». Эта книга, отмечали многие, явилась плодом труда двоих — Маркса и Энгельса.

Отвечая на поздравления к своему 74-летию, Энгельс с сожалением констатировал, что «74 и 47 — совсем разные вещи»: хотя он еще бодр и подвижен, но уже начинает чувствовать себя стариком. «Что ж, ничего не поделаешь, но хорошее настроение меня из-за этого не покидает»¹.

Только что закончив работу над III томом «Капитала», Энгельс уже продумывал план своих будущих работ. А план этот был весьма обширен. На очереди была публикация писем Лас-саля к Марксу, которую Энгельс намеревался снабдить своими примечаниями и предисловием. Потом переработка «Крестьянской войны в Германии». Далее Энгельс собирался написать хотя бы основные главы политической биографии Маркса: периоды 1842—1852 гг. и I Интернационала. Последнюю главу он считал особенно важной и поэтому думал начать с нее. Кроме того, он начал подготовку переиздания ранних произведений Маркса и своих собственных. А затем IV том «Капитала».

Сообщая об этом плане Лауре Лафарг, Энгельс писал: «Мое положение таково: 74 года, которые я начинаю чувствовать, и столько работы, что ее хватило бы на двух сорокалетних. Да, если бы я мог разделить самого себя на Ф. Энгельса 40 лет и Ф. Энгельса 34 лет, что вместе составило бы как раз 74 года, то все быстро пришло бы в порядок. Но при существующих обстоятельствах все, что я могу, это продолжать свою теперешнюю работу и работать возможно больше и возможно лучше»².

Этот план Энгельса охватывал лишь его научные труды, но много времени и сил он по-прежнему посвящал политической деятельности. До последнего дня своей жизни он хотел оставаться в боевом строю. Энгельс мечтал «заглянуть в новое столетие», которое, как он предвидел, будет веком победы коммунизма. Этой его мечте не суждено было осуществиться.

В течение 1894 г. Энгельс все чаще испытывал различные недомогания, подвергался простуде. В марте 1895 г. он писал своим друзьям, что «опять немного расклеился», но надеется, что через пару недель все это пройдет. Однако уже в это время доктор Фрейбергер сообщил Адлеру, что обнаружил у Энгельса рак пищевода. Этот диагноз решено было скрыть от больного.

В начале мая у Энгельса появилась опухоль на шее, сильные боли, бессонница. В первых числах июня он поехал в свой любимый Истборн, куда к нему приезжали Лаура Лафарг, Элеонора и Эдуард Эвелинги, чета Фрейбергеров, С. Мур, В. Адлер и другие друзья. По свидетельству Адлера, Энгельс пере-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 315.

² Там же, стр. 288.

носил мучительные боли «со стоицизмом, даже с юмором»¹. Он не утратил юмора даже тогда, когда уже не мог говорить и должен был прибегать к помощи аспидной доски и грифеля.

Будучи уже тяжело больным, Энгельс интересовался всеми событиями и почти до последнего дня продолжал работать. 3 апреля он послал Лафаргу подробные замечания на его работу «Происхождение и развитие собственности». 10 апреля написал одобрительный отзыв немецкому экономисту Стефану Бауэру на его монографию о физиократах, о Кенэ. 21 мая в письме Каутскому дал подробную оценку его работы «От Платона до анабаптистов» и сообщил о намерении прислать в «*Neue Zeit*» свои дополнения к III тому «Капитала» — 1) о законе стоимости и норме прибыли и 2) об изменении роли биржи после 1865 г., когда Маркс писал о ней. В начале июля Энгельс направил А. Лабриоле краткий отзыв о первой части его статьи «В память о «Манифесте Коммунистической партии»». «Жажду увидеть все остальное»², — писал он. Энгельс вел переписку и с другими своими корреспондентами. Последнее написанное им лично письмо было 23 июля послано из Истборна Лауре Лафарг. А на следующий день Энгельс в тяжелом состоянии был перевезен в Лондон.

5 августа 1895 г. в 10 ч. 30 м. вечера Фридрих Энгельс скончался.

Прожив большую и яркую жизнь, Энгельс относился к смерти с философским спокойствием. Чтобы избежать каких-либо неожиданностей, он еще перед поездкой в Цюрих 29 июля 1893 г. составил завещание; 14 ноября 1894 г. он написал письмо своим душеприказчикам, а 26 июля 1895 г. — дополнение к завещанию. Своими душеприказчиками Энгельс назначил С. Мура, Э. Бернштейна и Л. Каутскую (Фрейбергер). Все свое имущество он завещал Лауре Лафарг, Элеоноре Маркс-Эвелинг и Луизе Каутской. Энгельс позаботился и о детях умершей дочери Маркса Женни Лонге. Так как обеспечение их будущего путем завещания затруднялось английскими законами, Энгельс в письме Лауре и Элеоноре 14 ноября 1894 г. выразил желание, чтобы из $\frac{3}{8}$ его имущества, которые получала каждая из сестер, они сохранили по $\frac{1}{8}$ для детей Женни и использовали их по своему усмотрению вместе с опекуном этих детей Полем Лафаргом. Значительную сумму денег Энгельс оставил Мери Эллен Рошер — племяннице Мери и Лиззи Бёрнс.

Что касается литературного наследства, то все хранившиеся у Энгельса рукописи Маркса и его переписка (кроме переписки между Марксом и Энгельсом) должны были быть переданы Элеоноре Маркс-Эвелинг, как законной представительнице наследников Карла Маркса. Свои рукописи и всю переписку,

¹ Mohr und General. Erinnerungen an Marx und Engels. Berlin, 1964, S. 593.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 408.

в том числе и переписку с Марксом, Энгельс завещал А. Бебелю и Э. Бернштейну. Он сделал исключение для писем Лафаргов, Эвелингов, Фрейбергеров и своих родственников, которые распорядился вернуть их авторам.

Все свои книги, свои авторские права, а также 1000 фунтов стерлингов Энгельс завещал германской социал-демократической партии в лице ее представителей А. Бебеля и П. Зингера.

В письме к душеприказчикам от 14 ноября 1894 г. Энгельс выразил желание, чтобы тело его после смерти было предано кремации, а прах погружен в море.

Согласно воле Энгельса, похороны его носили очень скромный характер. 10 августа на траурном митинге в здании вокзала Ватерлоо присутствовали лишь его друзья и соратники по борьбе — всего около 80 человек. Гроб Энгельса был покрыт цветами и венками, на широких красных лентах которых социальсты Германии, Австрии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Голландии, России, Польши, Болгарии выражали искреннюю благодарность своему учителю и вождю и глубокую скорбь по поводу его кончины. От имени русских социалистов венок на гроб возложила Вера Засулич. Русское народническое движение представляли С. М. Кравчинский (Степняк), Ф. В. Волховский, Л. Б. Гольденберг. От армянских социалистов возложил венок А. Назарбеков. Из множества стран поступило громадное количество писем и телеграмм. С речами у гроба выступили С. Мур, В. Либкнехт, П. Лафарг, А. Бебель (по поручению австрийской социал-демократии), Э. Ансель — от бельгийских социалистов, Ф. ван дер Гус — от голландских социал-демократов, Л. Б. Гольденберг — от группы бывших народовольцев и от имени П. Л. Лаврова. От родственников Энгельса выступил его племянник Шлахтендаль. После гражданской панихиды тело Энгельса было кремировано в Уокинге, близ Лондона. Лишь очень небольшой круг лиц присутствовал при кремации.

27 августа урна с прахом Энгельса была привезена Элеонорой, Эвелингом, Лесснером и Бернштейном в Истборн и на некотором расстоянии от берега погружена в морские волны.

Социалистическая печать и многие буржуазные газеты поведали миру о великой утрате, которую понес международный пролетариат.

Своей статье-некрологу «Фридрих Энгельс» молодой русский социал-демократ Владимир Ильич Ульянов предпослал в качестве эпиграфа проникновенные слова Некрасова:

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фридрих Энгельс прожил большую и яркую жизнь революционера и мыслителя. С юных лет он навсегда связал свою судьбу с рабочим классом. Жизнь Энгельса была великим подвигом во имя освобождения людей труда от всех форм угнетения и эксплуатации.

Имя и дело Энгельса неотделимы от имени и дела Маркса. Рука об руку, в тесном содружестве они создавали научное мировоззрение пролетариата. Деятельность Энгельса неразрывно связана с формированием и развитием всех составных частей марксизма — диалектико-материалистической философии, политической экономии, научного коммунизма. «Европейский пролетариат,— писал В. И. Ленин,— может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых

превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»¹.

Это великое творческое содружество не только не исключало, но, напротив, предполагало оригинальную творческую мысль, яркую индивидуальность и самобытность каждого из них. Энгельс был гениальным, в высокой степени оригинальным ученым. Уже его ранние работы поражают самостоятельностью и смелым полетом мысли, остротой критического анализа, совершенством формы. Одним из первых Энгельс выступил против реакционной философии Шеллинга, выдвинул положение о внутренней противоречивости философской системы Гегеля. Большим достижением революционной науки был принадлежащий Энгельсу первый опыт критики буржуазной политической экономии с позиций социализма. Независимо от Маркса Энгельс начал прокладывать путь к материалистическому пониманию истории. Он первый подверг глубокому анализу сущность и социально-экономические последствия промышленной революции в Англии, нарисовав картину ужасающих бедствий рабочего класса, доказал его способность выполнить историческую миссию могильщика капитализма.

Вместе с Марксом Энгельс был творцом бессмертного «Манифеста Коммунистической партии», в котором перед всем миром было открыто изложено новое мировоззрение — теория освободительной борьбы пролетариата, программа и основа тактики коммунистов. Этот документ дал рабочему классу боевой лозунг объединения пролетариев всех стран для свержения буржуазного общественного и политического строя, для Коммунистической Революции.

Невозможно переоценить тот вклад, который внес Энгельс в сокровищницу марксизма — его философию, экономическую теорию, в разработку проблем научного коммунизма, стратегии и тактики освободительной борьбы рабочего класса.

В многочисленных трудах Энгельса с классической ясностью изложены основные положения марксистской теории. На них учились многие поколения пролетарских революционеров. Они и сегодня остаются настольной книгой каждого сознательного рабочего, каждого активного борца за коммунизм.

Огромное значение имеет все то, что было сделано Энгельсом в теоретической области после смерти Маркса. Он сыграл выдающуюся роль в дальнейшем развитии, защите и пропаганде марксистского учения. Исключительно велика заслуга Энгельса как редактора и издателя незаконченных авторских рукописей II и III томов «Капитала».

Именно в этот период Энгельс сформулировал новые важные выводы относительно генезиса и эволюции форм семьи,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

собственности, государства, дал экономическое обоснование этих процессов.

Именно в этот период Энгельс выступил с блестящим анализом немецкой классической философии, проследил процесс формирования всех сторон марксистского мировоззрения. Он вскрыл специфические особенности развития природы и общества, подчеркнул, что если в природе закономерности ее развития действуют стихийно, то в истории общества такие закономерности проявляются в результате сложного взаимодействия бесчисленных отдельных стремлений, намерений и поступков людей. История, говорил Энгельс, есть общий итог деятельности людей, общий результат «множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир»¹.

Именно в этот период Энгельс детально разработал ряд важнейших проблем исторического материализма, в том числе вопрос о соотношении между базисом и надстройкой. Считая, что производственные отношения, способ производства оказывают в конечном счете определяющее влияние на государство, идеологию, формы сознания общества, он доказал огромное обратное влияние этих надстроечных категорий на экономику.

В сочинениях и письмах Энгельса глубоко освещаются существенные изменения в экономике и политике главных капиталистических стран Европы и Америки 80—90-х годов. Там, где приверженцы буквы ничего не видели и неизменно цеплялись за догматически истолкованные ими некоторые формулы марксизма, а реформисты и буржуазные противники социалистических идеалов пролетариата видели мнимое крушение основных положений марксизма, там Энгельс, внимательно всматриваясь в окружающую действительность, подметил новые тенденции в развитии капитализма, которые означали не «самоликвидацию» его, не переход от анархии к организованности и плановому хозяйству, а дальнейшее обострение его внутренних противоречий, более высокую степень вызревания в его недрах материальных предпосылок, объективных и субъективных факторов социалистической революции. Энгельс предвосхитил, как это было отмечено Лениным, важные черты превращения капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм и вытекающие отсюда новые условия освободительной борьбы рабочего класса.

Важное место в трудах Энгельса занимают проблемы социалистической революции. Ее победа, неизменно указывал он, возможна только при сознательном участии самых широких масс пролетариата. Нужна будничная, систематическая кропотливая работа, чтобы подготовить пролетариев к решительным дейст-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 306.

виям в должный момент. Необходимо всемерно использовать те возможности, пусть даже самые ограниченные, которые дает рабочему классу буржуазная демократия. Долг социалистов не упускать ни малейшего шанса, терпеливо работать во всех организациях пролетариата, в том числе и в тех, которые в данное время не ставят перед собой социалистических задач. Без этого, подчеркивал Энгельс, немыслимо укрепление классового сознания рабочих и привлечение их под знамя социалистической революции. Эта революция не есть результат тайного заговора или внезапного выступления небольшой группы героев-революционеров. Это кульминационный пункт развития классового протеста пролетариата, захватывающего вместе с тем и другие широкие слои трудящегося населения. Пролетарская революция представляет собой закономерный итог длительного общественно-исторического процесса, в ходе которого выявляются и углубляются экономические и политические противоречия, возникает кризис господствующего режима, формируется революционная армия трудящихся, способная к борьбе за свержение власти эксплуататорских классов и установление диктатуры рабочего класса.

Важнейшей составной частью подготовки социального переворота должно стать привлечение на сторону промышленного пролетариата сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян, ибо союз с ними является непременным условием успеха в борьбе за овладение политической властью.

Таким образом, и экономическую борьбу, и участие в избирательных кампаниях, и легальную деятельность представителей пролетариата в буржуазном парламенте, и работу среди непролетарских слоев трудящихся, в первую очередь в деревне, Энгельс рассматривал как необходимое условие подготовки социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

Энгельс горячо выступал в поддержку пролетариатом национально-освободительных движений, которые он рассматривал как союзника в борьбе за свержение капиталистического строя.

Переход политической власти в руки пролетариата, считал Энгельс, может произойти различными путями. Не исключая возможности мирного пути в отдельных странах, он в то же время подчеркивал, что буржуазия едва ли добровольно откажется от власти. В ответ на ее сопротивление рабочий класс будет вынужден прибегнуть к насильственным средствам, к вооруженной борьбе.

Вся революционная теоретическая и практическая деятельность Энгельса, как и Маркса, была посвящена подготовке пролетариата к штурму экономических и политических твердынь капитала. Борьба была девизом Энгельса. Еще на заре своей

жизни он восклицал: «Будем бороться и проливать свою кровь, будем бестрепетно смотреть врагу в его жестокие глаза и сражаться до последнего вдоха!»¹. Что эти высокие слова определяли главный жизненный принцип Энгельса, об этом неопровержимо свидетельствует вся его бурная революционная деятельность. Он был одним из организаторов Союза коммунистов, непосредственным участником революции 1848—1849 гг., одним из вождей I Интернационала, наставником и вдохновителем социал-демократических партий. Он сыграл большую роль в основании II Интернационала, в воспитании революционных кадров международного рабочего движения.

Энгельс не знал страха и усталости на службе рабочему классу и никогда не сомневался в правильности того пути, на который встал добровольно, по зову сердца, по велению разума.

Энгельс связал себя с судьбами рабочего класса в эпоху, когда рабочее движение носило еще, как правило, стихийный характер, а революционные выступления против капиталистических отношений неизменно кончались тяжелыми поражениями. Рабочие массы находились еще под влиянием либо буржуазной идеологии, либо мелкобуржуазных воззрений различных социалистических сект; они еще не сознавали своей революционной роли, необходимости уничтожения капитализма.

К концу жизни Энгельса рабочий класс Европы и Америки вырос в могучую силу общественного развития. Рабочее движение приобрело массовый и организованный характер. Научный коммунизм одержал идейную победу над всеми формами утопического мелкобуржуазного социализма, стал признанной идеологией рабочего класса, теоретической базой его борьбы. И во всем этом огромная заслуга Энгельса.

Революция 1848—1849 гг., Парижская Коммуна 1871 г., все последующее развитие международного рабочего движения принесли неоспоримые доказательства великой жизненной правды марксизма. Исторический опыт служил основой непрерывного развития учения Маркса и Энгельса.

В работах Энгельса большое место занимают разоблачения буржуазных противников и различных фальсификаций марксизма. Он постоянно вел борьбу со всеми проявлениями оппортунизма и сектантства в рабочем движении. В последние свои годы он с тревогой отмечал, что некоторым участникам социалистического движения было свойственно догматическое понимание марксистской теории. И в своих печатных выступлениях, и в письмах деятелям рабочего движения, и в беседах с ними Энгельс уделял особое внимание разъяснению творческого характера марксизма, принципиально несовместимого с догматическим отрывом теории от практики, исторического

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, стр. 226.

опыта, подчеркивал необходимость дальнейшего развития теории, обогащения ее новыми выводами, адекватно отражающими социальную действительность.

В непримиримой борьбе с буржуазными клеветниками, с искажениями марксизма, в его творческом развитии на основе теоретического анализа и обобщения реальных отношений в мире Энгельс видел важнейшую задачу лидеров рабочего движения и одно из важнейших условий его дальнейших успехов.

Однако те отрицательные тенденции в международном рабочем движении, которые вызывали беспокойство Энгельса еще в первой половине 90-х годов, продолжали усиливаться. Ревизия марксизма, предпринятая Э. Бернштейном вскоре после смерти Энгельса с целью доказать «устарелость» революционной теории Маркса и пересмотреть ее основополагающие принципы, встретила, правда, отпор со стороны подавляющего большинства социалистических деятелей, но до полного организационного разрыва с ревизионистами дело не дошло. Язва ревизионизма и оппортунизма постепенно разъедала Второй Интернационал изнутри. Опасность была тем более велика, что империалистическая эпоха выдвинула перед рабочим классом новые, исключительно сложные проблемы.

Сложнейшая задача творческого развития и обогащения марксизма на основе всестороннего анализа эпохи империализма и нового опыта рабочего движения была решена Владимиром Ильичем Лениным.

Выполнить эту великую задачу он смог потому, что был верным учеником и последовательным продолжателем дела Маркса и Энгельса. В. И. Ленин, по его выражению, постоянно «советовался» с Марксом и Энгельсом, блестяще в то же время воплощая в жизнь завет Энгельса о необходимости творческого подхода к марксистской теории.

В своих исследованиях В. И. Ленин характеризовал Энгельса как одного из двух великих учителей современного пролетариата, как одного из основателей коммунизма. В биографическом очерке о Марксе он писал, что «для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса*»¹. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин указывал, что Энгельс принадлежит, подобно Марксу, «к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания»².

Со всей присущей ему революционной страстностью В. И. Ленин боролся с попытками дискредитировать и извратить

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 93.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 50.

марксизм, против ревизионизма, центризма, правого и левого оппортунизма.

Всемирно-исторический триумф марксизма связан с именем и деятельностью Ленина. «Ленин дал ответы на самые актуальные вопросы, поставленные ходом исторического развития, всесторонне развил теорию социалистической революции и строительства коммунистического общества, вооружил российское, все международное революционное движение научно обоснованной стратегией и тактикой, возглавил борьбу рабочего класса за претворение идеалов социализма в жизнь»¹. Созданное В. И. Лениным учение, ленинизм, — это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества.

Под водительством Ленина и большевистской партии была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция и на $\frac{1}{6}$ земного шара положено начало практическому воплощению в жизнь учения Маркса и Энгельса. Октябрьская революция и последующее мировое развитие, прежде всего всемирно-исторические достижения СССР, образование мировой системы социализма, полный и окончательный развал традиционных форм колониализма послужили наглядной демонстрацией решающих преимуществ социализма перед капитализмом, они воочию и неопровержимо доказали великую непреодолимую силу марксизма-ленинизма, в громадной мере расширили и повысили воздействие идей Маркса — Энгельса — Ленина на всю политическую и духовную жизнь человечества.

Ныне социализм находится в историческом наступлении. Пример успешного развития в ряде стран общества без угнетения и угнетателей, управляемого самими трудящимися в их же собственных интересах, вдохновляет сотни миллионов людей, еще не освободившихся от ига капитала, вселяет в их сердца светлую надежду на счастливое будущее.

История движется в том направлении, которое предвидели Маркс, Энгельс и Ленин. Углубляется общий кризис мировой капиталистической системы. Устой этой изжившей себя системы все более расшатываются основным противоречием современной эпохи — противоречием между двумя мирами, дальнейшим обострением противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением, усилением всех социальных антагонизмов в странах капитала, ростом меж-империалистических противоречий. Экономические потрясения, охватившие весь капиталистический мир во второй половине 70-х годов и уже принесшие множество бедствий трудящимся

¹ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». М., 1970, стр. 3.

массам, являются наглядным опровержением распространяемого реформистами и буржуазными идеологами мифа об «устарелости» данного Марксом и Энгельсом глубочайшего научного анализа сущности и противоречий капиталистического общества.

Органической чертой наших великих учителей была непримиримость в отношении любых форм буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, последовательная защита основ пролетарского мировоззрения. Они учили рабочий класс быть бдительным к маневрам реакционных сил, к проискам буржуазной агентуры в рабочем движении. Залогом и непременным условием его побед является верность принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Отступление от этих принципов, преувеличение возможностей буржуазной демократии, отрицание руководящей роли коммунистической партии в революционной борьбе, сползание на позиции национализма и шовинизма на руку только буржуазии. Всякий оппортунизм, и правый и «левый», под каким бы флагом он ни выступал и какой бы фразой ни маскировался, наносит огромный ущерб общим интересам международного рабочего класса, делу социализма.

Идеи марксизма-ленинизма с честью выдержали суровую проверку временем. Сила этого великого учения, как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в отчете ЦК XXV съезду КПСС, в его постоянном творческом развитии. «Марксизм-ленинизм,— говорил он,— это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики... Революционная борьба рабочего класса и всех трудящихся, вся практическая деятельность коммунистов со всей убедительностью показали незыблемость теоретических положений и принципов, выражающих суть марксизма-ленинизма»¹. Исторический опыт освободительного движения пролетариата, опыт социалистического строительства в СССР и в других странах неопровержимо доказал, что задача уничтожения капиталистических общественных отношений и социалистического переустройства общества может быть решена только под руководством марксистско-ленинских партий, вооруженных передовой теорией. В мире не было и нет теории, которая могла бы сравниться с теорией, созданной Марксом, Энгельсом и Лениным, по силе ее воздействия на трудящиеся массы, на судьбы всего человечества.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 72.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адан* — 189.
Адлер, Виктор — XI, 407, 539, 582.
Адлер, Георг — 439.
Аксельрод, Павел Борисович — 486, 519, 535.
Александр II — 393, 397.
Александр III — 522, 526, 528.
Александр Македонский — 237.
Алисон, Арчибалд — 55.
Алисон, Уильям Палтни — 55.
Аллеман, Жан — 507.
Анненков, Павел Васильевич — 82.
Ансель, Эдуар — 584.
Арманд, Инесса Федоровна — 338.
Ауэр, Игнац — 563.
Бабёф, Грах — 33.
Бакс, Эрнест Белфорт — 390, 468, 469, 512.
Бакунин, Михаил Александрович — 45, 73, 291—293, 295, 302—304, 312, 393, 398.
Бали, Эмиль Жозеф — 463.
Бандья, Янош — 196.
Баннер, Роберт — 390, 469.
Барт, Эрнст Эмиль Пауль — 543—545.
Бартелими, Эмманюэль — 189, 194.
Бастиа, Фредерик — 414.
Батай — 99.
Бауэр, Бруно — 17, 23, 26, 27, 45—48, 69.
Бауэр, Генрих — 35, 65, 86, 94, 98, 129, 159, 172, 179, 186.

- Бауэр*, Стефан — 583.
Бауэр, Эдгар — 17, 23, 24, 26, 27, 45—48.
Бабель, Август — XI, 261, 262, 265—268, 278, 280, 287, 288, 294, 308, 340, 341, 343, 344, 346, 371—377, 382, 384, 385, 405, 420, 422, 438, 453—462, 466—468, 482, 484—486, 489, 491, 492, 494—497, 499—501, 504, 505, 511, 522, 528—532, 534—537, 539, 554—556, 562—564, 569, 575, 576, 581, 584.
Бабель, Юлия — 534, 535.
Безобразов, Владимир Павлович — 393.
Бейнс, Эдуард — 55.
Беккер, Бернхард — 253, 260.
Беккер, Герман Генрих — 151, 201.
Беккер, Иоганн Филипп — 260, 307, 309, 310, 366, 369, 372, 374, 386, 387, 404, 405, 423, 425, 432—434.
Беккер, Макс Йозеф — 173.
Бенари, Франц Фердинанд — 17, 219.
Берви, Василий Васильевич (псевдоним Н. Флеровский) — 391.
Бергенрот, Густав Адольф — 173.
Берендс, Юлиус — 232.
Бернайс, Карл Людвиг — 44.
Бернштейн, Эдуард — 344, 373, 374, 377, 378, 384, 416, 430, 434, 468, 504, 569, 575, 583, 584, 590.
Бернье, Франсуа — 217.
Бетховен, Людвиг, ван — 6.
Бёрне, Людвиг — 9, 10, 14, 22.
Бёрнс, Джон — 511.
Бёрнс, Лидия (Лиззи) — 204, 251, 272, 273, 339, 358, 394, 404, 477, 583.
Бёрнс, Мерп — 29, 65, 204, 245, 251, 583.
Бёрнс, Мери Эллен (по мужу Рочер) — 404, 583.
Бёрнс, Уильям — 477.
Бёрнштейн, Генрих — 44.
Биннинг, Томас — 470.
Биньями, Энрико — 302, 318, 320, 366.
Бисмарк, Отто — 230, 235, 254, 256—259, 261—263, 265, 270, 285, 330, 369—374, 382—383, 436—438, 455, 456, 458, 460, 461, 465, 489, 490, 505.
Блан, Луи — 77, 91, 106, 107, 116, 117, 130, 138, 192—194, 382.
Бланк, Карл Эмиль — 129, 135.
Бланки, Луи Огюст — 131, 193.
Блох, Йозеф — 544, 545.
Боборыкин, Петр Дмитриевич — 520.
Богданович, Ипполит Федорович — 220.
Бодельшвинг, Эрнст — 63.
Боркхейм, Сигизмунд Людвиг — 433, 483.
Борн, Стефан — 137—139, 186.
Борнштедт, Адальберт — 101, 102, 129, 130.
Боткин, Василий Петрович — 22.
Боуринг, Джон — 220.
Бракке, Вильгельм — XI, 268, 343, 374, 375, 499, 500.
Брежнев, Леонид Ильич — 592.
Бремер, Юлиус — 268.
Бренгано, Людвиг Йозеф — 498.
Брун, Карл — 174, 186.
Брусс, Поль — 383.
Буайе, Антуан — 463.
Буланже, Жорж Эрнест Жан Мари — 465—467, 508, 528.
Буль, Людвиг — 17, 24.
Бунзен, Христиан Карл Йозиас — 199.
Бургхардт, Й. Э. — 118.
Быстрянский, Вадим Александрович — X.
Бэжон, Фрэнсис — 542.
Бюргерс, Генрих — 149, 151, 199.
Бюхнер, Людвиг — 338, 449.
Бюше, Филипп — 107.
Вайян, Эдуар — 294, 309, 378.
Валлау, Карл — 129.
Вальдек, Юлиус — 39.
Вандервальде, Эмиль — 540.
Вебер — 232.
Вегман, Адольф — 367.
Веерт, Георг — 29, 30, 67, 79, 100, 102, 130, 134, 136, 137, 151, 174, 201, 204.
Вейдемейер, Иосиф — 79, 82, 86, 134, 170, 172—174, 178, 186, 196, 207, 210, 222, 238, 239.
Вейлер, Адам — 387, 389.
Вейтлинг, Вильгельм — 33, 34, 65, 66, 78, 79, 81—84, 89, 90, 94, 95, 137.
Венедей, Якоб — 8.
Вергилий (Публий Вергилий Марон) — 4.
Вестфален, Эдгар, фон — 79.
Видиль, Жюль — 189.
Виллих, Август — 166—168, 170, 172, 182, 186—189, 193, 194, 200, 210.
Вильгельм I — 369.
Вильгельм II — 493, 505, 528.
Воден, Алексей Михайлович — 520, 522.

Волховский, Феликс Вадимович — 584.
Вольтер, Франсуа Мари — 32.
Вольф, Вильгельм — 79, 95, 98, 102, 115, 128, 129, 134, 137, 138, 140, 149, 151, 159, 170, 173, 174, 186, 189, 204, 227, 245, 251, 436.
Вольф, Фердинанд — 79, 102, 137.
Вольф, Юлиус — 428.
Врублевский, Валерий — 294.
Габлер, Георг Андреас — 17.
Гаенклеввер, Вильгельм — 374, 457.
Гайндман, Генри Майер — 390, 391, 419, 468, 469, 472, 512.
Гарди, Джемс Кейр — 470, 512, 514, 515.
Гарибальди, Джузеппе — 229, 230.
Гарни, Джордж Джулиан — 31, 65, 67, 80, 81, 113, 131, 142, 183, 192, 193, 390, 433.
Гартман, Лев Николаевич — 397.
Гаскелл, Питер — 55.
Гассельман, Вильгельм — 376.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — 14, 15, 17—20, 24, 40, 46—48, 68, 73, 194, 221, 347, 348, 359, 410, 446—451, 586.
Гед, Жюль — 380, 381, 383—385, 462, 464, 465, 467, 471, 506, 509, 510.
Гейб, Август — 372.
Гейзер, Бруно — 374.
Гейне, Генрих — 9, 207.
Гейнцен, Карл — 102—105, 134, 171, 172, 210.
Гейсмайер, Михаэль — 176.
Гемков, Генрих — X.
Гепнер, Адольф — 280, 310.
Гераклит — 232, 233.
Гервег, Георг — 33, 35, 129, 130, 260.
Герцен, Александр Иванович — 103, 220.
Герье — 45.
Гесс, Мозес — 26, 33, 50, 51, 63, 86, 109, 137, 232, 259.
Гёррес, Йозеф — 10—11.
Гёте, Иоганн Вольфганг — 3, 93.
Гёшель, Карл Фридрих — 17.
Гибеш, Йозеф — 536.
Гизо, Франсуа Пьер Гийом — 127.
Гильдебранд, Бруно — 60.
Гильом, Джемс — 311, 312.
Гириш, Карл — 371, 373, 377.
Гладстон, Уильям Юарт — 272, 421.
Гнекко, Эудоксиу Сэзар д'Азэду — 366.
Гобс, Томас — 542.
Годвин, Уильям — 64.

Гольбах, Поль Анри — 32.
Гольденберг, Иосиф Петрович (Мешковский) — 520.
Гольденберг, Лазарь Борисович — 584.
Гомер — 4, 441.
Гомперс, Самюэл — 526.
Гораций (Квинт Гораций Флакк) — 4.
Горбунова (Каблукова), Минна Карловна — 392.
Готшалк, Андреас — 137—139.
Гребер, Вильгельм — 8, 12, 13, 16.
Гребер, Фридрих — 8, 9, 12.
Грибоедов, Александр Сергеевич — 220.
Грюн, Карл — 76, 86, 87, 89—93, 102, 103, 109, 117.
Гумперт, Эдуард — 245, 251.
Гус, Франк, ван дер — 584.
Гуттен, Ульрих, фон — 233.
Гуцков, Карл — 9, 23.
Дана, Чарлз Андерсон — 196, 215, 223.
Даниельс, Роланд — 199.
Даниельсон, Николай Францевич — 420, 426, 481, 489, 519—521.
Данте, Алигьери — 573.
Дантон, Жорж Жак — 194, 199.
Дарвин, Чарлз Роберт — 221, 450.
Дасси — 99.
Дворжак, Адельгейда — 536.
Девиль, Габриель — 437, 462, 464, 467, 474.
Декарт, Рене — 363.
Делаод, Люсьен — 177.
Дембовский, Эдвард — 22.
Демут, Елена — 421, 432, 493.
Де Пап, Сэзар — 382.
Державин, Гаврила Романович — 220.
Джилберт, Джемс Уильям — 65.
Джонс, Эдвард — 305, 306.
Джонс, Эрнест Чарлз — 113, 131, 183, 185, 192, 211.
Джордж, Генри — 475—477.
Диоклетян — 568.
Диц, Иоганн Генрих Вильгельм — 499, 539, 562.
Дицген, Иосиф — 310.
Дицель, Густав — 219.
Добровский, Йозеф — 219.
Доброджану-Гёря, Константин — 538.
Добролюбов, Николай Александрович — 393.
Дональд, Александр Карлей — 470.

Дронке, Эрнст — 137, 138, 149, 152, 154, 173, 186, 204, 251.
Дункер — 62.
Дункер, Франц — 226, 232.
Д'Эстер, Карл Людвиг Иоганн — 147, 165, 186.
Дюпон, Эжен — 305, 306.
Дюринг, Евгений Карл — 340, 344—349, 352—354, 356, 357, 373.

Еврипид — 4.
Еленёв, Федор Павлович (псевдоним Скалдин) — 392.

Жаклар, Шарль Виктор — 392.
Жиго, Филипп — 79.
Жомини, Анри — 222.
Жорес, Жан — 508, 510, 511.
Жогран, Люсьен Леопольд — 101.
Жуковский, Василий Андреевич — 220.

Закс, Эмиль — 332, 335, 336.
Засулич, Вера Ивановна — XI, 478, 479, 481, 486, 519, 527, 535, 584.
Зейлер, Себастьян — 79.
Зибель, Карл — 245, 251, 258.
Зиккинген, Франц, фон — 233.
Зингер, Пауль — 377, 455, 458, 461, 494, 500, 501, 511, 563, 584.
Зонненшайн, Уильям Суон — 420.
Зорге, Фридрих Адольф — 310, 315, 318, 367, 419—420, 431, 461, 472—477, 486, 493, 494, 498, 504—507, 510, 524—526, 531, 536—539, 541.

Иглесиас, Пабло — 300, 366, 536.
Иден, Фредерик Мортон — 64, 65.
Иетрек, Пер — 118.
Имандт, Петер — 204.
Иодко-Наркевич, Витольд — 539.
Йорк, Теодор — 268.

Кабе, Этьенн — 33, 80, 88, 130, 131.
Каблуков, Николай Алексеевич — 392.
Кавур, Камилло Бензо — 225.
Каган, Абрам — 524.
Кайзер, Макс — 371.
Камелина, Зефирен — 463.
Камерон, Д.— 192.
Кампгаузен, Людольф — 140, 141.
Канепа, Джузеппе — 573.
Каннингем-Грехем, Роберт Бон-тайн — 512.

Кант, Иммануил — 363, 447.
Каприви, Лео — 500.
Карамзин, Николай Михайлович — 220.
Карлейль, Томас — 40, 41, 55, 177.
Карно, Лазар Никола — 195, 240.
Каррен, Пит — 512.
Каутская, Луиза (по второму мужу Фрейбергер) — 494, 535, 580, 582—584.
Каутский, Карл — 366, 386, 405, 423, 430, 434, 437, 439, 455, 457, 463, 494, 497, 499, 501, 504, 505, 564, 575, 583.
Кафьеро, Карло — 78, 302, 303.
Квелч, Гарри — 468, 512.
Келли-Вишневецкая, Флоренс — 473—476, 524.
Кенэ, Франсуа — 583.
Кёппен, Карл Фридрих — 17, 24.
Кётген, Густав Адольф — 51, 63, 79.
Кинкель, Готфрид — 178, 193.
Клаузен, Иоганн Кристоф Генрих — 4.
Клейн, Иоганн Якоб — 258, 260.
Клейн, Карл Вильгельм — 208—210, 236.
Клинс, Карл — 236.
Клусс, Адольф — 134, 196, 201, 210.
Ковалевский, Максим Максимович — 441, 519, 520.
Кола ди Риенци — 11.
Конт, Огюст — 338.
Корню, Огюст — X.
Корф, Герман — 157.
Коссидьер, Марк — 192, 194.
Коцебу, Август — 9.
Кошелев, Александр Иванович — 392.
Кравчинская, Фанни Марковна — 481, 519, 581.
Кравчинский, Сергей Михайлович (псевдоним Степняк) — 481, 491, 519, 581, 584.
Крамер, Карл — 149.
Криге, Герман — 84—86.
Кромвель, Оливер — 546.
Круммахер, Фридрих Вильгельм — 11.
Крылов, Иван Андреевич — 220.
Кугельман, Людвиг — 266, 276, 310, 413, 537.
Кулишова, Анна Михайловна — 518, 535.
Кулябко-Корецкий, Николай Григорьевич — 395.
Куно, Фридрих Теодор — 304, 307, 310, 311, 478.
Купер, Томас — 81.

- Лабриола*, Антонио — XI, 516, 517, 535, 583.
- Лавров*, Петр Лаврович — 285, 394—397, 480, 494, 519, 520, 584.
- Ламаргин*, Альфонс — 130.
- Ламплу*, Джордж Уильям — 574.
- Лассаль*, Фердинанд — 208, 210, 230—236, 253, 255, 258—260, 268, 269, 333, 383, 439, 582.
- Лаубе*, Генрих — 23.
- Лафарг*, Поль — XI, 191, 206, 251, 272, 282, 283, 285, 299, 301, 302, 307, 310, 312, 316, 328, 381—383, 385, 395, 438, 462—468, 474, 483, 485, 486, 489, 491, 500, 506, 508—511, 520, 522, 528, 532, 539, 553, 555, 556, 563, 564, 580, 583, 584.
- Лаффит*, Жак — 87.
- Леви*, Густав — 209, 210.
- Ледвич*, Эдвард — 274.
- Ледрю-Роллен*, Александр Огюст — 106, 192, 193.
- Лейбниц*, Готфрид Вильгельм — 363.
- Лекрафт*, Бенджамин — 289, 305.
- Лексис*, Вильгельм — 428.
- Лелевель*, Иоахим — 99, 101.
- Ленин*, Владимир Ильич — V, VI, IX—XI, 5, 14, 27, 28, 36, 42, 48, 49, 58, 70, 90, 94, 110, 113, 120, 124, 126, 137, 138, 176, 181, 199, 212, 230, 232, 240, 272, 277, 288, 327, 331, 338, 342, 346, 351, 357, 393, 399, 402, 407, 413, 431, 432, 445, 452, 483—485, 528, 529, 552, 584, 585, 587, 590—592.
- Леру*, Пьер — 88, 250, 382.
- Леруа-Больё*, Пьер — 438.
- Лессинг*, Готхольд Эфраим — 393.
- Лесснер*, Фридрих — 60, 115, 199, 227, 306, 345, 433, 580, 584.
- Лейпольд*, Генрих — 6.
- Либкнехт*, Вильгельм — XI, 40, 156, 170, 171, 234, 236, 240, 253, 254, 257, 258, 260—263, 265—269, 271, 278—281, 287, 288, 294, 297, 298, 302, 307, 308, 330, 332, 340, 344, 345, 372—374, 376, 382, 406, 458, 485, 486, 490, 493—496, 498, 501, 511, 530, 556, 564, 584.
- Либкнехт*, Наталия — 281.
- Ливий*, Тит — 4.
- Лилиенфельд-Тоаль*, Павел Федорович — 391.
- Линкольн*, Г. Дж. — 222, 223.
- Липпе*, Леопольд — 266.
- Лич*, Джемс — 31.
- Локк*, Джон — 542.
- Ломоносов*, Михаил Васильевич — 220.
- Лонге*, Шарль — 328.
- Лопатин*, Герман Александрович — 394—396, 480, 481.
- Лориа*, Акилле — 428.
- Луи-Филипп* — 87, 106, 126.
- Магон*, Джон Линколн — 469, 470.
- Мадзини*, Джузеппе — 225, 248, 303, 304.
- Майер*, Густав — X.
- Мак-Вей* — 524.
- Макдональд*, Джемс — 389, 468.
- Мак-Доннелл*, Джозеф Патрик — 305, 306, 367.
- Мак-Куллох*, Джон Рамси — 39.
- Максуэлл*, Шоу Джаспер — 512, 514.
- Макфарлин*, Элен — 119.
- Малон*, Бенуа — 383.
- Мальтус*, Томас Роберт — 39, 408.
- Манн*, Том — 511.
- Мантл*, Джордж Джозеф — 192.
- Маркс*, Генрих Гвидо — 191.
- Маркс*, Женни (урожденная фон Вестфален) — 43, 79, 123, 168—170, 191, 201, 205, 310, 404, 406, 412, 415.
- Маркс*, Женни (по мужу Лонге) — 328, 404, 405, 583.
- Маркс*, Карл — V—XII, 2, 17, 25—27, 30, 33, 35, 36, 39, 40, 42—55, 58, 60—66, 68—76, 78—92, 94—103, 105—110, 113—124, 126—143, 146—150, 153—155, 157—160, 164—169, 171—174, 177—197, 199—202, 204—212, 214, 215, 217—242, 245, 247—254, 256—269, 271—273, 275, 276, 278—298, 302, 304—313, 315—317, 320, 323—329, 333, 334, 338—346, 348—354, 365—367, 370, 373—378, 380—384, 386, 388—398, 401, 402, 404—419, 421—432, 434—440, 446, 449, 453, 455, 474, 476, 478—480, 486, 491, 493—495, 498—501, 504, 505, 511, 516, 521, 535, 537, 538, 541, 543—545, 549, 550, 560, 562—565, 569, 570, 573, 574, 576—580, 582—586, 588—592.
- Маркс*, Лаура (по мужу Лафарг) — 251, 266, 310, 328, 405, 406, 417, 419, 426, 430, 434, 446, 462, 465—467, 471, 477, 485, 487, 491, 505, 508, 509, 514, 516, 533, 534, 536, 537, 539, 554, 555, 582—584.
- Маркс*, Эдгар — 191, 205.
- Маркс*, Элеонора (по мужу Эвелинг) — 2, 167, 204, 206, 273, 276, 406, 418—420, 422, 430, 468—471, 477, 480, 497—498, 507, 511—513, 519, 579, 582—584.

Мартиньетти, Паскуале — 417, 516.
Мезенцев, Николай Владимирович — 481.
Мейер, Юлиус — 82.
Мейснер, Отто Карл — 254, 415.
Менгер, Антон — 439.
Менделеев, Дмитрий Иванович — 361.
Мендельсон, Станислав — 539.
Ментель, Христиан Фридрих — 97.
Меринг, Франц — X, 575, 576.
Меса-и-Леопарт, Хосе — 300, 307, 320, 321, 366, 382, 536.
Меттерних, Клеменс — 7.
Мильтеран, Александр Этьенн — 508.
Михазлис, Отто — 413.
Молешотт, Якоб — 338, 449.
Молль, Иосиф — 35, 65, 86, 94, 95, 98, 129, 139, 148—151, 158, 159.
Молль, Фридрих — 236.
Монтекукули, Раймунд — 222.
Мора, Франсиско — 300.
Морган, Льюис Генри — 440, 441.
Моррис, Уильям — 468, 469.
Мост, Иоганн — 344, 345, 372, 373, 376.
Мундт, Теодор — 23.
Мур, Самюэл — 245, 251, 417—419, 427, 434, 582—584.
Мушою, Панаит — 538.
Мюллер, Ганс — 495.
Мюльбергер, Артур — 332—337.
Мюнцер, Томас — 176.

Назарбеков, А.— 584.
Наполеон I Бонапарт — 15, 194, 195, 237, 546.
Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) — 153, 195, 214—216, 226, 229—232, 238, 256, 264, 279, 280, 298, 383.
Нейпир, Уильям Фрэнсис Патрик — 222.
Некрасов, Николай Алексеевич — 584.
Нечаев, Сергей Геннадиевич — 295, 296, 393.
Нёйбек, Филипп — 117.
Николай II — 522.
Нотъюнг, Петер — 199.
Ньокки-Виани, Освальдо — 366.
Ньювенгейс, Фердинанд Домела — 433, 535, 579.
Надежде, Иоан — 538.

Оджер, Джордж — 284, 289, 305.
О'Коннор, Фергюс — 81, 182, 183, 192.

Олсон, Томас — 386.
Оуэн, Роберт — 31, 52, 59, 354.
Ошанина, Мария Николаевна — 480.

Палладино, Кармело — 298.
Пальмерстон, Генри Джон Темпл — 215.
Паприц, Евгения Эдуардовна — 479, 480.
Паули, Филипп Виктор — 339.
Пеллеринг, Жан — 99.
Перре, Анри — 295, 307.
Пипер, Вильгельм — 185.
Плеханов, Георгий Валентинович — XI, 397, 446, 479, 486, 494, 515, 519—521, 524, 535, 538, 577.
Плюмакер, Фридрих — 17.
Подолинский, Сергей Андреевич — 395.
Попельницкий, Алексей Захарович — 392.
Портер, Джордж Ричардсон — 55, 64, 65.
Прудон, Пьер Жозеф — 33, 36, 37, 80, 90, 91, 106, 138, 154, 195, 249, 333, 334, 337, 382, 383.
Пушкин, Александр Сергеевич — 220.
Пфендер, Карл — 172.
Пютман, Герман — 10.

Радецкий, Йозеф — 126.
Райли, Уильям Харрисон — 306.
Рамсес II — 237.
Рапппорт, Шарль — 520.
Рау, Карл Генрих — 413.
Рафаэль Санти — 74, 177.
Реджис, Витале — 304.
Рембрандт — 177.
Ремпель, Рудольф — 82.
Рёзер, Петер Герхард — 178, 199.
Рикардо, Давид — 38, 39, 408, 414, 424—425.
Рихтер, Дмитрий Иванович — 395.
Робеспьер, Максимилиан — 182, 194, 195.
Робинсон, Б.— 192.
Родбертус-Ягцецов, Иоганн Карл — 424, 425, 438, 439.
Рош, Эрнест — 464.
Рошер, Вильгельм Георг Фридрих — 413.
Руге, Арнольд — 17, 21, 22, 24, 33, 35, 43, 103, 171, 193.
Русанов, Николай Сергеевич — 520.
Руссо, Жан Жак — 32, 195.

Рюминьи, Мари Ипполит — 127.
Рюстов, Фридрих Вильгельм — 260.

Сазонов, Николай Иванович — 45.
Сандерс, Уильям — 512.
Сарабьянов, Владимир Николаевич — X.
Сен-Жюст, Луи Антуан — 194.
Сен-Симон, Анри — 33, 68, 195, 354.
Сент-Арно, Арман Жак Леруа — 215.
Серебряков, Михаил Васильевич — X.
Серрайе, Огюст — 285.
Симон, Людвиг — 178.
Скалдин — см. *Еленёв*.
Скрещицкий, Александр Ильич — 392.
Смирнов, Валериан Николаевич — 395.
Смит, Адам — 38, 39, 411, 424.
Смит, Голдуин — 274.
Снетлаге, Карл — 25.
Спиноза, Бенедикт (Барух) — 363.
Степанова, Евгения Акимовна — X.
Струве, Густав — 171, 172.
Суворов, Александр Васильевич — 227.
Сумароков, Александр Петрович — 220.
Сэй, Жан Батист — 39.

Техов, Густав Адольф — 186.
Ткачев, Петр Никитич — 396, 398—400.
Торн, Уильям Джемс — 511.
Тотлебен, Эдуард Иванович — 216.
Трепов, Дмитрий Федорович — 478.
Трир, Герсон — 434.
Тук, Томас — 64.
Тураги, Филиппо — 516—518, 535, 577.
Тьер, Адольф — 285, 286.

Уотс, Джон — 31.
Уркарт, Давид — 213.
Утин, Николай Исаакович — 295, 307, 309, 316, 394.
Уэйд, Джон — 55.

Фаухер, Юлиус — 413.
Фейербах, Людвиг — 20, 21, 24, 40, 45, 48, 49, 52, 53, 63, 68, 69, 75, 92, 445, 446, 448—451, 573.
Фельдман, Густав — 17.

Филипп II Македонский — 237.
Фирек, Луи — 344.
Фихте, Иоганн Готлиб — 24, 47.
Фишер, Рихард — 562—564, 569.
Флеминг — 34.
Флокон, Фердинан — 107, 116, 117, 129—131, 195.
Фогт, Август — 236.
Фогт, Карл — 232, 234, 244, 338, 449.
Фольмар, Георг Генрих — 376, 377, 500, 505, 554—557, 559.
Форстер, Чарлз — 220.
Франкель, Лео — 294, 366.
Фрейбергер, Людвиг — 580, 582, 584.
Фрейлиграт, Фердинанд — 5, 137, 164, 174, 185, 208, 227, 234.
Фрёбель, Юлиус — 171.
Фридрих-Вильгельм III — 8, 448.
Фридрих-Вильгельм IV — 7, 25, 34, 43, 102.
Фрицше, Фридрих Вильгельм — 344, 374, 376, 457.
Фурье, Шарль — 33, 37, 68, 88, 354.

Хаар, Герхард Бернхард, ван — 2, 151.
Хаас, Карл, де — 17.
Хаупт, Герман Вильгельм — 204.
Хейзе, Генрих — 204, 227.
Хейлз, Джон — 305, 306, 314, 317.
Хейс — 306.
Херасков, Михаил Матвеевич — 220.
Хеффгер, Мориц Вильгельм — 219.
Хёхберг, Карл — 373—376.
Хинкельдей, Карл Людвиг Фридрих — 190.
Хинрикс, Генрих Фридрих Вильгельм — 17.

Цвейфель — 157.
Цезарь, Гай Юлий — 546.
Цеткин, Клара — 536.
Циммерман, Вильгельм — 175.
Цицерон, Марк Туллий — 4.
Цулауф, Генрих — 79.

Чернышевский, Николай Гаврилович — 393, 394.

Шабелиц, Якоб — 170, 173.
Шаппер, Карл — 35, 65, 83, 86, 94, 98, 113, 129, 134, 139, 147—151, 158, 159, 187—189, 193, 194, 200.
Шванн, Теодор — 221.

- Швейцер*, Иоганн Баптист — 253, 258—260, 267, 268.
Шеицгебель, Адемар — 312.
Шелгунов, Николай Васильевич — 60.
Шелли, Перси Биши — 10.
Шеллинг, Фридрих Вильгельм — 18—21, 23, 586.
Шеню, Адольф — 177.
Шёнланк, Бруно — 555.
Шиллер, Фридрих — 244.
Шиппель, Макс — 495.
Шилтон, Джордж — 387.
Шлахтендаль — 584.
Шлейден, Маттиас Якоб — 221.
Шлейермахер, Фридрих — 13.
Шлютер, Герман — 524, 526.
Шмидт, Конрад — 420, 544, 545, 572, 575.
Шмуйлов, Владимир Яковлевич — 520.
Шнейдер II, Карл — 149.
Шорлеммер, Карл — 251, 339, 477, 493.
Шрамм, Карл Август — 373, 374, 439.
Шрамм, Конрад — 178, 185, 210.
Штарке, Карл Николай — 445.
Штейнер, Йозеф — 536.
Штеффен, Вильгельм — 204.
Штибер, Вильгельм — 200.
Штирнер, Макс — 17, 24, 45, 69, 73, 74.
Штраус, Давид Фридрих — 13, 14, 17.
Штрон, Вильгельм — 204.
Штумпф, Пауль — 117, 134.
Шюкинг, Левин — 10.
Эвелинг, Эдуард — 418, 419, 433, 468—471, 477, 491, 513, 514, 582, 584.
Эвербек, Август Герман — 44, 79, 86, 87, 89, 91.
Эккариус, Иоганн Георг — 159, 174, 185.
Эльстер, Людвиг — 543.
Энбер, Жак — 99, 101.
Энгельс, Герман — 478, 488, 534, 535, 580.
Энгельс, Мария (по мужу Бланк) — 2, 6, 190.
Энгельс, Фридрих (отец) — 1, 3—6, 16, 25, 26, 53, 54, 62, 67, 135, 151, 163, 190, 204, 243, 244, 251.
Энгельс, Элизабет Франциска Маврикия (урожденная ван Хаар) — 1, 2, 54, 151, 190, 243, 244, 290, 291, 339.
Эрмен, Антон — 135.
Эрмен, Готфрид — 243, 275.
Эрмен, К. — 135.
Эрист, Пауль — 495, 496, 544.
Юнг, Александр — 23.
Юнг, Георг — 45.
Юнге, Адольф Фридрих — 89.
Юр, Эвдрью — 55.
Якоби, Абраам — 210.
Якоби, Иоганн — 39, 106.
Янсон, Юлий Эдуардович — 392.
Ярославский, Емельян Михайлович — X.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- «Вперед! Двухнедельное обозрение» — 395.
«Вперед! Непериодическое обозрение» — 395.
«Отечественные записки» — 22.
«Слово» — 392.
«Современник» — 60.
«Социаль-демократъ» — 538.
«Социаль-демократ» — 494, 527.
«Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщая литературная газета») — 45.
«Allgemeine Militär-Zeitung» («Всеобщая военная газета») — 237.
«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») — 16, 21.
«Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета») — 500.
«L'Atelier» («Мастерская») — 107.
«L'Atelier Démocratique» («Демократическая мастерская») — 100.
«Athenäum. Zeitschrift für das gebildete Deutschland» («Атенеум. Журнал для образованной Германии») — 18.
«Berliner Volksblatt» («Берлинская народная газета») — 496.
«Berliner Volks-Tribüne. Sozial-Politisches Wochenblatt» («Берлинская народная трибуна. Социально-политический еженедельник») — 495, 572.

- «*Bote für Stadt und Land*» («Вестник для города и деревни») — 166.
- «*The Commonwealth*» («Общее благо») — 419, 469.
- «*The Commonwealth*» («Республика») — 264.
- «*La Concordia*» («Согласие») — 138.
- «*Concordia. Zeitschrift für die Arbeiterfrage*» («Согласие. Журнал по рабочему вопросу») — 421.
- «*Le Cri du Peuple*» («Клич народа») — 463.
- «*Critica Sociale*» («Социальная критика») — 500, 516, 518, 574, 577.
- «*Daily Chronicle*» («Ежедневная хроника») — 505, 549.
- «*The Daily News*» («Ежедневные новости») — 201, 222, 223.
- «*Le Débat Social, organe de la démocratie*» («Социальные дебаты, орган демократии») — 152.
- «*The Democratic Review*» («Демократическое обозрение») — 183, 184.
- «*Demokratisches Wochenblatt*» («Демократический еженедельник») — 267.
- «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-французский ежегодник») — 35, 36, 41, 43.
- «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» («Немецкая брюссельская газета») — 92, 100—103, 105—108, 127, 128.
- «*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства») — 21.
- «*Deutsche Londoner Zeitung*» («Немецкая лондонская газета») — 118.
- «*Deutsches Bürgerbuch*» («Книга для немецких граждан») — 50, 68.
- «*L'Égalité*» («Равенство»), Женева — 307.
- «*L'Égalité*» («Равенство»), Париж — 380—382.
- «*Elberfelder Zeitung*» («Эльберфельдская газета») — 12, 21, 290, 414.
- «*La Emancipacion*» («Освобождение») — 301, 314, 317, 320, 321.
- «*L'Èra nuova*» («Новая эра») — 573.
- «*La Federacion*» («Федерация») — 300.
- «*Le Figaro*» («Фигаро») — 570.
- «*The Fortnightly Review*» («Двухнедельное обозрение») — 417, 418.
- «*Freiheit*» («Свобода») — 372, 373.
- «*The Friend of the People*» («Друг народа») — 192, 193.
- «*Die Gartenlaube. Illustriertes Familienblatt*» («Беседка. Иллюстрированный журнал для семьи») — 268.
- «*Gazzettino Rosa*» («Красная газета») — 302, 304.
- «*Gesellschaftsspiegel*» («Зеркало общества») — 50.
- «*Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst*» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства») — 18.
- «*Hamburger Neue Zeitung*» («Гамбургская новая газета») — 21.
- «*The International Herald*» («Международный вестник») — 317.
- «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*» («Ежегодник социальной науки и социальной политики») — 374, 375.
- «*Justice*» («Справедливость») — 468, 512.
- «*Kölnische Zeitung*» («Кёльнская газета») — 135, 290.
- «*Kommunistische Zeitschrift*» («Коммунистический журнал») — 98.
- «*The Labor Standard*» («Знамя труда») — 367, 368.
- «*The Labour Standard*» («Знамя труда») — 387—389.
- «*Die Laterne*» («Фонарь») — 371.
- «*La Liberté*» («Свобода») — 307.
- «*The Manchester Guardian*» («Манчестерский страж») — 262.
- «*Modern Thought*» («Современная мысль») — 390.
- «*Morgenblatt für gebildete Leser*» («Утренний листок для образованных читателей») — 12, 13, 16.
- «*La Nation*» («Нация») — 152.
- «*Neue Oder-Zeitung*» («Новая одерская газета») — 211, 219.
- «*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») — 135—159, 163, 164, 166, 169, 170, 172, 174, 178, 197, 208, 218, 432, 436.
- «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — 173, 174, 188, 562.
- «*Die Neue Zeit*» («Новое время») — 429, 439, 445, 457, 499, 504, 524, 527, 543, 555, 557, 565, 575, 583.

- «*The New Moral World: and Gazette of the Rational Society*» («Новый нравственный мир и Газета разумного общества») — 32, 34.
- «*New-York Daily Tribune*» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна») — 196, 202, 211, 212, 215, 219, 222, 223, 225, 229.
- «*New-Yorker Volkszeitung*» («Нью-Йоркская народная газета») — 475, 478, 500, 524.
- «*Der Nordstern*» («Северная звезда») — 232.
- «*The Northern Star, and Leeds General Advertiser*» («Северная звезда и Лидсский всеобщий вестник») — 31, 34, 35, 55, 65, 67, 81, 87, 100, 107, 108, 127, 129.
- «*Notes to the People*» («Заметки для народа») — 185.
- «*The Pall Mall Gazette*» («Газета Пэл-Мэл») — 281.
- «*La Phalange. Revue de la science sociale*» («Фаланга. Социально-научное обозрение») — 88.
- «*La Plebe*» («Народ») — 302, 314, 318, 320, 366.
- «*Populaire de 1841*» («Народная газета 1841 года») — 131.
- «*Die Presse*» («Пресса») — 238.
- «*Progress*» («Прогресс») — 468.
- «*O Protesto*» («Протест») — 366.
- «*Przegląd naukowy*» («Научное обозрение») — 22.
- «*The Red Republican*» («Красный республиканец») — 119, 183, 192.
- «*La Réforme*» («Реформа») — 107, 108, 117, 129.
- «*Die Revolution*» («Революция») — 196.
- «*La Révolution Sociale*» («Социальная революция») — 297.
- «*La Revue socialiste*» («Социалистическое обозрение») — 382.
- «*Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform*» («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы») — 30, 50, 51, 66.
- «*Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie in Rheinland und Westphalen*» («Рейнская газета. Орган демократии в Рейнской области и Вестфалии») — 21, 25—29, 43, 45, 103, 576.
- «*Rheinische Zeitung*» («Рейнская газета») — 414.
- «*Sächsische Arbeiter-Zeitung*» («Саксонская рабочая газета») — 495, 496.
- «*Schweizerischer Republikaner*» («Швейцарский республиканец») — 31.
- «*Der Social-Demokrat*» («Социал-демократ») — 253, 254, 258—260.
- «*El Socialista*» («Социалист») — 536.
- «*Le Socialiste*» («Социалист») — 475, 500.
- «*Der Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — 373, 374, 376—378, 384, 385, 404, 439, 454, 457—459, 475, 496, 497, 575, 581.
- «*The Spectator*» («Зритель») — 190.
- «*Telegraph für Deutschland*» («Германский телеграф») — 6, 9, 11, 12, 14.
- «*The Times*» («Времена») — 201, 282.
- «*To-Day*» («Сегодня») — 419, 468.
- «*Das Volk*» («Народ») — 226—229.
- «*Volksfreund*» («Друг народа») — 500.
- «*Der Volksstaat*» («Народное государство») — 268, 278—280, 287, 289, 297, 298, 307, 310, 321, 329, 330, 332, 333, 344, 345, 378, 386, 396, 398.
- «*Der Volks-Tribun*» («Народный трибун») — 84—86.
- «*Volkswille*» («Воля народа») — 332.
- «*The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire*» («Волонтерский журнал Ланкашира и Чeshire») — 238.
- «*Vorwärts!*» («Вперед!»), Париж — 36, 44, 50.
- «*Vorwärts*» («Вперед»), Лейпциг — 345, 346, 425, 499, 502, 504, 517, 529, 555, 564, 565.
- «*Das Westphälische Dampfboot*» («Вестфальский пароход») — 76.
- «*Die Zukunft*» («Будущее») — 268, 414.
- «*Die Zukunft. Socialistische Revue*» («Будущее. Социалистическое обозрение») — 373, 374.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение V—XII

Глава первая

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ И БОРЦА 1—41

Детство и юность — 1. В торговых конторах в Бармене и Бремене — 5. Германия 40-х годов — 7. У истоков революционного демократизма — 8. «Письма из Вупперталя». Критика религии — 11. Революционно-демократические выводы из философии Гегеля — 14. В Берлине. Первые шаги к материализму — 16. Разрыв с «Молодой Германией». Энгельс и «Свободные» — 22. Сотрудничество в «Rheinische Zeitung» — 25. Знакомство с Марксом. Школа жизни в Англии — 26. Окончательный переход к материализму и коммунизму — 35.

Глава вторая

СОЗДАНИЕ ОСНОВ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ 42—76

Знаменательная встреча — 42. «Святое семейство» — первый совместный труд Маркса и Энгельса — 45. Коммунистическая пропаганда

в Германии — 49. «Эльберфельдские речи» — 51. Трудности коммунистической пропаганды — 53. «Положение рабочего класса в Англии» — 54. Переезд в Брюссель — 62. Начало борьбы против «истинного социализма» — 66. «Немецкая идеология» — 69.

Глава третья

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

77—125

Коммунистические корреспондентские комитеты — 77. Критика «ремесленного коммунизма» Вейтлинга — 81. «Циркуляр против Криге» — 83. Энгельс в Париже — 86. Маркс и Энгельс вступают в Союз справедливых — 94. Первый конгресс Союза коммунистов — 95. В авангарде рабочего и демократического движения — 98. «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» — 102. Снова в Париже — 106. «Принципы коммунизма» — 108. Второй конгресс Союза коммунистов — 113. После конгресса — 116. «Манифест Коммунистической партии» — 118.

Глава четвертая

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 ГОДОВ

126—167

Начало революционной бури — 126. В революционном Париже — 129. «Требования Коммунистической партии в Германии» — 132. Возвращение в Германию. Рождение новой газеты — 133. Тактические расхождения в Союзе коммунистов — 137. Программа «Neue Rheinische Zeitung» — 139. В гуще революционной борьбы. Сентябрьские события в Кёльне — 147. За рубежами Германии — 152. Возвращение на родину. Перед судом присяжных — 155. На пути к массовой рабочей партии — 158. Солдат революции — 160. Закрытие «Neue Rheinische Zeitung» — 164. На полях сражений Пфальца и Бадена — 165.

Глава пятая

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

168—202

Энгельс в Швейцарии — 168. Переезд в Англию — 171. «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» — 173. «Крестьянская война в Германии» — 175. Обзоры. Статьи. Рецензии — 177. Реорганизация Союза коммунистов — 178. Связи с революционными социалистами других стран — 182. Против сектантства и заговоров — 185. Раскол Союза коммунистов — 188. «Египетский плен» — 190. Совместные планы — 194. «Революция и контрреволюция в Германии» — 196. Роспуск Союза коммунистов — 199.

Глава шестая

ГОДЫ РЕАКЦИИ

203—223

Жизнь в Манчестере — 203. Нерушимая дружба — 205. Сохранение и упрочение связей с пролетарскими революционерами — 207. Публицистическая деятельность Энгельса — 211. Против колониализма и национального угнетения — 217. Научные занятия — 219.

Глава седьмая

В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

224—246

Экономический кризис 1857 года — 224. «По и Рейн» — 226. Сотрудничество в газете «Das Volk» — 227. За революционный путь объединения Италии — 228. Разногласия с Лассалем — 230. Энгельс и немецкое рабочее движение конца 50 — начала 60-х годов — 234. Военный теоретик пролетарской партии — 236. Энгельс и польское восстание 1863—1864 годов — 240. Житейские будни. Невосполнимые утраты — 242.

Глава восьмая

СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

247—276

Основание Интернационала — 247. Последние годы в Манчестере — 251. Разработка революционной тактики немецких рабочих — 252. Разрыв с редакцией «Social-Demokrat» — 258. Пути объединения Германии — 261. Обоснование позиции Интернационала в польском вопросе — 263. Создание массовой рабочей партии в Германии — 265. Изучение истории Ирландии — 271. «Ура!.. Я — свободный человек» — 275.

Глава девятая

ЗА ИДЕЙНОЕ ЕДИНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

277—325

Тактика пролетариата во франко-прусской войне — 277. Переезд в Лондон. Член Генерального Совета — 282. В дни Парижской Коммуны — 284. В защиту Коммуны — 287. Обобщение опыта Парижской Коммуны — 288. Начало борьбы с бакунизмом — 291. Лондонская конференция 1871 года — 293. Секретарь-корреспондент Генерального Совета для Испании и Италии — 299. Энгельс и борьба в Британской федерации — 304. Разоблачение тайного Альянса — 307. На Гаагском конгрессе — 310. После Гаагского конгресса — 313. За сплочение революционных сил в Италии и Испании — 318. Интернационал уходит с исторической сцены — 323.

Глава десятая

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

326—364

Новый этап рабочего движения — 326. Выступления в немецкой социал-демократической печати — 329. «К жилищному вопросу» — 332. Начало работы над «Диалектикой природы» — 338. Энгельс о проекте Готской программы — 340. «Анти-Дюринг» — энциклопедия марксизма — 344. Диалектический материализм — 346. Политическая экономия — 351. Научный социализм — 354. Болезнь и смерть жены — 358. Дальнейшая работа над «Диалектикой природы» — 358.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВМЕСТЕ С МАРКСОМ

365—406

Представитель международного социализма — 365. В борьбе против исключительного закона — 369. «Циркулярное письмо» — 373. Энгельс и образование французской Рабочей партии — 378. Первые шаги социалистического движения в Англии — 385. Изучение социально-экономического развития пореформенной России — 391. Связи с русскими революционерами — 393. Поворотный пункт во всемирной истории — 398. Занятия историей Германии — 402. Великая утрата — 404.

Глава двенадцатая

ЭНГЕЛЬС И «КАПИТАЛ» МАРКСА

407—430

К критике политической экономии — 407. Участие в подготовке I тома «Капитала» — 411. Против «заговора молчания» — 413. Подготовка третьего немецкого издания I тома — 415. Издание I тома на английском языке — 417. Работа над четвертым немецким изданием I тома — 420. Подготовка к изданию рукописей II тома — 421. Трудности в подготовке к печати рукописей III тома — 425.

Глава тринадцатая

В БОРЬБЕ ЗА ИДЕЙНУЮ ПОБЕДУ МАРКСИЗМА

431—487

«Менка» социалистов всего мира — 431. Развитие и пропаганда марксистского учения — 433. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — 439. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» — 445. За правильную тактику и политику германской социал-демократии — 453. Энгельс и французские социалисты — 461. Борьба против буланжизма — 465. Энгельс и первые английские социалистические организации — 467. За создание массовой социалистической партии английского рабочего класса — 470. Энгельс о рабочем движении в США и его перспективах — 472. Поездка в Америку — 477. Переписка и встречи с русскими друзьями — 478. Против угрозы общеевропейской войны — 482. Международный пролетариат объединяет свои силы — 484.

Глава четырнадцатая

СОВЕТНИК И РУКОВОДИТЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

488—547

На пороге 90-х годов — 488. За единство действий международного пролетариата — 490. Против оппозиционной группы «молодых» — 495. В борьбе с оппортунизмом в германской социал-демократии — 497. Критика проекта новой программы партии — 501. Первые шаги нового Интернационала — 506. Помощь французской Рабочей партии в борьбе за массы — 507. Английский пролетариат приходит в движение — 511. Первые успехи марксизма в Италии — 516. Энгельс о перспективах революции в России — 519. Энгельс и американские социалисты — 524. Разработка пролетарской тактики борьбы с угрозой войны — 526. За интернациональное сплочение революционных сил рабочего класса — 531. Поездка на европейский континент — 534. Новые форпосты социализма — 538. Научные занятия — 541. Письма об историческом материализме — 543.

Глава пятнадцатая

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ЭПОХИ

548—584

Новые тенденции в развитии капитализма — 548. Проблема крестьянства как союзника пролетариата — 553. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» — 557. Введение к «Классовой борьбе во Франции» — 562. Мысли о будущем обществе — 569. Всегда в бою — 574. Молодость духа — 579.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

585—592

Указатель имен

595—602

Указатель периодических изданий

603—605

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАСТАВОК К ГЛАВАМ

Бармен в первую четверть XIX в.	1
Париж 40-х гг. XIX в.	42
Брюссель 40-х гг. XIX в.	77
Сражение баденской революционной армии с прусскими войсками 22 июня 1849 г.	126
Заглавия периодических изданий, в которых сотрудничал Энгельс в 40—50-х гг. XIX в.	168
	609

Манчестер 40-х гг. XIX в.	203
Эпизод польского восстания 1863 г. <i>С гравюры того времени</i>	224
Дублин второй половины XIX в.	247
События 18 марта 1871 г. в Париже. <i>С гравюры того времени</i>	277
Лондон 70-х гг. XIX в.	326
Заглавия газет, в которых сотрудничал Энгельс в конце 70—80-х гг. XIX в.	365
Титульные листы изданий «Капитала», подготовленных Энгельсом	407
Вид Нью-Йорка. Вторая половина XIX в.	431
Вена 90-х гг. XIX в.	488
Истборн. <i>С открытки 1895 г.</i>	548

Э63 **Фридрих Энгельс. Биография. Изд. 2-е.** М., Политиздат, 1977.

XII, 611 с. с ил. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

На обороте тит. л. авт.: Л. Ф. Ильичев, Е. П. Кандель, Н. Ю. Колпинский и др.

Э $\frac{10103-072}{079(02)-77}$ БЗ 75—1—76

ЗК16

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. БИОГРАФИЯ

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*
Редакторы *И. П. Башкирова* и *Ю. А. Егоров*
Младшие редакторы *Н. С. Коблякова* и
Е. Б. Салынская
Художественный редактор *А. М. Ясинский*
Заставки художника *Б. А. Леженина*
Технический редактор *А. Г. Виноградова*
Корректоры *Н. С. Березовская*, *В. С. Якунина*

Сдано в набор 13 октября 1976 г. Подписано в печать 14 января 1977 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 42.13. Уч.-изд. л. 44.16. Тираж 100 тыс. экз. А 01512. Заказ № 1153. Цена 1 р. 90 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.